А. А. Новосельский

БОРЬБА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТАТАРАМИ В XVII ВЕКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории

А. А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

БОРЬБА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТАТАРАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва - 1948 - Ленинград

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

член-корр. АН СССР С. В. БАХРУШИН

Perseus & Grizli 973
сборка, очистка, редизайн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Падение Золотой орды еще не означало прекращения борьбы Московского государства с татарами. Покорение Казани и Астрахани и подчинение ногайской орды в XVI в. были огромным успехом правительства Ивана IV, но также не были концом вековой борьбы с татарами. В XVII в. Московскому государству приходилось иметь дело с последними из уцелевших татарских царств — Крымом и ногайскими ордами, и тем не менее борьба с ними все еще сохраняла значение весьма важного фактора в жизни Московского государства.

Нашей задачей было выяснить силы, вызывавшие постоянную военную активность татар, условия, ее поддерживавшие и придававшие борьбе Московского государства с татарами тяжелый и затяжной характер; установить связь этой борьбы с внешней политикой московского правительства и ее влияние на внутреннюю правительственную деятельность; проследить ход борьбы, изменения ее форм и ее результаты.

Важнейшей проблемой исследования было выяснение связи военной активности татар с внутренним состоянием и строем Крыма. Обычно на вопрос о причинах неустанной военной активности татар буржуазные историки отвечали признанием «хищничества» татарской политики. Но такого рода ответ не дает объяснения поведению татар. Руководящим в настоящем исследовании является положение В. И. Ленина о том, что войны имеют глубокие исторические, социальные и экономические корни. «Мне кажется,— говорит В. И. Ленин,— что главное, что обыкновенно забывают в вопросе о войне, на что обращают недостаточно внимания, главное, из-за чего ведется так много споров и, пожалуй, я бы сказал, пустых, безнадежных, бесцельных споров,— это забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали». [1] «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия».[2] Эти положения В. И. Ленина особенно важны для выяснения внешней политики татар, в частности крымских, как стороны нападающей.

Скудость сохранившихся до нашего времени источников, касающихся внутренней истории Крыма, такова, что изучение ее от ранних историков Крыма до новейших исследователей мало продвинулось вперед. До сих пор приходится довольствоваться краткими и схематичными заключениями и суммарными характеристиками экономического развития Крыма

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXX, Изд. 3, стр. 332.
[2] Там же, стр. 333.

и его социального строя.[3] Следовательно, мы имеем недостаточную опору в предшествующих работах для ответа на поставленный вопрос об экономических и классовых корнях крымской политики. Свойство документального материала, которым располагаем мы и который положен в основу настоящего исследования, материала, главным образом, дипломатического, таково, что вопросы внутреннего состояния Крыма находили в нем весьма слабое отражение. Поэтому задача исследования состояла в том, чтобы, накапливая отдельные наблюдения, показывающие связь внутреннего состояния и строя Крыма с его внешней политикой, постепенно подойти к более или менее полному и обоснованному ответу на поставленный вопрос. В самой общей форме вывод, к которому мы пришли в результате настоящего исследования по изложенному вопросу, дан нами в заключении. Продолжение исследования, может быть, приведет к более развернутому и конкретному обобщению.

Московско-татарские отношения имели глубокие внутренние корни и давнюю историческую традицию, но развивались они в связи с международной обстановкой. Проследить эту связь также является нашей задачей. Важнее всего было выяснить и показать воздействие на борьбу Московского государства с татарами политики польского и турецкого правительств. Воздействие Польши обнаруживается нагляднее, и характер его определяется проще. Гораздо сложнее обстоит вопрос о роли Турции в московско-татарской борьбе, поскольку татарский мир находился в разнообразных связях с Турцией, в частности, Крым был вассальным турецким владением.[4] Влияние других государств, как более отдаленное и косвенное, мы отмечаем лишь в тех случаях, когда оно отражалось на борьбе Московского государства с татарами.

В работе дано по возможности детальное описание татарских нападений на русские пределы, принимая во внимание, что существующие в науке представления об их ходе, характере и организации неполны, неточны и схематичны. Восстановление фактической стороны дела очень важно, поскольку с ходом татарских нападений, усилением и ослаблением их, а также направлением их была связана внешняя и внутренняя политика московского правительства, и поскольку в борьбе с татарами непосредственно участвовала и от нее страдала вся масса южнорусского населения. Организация борьбы с татарами и оборонительные мероприятия уже не раз подвергались изучению. Поэтому, не входя в исследование таких мер, как построение оборонительных черт, организация сторожевой и станичной службы, мы имели в виду установление общей связи оборонительной политики московского правительства с ходом татарских нападений и международной обстановкой, а также — конкретное описание татарских нападений и борьбы с ними. Кроме того, мы уделили больше внимания политике русского правительства в отношении южного населения, приемам заселения новых городов и связанному с ними и всей военной обстановкой передвижению населения на южной окраине государства, вопросам, затронутым мало или совсем не затронутым в предшествующей литературе.

В план исследования входит характеристика дипломатических сношений Москвы с Крымом, поскольку в них проявлялась, хотя и в иной

---

[3] Лучшую и новейшую работу по внутренней истории Крыма представляет статья В. Е. Сыроечковского, Мухаммед-Герай и его вассалы (Ученые записки Московского университета, вып. 61, М., 1940. Сравни: Ф. Хартахай, Исторические судьбы крымских татар (Вестник Европы, 1866, т. II; 1867, т. II).

[4] Русско-турецкие отношения исследованы в работе Н. А. Смирнова, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II, М., изд. МГУ, 1946 (Ученые записки Моск. гос. университета, вып. 94).

форме, все та же борьба. Богатейший материал по организации дипломатических сношений и дипломатическому быту затронут нами лишь в незначительной степени.

Орде Больших ногаев посвящен в работе ряд специальных разделов, в которых прослежена судьба орды за весь исследованный период: отмечены и освещены этапы, когда орда находилась в русском подданстве, когда она ускользала из подданства, «изменяла» Москве, перемещалась по степям, вступала в крымское подданство, распадалась и слабела. Участие ногаев в нападениях на Русь изучено нами с той же полнотой, как это было возможно сделать в отношении крымцев.

Донское казачество включено нами в исследование лишь в той мере, в какой оно влияло на ход борьбы с татарами и было орудием московской политики. Настоящая работа отнюдь не претендует охватить все проблемы истории донского казачества.

Используя в изложении обильный фактический материал, автор руководствовался постановлением СНК и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. Это постановление признало преподавание истории в школах СССР неудовлетворительным потому, что оно подменяло связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами: постановление требовало живого, конкретного в хронологической последовательности изложения, подводящего к марксистскому пониманию истории. Тем бóльшую силу имеет это постановление в отношении монографических исследований, выдвигающих новые положения и новые обобщения.

Изучаемый нами период начинается сильнейшими татарскими вторжениями, происходившими одновременно с польской интервенцией. В то время страна, боровшаяся за свое существование, была бессильна оказать татарам какое-либо сопротивление, и они беспрепятственно действовали на всем пространстве южной части государства. Затем последовал довольно длительный период затишья, когда татарские набеги были сравнительно незначительными и редкими. С начала 30-х годов татарские вторжения вновь приобрели большой размах и стали оказывать сильнейшее воздействие на внешнюю и внутреннюю политику московского правительства. Во второй половине 40-х годов в ходе борьбы с татарами ясно наметился перелом в пользу Московского государства. Нападения татар происходили и в дальнейшем, но они становились более редкими, встречали отпор, не проникали глубоко и не угрожали центральным районам страны.

Таков хронологический охват первой части нашего исследования. Московско-татарские отношения периода восстания украинского народа против польского господства и длительной войны Московского государства с Польшей составят содержание второй части исследования.

Общее построение работы представляет собой сочетание хронологического изложения с систематизацией материала по основным темам исследования. Работа состоит из восьми глав в хронологической последовательности; внутри глав материал систематизирован. Такой прием изложения, кажется нам, лучше всего вскрывает последовательность развития изучаемого процесса и в то же время дает возможность яснее представить себе связь различных его сторон. Первая из глав, вводная, содержит краткий и общий очерк московско-татарских отношений со времени Ливонской войны до конца XVI в. Остальные главы посвящены основной теме исследования.

В приложении I дан перечень татарских набегов на Русь во второй половине XVI в. Помещая эти сведения в приложении, мы имели в виду разгрузить изложение вводной главы, а также дать материал, который может быть полезен при дальнейшем детальном изучении московско-та-

тарских отношений в XVI в. В приложении II мы произвели подсчет потерь, которые причинили татары Московскому государству в первой половине XVII в. полоном, требованием поминок и другими расходами на дипломатические сношения. В приложении III дана родословная таблица потомства кн. Исмаила. В конце приложены две краткие схематические карты крупнейших татарских набегов в 30 и 40-х годах, характеризующих перемещение направления набегов в эти десятилетия и районы действия татар.

Избранный нами для исследования период московско-татарских отношений принадлежит к числу наименее изученных в буржуазной историографии. Можно назвать лишь одну-две статьи, освещающие отдельные моменты и частности нашей темы. [5] Работ монографического характера не имеется вовсе. По истории Крыма известен труд В. Д. Смирнова, [6] но он почти не затрагивает московско-крымских отношений изучаемого нами периода; объясняется это прежде всего тем, что автор изучает лишь историю Крыма, понимаемую им, как историю крымских ханов, а также тем, что он пользовался крымскими и турецкими источниками и не привлекал источников русских. Вследствие этого, вопрос о московско-крымских отношениях и после появления труда В. Д. Смирнова остался открытым для исследования. По той же причине важные для нас сведения и наблюдения В. Д. Смирнова по внутренней истории Крыма нуждаются в проверке, что мы и делаем в изложении в соответствующих местах. В общем труде С. М. Соловьева «История России» содержатся сведения фактического характера об отдельных моментах из истории русско-татарских отношений в первой половине XVII в. В трудах по истории Турции Гаммера (Hammer) и Цинкэйзена (Zinkeisen), имеющих столетнюю давность, упоминания о крымско-русских отношениях настолько разрозненны и беглы, что не дают о них сколько-нибудь связного представления и могут быть использованы только в качестве отдельных фактических справок.[7] В польской исторической литературе нет трудов, посвященных нашей теме.

В новейшей работе советского историка Н. А. Смирнова «Россия и Турция в XVI—XVII вв.» отведено значительное место русско-турецким отношениям в первой половине XVII в. Было бы весьма важно выяснить влияние Турции на политику Крыма. Но по этому вопросу автор стоит на односторонней, как нам представляется, точке зрения, что поведение Крыма в отношении Русского государства было лишь формой турецкой агрессии. К тому же Н. А. Смирнов считает русско-крымские отношения достаточно подробно изученными в трудах С. М. Соловьева и В. Д. Смирнова и не подвергает их самостоятельному исследованию.

---

[5] В. М. Базилевич. Из истории московско-крымских отношений в первой половине XVII в. Посольство Т. Я. Анисимова и К. Акинфиева в Крым в 1633—1634 гг., Киев, 1914, III, 23 стр.— К. Н. Бережков. Крымские шертные грамоты. «Чтения в историч. обществе Нестора Летописца», 1894, кн. 8.— Ф. Ф. Лашков. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.), т. IV, 1889.— Статьи Бережкова и Лашкова лишь частично касаются XVII в.

[6] В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в., СПб., 1887.

[7] Кроме трудов названных авторов по истории Турции, следует еще указать: Hammer. Geschichte der Chanen der Krim. 1852. Но эта работа представляет собой извлечения из «Истории Турции» того же автора с небольшими лишь дополнениями. Howorth H. History of the Mongols. P. II. London. 1880. K. VII. The Khans of Krim, p. 448—626. В главе дан краткий и компилятивный очерк истории Крыма. Из еще более старых работ назовем Сестренцевича Б. и Langlès L.; ссылки на них см. ниже.

Вследствие этого в работе Н. А. Смирнова внутренние мотивы крымской политики остаются невскрытыми.[8]

Важность темы и отсутствие специальной литературы, ей посвященной, обосновывает необходимость монографического ее исследования, притом преимущественно по первоисточникам, весьма значительное количество которых хранится в наших архивах.

Из архивных фондов нами использованы материалы Посольского приказа, а именно, дела Крымские, Турецкие, просмотренные почти сплошь, дела Ногайские и Кабардинские. Отдельные группы материалов взяты из дел Греческих, Молдавских, Персидских, Польских и некоторых других.

Наиболее ценными из состава дипломатических документов являются статейные списки; о значении этого первоклассного источника нет надобности распространяться. Дополнением к статейным спискам являются показания в Посольском приказе приезжавших из Крыма и Турции гонцов, толмачей и переводчиков о состоянии там дел и отписки посланников. Далее, по важности и ценности следуют дела о приеме в Москве турецких и крымских дипломатических представителей; наиболее ценной частью этих дел являются записи переговоров с турецкими и крымскими послами и гонцами в Посольском приказе, а также списки грамот султанов и крымских царей. Дела об отправлении в Турцию и Крым московских послов, посланников и гонцов ценны содержащимися в них наказами, в которых дается формулировка дипломатического поручения, списками царских грамот и обильными материалами о снаряжении посольств, выборе для них лиц, приготовлении поминок и всевозможных иных расходах, связанных с посольствами. Дела о «размене» послами и посланниками с Крымом под Валуйкой, статейные списки о «размене», переписка с лицами, производившими ее, содержат сведения о предварительных переговорах с разменным беем или пашой, а также побочные сведения о различных происшествиях на московской украйне в период «размены». Среди дел Посольского приказа, не укладывающихся в перечисленные основные категории, встречаются докладные выписки, содержащие исторические справки и сводки по различным вопросам, например, о нарушениях крымцами мирных соглашений, о размере и стоимости поминок, о расходах на содержание крымских послов и гонцов в Москве и т. п. Назовем также дела о земских соборах по вопросам внешней политики; помимо известных дел о соборе об Азове 1642 г., укажем еще на материалы о неизвестном до сих пор в литературе земском соборе 1639 г. по вопросу об отношениях к Крыму в связи с насилиями крымцев над посланниками И. Фустовым и И. Ломакиным.[9] Таковы основные виды материалов дипломатического характера, привлеченных нами к исследованию.

Из дел Ногайских и Кабардинских нами использованы в первую очередь отписки астраханских и терских воевод. С Калмыцкими делами мы познакомились по обширным выпискам, любезно предоставленным нам для использования С. К. Богоявленским. Дополнением к опубликованным Донским делам являются чрезвычайно интересные войсковые отписки, находящиеся в делах об отправлении московских послов в Турцию и в опубликованные дела не вошедшие. Широко привлечены нами дела Разряда, разновидности которых хорошо известны в научной литературе.

Все использованные нами архивные материалы взяты из Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА).

---

[8] Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II, М., изд. МГУ, 1946 (Ученые записки Моск. гос. университета, вып. 94). См. нашу рецензию на книгу Н. А. Смирнова, «Вопросы истории», 1948, № 2.

[9] См. нашу статью: «Земский собор 1639 г.», «Исторические записки», 1947, кн. 24.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ К ТЕКСТУ

Архивные материалы:

Белгород. ст.	— столбцы Белгородского стола Разряда
Владимир. ст.	— столбцы Владимирского стола Разряда
Греческие д.	— Греческие дела (столбцы) Посольского приказа
Денеж. ст. кн.	— книги Денежного стола Разряда
Дополнит. ст.	— столбцы Дополнительного отдела Разряда (быв. «Безгласные»)
Кабард. д.	— Кабардинские дела (столбцы) Посольского приказа
Калмыц. д.	— Калмыцкие дела (столбцы) Посольского приказа
Кн. разр.	— книги разрядные из рукописного отдела библиотеки б. Архива Министерства иностранных дел
Крым. д.	— Крымские дела (столбцы) Посольского приказа
Крым. кн.	— Крымские книги Посольского приказа
Молдав. д.	— Молдавские дела (столбцы) Посольского приказа
Москов. ст.	— столбцы Московского стола Разряда
Ногайск. д.	— Ногайские дела (столбцы) Посольского приказа
Ногайск. кн.	— Ногайские книги Посольского приказа
Персид. д.	— Персидские дела (столбцы) Посольского приказа
Польск. д.	— Польские дела (столбцы) Посольского приказа
Польск. кн.	— Польские книги Посольского приказа
Помест. ст.	— столбцы Поместного стола Разряда
Приказ. ст.	— столбцы Приказного стола Разряда
Севский ст.	— столбцы Севского стола Разряда
Турец. д.	— Турецкие дела (столбцы) Посольского приказа
Турец. кн.	— Турецкие книги Посольского приказа
Швед. д.	— Шведские дела (столбцы) Посольского приказа

Издания:

ААЭ	— Акты Археографической экспедиции
Акты времени Лжедимитрия I	— Акты времени Лжедимитрия I (1603—1606 гг.). Под ред. Н. Р. Рождественского. «Чт. МОИ и ДР», 1918, кн. 1
Акты времени ц. В. Шуйского	— Акты времени правления царя Василия Шуйского. Собр. и редакт. А. М. Гневушевым, М., изд. МОИ и ДР, 1914
Акты времени междуцарствия	— Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина, М., 1915
АИ	— Акты исторические
АМГ	— Акты Московского государства
Акты подмосковных ополчений	— Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. С предисл. С. Б. Веселовского. М., изд. МОИ и ДР, 1911, кн 4
Акты, собр. Тургеневым	— Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, т. II, СПб., 1842
Дон. д.	— Донские дела
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
Зап. Одесс. обва	— Записки Одесского общества истории и древностей
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская историческая библиотека
СГГ и Д	— Собрание государственных грамот и договоров
Синб. сб.	— Синбирский сборник, М., 1845 г.
СРИО	— Сборник Русского исторического общества
Чт. МОИ и ДР	— Чтения в Московском обществе истории и древностей российских при Московском университете

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ
МОСКОВСКО-ТАТАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Содержание: *1. Общие замечания о взаимоотношениях Москвы, Польши и Крыма накануне Ливонской войны. — 2. Распадение орды Больших ногаев в 50-х годах XVI в. и его значение в связи с Ливонской войной. — 3. Роль татар в Ливонской войне. — 4. Московско-татарские отношения в период от окончания Ливонской войны до начала 90-х годов. — 5. Установление мира на южных границах Московского государства в конце XVI в.: Москва и Большие ногаи, Москва и Крым, состояние обороны Московского государства.*

< 1 >

Целью настоящей вводной главы является выяснение происхождения и характера московско-татарских отношений, сложившихся к исходу XVI в. Для этого мы даем краткий обзор основных этапов московско-татарских отношений за вторую половину века, не претендуя на полноту изложения и исчерпывающее использование источников. Мы не восходим к более раннему времени, потому что именно в период Ливонской войны возникло особенно резкое обострение московско-татарских отношений, разрешившееся только к концу века установлением мира.

Московское правительство и его дипломатические представители на всем протяжении XVI в., склоняя крымских царей к миру и союзу, не могли указать в прошлом никакого другого примера дружественных и союзных с Крымом отношений, кроме времени Менгли Гирея. Однако международная ситуация, обусловившая этот союз московских государей с Крымом, впоследствии никогда более не повторялась. С тех пор Московское государство и Крым противостояли друг другу, как противники, находившиеся между собой в открытой борьбе, лишь по временам затихавшей и приобретавшей форму скрытого антагонизма. Суждения о том, что в отношениях к своим соседям, Московскому государству и Польше, татары руководствовались исключительно соображениями корыстолюбия и заключали союз то с Москвой, то с Польшей, смотря по тому, какая сторона больше уплатит поминок, [1] исходят из признания такой степени примитивности поведения крымцев, что в нем нельзя было предполагать каких-либо политических мотивов. Между тем у крымцев в их отношениях к соседям был определенный политический расчет. Среди своих соседей они скоро и совершенно правильно выделили, как

[1] См., например Ф. Хартахай. Исторические судьбы крымских татар. «Вестник Европы», 1866, июнь, с. 202, 208, 233. М. Н. Бережков. Русские пленники и невольники в Крыму. «Труды VI Археологического съезда в Одессе», т. II, 1888, с. 343—345.

наиболее опасного своего противника, не Польшу, а Московское государство.

В XVI в. явно обнаружился рост силы Московского государства. Молодое Русское государство быстро расширялось и на восток, и на запад. От активного вмешательства в дела Казанского царства оно перешло к прямому наступлению, закончив его захватом Казани и Астрахани, подчинением себе большой ногайской орды и проникновением в Предкавказье. Всем ходом истории Московское государство было поставлено перед необходимостью довести до конца борьбу с разрозненными частями «Большой орды», некогда угнетавшей Русь. Московское правительство, кто бы ни стоял во главе его, никогда не упускало из виду решения этой конечной задачи, хотя бы в очень отдаленном будущем. Польша сама по себе не представляла для Крыма серьезной опасности. Кроме того, внешняя политика Польши контролировалась соседней с ней могущественной Турцией. Вследствие этого, крымцам было нетрудно определить, с какой стороны их подстерегает опасность и откуда следует ожидать новых ударов.

Более того, усиление Московского государства явно нарушало политическое равновесие в Восточной Европе и угрожало не только Крыму, но и Польше. Объективные политические интересы вынуждали польских королей, истых католиков, даже Сигизмунда III, по выражению Г. В. Форстена, «настоящего сына римской курии, афилированного члена иезуитского ордена», [2] не только уклоняться от участия в антитурецких лигах, но даже опираться на союз с «поганством» против Московского государства. Крым и шляхетская Польша были естественными союзниками в борьбе с Московским государством. Поэтому на всем протяжении XVI в., после выхода Менгли Гирея из союза с Василием III, и в XVII в. татары во всех случаях столкновений Московского государства с Польщей оказывались на стороне последней. Попытки московской дипломатии добиться союза с Крымом против Польши обычно не давали результата.

В течение Ливонской войны расчет польского правительства на содействие татар всегда оставался неизменным. Король Сигизмунд II, как это показано Форстеном, вел сложнейшую дипломатическую игру по вовлечению в борьбу против Ивана IV западноевропейских стран. Осуществление этих планов встречало множество препятствий. Несравненно легче было добиться помощи со стороны Крыма; для этого не требовалось никакой сложной дипломатии. Укажем, что польское правительство в течение Ливонской войны три раза (в 1558, 1567 и 1578 гг.) возобновляло союз с Крымом, охотно забывая о нарушениях им ранее заключенных соглашений. Выгоды от союза с татарами в глазах польского правительства сторицей окупали ущерб, который причиняли польским владениям татарские набеги. Отношение польского и московского правительств к ущербу, который причиняли татарские набеги, существенно между собой различалось. Нападения татар не угрожали политическим центрам Польши и почти не затрагивали коренных польских земель; бедствия Украины не так уже болезненно задевали польское правительство. [3] Совсем иное значение имели нападения татар для Московского государства: татары полонили коренное русское население, они проникали в центральные области государства и достигали в XVI в. Москвы. Уже по одним этим соображениям шляхетской Польше было легче итти на

---

[2] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I. Борьба из-за Ливонии, СПб., 1893, с. 503.

[3] Бережков. с. 345. Яркий пример отношения поляков к татарским погромам на Украине.

соглашение с татарами. Для оправдания этих соглашений, порочивших репутацию польских королей, как правоверных католиков и передовых борцов с «врагами креста Христова», король Стефан Баторий разработал целую теорию завоевания Московского государства с тем, чтобы впоследствии обратить все силы против татар и турок и, таким образом, осуществить планы римского папы. Стефан Баторий в приподнятом тоне говорил о том, что Московии грозит захват ее турками; если это случится, то тогда горе Европе. Ввиду этого вся Европа должна поддерживать завоевательные планы короля в Московском государстве. В плане Стефана Батория вызывает удивление то, что он считал допустимым, пользуясь содействием султана, не только обеспечить себе мир с Крымом, но и содействие со стороны последнего против Московского государства.[4] Разработанная Баторием теория пришлась по вкусу его преемнику Сигизмунду III, который снова пустил ее в оборот, начиная вооруженное вмешательство в московские дела.

В январе — феврале 1556 г. при переговорах с польским послом кн. С. Ф. Збаражским царь Иван IV предложил польскому правительству вечный мир и союз против Крыма. Поляки отклонили это предложение, и переговоры закончились заключением только перемирия на 6 лет.[5] В 1558 г. Иван IV через своего посланника Р. В. Ольферьева снова возбудил вопрос о вечном мире и союзе против крымцев, и снова польское правительство отклонило предложение. Сношения по этому вопросу закончились переговорами в декабре 1558 г.— марте 1559 г. в Москве с литовскими послами В. Тишкевичем с товарищами. В течение всех этих переговоров поляки выставили два основных возражения против московского предложения: первое возражение заключалось в том, что турецкий султан, как непосредственный сосед Польши, в случае войны с Крымом непременно вступится за него; польское правительство не верит в то, что в этот опасный момент московский государь придет ему на помощь. Возражение это было весьма существенным: несомненно, союз с Московским государством против татар испортил бы отношения Польши со страшным для нее соседом, Турцией; основателен был также скептицизм поляков, что царь Иван IV, начав войну с Ливонией, оказал бы Польше помощь против Крыма и Турции. Второе возражение поляков против союза с московским правительством было еще более важным. В. Тишкевич откровенно заявил в Москве: «и только де крымского избыв, и вам не на ком пàсти, пàсти вам на нас»,[6] т. е. разделавшись с Крымом, московский государь нападет на Польшу. Нельзя не признать возражения польских дипломатов против союза с московским правительством основательными. Отклонив московское предложение, польское правительство, говорит С. М. Соловьев, «откровенно признало, что не хочет союза с Москвой против татар, потому что Москва опаснее для него, чем Крым».[7]

Московское правительство предвидело опасность вмешательства татар в Ливонскую войну; а тем более их союза с Польшей. Настойчивые дипломатические предложения царя Ивана IV Польше договора о мире и союзе против Крыма имели своей целью разъединить между собой Польшу и Крым и удержать их от вмешательства в войну. Именно так и поняли намерения Ивана IV в Польше и поэтому отклонили его предложения. По тем же основаниям несколько позднее и крымцы отклонили

---

[4] Сборник статей о Стефане Батории: Etienne Batory — roi de Pologne — prince Transylvanie. Cracovie, 1935, p. 147, 160—162, 185—188, 191, 197—198, 202—203 383 и др. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1897, p. 260—264, 287, 312.

[5] СРИО, т. 59, с. 485 и сл., 516 и сл.

[6] СРИО, т. 59, с. 548, 576—578.

[7] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 130.

предложение Ивана IV о заключении мирного соглашения. Польша и Крым одинаково боялись дальнейшего усиления Московского государства; их интересы совпадали, и они предпочли союз между собой против Москвы мирным предложениям Ивана IV.

Ливонская война была задумана царем Иваном IV задолго до ее начала, но к ней нельзя было приступить, имея на востоке неразрешенным вопрос о Казани и Астрахани. Завоевание Казани и Астрахани было крупнейшим успехом правительства царя Ивана IV. Это был подвиг, который, как говорит С. М. Соловьев, превратил Ивана IV в глазах последующих поколений «в самый величественный образ в русской истории, загораживающий собой все другие образы,— именно такой, каким был для русских людей двух последних веков образ Петра Великого». [8] Но для царя Ивана IV завоевание Казани и Астрахани имело и другое значение, как операции подготовительной к постановке на очередь еще более важной задачи — завоевания побережья Балтийского моря.

Нет сомнения, что в московских правительственных кругах обсуждался вопрос об общем стратегическом положении, которое должно было сложиться в течение Ливонской войны в случае вмешательства в нее татар. Отзвуки этого обсуждения мы находим в произведениях кн. А. М. Курбского. Так, кн. Курбский осуждал царя Ивана IV за то, что он не довел до конца покорения Казанской земли, не послушал данного ему совета, «не исходить оттуда, дондеже до конца искоренить от земли оные бусурманских властителей...» Следствием этой ошибки, по мнению Курбского, была борьба с восстанием в Казанской земле во время Ливонской войны. Такой же смысл имеет осуждение Курбским царя Ивана IV за то, что он не воспользовался голодом, мором, распадением орды Больших ногаев и таким же тяжелым положением Крыма для нанесения последнего и окончательного удара «врагам своим старовечным христианским кровопивцам». [9] Мы не входим в обсуждение вопроса о правильности обвинений, предъявленных Курбским царю Ивану IV, и об осуществимости в то время проекта похода на Крым. По этому вопросу большинство историков правильно становится на сторону царя Ивана IV. [10] Курбский писал тогда, когда эффект татарских вторжений и восстания в Казанской земле обнаружились в полной мере, и ему было легко доказывать свою правоту и дальновидность. Очевидно также, что царь Иван IV хорошо понимал серьезную опасность, угрожавшую Московскому государству со стороны татар в течение войны за Ливонию. Это ясно из его настойчивых попыток разъединить Польшу с Крымом, из попыток активной обороной против татар в 1558 и 1559 гг. обеспечить свободу действий на западном фронте.

Остается указать на то, что правительства других европейских государств, отложив в сторону благочестивые соображения об опасности со стороны мусульманства, с упованием взирали на татар, как на силу, облегчавшую борьбу с московским государем, стремившимся проложить себе выход к Балтийскому морю. [11]

---

[8] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 84—86.

[9] РИБ, т. XXXI, с. 218, 238—240.

[10] Обстоятельное сопоставление мнений историков по этому вопросу см. у Д. И. Иловайского, История России, т. III, с. 636, примеч. 36.— Данный здесь перечень мнений следует дополнить мнением С. Ф. Платонова, признающего правоту царя Ивана IV и неосуществимость наступления на Крым в те времена («Иван Грозный», Птг., 1923, с. 102—104).

[11] Форстен, т I, с. 158—159, 190—193, 674.— В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвой и речью Посполитой. СПб., 1904, с. 40. М. Щербатов, История Российская, т. V, ч. 2, СПб., 1789, с. 50—51 (о сношениях Кетлера с Крымом).

Прежде чем остановиться на выяснении вопроса о роли татар в Ливонской войне, необходимо хотя бы коротко коснуться весьма важного изменения в состоянии орды Больших ногаев, происшедшего в средине 50-х годов XVI в.

Общий ход событий в орде Больших ногаев в 50-х годах XVI в. достаточно известен. Ожесточенная борьба среди потомков кн. Мусы находилась в теснейшей связи с захватом русскими Поволжья. С покорением Казани и Астрахани и утверждением русской власти по всему течению Волги орда Больших ногаев естественно теряла преимущества своего положения на нижнем течении Волги, свою влиятельную роль и была поставлена перед необходимостью новой ориентации. Положение орды осложнялось тягчайшим продовольственным кризисом, несомненно, связанным с перерывом сношений орды с Казанской землей. Тяжелое положение орды яркими красками изображали современники (Курбский и Дженкинсон), а также представители московского правительства, посещавшие орду в эти годы. [12] Потомство кн. Мусы распалось на ожесточенно боровшиеся между собой группы мурз. Кн. Юсуф, представитель старых традиций и притязаний на сохранение прежней влиятельной роли орды, потерпел поражение и погиб в борьбе с братом своим кн. Исмаилом. Но борьбу продолжали дети кн. Юсуфа, во главе со старшим его сыном Юнусом, а также множество других мурз, которые лишались своей доли в ногайских улусах с приходом к власти кн. Исмаила.

Не подвергая исследованию всего кризиса, перенесенного ордой, что выходило бы за пределы вводной главы нашей работы, мы остановимся несколько подробнее лишь на двух последствиях кризиса, важных для Московского государства — подчинении орды Москве и ее распаде на новые независимые друг от друга орды. Оба эти факта еще не были с достаточной точностью установлены в литературе.

В начале 1554 г. царь Иван IV направил в орду «большого посла» Микулу Бровцына в сопровождении казаков Девлетхози Усеинова и Кадыша Кудинова для переговоров о «добром деле». Бровцын должен был уведомить кн. Исмаила о посылке русских войск под командованием кн. Пронского для захвата Астрахани, требовать помощи в операциях против Астрахани, а также попытаться привести кн. Исмаила к шерти московскому государю. Послу было предписано решительно отказывать кн. Исмаилу, если он обнаружит претензии, именовать себя в шертной записи отцом или братом Ивана IV. Эта первая попытка заключения соглашения с кн. Исмаилом, по донесению Бровцына, не имела успеха. Бровцын, вернувшийся в Москву в июле 1554 г., сообщил об ограблении его по приказу князя, об отказе в военной помощи и в принесении шерти. [13]

В начале следующего 1555 г. царь Иван IV направил в орду новое посольство И. Т. Загряжского с тем же поручением о приведении к шерти кн. Исмаила. Из документов этого посольства обнаруживается, что кн. Исмаил уже шертовал перед казаком Девлетхозей Усеиновым, очевидно, во второй половине 1554 г., после отъезда из орды М. Бровцына. Содержание этой первой шертной записи кн. Исмаила нам неизвестно (запись не сохранилась), но оно было таково, что не удовлетворяло московское правительство: «то дело тогда вскоре (т. е. спешно) учинилось», в записи

---

[12] Курбский. РИБ, т. XXXI, с. 238.—А. Дженкинсон. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с англ. Ю. В. Готье, 1937, с. 169—172.

[13] Ногайск. кн. № 4, л. 206, 210 об.— 213, 219, 242—244. Шерть — присяга.

написано «несполна», и та шерть «не добре верна». В грамотах в Москву, уже после поездки М. Бровцына, кн. Исмаил осмеливался называть себя отцом Ивана IV или претендовал на отношения братства, т. е. явно не хотел итти на признание своей вассальной зависимости от Ивана IV. Возможно, что именно эти притязания кн. Исмаила нашли отражение в первой шертной записи, что не удовлетворяло московское правительство и побуждало его к новым попыткам приведения кн. Исмаила к шерти на новых условиях. Однако посольство И. Загряжского не увенчалось успехом: кн. Исмаил отказался от повторения шерти под предлогом происходивших тогда в орде вооруженных столкновений. [14]

В начале 1556 г. предполагалось отправить в орду А. Тишкова с тою же целью. Документов этого посольства не сохранилось; можно предполагать, что оно не состоялось. Во всяком случае, из последующего совершенно ясно, что никакой шерти московскому государю кн. Исмаил в 1556 г. не приносил. [15]

Удалось это лишь в 1557 г., когда посланный в орду сын боярский Петр Совин добился, наконец, от кн. Исмаила повторения шерти. В московской грамоте кн. Исмаилу говорится о неудовлетворительности шертованья перед Девлетхозей Усеиновым в 1554 г. Однако кн. Исмаил и на этот раз не согласился принять московского проекта шертной записи, говоря, что «по тому списку в разум им не войдет», и принес шерть на записи, составленной им самим. В этой записи кн. Исмаил не называет себя ни отцом, ни братом Ивана IV, но уклоняется от признания себя и его сыном. [16] Кн. Исмаил шертовал «белому царю», не определяя точнее своих отношений к Ивану IV в обычной для того времени форме: братство означало бы отношение равных между собой союзников, сыновство — прямое признание вассальной зависимости. Поскольку в посольских делах не сохранилось московского проекта шертной записи, мы не знаем, добивалось ли московское правительство от кн. Исмаила формального признания своей зависимости, но можем предполагать, что этого не было. Кн. Исмаил обязался другу царя Ивана другом быть, а врагам его врагом быть, «до своего живота» быть с Иваном IV в «любви», «заодин на недруга стояти и пособляти, как можно», с Крымом «воеватися» и от царя Ивана «не отстати». Кн. Исмаил обязался запретить своим татарам нападать на московские владения, не причинять насилий и «завороши» русским послам; друг другу «лиха не делати». Хотя кн. Исмаил отказался принести шерть на образцовой московской записи, и отношения зависимости не получили в шертной записи ясного выражения, Иван IV тем не менее был удовлетворен присягой и отправил в орду значительные подарки. [17]

Итак, кн. Исмаил шертовал Ивану IV дважды, в 1554 и 1557 гг., [18] но только со времени второй присяги следует начинать отношения зависимости Ногайской орды от Московского государства. Кн. Исмаил принял на себя обязательства помогать московскому правительству в борьбе с его противниками и соблюдать с ним мир. Обязательства эти были вынужденными. Ведя ожесточенную борьбу за власть в орде со своими внутренними противниками и считаясь с постоянной угрозой нападения со стороны вновь сложившейся Казыевской орды, кн. Исмаил не смог

---

[14] Ногайск. кн. № 4, л. 246—247 об., 264—273, 294—298.
[15] Ногайск. кн. № 4, л. 310—321.
[16] Ногайск. кн. № 5, л. 1, 16 об.— 17, 23 об., 26—30, 36 об.—38.
[17] Ногайск. кн. № 5, л. 1, 16 об.— 17, 23 об., 26—30, 36 об.—38.
[18] У С. М. Соловьева дата принесения шерти кн. Исмаилом не установлена точно. Из указания С. М. Соловьева в рассказе о событиях 1555 г. можно заключить, что он относил принесение кн. Исмаилом шерти к осени 1555 г. Кн. 2, с. 95—96.

бы удержаться у власти, если бы при этих условиях он попытался проводить прежнюю политику полной независимости в отношении московского правительства или борьбы с ним; это было бы слишком рискованно при наличии русского гарнизона в Астрахани. В летописях мы встречаем указания на участие ногайских отрядов в военных операциях в течение Ливонской войны на западном фронте, [19] но воевать с Крымом на стороне Москвы кн. Исмаил не осмелился.

С. М. Соловьев, образно характеризуя положение Ногайской орды после занятия Астрахани русским гарнизоном и ее дальнейшую судьбу, говорит, что из астраханского кремля московскому стрелецкому голове было легко наблюдать за ногаями, а стрельцу не было даже необходимости заряжать своей пищали; в ожесточенной междоусобной борьбе орда дробилась и слабела, «подготовляя окончательное торжество Московскому государству». [20] Казалось, что Ногайская орда сошла с большой дороги истории и не могла уже более угрожать безопасности Московского государства. Нет сомнения, что московские деятели твердо верили в конечное торжество над исконными врагами Руси, однако современное состояние московско-татарских отношений и ближайшие их перспективы не давали основания для слишком оптимистических выводов. Подчинение Большой ногайской орды Москве не было полным и прочным; еще возможны были попытки с ее стороны восстановить былую независимость. Свойства вольной и подвижной орды делали естественными ее уклонения из-под рук московского государя: «А без того как быть, что безмятежно такая великая орда удержати?», говорили в Москве. Действительно, вскоре же после смерти кн. Исмаила Большая ногайская орда вышла из подчинения Москве и снова и надолго превратилась в ее ожесточенного врага.

Если, таким образом, мы не имеем оснований преувеличивать полезного значения новых московско-ногайских отношений, то вред образования Малой ногайской орды был совершенно очевиден.

Кн. Исмаил одолел всех своих противников. В орде утвердилось его потомство, а противники его, дети кн. Юсуфа, дети и внуки других многочисленных сыновей кн. Мусы были изгнаны, по выражению летописи, «выбиты» из Большой ногайской орды. Орда распадалась. Изгнанные из орды мурзы уводили с собой части ногайских улусов, положив начало существованию новых ногайских орд. Раньше всех отделились дети одного из старших братьев кн. Исмаила, кн. Шихмамая, умершего в 1549 г.; их было «шесть братов». Они ушли на р. Эмбу, образовав самостоятельную алтаульскую (иначе — энбулуки) орду. Эта орда была немногочисленна и не имела непосредственной связи и отношений к Московскому государству, хотя играла некоторую роль в последующих внутренних отношениях в ногайской орде.

Гораздо важнее для Московского государства было образование под Азовом Малой ногайской орды. Основателем ее был Казы мурза, внук кн. Шейдяка. [21] Казы мурза, не желая признать власти кн. Исмаила и не имея сил вступить с ним в открытую борьбу, долгое время скитался, по его словам, подобно «казаку». Московское правительство вступило с ним в переписку, стремясь привлечь его на свою службу и использовать его в качестве орудия для усиления своего влияния в орде. Но Казы мурза предпочел обосноваться с уведенными им из орды улусами между Кабардой и Азовом в номинальном подданстве турецкому султану. В то же вре-

---

[19] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 392, 400 и др.

[20] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 94, 97.

[21] ПСРЛ, т. XII, ч. 2, с. 560, 568, 584, 586.— Казы мурза был сыном Ахмета мурзы, старшего сына кн. Шейдяка (Ногайская кн. № 5, л. 44 об.).

мя Казы мурза сумел обеспечить устойчивые отношения с крымским царем Девлет Гиреем. Это было выгодное и удобное для обеих сторон сожительство. Казы мурза гарантировал Девлет Гирею безотказную помощь во всех его военных предприятиях, а себе получение добычи. Девлет Гирей высоко ценил роль Казы мурзы и искренно сожалел о его гибели весной 1577 г. во время похода на Кабарду: «а то были у него,— говорил Девлет Гирей,— на всякой войне первые люди казыевы; только де на Казые царского имени не было, а камена была стена Крымскому юрту и Азову». [22] Казы мурза поддерживал интимную дружественную связь с Девлет Гиреем, являясь как бы аталыком[23] младших царевичей Гиреев, которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах. [24] Опасность для Московского государства новой Казыевской орды заключалась в том, что, находясь под опекой Крыма и турецкого султана и занимая выгодное положение, она была недосягаема для московского правительства. Кроме того, новая орда чрезвычайно усилила значение Азова, откуда при поддержке казыевских татар исходила неиссякаемая инициатива набегов на русские пределы. По оценке московских деятелей, Азов из «знатного торгового города» превратился в «прямое похитительное место, гнездо и пещеру разбойником». [25]

Малая ногайская орда, после ухода под Азов Казы мурзы, сделалась пристанищем для многих мурз, покидавших Большую ногайскую орду. Так, к Казы мурзе ушли дети и внуки кн. Юсуфа, после поражения сына последнего мурзы Юнуса в борьбе с кн. Исмаилом. Туда же укрылись некоторые из потомков кн. Шихмамая. В 1557 г. кн. Исмаил в своей грамоте царю Ивану IV говорил о выделении новых самостоятельных частей из некогда единой орды, как о факте, уже состоявшемся. Процессом распада были захвачены даже собственные дети кн. Исмаила. Два его сына Тинбай и Кулбай (иначе Кутлубай) ушли под Крым и, вместе с крымцами и казыевцами, участвовали в набеге на Русь зимой 1558 г. Московское правительство ограничилось лишь легким упреком кн. Исмаилу за измену его сыновей.[26] Правда, союз сыновей кн. Исмаила с Крымом и ушедшими из орды мурзами не мог быть прочным и долгим; в дальнейшем подчиненная кн. Исмаилу орда до его смерти в 1563 г. оставалась верной московскому государю. Но этот выигрыш был временным, как увидим ниже, да и сам по себе он далеко не возмещал вреда, причиненного Московскому государству образованием Казыевской орды.

Насколько важны были все эти события в Ногайской орде, видно из того, какое значение придавало им польское правительство. Король Сигизмунд II возлагал надежды на то, что уход части ногаев из-за Волги послужит ему на пользу. В 1559 г. король направил в появившиеся на Дону беглые ногайские улусы грамоту с приглашением кочевать в польских панствах. Кн. М. Вишневецкому, старосте Черкасскому и Канев-

---

[22] Крым. кн. № 15, л. 34 об.— 40.— Русские источники всегда употребляют термин «крымский царь», а не «крымский хан».

[23] Аталык (от слова «ата» — отец) — лицо, заступавшее место отца, воспитатель сыновей крымского царя; русские источники переводили слово «аталык» — дядька. Как интимно доверенное лицо крымского царя, имевшее попечение о его семье, аталык принадлежал к числу высших крымских сановников. Об аталыке см. В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864, с. 437—438.— Ф. Хартахай. Исторические судьбы крымских татар. «Вестник Европы», 1866, июнь, с. 211—212.— Мартин Броневский. Зап. Одесс. об-ва истории и древ., т. VI, с. 354.

[24] Крым. кн. № 14, л. 23—24 и др.

[25] Турец. д. 1695—1696 г., л. 1 об.— 2.

[26] Древ. Росс. Вивлиофика, т. IX, с. 281—283; т. X, с. 16—24, 42—46, 61. ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 312—313.

скому, было послано извещение о движении отступивших от московского царя ногаев и возможном переходе их в польское подданство; если это действительно произойдет, то старосте было указано наградить татар подарками и разрешить им кочеванье между реками Орелью и Пслом. Другим старостам польских украинных городов также предписывалось оказывать ногаям гостеприимство, взять их под свою защиту, разрешить им «живиться на полях панства своего», обещать им милость королевскую и жалованье за службу их, если они будут воевать землю «неприятельскую», т. е. московскую. Расчеты короля не оправдались. В то же время Девлет Гирей мог в 1559 г. с удовлетворением известить короля о приходе к нему на помощь «немалых ногайцев». [27] В Москве долго помнили, что при Менгли Гирее Крымский юрт «распространился и разбогател» за счет ногайских улусов, прикочевавших к Крыму. Новый приток сил из орды должен был укрепить Крым как раз в то время, когда это было особенно нежелательно и опасно для Московского государства. Активнейшее участие Малых ногаев в Ливонской войне против Московского государства обнаружило это в полной мере.

Таковы были изменения в состоянии ногайской орды, происшедшие ко времени начала Ливонской войны.

< 3 >

Расчеты польского правительства на содействие татар и опасения московского правительства по поводу их вмешательства в ход Ливонской войны подтвердились.

Как в специальных работах, посвященных Ливонской войне, так и в общих сочинениях по русской истории встречаются лишь эпизодические указания на связь между ходом Ливонской войны и действиями татар на южном и восточном фронтах. [28] Полное выяснение этой связи требовало бы детального исследования военных операций в течение всей войны, что выходит за пределы нашей вводной главы; мы в состоянии показать эту связь лишь в общей форме.

Прежде всего, необходимо установить, когда татары производили свои нападения. На основании указаний летописей, разрядных книг, документов ногайских, крымских и некоторых других мы составили перечень татарских нападений во второй половине XVI в. Этот перечень не претендует на исчерпание всех источников, и тем не менее из него видно, что из 24 лет Ливонской войны 21 год отмечен татарскими нападениями; нет указаний на татарские нападения лишь в 1566, 1575 и 1579 гг. Сам Девлет Гирей совершил шесть нападений (1562, 1564, 1565, 1569, 1571 и 1572 гг.); крымские царевичи совершили также шесть нападений (1558, 1563, 1568, 1570, 1573 и 1581 гг.). Возглавление царем или царевичами татарских походов — прямое свидетельство участия в них крупных сил. В прочие годы нападениями руководили мурзы крымские (Ширинские, Дивеевы и др.), азовские, казыевские и Больших ногаев. Мурзы вели с собой в поход иногда не меньшее число татар, чем сам царь или ца-

[27] Книга посольская метрики Великого княжества Литовского с 1545 по 1572 г., ч. 1. Изд. М. Оболенского и М. Даниловича, М., 1843, № 116, 117, 118, 102.

[28] У Форстена имеется лишь 2—3 глухих указания (с. 190—192, 326—327), у Новодворского—одно, о связи восстания в Поволжье с отвлечением военных сил из Ливонии в 1573 г. (с. 21), у Костомарова — одно указание со ссылкой на Курбского от 1560 г. (Собр. соч., кн. 1, с. 600—601). Наибольшее количество замечаний по этому вопросу у М. Щербатова. История Российская, т. V, кн. 2. Спб., 1789, с. 75—76, 214 и др.

ревичи. Численность нападавших была различной и колебалась от нескольких до 100 и более тысяч. [29] Независимо от того, каким успехом завершались отдельные нападения татар, в своей совокупности они должны были отвлекать большое количество русских вооруженных сил от действий в Ливонии и против Польши. Иван IV был в состоянии направлять на западный фронт лишь часть своих войск. Расчеты противников Москвы и были построены на таком именно отвлечении русских военных сил. Указания иностранных источников на огромные цифры русских войск, якобы действовавших в Ливонии, недостоверны и преувеличены. [30]

Попытаемся установить более точно связь между ходом татарской войны на юге Московского государства и развитием операций на западном фронте. Московско-татарские отношения в течение Ливонской войны образуют несколько периодов. Первый период длился от начала Ливонской войны до 1567 г. включительно. Уже в январе 1558 г. Девлет Гирей, узнав о походе русских войск в Ливонию, «умысля злое христианству», послал на Русь сына своего Магмет Гирея, мурзу Дивея и других мурз с татарами (до 100 тыс.). На этот раз татары дошли только до р. Мечи. В 1558 г. польский король Сигизмунд II заключил соглашение с Девлет Гиреем и с тех пор, несмотря на перемирие с Иваном IV, неустанно побуждал крымского царя к нападению на Московское государство; чтобы он «неприязнь над неприятелем нашим и своим с божью помощью доводил». Уже в 1559 г. московское правительство было вынуждено сосредоточить против татар значительные силы. После совещания царя с боярами было послано на Тулу пять полков. Кроме того, Д. Адашев был послан на Днепр, а кн. Д. Вишневецкий и И. Вешняков на Дон.

В связи с принятыми русским правительством мерами татары сравнительно небольшими силами в несколько тысяч человек лишь осенью попытались напасть на московскую украйну в двух местах—тульских и под Пронском. В 1560 г. под Тулой снова было поставлено пять полков, а затем три из них были выдвинуты на Быструю Сосну, на Ливну. Ногайский мурза Дивей совершил нападение на рыльские места уже после роспуска русских полков. В октябре 1560 г. король Сигизмунд упрекал Девлет Гирея в том, что он не выполнил своего обязательства, сына своего Магмет Гирея на Русь не посылал, хотя момент был очень удобен, потому что московский царь направил свои войска в Ливонию. Девлет Гирей оправдывался и объяснял неудачу намеченного им похода на Русь внутренними осложнениями в Крыму.

В 1562 г., ввиду приближения конца перемирия с московским правительством, Сигизмунд особенно энергично «подымал» Девлет Гирея на Русь. И действительно, в начале мая сам Девлет Гирей с царевичами приходил под Мценск и разорил большую область московской украйны. Девлет Гирей с торжеством уведомлял короля об успехе своего нападения, а король поздравлял его с тем, что он «в целости с полоном и со всею добычею до паньства своего вернулся». [31] Но король не был удовлетворен этим татарским нападением и настаивал на новом набеге зимой на северские земли, где в том же году действовали белгородские татары. Очевидно, настаивая на новом нападении на Московское государство, король рассчитывал помешать подготовке похода русских войск под Полоцк.

[29] Чтобы не загружать изложения описаниями набегов и ссылками на источники, мы дали перечень татарских набегов в приложении II. К нему следует обращаться во всех необходимых случаях.

[30] См. у Форстена сопоставление показаний иностранных и русских источников о численности русских войск в Ливонии в 1559 г. (с. 104—105), в 1562 г. (с. 326), Новодворский — 1577 г. (с. 49, примеч. 3).

[31] Книга посольская, т. I, № 130, 135.

Девлет Гирей по неизвестной нам причине не смог повторить набега зимой 1562 г. Поэтому поход русских войск под Полоцк был только задержан, но не отменен совсем. Царь Иван IV выступил в поход в декабре 1562 г. и 15 февраля 1563 г. овладел Полоцком. Стремясь извлечь всю возможную выгоду из этой крупной победы, царь Иван IV направил в марте 1563 г. в Крым большого посла Аф. Нагого с предложением о возобновлении мира. В пути Аф. Нагой получил из Москвы уведомление, что между 5 апреля и 12 мая татары приходили под Михайлов. Набег совершили царевичи Магмет Гирей, Алды Гирей и ряд виднейших крымских князей и мурз, среди них кн. Дивей Мангитский, кн. Азий Ширинский (зять Девлет Гирея) и др. С ними было до 10 тыс. татар. Польский король поздравлял крымского царя с удачным походом, с «фортуной».[32] Но как ни успешен был этот набег крымцев, он уже не мог уничтожить плодов зимнего похода Ивана IV под Полоцк.

Аф. Нагой прибыл в Крым 1 июля 1563 г. и немедленно же начал переговоры о возобновлении мира, закончившиеся 2 января 1564 г. принесением Девлет Гиреем мирной шерти московскому царю. Это возобновление мирного соглашения с Крымом было, несомненно, плодом победы русских под Полоцком. Аф. Нагой держал себя твердо, с достоинством: он не заискивал перед Девлет Гиреем, не привез ему поминок, не обещал их уплаты в каком бы то ни было увеличенном размере и предлагал мир, ссылаясь на победы своего государя. Девлет Гирей сразу же заявил о своей готовности и склонности к миру. Аф. Нагой говорил, что царь Иван IV хочет с ним дружбы, но этой дружбы «не выкупает», и он, посол, за казну «не имается». Когда мир будет возобновлен, царь «за казну не постоит», но «не в казну и в посулку». Девлет Гирей колебался. Аф. Нагой не один раз получал сведения о том, что Девлет Гирей опасается «обмана» со стороны московского государя. Смысл этого опасения очень хорошо разъяснил московский амият[33] Сулейманша Сулешев. Девлет Гирей не хочет возобновления такой дружбы, какая существовала между Менгли Гиреем и великими князьями Иваном III и Василием III. Союз этот был выгоден последним и дал им очень много. Опираясь на союз с Менгли Гиреем, они сделали большие территориальные приобретения, а Менгли Гирею этот союз ничего не дал, кроме поминок. И теперь царь Иван IV хочет произвести новые захваты у короля, «а царю (Девлет Гирею) от него (союза) прибыли не будет». К тому же в июле из Польши прибыла огромная казна на 33 телегах; говорили, что казна оценивалась в 16 тыс. золотых: из них на 8 тыс. деньгами и драгоценной посудой и на 8 тыс. разными сукнами. Сверх того, король обещал царю 4000 золотых, калге 1000 золотых и второму царевичу 500 золотых. Одновременно из Кабарды поступали в Крым сведения о военной помощи кн. Темрюку со стороны Ивана IV, и тем не менее Девлет Гирей все же пошел на заключение мира и 2 января принес шерть.[34] Впрочем, дело еще не было окончательно завер-

---

[32] См. приложение I.

[33] Амият — букв. «приятель». Посредник в дипломатических сношениях. Амият принимал и передавал послов на «размене» (под Валуйкой), представлял московских послов крымскому царю и т. п. Амиятство в сношениях Крыма с Москвой было привилегией рода мурз Сулешевых, в сношениях с Польшей—привилегией рода мурз Куликовых. Сулешевы получали от московского правительства «жалованье» и всякого рода почести.

[34] Крым. кн. № 10, л. 26 об., 111—112, 121, 124, 143, 148 об.— 149, 151—155, 168, 193 об., 289, 305—315.— Крымский «золотой» в то время равнялся 20 алт. московских денег.— Калга и нурадын — царевичи Гиреи, соправители крымского царя. Калга замещал царя в его отсутствие, нурадын, младший царевич, обычно предводительствовал крымскими войсками.

шено, потому что Девлет Гирей шертовал один, и шерть еще не была закреплена «всей землей». Было, таким образом, заключено лишь предварительное соглашение. Предстоял обмен послами для окончательного его утверждения.

Намечавшееся соглашение вскоре потерпело, однако, полное крушение. Утверждение его встретило в Крыму сильнейшее противодействие. Из всех историков с наибольшей полнотой, на основании первоисточников осветил этот период московско-крымских отношений М. Щербатов.[35] Период этот очень важен, потому что он является прелюдией к наисильнейшему обострению московско-татарских отношений, наступившему с 1568 г.

Нас особенно интересуют те мотивы, которыми руководились крымцы, отклоняя мир с Москвой и становясь на сторону польского короля. Весной 1564 г. крымцы были заняты походом на Волошскую землю, где они помогали султану посадить на престол его ставленника. В начале июня Девлет Гирей принял поминки, присланные из Москвы с А. Мясным и, выразив полное удовлетворение ими, снова заявил о своем намерении подтвердить шерть. Началось обсуждение «московского дела» в правящих кругах. Не один раз собиралась у Девлет Гирея «обычная» и «большая дума». В середине июня, несмотря на противодействие царевой матери, выступившей в роли «амията королева», как будто решено было заключить мир с московским царем, а к королю послать «с разметом», т. е. с уведомлением о разрыве мира. Но затем дело пошло в «протяжку». На вновь созванной «думе» было вынесено противоположное решение. Это была «обычная дума» (21 июля), на которой присутствовали царевичи Магмет Гирей и Алды Гирей, кн. Азий Ширинский, кн. Дивей Мангитский, Мустафа мурза, кн. Спат (Черкасский), два казанца: Ямгурчи-Ази и Ахмет улан, кроме того, Али-Ази Куликов, Зенги-Хозя-ших.

За возобновление мира с Москвой высказывались Мустафа мурза, мурза Куликов и Зенги-Хозя-ших. Все остальные, а особенно горячо казанские люди, возражали против этого. Они настаивали на том, чтобы с московским государем не мириться и «короля не выдавать». Они говорили, что московский государь хочет мириться «оманкою». Он ставит города на Дону, строит суда на Псле и Днепре (!) и хочет посылать своих ратных людей Доном на Азов, а Днепром на Крым. Московский государь «дороден и славен». Он захватил Казань и Астрахань и города у немцев, взял Полоцк, «осилел» черкас; Большие ногаи его «слушают». Без помощи Крыма король не выстоит против него и одного года. Победив короля, станет ли Иван IV платить в Крым поминки? «И опричь де тебя, говорили ближние люди Девлет Гирею, кого уж ему будет воевать!» «А нам де и улусным людям с ним не миритца».

В Крыму было известно о поражении кн. Шуйского под Оршей, об измене кн. А. Курбского, о движении польских войск к Смоленску, куда были стянуты русские войска, а с крымской стороны в украинных московских городах «воевод и людей заставы нет ни одного человека». «И ты де как похошь,— заключали мурзы,— а нам де пойти воевать». Девлет Гирей пытался возражать, но князья и мурзы остались при своем мнении. Состоявшаяся 28 июля «большая дума» подтвердила мнение князей и мурз. Вопрос обсуждался вновь, потому что из Москвы прибыли поминки с гонцом Ф. Писемским. Девлет Гирей отстаивал мирный договор, но «на него пришла мать, да царевичи, да Азий кн. Ширинский, и карачеи, и уланы, и мурзы и все улусные люди землею» и мириться на условии

---

[35] М. Щербатов, т. V, ч. 2, с. 120 и сл.

уплаты Саип-Гиреевых поминок царю «не велели».[36] Вот тогда-то и были выработаны новые требования, предъявленные Ивану IV. На «думе» «придумали де царю» требовать возвращения Казани и Астрахани или уплаты поминок в размере Магмет-Гиреевых. Ближние люди хорошо понимали, что требования эти не будут удовлетворены московским государем, что предъявление их означает разрыв мирных переговоров, но они шли на это совершенно сознательно.[37]

Дело заключалось не в поминках. Конечно, крымцы умели добиваться их уплаты от короля польского и царя московского. Король не скупился, отказывался от всякого проявления гордости, какую сохраняли московские послы. В апреле 1564 г. Аф. Нагой узнал о приезде польского гонца с уведомлением о том, что поминки в Крым готовы; король просил с московским государем не мириться, его, короля, «не выдавать» и итти вместе с ним на московского государя. В начале августа король снова уведомлял о посылке им двойной казны и обещании взять на себя сверх того уплату поминок (в размере Саип-Гиреевых), которые присылал в Крым московский государь. Но король не только был щедр на поминки. Он энергично и настойчиво разъяснял опасность усиления Московского государства не только для Польши, но и для Крыма. Польские дипломаты указывали в Константинополе на опасный рост Московского государства и через Турцию действовали на Крым. В ноябре 1564 г. Аф. Нагой узнал, что король посылал к султану своего посла пана Корецкого с «великими поминками и челобитьем», чтобы султан «его московскому не выдал, царю крымскому воевати его не велел. И турский де царю (Девлет Гирею) короля воевати не велел, а велел де царю воевати недруга его, хто царю недруг. А положил де то турской на царе»...[38] Мы уже видели, что мнение «всей крымской земли» определило, кто является Крыму недругом. Выбор был сделан не только на основании того, кто больше платит, а на основании оценки сравнительной опасности и силы короля и московского государя. Была принята во внимание и общая благоприятная для войны с московским государством ситуация. Итак, в основе разрыва мирных переговоров с московским правительством лежали соображения политического порядка.

Татары совершили нападение на Русь осенью 1564 г. Девлет Гирей вышел из Крыма 17 августа, вернулся — 13 ноября. В походе участвовали «весь Крым», азовцы и белгородцы. Татары совершили нападение

---

[36] Карачи или карачеи — в узком значении — главы (бии, князья) знатнейших крымских родов: Ширин, Барын, Аргын, Кипчак, Мангит (Мансур), Седжеут. В более широком смысле карачеями назывались вообще «ближние» люди крымского царя. Самым знатным и могущественным родом были Ширинские, обладатели значительных владений (от Карасу до Керчи). Вторым по знатности считался род Барын. Мангиты (Мансуры) — ногайский род, перешедший в Крым в начале XVI в. при Менгли Гирее и постепенно возвысившийся и занявший место вслед за Ширинскими князьями и мурзами. Сила Мансуровских мурз заключалась в подвластных им ногаях, перешедших в крымское подданство. Карачи — постоянные и непременные советники крымского царя. Органом их влияния на правительственные дела Крыма была «дума» при крымском царе, «малая дума», если в ней принимал участие узкий круг представителей знати, и «большая дума», если круг приглашенных лиц расширялся. Это собрание феодалов приобретало значение «всей земли», если в нем принимали участие все вообще мурзы и представители «лучших» черных улусных людей.— Крымский царь, в качестве сеньера, назначал князей или биев. В свою очередь за феодалами, прежде всего за карачеями, сохранялось по традиции право санкционировать назначение султаном царей из рода Гиреев, выражавшееся в обряде посажения их на престол в Бахчисарае.— Уланы (огланы) — феодалы высшего ранга в Крыму упоминаются в XVI—XVII вв.—Карачи (Ширин, Барын и др.) были также в Казани, в Большой ногайской орде и в Касимове.

[37] Крым. кн. № 11, л. 138, 178 об.— 187, 198—225, 231—236.— Магмет Гирей и Саип Гирей — крымские цари первой половины XVI в.

[38] Крым. кн. № 11, л. 139 об., 192 об., 207 об., 233, 254, 261.

на рязанскую землю одновременно с движением под Полоцк польских войск (16 сентября — 4 октября). Таким образом, нападение было согласовано с действиями поляков. Татары имели точные сведения о расположении русских военных сил. Русские полки в этом году были поставлены «от поля» в Калуге, т. е. они защищали украйну не столько от татар, сколько были поставлены против поляков. В украинных городах находились лишь «легкие воеводы» с небольшими отрядами. Татары напали на рязанскую землю, вблизи от которой не было сколько-нибудь значительных русских сил. Край был беззащитен; действия татар не получали отпора, и они воевали беспрепятственно. Причиненное ими разорение было очень велико. В декабре Иван IV выехал в Александрову слободу и наложил опалу на бояр, духовенство, служилых и приказных людей. Царь обвинил бояр и воевод в том, что они «от крымского, и от литовского, и от немец» не хотели оборонить страны.

В 1565 г. все внимание московского правительства, наученного горьким опытом предшествующего года, было сосредоточено на обороне украйны. С весны полки были поставлены «на берегу». К осени их предполагали передвинуть к Туле, но ввиду того, что татары бездействовали, перемещение полков не состоялось. Но крымцы снова обманули расчеты русского правительства и повторили нападение. Девлет Гирей с царевичами вышли из Крыма 16 сентября, вернулись 6 ноября. В пути они встретили московского гонца С. Бартенева. Аф. Нагой сообщал, что Девлет Гирей хотел приостановить поход, но «на царя де и на царевича пришли землей со всем войском, что им воротитись немочно, потому что многие люди пошли на войну, а лошади покупали займуя».[39] Нападение было совершено под Болховом в начале октября. Это нападение татар было согласовано с действиями польских войск под Полоцком, Псковом и Великими Луками.

В результате совместные действия поляков и татар поставили московское правительство перед необходимостью вести борьбу на два фронта и отказаться от всяких активных операций в Ливонии и против Польши.

В 1566 г. нападений татар не было. Объясняется это тем, что татары были заняты походом в Венгрию по требованию султана Сулеймана. Аф. Нагой сообщал в Москву слух о приготовлении татар к набегу на Русь, но добавлял, что набег едва ли состоится, так как главные силы татар находятся в походе в Венгрию с царевичем Магмет Гиреем.[40] В самом конце 1566 г. Девлет Гирей с сыном Алды Гиреем совершил нападение на Польшу. Несмотря на это, на московской украйне, повидимому, производились какие-то большие оборонительные работы и полки на берегу стояли в готовности.[41]

Итак, с самого начала Ливонской войны Иван IV не мог сосредоточить всех своих сил на западном фронте, так как очень значительную часть их приходилось держать против татар. Наиболее энергичными были действия русских войск в Ливонии в течение 1558—1560 гг. Но, несмотря на значительные успехи (взятие Нарвы, Дерпта, Мариенбурга, Феллина и др.), военные действия не могли быть достаточно планомерными, не могли быть доведены до конца. От 1559 г. есть иностранные известия, что уже осенью этого года царь Иван IV отозвал войска из Ливонии вследствие угрозы татарских нападений.[42] Курбский, рассказывая о действиях

---

[39] «На берегу» — по р. Оке. Крым. кн. № 12, л. 29 об.

[40] Крым. кн. № 12, л. 196, 238—240. Крым. кн. № 13, л. 2.

[41] А. И. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916, с. 19.

[42] Форстен, 103, 190—192.

русских войск в Ливонии, отмечает, что в 1560 г. русских войск в Ливонии было мало, потому что они были отвлечены борьбой с татарскими набегами. [43] Но если так обстояло дело в первые годы войны, то еще более трудным сделалось положение, когда татары стали, как это выше указано, согласовывать свои действия с поляками. На западном фронте русские с 1564 до 1570 г. держатся оборонительно.

Если проследить расположение полков на южной окраине Московского государства в течение рассматриваемого периода, то можно сделать несколько характерных наблюдений. [44] Бросается в глаза, что в расположении русских полков нет постоянства и единообразия. Далеко не всегда они стоят «на берегу». В 1558 и 1559 гг. отряды войск высылаются на Днепр и Дон с очевидной целью предупредить татарские набеги. В некоторые другие годы полки выдвигаются «за реку», под Тулу, за Дедилов, на Быструю Сосну (на Ливну) и даже еще южнее, на Тихую Сосну (1559, 1560, 1565 гг.). Во всем этом выражалось стремление вести активную оборону. В те годы, когда полки стоят «на берегу», они не всегда занимают все его протяжение, но стягиваются к Калуге (1564, 1566 и 1568 гг.). Следовательно, в этих случаях расстановка полков «на берегу» не была подчинена целиком задачам обороны против татар, а координировалась с операциями на западном фронте. Московское правительство рассчитывало на дипломатическое воздействие на татар и надеялось на соглашение с ними. Скоро оно должно было убедиться в том, что на активную оборону у него нет сил и что оборона против татар требует постоянного присутствия «на берегу» значительных по численности войск независимо от операций на других фронтах. Надежду на мирное соглашение с татарами приходилось оплачивать дорогой ценой безнаказанного грабежа и разорения ими обширных районов государства.

Годы 1568—1574 образуют второй и наиболее опасный для Московского государства период татарских нападений. Если в предшествующие годы татары действовали только в качестве союзников польского короля, то теперь они ставят перед собой самостоятельные цели. Можно говорить о новой войне, войне с татарами и турками, которую Московскому государству пришлось вести одновременно с войной Ливонской.

Подготовка нового обострения московско-татарских отношений происходила уже в предшествующие годы. Мы видели, с какой отчетливостью крымцы формулировали мотивы, в силу которых они приняли сторону польского короля. После первых неудач Аф. Нагой не прекращал своих попыток заключить с Девлет Гиреем мирное соглашение. Но как не удались они в 1563—1564 гг., так же не дали они результата и после этого. В 1566 г. татары не производили нападений на Русь, но и мира с московским правительством не хотели заключать. На приеме Аф. Нагого 16 июля 1566 г. Девлет Гирей заявил ему: «И яз де з государем вашим ныне доброго дела (т. е. возобновления мира.—*А. Н.*) хочу прямо. Только де государя вашего опасаюся и двожды о том ссылаться не хочу. Государь де ваш не верит мне, а яз де не верю государю вашему». Девлет Гирей пытался навязать Ивану IV свои условия мирного соглашения.

Вместе с царевичем Алп Гиреем и карачеями, на глазах Аф. Нагого Девлет Гирей шертовал в том, что он согласен заключить мир при условии уплаты Магмет-Гиреевых поминок и обязательства не заключать мира с королем. Аф. Нагой отверг эту шерть: таких условий московский государь не предлагал и не обещал; Девлет Гирей хочет навязать их силой. [45]

---

[43] Костомаров, с. 600—601.
[44] См. таблицу размещения полков на стр. 43.
[45] Крым. кн. № 12, л. 221—224.

Как поведение Девлет Гирея, так и ответ Аф. Нагого явно обнаруживали взаимное недоверие.

С. М. Соловьев замечает, что «послу Ивана IV предстояло тягаться с королем на крымском аукционе». [46] Но этот аукцион протекал в такой обстановке, что исход его нетрудно было предвидеть. Весной 1567 г. в Крым прибыли сначала гонец кн. Вишневецкого, а затем самого короля с уведомлением о том, что казна в Крым готова и чтобы Девлет Гирей подтвердил мир с королем, а с царем Иваном IV не мирился бы. [47] Польский посол мог обосновать свое предложение такими аргументами, каких не мог представить Аф. Нагой. Вопрос о войне или мире с польским королем и московским государем в мае—июне 1567 г. снова обсуждался в Крыму «на совете», на котором присутствовали царевичи, карачеи, уланы, князья и мурзы. Снова мы слышим повторение знакомых нам соображений в пользу мира с королем и за войну с московским государем. Крымцы «всей землей» решили, что помириться с последним значит «выдать» ему короля, что, победив короля, московский государь начнет ставить города по Днепру и доберется до Крыма; ему не на кого больше будет нападать; верить ему нельзя; он уже захватил два бусурманских юрта; шубы он давал и казанцам, а затем покорил их; власть его достигает Терека; он становится опасен. [48] Припомним, что в 1558 г. польский посол В. Тишкевич отклонил московское предложение о союзе против Крыма по совершенно аналогичному же основанию: московский государь возьмет Крым, а затем нападет на Польшу. При явно возраставшей силе Московского государства Польша и Крым становились естественными союзниками против него.

В несколько иной формулировке Девлет Гирей высказал все приведенные соображения Аф. Нагому на приеме его 4 октября 1567 г. Царь говорил, что он согласен помириться с московским государем на условии уплаты Магмет-Гиреевых поминок и при условии отказа от построения городка на Тереке. Если же город на Тереке будет поставлен, то хотя бы ему давали гору золота, он не помирится, потому что московский государь уже захватил Казань и Астрахань, а теперь подбирается к Крыму со стороны Терека. Иван IV, выслушав сообщение Аф. Нагого и грамоту Девлет Гирея, на совете с боярами пришел к выводу о безнадежности дальнейших мирных попыток и счел бесполезным посылку в Крым каких бы то ни было поминок.

Существует мнение, что поход турок под Астрахань в 1569 г. был подготовкой контрудара, окончательной целью которого был не только захват Астрахани, но и Казани. Султан выступал в этом случае якобы в качестве главы всего мусульманского мира, потерпевшего ущерб от успехов Московского государства. [49] Для правильной оценки турецкой политики необходимо прежде всего принять во внимание, что план наступательной войны против Московского государства, повидимому, был выработан в феодальных кругах Крыма, ногаев и казанских эмигрантов. Московский гонец Е. Ржевский доносил из Крыма в Москву, что уже осенью 1563 г. горские черкасы, астраханские люди, ногаи (надо думать, малые ногаи) и казанские люди обращались к султану с призывом итти под Астрахань. Аф. Нагой, как указано выше, внимательно следил за тем, как вырабатывался в Крыму план войны против Московского государства. Уже в июле 1564 г. крымские князья и мурзы на «думе» с

[46] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 216.
[47] Крым. кн. № 13, л. 12 об.— 13, 24 об.— 25, 37—39.
[48] Крым. кн. № 13, л. 12 об.— 13, 37—41.
[49] Р. Ю. Виппер. Иван Грозный, М.— Л., 1944, с. 5—6, 9, 97. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., с. 250—251.

Девлет Гиреем «придумали» требование, обращенное к царю Ивану IV, о возвращении Казани и Астрахани. С тех пор эти притязания крымцев в течение ряда лет остаются предметом дипломатических переговоров между московским и крымским правительствами. [50]

Турецкое правительство не сразу приняло внушения и призывы крымцев. Очень интересны сообщения московского гонца Новосильцева, ездившего в Турцию в 1570 г. Новосильцев на основании собранных им в Константинополе сведений подтвердил правильность донесений московских гонцов и послов из Крыма, что еще при жизни султана Сулеймана Великого Касим паша, впоследствии кафинский паша, побуждал султана к походу под Астрахань — важный торговый пункт, связывающий Турцию с восточными мусульманскими странами, призывал его «стать за веру». Но Сулейман отверг этот проект. Он говорил, что до сего времени султаны никогда не воевали с московскими государями и находились с ними в мире; и в настоящее время нет причин для войны; ни одного турецкого города московские государи не захватывали, и Астрахань не есть турецкий город. По смерти Сулеймана (в 1566 г.) Касим паша, сделавшись правителем Кафы, продолжал свои внушения новому султану Селиму II. Интересно, что уже в июле 1566 г. Касим паша встречался с Девлет Гиреем и обсуждал с ним все тот же вопрос. Новосильцев сообщал, будто бы сам Девлет Гирей доказывал султану целесообразность похода турок под Астрахань и завоевания последней. Девлет Гирей говорил о том, что путь из Турции в Кизылбаши далек и труден. «И тебе бы деи,— обращался Девлет Гирей к султану,— посылати свою войну в Кизылбаши на Азсторохань, а от Азсторохани деи в Кизылбаши добре ближе, а се водяным путем». После завоевания Астрахани Кизылбаш будет за султаном «наборзе». Девлет Гирей будто бы обещал султану повести с собой в поход 100 тыс. татар. «Тебе возьму Азсторохань одного году, да и Казань твоя же будет»,— говорил Девлет Гирей.— «А не возьму деи яз Азсторохань, и ты деи тогды меня не жалуй». [51]

Весьма сомнительно, что Новосильцев был прав, приписывая Девлет Гирею столь горячую заинтересованность в успехе турецкой политики. Известно, что Девлет Гирей вовсе не был так покорен султану, что он был противником похода турок под Астрахань, чего не скрывал. Возможная в этом случае ошибка Новосильцева вполне объяснима тем, что он собирал вышеприведенные сведения спустя несколько лет после того, как описанные им события произошли, что получил он их из третьих рук. Однако вложенные им в уста Девлет Гирея доказательства целесообразности похода под Астрахань очень важны для объяснения турецкой политики. План захвата Астрахани исходил, в первую очередь, из интересов Турции в ее борьбе с давним ее врагом — Персией. Впрочем, эта точка зрения не нова и была изложена уже очень давно. [52] Другим таким же совершенно реальным мотивом было стремление положить предел распространению русского влияния на Предкавказье. Наконец, в более широком плане захват Астрахани предусматривал установление связи между Турцией и мусульманскими странами Средней Азии. Словом, Турция, пользуясь тяжелым положением Московского государства в течение Ливонской войны, пыталась решить свои собственные внешне-

---

[50] Крым. кн. № 10, л. 321 об.—322. Крым. кн. № 11, л. 180 об., 239—249. Крым. кн. № 12, л. 244 об.—245.

[51] Крым. кн. № 12, л. 244 об.—245.— Турец. кн. № 2, л. 99 об.—100.

[52] Б. Сестренцевич описывает поход турок под Астрахань в 1569 г. как предприятие, целиком направленное против Персии. История Таврии, т. 2, 1806, с. 290—291.

политические задачи. Борьба «за веру» и интересы всего мусульманского мира была лишь прикрытием наступательных планов самой Турции.

Польское правительство, как это засвидетельствовано документами, настойчиво и энергично хлопотало о вовлечении в войну Турции и добилось этого. В 1569 г., готовясь к походу под Астрахань, турецкое правительство официально уведомляло об этом Польшу. [53]

Необходимо остановиться на позиции Девлет Гирея в вопросе о направлении крымской политики. Бросаются в глаза колебания и как бы непоследовательность в поведении крымского царя. Для того, чтобы понять его поведение, надо отрешиться от обычных представлений о нем, как о властном правителе, «железной рукой» направлявшем воинственную крымскую политику. Уже в 1568 г. московский гонец Истома Осорьин сообщал в Москву о тяжелых старческих немощах, одолевавших царя: «Из него черева выходят и на коне ему временем сидети немочно, а и на отпуске царь лежал облокоти»,— писал гонец. Девлет Гирей с трудом и большой неохотой поднимался в походы, а предпринимая их, вовсе не обнаруживал энергии. Свой знаменитый поход 1571 г. Девлет Гирей первоначально думал совершить на козельские места и лишь под влиянием русских перебежчиков двинулся за Оку на Москву. [54] Девлет Гирею было неприятно вмешательство турок и их возможное утверждение в Астрахани. Он опасался также за свое личное положение в Крыму, опасался смены на престоле; [55] эти опасения имели серьезные основания, потому что в Крыму была против него сильная оппозиция, требовавшая от султана его смены. В собственной семье царя начинались раздоры, которые он с большими усилиями преодолевал.

Из сообщений русских дипломатических источников совершенно очевидно расхождение Девлет Гирея в вопросе о направлении крымской внешней политики с мнением большинства ближних людей, князей и мурз, членами собственной семьи и турецким правительством. Насколько мы можем судить по указаниям источников, Девлет Гирей считал для себя более выгодным оставаться в стороне и воздерживаться от вмешательства в войну; он высказывал сомнение в возможности победы Ивана IV над Польшей и не хотел бы помогать ни польскому королю, ни Ивану IV. Пользуясь выгодной ситуацией, созданной Ливонской войной, Девлет Гирей рассчитывал не без основания на получение от того и другого государя увеличенных поминок. Девлет Гирей выражал готовность на этих условиях заключить мирное соглашение с царем Иваном. Девлет Гирей не скрывал своего раздражения, когда под давлением турецкого правительства он вынужден был освободить из Крыма в 1569 г. польского посла и прекратить свои вымогательства от Польши увеличенных поминок. [56]

Однако личные взгляды Девлет Гирея не определяли крымской политики. Крымские феодалы и турецкое правительство навязали ему план войны с Московским государством. Вынужденный принять этот план, Девлет Гирей в своих грамотах к Ивану IV требует уступки Астрахани и Казани, но не скрывает при этом, что сам он желал бы мира с московским государем. Так, в октябре 1568 г., принимая Аф. Нагого, Девлет Гирей говорил, что, поссорившись с царем Иваном, он мог бы с ним и помириться, да мешает то, что на войну «поднимается человек тяжелый,

---

[53] Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение великого княжества Литовского с королевством Польским. СПб., 1869, с. 354—355.

[54] Крым. кн. № 14, л. 25—32.

[55] Н. А. Смирнов. Турция и Россия, т. I, с. 96.

[56] Крым. кн. № 13, л. 259.

турской царь, да и все деи бусурманские государства на государя вашего подымаютца, а того не хотят, чтоб государь ваш поимал бусурманские юрты». [57] Не имея возможности открыто противодействовать организации похода турок под Астрахань, Девлет Гирей, как известно, сделал все от него зависевшее, чтобы помешать успеху похода. Есть сообщение московского гонца от 1564 г. о том, что Девлет Гирей уже тогда возражал против похода турок к Астрахани. [58] В 1569 г. он решительно отказался принять на себя ответственность и руководство походом, отказался возложить на своих татар обязанность штурма Астрахани. Когда поход потерпел неудачу, Девлет Гирей слышать не хотел о его повторении в 1570 г. В конце этого года мурза Сулеш через толмачей передавал Аф. Нагому, что Девлет Гирей радовался, узнав об отказе султана от повторения похода под Астрахань. [59]

Что же давало крымцам основание считать осуществимым план обратного овладения Казанью и Астраханью? Прежде всего следует указать на то, что сведения о внутреннем состоянии Московского государства, которые в изобилии поступали в Крым из разных источников, свидетельствовали о тяжелом положении страны, отвлечении военных сил в Ливонию, осложнениях внутреннего характера. Казалось, что царь Иван IV не может выдержать нападения, если оно будет произведено объединенными силами татар во главе с самим Девлет Гиреем. Поход 1571 г. как будто подтвердил эти предположения. [60]

Самоуверенное настроение крымцев повышалось обращением к ним горских черкас, Больших ногаев и казанских людей. Крымцы чувствовали себя как бы руководителями всех татарских улусов, сохранивших независимость или недавно ее утративших, но мечтавших о ее восстановлении. До смерти кн. Исмаила в 1563 г. орда Больших ногаев твердо держалась в русском подданстве. При сменившем его сыне кн. Тинехмате, который не чувствовал себя в такой степени связанным с царем Иваном IV и от него зависимым, как его отец, орда заколебалась. Первое сообщение об обращении горских черкас, Больших ногаев и казанских людей к султану с призывом к войне против Московского государства относится к концу 1563 г. [61] В ноябре 1565 г. Аф. Нагой имел уже точные сведения о приезде в Крым послов от кн. Тинехмата с советом с московским государем не мириться, а итти на Астрахань. Девлет Гирей брал ногайских послов с собой в поход на Русь, совершенный осенью этого года. Тогда же прибыли послы от казанских людей и горских черкас. Первые говорили о малочисленности русских военных сил в Казани и Свияжске и ручались за успех восстания против русской власти, если Девлет Гирей окажет им военную помощь и пришлет царевича. Горские черкасы просили о заступничестве и принятии мер против русских, утвердившихся на Тереке. Кн. Тинехмат предлагал свои услуги и говорил, что теперь ногаи не хотят дружить с московским государем, не хотят подобно кн. Исмаилу «на себе крест положить». [62] Таким образом, крымцы могли чувствовать за собой поддержку всех татар, сознавать себя объединяющим центром всех их надежд и чаяний.

---

[57] Крым. кн. № 13, л. 157 об.—158.

[58] Крым. кн. № 11, л. 32 об.—34.

[59] Крым. кн. № 13, л. 163—164, 169 об.—170, 243—244, 264—265. О походе татар и турок на Астрахань в 1569 г. см. статью П. А. Садикова под этим названием в «Исторических записках», кн. 22, 1947.

[60] Крым. кн. № 14, л. 3—4, 23—26, 27—32 и др.

[61] Крым. кн. № 10, л. 321 об.—322.

[62] Крым. кн. № 12, л. 60, 71, 343.— Крым. кн. № 13, л. 27—29, 161—166, 254—265.

Объединение большой ногайской орды с крымцами произошло не сразу. Этому мешала старинная вражда их между собой. Во время похода турок под Астрахань ногайские мурзы заранее решили, в случае удачи похода, «датца на душу турскому, а крымскому де царю верить немочно».[63] В июле 1570 г. проездом в Турцию через Кафу И. Новосильцев узнал, что в этом году ногаи «прислонились к турскому». Ногаи готовы были помогать крымскому царю в попытке захватить Астрахань, но подчиняться ему не хотели.[64] Нет сведений об участии Больших ногаев в набеге крымцев под предводительством крымских царевичей в 1570 г., но с 1571 г. они почти непрерывно совершают такие набеги либо вместе с крымцами и татарами других улусов, либо самостоятельно. По утверждению ногайских мурз, их склонил к участию в набегах Девлет Гирей. Это, во всяком случае, неточно, потому что сами они еще с 1563 г. изъявляли готовность вступить с московским государем в борьбу. Как бы то ни было, ногайские мурзы прикочевали со своими улусами в степи ближе к Крыму и отдали в распоряжение Девлет Гирея все свои силы. Этот тесный союз Больших ногаев с Крымом продержался недолго. В 1574 г. Большие ногаи рассорились с крымцами. Кн. Тинехмат и мурзы просили Девлет Гирея о помощи против московского правительства и не получили ее. Тогда они решили порвать с Крымом. Они обвиняли Девлет Гирея в том, что он «стравил» их с московским государем, подбил к участию в походах на Русь, а теперь, когда ногайские улусы подвергаются нападениям русских воинских людей, никакой помощи им не оказывает. Сверх того, мурзы жаловались, что они, ногаи, живя вблизи от Крыма, несли на себе главную тяжесть войны; в походах их всегда посылали вперед, они первые выдерживали на себе удары донских и запорожских казаков. Крым ими защищен. Но крымцы совсем не ценили их услуг. С них брали подводы и животину, не давали даже мест для кочевий, отовсюду их гнали. Выберут они места для кочевий, их сбивают с них и занимают для улусов царевичей и «больших» крымских людей. Ногайские мурзы со всеми их улусами откочевали за Дон, несмотря на попытки Девлет Гирея силою удержать их.[65] С тех пор Большие ногаи вели борьбу с Московским государством, уже не вступая с Крымом в столь тесный союз.

В период 1568—1574 гг. татарские нападения на Русь достигают наибольшей силы и создают для московского правительства очень опасное положение. Дадим краткий перечень татарских нападений за этот период. В 1567 г., когда позиция Девлет Гирея еще не определилась окончательно, набеги не были значительными (ими руководили мурзы Ширинские, Ислам мурза и др.); Девлет Гирей даже удерживал мурз от набегов. Но в 1568 г. он сам направил в набег царевичей Алды Гирея и Алп Гирея. В 1569 г. состоялся поход турецко-татарских войск под Астрахань. В 1570 г. в мае царевичи Магмет Гирей и Алп Гирей ходили на рязанские и каширские места; в сентябре меньшие по численности отряды татар приходили под Новосиль. В 1571 г. состоялся поход самого Девлет Гирея под Москву и ее сожжение. В 1572 г. Девлет Гирей вторично переходил р. Оку. Одновременно началось восстание в Казанской земле. В 1573 г. крымские царевичи осенью нападали на рязанские места. В 1574 г. крымцы вместе с ногаями снова нападали на рязанскую землю, а казанские люди приступали к Нижнему.

Новый этап татарской войны потребовал от Московского государства еще большего напряжения сил. Общее построение обороны южных границ

---

[63] Крым. кн. № 13, л. 263—264.
[64] Турецк. кн. № 2, л. 47—49.
[65] Крым. кн. № 14, л. 259.

заметно меняет свой характер. С 1569 г. размещение полков «на берегу» становится обязательным. С 1572 г. «на берегу» стоит ежегодно по пяти полков. Пункты их размещения с тех пор до 1598 г. почти не подвергаются изменениям: большой полк в Серпухове (без единого исключения), правой руки — в Тарусе, реже в Алексине и на Мышеге, передовой — в Калуге (без единого исключения), сторожевой — в Коломне (почти без исключения), левой руки — в Кашире (почти без исключения). Это однообразное и устойчивое размещение пяти полков «на берегу» отвечало целям исключительно пассивной обороны. Одновременно действия русских войск в Ливонии и против Польши также приобрели оборонительный характер. В 1568 г. Иван IV подготовлял крупный поход в Литву, но он не состоялся; все свелось к принятию только мер оборонительных. В 1569 г. были сосредоточены еще более многочисленные войска для похода в Лифляндию, но и эти широкие приготовления не были реализованы.

М. Щербатов верно, как нам кажется, ставит приостановку похода в Лифляндию в связь с ожиданием нападения на Астрахань турецко-татарских войск. В самом деле, для защиты государства с юга потребовались в этом году особенно многочисленные рати. Сверх пяти полков «на берегу» три полка были поставлены на Туле и три полка — на Рязани. Были усилены войска в Нижнем, очевидно, в ожидании движения татар через Казанскую землю. На Переволоку был направлен с войсками кн. П. Серебряный, было послано подкрепление в Астрахань.[66] При отвлечении столь многочисленных сил на юг нельзя было себе представить возможности ведения каких-либо значительных активных операций на западном фронте. Но известия о решении крымцев возобновить мир с королем и начать войну в более широком масштабе и с более широкими целями стало известно в Москве уже в конце 1567 г. Следовательно, отказ от активных действий против Литвы в 1568 г., вероятно, был также связан с ожиданием татарско-турецкой войны.

Нельзя сказать, чтобы до 1574 г. русские войска не предпринимали на западном фронте совсем никаких значительных действий, но действия эти не были планомерными и не доводились до конца. Так, в августе 1570 г. русские войска начали осаду Ревеля, но в марте 1571 г. сняли осаду. Форстен объясняет прекращение осады мужественной защитой города его гарнизоном.[67] Но Форстен упускает из виду, что как раз в то время началось вторжение Девлет Гирея, закончившееся сожжением Москвы, что одновременно большие и малые ногаи вторглись в область низовых городов и дошли до Алатыря и Тетюшей (Тетюши были построены в 1570 г.). По всей вероятности, тогда же в Казанской земле началось восстание. В 1572 г., осенью и зимой, против восставшей горной и луговой черемисы было направлено пять полков. Если принять во внимание, что еще пять полков стояло на берегу, то понятно, что в Ливонии не могло быть оставлено сколько-нибудь значительных сил. Только в самом конце 1572 г. Иван IV мог предпринять активные действия в Лифляндии и 1 января 1573 г. взял г. Вейссенштейн, после чего сам царь ушел с частью войск в Новгород. Под командованием воевод другая часть войск продолжала операции. Быстро были захвачены города Падис и Каркус. Весь этот поход представлял собой короткий налет, который длился лишь первые зимние месяцы 1573 г. Далее в течение 1573 г. внимание московского правительства было сосредоточено на борьбе с татарами. Пять полков стояло «на берегу»: Калуга — Таруса — Серпухов — Кашира —

[66] М. Щербатов, т. V, ч. 2, с. 185—186.
[67] Форстен, с. 579, 588.

Коломна; пять полков стояло против казанских людей: Елатьма — (Муром)— Нижний — Шуя — Плес. Из этого расположения 10 полков можно себе представить огромное протяжение оборонительного фронта, на котором были скованы многочисленные русские войска. В 1573 г. московские ратные люди разгромили Сарайчик. В самом конце года казанские люди в Муроме государю «добили челом».[68] Замирение восстания, очевидно, не было прочным, потому что в 1574 г. татары подходили к Нижнему. В том же году в Казанской земле был поставлен Кокшайский острог. По сообщению оршанского старосты Филона Кмиты в 1574 г. почти все русские войска были сосредоточены на Оке, которая была сильно укреплена.[69] Размещаемых на южном и восточном фронтах войск было достаточно для отражения татарских нападений, но для активных действий на западном фронте вооруженных сил недоставало; вот почему ничего существенного и не было предпринято в эти годы на западном фронте.

Годы 1575—1578 составляют третий период Ливонской войны, отмеченный перерывом нападений крымцев на Русь и одновременным усилением активных операций русских войск в Ливонии. От 1575 г. совсем не имеется сведений о татарских нападениях. В 1576 г. татары, по всей вероятности белгородские, приходили к Новгороду-Северскому и большие ногаи — под Темников. В 1577 г. набег совершили ногаи дивеевы и большие ногаи, в 1578 г.— дивеевы, казыевские, большие ногаи и азовские татары. Перерыв нападений крымских татар на Московское государство в течение 1575—1578 гг. был вызван обострением отношений Польши с Турцией и Крымом вследствие вмешательства двух выходцев из Польши — Ивони и Подковы, которые при помощи вооруженных отрядов, набранных ими в пределах Польши, главным образом, среди украинских казаков, пытались захватить власть в Молдавии. Уже в 1574 г. татары по указанию султана участвовали в борьбе с ними, а затем совершали походы в Польшу. К этому присоединилось еще усиление нападений днепровских казаков под предводительством Ю. Язловецкого и Богдана Ружинского. Русские источники называют последнего «головой» днепровских казаков. Московский гонец Е. Ржевский в своем «вестовом списке» сообщал в апреле 1577 г. о нападениях днепровских казаков на Очаков, Белгород и на Крым, о захвате ими большого полона. Из других источников мы узнаем о разрушении ими Ислам-Керменя на Днепре.[70] Интересно, что московские гонцы сообщали сведения о сношениях царя Ивана IV с предводителем днепровских казаков Б. Ружинским, о посылке к нему запасов и денег. Еще интереснее тот факт, что вместе с запорожскими казаками действовали русские ратные люди во главе с А. Веревкиным: именно они захватили Ислам-Кермень. Следовательно, московское правительство повторило попытку активной борьбы с крымцами, как в 1558 и 1559 гг. Девлет Гирей ужасался такому распространению влияния московского государя.[71] Ответом на эти действия днепровских казаков были два крупных похода крымцев на Польшу в 1577 и 1578 гг. В 1578 г. крымцы совершили нападения уже после того, как мир между Турцией и Польшей был возобновлен. Турецкое правительство порицало крымского царя Магмет Гирея за набег на Польшу и выступило в каче-

---

[68] М. Щербатов, т. V, ч. 2, с. 332—333.

[69] Акты Западной России, т. II, с. 164, 165, 168—170 (Отписки Филона Кмиты).

[70] T. Korzon. Dzieje wojen i wojskowsci w Polsce. T. II, Lwów — Warszawa — Kraków, 1923, с. 7—9, 28—30. Н. Василенко. Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев, 1916, с. 174—177, Крым. кн. № 15, л. 33 об.—34, 37 и др.

[71] Крым. кн. № 15, л. 15. 26, 37. Древ. Росс. Вивл., т. XIV, с. 305.

стве энергичного посредника между Крымом и Польшей при заключении ими мира в сентябре 1578 г.[72]

Те же годы образуют период последних очень энергичных наступательных операций русских в Ливонии. Иван IV получил возможность сосредоточить в Ливонии большие по тем временам силы. В 1575 г. русские по льду переходили на острова Эзель и др., овладели Перновом, Гельметом, в 1576 г. русские войска два раза подходили к Ревелю, в 1577 г. русские войска во главе с самим царем добились блестящих успехов, овладели рядом городов.[73] Это пробуждение энергии Ивана IV нельзя объяснить только тем, что в 1577 г. Стефан Баторий был занят осадой Данцига, а естественно сопоставить его с отвлечением крымцев борьбой против Польши и днепровских казаков. Такую связь оживления операции в Ливонии с отвлечением сил крымцев отмечал в своей «Истории Российской» еще М. Щербатов.[74] Нападения ногайских татар, хотя они и продолжались в 1576 и 1577 гг., не были столь сильными и угрожающими. Для московского правительства имело немаловажное значение то, что Крым фактически прекратил ту войну, которую он вел против Московского государства с 1568 г.

После 1578 г. наступает последний, заключительный период Ливонской войны. Московское государство обороняется против объединившихся Польши и Швеции и против татар и с честью выходит из борьбы. Нет надобности говорить о событиях этого периода войны на западном фронте. Остановимся лишь на той роли, какую играли в последние годы войны татары. Заключив мир со Стефаном Баторием в сентябре 1578 г. и обязавшись ему военной помощью, крымцы фактически не могли в должной мере выполнить этого обязательства. Турция посредничала при заключении мира между Польшей и Крымом в своих собственных интересах, потому что помощь крымцев была ей нужна в начавшейся в 1578 г. войне с Персией. Крымцы два раза, в 1578 и 1579 гг., совершали походы против персов. Последний раз сам царь Магмет Гирей стоял во главе татарского войска. Оба похода окончились тяжелыми поражениями татар. Царевич-калга Алды Гирей погиб в сражении, а Казы Гирей, будущий крымский царь, попал в плен к персам.[75]

Не будучи в состоянии воевать против Московского государства, крымцы побуждали к нападениям ногаев. По донесениям московских гонцов, в орде с этой целью постоянно проживали крымские послы. От 1579 г. мы не имеем сведений о татарских набегах. Даже Большие ногаи, во главе которых с весны 1578 г. стал кн. Урус, вынуждены были воздержаться от них; из переписки с кн. Урусом довольно ясна причина этого воздержания: Иван IV задержал в Москве ногайского посла Янтемира со всеми сопровождавшими его татарами и отправил их на ливонский фронт, чем, к досаде кн. Уруса и мурз, лишил их свободы действий.[76] В 1580 г. татары всех улусов не один раз совершали набеги: в них участвовали и крымцы, освободившиеся от кизылбашских походов. В 1581 г. во главе объединенных сил татар стояли крымские царевичи. Набеги охватили

---

[72] T. Korzon, II, с. 30.— Крымск. кн. № 15, л. 27 об.—28, 171—173.

[73] Форстен, с. 646 и сл.

[74] М. Щербатов, т. V, ч. 2, с. 403 и сл., 416 и сл. М. Щербатов не совсем точно присоединяет сюда отвлечение татар турецко-персидской войной, потому что участие в ней татар началось лишь в 1578 г.

[75] T. Korzon, II, p. 30.— N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, Band III, 1910, с. 239, 141.— Крым. кн. № 16, л. 17 об.—18. Султан требовал помощи еще при жизни Девлет Гирея в 1577 г. (Крым. кн. № 15, л. 30).— См. также Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне, Спб., 1889, с. 41—42.

[76] Ногайск. кн. № 9, л. 24—31.

всю московскую украйну от Белева до Алатыря. Восстание в Казанской земле не прекращалось и отвлекало силы для борьбы с ним. Казаки подвергли новому погрому Сарайчик. В ответ на это кн. Урус захватил московских послов И. Девочкина с товарищами и распродал их в Бухару и другие страны. Отношения с ордой достигли наибольшей остроты. Таким образом, хотя нападения татар на Московское государство и не имели такой силы и целеустремленности, как во времена Девлет Гирея, они все же сохраняли значение постоянной и серьезной опасности, особенно вследствие своей связи с казанским восстанием. У московского правительства нехватало сил покончить с казанским восстанием и разжигавшими его ногаями в этот решающий период борьбы на западном фронте; ему приходилось только обороняться, откладывая на будущее ликвидацию восстания и усмирение больших ногаев.

Нет сомнения, что вмешательство в Ливонскую войну Польши и Швеции весьма затруднило ведение войны: эта сторона вопроса всегда привлекала к себе наибольшее внимание историков и достаточно основательно исследована. Гораздо слабее выяснено значение татарских нападений, как фактора, определявшего течение войны. Уже с самого ее начала, когда Иван IV имел дело только с одной Ливонией, выяснилось, что он не может располагать свободно всеми вооруженными силами, а часть их вынужден был выделять против татар. Когда операции с 1562 г. были перенесены против Польши, эффект татарских нападений стал еще очевиднее; действия против Польши не могли развернуться вследствие татарских нападений. В период 1568—1574 гг. центр тяжести войны совершенно явно был перенесен на южный и восточный фронты; попытки активизации операций на западном фронте не удавались. Ослабление татарских нападений в 1575—1578 гг. совпадает с последней попыткой проведения энергичного наступления в Ливонии. Связь и параллелизм развития действий на фронтах войны очевидны. Согласованные действия Польши и Швеции, начавшиеся с 1578 г., падают на заключительный период войны, когда силы Московского государства были уже в значительной степени подорваны, и в этом истощении сил видную роль сыграли татары. Оборона против татар на фронте огромного протяжения вынуждала так разбрасывать войска, что планы завоевания Ливонии становились неосуществимыми.

После похода Девлет Гирея под Москву в 1571 г. кн. Сулеш говорил московскому гонцу С. Клавшову, что московский государь напрасно ратных людей «разсорил по городком во многих местах, в немецких и в литовских. А только бы де все люди были вместе, ино бы лутчи».[77] Совет был бы не плох, если бы только Иван IV не был вынужден разбрасывать свои силы. Московское правительство хорошо понимало следствие подобного положения дел. Московские послы в Польше позднее, при царе Борисе, возвращаясь к прошлому и объясняя неудовлетворительный исход Ливонской войны, говорили, что в то время у московского государя «многие недруги учинились: турской салтан и крымский царь и иные пограничные государи». Пользуясь вмешательством в войну последних, король польский, соединившись с королем шведским, захватил лифляндские города. В другом месте тех же дипломатических документов перечень «недругов» царя Ивана IV дан еще полнее: кроме султана и крымского царя, к ним причислены заволжские большие ногаи, казыев улус, кабардинские черкасы, горские и кумыкские люди; все они «заодин сложась», «беспрестани», приходили на государеву землю и его города,

[77] Крым. кн. № 14, л. 27—32.

«и царского величества рати все были против них». Еще далее к недругам отнесены люди казанской и сибирской земель.[78]

Итак, сами московские деятели придавали нападениям татар и их союзников важное значение во всем ходе Ливонской войны. В самом деле, нетрудно было бы представить себе совсем иной ход событий, если бы правительство Ивана IV имело возможность сосредоточить все силы на одном западном фронте.

< 4 >

По окончании Ливонской войны пути Крыма и орды Больших ногаев разошлись между собой. Ногаи на собственный страх и риск продолжали борьбу с Московским государством, в то время как крымцы прервали свои набеги.

Насколько мы можем судить по имеющимся у нас неполным данным, Крым в то время был ослаблен внутренней неурядицей. Еще Девлет Гирей в последние годы своей жизни, когда он впал в старческую немощь, с трудом добивался повиновения от своих сыновей. Видя близкий конец Девлет Гирея, особенно ссорились между собой два старших его сына, Магмет Гирей и Алды Гирей: между ними была «брань великая». Ссора дошла до того, что Алды Гирей, «блюдясь брата своего», поставил себе на Калмиусе отдельный город, Болы-Сарай. Девлет Гирей очень этим кручинился, опасаясь распадения Крымского юрта; сведение о построении Болы-Сарая достигло Константинополя. Лишь перед самой смертью Девлет Гирей примирил между собой братьев.[79] Магмет Гирей, став царем, гордо заявлял Аф. Нагому, что все царевичи, князья и мурзы и «вся земля» находятся у него в повиновении. Но в действительности дело обстояло совсем иначе. Магмет Гирей был бессилен добиться повиновения от Дивеевых сыновей, Есинея и Арасланая. Еще меньше слушались его ногаи, обитавшие по верховьям Самары, на Миусе и по Овечьим водам. Построенный Алды Гиреем Болы-Сарай служил им опорным пунктом. Недовольные Магмет Гиреем царевичи находили поддержку среди этих ногаев. Так, в 1578 г. царевич Мурат Гирей и Дивеевы мурзы отказались итти в поход на Польшу, предпочитая набеги на Русь.[80] Затем, после гибели Алды Гирея в кизылбашском походе, Магмет Гирей в обход брата своего Алп Гирея назначил калгой своего сына Сеадет Гирея. На этой почве у Магмет Гирея произошло резкое столкновение с братьями Алп Гиреем и Селамет Гиреем, что вынудило их бежать из Крыма.[81] Далее, вследствие пробела в русских источниках, мы не имеем сведений о положении дела в Крыму до 1584 г. Из «вестовых» списков гонцов в Крым И. Мясного и В. Благово в Турцию от 1584—1585 гг. мы знаем о гибели Магмет Гирея от руки его брата Алп Гирея в 1584 г. Обстоятельства его гибели изложены в отписках московских гонцов довольно пространно. Мы укажем лишь коротко, что Магмет Гирей под давлением крымских князей и мурз отказался выполнить предписание султана о новом походе в Персию и решился на вооруженное сопротивление назначенному в Крым царем брату его Ислам Гирею. Но крымцы не рискнули на бой с турецкими войсками,

---

[78] СРИО, т. 137, с. 87, 151, 180.

[79] Крым. кн. № 15, л. 20—21.

[80] Крым. кн. № 15, л. 166—167, 170—171.

[81] Гейденштейн, 180. Селамет Гирей — сын Девлет Гирея. См.: L. Langlès. Notice chronologique des Khans de Crimée. В прилож. к т. III. Voyage du Bengale à Pétersbourg, Paris, 1802, p. 412.— H. Howorth. History of the Mongols, P. II. В тексте Селамет Гирей назван сыном Девлет Гирея, а в родословной таблице — внуком, с. 558, 626.

присланными на помощь Ислам Гирею, покинули Магмет Гирея. Магмет Гирей бежал, был захвачен и убит Алп Гиреем.[82]

В момент этого столкновения бежали из Крыма дети Магмет Гирея Сеадет Гирей, Мурат Гирей и Сафат Гирей. При поддержке Есинея и Арасланая Дивеевых и их улусных людей (до 15 тыс.) царевичи вернулись в Крым. На их стороне оказались виднейшие князья и мурзы: кн. Азий Ширинский, кн. Сулеш Перекопский, кн. Дербыш Куликов и др. Сеадет Гирей заставил Ислам Гирея скрыться в Кафу и захватил власть в Крыму. Но пробыл он царем в Крыму всего только три месяца. При помощи турецких войск Ислам Гирей одолел Сеадет Гирея, который со своими братьями снова бежал из Крыма в ногайские улусы. Калга Алп Гирей, преследуя беглецов до Донца, сжег построенный в 1577 г. Алды Гиреем Болы-Сарай. Все указанные нами перевороты в Крыму сопровождались кровавыми расправами, избиениями противников и разорением крымского населения.[83] Мы бегло коснулись всех этих событий в Крыму для объяснения того, почему в 1582—1585 гг. крымцы не участвовали в нападениях на Русь.

Но Большие ногаи продолжали самостоятельно неутомимую борьбу с Московским государством. Кн. Урус, стоявший в то время во главе орды, пытался не только отстоять независимость орды, но и боролся за восстановление татарской власти в Поволжье, отчего после первой же неудачной попытки отказалась Турция и что было непосильной задачей даже при более благоприятных условиях для Девлет Гирея.

По окончании Ливонской войны московское правительство могло приступить к планомерному подавлению казанского восстания и приведению к покорности ногаев, разжигавших и поддерживавших восстание казанских людей. В 1582 г. в Казанской земле развернулись крупные операции. Два полка из Казани были посланы на Каму «по ногайским вестям», что доказывает глубокое проникновение ногаев в Казанскую землю. В апреле полки «в плавную» ходили по Волге. В октябре несколько полков было направлено против луговой черемисы. Ногаи, впрочем, не ограничивались действиями только в Казанской земле; имеются указания на появление их в том же 1582 г. под Новосилем.[84] В 1583 г. снова был совершен поход полками по Волге. Был построен Козмодемьянский острог и составлена роспись зимнего похода.[85] Действительно, в январе 1584 г. на черемису было послано пять полков: большой и правой руки из Мурома, передовой — из Елатьмы, сторожевой — из Юрьевца, левой руки — из Балахны.[86] В 1585 г. воеводы тремя полками ходили на луговую черемису. В том же году, несколько позднее, воеводы тремя полками ходили из Переяславля-Рязанского в Шацк «по ногайским вестям». В том же году «в Черемисе» был поставлен город Санчурск.[87] Восстание было подавлено. Закрепляя положение в Поволжье и предупреждая повторные попытки больших ногаев проникнуть в Казанскую землю, московское правительство построило в 1586 г. Самару и Уфу, а в 1589 г.— Царицын, в 1590 г.— Саратов.[88]

---

[82] Турец. кн. № 2, л. 369—372.

[83] Турец. кн. № 2, л. 302—304. — Крым. кн. № 16, л. 1—3.

[84] Синб. сб., 80—82.—Кн. разр. № 112/158, л. 153—155.

[85] Синб. сб., 83. — Кн. разр. № 112/158, л. 509, 517. — Кн. разр. № 116/163, л. 157—162.

[86] Синб. сб., 85.—Кн. разр. № 116/163, л. 164.

[87] Синб. сб., 89—90.— Кн. разр. № 116/163, л. 176—177.

[88] Г. Перетяткович. Поволжье в XV—XVI вв. М., 1877, с. 313—314, 317, 319—320. А. А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923, с. 138—139, 140—144. Гераклитов устанавливает дату построения Саратова в 1590 г.— Существует мнение, что Уфа была построена между 1574 и 1586 гг.

Путем таких планомерных действий, нанося последовательные удары и строя новые города, московское правительство доказало кн. Урусу всю тщетность его попыток. В начале 1585 г. гонец И. Мясной узнал в Крыму, что кн. Урус и мурза Тинбай обращались к царю Ислам Гирею с предложением дружбы и союза против «общих недругов», царя московского и короля польского, просили писать к султану, что Большие ногаи попрежнему готовы ему служить. Кн. Урус и мурза Тинбай просили султана о присылке под Астрахань воинских людей. Они жаловались на тяжелое положение орды, стесненной русскими и страдающей от нападений казаков.[89] Но перед московским правительством стояла еще задача привести Больших ногаев к повиновению. Бегство из Крыма царевичей Сеадет Гирея, Мурат Гирея и Сафат Гирея, казалось, давало ему в руки удобное оружие. Царевичам некуда было деваться. Мурат Гирей скрылся в Астрахань, два других — в кумыки. В 1586 г. Мурат Гирей явился в Москву «на государево имя», был принят государем, а затем отпущен в Астрахань. Одна из разрядных книг очень выразительно говорит о цели этого назначения: «А из Астрахани итти ему промышлять над Крымом, а взем Крым, сести ему в Крыму царем, а служити ему царю и великому князю».[90] Сеадет Гирею и Сафат Гирею было разрешено поселиться в ногайской орде.

Запись разрядной книги ценна тем, что она выдает сокровенные замыслы русского правительства: правительству царя Федора Ивановича как будто рисовалась возможность посадить в Крыму зависевшего от него царя, как это некогда было в Казани и Астрахани. Официально правительство, конечно, решительно отрицало существование подобных намерений. Ближайшей целью водворения в Астрахани Мурат Гирея было приведение к покорности орды Больших ногаев. Московское правительство не хотело повторять ошибок неудачного опыта с последними астраханскими царями. Поэтому назначение Мурат Гирея в Астрахань было обставлено тщательно обдуманными мерами предосторожности. Как видно из переписки астраханских воевод и прикомандированных к царевичу воевод Р. М. Пивова и М. И. Бурцова, Мурат Гирей находился под их строжайшим надзором и буквально не мог сделать самостоятельно ни одного шага: все приемы Мурат Гиреем ногайских мурз, все переговоры с ними, вопросы об их награждении, выезды его за пределы города, даже посещение им мечети происходили в присутствии, в сопровождении и с разрешения Пивова и Бурцова. Скоро Мурат Гиреем был достигнут тот положительный результат, что кн. Урус, скрепя сердце, должен был подчиниться московской власти и дать в Астрахань заложников.[91] В 1587 г. кн. Урус отправил к султану своего посла с объяснением своего поведения, чтобы султан на него «не пенял, что (он) учинился в государя московского воле: чья будет Астрахань, и Волга, и Еик, того будет вся ногайская орда».[92]

Использование беглого крымского царевича в качестве политического орудия было мерой обоюдоострой. Мера эта не без основания поселила у крымцев подозрение в том, что московское правительство что-то замышляет против Крыма. Крупными набегами на Русь в 1586 и 1587 гг.;[93] крымцы хотели предупредить осуществление враждебных им

---

[89] Крым. кн. № 16, л. 10 об.—12.
[90] Крым. кн. № 16, л. 16 об.—24.—Разр. кн. № 116/163, л. 177.
[91] Крым. д. 1586. Без номера, л. 10—13, 27 и др.
[92] Крым. кн. № 17, л. 34.
[93] По Сестренцевичу, нападения эти вытекали из союза Крыма с Швецией. Сестренцевич, 294. О союзе крымцев с Швецией говорит С. М. Соловьев, кн. II, с. 611.

планов и заставить московское правительство отказаться от них.[94] И в самом деле, московскому правительству пришлось пересмотреть вопрос о пребывании Мурат Гирея в Астрахани.

Большое влияние на московско-татарские отношения имело назначение в Крым на место умершего Ислам Гирея его брата Казы Гирея (1588—1607). Назначение Казы Гирея царем сопровождалось важными событиями как в Крыму, так и в ногайских ордах. Казы Гирей поставил первой своей целью привести в порядок внутренние дела Крыма и восстановить крымское влияние в ногайских ордах, нарушенное в предшествующие годы. Казы Гирей постарался уладить распри среди потомков Девлет Гирея, а также среди крымских и ногайских князей и мурз, замешанных в предшествующих событиях и покинувших Крым. Казы Гирей прибыл в Крым в апреле 1588 г. Прежде всего он обратился к царевичам Мурат Гирею и Сафат Гирею, князьям и мурзам, бежавшим из Крыма, с предложением вернуться обратно с их улусами. Очевидно, Казы Гирей придавал большое значение устранению угрозы извне, связанной с пребыванием Мурат Гирея в Астрахани. Царевич Сафат Гирей тотчас же вернулся в Крым и был назначен нурадыном. Вместе с царевичем вернулись Арасланай Дивеев с сыном и ряд других крымских князей и мурз, кн. Кутлу Ширинский, кн. Сулеш Перекопский и др. Правда, возвращение этих лиц повело к бегству других царевичей и представителей крымской знати, которые были причастны к убийству Магмет Гирея и Есинея Дивеева. Однако мы не видим, чтобы сам Казы Гирей прибегал к репрессиям и мести.[95] Во всяком случае Казы Гирею удалось восстановить в Крыму порядок.

Гораздо более важным, с точки зрения московского правительства, было другое следствие политики Казы Гирея, а именно возвращение к Крыму казыевских улусов и части улусов больших ногаев. Из числа мурз Больших ногаев отошли от Астрахани дети кн. Уруса, мурзы Саты, Кан и Янараслан, Кучук Тинехматов, Шейдахмет Магмет мурзин сын (нурадын) и др. Бегство этих виднейших мурз от Астрахани указывало на то, что подчинение их Москве было вынужденным и непрочным. Мурзы так объясняли московскому гонцу в Крыму Ив. Мясному свою измену московскому государю: ушли они «от неволи», бросив отцов, матерей, жен и детей и все свои животы, от притеснений, которые чинил над ними Мурат Гирей царевич, опираясь на поддержку московских воевод; такой «неволи», какую им приходится испытывать от Мурат Гирея, ногаи никогда не испытывали. В своей грамоте в Москву в том же 1588 г. Казы Гирей с торжеством писал, что под Крым пришли ногайские улусы, дивеевы, казыевские и Больших ногаев; последние поселились вместе с казыевцами под Азовом. «И ныне,— писал Казы Гирей,— божею милостью к крымской рати прибыло войска больши 100 тысяч».[96]

В действительности Казы Гирей сильно преувеличивал успех своей политики. Прибывший в Крым в начале 1589 г., московский гонец И. Мишурин узнал, что перевод улусов Дивеевых мурз на их старые кочевья произошел зимой. Их переводил нурадын Сафат Гирей. Всего вернулось на старые кочевья с Арасланаем Дивеевым и детьми Есинея Дивеева до 10 тыс. улусных людей. Но подобная же операция с Большими ногаями не удалась. Ногайские мурзы отправили к султану в качестве своего посла мурзу Саты, сына кн. Уруса, чтобы султан их пожаловал, принял бы их под свою власть, дал бы им своего царевича и г. Болы-Сарай (на Кал-

[94] Крым. кн. № 17, л. 8—9, 20—21, 28—31, 33—36.
[95] Крым. кн. № 17, л. 46—47, 58—60, 64—65.
[96] Крым. кн. № 17, л. 49 об.—51, 191 об.—192.—Шейдахмет, вероятно,— сын Магмет мурзы, старшего сына кн. Исмаила, умершего при жизни отца.

миусе), разрушенный, как указано выше, в 1584 г. Султан прислал к ним своего чауша для принятия от них присяги, но мурзы отказались присягать, пока султан не выполнит их просьбы.[97] Мурзы с их улусными людьми, которые к тому времени в количестве до 15 тыс. пришли от Астрахани, остались на левой стороне Дона. Мурзы не хотели итти на правую сторону Дона. Повидимому, нурадын Сафат Гирей при содействии кн. Якшисата казыевского пытался силой заставить улусы Больших ногаев перейти Дон. Произошла кровавая схватка. С особенным ожесточением действовал кн. Якшисат. В столкновении погибли Саты мурза Урусов и нурадын Шейдахмет. Кн. Якшисат успел захватить часть ногайских улусов, но большинство улусов и мурз бежало к Астрахани.

Кн. Урус не оставил без отмщения действий кн. Якшисата. Собрав своих татар, он напал на казыевцев «за свои досады и за кровь». Кн. Урус погромил казыевские улусы и захватил многие из них. Казыевцы, в свою очередь, ходили на Больших ногаев за Волгу. В этом новом столкновении погибли кн. Урус с сыном (Кан мурзой?). «Дальние заволжские мурзы», собравшись, бились с казыевцами и убили кн. Якшисата и др.[98] Эти столкновения между Большими и Малыми ногаями продолжались от 1588 до 1590 гг.

Поскольку уже в конце 1590 г. от лица Казыевской орды выступает Кан мурза, следует заключить, что его отца кн. Якшисата уже не было в живых, и поскольку в январе 1591 г. в Крыму был ногайский посол от кн. Урмаметя, можно сделать вывод, что кн. Урус также погиб в 1590 г.[99]

Почти одновременно с гибелью кн. Уруса и кн. Якшисата сходит со сцены царевич Мурат Гирей. Казы Гирей настойчиво и угрожающе требовал от московского правительства удаления его из Астрахани. Набеги татар в 1586 и 1587 гг. показали рискованность использования беглого царевича, как орудия против Крыма. Московское правительство заявило, что оно не удерживает Мурат Гирея в Астрахани и предоставляет на его волю, оставаться ли ему в Астрахани или вернуться в Крым. В 1589 г. Мурат Гирей был вызван в Москву. Крымскому гонцу, находившемуся в то время в Москве, было разрешено видеться с царевичем и сопровождать его в Астрахань. Мурат Гирею было разрешено снестись с Крымом и послать туда своего человека «для вестей».[100] В 1590 г. или в начале следующего года Мурат Гирей с сыном погибли в Астрахани. Летопись обвиняет в их гибели крымцев, подославших к ним людей с отравой, крымцы со своей стороны обвиняли в том же русское правительство.[101]

Описанные нами острые столкновения ногаев с крымцами и Малыми ногаями поселили между ними такую вражду и взаимное недоверие, что связь между ними прервалась и совместные их действия против Московского государства стали невозможными на многие годы. Крым и на этот раз подтвердил свою неспособность сплачивать вокруг себя разрозненные татарские улусы.

< 5 >

В конце XVI в. нападения татар на Русь прекратились почти совсем. Первыми прекратили свои нападения Большие ногаи. После того, как

---

[97] Крым. кн. № 17, л. 298—299.—Крым. кн. № 16, л. 49 об.—51.—Чауш — посол султана.

[98] Крым. кн. № 17, л. 298—299.—Турец. кн. № 3, л. 42, 322 об.

[99] Крым. кн. № 19, л. 107.

[100] Крым. кн. № 17, л. 263, 307—308.

[101] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 39.—Крым. кн. № 17, л. 307—308. Московскому правительству было, разумеется, нежелательно возвращение Мурат Гирея в Крым, а московские гонцы в Крыму как раз узнали о намерении Мурат Гирея действительно уйти в Крым.

распалось объединение Больших ногаев с Крымом, большая ногайская орда была поглощена внутренней борьбой. К сожалению, наши основные источники, а именно Ногайские дела, обрываются на середине 80-х годов. Этот пробел лишь в очень незначительной мере восполняется отрывочными сведениями Крымских и Турецких дел, сохранившихся до первой половины 90-х годов.[102] Если все же при помощи этих дополнительных источников мы можем еще представить себе основные события в ногайской орде во второй половине 80-х годов, и, в частности, борьбу в орде и ее столкновения с Малыми ногаями в 1589—1590 гг., то о положении дел в орде Больших ногаев в 90-х годах почти не сохранилось никаких сведений. Некоторые общие и глухие указания на события конца 90-х годов в орде мы находим в источниках XVII в.

Из документов посольства в орду Больших ногаев окольничего С. С. Годунова в 1604 г. мы узнаем, что после кн. Уруса, погибшего в 1590 г., князем в орде стал старший сын кн. Тинехмата мурза Урмаметь. В 1597 г. кн. Урмаметь был еще жив. Его сменил в княжеском звании следующий по старшинству сын кн. Тинехмата, мурза Тинмаметь. Очевидно, что Тинмаметь был князем в орде очень короткий срок, потому что в 1600 г. князем в орде стал мурза Иштерек. Вся эта смена князей в орде, после смерти кн. Уруса, сопровождалась ожесточенной борьбой между мурзами. Противниками сыновей кн. Тинехмата выступали дети кн. Уруса и потомки младшего из сыновей кн. Исмаила мурзы Тинбая, не достигшего княжеского звания. Союзниками сыновей кн. Уруса и мурзы Тинбая были алтаульские мурзы, Шихмамаевы дети, а также казыевские мурзы. Вождем всей враждебной Тинехматовым мурзам партии был старший сын кн. Уруса Янараслан мурза. Кн. Иштерек в своих показаниях, данных С. С. Годунову, характеризовал кн. Уруса, как «великого изменника», который с сыном своим Янарасланом и другими своими «советниками от турского и от крымского ни на один час не отставал», турок и крымцев на Астрахань и на московскую украйну «подымал». Ненавидя братьев своих, Урмаметя, Тинмаметя и других, Янараслан хотел их всех «извести».[103] Позднее кн. Иштерек припоминал в качестве особенно сильного и убедительного доказательства «измены» кн. Уруса продажу им в Юргенчь московских послов, за что его самого, детей и внучат постигла жестокая участь.[104] В этой борьбе за власть в орде погибли кн. Урмаметь, кн. Тинмаметь, Байтерек мурза Тинехматовы, а также некоторые другие мурзы следующего, младшего поколения. По выразительным словам кн. Иштерека, Янараслан мурза «мертвому отцу своему, а себе живому хотенье совершил, тех всех побил до смерти. И Янараслану де как не быть в отца, коли прираженье в нем отцово?». «Исполнил отцу своему мертвому и себе хотенье побил братью и племянника своего (Салты мурзу) без вины».[105]

Мы имеем здесь пример столкновения двух различных представлений о порядке наследования власти в орде: по старшинству линий и по старшинству возрастному. С особенным ожесточением Янараслан мурза боролся с кн. Иштереком, «старее» которого он был годами: «меж ними сабля ходила и кровопролитие было». На стороне кн. Иштерека в этой борьбе

---

[102] Ногайские книги кончаются 1581—1582 гг. (№ 10), Ногайские дела в разрозненном виде доходят до 1587 г.

[103] Акты времени Лжедимитрия I (1603—1606 гг.). Под ред. Н. Р. Рождественского. Чт. МОИ и ДР, 1918, кн. 1, с. 131. Сыновья кн. Тинехмата и кн. Уруса — двоюродные братья, как видно из родословной таблицы (см. приложение III), но русские источники часто не различают родных и двоюродных братьев.

[104] Акты времени правления царя Василия Шуйского, под. ред. А. М. Гневушева. М., 1914, с. 193. Проданы были П. Девочкин с товарищами, предположительно в 1581 г. См. об этом приложение I под 1581 г.

[105] Акты времени Лжедимитрия I, с. 131.

стояло все потомство Тинехмата.[106] С. С. Годунов, выясняя основания претензий Янараслана мурзы, спрашивал его: «Кто был большой, Тинехмат ли или Урус князь?» Янараслан подтвердил старшинство Тинехмата. Тогда С. С. Годунов говорил мурзе: «Почему же он хочет больше и лутче быть Иштерека князя, коли Иштереков отец, Тинехмат князь, больше отца его, Уруса князя, был?» В ответ на это Янараслан мурза высказал свой взгляд на порядок наследования в орде: «В ногайской орде ведетца,— сказал он,— что живет сперва большего брата большой сын на княженье, а после того другого брата сын на княженье. И только по их ногайскому обычаю и доведетца быть нонеча на ногайском княженье ему, Янараслану». «А преж сего меж их с-Ыштереком князем з братьею за ногайское княженье кровь пролилась».

Русское правительство не оставалось в стороне от этой борьбы в орде. Летописец так определяет политику царя Бориса в орде: «Слышав в нагайской орде умножение людей, яко живяху меж себя в совете, он же (ц. Борис.—*А. Н.*) бояшеся тово,что Астрахани от них быти в тесноте и приходу на Московское государство начая войны, и повеле астраханским воеводам их ссорити. И бысть меж ими война велия, друг друга побиваху, и многи улусы запустеша, а Казыев улус мало не весь запусте, и от той войны оскудеша, яко отцы детей своих продаваху в Астрахани».[107]

Мы располагаем лишь отрывочными данными и для суждения о политике царя Бориса в орде. Но все, что нам известно, говорит против того, что будто ногаи жили «меж себя в совете» и мирно размножались. Напротив, мурзы находились между собой в постоянной борьбе и соперничестве. В орде было достаточно поводов к междоусобной борьбе и без постороннего вмешательства. Может быть, будет правильнее сказать, что царь Борис лишь использовал борьбу между мурзами для укрепления русской власти в орде.

В действиях московского правительства была последовательность. Оно настойчиво поддерживало потомство кн. Тинехмата, быть может, не столько из принципиальных соображений, сколько потому, что кн. Урус показал себя открытым врагом русской власти, а его сын Янараслан по всем признакам готов был итти по стопам своего отца. В 1604 г. С. С. Годунов, излагая ход столкновений в орде, говорил, что по повелению государя яицкие и волжские казаки приходили на улусы Янараслана и его братьев, разорили их, захватили и привели в Астрахань самого Янараслана и его сыновей и некоторых их сторонников.[108] Можно лишь приблизительно установить, когда произошло это событие. Известно, что сыновья Янараслана были взяты в Москву в качестве заложников и там крещены, один под именем Петра, другой — Александра. Разрядная книга под 1594 г. говорит, что в июле этого года при приеме цесарских послов, когда послы ели у государя, вина «нарежал» и пить наливал кн. Петр Урусов, т. е. Урак мурза Янарасланов. Имеется также указание на то, что кн. Петр Урусов был женат на вдове кн. А. И. Шуйского.[109] Такова была ужасная, по оценке кн. Иштерека, судьба сыновей Янараслана. Из сопоставления этих фактов очевидно, что погром улусов Янараслана произошел еще при жизни кн. Урмаметя. Кн. А. Жарового-Засекин, направлявшийся послом в Персию в сентябре 1600 г., на вопрос о розни в орде должен был отвечать, что рознь и битвы между Урусовыми, Тинбаевыми и Ших-

---

[106] Акты времени ц. В. Шуйского, с. 176, 187.

[107] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 52.

[108] Акты времени Лжедимитрия I, с. 98—99.

[109] Синб. сб., 129, Чт. МОИ и ДР, 1899, кн. 4, с. 7. Возможно, что в Москве же был крещен также третий сын Янараслана — Тук под именем Ивана. Но о пребывании его в Москве нам указаний не встречалось.

мамаевыми, с одной стороны, и Тинехматовыми—с другой, действительно были, но что царь указал кн. Иштереку с братьями «посмирить» противников последних, дав Иштереку в помощь царскую рать «с вогненным боем».[110] Следовательно, мы имеем второй, более поздний случай вмешательства русского правительства в отношения ногайских мурз между собой. В борьбе с кн. Иштереком Янараслан мурза вступал в союз с казыевскими мурзами и «подымал многажда Казыев улус и приходил на него многажда войной».[111] Царь Борис поддерживал кн. Иштерека. Последний говорил, что «только бы де царь Борис ему, Иштереку князю, не дал света видеть, и ево бы де, Иштерека, давно не было»...[112]

Назначение Иштерека князем произошло в иной форме, чем это делалось раньше, и это новшество имело принципиальное значение. В справке, наведенной Посольским приказом в 1641 г. относительно порядка назначения князей в орде Больших ногаев, говорится, что при царе Федоре Ивановиче «выбирали на княженье мурзы меж себя сами по степени и большеству, и садились в нагаех». После этого новый князь «объявлял» московскому государю о состоявшемся избрании, и государь подтверждал избрание своими грамотами. То же самое произошло и при избрании в орде князем Иштерека мурзы. Царь Борис утвердил его князем, а его брата Кучука мурзу—нурадыном. Но управлявший в то время Астраханью боярин и воевода кн. И. В. Сицкий с товарищами пошел дальше царского утверждения и совершил в Астрахани торжественный обряд посажения Иштерека князем в присутствии других мурз и сеитов;[113] по старинному обычаю кн. Иштерек был поднят на епанче, затем следовал торжественный стол и раздача подарков. «А до Иштерека князя в Астрахани на ногайское княженье князей астраханские воеводы не саживали и не выбирывали». А сделал так воевода кн. И. В. Сицкий «сверх государевы грамоты, для того, чтоб и вперед на нагайскую орду князем по их закону сажать в Астрахани перед государевыми бояры и воеводы, а не у них в юртах, и чтоб их учинить в государеве воле и холопстве на веки».[114]

Итак, орда Больших ногаев, после перехода в русское подданство, при кн. Исмаиле сохраняла верность царю Ивану IV. Затем последовал период колебаний при кн. Тинехмате. Начиная с 70-х годов орда в течение 15 лет жестоко боролась с Московским государством, пытаясь восстановить утраченную независимость и свое прежнее влияние в Поволжье. Со второй половины 80-х годов московскому правительству удалось восстановить свою власть над ордой; актом возведения Иштерека мурзы в княжеское звание царь Борис формально утвердил свой сюзеренитет в орде. Ясно, что протекший с средины 80-х годов период мирных отношений с ордой был слишком короток для того, чтобы между ордой и Московским государством могли сложиться устойчивые отношения и прочные внутренние связи. Слабые связующие нити подданства при благоприятных условиях могли бы окрепнуть, равно как при неблагоприятных условиях так же легко могли и оборваться.

---

[110] Памятники дипломатич. и торгов. сношений Моск. Руси с Персией, т. II, с. 50.

[111] Акты времени Лжедимитрия I, с. 131.

[112] Акты времени правления ц. В. Шуйского, с. 176.

[113] Сеиты или сеиды — потомки пророка Мухамеда от дочери его Фатимы и халифа Алия. Сеиты — категория татарских феодалов, связанная с мусульманским духовенством. В Казанском ханстве существовал сеит — глава духовенства, избиравшийся или назначавшийся из числа потомков Мухамеда; такой же сеит существовал в Касимове и, повидимому, вначале в Крыму.

[114] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 27—35. Акты времени Лжедимитрия I, с. 110.

Несколько позднее был возобновлен мир между Московским государством и Крымом. Мы уже сказали, что после окончания Ливонской войны нападения крымцев прекратились (1582—1585 гг.). В 1586 и 1587 гг. последовали два нападения крымцев. Затем три года нападений не было. Последние крупные выступления крымцев против Московского государства относятся к 1591 и 1592 гг. В 1591 г. сам Казы Гирей прорвался к Москве. О том, что этот поход Казы Гирея был согласован со шведским правительством, говорит летописец: крымский царь напал на Московское государство, «совет имея (с) свейским королем Еганом, яко да в едино время от обоих стран на благочестие ополчатся». Набег царевичей в 1592 г. совпал со походом русских войск под Выборг.[115] Согласованность действий крымцев со шведами подтверждается сведениями, которые добыл в Крыму московский гонец Иван Бибиков: крымский гонец Антон Черкашенин вел со шведским королем переговоры о вознаграждении за содействие татар как раз в то время, когда московские послы «съезжались» со шведскими в Ивангороде.[116] Казы Гирей и царевичи, ходившие на Русь, обратили внимание на то, что ни на украйне, ни на Оке почти не было ратных людей.[117]

Было несколько других причин к сохранению напряженных и враждебных отношений между Крымом и московским правительством. Важнейшей из них было то, что русские удержали и даже усилили свое влияние в Предкавказье. Донские казаки придвинулись вплотную к Азову, до крайности его стеснили, а в 1593 г. сделали первую попытку его захвата. Весной этого года казаки, осадив Азов, ворвались в город, и только при помощи Кан мурзы, мобилизовавшего все силы казыевских татар, Азов отбил атаку донских казаков. Кан мурза жаловался в Крыму, что казаки и Большие ногаи стеснили его, и он живет в Азове, «что мышь в гнезде». Московские посланники Г. Нащокин и А. Иванов, ездившие в Константинополь в 1593—1594 гг. с мирным предложением, встретили неприязненный и высокомерный прием. Визирь предъявил им ряд претензий: о построении городков на Тереке и в Кабарде, о нападении донских казаков на Азов, о сношениях московского правительства с грузинским царем Александром и требовал сведения с Дона казаков и даже возвращения Казани и Астрахани. На предложение прислать в Москву своих послов для переговоров о мире визирь заявил, что султан не имеет обыкновения просить у кого-либо мира, а что де государи, которые нуждаются в мире, сами присылают к султану послов.[118]

Несмотря на все эти обстоятельства, препятствовавшие возобновлению мирного соглашения между Москвой и Крымом, мир в 1594 г. был возобновлен. Казы Гирей лишь постарался возможно дороже продать свое согласие на мир и предъявил требование уплаты больших поминок и «запроса» в 30 тыс. руб. В самом конце 1593 г. в Крым прибыл московский посол кн. Меркурий Щербатов. Московское правительство удовлетворило требования Казы Гирея лишь наполовину и прислало в Крым 15 тыс. руб. в счет «запроса» и 2 тыс. в счет очередных поминок (нормальный размер их в то время равнялся 4000 руб.). Тем не менее Казы Гирей, недолго поторговавшись, 14 апреля 1594 г. принес мирную шерть вместе со своими ближними людьми, исключив, впрочем, из своих обязательств

---

[115] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 10, 41.
[116] Крым кн. № 19, л. 109, 186 об.—187.
[117] Крым. кн. № 19, л. 117 об.—118, 300.
[118] Турец. кн. № 3, л. 197, 218—220, 224 225, 227, 239—240, 247.—Крым. кн. № 20, л. 211 об.—242.—Крым. кн. № 21, л. 232 об.—233 и др. В 1588 г. русскими был построен Терский городок. В 90-х годах возобновлен городок на Сунже.

ответственность за Азов, потому что он находится в подчинении султана, и за казыев улус, потому что он «кочует себе», т. е. никому не подчиняется.[119]

Причина поворота политики Крыма заключается в том, что в 1593 г. Турция начала войну с Венгрией, войну тяжелую и длительную (до 1606 г.), в которой должен был принять участие Крым. Уже в войне с Персией в 70-х годах турецкое правительство использовало татарское войско. В войне с Венгрией, вследствие дальнейшего снижения как количества, так и качества турецких вооруженных сил, значение татарского войска еще более возросло. Война с Венгрией осложнилась войной с молдавским князем Михаилом, который нанес туркам ряд сильнейших поражений, и с Польшей, которая, пользуясь поражениями Турции, постаралась закрепить свое преобладание в княжествах. При таких условиях для татар открывалось широчайшее поле деятельности. Казы Гирей и его татары были для турок желанными участниками всех походов. Турки давали Казы Гирею крупные денежные субсидии, осыпали подарками и оставляли безнаказанными разбойничьи действия татар, производившиеся ими в турецких провинциях. Оборотной стороной служебной роли, которую играли в турецко-венгерской войне татары, было усиление веса и значения крымского царя. Притязания Казы Гирея далеко выходили за пределы его прав, как вассала турецкого султана. Он располагал огромной добычей, которой в изобилии снабжал Константинополь, самого султана и виднейших турецких сановников. Он был непременным и влиятельным участником военного совета в обсуждении всяких соглашений с иностранными правительствами. Более того, Казы Гирей иногда заключал самостоятельно такие соглашения с польским королем (в 1595 и 1599 гг.) и императором (1604 г.).[120]

Привлечение крымцев к участию в войне Турции с Венгрией поставило Казы Гирея перед необходимостью возобновить мирное соглашение с московским правительством. Кн. Ахмет Сулешев говорил московским послам, что главным соображением в пользу заключения мира с Москвой было опасение Казы Гирея, что в его отсутствие московский государь договорится с польским королем против Крыма. Гонец А. Акинфов в 1595 г. собрал обстоятельные сведения о походе татар в Венгрию (Можары) в предшествующем 1594 г. С царем было в походе до 70 тыс. татар, да с калгой Фети Гиреем — до 15 тыс. человек. Казы Гирей вернулся из похода только в феврале 1595 г. В Венгрии был оставлен кн. Арасланай Дивеев и с ним 10 тыс. татар. В августе—ноябре 1595 г. сам Казы Гирей совершил новый поход в Молдавию и в Польшу. В 1596 г. гонец А. Зиновьев узнал о требовании султана снова итти в Венгрию.[121] Почти ежегодные походы татар в Венгрию, Молдавию или Польшу продолжались вплоть до 1606—1607 гг.; походы эти полностью занимали татар и приносили им богатую добычу, вследствие чего набеги на Русь потеряли для них интерес. Прекращение набегов крымцев на Московское государство в конце XVI в. и в первые годы XVII в., было, следовательно, обусловлено прежде всего международной обстановкой.

---

[119] Крым. кн. № 21, л. 44—45, 49 об.—50, 271—278, 285 об.—287 и сл.

[120] О Казы Гирее и участии татар в турецко-венгерской войне см. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, II, 654—655, 686. Его же Geschichte der Chanen der Krim, с. 68—93. Jorga, B. III, 317—318, 358—359, 379—381. В. Д. Смирнов, с. 444—452, 467—469.

[121] Крым. кн. № 91, л. 249 об., 271—278, 445—451, 534—535. О походах татар в Венгрию см. Н. Веселовский. Реценз. на кн. Смирнова. ЖМНП, 1889, I, с. 180—182.

Оставались еще группы татар, которые по временам продолжали нарушать мир на московской украйне. Это были азовские и казыевские татары. О таких нападениях мы имеем сведения от 1593, 1594 и 1596 гг. Главным действующим лицом в этих набегах был азовский ага Досмагметь. Позднее в качестве вожаков азовцев действуют дети Досмагметя — Ишакай и Касай. Но нападение азовцев и казыевцев по своей силе и опасности для Московского государства не могли итти ни в какое сравнение с нападениями крымцев или больших ногаев.

Установление мира на южной окраине Московского государства нашло свое отражение в построении его обороны. Выше мы отметили наиболее

Годы	Большой	Правой руки	Передовой	Сторожевой	Левой руки	Украинный разряд
1572	Серпухов	Таруса	Калуга	Кашира	Лопасня	—
1573	»	»	»	Коломна	Кашира	—
1574	»	»	»	»	»	—
1575	»	Мышега	»	»	»	—
1576	»	»	»	»	»	—
1577	»	Таруса	»	»	»	—
1578	»	»	»	»	»	Тула—Дедилов «за рекой»
1579	»	»	»	»	»	—
1580	»	—	»	»	—	—
1581	»	—	»	»	—	—
1582	»	Таруса	»	»	Кашира	Тула—Дедилов—Новосиль
1583	»	»	»	»	»	Тула—Дедилов—Михайлов
1584	»	Алексин	»	»	»	Тула—Дедилов—Михайлов—Рязань—Зарайск
1585	»	?	»	»	»	Тула—Дедилов. На Рязани три полка
1586	»	Таруса	»	»	»	Тула—Дедилов—Крапивна
1587	»	Алексин	»	»	»	1) Тула—Дедилов, 2) Тула—Венев—Дедилов—Михайлов—Рязань
1588	»	Мышега	»	»	»	Тула—Дедилов—Михайлов
1589	»	»	»	Крапивна (?)	»	Тула—Дедилов
1590	»	»	»	Крапивна (?)	»	—
1591	»	Алексин	»	Коломна	»	Тула—Дедилов
1592	Сведений не найдено					Тула и др.
1593	»	»	»			Тула—Дедилов—Одоев
1594	»	»	»			Тула—Дедилов
1595	»	»	»			—
1596	Серпухов	Алексин	Калуга	Коломна	Кашира	Тула—Дедилов—Крапивна
1597	»	»	»	»	»	Тула—Дедилов—Крапивна
1598	»	»	»	»	»	Нет сведений
1599	1) Тула—Крапивна—Дедилов—Епифань 2) Мценск—Новосиль—Орел					

характерные черты размещения русских оборонительных сил на юге в 60 и 70-х годах.[122]

В 1582 г. в оборону южной окраины вносится весьма важное новшество, несомненно связанное с окончанием Ливонской войны и освобождением вооруженных сил. Новшество это заключается в том, что одновременно и параллельно с традиционной расстановкой полков «на берегу», обычно в пяти пунктах, указанных в приведенной выше таблице, слагаются «меньший украинный разряд», противополагаемый «большому разряду» — «берегу». Украинный разряд был подготовлен предшествующей практикой постановки полков «за рекой», но только с 1582 г. эта практика превращается в систему.

Обычное размещение полков в украинном разряде было таково: Тула — Дедилов и в каком-либо еще одном пункте. Первые два пункта определились сразу же и твердо; третий пункт менялся. Двойная расстановка полков — «на берегу» и в «украинном разряде» — означала существенное усиление обороны против татар.

Три раза (1584, 1585 и 1587 гг.) мы встречаем полки на Рязани, как бы первые опыты образования Рязанского разряда, окончательное оформление которого относится к XVII в.

Расстановка полков в две линии удержалась до 1598 г. включительно. С 1599 г. «береговая» полковая служба исчезает, и полки ставятся только в украинных городах. Полки при этом выдвигаются далеко вперед и располагаются в виде треугольника, выдававшегося основанием к югу: большой полк — в Мценске, передовой — в Новосиле, сторожевой — в Орле. Такая расстановка полков удерживается в течение 1599—1605 гг. Единственный раз в 1600 г. большой полк был поставлен вместо Мценска в Туле.[123] Отказ от традиционной охраны «берега», постановка полков только в украинных городах и только в трех пунктах, что означало значительное сокращение численности войск, выдвижение полков вперед — все это свидетельствовало о возросшей уверенности московского правительства в безопасности южных границ. Такая уверенность основывалась на том, что с Крымом был возобновлен мир, что в орде снова укрепилась власть московского правительства, что оборона была усилена построением ряда новых городов: Ливен и Воронежа (1586 г.), Курска (возобновлен, 1587 г.), Ельца (1592 г.), Кром (1595 г.), Белгорода (1598 г.), Оскола (1598 г.), Валуйки (1599 г.), Царева-Борисова (1600 г.).

---

[122] Мы не касались организации сторожевой и станичной службы, подвергшейся коренному изменению в 1571 г. и частичным в последующие годы, о чем обстоятельно изложено в работе И. Беляева. «О сторожевой, станичной и полевой службе». М., 1846.

[123] Синб. сб. 138, 141, 144, 145, 153. Разрядные записи за Смутное время, собранн. С. А. Белокуровым, Чт. МОИ и ДР, 1907, кн. 2 и 3 (и отд. изд.), с. 194, 203.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОСКОВСКО-ТАТАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Содержание: *1. Заключение союза Польши с Крымом против Московского государства в 1607 г. — 2. Включение орды Больших ногаев в войну против Московского государства в годы правления царя Василия Шуйского и междуцарствия. — 3. Состояние обороны южных границ Московского государства в начале XVII в. — 4. Очерк татарских нападений на Русь в течение 1607—1617 гг. — 5. Разрыв польско-крымского союза, выход Крыма из войны и возобновление мира между Крымом и Московским государством. — 6. Выход из войны орды Больших ногаев и ее возвращение в московское подданство в 1616 в.*

< 1 >

Одновременно с польской интервенцией нарушились и мирные отношения Московского государства с татарами, установившиеся в конце прошлого столетия. Польское правительство, начиная вмешательство в московские дела, снова заключает союз с Крымом, как это было в эпоху Ливонской войны; затем в войну против Московского государства вступает орда Больших ногаев, и в течение десятилетия Русь подвергается непрерывным и опустошительным нападениям татар (1607—1617 гг.).

Важнейшим моментом в истории московско-татарских отношений в годы польской интервенции было заключение польско-крымского союза. Международная обстановка в это время была иной, чем во время Ливонской войны.

К началу XVII в. Турция значительно ослабела; дружественные отношения с Польшей сменились напряженными отношениями соперничества. Выше мы указали, что тяжелая, сопровождавшаяся рядом крупнейших поражений Турции война из-за Венгрии (1593—1606 гг.) и возобновившаяся война с шахом Аббасом (1603—1612 гг.) отразились самым непосредственным образом на ослаблении позиций Турции в Европе; в частности, эти войны сопровождались усилением польского влияния в княжествах Валахии и Молдавии в ущерб турецкому влиянию. Фактически польское правительство назначает и сменяет правителей княжеств и даже силой свергает неугодных ему князей, ставленников султана. Князья Молдавии и Валахии в качестве вассалов платят дань польскому королю; сеймы принимают и выслушивают их послов. Польские послы ведут себя в Константинополе, с точки зрения турок, неслыханно смело и даже дерзко, и турецкое правительство было вынуждено терпеть такое поведение. Польское правительство вступает в договоры с крымским царем Казы Гиреем, которыми обеспечивает свои права в княжествах, и султан санкционирует

эти договоры. Польская внешняя политика освободилась на время от угрозы со стороны Турции и приобрела большую свободу развития. Король Сигизмунд III строил планы овладения Трансильванией и экспансии на восток в пределы Московского государства.[1]

В плане войны с Московским государством Сигизмунда III нас интересует то место, которое он отводил в нем татарам,— вопрос, наименее освещенный в обширной литературе о польской интервенции. Без татар не мыслили себе войны с Московским государством и предшественники Сигизмунда III. Ближайшим образом план этот, по собственному его признанию, был повторением и развитием плана Стефана Батория. Было, собственно, две программы войны: одна неофициальная, с такой полнотой и ясностью развитая королем в письме его к Замойскому от 23 марта 1604 г. и говорившая о войне захватнической,[2] вторая — официальная, обращенная к католическому миру, в первую очередь к папе римскому. Последняя изложена в инструкции польскому послу в Риме епископу Павлу Волуцкому: «По прекращении рода Ивана Васильевича, когда представлялся, повидимому, случай к тому же, то предшественник его (Сигизмунда III *А.Н.*) блаженные памяти король Стефан также намеревался покорить Московию. Главная цель его была та, чтобы, приведя под свою власть Московию, которая на огромном пространстве граничит с Турецкою империею и через которую открыта дорога в Персию, могущую заключить союз и доставить войско против турок,— таким образом надеть, так сказать, оковы на силу турецкую, уже давно страшную христианскому миру, и самую Московию от ее заблуждения и раскола привести к повиновению этому святому апостольскому престолу. Это намерение предшественником вашего святейшества блаженной памяти Сикстом V не только было одобрено, но и принято в число собственных его забот и дел, причем он даже определил на эту войну огромные пособия. Впоследствии оно было прервано или совсем оставлено со смертью короля Стефана и папы Сикста V, а также с изменением в Московском государстве. Потом оно снова было принято всепресветлейшим моим королем по другому случаю (появление Самозванца—*А.Н.*), который, можно сказать, был дан свыше, и тем с большим жаром, что, кроме других величайших выгод для всего христианства, которые могут быть от покорения Московии, он предвидит отсюда отчасти возможность возвратить свое королевство Швецию не столько под свою власть, сколько во власть сего святого апостольского престола. Он принял это намерение с той же мыслью, как и предшественник его король Стефан, а именно, желая вспомоществовать христианству и возвеличить его, но успех несравненно больший увенчал его начинания».[3] Стремясь обеспечить помощь папы римского, король писал главе ордена иезуитов в Польше Клавдию Аквавиве, что «сие самое дело предпринято для распространения католической веры среди этих диких и нечестивых неверных народов». Одновременно же к самому папе король писал, что «он побеждал не столько для себя, сколько для бога и святого апостольского престола».[4]

Провозглашая благочестивые цели войны с Московией и рисуя себя бескорыстным борцом за интересы христианства против «поганства» (татар и турок), король Сигизмунд в то же время келейно вел переговоры с Казы Гиреем о привлечении его к войне против Московского государства. Когда начались и как протекали в подробностях эти сношения с Крымом, мы не

---

[1] N. Jorga, III, c. 317—318, 358—363.

[2] A. Naruszewicz. Zywot J. K. Chodkiewicza, 1858, c. 192—195.

[3] Акты времени междуцарствия (1610—1613 гг.). Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915, с. 188 (1612 г.).

[4] Акты времени междуцарствия, с. 109, 116—117 (1611 г.).

можем сказать, потому что дипломатическая переписка с Крымом за первые годы правления царя Бориса не сохранилась.[5] Мир с Казы Гиреем, заключенный в 1594 г. московским послом кн. М. Щербатовым, был подтвержден посольством Л. Лодыженского в 1598 г.[6] Но установившиеся мирные отношения поколебались и грозили нарушиться тотчас же с появлением в Польше Самозванца. Крымский гонец Ян-Ахмет Чилибей, прибывший в Москву в сентябре 1604 г., приподнял завесу над этими закулисными переговорами Сигизмунда с Казы Гиреем. Он сообщил в Москве о приготовлениях Самозванца к походу в пределы Московского государства. Во время переговоров с дьяком Аф. Власьевым 28 ноября, т. е. тогда, когда Самозванец уже действовал на Украине, гонец рассказал, что в Крыму было известно о появлении Самозванца у кн. А. Вишневецкого, о поездке последнего к канцлеру и королю, о заявлении Вишневецкого, что он, Вишневецкий, не связан, как король, присягой о соблюдении мира с царем Борисом и, следовательно, он может действовать, не стесняясь мирным договором с московским правительством. Ахмет паша Сулешев, в качестве московского амията, пошел дальше и в своем письме к царю Борису сообщил, что Казы Гирей посылал к королю своего гонца Джан-Антона Черкашенина, и король обещал Казы Гирею уплату казны за два года и просил помощи тому, кого в Польше решено было «возвышать», т. е. Самозванцу, называющему себя царевичем, и что Казы Гирей «на той думе был». Как выразился гонец Ян-Ахмет, «смуту учинил промежи великих государей наших один человек». Таким образом, Сигизмунд пытался привлечь на свою сторону Казы Гирея с самого начала, как только приступил к осуществлению своего плана войны с Московским государством.[7]

Царь Борис явно опасался возникновения союза между Польшей и Крымом. Об этом свидетельствуют неоднократные посылки гонцов и посланников в Крым в течение короткого промежутка времени. Так, есть указание на посылку в Крым гонца Ив. Лодыженского, затем кн. Ф. Барятинского, вслед за ним в середине 1601 г. послов кн. Г. К. Волконского и Мих. Огаркова. Казы Гирей при желании мог бы легко найти повод к разрыву. Так, гонец Ян-Ахмет говорил в Москве в 1604 г., что кн. Ф. Барятинский вызвал раздражение Казы Гирея тем, что отказался содействовать прекращению погрома около Керчи, произведенного донскими казаками как раз во время его пребывания в Крыму. «Новый летописец» говорит, что кн. Ф. Барятинский своим поведением едва не довел дело до разрыва. Царь Борис положил на него опалу и послал в Крым кн. Г. К. Волконского, который добился подтверждения мира Казы Гиреем, доставив в Крым богатые поминки на сумму в 14 тыс руб., в том числе одними деньгами 10 тыс. руб. Кн. Г. К. Волконский прибыл на «разменное место», на Ливны летом 1601 г., а «размена» произошла только в мае 1602 г. Из содержания дела о «размене» видно, что в Москве были обеспокоены задержкой и всеми мерами старались выяснить ее причины. В Крым слали гонцов. Писали Казы Гирею, что, если он замышляет нападение, то царь Борис его не боится, уверенный в своих силах. По требованию из Крыма «размену» произвели в Цареве-Борисове, что было противно обычаю, исключительно в угоду крымцам. Явившийся, наконец, в Царев-Борисов Ахмет паша Сулешев разъяснил, что задержка была вызвана тем, что из Крыма бежал к султану калга-царевич, и Казы Гирей опасался своей смены из Крыма. Ахмет паша уверял, что нападения со стороны крымцев нет никакого основания

---

[5] Из числа крымских дел за 1601 г. имеется налицо лишь одно—№ 2.
[6] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 50—56.
[7] Акты времени междуцарствия, с. 155, 175, 180, 182.

опасаться также потому, что Казы Гирей находится в неприязненных отношениях с горскими черкасами и Малыми ногаями.[8]

Когда в сентябре 1604 г. в Москву прибыл гонец Ян-Ахмет и рассказал о настроениях в Крыму, царь Борис поспешил тотчас же отправить в Крым нового гонца А. Хрущова с новыми заверениями в дружественном расположении к Казы Гирею. Настаивая на скорейшем отпуске в Крым, Ян-Ахмет говорил, что он опасается, что найдутся «бездельники», которые «наведут царя на дурные дела». «Чаю де, вам ведомо,— говорил гонец,— что в Крыме лето ставитца с крещенья, и воинские люди садятца на конь; и только меня еще позадержат, а царь безвестен будет, и в том прибыли будет мало на обе стороны. В Крыме всяких людей много: которые государю служат, а иные и не таковы, и учнут царю говорить на ссору, что послал к московскому государю своего гонца с сроком, и гонца задержали; и то уже какому доброму делу быти меж вами? А царю будет от них отговоритись нечем, и в том бы меж великими государи не всчалось нелюбье». В марте 1605 г. Аф. Власьев, обсуждая с Ян-Ахметом вопрос о его отпуске в Крым, признался, что «по грехом в польских и во всех городах шатость, и Ливны по тому же в шатости». Отпускать ли его сейчас или обождать, когда государевы люди «над ворами промыслят?». Гонец отвечал, что поле широко и дорога найдется; отпустить скорее надо потому, что «король в Литве збойлив, а канцлер польской збойливее короля; либо они, узнав такую смуту в русском государстве, да царя (Казы Гирея) прельстят». Гонец, однако, отпущен не был; он был свидетелем смерти царя Бориса и воцарения Лжедимитрия и выехал в Крым лишь весной 1606 г.[9] Тотчас же по получении сообщения из Крыма о сношениях Сигизмунда с Казы Гиреем, царь Борис передал польскому правительству протест против подстрекательства крымцев к войне с Московским государством, прямо ссылаясь на полученные из Крыма сведения. Разумеется, польское правительство отрицало это обвинение.[10]

Таким образом, королю Сигизмунду не удалось склонить Казы Гирея к помощи Самозванду. С большой долей вероятия мы можем объяснить неудачу его попытки прежде всего тем, что турецкое правительство продолжало в Европе войну и не могло допустить уклонения Казы Гирея от участия в ней. Еще в 1606 г. сын Казы Гирея Тохтамыш был в походе в Венгрии, откуда вернулся с большой добычей, а царевич Сафат Гирей в 1606—1607 гг. нападал на Польшу. Крупные поминки, привезенные в Крым кн. Г. К. Волконским, также должны были оказать свое умиротворяющее действие.

Известны воинственные планы Самозванца в отношении Крыма и Турции. В грамоте от 5 ноября 1605 г., уведомляя папу о принятии российского престола, Самозванец заявлял о своей готовности вместе с императором воевать против турок, «жесточайших и бесчеловечнейших врагов креста Христова». В том же году он обращался к королю Сигизмунду с таким же выражением готовности вступить с ним и другими христианскими государями в союз для борьбы за освобождение христиан из рук басурманских. В записке, приложенной к письму Самозванца к Ю. Мнишек от 29 января 1606 г., говорится об успешных действиях московских воевод против турок и их вассалов под Терком. Король Сигизмунд отнюдь не думал всерьез о крестовом походе против «поганых», но не удерживал и не порицал воинственной шумихи, поднятой Самозванцем. Папский нунций в Польше Ран-

---

[8] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 56. Акты времени междуцарствия, с. 160. Крым. д. 1601 г., № 2, л. 11—12, 36, 39, 41, 107, 109—110.

[9] Акты времени междуцарствия, 177, 184.— Zbòj, Zbòjca (старинн. польск.) — разбойник, бандит.

[10] РИБ, т. 137, с. 179.

гони 25 февраля 1606 г. извещал Самозванца, что король отклонил предложение папы примкнуть к антитурецкой лиге (в этом Сигизмунд следовал примеру своих предшественников), ввиду «непреодолимых препятствий, а особливо, что поляки и немцы с природы между собою несогласны». Папа полагал, однако, что если бы Димитрий, действуя самостоятельно, победил татар, то это было бы полезно тем, что облегчило бы положение императора: победить татар, означало бы «отнять у оттоманской Порты крылья и как бы правое плечо»... Все эти проекты относились к тому времени, когда подготовлялись мирные переговоры между султаном и императором. Рангони писал даже, что есть сведения, что будто бы мир уже заключен, но только еще не обнародован.[11] Рангони несколько предупреждал события: переговоры о мире начались в июне 1606 г. и закончились в ноябре.

Мир был настоятельно необходим Турции. Одновременное ведение войны в Европе и в Азии (против шаха Аббаса) было для нее задачей непосильной. Чтобы освободить силы для войны против Персии, турецкое правительство готово было пойти на уступки своим противникам в Европе. Но необходимо было также установить мир и с Польшей, надо было уладить отношения между Польшей и Крымом. В последнем вопросе сам султан выступил посредником. Мир между Турцией и Польшей был заключен 16 июля 1607 г. со включением в него особых пунктов, касающихся польско-крымских отношений. Договор обеспечивал полную неприкосновенность и безопасность владений Польши от нападений татар и турецких владений от нападений днепровских казаков. На таких же началах взаимности было оговорено обязательство безвозмездного возвращения пленных и возмещения ранее нанесенного ущерба, отыскания преступников и нарушителей мира. Договор облегчал польским купцам торговлю в Турции и в княжествах. Было упорядочено взимание торговых пошлин и денежное обращение, гарантированы гражданские права польских купцов в турецких владениях. Самым важным для Польши было внесение в договор статей, устанавливавших мир ее с Крымом под гарантией султана. Польша была обязана ежегодной уплатой хану обычных поминок, и пока платеж будет производиться и король не сделает ничего противного договору, хан обязан соблюдать мир. Более того, по требованию короля и по приказу султана хан был обязан оказывать королю военную помощь против его врагов. Последний пункт означал настоящий военный союз Польши с Крымом. Подписание договора султан Ахмет (1606—1617 гг.) сопроводил торжественным выражением надежды, что заключенный договор останется непоколебленным в течение всего его царствования.[12] Следует признать, что в момент заключения договор устраивал обе стороны: Турции он давал возможность сосредоточиться на войне с шахом Аббасом, а король Сигизмунд мог приступить к выполнению своего плана, направленного «к умножению славы и расширению границ», не опасаясь за безопасность своих южных владений и рассчитывая на военную помощь со стороны татар.

Шах Аббас, готовясь к возобновлению войны с Турцией, пытался организовать против нее коалицию и при царе Борисе через Москву сносился с Францией, Австрией, Венецией и римским папой. Возможно, у шаха был расчет на поддержку и со стороны московского правительства. Как раз в самом начале турецко-персидской войны в 1604—1605 гг. Борис Годунов пытался продвинуться в Дагестан. Война Польши и татар с Московским государством должна была изолировать последнее и предупредить вмешательство московского пра-

[11] СГГ и Д, т. II, № 107, 123, 126. Акты Западной России, т. IV, № 165.
[12] Zinkeisen, III, 658—659. Hammer, II, 721—722.

вительства в северокавказские дела. Воинственные планы Лжедимитрия I также должны были учитываться турецким правительством.

Мы не знаем подробностей переговоров о мире между Польшей, Турцией и Крымом. Переговоры эти велись весьма конспиративно. Мы не можем утверждать поэтому, использовал ли король Сигизмунд ссылку на воинственные намерения Лжедимитрия в качестве аргумента, чтобы склонить турок и татар к миру и союзу. Во всяком случае русские современники видели опасную сторону бряцания оружием, которое производил Самозванец. Очень ярко выразил эти опасения Авраамий Палицын. Авраамий Палицын обвинял Самозванца в том, что он сознательно «тщаше же ся конечне и вселукавне, яко же Улеян Законопреступник, тай христиане погубити. Посылает же к крымскому царю дары бесчестны, сделав шубу от кож свиных, не еже нечистого одаровати, но воздвигнути на брань семя изгнанное. И в писаниях являя о себе приготовльшася со всею полунощною страною, грядуща к расхищению крымских жилищ. Пройде слух и до Константинополя о сем, и тамо готовы были турцы к пролитию крови неповинных. Рострига же Росии всей и от поляков многих повеле готовитися на Озов идти и на прочая жилища татарская, и немедленно послав на Елец много избранного наряду пушечного и опустоши Москву и иные грады тою крепостию». Все это Самозванец делал «лукавством», чтобы погубить христиан, а Москву предать полякам.[13] Если отбросить преувеличения и обвинение Самозванца в каком-то невероятном коварстве, в суждениях Авраамия Палицына скрывается много верного. Укажем только, что царь Василий Шуйский при своей попытке установить связь с Казы Гиреем и добиться подтверждения мира настойчиво подчеркивал, что со смертью Самозванца окончилась враждебная Крыму политика. Следовательно, в московских правительственных кругах допускали, что политика Самозванца могла вредно отразиться на сохранении мира между Московским государством, Турцией и Крымом.

Повторяем, что король Сигизмунд вел дело о договоре с Турцией и Крымом весьма скрытно. В польской же исторической литературе этот очень важный факт обходится молчанием. Московские послы в Польшу князь Г. К. Волконский и дьяк А. Иванов (29 мая 1606—13 февраля 1607) упрекали панов-раду в натравливании татар на Россию, но паны-рада «запирались», отрицая даже поддержку Самозванца. От послов не ускользнуло начало «ссылок о мире» между королем и султаном и старания последнего помирить короля с крымским царем, но проникнуть в тайну переговоров и дождаться их конца они не могли. Они привезли с собой лишь мрачные предчувствия неблагоприятного развития событий. Прибывшие вслед за ними в Москву польские посланники Витовский и Соколинский (май 1607—август 1608) имели своей задачей скрыть от царя В. Шуйского ход переговоров, завершившихся как раз в течение их пребывания в Москве договором 16 июля 1607 г. Посланники не только ни одним звуком не проговорились о нем, но они доказывали обратное, что царь Борис «накуповал» «поганина на господарства короля», что даже оскорбительно «зацного короля христианского в том славить», будто он мог татар направлять на Московское государство: «вси господари христианские, которые то уведают, подивятся».[14] Говорилось это тогда, когда на основе договора 1607 г. с Турцией было уже заключено соглашение с Казы Гиреем о военной помощи с его стороны на условии уплаты ему польским королем ежегодных поминок. Это соглашение польского короля с Казы Гиреем не могло, конеч-

[13] РИБ, т. XIII, с. 496—497.

[14] РИБ, т. 137, с. 247, 249—259, 362—363. Акты Зап. России, т. IV, с. 177. Zacny (польск.)— почтенный, благородный, знатный, славный.

но, быть тайной от правящих кругов Польши и не осталось также мертвой буквой. В переписке гетмана Жолкевского мы находим прямое указание на то, что соглашение с Казы Гиреем действительно осуществлялось. Так, в послании к сенаторам и рыцарству от 9 апреля 1608 г. Жолкевский пишет, что в соответствии с условиями перемирия Казы Гирей удерживал татар от нападений на польскую Украину. Позднее, в 1617 г., ведя переговоры под Яругой о заключении перемирия с турками, Жолкевский в своих письмах к визирю еще раз подтверждал, что Казы Гирей соблюдал перемирие; мало того, тогда именно поляки давали крымцам подарки «за труды против общих врагов московитов».[15] Это признание такого авторитетного лица, как Жолкевский, особенно для нас важно потому, что польское правительство старательно скрывало свое соглашение с Крымом и перекладывало вину за татарские нападения на царя Василия; то же писал впоследствии в своих записках и сам Жолкевский.

Поскольку польское правительство всегда во все времена отрицало свою связь с татарами, уверения польских посланников и на этот раз никого в Москве не могли обмануть. Позиция Крыма попрежнему беспокоила русское правительство. Поэтому в необычное время, вероятно, зимой, в начале 1607 г., в Крым были направлены посланники: ясельничий А. Воейков и подьячий З. Языков. Из сопоставления немногих документальных указаний о судьбе этого посольства выясняется, что оно не достигло Крыма и погибло по пути туда: под Валуйкой посланники московские и возвращавшиеся вместе с ними из Москвы крымские гонцы были захвачены отрядами воровских казаков и начавших свои операции на московской украйне татар (Казыевских и Больших ногаев), отведены в Путивль, где московские посланники были перебиты, а крымские гонцы посажены в тюрьму; поминки были разграблены. В начале марта 1607 г. в Москве принимали нового крымского гонца Хедырь Улана. Из документов о приеме этого гонца ясно, что московское правительство не знало ничего определенного о судьбе посольства А. Воейкова.[16] Документов посольства Воейкова не сохранилось. В апреле 1607 г., когда московское правительство еще не имело достоверных сведений о судьбе А. Воейкова, не знало еще, доехал ли он до Крыма и каков был результат его поездки, тотчас по приезде гонца Хедырь Улана правительство приготовило посылку в Крым гонца Степана Ушакова. Документы об отправлении в Крым С. Ушакова единственные, дошедшие до нас документы дипломатической переписки царя Василия Шуйского с Крымом, по которым мы можем судить о его политике в отношении татар. Гонец Хедырь Улан прибыл от Казы Гирея с поздравлением царя Василия по случаю воцарения, с заверением «в крепкой дружбе и в братстве навеки неподвижно», «другу государеву другом быти, а недругу недругом». 24 апреля 1607 г. была «сказана служба» в Крым гонцом сыну боярскому С. Ушакову и с ним отпущены 3 человека

[15] A. Bielowski. Pisma St. Żòlkiewskiego, Lwów, 1861, c. 186, 252—263.

[16] В 1607 г. дьяк В. Телепнев должен был говорить гонцу Хедырь Улану, что царю Василию «учинилось ведомо», что Казы Гирей А. Воейкова «принял любительно» и отпустил его обратно. Но сам царь говорил гонцу, что Казы Гирей отпустил Хедырь Улана, не дождавшись московских посланников, т. е. Воейкова и Языкова. Остается предположить, что крымский гонец разъехался с Воейковым еще в пути, когда последний направлялся в Крым. Но следует признать совершенно невозможным, чтобы за короткий промежуток времени проезда Хедырь Улана в Москву Воейков был принят Казы Гиреем и отпущен и чтобы в Москве уже успели узнать об этом. Сам Хедырь Улан явно не знал ничего о посланниках, следовательно, он не видел их ни в Крыму, ни в пути. Мало того, посылая в Крым гонца С. Ушакова в апреле 1607 г., правительство поручало ему собрать сведения о судьбе Воейкова и его товарищей. Правительство позднее узнало, что посольство погибло в пути, но гибель эту представляло себе недостаточно точно. Впоследствии выяснились обстоятельства гибели посольства. (Акты времени ц. В. Шуйского, 235—244. Акты времени междуцарствия, 18—20).

из числа крымских гонцов за исключением Хедырь Улана, который был задержан в Москве. С. Ушаков должен был направиться в Крым через Шацк и далее «которыми месты лутче и безстрашнее, чтоб от тех городов, которые заворовали и от казаков и от черкас от воров пройти здорово...» 7 мая С. Ушаков был отпущен из Шацка в сопровождении мордовских сел приказчика П. Мордвинова и 35 чел. казаков и мордвы. Нет никаких указаний на то, что С. Ушакову удалось пробраться в Крым. Как писал царь Василий, уже неоднократно он посылал к Казы Гирею гонцов, но их перехватывали в украинных городах воры и убивали. После неудавшейся попытки послать С. Ушакова сношения с Крымом прервались до 1613 г.

Согласно наказу С. Ушаков, прежде чем итти на посольство к царю, должен был тайно встретиться с амиятом Ахмет пашою Сулешевым и говорить с ним, чтобы он, помня свое и всего своего рода «раденье» московским государям и их к ним «жалованье», Казы Гирея царя в «правде утверждал», наводил бы его с царем Василием быть «в дружбе и в любви», соблюдать шерть, которую он давал прежним царям Федору Ивановичу перед послами кн. М. Щербатовым и позднее перед кн. Г. Волконским, «на том бы стоял и недружбы никоторые не всчинял, на государевы украйны сам не ходил и воинских людей не посылал», а царь Василий «на своем слове стоит и ис своего слова никак не выступит и во всем с Казы Гиреем царем хочет быть в крепкой дружбе и в любви, и мысль царского величества на то утвердилась крепко и неподвижно, что быти з государем их, с Казы Гиреем царем, в дружбе и в любви навеки и против Казы Гиреевы хочет любви воздавати своею царскою любовью, хотение его во всем хочет исполняти». С. Ушаков должен был довести до сведения Казы Гирея, что Гришка Отрепьев погиб, чем устраняется всякий повод к недоразумениям, потому что тот Самозванец Московское государство с Крымом «ссорил, хотел итти войною на Азов и на Казы Гирееву цареву украйну и к царю Казы Гирею в своей грамоте писался высоко всех татарских царств государем...» Не следует придавать никакой веры «ворам», называющимся «государскими детьми розными имяны». Неофициальная сторона поручения С. Ушакова состояла в собирании сведений о том, что говорят в Крыму «про смуту украинных городов», что говорят о Расстриге, не имеют ли сношений с «ворами» и другими самозванцами, собрать сведения об отношениях Крыма к Турции и Польше, есть ли между ними ссылки, об отношениях и связях Крыма с черкасскими князьями, с большими и малыми ногаями, о судьбе посольства Воейкова.

Однако не в этом заключалась основная цель поездки С. Ушакова. Дело шло также и не о том, чтобы настроить Казы Гирея против польского короля; обращает на себя внимание то, что в документе об этом именно нет ни одного слова. Наказ, данный Ушакову, проникнут от начала до конца опасением близкого, почти неизбежного вторжения татар в пределы Московского государства; наказ предусматривает различные формы и поводы татарского вмешательства в русские дела и развивает детально аргументацию, которую должен был использовать Ушаков, дабы удержать крымцев от походов на Русь. При этом и здесь наказ ничего не говорит о возможности нападения татар на Русь в союзе с польским королем. Такое умолчание о Польше и связи Крыма с нею мы не можем не признать сознательным дипломатическим умолчанием, тем более, что С. Ушакову было поручено собрать обо всем этом сведения в Крыму.

Казы Гирей и его ближние люди, начиная нападения на Русь, могли сослаться на приглашение их к войне и на помощь со стороны изменивших украинных городов или от кого-либо, называющего себя царевичем, «чтобы царь за них вступился и пошел на государевы украйны и им пособил, а они во всей цареве воле учинятца и казну многую хотят давать».

С. Ушаков должен был в таком случае убеждать Казы Гирея и его ближних людей, что те люди «своим воровством во всем свете явны, во всех государствах то будет в посмех», что от такого вмешательства им «прибыли никакие не будет», а только убытки и бесчестие. Рассмотренный случай предполагал прямую интервенцию по призыву какого-либо самозванца и «изменников». Но могло оказаться, что Казы Гирей не станет действовать так открыто. Крымцы будут говорить, что Казы Гирей «хочет итти войной на те городы, которые государю изменили, а называют государскими детьми воров, и царь, доброхотая государю, на них идет или ратных людей послал, хотячи их привести под государеву руку...» На это следовало отвечать, что «царь делает добро, что правду свою и слово исполняет (другу другом быти, а недругу недругом)...» Но царь Василий «по своему царскому милосердому обычею того не хочет, чтобы кровь в его государстве лилась...» Хочет он того, чтобы изменившие ему города добровольно ему «добили челом» и «вины свои принесли», а он отпустит им их вины. У царя Василия по реке Оке и за Окою «по многим городам и на поле» «несчетные многие рати», при помощи которых он сам может «смирити» изменников, «только ждет от них царское величество обращения без крови...» Таким образом, наказ предвидел тот случай, когда татары совершат нападение на Русь под видом помощи и под предлогом выполнения обязательства «другу другом быти, а недругу недругом быти». Наказ предписывал решительно отклонить такого рода непрошенную помощь. Может статься, что царь Казы Гирей сам к государеве украйне не пойдет, а пойдут войной царевичи и ближние люди или только одни князья и мурзы, и С. Ушаков встретит их по пути в Крым; он должен был уговаривать их вернуться, что он едет к царю Казы Гирею «для доброво дела». «И будет те князи и мурзы воротитись не похотят, а похотят итти на государевы украйны, а скажут ему, что их послал Казы Гирей царь и им как воротитца, и Степану царевым ближним людем говорити бесстрашно по сему государеву наказу, как у него в сем наказе написано выше сего, как в Крыму велено говорити царевым ближним людем, только царев поход будет на государевы украйны».[17]

Повторяем, документов предшествующего посольства Воейкова и Языкова не сохранилось. О содержании их посольства мы можем заключить по аналогии с задачами и целями предшествующих посольств в Крым, имевших место при царях Федоре и Борисе, и с поручением царя Василия Ушакову. Что задачи посольства Воейкова и Языкова были теми же самыми, мы можем обосновать, кроме общих логических соображений, упоминаниями о нем в документах об отправлении гонца Ушакова. Замечание стороннего наблюдателя Исаака Массы подтверждает это. Исаак Масса говорит, что вскоре после воцарения Василий Шуйский направил в Крым посла (т. е. Воейкова), чтобы «возобновить мир, а также с ведомостью, что Димитрий, враг крымцев, убит ими (москвичами) и также о всех его деяниях, чтобы вполне оправдать свои поступки».[18] Политика царя Василия в отношении Крыма была продолжением политики предшествующих правительств; от воинственных планов Лжедимитрия царь Василий решительно отмежевывался. Его задачей было сохранение status quo отношений с Крымом, сложившихся уже давно, со времени заключения мирного соглашения с Казы Гиреем в 1594 г. через московского посла кн. Меркурия Щербатова. После неудавшейся посылки Ушакова связь московского правительства с Крымом прервалась надолго, вследствие начавшихся татарских нападений, восстаний на московской украйне и открытой польской

---

[17] Акты времени ц. В. Шуйского, с. 239—266.

[18] Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, с. 155.

интервенции. Царь Василий уже не имел возможности внести изменения в свою политику по отношению к Крыму.

Ясный сам по себе вопрос о роли союза польского короля с Крымом против Москвы и политики царя Василия в отношении Крыма накануне интервенции затемняется указаниями некоторых других источников, на основании которых сложилось представление о том, что царь Василий сам показал путь татарам на Русь и положил начало их нападениям. Когда в 1609 г. весной началось крупное вторжение татар под предводительством калги Джанибек Гирея, царь Василий стал широко разглашать в своих грамотах по всей стране, что крымцы его союзники и идут ему на помощь против польского короля. То же самое утверждал он в своем обращении к кн. Иштереку несколько позднее. Эта попытка скрыть собственное бессилие и тяжкие последствия татарского нашествия от населения была грубой ошибкой, лишний раз подтверждавшей репутацию царя Василия как человека «царствования недостойного», из-за которого «кровь проливается многая». В 1611 г. в переговорах с переводчиком Прокофием Врасским кн. Иштерек должен был признать, что походы татар ногайской орды на Русь под предлогом борьбы с изменившими царю Василию городами были обманом. В 1618—1619 гг., когда в Крыму снова обсуждался вопрос о помощи московскому правительству против польского короля, московский амият признавал, что московское правительство не может желать такой помощи, потому что в крымцах правды нет: в прошлые годы, когда калга Джанибек Гирей (ныне царь крымский) приходил к Кашире (1609 г.) как бы на помощь царю Василию, он взял у него большую казну и не только никакой помощи не учинил, но многие русские города «вывоевал»; в следующем году (1610 г.), когда приходили под Серпухов Кантемир и Богатырь Гирей Дивеевы, они поступили так же, взяли казну и разорили встретившиеся по пути русские города. Со стороны крымцев это была прямая «неправда».[19]

Сам царь Василий предвидел, о чем можно судить по наказу С. Ушакову, что вторжение татар произойдет под видом непрошенной помощи, и старался разоблачить и предупредить использование крымцами этого приема дипломатической маскировки своих нападений на Русь. Заявлением царя Василия, что татары приходили к нему на помощь, как его союзники, в полной мере воспользовался польский король для сокрытия своего союза с крымцами и их нападений на Русь в силу этого союза. В грамоте Сигизмунда III на имя боярина Ф. И. Мстиславского от августа 1610 г. с похвалой за действия в пользу королевича Владислава говорится о том, что царь Василий не только «самовольством сел на царство», но и «многое разлитие хрестьянской крови учинил и государство московское сам собою и чужеземцы, немецкими людьми и татары запустошил». Несколько позднее (ноябрь 1610 г.) король Сигизмунд в другой грамоте к боярам с изложением причин невозможности отпустить в Москву королевича Владислава снова повторяет, что царь Василий «навел» на Русь татар и немецких людей. В грамоте панов-рады от 9 июня 1613 г. земскому собору царь Василий обвиняется в том, что он «басурманских и поганских и татарских людей и турецких, шлючи до них послы свои и поминки, на воеванье государства короля его милости наговаривал и наводил...»[20] Старания короля Сигизмунда и панов-рады возложить на царя Василия вину за татарские нападения на Русь и на Польшу вполне понятны и в опровержении не нуждаются; заметим только, что никаких документальных указаний на сношения царя Василия с Турцией не имеется. Однако ту же версию, что крымцы

[19] Крым. д. 1619 г., № 7, л. 3.
[20] СРИО, т. 143, с. 111.—СГГ и Д, т. II, № 214, т. III, № 13.

приходили на Русь «по призванию» царя Василия, находим в популярнейшем «Сказании» Авраамия Палицына; публицистический и враждебный царю Василию характер суждения Палицына очевиден.[21] В своих «Записках» Жолкевский без всяких оговорок утверждает, что в 1610 г. Шуйский «призвал татар, давши им добрые упоминки». Но Жолкевский сам опровергает себя в своей переписке, говоря о том, что именно поляки уплачивали татарам «упоминки» «за труды против общих врагов, московитов», которые татары несли в соответствии с соглашением 1607 г. Такое же ложное утверждение находим у Мархоцкого.[22] Несомненно, под влиянием Авраамия Палицына и названных польских авторов обвинение царя Василия в призыве татар на помощь проникло в нашу историческую литературу[23].

< 2 >

Включение орды Больших ногаев в число врагов Московского государства протекало в иной форме, чем это произошло с Крымом. Оно началось довольно беспорядочными нападениями отдельных самовольных групп татар, начиная с 1607 г., и лишь постепенно приобрело вид более организованных вторжений крупными силами. При этом для руководителей орды, в частности кн. Иштерека, характерно, что они долгое время допускали нападения татар своих улусов на Русь, не порывая открыто политической связи подданства московскому правительству. Наибольшей силы нападения Больших ногаев на Русь достигли после 1613 г., когда орда, наконец, формально порвала с Москвой и вступила в турецкое подданство. Необходимо отметить, что до и после этого момента орда согласовывала свои действия то с Крымом, то с польским королем, но, повидимому, не заключала ни с кем из них формального договора. Производя нападения на Московское государство, орда предпочитала сохранять независимость и самостоятельность в определении своей политики. Таким образом, в отношении Польши и Крыма орда Больших ногаев скорее может быть названа попутчиком, чем постоянным союзником. Самостоятельное поведение орды в период польской интервенции нисколько не облегчало положения Московского государства, а напротив, было для него невыгодно, потому что даже тогда, когда Крым порвал свой союз с Польшей, Большие ногаи еще в течение нескольких лет продолжали нападения на Русь.

Как изложено в предшествующей главе, к исходу XVI в. положение русской власти в орде упрочилось, отношения с ордой стабилизировались, отчасти вследствие благоприятного для Московского государства изменения общей международной ситуации, отчасти в результате умелой политики Бориса Годунова. Но полстолетие, протекшее с того момента, как орда Больших ногаев признала русское подданство, не могло привести московских государственных деятелей к обнадеживающему заключению,

---

[21] РИБ, т. XIII, с. 1184.

[22] St. Żółkiewski. Początek i progress wojny Moskiewskiej. 2-e wyd. Kraków, 1925, с. 46. M. Marchocki. Historya wojny Moskiewskiej. Poznan, 1841, с. 96.

[23] И. Голиков. Дополнения к «Деяниям Петра Великого», т. II, с. 6.—В. Берх. Царствование ц. Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. Ч. 1. СПб., 1832, с. 32. (Здесь говорится, что «царь Василий писал к хану и просил его весьма усердно о пособии». Автор ссылается на приведенных выше авторов, у которых, даже польских, нет такого рода сведений).— Н. С. Арцыбашев. Повествование о России, т. III, 1843 г., с. 214.— Д. Бутурлин. История смутного времени, ч. III, СПб., 1846, с. 188.— Н. М. Карамзин, т. XII, стр. 232 (Карамзин называет крымцев союзниками, вызванными царем Василием «из гнезда разбоя»).— Н. И. Костомаров. Сочинения, т. II, с. 375.— С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI—XVII веках, изд. 3-е, СПб., 1910, с. 420.

что между ордой и Московским государством образовались прочные связи. По смерти кн. Исмаила орда на длительный срок вышла из русского подданства, непрерывно воевала с Московским государством в союзе с Крымом. Мы слишком мало знаем о положении русской власти в орде в течение 90-х годов. Лишь возведение в княжеское звание Иштерека в 1600 г. властью царя Бориса было первым показателем формального подчинения орды Москве. Но в самом внутреннем состоянии орды, после назначения князем Иштерека, были заложены семена дальнейшего распада орды и нарушения мирных отношений.

Достаточно присмотреться к внутренним отношениям в орде, чтобы понять, в чем заключалась опасность. Орда не представляла собой прочно объединенного государственного организма. Мы видели, что ко времени царя Бориса в орде образовались две остро враждовавшие между собой группы мурз:[24] во-первых, кн. Иштерек и все потомство кн. Тинехмата, во-вторых, мурзы-потомки кн. Уруса во главе с мурзой Янарасланом и потомство мурзы Тинбая. Дети мурзы Тинбая закрепили за собой обладание улусами юртовских татар, живших полуоседло под самой Астраханью и, в силу этого, прочнее всего связанных с московской властью. Юртовские татары более всего приблизились к положению служилых татар; их отряды чаще всего мы встречаем в составе московских войск на войне. Янараслан мурза и другие потомки кн. Уруса владели улусами едисанских татар, также связанных с Астраханью близостью к ней своих исконных кочевий, хотя и не так прочно, как татары юртовские, потому что они полностью сохранили кочевой образ жизни. Вес и значение мурз Урусовых и Тинбаевых ослаблялись тем, что их потомства были, по сравнению с другими ветвями мурз, малочисленными, и что их улусы много уступали по своей величине улусам, находившимся во владении Тинехматовых мурз. Однако же дробление и феодальный распад шли дальше: в самом потомстве кн. Тинехмата, возглавляемом кн. Иштереком, не было прочного единства. Правда, против угрозы захвата власти Урусовыми Тинехматовы выступали дружно, но при ослаблении этой угрозы сами начинали бороться и враждовать между собой. Соперничали между собой одинаково многочисленные и одинаково сильные своими улусами потомки кн. Урмаметя и потомки кн. Тинмаметя. Мурзам этих родов предстояло в будущем, в силу их старшинства, занять руководящее место в орде. Обе ветви выдвинули из своей среды несколько мурз, отличавшихся своей предприимчивостью, честолюбием и воинственностью. Среди Урмаметевых, прежде всего, следует назвать старшего среди них Кельмаметь мурзу, который не только враждовал с Урмаметевыми, но был непрочь выступить против самого кн. Иштерека, о чем открыто заявлял представителям московской власти. Из числа Тинмаметевых выделялись два лица: Аксак-Кельмаметь мурза, главная опора всего своего рода, непримиримый враг московской власти, и его брат Урак мурза, слывший в орде «великим промысленником и богатырем». Сам кн. Иштерек, не имевший большого потомства и больших улусов, вынужден был опираться для удержания власти в орде на Тинмаметевых. Между тем младший брат Иштерека, нурадын мурза Шайтерек, опирался на Урмаметевых.[25]

---

[24] См. в Приложении III родословную таблицу ногайских мурз.

[25] В Ногайской орде, кроме главы, князя (бия), были следующие правящие чины: нурадын (нуредин), кейкуват (кекуват) и тайбуга. Чин нурадына произошел от имени Нур-ед-дина, сына знаменитого Едигея. В то время как пространства по Яику находились в управлении князя, Волжское устье или Поволжье (левое крыло орды) по установившейся традиции было вотчиной нурадынов. О правах и полномочиях кейкувата и тайбуги известно очень мало данных. Происхождение этих чинов не выяснено. Известно, что в их пользу шли с орды некоторые доходы, пошлины. По обычному правилу основанием для назначения во все эти чины было старшинство в роде. Но, вследствие

Феодальная борьба и соперничество между собой этих двух мурзиных родов из-за улусов представляет собой основное явление внутренней жизни орды в первые десятилетия XVII века. В 30-х годах эта борьба завершилась новым распадом орды. Для характеристики внутреннего состояния орды ограничимся еще указанием на бурные выступления размножившихся «молодых мурз», лишенных улусов, против мурз старших поколений, а также указанием на сложившийся внутри улусов слой экономически сильных «лучших людей», по-татарски «биеллери», «богатых черных мужиков», господствовавших над рядовой улусной массой и нередко определявших поведение орды вразрез с желаниями мурз.

При таком состоянии орды задача кн. Иштерека держать ее в повиновении и проводить какую-либо последовательную политику была очень трудной. Кн. Иштерек, деятельность которого мы наблюдаем на протяжении многих лет, не был человеком, способным сыграть роль объединителя орды, способным возродить ее былую силу, хотя он, несомненно, был умен и ловок. Задача его была тем более трудна, что московское правительство, поддерживая его, не хотело допускать его усиления. Царь Борис, руководствуясь одной только заботой о предупреждении новых нападений ногайских татар на Русь, поддерживал в орде разброд, неприязнь и вражду среди мурз, чтобы руководители орды, в частности кн. Иштерек, постоянно чувствовали свою зависимость от московского правительства, и действительно кн. Иштерек сознавал, что он сохраняет свое положение только благодаря поддержке правительства.

Несмотря на пробел в Ногайских делах за первые годы XVII в., мы можем не сомневаться в том, что царь Борис хорошо понимал, как опасен был бы переход орды Больших ногаев в стан его врагов и как важно было предупредить такой переход. Доказательство этого мы находим в деле о посылке в орду в ноябре 1604 г. окольничего С. С. Годунова как раз в то время, когда шла борьба с Самозванцем на московской украйне. Целью посылки С. С. Годунова было обезвредить орду и, если это окажется возможным, использовать ее военную силу против поляков и малых ногаев. Переговоры, которые вел в Астрахани Годунов, чрезвычайно показательны, как для характеристики приемов правительственной политики, так и для состояния орды.

Янараслан мурза, который до этого момента находился в руках московского правительства в Казани, был доставлен в Астрахань. С. С. Годунов потратил много усилий на то, чтобы добиться формального примирения давних и непримиримых противников, кн. Иштерека и мурзы Янараслана. Годунов долго допрашивал Янараслана, «в какой мере хочетца ему быти и в какой мере хочетца ему Иштерека князя видети». Янараслан в ответ на это просил отпустить его в отцовский «Урусов княжой юрт»; что же касается князя Иштерека, то он заявил, что ему, мурзе, «хочетца видеть себя лучше Иштерека князя, потому что он Иштерека князя старее». Дальнейшие переговоры с Янарасланом мы уже изложили выше. С. С. Годунов отверг претензии Янараслана и заявил ему, что он может быть князем в орде, когда «дойдет время» и когда «доведетца». Князь Иштерек долго отказывался явиться в Астрахань и присланным к нему лицам говорил: «Для чего прислан в Астрахань Янараслан мурза и которые для меры? Яз деи того страшуся ехать в Астрахань: ведомый мой недруг Янараслан мурза...» Получив всякого рода заверения в расположении к нему,

---

запутанности счетов старшинства и соперничества отдельных ветвей мурз между собой, возникала иногда борьба между мурзами при избрании в указанные ордынские чины. Значительное влияние на избрание оказывало вмешательство московского правительства, за которым сохранялось право утверждения в чинах князя, нурадына, кейкувата и тайбуги.

кн. Иштерек явился в Астрахань. С. С. Годунов подтвердил снова назначение Иштерека князем, чему будто бы были рады все мурзы сеиты и улусные люди, но Янараслан мурза, услышав о решении, обнаружил «великое сумненье и учал быть добре невесел» и сидел «повеся голову». С. С. Годунову пришлось много похлопотать, чтобы добиться примирения прежних врагов. Он заставил их прочитать молитву, корошеваться[26] и присягнуть на сабле в том, что они не нарушат мира. С Янараслана было взято обязательство кочевать вместе с Иштереком.

Примирение, конечно, не могло быть искренним. Кн. Иштерек не без остроумия отозвался о своих отношениях с Янарасланом: он выразил благодарность царю Борису, но сказал, что примирить их, его, кн. Иштерека, и мурзу Янараслана, равносильно тому, что «велеть случити овцы с волком и поити их из одной пролуби». Мурзы были приведены к шерти на верность царю Борису.[27] Мера, принятая царем Борисом, нуждается в истолковании. Если бы в виду имелось действительное успокоение орды, прекращение в ней розни, то зачем потребовалось освобождать мурзу Янараслана, отказав в то же время в удовлетворении его давних притязаний? Не видим никакого иного объяснения этой попытке мнимого примирения, кроме намерения противопоставить друг другу этих двух противников и тем парализовать возможность активного выступления всей орды против московского правительства.

Ненадежность орды обнаружилась при последовавшем затем обсуждении плана похода на Малых ногаев. Янараслан сразу выразил свое отрицательное отношение к проекту такого похода и предложил ограничиться мирными увещаниями казыевских мурз признать власть московского государя: «А нынеча бы одноконечно, говорил Янараслан, на Казыев улус рати не посылати, приводити его зовом, а один де мне человек, который волею придет, лутче тысячи пленных людей». Кн. Иштерек постарался разоблачить поведение Янараслана, указав на его давнюю и близкую связь с Казыевым улусом: «Да и вперед де Янараслану от казыева улуса не отстать, потому что он казыев улус больше его, кн. Иштерека, и братьи его любит. Да и потому душа де у всякого жалеет о ближнем; а милее де и больнее того человеку нет, что дети, и у Янараслана де братья и дети нынче в казыеве улусе». Последнего не отрицал и сам Янараслан. Кн. Иштерек изъявил на словах полное свое согласие на организацию похода на Малых ногаев, но сопроводил его такими оговорками, что согласие получилось равносильным отказу. Кн. Иштерек указал на свои прошлые заслуги в борьбе с казыевцами. Уже в 1598—1599 гг. он был в Казыеве улусе и уговаривал мурз присягнуть московскому государю. Князь казыевский Барынгазый принес присягу, но на ней не устоял. В 1604 г. одновременно с походом И. Бутурлина в Шевкалы он, кн. Иштерек, начал было воевать Казыев улус и приводить его в московское подданство. Теперь он готов довести дело до конца, но указывал на необходимость достаточной помощи татарам со стороны русских ратных людей «с огненным боем», без чего над Казыевым улусом «большого промысла учинить» не рассчитывал. Годунов обещал помощь, но просил снабдить ратных людей лошадями. Кн. Иштерек, ссылаясь на обнищание улусов, отказал в этом.[28]

С. С. Годунов поставил вопрос об участии ногаев в войне против Крыма и Польши. Поход на Казы Гирея предполагался в том случае, если крымский царь нарушит мирную шерть и нападет на Московское государство. Годунов интересовался численностью войска, какое может выставить

---

[26] Корошеваться — здороваться, приветствовать.
[27] Акты времени Лжедимитрия I, с. 82, 87—88, 100—135 и др.
[28] Акты времени Лжедимитрия I, с. 121—129, 132—135.

орда. Кн. Иштерек выразил готовность от своего имени и за всех мурз выполнить царский указ и сообщил, что все ногайские улусы могли бы выставить до 60 тыс. чел. Он только оговорился, что итти на Крым, не покончив с казыевцами, будет «страшно», потому что казыевцы смогут тогда беспрепятственно напасть на улусы Больших ногаев. С. С. Годунов соблазнял кн. Иштерека богатством Литовской земли и «большой корыстью» и добычей, которые можно было бы получить в походе на нее. Кн. Иштерек согласился с тем, что Литовская земля действительно богата, но представил ряд возражений: Литва далеко и поход будет тяжел. Ногайских воинских людей необходимо снабдить хлебными запасами. Мурзы и улусные люди в орде вольные и его, князя, мало слушают и по царскому указу в поход на Крым и Литву не пойдут, если только не принудить их к тому силой. Заставить их итти можно только при помощи стрельцов. Видимо, считая дело безнадежным, С. С. Годунов ограничился в ответ одним кратким замечанием, что стрельцы будут даны «смотря по делу, сколько пригоже».[29]

Итак, договоренность относительно военной помощи со стороны Больших ногаев достигнута не была, да к тому же катастрофа неожиданно быстро обрушилась на царя Бориса.

Документов о сношениях с ордой при Самозванце не сохранилось. В Хронографе имеется лишь одно указание на то, что кн. Иштерек признал власть нового царя и предлагал ему свою помощь, которую тот отклонил, «не хотя видети во христианстве разорения».[30]

Дальнейшие сведения об орде относятся уже к 1606—1607 гг. и заключены в отписках боярина Ф. И. Шереметева из-под Астрахани. Затем на три года связь с ордой снова была потеряна. Следующий наш источник, отрывок статейного списка переводчика Прокофия Врасского, посланного в орду в марте 1610 г. царем Василием, но достигшего орды тогда, когда Москва была уже занята поляками, относится к 4 июня — 14 августа 1611 г. Имеющиеся в статейном списке сведения лишь отчасти восполняют пробел за предшествующие годы.

Уже в 1606 г. царь Василий направил против находившейся «в измене» Астрахани, где сидел верный Самозванцу воевода кн. И. Д. Хворостинин, войска под командой Ф. И. Шереметева. Важное значение Астрахани, в частности для удержания в повиновении орды Больших ногаев, вполне объясняет эту срочную меру. Шереметев не смог выполнить данного ему поручения и остановился на острове Балчик, не дойдя до Астрахани 15 верст. Здесь в построенном им городке он продержался до октября 1607 г. В октябре он отошел к Царицыну, освободил его от «изменников» и оставался в нем до средины 1608 г., когда был отозван в Москву со всем войском.

Сношения с ордой в целях удержания ее от измены и приведения ее к шерти, что было необходимо ввиду начала нового царствования, были одной из задач Шереметева. Исполнителем дипломатических поручений в орде являлся переводчик Прокофий Врасский.[31] В момент прихода Шереметева под Астрахань юртовские татары во главе с Канай мурзой Тинбаевым и едисаны с Янарасланом мурзой Урусовым признали Самозванца и подчинились Хворостинину. Остальная ногайская орда с кн. Иштере-

---

[29] Акты времени Лжедимитрия I, с. 135—139.

[30] А. Попов, Изборник, с. 228.

[31] Прокофий Врасский служил в Астрахани вместе со своим отцом. После расправы астраханцев с его дядей и отцом, Прокофий Врасский бежал в стан Шереметева. Здесь на него и легла обязанность постоянных сношений с ордой. По прежней своей службе переводчика в Астрахани П. Врасский был хорошо осведомлен во внутренних отношениях орды, имел там большие знакомства; сам кн. Иштерек называл его своим «названным сыном» (Акты времени ц. В. Шуйского, с. 202—203).

ком пребывала в состоянии колебания. Астраханцы «приманивали» кн. Иштерека к Астрахани, соблазняя его удобствами кочевий и рыбных ловель, пугая назначением на его место князем в орде Янараслана Урусова. Приход Шереметева создал для кн. Иштерека некоторую точку опоры. Он легко согласился на принесение шерти в верности царю Василию. Однако кн. Иштерек не принял активного участия в борьбе, и, когда астраханцы совершили нападение на Шереметева, ногаи не оказали ему никакой помощи, хотя стояли близко. Уход Шереметева к Царицыну кн. Иштерек расценил, как признак слабости, и, поддаваясь уговорам астраханцев, прикочевал к Астрахани с намерением признать Самозванца. Этому помешала рознь в орде: юртовские татары внезапно напали на улусы кн. Иштерека и погромили их; кн. Иштерек спешно откочевал к Яику.[32] Когда Шереметев укрепился в Царицыне, Прокофий Врасский в своей очередной поездке в орду склонил кн. Иштерека к возвращению под Царицын, описав ему успехи царя Василия в борьбе с врагами и приготовления Шереметева к новому наступлению на Астрахань. Зимой 1607—1608 гг. все ногайские улусы уже кочевали под Царицыном по обеим сторонам Волги.

Однако характер подчинения орды русской власти существенно изменился. Кн. Иштерек присвоил себе право самостоятельных внешних сношений, прекращение каковых было одним из основных условий подданства московскому правительству. Кн. Иштерек принимал у себя послов турецких, крымских, бухарских, юргенчских и изменивших Москве юртовских татар. Шереметев требовал только одного — выдачи ему послов юртовских татар, но и на это кн. Иштерек ответил решительным отказом. «У них ис предков тово не повелось, говорил он, от деда их Исмаила князя и от отца их Тинехмата князя, и в бусурманских законах не ведетца, что послов выдавати: двемя де человеки не будет ни низко ни высоко». О выдаче юртовских послов узнают послы всех других стран, перестанут к нему приезжать, и вести из других стран прекратятся.[33] Через послов иностранных государств кн. Иштерек был в курсе вопросов широкой политики. Он не мог не знать о переменах, происшедших в отношениях Турции, Польши, Крыма и Московского государства, и мог представить себе достаточно полно международное и внутреннее положение правительства царя Василия. К этому кн. Иштерек мог присоединить еще сведения, которые поступали к нему от улусных татар, ходивших на Русь за полоном, и от самих полонянников. Ослабление авторитета московского правительства еще более ясно выразилось в том, что ногайские татары уже в 1607 г. начали оперировать на московской украйне даже раньше, чем крымцы заключили с польским королем союз. В 1608 г., когда ногаям было разрешено кочевать по правой стороне Волги, осуществлять нападения стало еще легче. Кн. Иштерек и мурзы не отрицали этих татарских набегов на Русь, но изображали их как самовольные действия, бороться с которыми они были бессильны. Кн. Иштерек даже предлагал Шереметеву принять особые меры к их прекращению. Можно весьма сомневаться в правдивости такого объяснения татарских набегов, потому что одновременно кн. Иштерек пытался оправдать их тем, что татары якобы ходили на помощь царю Василию «против изменных городов» — соображение, одинаковое с тем, которое придумали крымцы, и, может быть, внушили его кн. Иштереку.

При всем этом кн. Иштерек не решался на открытый разрыв с московским правительством. Мы можем понять его нерешительность, припомнив

---

[32] Акты времени п. В. Шуйского, с. 157—158, 170—179, 192, 205.
[33] Там же, с. 170—179, 192—195.

обстоятельства его вокняжения при содействии московского правительства. В самом конце 1607 г. кн. Иштерек в беседе с П. Врасским выражал надежду, что русские овладеют Астраханью, и когда царь Василий «изведет» его врагов — Янараслана Урусова, юртовских и едисанских татар, он будет в полном ему повиновении. В феврале 1608 г. кн. Иштерек отправил в Москву со своим послом грамоту к царю Василию, в которой настаивал на необходимости взятия Астрахани и очищения Мочаков, особенно ценного места для зимних кочевий: «А не пожалуешь, на весну Астрахани взять не велишь, и нам, холопем твоим, быть от астраханских людей невозможно, и улусные наши люди будут в сумнении».[34]

Отказ от овладения Астраханью был бы доказательством слабости московского правительства и его неспособности справиться с противниками. У правительства царя Василия и в самом деле нехватало сил довести до конца операцию против Астрахани. Шереметев был отозван к Москве, где Шуйский вел отчаянную борьбу против поляков и тушинского Самозванца. Уход Шереметева от Царицына послужил сигналом к немедленному уходу всех ногайских улусов на дальние кочевья к востоку. Во время своей последней поездки в орду в начале мая 1608 г. П. Врасский напрасно пытался удержать кн. Иштерека под Царицыном. Кн. Иштерек объяснял свой уход тем, что мурзы все покинули его, он остался «один своею избой», он последовал за ними «неволею». Но едва ли приходится сомневаться в том, что кн. Иштерек не рисковал оставаться под Царицыном, не имея опоры в войсках Шереметева. Для поведения кн. Иштерека в 1606—1608 гг. характерна выжидательная, колеблющаяся политика. Он нарушал данную им шерть в верности, но не решался открыто от нее отречься.

Дальнейшие сведения о состоянии Ногайской орды относятся к 1611 г. В 20-х числах марта 1610 г. царь Василий направил в орду Больших ногаев П. Врасского. К этому времени кн. М. В. Скопин-Шуйский закончил свой победоносный поход от Новгорода к Москве, освободил ее «от душившего ее воровского стана» тушинского Самозванца, и царь Василий бодро готовился встретить наступавшие с запада польские войска. П. Врасский должен был выразить кн. Иштереку царскую милость к нему за верность, «радение и промысл» боярину Шереметеву, когда тот находился на Балчике (мы видели, каковы были эти «раденья и промысл»), обрисовать успехи царя Василия в борьбе с врагами при активном дружественном содействии ему шведского короля и крымского царя и требовать военной помощи в количестве 2—3 тыс. лучших ратных людей, чтобы нанести окончательный удар польским и литовским людям и «достальным изменникам». П. Врасский должен был изобразить в самом соблазнительном виде выгоды похода: «убытка и нужи» ратным людям «в здешнем житье не будет, только богатество многое получат и полоном пополнятца»; «полон, захваченный в польской земле» и «в государеве земле в тех местех, где им царское величество велит воевать (в воровских местех), и того полону однолично у них государь отписати не велит». В этом П. Врасский мог дать мурзам свою поруку. Сверх того, он должен был тайно разведать о сношениях кн. Иштерека с иностранными государями (султаном, крымским и бухарским царями) и с государевыми «изменниками» (Шевкалом Тарковским, кумыками, казыевцами и др.) и попытаться привести мурз к новой шерти на том, чтобы они прекратили все эти сношения, на государеву украйну их не наводили, сами не приходили и вообще «оману никакого не чинили». Однако, если мурзы «поупрямятца», то «о том много не говорити, а поло-

[34] Акты времени ц. В. Шуйского, с. 176, 198—201, 206—216, 221—234.— «Мочаки» или «Мочаги» — местность в дельте Волги.

жити то впросто». Последнее, что поручено было П. Врасскому,— попытаться снестись при содействии кн. Иштерека с астраханскими изменниками и привести их «под государеву руку».[35] С 1608 г. русское правительство не имело связи с ордой. Было своевременно возобновить ее и осведомиться о состоянии орды. Пожалуй, в тот момент для ц. Василия важнее всего было получить из орды военную помощь в виде отряда отборной конницы. Как нам кажется, правительство рассматривало привлечение татар в ряды русского войска в качестве гарантии того, что остальные ногаи воздержатся от нападений на московскую украйну: прецеденты такого рода имели место в прошлом. Наличие татарских отрядов в составе русского войска связало бы орду прочнее, чем принесение шерти.

П. Врасский проделал далекий путь в орду через Вологду, Вятку, Казань и достиг ее лишь в середине 1611 г. К этому времени положение в Москве уже коренным образом изменилось: царя Василия не было на престоле, состоялось соглашение о возведении на престол королевича Владислава, Москва была занята польским гарнизоном, и первое народное ополчение делало попытки очистить ее от поляков. Отрывок статейного списка П. Врасского обнимает время от начала июня по 14 августа 1611 г.; к концу его пребывания в орде там было уже известно о неудаче ополчения под Москвой. Невозможно допустить, чтобы сам П. Врасский не знал об изменившемся в корне положении дела в Москве; ногаи, не прекращавшие своих походов на Русь и приводившие оттуда многочисленный полон, имели сведения о том, что «земля соединилась, и бои у всех людей московского государства с литовскими людьми за веру». Между тем П. Врасский вел все переговоры в орде от имени царя Василия, к нему на помощь звал татар, говорил о походе государевых воевод на польских и литовских людей. Кн. Иштерек и мурзы отвечали ему в том же тоне. Лишь из некоторых недомолвок, глухих намеков и несколько измененного по сравнению с наказом поведения Врасского можно заключить, что обе стороны понимали, что они ведут дипломатическую игру. Впрочем Врасский не мог действовать иначе, как от имени царя Василия, либо ему вовсе не надо было ездить в орду. Он лишь исключил из числа порученных ему дел одно — это вопрос о возобновлении шерти царю Василию. Кн. Иштерек и мурзы, насколько мы можем судить об этом по статейному списку, ни разу не проговорились о том, что они понимают действительное положение вещей.

П. Врасский нашел орду разбросавшейся по кочевьям на обширном пространстве от Яика до Волги. Кн. Иштерек находился со своим улусом на самом отдаленном кочевье около устья Яика; отсюда Врасский и начал свой объезд улусов всех виднейших ногайских мурз. Кроме того, он видел и расспрашивал многих своих старых знакомцев. Сведения, сообщаемые Врасским в его статейном списке, говорят о том, что орда находилась в положении фактически полной независимости, а татары беспрестанно совершали походы на Русь за добычей мелкими отрядами и крупными силами в 7 и 10 тысяч. Из признаний улусных татар Врасский выяснил, что ногаи начали свои грабительские действия с 1607 г.; так, они участвовали в погроме московских посланников (Воейкова и Языкова), направлявшихся в этом году с казной в Крым; татары ссорились между собой, потому что «заделили друг друга посольскою казною». Сам кн. Иштерек сообщил Врасскому о том, что осенью 1609 г. крымский царь Селамет Гирей присылал к нему своего посла Бектемира мурзу с грамотой, в которой приглашал его принять участие в походе якобы против польского короля на помощь царю Василию, и его Иштерековы люди в большом чис-

[35] Акты времени ц. В. Шуйского, с. 221—224.

ле ходили рано с весны в поход вместе с крымцами; следовательно, под Серпуховом в 1610 г. были и большие ногаи. Кроме того, в том же году значительные силы ногайских татар во главе с младшим братом самого кн. Иштерека Бекмаметь мурзой нападали на Рязанскую землю. Не менее крупными силами нападение на Рязань было повторено в 1611 г. по посылке нурадына Шайтерек мурзы как раз во время пребывания Врасского в ногайских улусах. Сам Врасский видел в улусах возвратившихся из похода татар; татары ему говорили, что в походе лошади у них «выбились», но, как только лошади отдохнут и жара минует, они снова «пойдут добыватца собою на украйну на воровские места». Врасский имел поручение добиться от кн. Иштерека и у мурз отправки на помощь 2—3 тыс. ратных людей. Князь и мурзы говорили, что улусные люди своевольны и много охотников не наберется; сами же татары говорили, что они не пойдут, потому что заняты походами на Русь.

17 июня кн. Иштерек принял Врасского, выслушал царскую грамоту, содержание которой изложено выше, и на милости царской бил челом. Несколько поломавшись, кн. Иштерек выполнил весь требуемый посольством обряд, сам стал на колени, шапку снял и племянников своих заставил встать. Все эти внешние проявления подданнических отношений были явной комедией. Кн. Иштерек заверял Врасского в своей верности царю, которому он «дал душу свою» и «на той де своей правде и з детьми своими хочет и помереть», «а будет де которой грех станетца над Московским государством, и он де выйдет на Энбу з детьми своими и с улусы своими казаком, а от братьи де ему ево и от племянников не пробыть». Видимо, кн. Иштерек понимал тяжелое положение Московского государства. Все верноподданнические заверения князя находились в явном противоречии с нападениями на Русь и сношениями с иностранными государями. На втором приеме 30 июня кн. Иштерек объявил Врасскому о своем решении послать на государеву службу своего младшего брата Бекмаметь мурзу и с ним «сколько охотников выберетца». Врасский заметил на это, что он мог бы послать и «невольников»; ведь многие татары ходят на Русь, приходят оттуда с полоном, отдыхают и вновь идут в поход. В своем ответе кн. Иштерек явно и совершенно беззастенчиво пытался извратить всю картину поведения орды. Он заявил, что «у них орда самовольная, то де ему, Прокофию, и самому ведомо, кто захочет, тот и едет, а силою никаво послать нельзя». Он как бы оскорбился обвинением татар в походах на Русь: «и то де он Прокофей затевает, а хочет меж государем с ними ссору учинить: притчею де придут на государевы украинные места крымские и казыева улуса люди, а он де, Прокофей, то слово вместит государю, что хотели за ним после ехать ево Иштерековы люди, да тем де ссору учинит». Был уже случай, когда казыевские татары побили русских послов, ехавших в Крым, и казну пограбили; «не все то де ногайские (Большие ногаи) ходят». А если и ходили татары улусов большой орды на Русь, то взятые в плен «языки» показали, что все они были захвачены в «воровских местех».

Врасский ответил на это энергичным разоблачением. Не его, государева посла, дело «ясыря обыскивать» и расспрашивать. Татары ходят не только на «воровские места», а на самые верные и надежные земли; кн. Иштерек говорит неправду. В прошлом 1610 г. родной брат князя Бекмаметь мурза, племянник его Ак мурза Байтереков и ряд других мурз и лучших улусных людей,— Врасский перечислил их поименно,— ходили на рязанские места. Большие ногаи громили русских послов, направлявшихся в Крым; сейчас эти татары все здесь в улусах; Врасский опознал ограбленную однорядку на племяннике князя. Он изобличил согласованность действий Больших ногаев с казыевцами при нападении на русских послов. «И Иште-

рек князь, рассмеявся и оглянувся на своих имелдешев[36] и карачеев, говорил им, что де он против того слова ответу дать не ведает, говорите де вы карачеи, имелдеши. И карачеи, имелдеши пронишкнули ж. И Иштерек князь говорил карачеем своим и имелдешем, что де нам от Прокофия таить нечего, потому что все сам знает. И почел Иштерек князь Прокофию говорить, что де виновати они перед государем, что люди их ходили на украинные места и воевали, не ведая, которые места воровские и которые места государевы. А вы де, Прокофей, в том не прави ж, что долгое время ко мне послов моих не отпустили и вестью не прислали. И тебе б государю о том известить, чтобы де государь велел ко мне весть присылать почасту и мы бы де были надежны и про все бы де нам было ведомо, кое место воровское и кое место государево». Таким образом, даже, сознавшись в собственной «неправде», кн. Иштерек не отверг того, что и впредь нападения на Русь будут продолжаться.

Почти весь июль Врасский пробыл в улусах нурадына Шайтерек мурзы Тинехматова и Урмаметевых мурз. Все они отказались отпустить с Врасским своих ратных людей, хотя так же, как кн. Иштерек, клялись в своей верности московскому государю. Предлогом для отказа послужила ссылка на неразрешенный спор между мурзами из-за назначения в чин кекувата и ссылка на ожидание калмыцкого нападения. Врасский отвел все эти оправдания; ясно, что Урмаметевы не хотят служить государю; калмыки приходят вовсе не с той стороны, где расположены их улусы; татары их улусов по 7—10 тыс. ходят на украйну, так что посылка 2—3 тыс. не могла отяготить орды. Нурадын Шайтерек согласился с этим, но заметил, что «не едет де и мурза ни один». Нурадын не очень сильно протестовал, когда Врасский попрекнул его, что посланные им, нурадыном, улусные люди во главе с Сарыке агой воевали и грабили под Переяславлем, и только обещал удержать своих людей от походов на Русь впредь до получения вестей, какие города государевы и какие воровские. Когда ногайские послы, отправляемые с Врасским, вернутся в будущем году, ногаи все, как один, поднимутся по государеву указу, «а ведь деи государю не один год поход на Литву будет». Этим коротким замечанием нурадын показал, что он предвидел длительную борьбу между Московским государством и польским королем.

Последние дни своего пребывания в орде Врасский провел в улусах Тинмаметевых. Здесь ему пришлось иметь дело не столько со старшим из Тинмаметевых Янмаметь мурзой, сколько со вторым из братьев, Аксак-Кельмаметь мурзой, пользовавшимся «дородной славой промышленника» во всем родстве Тинмаметевых. Ответ этого мурзы, энергичнейшего вожака татар при их нападении на Русь, впоследствии стоявшего за подданство Крыму и продолжение войны с Московским государством, был неожиданным. Аксак-Кельмаметь мурза заявил, что он хочет послужить государю, либо братьев пошлет, либо сам пойдет. Он хочет, чтобы «все мурзы ему позавидовали», и, действительно, в короткий срок собрав до 5 тыс. ратных людей, мурза двинулся с Врасским к Волге. Что означало это действие Аксак-Кельмаметя, документы не раскрывают. На расстоянии одного дня пути от Волги возвращавшийся с украйны отряд татар с многочисленным русским полоном сообщил самые свежие вести из Руси, что «де Шатцкой взяли воры и московскую де рать побили воры и ныне де под Москвой стоят многие русские и литовские люди». В такой форме дошли до орды вести о событиях под Москвой. Мурзы стали говорить, что на Шацк итти нельзя. В тот же день в войско приехали Янмаметь мурза, Урак мурза, сеиты,

---

[36] Имилдеши, имелдеши, имилдаши — приближенные, сверстники лиц владетельного дома. Точнее — молочные братья.

карачеи, имелдеши и стали убеждать Аксак-Кельмаметя прекратить поход, потому что он де в их улусах главный «промышленник» и особенно нужен им теперь в момент «розни»; более того, он нужен всей орде, потому что «от всех сторон им боронятца». Мурзы взяли коня Аксак-Кельмаметя под уздцы. Мурза настаивал, что он дал слово, но в конце концов отказался от похода: «И Кельмаметь мурза говорил Прокофию, что де он, Прокофей, видит и сам, что он, Кельмаметь мурза, хотел всею душою своей великому государю служить и топерво де отговорили всею землею для земского дела, что ему не ехать». 14 августа с ногайскими послами П. Врасский был отпущен из улусов в Казань.[37]

После описанной поездки Врасского в орду связь с нею вновь прервалась до 1613 г. Положение орды за Волгой в годы 1608 (после ухода Шереметева из Царицына) — 1612 было наивыгоднейшим. Фактически она была независима. В орду обращались за помощью и содействием царь Василий и крымский царь Селамет Гирей. Мы не имеем указаний на сношения польского короля с ордой до 1612 г., но в этом году, по сведениям, шедшим из улусов, король присылал кн. Иштереку и мурзам своего посла и с ним человек двадцать: «А писал деи король к Иштереку и к мурзам и ко всей орде, что он учинился на Московском государстве государем, и они б ему были послушны, как прежним московским государем. И Иштерек деи князь и мурзы с тем послом х королю писали, как де проведаем подлинно, хто на московском государстве будет государем, и мы тому учнем прямити попрежнему. А как деи тот литовский посол пошел назад из ногай, и на Дону де его погромили казаки».[38] Ответ кн. Иштерека королю вполне отвечал интересам орды: орда не хотела бороться на стороне московских людей, не спешила становиться на сторону самозванцев, помогала крымцам, но только в качестве временного союзника; не больше было оснований принимать подданство польскому королю. Независимые действия были самыми выгодными. Большие ногаи могли нападать на Русь, когда и где они это считали для себя удобным. Положение орды между Волгой и Яиком обеспечивало легкий сбыт полона на восточные рынки через приезжавших в орду восточных купцов. В государствах Средней Азии надолго запомнился обильный приток русского полона из орды за эти годы. Это счастливое существование в заволжских степях, которое, казалось, могло продлиться еще не один год, было неожиданно прервано появлением калмыков из-за Яика, нанесших в 1613 г. короткий удар по улусам Каракельмаметя мурзы. Появление калмыков перепугало ногаев; все их улусы, и не только пострадавшие от калмыков, быстро ушли на крымскую сторону Волги, где и кочевали затем в течение нескольких лет.[39]

Здесь положение орды по соседству с Малыми ногаями, горскими народами, Крымом, Персией, донскими казаками было уже иным, гораздо более сложным.

< 3 >

Состояние обороны южных границ государства находилось в полном соответствии с различными этапами «разорения», продолжавшегося непрерывно до 1618 г.

---

[37] Акты времени междуцарствия, с. 8—37.

[38] Турец. д. 1613 г., № 1 (Отправление в Турцию посланников С. В. Протасьева и М. Данилова), л. 147—148.

[39] Турец. д. 1613 г., № 1, л. 144—146.— Полные сведения о движении калмыков из-за Яика см. в работе С. К. Богоявленского. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в., «Исторические записки», кн. 5, 1939, с. 56—57.

В первой главе нашей работы мы указали, что 1598 г. был последним годом, когда полки, защищавшие государство с юга, были расставлены в две линии, «по берегу» («большой разряд») и «за рекой» («меньший разряд»). Со следующего 1599 г. прекращается расстановка полков «на берегу», и полки размещаются с тех пор только в украинных городах, образующих отныне «украинный разряд». В 1606 г. встречаем в последний раз перед началом «разорения» правильную расстановку полков, причем снова намечалась двойная расстановка полков — «на берегу» и в «украинном разряде». Еще Лжедимитрий I отдал об этом распоряжение. После гибели Лжедимитрия царь Василий Шуйский указал «для недруга своего крымского царя приходу» быть в 1606 г. полкам на берегу в Серпухове — Алексине — Калуге — Коломне — Кашире и на украйне во Мценске — Новосиле — Орле. Эта расстановка полков, вероятно, не была осуществлена, потому что все вооруженные силы были заняты в борьбе против Болотникова.[40] В последующие годы, вплоть до 1612 г., полков в украинном разряде не было, полковая служба не действовала.

Первое указание на возобновление полковой службы встречаем в разрядных записях за «Смутное время» в 1613 г.; большой полк указан в Туле, передовой — в Мценске, сторожевой — в Новосиле.[41] Была ли на деле произведена расстановка полков в 1613 г., документальных подтверждений мы не нашли. Заслуживает быть отмеченной перемена в расположении полков, связанная с тем, что г. Орел был разрушен. В течение 1614—1617 гг. расположение полков не менялось. В 1614 г. особый полк был поставлен в Переяславле Рязанском. В 1616 г., в связи с приходом литовских войск к Стародубу, полки из Новосиля и Мценска были передвинуты в Болхов. В 1617 г. встречаем появление трех полков в «Рязанском разряде»: большой — на Рязани, передовой — в Михайлове, сторожевой — в Пронске. Такой порядок расстановки полков в Рязанском разряде сохраняется неизменным в течение десятилетий.[42] В 1618 г. вся система размещения полков была нарушена в связи с «королевичевым приходом» к Москве и набегом Сагайдачного: войска были сначала расположены в Калуге (под начальством кн. Д. М. Пожарского) и в Можайске (под начальством кн. Б. М. Лыкова), а затем отведены к Москве.[43] Численность полкового войска была очень незначительна. Так, даже в 1616 г. в большом полку в Туле было всего 1649 чел., в передовом в Мценске — 884 чел. и в сторожевом в Новосиле — 801 чел.[44] Надо думать, что в предшествующие годы ратных людей в полках было еще меньше.

Новое правительство не могло уделить должного внимания обороне южных границ, потому что борьба протекала в центре государства, под ударом врагов находилась Москва. Естественно, что не было ни возможности, ни целесообразности выдвигать оборону против татар к югу. Оборонительная система южных границ поддерживалась в той мере, в какой это не противоречило обороне центра. Борьба с польской интервенцией безусловно превалировала над заботой о борьбе с татарскими нападениями. Засечная черта находилась в состоянии полного разрушения и не являлась препятствием к проникновению татар к реке Оке. Кроме того, было еще одно весьма серьезное обстоятельство, препятствовавшее правильной организации обороны юга против татар. Существенным ее элементом были города, как опорные пункты, откуда можно было предпринимать операции против проникавших на территорию уездов татар и куда могло укрывать-

[40] Разряд. зап. Смутн. времени, с. 7, 83, 119, 135—136, 139—178.
[41] Там же, с. 109.
[42] Дворц. разр., т. 1, с. 133, 172, 211.
[43] Там же, с. 301.
[44] Беляев, с. 36.

ся население. На города же опиралась вся сложная система сторожевой и станичной службы.

Между тем, в годы «разорения» и позднее множество городов на юге подвергалось разрушению. Вот несколько данных об этом. Чернь подверглась разрушению «в первые войны». Одним из первых разрушенных городов были Кромы. Литва же разорила Орел и Карачев, причем последний в 1618 г. по постановлению правительства был совершенно разрушен и покинут жителями, а Орел возобновлен лишь в середине 30-х годов. Ряжск был сожжен Лисовским при царе Василии в 1608 г. и вторично в 1618 г.— Сагайдачным. При царе же Василии Шуйском был захвачен и разорен литвой Болхов. Серпухов выжег и высек пан Млоцкий до «разорения». Царев-Борисов был сожжен, повидимому, татарами в 1612 г., когда «бояре под Москвою стояли»; обгорелый наряд был вывезен в Белгород. Дедилов был разорен в первый раз в «литовское разорение» и вторично «выграблен и высечен» И. М. Заруцким. Заруцкий в том же 1613 г. разорил и сжег Епифань, Крапивну и Лебедянь. В 1613 г. литовские люди взяли и сожгли несколько Заоцких городов (Серпейск, Мещевск, Козельск, Лихвин и Перемышль) и, кроме того, лежавший к югу Болхов и в Белеве сожгли острог; оба эти города играли известную роль в обороне против татар. В том же году был сожжен Путивль. Оскол был уничтожен в 1617 г. Наконец, Сагайдачный в 1617 г. нанес сильнейший удар по обороне южной окраины государства, уничтожив Ливны, Елец, Лебедянь, Данков, Сапожок, Ряжск и Шацк. Им же был разорен Михайлов и сожжен посад и острог в Калуге.[45] Едва ли наш перечень полон, но и по приведенным данным можно судить о том, как мало было на южной окраине государства городов, не пострадавших от войны. Население укрывалось и оборонялось также в небольших острожках, которые оно сооружало само, без участия правительства. Надо думать, что если разрушались города, то еще легче гибли от врагов такие острожки. Мы не можем определить, какую часть всех этих разрушений следует отнести за счет татар; вообще татары избегали осад и штурмов городов, но разрушение многих укрепленных пунктов чрезвычайно облегчало татарам выполнение того дела, ради которого они приходили на Русь,— захвата полона и грабежа. Такое состояние обороны объясняет многое в ходе татарских нападений в период 1607—1617 гг.

< 4 >

Первые определенные указания на татарские нападения в связи с началом польской интервенции относятся к 1607 г. Они совпадают по времени с летней кампанией царя Василия Шуйского против Болотникова. Военные операции против главных сил восставших сопровождались жесточайшими карательными действиями правительственных войск против

[45] Приказ. ст. № 113, л. 592.—Белгород. ст. № 63, л. 39 (Чернь).—Белгород, ст. № 63, л. 41.—Белгород. ст. № 196, л. 165 (Кромы, Орел, Карачев).—Белгород, ст. № 10, л. 109—110.—Приказ. ст. № 103, л. 684 (Ряжск).—Белгород ст. № 4, л. 296 (Болхов).—Москов. ст. № 13, л. 70 (Серпухов).—Москов. ст. № 58, столб. 1, л. 454—456.— Приказ. ст. № 109, л. 257 (Царев — Борисов).—Приказ. ст. № 474, л. 69 (Дедилов).—Дворц. разр., т. I. Прилож. 1125 (Дедилов и Епифань).—Приказ. ст. № 150, л. 439 (Крапивна). Дворц. разр., т. I, с. 101 (Серпейск, Мещовск, Козельск, Болхов, Лихвин, Перемышль, Белев), с. 182 (Перемышль).—АМГ, т. I, № 137, № 247 (Путивль, Брянск).—Дворц. разр., т. I, с. 259 (Оскол).—Белгород. ст. № 63, л. 93, № 16, л. 184.—Москов. ст. № 11, л. 292.—Владимир. ст. № 7, л. 98—100, 124.—Приказ. ст. № 113, л. 598, 600.—Москов. ст. № 13, л. 299.—Владимир. ст. № 60, л. 332 (Сагайдачный).—П. П. Смирнов. Города в Москов. государстве в первой половине XVII в., т. I, ч. 2, с. 145 (Карачев).—Владимир. ст. № 7, л. 124 (Лебедянь).

населения «изменных» украинных городов, причем Шуйский использовал для этой цели татар и черемис (мари). В Хронографе помещено сообщение о том, что «по повелению царя Василия татарам и черемисе велено украинных и северских городов уездов всяких людей воевать и в полон имать, и животы их грабить за их измену». Репрессивные действия войск, судя по рассказу Массы, по своей жестокости превосходили ужасы татарских погромов. В походе под Тулу в 1607 г. кн. Петр Урусов, вместе с С. Г. Ададуровым, был поставлен во главе отряда татар казанских, романовских и арзамасских, выполнявшего эту карательную миссию.[46] Действия татар по повелению царя на московской украйне переплетались с самочинными действиями отрядов татар из улусов Больших и Малых ногаев.

Кн. Иштерек, тогда еще державший свою присягу царю Василию, сообщал представителям московской власти, что улусные люди мурз и его, князя, не слушают, «воруют» и «ходят войною» на московскую украйну. Он говорил П. Врасскому, приезжавшему к нему в улусы из Царицына от боярина Ф. И. Шереметева, что «летось (в 1607 г.) де рузских людей их улусные люди с украины в улусы приводили многих; в те де поры к ним пришли в улусы тезики бухарцы, и он де Иштерек князь писал на Соратов с послы своими с Сахтою с товарыщи к Замятне Сабурову да к Володимеру Аничкову, чтоб де они прислали к нему, Иштереку, в улусы стрельцов человек с 40 и 50, и он де тех русских людей, которых их люди с украйн приводили, отоймет и пошлет де их на Соратов с их стрельцы, и докамест де тех русских людей тезиком в Бухары не розпродали, а без стрельцов де ему тех русских людей у ево улусных людей отнять не уметь, для того, что де его улусные люди сказывали, что де они полонят государя ц. и в. кн. Василия Ивановича в. Р. изменные городы. И Замятня де и Володимер ево Иштерекова письма не послушал и стрельцов к нему, Иштереку князю, не прислал, и тех де русских людей его, Иштерековы, люди продали в Бухары». П. Врасский говорил Иштереку и мурзам и их улусным людям, чтоб они так не делали и войны на украйне не вели, потому что «опроче Астрахани, изменнова города у государя нет; которые были позаворовали, и те все ко государю вины свои принесли» и «добили челом». В данный момент ни кн. Иштерек, ни мурзы не оправдывали своих улусных людей, но признавались в своем бессилии справиться с ними и даже рекомендовали Ф. И. Шереметеву взять закладов из 14 ногайских родов.[47] Таким образом, уже с 1607 г. ногаи приняли участие в нападениях на московскую украйну.

В течение карательного похода московских войск произошла измена кн. Петра Урусова. Источники кратко сообщают, что кн. Петр Урусов с братом Александром, находившиеся со своим татарским отрядом под Крапивной, «государю изменили, побежали в Крым с иными мурзами». В ногайских улусах П. Врасский узнал подробности этой измены: дети Янараслана, Урак (Петр Урусов) и Зорбек (Александр Урусов) бежали в Азов, затем кн. Петр Урусов ушел в Крым, а кн. Александр прибежал к отцу в Астрахань, где и оставался некоторое время у «государевых изменников».[48] Кн. П. Урусов начал свою карьеру в первых рядах московской придворной молодежи еще при царе Федоре Ивановиче; в годы Смуты эта карьера резко изменила свое направление, но вышла несомненно яркой: бежав в Крым, он сделался там авторитетным консультантом по московским делам и

---

[46] А. Попов. Изборник. Столяров хронограф., с. 336—337. РИБ, т. XIII, с. 509. Разряд зап. Смутн. времени, с. 87. И. Масса. Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб. изд. Археогр. Ком., 1874, с. 112, 113.

[47] Акты времени ц. В. Шуйского, с. 165, 178—179.

[48] Разряд. зап. Смут. времени, с. 91.—ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 76. Акты времени ц. В. Шуйского, с. 167.

одним из организаторов нападений на Москву; он занял в Крыму видное положение, породнился с Кантемиром мурзой, принял близкое участие в перипетиях внутренней борьбы и кончил свою бурную жизнь в Крыму в 1639 г. Кн. Петр Урусов и другие беглые татарские мурзы принесли в Крым и в ногаи самые свежие и достоверные сведения о положении дел в Московском государстве. Трудно было бы представить себе условия, более благоприятные для вступления в действие польско-турецкого и польско-крымского договоров, заключенных летом 1607 г. Татарская война на Руси с тех пор не прекращается и непрерывно усиливается.

Как указано выше, положение дел в орде больших ногаев было таково, что ни кн. Иштерек, ни мурзы, если даже верить искренности их стараний удержать в повиновении своих улусных людей, не были в состоянии этого добиться. Массы улусов перебрались на крымскую сторону Волги и могли теперь еще с большей легкостью осуществлять свои нападения на «изменные городы, которые против государя стояли».

В дневнике Яна Сапеги (под 28 марта 1608 г.) имеется запись о крупной операции татар в районе Темникова: масса ногайских татар (до 100 тыс.) пришла под этот город, сжигая села и посады, уничтожая и забирая в полон жителей. Цифра татарского войска, может быть, преувеличена, но самый факт набега не возбуждает сомнений, потому что как раз в это время ногайские улусы близко прикочевали к русским пределам.[49]

В следующем 1609 г. пришли в движение основные силы крымцев. В феврале 1609 г. Шуйский подписывает договор со Швецией о военной помощи. Король Сигизмунд выступает в поход под Смоленск и начинает его осаду. Одновременно следует удар с юга. Едва ли можно сомневаться в том, что нападение татар с юга должно было облегчить польскому королю его поход, представлявшийся ему сначала в виде победоносного шествия. Совпадение всех этих событий бросалось в глаза сторонним наблюдателям. Рассказывая о сборах кн. М. В. Скопина-Шуйского в поход из Новгорода со шведским войском и о начале осады Смоленска Сигизмундом, Буссов говорит: «Летом сего же года татары напали на Россию с другой стороны и в три или четыре недели увели множество пленных».[50] Это сообщение неверно представляет ход татарской войны. Сведения о движении татар стали поступать в Москву уже в конце апреля. Сохранившиеся грамоты царя Василия, рассылавшиеся им в разные города (Вологду, Ярославль, Пермь, в Соловецкий монастырь) с увещанием сохранять верность и с обещанием близкой помощи, дают возможность проследить движение татарского войска и территорию, охваченную войной. В грамоте от 15 мая на Вологду царь сообщал о приходе передовых крымских отрядов к Осколу и Ливнам. В июньских грамотах говорится о приближении татар к орловским и болховским местам. Месяц спустя (27 июля) царь Василий писал уже о прибытии крымского царевича — калги Джанибек Гирея, присланного царем Селамет Гиреем якобы в доказательство братской дружбы и любви к нему на помощь против изменников и литовских людей, под Коломну; царевич будто бы ожидал его указания, куда и против кого итти. Для большей внушительности Шуйский в своих грамотах определял численность татарского войска в 40 тыс. и даже в 80 тыс. Крымцы перешли р. Оку и стали по боровской и можайской дорогам, чтобы «воров никуда в Литву не пропустити».[51] Татары, вероятно, совершили свой поход по Изюмскому шляху. Из дневника Яна Сапеги мы узнаем,

---

[49] A. Hirschberg. Polska a Moskwa w pierwszey polowie wieku XVII, Lwów, 1901, с. 211.— Акты времени ц. В. Шуйского, с. 213 и др.

[50] Н. Устрялов. Сказания современников о Димитрии Самозванце, ч. I.— Берова летопись московская, СПб., 1851.

[51] ААЭ, т. II, № 126, 128, 132, 135, 136, 137.— АИ, т. II, № 227.

что поляки перехватили еще ряд подобных же царских грамот в Ярославль, Владимир, Муром, Нижний, Углич.[52] Татары разорили Тарусу, заходили за р. Оку в район Серпухова, Боровска, Коломны и ближе к Москве, везде уничтожая села и забирая в полон население.[53] В отступление от своей обычной тактики быстрых кавалерийских рейдов татары на этот раз двигались сравнительно медленно: это не был набег, а настоящая война, длившаяся все лето и захватившая огромную территорию, почти до самой Москвы. Татары не встречали отпора, ибо вся оборонительная система была дезорганизована и бездействовала.

В том же 1609 г. вновь появляется на Руси и действует в подмосковных районах кн. Петр Урусов с отрядом юртовских татар. Можно предположить, что он вернулся на Русь вместе с крымцами и остался здесь и после их ухода. В Хронографе записано, что в 1609 г. под Москвой действовали «легкие люди» — русские воры, татаровя юртовские и черкасы, совершавшие нападения на слободы и по дорогам к Москве. Эти «легкие люди», повидимому, не добивались больших военных успехов, но создали столице «великое утеснение»; затруднение снабжения Москвы по Коломенской дороге, где действовали Салков и пан Млоцкий, и по Слободской (на Александрову слободу), где действовал кн. Петр Урусов с юртовскими татарами, вызвало в Москве «дороговь хлебную».[54] После распадения тушинского лагеря и бегства Самозванца в Калугу кн. Петр Урусов вместе с поляками ушел в королевский стан под Смоленск. В своих записках С. Жолкевский особо подчеркивает свое благожелательное и ласковое отношение к нему. В том же польском лагере оказался в конце марта 1610 г. касимовский царевич Ураз-Магмет, изменивший царю Василию вскоре же после того, как тушинский Самозванец утвердился под Москвой. Ураз-Магмет был с почетом принят Сигизмундом и удостоен первого места среди сенаторов. Жолкевский в своих записках отмечает его верность королю и солидность его поведения.[55] В связи кн. Петра Урусова и Ураз-Магмета касимовского с польским станом можно видеть одно из проявлений контакта поляков с татарами, начавшегося с 1607 г.

Если «приход» татар в 1609 г. совпадал с движением короля под Смоленск и началом его осады, то нападение татар на Русь в 1610 г. совпало с походом поляков под Москву. Следует обратить внимание на то, что еще в конце 1609 г. польский король получил «добрый ответ» от султана, привезенный из Константинополя паном Коханским, содержащий уверения «в постоянной своей дружбе, прибавляя, что так как она существовала с нашими предками, то и нам должно стараться ее поддерживать». В декабре того же года уже в лагерь под Смоленск приехали турецкие гонцы с письмами от султана. 19 апреля 1610 г. татарский гонец уведомил короля о прибытии «большого» посла, который явился в польский лагерь под Смоленском 21 апреля. Татарский посол отправлял (23 апреля) обыкновенным порядком посольство и привез союзную грамоту, данную покойным царем Казы Гиреем. Посол подарил королю от имени царя лошадь, предлагал постоянную дружбу и, требуя обыкновенных подарков, благодарил за то, что король бывшему прежде посланнику обещал усмирить

---

[52] Hirschberg, с. 224, 226, 234.

[53] Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. С предисл. С. Б. Веселовского. Изд. Москов. об-ва ист. и древ. росс., 1911, № 10, и в Чт. МОИ и ДР, 1911, кн. 4.

[54] А. Попов. Изборник, 343.—ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 93.—Н. И. Костомаров. Сочинения, т. II, с. 375, 391.—И. Голиков, т. I, с. 373.

[55] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, 1864, с. 457—458, 468.—Дневник осады Смоленска польским королем Сигизмундом III в 1609—1611 гг. в кн. Д. Бутурлина.— История Смутного времени, т. III, с. 186—187.— St. Żółkiewski. Początek, с. 76—77.

своевольство казаков и оградить татарские владения от их набегов. 9 мая татарский посол был отпущен.[56]

Союзная грамота Казы Гирея, которую привез королю крымский посол, и дружба, в которой заверял короля султан, не могли относиться ни к чему иному, как к договору 1607 г., согласно которому Крым был обязан польскому королю военной помощью против Московского государства. Каков был ответ короля и каковы были его пожелания, едва ли необходимо разгадывать. Вскоре же началось движение татарского войска на московскую украйну. После победы над московским войском под Клушином (24 июня — 4 июля 1610 г.) гетман Жолкевский спешит к Москве, чтобы не дать Шуйскому оправиться от последствий поражения. Самозванец также двинулся к Москве из Калуги; он соединился на р. Угре с Я. Сапегой, прошел через Медынь к Боровску, разграбил Пафнутьев монастырь и занял Серпухов.[57] В своих записках Жолкевский определяет численность татарского войска, пришедшего под Серпухов во главе с Батер беем и Кантемиром мурзой, в 15 тыс. чел.; в письме к королю Сигизмунду, написанном в дни татарского прихода, он определяет численность татар не более чем в 10 тысяч. Назначение командирами татарского войска двух мурз Дивеевых, в особенности Кантемира мурзы, главы Белгородской орды, опаснейшего врага Польши, заслужившего за свои нападения на нее прозвище «кровавого меча», наиболее отвечало интересам Польши; в то же время невозможно представить себе Кантемира в качестве союзника московского правительства, с которым он никогда никакой связи не имел.

Татары остановились за р. Окой. Из Москвы был отправлен к ним «з дарами и речью» и с уведомлением о посылке к ним ратных людей с нарядом кн. Г. К. Волконский. Провожал кн. Волконского стольник и воевода кн. Д. М. Пожарский. Отряд же войск, не превышавший по достаточно достоверным сведениям Жолкевского 400 чел. пехоты, находился под командой воевод кн. И. М. Воротынского, кн. Б. М. Лыкова и Арт. Вас. Измайлова.[58] Часть татар в количестве 3000—4000 чел., перейдя р. Оку, пришла в соприкосновение с войсками Самозванца, двигавшимися из Боровска к Москве. Появление татар вынудило Самозванца выстоять ночь в готовности. Никакой битвы Самозванца с татарами, однако, не произошло: татары лишь схватили некоторых людей из войск Самозванца, разошедшихся из стана по соседним деревням.[59]

Гетман Жолкевский следил через свою агентуру за всеми движениями татар и действиями Шуйского; он смог даже предупредить Я. Сапегу о посылке Шуйским к татарам отряда стрельцов и указать ему на необходимость помешать тому, чтобы этот отряд дошел до татар; в своих записках Жолкевский умалчивает об этой интересной подробности. Хотя татары и были союзниками польского короля, Жолкевский слишком хорошо знал по личному своему опыту татар, чтобы не принять всех возможных мер предосторожности. Впрочем, все произошло в полном соответствии с желаниями Жолкевского: татары ограбили кн. Б. Лыкова, взяли царские дары и вынудили его отряд к бегству. Жолкевский умалчивает о том, чего не скрыл Я. Сапега, что отряд кн. Б. Лыкова при бегстве от татар подвергся еще погрому от поляков, захвативших часть его людей в

---

[56] Дневник осады Смоленска, с. 151, 159, 186—187, 191—192, 194.

[57] Записки Жолкевского, с. 39—40, 64—65.

[58] Разряд. зап. Смутн. времени, с. 19, 98—99.—Д. В. Цветаев. К истории Смутного времени. Собр. документов, вып. 1, Москва — Варшава, 1910, с. 5.—Дневник Яна Сапеги, с. 258. Батер бей — Богатырь Гирей Дивеев,— брат Кантемира. Центр Белгородской орды — Аккерман (Белгород).

[59] Д. В. Цветаев, с. 5.—РИБ, т. I, История ложного Самозванца. Записки Жолкевского, с. 66.

плен.[60] Продолжая свою мистификацию, Жолкевский говорит далее в своих записках, что татары, доведавшись от «языков», что пан гетман с отборным войском готов выступить против них, уже отягощенные добычей, ушли назад как только могли быстро.[61] Жолкевский, конечно, не делал никаких приготовлений к действиям против татар, да и необходимости никакой не было в этом именно случае, поскольку татары совершали нападения на Русь, а не на поляков. А. Палицын говорит об этом татарском приходе, что татары ушли, взяв с царя Василия «дары великие» и «ото всея земли плену, яко скот в крымское державство согнаша».[62]

Посылка Шуйским отряда стрельцов с виднейшими воеводами и даров татарам была попыткой приостановить татарскую войну. Надежды на то, чтобы удалось направить татар на поляков, не было никакой. Вся попытка была рискованной, как и показал ее исход, но положение правительства Шуйского было таково, что не приходилось ни перед чем останавливаться. Посылкой даров думали умилостивить татар, тем более, что казна, направленная в Крым в 1607 г., не достигла места назначения. Едва ли мог не знать о последнем Жолкевский, хотя в своих записках он и пишет, что царь Василий вызвал татар, дав им «упоминки добрые».[63]

Вместе и одновременно с крымцами, точнее, с ногаями Белгородской орды и Дивеева улуса, под Серпухов приходили большие ногаи; кроме того, самостоятельно большие ногаи нападали в это же время на рязанские места. Большие ногаи участвовали в нападениях на Русь в 1610 г. по прямому призыву крымского царя Селамет Гирея, как это признал кн. Иштерек в беседе с П. Врасским.[64] Во главе татар, действовавших в рязанской земле, стоял родной брат кн. Иштерека Бекмаметь мурза и племянник Ак мурза Байтереков и др. Эти мурзы сносились с П. Ляпуновым, который посылал им жалованье и предлагал, прекратив войну в Рязанской земле, итти на государеву службу к Москве.[65]

Татарские нападения были одним из существенно важных обстоятельств, чрезвычайно осложнивших положение царя В. Шуйского. Нарастало настроение безнадежности и бесплодности защиты «несчастливого» царя, «царствования недостойного». Такое настроение могло развиться и в рядах рязанцев, до сих пор верных сторонников царя Василия, а теперь вынужденных думать о защите своих очагов от татар. П. Ляпунов послал своему брату Захару наставление в Москву «ссадить» Шуйского; 17 июля москвичи во главе с Захаром Ляпуновым выполнили эту задачу, просили царя Василия государство «оставить», потому что «кровь многая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив, а городы украинные, которые отступили к вору, его, государя, на царстве не хотят».[66]

---

[60] Дневник Я. Сапеги, с. 260—261.
[61] Д. В. Цветаев, с. 5—6.— Дневник Яна Сапеги, с. 260.
[62] РИБ, т. XIII, с. 1184.
[63] St. Żółkiewski, Początek, с. 46.
[64] Акты времени междуцарствия, с. 20.
[65] Там же, с. 17—19.
[66] 1610 г. закончился убийством 11 декабря в Калуге кн. П. Урусовым Самозванца — факт интересный для нас участием в этом деле татар. После поражения под Клушином касимовский царевич Ураз-Магмет и кн. П. Урусов снова оказались в стане Самозванца. Жолкевский объясняет «скрытый» отъезд Ураз-Магмета к Самозванцу сентиментальными мотивами любви и заботой о жене и сыне, находившихся у Самозванца. Мотивы отъезда кн. П. Урусова он не объясняет. Однако Самозванец встретил их с подозрением в изменных против него замыслах; существует указание, что будто бы эти замыслы были открыты Самозванцу сыном Ураз-Магмета. Последовало убийство последнего Самозванцем и затем, как бы в отмщение за это, убийство Тушинского кн. П. Урусовым, который после того бежал в Крым с 2000 татар. В своих записках Жолкевский говорит, что существовало тогда мнение, что сам гетман напра-

Нападение крымцев и ногаев в 1611 г. совпадает с первой попыткой освобождения Москвы от поляков. Известно, с какой быстротой созрела эта попытка. П. Ляпунов как бы спешил исправить свою инициативу в низложении царя Василия. В феврале — марте уже началось с разных сторон движение отрядов ополчения к Москве, сосредоточившихся во второй половине марта под Москвой.[67] Впервые «земля соединилась» для освободительной борьбы. Известна также ведущая роль Рязанской земли во главе с П. Ляпуновым в организации этого ополчения. Жолкевский в своих записках уделяет много места характеристике Ляпунова и его роли в организации ополчения, говорит о его большом влиянии среди широких кругов населения, об энергии, с какой он взялся за дело освобождения Москвы от поляков, о том, какой это был для них опасный противник.[68] В июле поляки были окончательно изолированы в Китай-городе и в Кремле; все попытки подать помощь гарнизону были отбиты.

Как раз в это время на московскую украйну напали крымцы и ногаи. Последующие, дошедшие до нас воспоминания не различают отдельных моментов нападения, не различают вторжений татар, действий литовских людей, казачьих и иных отрядов: все сливалось в непрекращающееся и сплошное «разоренье». На основании документальных указаний можно установить, что в 1611 г. подвергся разоренью от татар Лихвинский уезд, куда «безвестно» пришли крымские и литовские люди, «вывоевали» все, даже всех овец, так что негде было взять шуб, сбор которых производился по указу вождей ополчения. Разорению подверглись также Алексинский, Тарусский, Серпуховский уезды и Рязанская земля. В Серпуховском уезде татары воевали «все лето».[69] Указания документов не исчерпывают, конечно, всех уездов, подвергшихся татарскому разорению; они свидетельствуют лишь о том, что татары вновь доходили до р. Оки, как это было и в предшествующие годы.

О нападениях на Рязанский край сохранились некоторые подробности. Нурадын Шайтерек мурза Тинехматов, излагая факты в совершенно извращенном виде, говорил П. Врасскому, что в 1611 г. он посылал человека своего Сарыке агу с 7000 ногайских людей и велел ему, сойдясь с государевыми людьми, «ходить на государевых изменников». Сарыке ага будто бы пришел в Переяславль, взял там вожей и «ходил с государевыми людьми на многие изменные города и государю деи поворотил семь городов» Сарыке ага послал с сеунчем [70] в Москву брата своего и из Переяславля получил жалованье и знамя. Изобразив таким образом подвиги своих татар, Шайтерек мурза упрекнул рязанцев в вероломстве, что будто бы они, дав его улусным людям базар и «примоня их», многих «лучших людей побили и кости их вскладчи на телеги» прислали к татарам в полки. П. Врасский возразил на это, что он слышал, напротив, что татары, будучи на базаре под Переяславлем, «почели дуровать», у русских людей товары

вил кн. П. Урусова в стан Самозванца с этой целью, и что подозрения эти были основаны на том, что он, гетман, очень ласкал его в бытность его в польском стане. Жолкевский ни одним звуком не опровергает этого подозрения и заканчивает свой рассказ об убийстве Самозванца заключением, что как бы там ни было, но обман прекратился, и бояре, сидевшие в Калуге (кн. Д. Трубецкой, кн. Г. Шаховской), снесшись с боярами столичными, присягнули на имя королевича Владислава.—Убийство Самозванца в Калуге сопровождалось истреблением казаками во главе с И. Заруцким части юртовских татар, входивших в состав войск Самозванца и занимавших под Калугой одну из слобод.— Вельяминов-Зернов, т. II, с. 468—469.— St. Zółkiewski, с. 77—78.— П. Петрей. Чт. МОИ и ДР, 1866, кн. 3, с. 292—293.

[67] С. Ф. Платонов. Очерки, с. 465.

[68] St. Zółkiewski, с. 78—81.

[69] Акты подмосковных ополчений, № 26, 34, 39, 40.

[70] Сеунч— известие об одержанном успехе; в то же время сеунч — награда или ожалование гонцу за сообщенное известие.

хватать и убили «доброго» дворянина. Из отписки переяславского воеводы Меньшого Ляпунова боярам под Москву известно, что Сарыке ага с татарами пришел под Переяславль 16 июня и начал опустошать край. Через толмача мурзы сообщили воеводе, что они пришли «по летошнему письму» П. Ляпунова, что им известно, что «земля соединилась, и бои у всех людей Московского государства с литовскими за веру», требовали возвращения ногайских послов Янсеита с товарищами, посланных к царю Василию в 1610 г. из-под Серпухова.

Очевидно, в орде достаточно хорошо знали и понимали общее положение дел внутри Московского государства; во всяком случае знали значительно больше и понимали значительно лучше, чем кн. Иштерек и мурзы обнаруживали в переговорах с П. Врасским. 24 июля в ответ на сообщение Меньшого Ляпунова от имени кн. Д. Трубецкого и И. Заруцкого был прислан в Переяславль для переговоров с Сарыке агой «о добрых делех» Ст. Ушаков. С ним вместе были отпущены ногайские послы Янсеит с товарищами, и с них была взята шерть, что им Московскому государству «добра хотеть» и Сарыке агу и татар «на добро наводить», чтобы они войну в Рязанской земле и в других украинных уездах прекратили, сел и деревень не жгли и людей в полон не брали, взятый полон вернули и шли бы, отобрав 2—3 тыс. лучших ратных людей, под Москву на помощь против польских и литовских людей. Грамота Сарыке аге говорит, что боярам «ведомо», что ногаи вопреки своей шерти ведут войну на Рязани и на украйне, что «веря их правде и шерти», от них «не остереглись, воинских людей на Рязани не держали и пришли, все собравшись, под Москву на польских и литовских людей». Ст. Ушаков уже не застал татар в Рязанской земле. Повоевав там села и деревни, совершив нападения на посады, татары в конце июля ушли.[71] Однако этим приходом татары не ограничились; они приходили снова, одни отряды сменяли другие. В 1611 г. рязанцы «всем городом» били челом боярам, что крымцы и ногаи «все лето без выходу» воевали край, уцелевших людей позабирали в полон либо высекли; пашня стояла незасеянной, люди сидят в осаде, во всем уезде «не добыть овцы — татары всех вывоевали и выганили с собой».[72]

Нападение татар на московскую украйну совпадает с моментом особо трудного положения польского гарнизона в Москве, с кризисом внутренних отношений в подмосковном ополчении, завершившимся попыткой П. Ляпунова бежать к себе на Рязань, в то время опустошавшуюся татарами, и, наконец, убийством его 22 июля. Любопытно, что грамоты к татарам под Рязань были написаны при участии П. Ляпунова и в их черновиках значится еще его имя, вычеркнутое затем при посылке грамот.[73]

Мы имеем очень мало указаний в документах на татарские нападения в 1612 г. Татары появлялись под Дедиловом.[74] На Самарском перевозе были захвачены татары Иштерекова улуса, переправлявшиеся через Волгу

---

[71] Акты времени междуцарствия, с. 28—29, 38—39, 41—42.—СГГ и Д, т. II, № 265, 266.

[72] Акты подмосковных ополчений, № 25.

[73] Можно думать, что нападение татар на украйну в 1611 г. должно было подействовать на отряды ратных людей из южных уездов, входивших в ополчение. С другой стороны, польские авторы охотно и с большими подробностями говорят о ловкой хитрости Гонсевского, который путем подложной грамоты, написанной якобы Ляпуновым, возбудил против него казаков, что и привело к убийству главного и наиболее опасного для поляков деятеля первого ополчения. «Славны й вымысел Гонсевского довершил распад ополчения (Пясецкий).— К о б е р ж и ц к и й. «Сын отечества», 1842, ч. 2, № 3, с. 7—8.— П. П я с е ц к и й. Смутное время и московско-польский вопрос, «Памятники древ. письменности», вып. 68, с. 43.— Marchocki, с. 123—124.

[74] Приказ. ст. № 109, л. 227.

на ногайскую сторону, с русским полоном, захваченным в алаторских местах.[75] Не следует думать, что их не было в других уездах московской украйны. По всей вероятности, татары хозяйничали на юге так же, как и в предшествующие и последующие годы. В 1613 г. рязанцы всех чинов писали в челобитной, что «как земля соединилась», «учали приходить татаровя часто и досталь домишка наши выжгли», а «иные татаровя у нас живут без выходу».[76] «Жить без выходу» означало почти постоянное пребывание на территории украйны; татары располагались здесь, как на местах своих постоянных кочевий, но не ограничивались одним кочеваньем; устроив коши где-либо в степях, они рассылали отсюда в войну отряды, а захваченную добычу отправляли в улусы для реализации. Такой характер татарская война могла приобрести лишь при отсутствии сил для борьбы с ними, при полном разрушении всей оборонительной системы.

Необходимо принять во внимание, что установленное нами ниже изменение взаимоотношений Турции и Польши и возобновление борьбы между ними с 1612 г. отвлекло основные силы крымских татар от нападений на московскую украйну; с этого года нападения на Русь совершаются почти исключительно силами ногайских орд. Но размах операций татар все же остается очень значительным. В 1613 г., как пишет «Новый Летописец», «придоша ногайские люди войною в Московское государство и воеваша многие украинные городы. И перелезя за Оку реку, и воеваша коломенские, и серпуховские, и боровские места, и придоша под Москву в Домодедовскую волость и многих людей в полон поимаша. Тем же городом пакость велию содеяша, дворян и детей боярских многих поимаша. В подъезде взяша под Москвою Денисья Аладьина, а товарищев иных побиша, а иные утекоша к Москве».[77]

Общее стратегическое положение Москвы было крайне тяжелым. В апреле — мае 1613 г. было организовано преследование И. Заруцкого, уходившего в Астрахань, для чего были стянуты силы из ряда украинных городов. В Новгородской области шла борьба со шведами, литовские люди и черкасы пришли в заоцкие города и захватили и уничтожили несколько городов, подходили к Калуге. Под Вязьму, Белую, Дорогобуж и Смоленск были направлены основные силы, чтобы «доступать» эти захваченные неприятелем города.[78] Хотя разрядная роспись и говорит о возобновлении расстановки полков в украинных городах, едва ли она была осуществлена. Правительство не могло выделить сил для борьбы с татарами. Московская украйна была заполнена татарскими отрядами. В этом году московские посланники в Константинополь, рискуя попасть в руки татар, пробирались от Переяславля Рязанского к Ряжску. Взятый татарский «язык» показал, что он принадлежал к отряду азовцев и казыевцев, пришедших для войны в Рязанском крае с намерением «вон не выхаживать»; татары поджидали «прибыльных больших людей». Из других указаний документов мы узнаем, что между Ряжском и Данковом на Черном кургане стояли татарские коши, откуда татары ходили воевать под Пронск, Михайлов, Дедилов и Переяславль Рязанский. Посланники достигли Данкова

---

[75] Памятники дипломатическ. и торговых сношений Московск. Руси с Персией, т. II, с. 164—165.

[76] Турец. д. 1613 г., № 1, л. 122—123.

[77] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 134.— Д. Аладьин был послан к Сигизмунду с предложением перемирия до присылки имп. Матвеем послов для посредничества при переговорах. Грамота Сигизмунда от 9 июня 1613 г. говорит о согласии на это перемирие. Д. Аладьин был захвачен татарами при своем возвращении в Москву (СГГ и Д, т. III, № 13).

[78] Дворц. разр., т. I, с. 84, 91, 92—94, 101, 102—103.

16 августа, и как раз в этот момент Данков подвергся нападению татар, посланники едва успели укрыться за стенами города. Нападение было отражено; взятый в бою татарин оказался улусным человеком Кельмаметь мурзы Урмаметева из больших ногаев; отряд состоял из 400 человек. Татарин показал, что орда кочевала в то время по Манычу и Дону (около Азова),и что ушли они в поход будто бы «утаяся от кн. Иштерека и от мурз. от бедности для добычи».[79]

В одном частном письме от этого года говорится, что «крымские татары опустошили всю Рязанскую землю до Оки».[80] В 1614 г. посланники А. Лодыженский и П. Данилов упрекали ближних людей крымского царя в том, что летом предшествующего 1613 г. много крымцев под предводительством Кан мурзы и Еш мурзы приходили под Курск, да и, кроме того, воевали во многих других местах, что было нарушением договора о мире и дружбе. Ближние люди не отрицали факта набегов, но уверяли, что то сделали мурзы «воровством», за что они будут наказаны и что впредь войны не будет.[81]

В 1614 г. крупные силы ногайских татар большой и малой орды снова достигли подмосковных местностей. В мае в самой Москве ждали татар и готовились к их отражению: «по местам» были расставлены бояре и воеводы для обороны города.[82] Служилые люди, взятые в плен шведами и допрошенные ими в Новгороде в июне, показали, что татары в количестве 20 тыс. чел. были в полумиле от Москвы, но недолго там простояли и снова вернулись к своим границам и по всему пути жгли, грабили и убивали и увели много пленных.[83] Русские пленные ошибались лишь в том, что это были крымские татары. Осенью 1614 г. татары Малого ногая, повстречав на пути к кн. Иштереку служилых людей из Астрахани, «бранились» и хвастались: «ныне де мы были под Москвою, а на лето де будем и за Москвою»; если даже кн. Иштерек помирится с московским государем, малые ногаи все равно будут продолжать войну.[84] Но войну вели не одни малые ногаи. Уже в апреле самарский воевода кн. Д. П. Пожарский получил сведение о том, что Заруцкий и кн. Иштерек послали 20 тыс. ногайских и юртовских татар «по пластом» на темниковские и алаторские места; по пути они захватили в полон многих донских казаков, а во второй половине мая и в начале июня документами засвидетельствовано появление татар вблизи Алатыря. Появление и действия здесь татар вызвали назначение из Москвы особых воевод и посылку ратных людей.[85] После размены послами с крымцами 9 августа на Ливнах окольничий кн. Г. П. Ромодановский возвращался в Москву с новыми крымскими послами на Белев, а по дороге «многие... были всполохи от татар, потому что шли все меж татарские войны...» Московские послы кн. Г. Волконский и дьяк П. Евдокимов, направлявшиеся в Крым из Ливен, вынуждены были в течение двух дней пережидать, когда пройдут татары, возвращавшиеся с Руси «из войны».[86]

Повидимому, в течение зимы 1614—1615 гг. татары не покидали русских пределов. Кн. Г. К. Волконский и П. Евдокимов узнали в Крыму, что на рождестве Большие ногаи ходили на Русь и воевали «многие горо-

---

[79] Турец. д. 1613 г., № 1, л. 112, 140—144.
[80] Арсеньевские шведские бумаги. В «Сборнике Новгородского общества любителей древности», вып. V, 1911, с. 23.
[81] Крым. д. 1613—1614 гг., без №, л. 52—54.
[82] Дворц. разр., т. I, с. 132—140.
[83] Арсеньевские шведские бумаги, с. 32.
[84] Ногайск. д. 1614 г., № 3, л. 65.
[85] АИ, т. III, № 11, 16, 257, 272.
[86] Крым. д. 1614 г., № 4, л. 8—8а.

да»: Курск, Рыльск, Комаричи, Карачев, Брянск; в марте 1615 г. в Кафе продавали русский полон «дешевою ценою»: (обычный) человек—золотых в 10 и в 15, а добрый и молодой — в 20 золотых. «По весне рано» татары вновь собирались в поход.[87]

Действительно, с весны 1615 г. татарская война снова развернулась в полную силу. Набеги начали отдельные отряды крымцев, приходивших в кромские и орловские места.[88] Но это были лишь отряды самовольных крымских людей. Основную массу нападавших, как и в предшествующие годы, составили Большие и Малые ногаи и азовские татары. Сведения о движении татар на Русь поступали к московским посланникам в Крыму в течение всего периода с весны до осени.[89] Весной и в начале лета татарские полки прошли в Русь, вероятно, Калмиусским шляхом (шли мимо Ливен), проникли далеко внутрь страны, расположились под Серпуховом и оттуда распространились по ряду уездов. В самой Москве «по вестям» о приходе татар под Серпухов и под Коломну снова готовились к их встрече. Кроме трех полков в Туле, Мценске и Новосиле, был поставлен особый полк в Рязани. Осенью ногаи многих улусов повторили набег.[90]

Бессилие правительства справиться с этим новым нашествием татар выразилось в том, что оно вступило с вождями татарских войск, находившихся под Серпуховом, в переговоры, чтобы склонить их к прекращению войны. После установления с татарами связи через серпуховского толмача Яшку Иванова (следовательно, в Серпухове имелся особый толмач для сношений с татарами, постоянно навещавшими эти места) утром 19 мая в татарский стан был направлен сын боярский Родион Бузовлев, уже имевший раньше дела с татарами, и переводчик Семейка Андреев. Целью поездки было договориться об обмене послами и разведать состав и численность татарских сил. Родион Бузовлев переехал через Оку к татарам после получения от них заложников. Он «дневал и ночевал» у татар и 20 мая был отпущен обратно. Стояли татары по правому берегу реки Оки, в нескольких верстах ниже Серпухова. Родион Бузовлев «втай» от мурз «проведал», что всех татар пришло в Русь 25 тыс., но сам он проверить этих сведений не мог, потому что татары стояли «по лесом и по бояраком врозне». Бузовлев записал ряд имен мурз, возглавлявших татарское войско: Казяк мурза Исупов, кн. Мих. Шейдяков, Бир мурза Маметов, бывший московский переводчик Обдикей Тенишев, изменивший Москве. Многие мурзы в то время находились в походе; так, Курмыш мурза воевал вверх по Оке. С мурзами были татары разных улусов Иштерековой орды, казыевцы и азовцы.

Татары объясняли свой приход на Русь неприсылкой к ним послов с жалованьем, но обещали, что после «зговора» они перестанут жечь села и деревни и что сейчас они собираются все вместе.[91] Уже 21 мая в Москву прибыл татарский посол Абдулла Хожа, принятый в Ямской слободе думным дьяком Петром Третьяковым. Татарские грамоты были присланы от имени Аиса мурзы, очевидно, главного среди вожаков татарского войска и также от других мурз. Не получив из Москвы жалованья, писал Аиса мурза, «людей своих собрав... государевых людей пооскорбили», что на дипломатическом языке татар означало набег и погром десятка уездов. Но теперь, если им будет дано жалованье, они готовы прекратить войну и дать шерть перед дворянином, если таковой будет прислан в их

---

[87] Крым. д. 1614 г., № 3, л. 65—66.
[88] Турец. д. 1615 г., № 3, л. 303.— Крым. д. 1615 г., № 3, л. 131, 102.
[89] Турец. д. 1615 г., № 1, л. 226—228; 1615 г., № 3, л. 308—309.
[90] Двор. разр., т. I, с. 172, 177.— Турец. д. 1615 г., № 3, л. 309.
[91] Ногайск. д. 1615 г., № 3, л. 8—9.

стан вместе с Абдуллой. Другие мурзы, впрочем, не ограничивались такими пожеланиями и требовали сведения с Дона казаков.[92]

Московское правительство пошло на продолжение переговоров. В татарские полки были посланы дворянин М. Зубов и известный уже нам переводчик П. Врасский. В проекте речи, которую они должны были произнести перед мурзами, содержатся упреки им в том, что они «не обославсяя» пришли под Ливны, а оттуда «во многие места войною до Оки и за Оку: в Коломенской, и в Серпуховской, и в Калужской, и в Боровской уезд, и многие места жгли и людей побивали, и полон многой поимали, чего царское величество» от них «не начаялся». Ныне, находясь под Серпуховом, они разослали людей в загоны и государевой земле «многие убытки учинили».[93] Мы не знаем исхода этих переговоров, но, очевидно, они не *достигли* цели, потому что татарская война не прекращалась до самой осени. Во время переговоров татарские отряды возвращались из Алексинского уезда с большим полоном. В июле вновь пришли в Русь азовцы и вольные ногайские люди в числе до 3000 человек.[94] В конце июня тот же П. Третьяков продолжал переговоры с послами от Малых ногаев о прекращении войны. Ногайские послы, отбросив всякое лицемерие, откровенно заявили: «А которые мурзы с воинскими людьми приходили в государеву землю войною и которые, чают, еще из государевой земли не вышли, а повороту их на государеву землю еще чают, и в том волен бог да государь. А те люди казыева улуса мурзы и улусные люди бедные и наги и голодны, и тем добываютца и кормятца, что в войну ходят».[95] В грамоте, направленной в орду Больших ногаев в начале июня, говорится, что московское правительство не ожидало войны со стороны ногаев: рассчитывая на договор о дружбе с крымским царем Джанибек Гиреем, оно направило все войска против Польши.[96] Осенью Русь воевали ногаи всех улусов «многие люди»; из крымцев в войне участвовали лишь самовольные группы.[97]

1616 год с весны до осени был заполнен подобными же «приходами» татар. Нет указаний на участие в них крымцев, но азовцы, казыевцы и Большие ногаи действовали вместе. В то самое время, когда Джанибек Гирей угрожал Большим ногаям войной, Аксак-Кельмаметь мурза Тинмаметев и Алей мурза Урмаметев, соединившись с большим числом казыевцев, ходили на Русь. Азовцы сначала напали на казачьи городки, выжгли некоторые из них, а затем примкнули к ногаям. Татары достигали Козельского уезда, где от них был «беспрестанный всполох» и где одновременно воевали польские люди. Местами происходили стычки с русскими ратными людьми. В одной из них был убит воевода сторожевого полка (Новосиль) М. Дмитриев. Снова Москва принимала меры предосторожности на случай появления татар под стенами города.[98]

Ввиду возвращения в 1616 г. Больших ногаев в русское подданство, мы не встречаем указаний на набеги Больших ногаев в следующем 1617 г. Действовали в этом году только Малые ногаи и азовцы. Трижды приходили они на Русь в течение лета этого года. Территория, где протекала татарская война, была приблизительно той же, что и в предшествующем

---

[92] Ногайск. д. 1615 г., № 6, л. 1—9, 14—23.
[93] Ногайск. д. 1617 г., № 4, л. 15—24.
[94] Ногайск. д. 1615 г., № 3, л. 12.— Турец. д. 1615 г., № 1, д. 226—228.
[95] Ногайск. д. 1615 г., № 8, л. 1, 7—9.
[96] Ногайск. д. 1615 г., № 7, л. 14—17.
[97] Турец. д. 1615 г., № 3, л. 303, 309.
[98] Приказ ст., № 2, л. 421—422.— Турец. д. 1616 г., № 1, л. 115—116.— Кабард. д. 1616—1617 гг., без №, л. 24.—АМГ, т. I, № 107.— Крым. д. 1617 г., № 4, л. 33—34.— Дворц. разр., т. I, с. 214, 228—229, 258.—Разр. книги в одном месте говорят, что М. Дмитриев был убит в бою с татарами, в другом — с литовскими людьми. Возможно, что те и другие действовали на одной и той же территории.

году; основной базой, откуда татары рассылали свои загоны, была снова местность под Серпуховом. Снова мурзы объясняли свое нападение неприсылкой к ним поминок.[99] Нападения татар в 1617 г. не могли, впрочем, обладать такой же силой, как в предшествующие годы, потому что из числа нападавших выпали Большие ногаи.

Для Московского государства было большой удачей, что в 1618 г. оно встретилось в последнем решающем столкновении лишь с одними польскими силами.

В течение всего только что изученного нами периода вся оборонительная система, в частности, засечная черта, находилась в таком состоянии, что она не препятствовала проникновению татар в самый центр страны. Все пути, ведущие в Русь, были открыты и использованы татарами. В нападениях участвовали все татарские силы: крымцы, Большие и Малые ногаи и даже татары Кантемирова улуса, обитавшие к западу от нижнего течения Днепра. У каждой из этих групп татар были свои излюбленные и наиболее удобные для них пути вторжений в Русь. Такой дорóгой для Больших ногаев был старый Ногайский шлях, разветвлявшийся при подходе к московским рубежам на множество шляхов, которые вели в мордовские места, Верхоценскую волость, в Рязанскую землю и на запад в места воронежские. Наиболее близким и удобным для Малых ногаев и азовских татар был Калмиусский шлях. Вероятно, ими после образования Малой ногайской орды был проложен «новый Калмиусский шлях» через Донец ближе к Дону.[100]

Относительно путей нападения крымцев в изученный период мы имеем мало указаний. Почти несомненно, что в 1609 г. крымцы прошли в Русь Изюмским шляхом. Нет указаний, какой дорогой под предводительством Кантемира и Богатырь Гирея Дивеевых татары совершили нападение в 1610 г.; вероятно, оно также произошло Изюмским шляхом. Изюмский шлях не без основания носил название «царева пути»; он был удобен тем, что прямее вел крымцев к цели, чем Муравский, а также тем, что при пользовании им было легче объединяться с малыми ногаями: Муравский шлях был для Малых ногаев слишком отдаленным, и мы не знаем случая, чтобы они ходили им в Русь сколько-нибудь крупными силами. Вообще в течение 1607—1617 гг. наиболее оживленными путями татарских нападений были: Ногайский, Калмиусский и Изюмский шляхи. Однако же не утверждаем решительно, что Муравский шлях совершенно не был использован. Всеми этими дорогами татары проникали постоянно до центральных районов страны, до р. Оки и за Оку, в окрестности самой Москвы. Москва, как указано выше, не один раз ждала татар под своими стенами. Отметим одно, что татары очень часто достигали территории заоцких городов, где смыкались с действовавшими там польскими вооруженными силами. Вся южная часть государства, на восток — до мордовских и понизовых мест, на запад — до заоцких городов, подвергалась ежегодным татарским нападениям.

В те годы не было никакой возможности интересоваться и подсчитывать размеры потерь от татарской войны, как это делалось позднее. Известно, что в 1619 г. из одной только орды Больших ногаев было освобождено до 15 тыс. русских полонянников, которые к тому моменту еще оставались в орде; а сколько их прошло через орду и было продано на восточ-

---

[99] Турец. д. 1616 г., № 1, л. 127—128.—Ногайск. д. 1617 г., № 3, л. 11.—Ногайск. д. 1617 г., № 4, л. 15—24.

[100] О «новом Калмиусском шляхе» см. В. Е. Сыроечковский. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в., «Изв. Академии Наук СССР», Отд. обществ. наук, 1932, № 3, с. 214—215, примеч. 4.

ные рынки в течение десятка лет? Мы не располагаем никакими данными о полоне, захваченном татарами других улусов; мы имеем только общие суждения о массовом уводе полонянников. В татарских улусах царил настоящий ажиотаж: татары ходили на Русь до утомления. В улусы кн. Иштерека стекались восточные купцы из разных стран; впечатление о целых потоках русского полона сохранилось на Востоке надолго. Еще в начале 20-х годов дядя бухарского царя спрашивал И. Хохлова, ездившего в Бухару, почему это происходит и «для чего ногаи на государевы городы войною ходят и воюют» и забирают всякий полон. И. Хохлов объяснял, что происходило это в «смутное и безгосударное время», когда кн. Иштерек и мурзы кочевали «о себе» и когда ногаи на Московской украйне «воевали деревни и людей деревенских в полон имали».[101] В 20-х годах шах Аббас, принимая московских послов, выражал удивление, что в Московском государстве еще остались люди. Нападения татар оказали значительное влияние на весь ход интервенции. Два самых крупных похода, совершенных крымцами на Русь в 1609 и 1610 гг., были, очевидно, согласованы с походами польских войск под Смоленск и под Москву и содействовали успеху этих двух решающих операций. В остальные годы само польское правительство не вело планомерных операций. Для него было важно удержаться в Москве, и ежегодные опустошительные вторжения татар весьма содействовали полякам в этом направлении. Никогда впоследствии Русь не подвергалась подобному сплошному грабежу. Татарские погромы истощали силы страны, ослабляли ее сопротивляемость, разрушали в стране порядок, значительно сокращали территорию, на которой можно было организовать отпор врагу и тем затягивали борьбу «всей земли» за независимость.

< 5 >

Договор Польши с Турцией 1607 г. не создал между ними длительного и устойчивого мира. Как выше сказано, он был построен на принципе взаимности. Что касается Турции, то одно уже это было с ее стороны значительной уступкой. Но достигнутый успех не удовлетворял короля Сигизмунда, который, преувеличивая трудность положения Турции и ее слабость, считал возможным вынудить от нее новые уступки. Уже в 1608 г. польский уполномоченный Н. Данилович именем короля потребовал от султана признания за польским королем права назначения господарей в княжества Валахию и Молдавию, потребовал признания наследником престола в Молдавии, после Иеремии Могилы, его сына Константина и объявил принятый ранее договор 1607 г. поддельным. Положение Турции было таково, что она вынуждена была временно сносить все возрастающие претензии Польши и мириться с тем, что поляки силою оружия водворили в Молдавии Константина Могилу. Словом, польскому правительству удалось занять в княжествах безусловно преобладающее положение; как говорится в русских документах, поляки «засели» княжества.[102]

Вынужденность уступчивости турок была ясна для всех менее увлекающихся, чем король, польских деятелей. Жолкевский предвидел, что после заключения мира с Персией война Турции с Польшей неизбежна. Т. Корзон осторожно замечает, что новую войну с Турцией (1614—1621 гг.) навлек на Польшу сам король Сигизмунд III своим неосторожным вмеша-

[101] Сборник кн. Хилкова, СПб., 1879, с. 404.
[102] Jorga, III, с. 363—364.— Naruszewicz, I, с. 138—139.

тельством в дела Молдавии, имея за плечами еще не оконченную московскую войну.[104] Изгнанный в 1611 г. турками, Константин Могила нашел прибежище в Польше. На требование турецкого правительства о выдаче его канцлер дал гордый ответ, что его «всемогущий государь и король» помнит о договоре, не нуждается в увещаниях и не поддастся никаким угрозам.[105] В своей грамоте королю султан дал заверения в полной готовности соблюдать мир с Польшей. Султан выразил радость по поводу успехов короля в войне с Московским государством и сообщил об отданном им распоряжении о сохранении мира в пограничных с Польшей местностях, о чем просил король, так как ему необходимо было пробыть еще некоторое время в Московии для утверждения там мира и порядка. «Что касается нас,— писал султан,— мы не хотим, чтобы произошло что-нибудь противное союзу и договорам, и на такое дело отнюдь не даем нашего согласия. А если с вашей стороны произойдет что-либо противоположное этому, то вы этим нанесете великую обиду искренней дружбе, давно уже нами принятой, и ниспровергнете до основания союз и общественный мир».[106]

Таким образом, король получил достаточно ясное предупреждение. Тем не менее король, без ведома сейма и вопреки мнению сенаторов, поручил старосте фелинскому Стефану Потоцкому, женатому на сестре Константина Могилы, с небольшим войском и татарами Кантемира изгнать из Молдавии Томшу, посаженного там турками, и вновь посадить на княжество Константина. Известно, что Потоцкий был разбит турками и сам попал в плен.[107] Весь расчет короля был построен, судя по его собственным словам, на том, что заключение мира между Турцией и Персией могло не состояться.[108] Расчет оказался ошибочным, так как в том же 1612 г. мир между Турцией и Персией был заключен.[109] Султан начал сосредоточение войск в Добрудже. Но в первую очередь он «снял узду» с татар и направил их на Польшу. В письме к архиепископу Гнезненскому от 21 марта 1612 г. король лишь туманно намекает на действия «хитрого неприятеля» в Валашской земле с целью затруднить московский поход.[110] В письме к сенаторам от 22 марта того же 1612 г. король уже прямо говорит о «надвигающейся буре турецкой войны», о начавшихся уже нападениях татар: «Сохрани бог,— пишет король,— чтобы то поганство не пожелало обратить всю свою силу на нас и на государство, нарушая то счастье, которое господь бог по милости своей посылает в московской земле». Король признает, что осложнения на юге затрудняют продолжение московской войны.[111]

В этом случае, как и во всей своей политике, король Сигизмунд проявил обычную свою склонность вести личную политику. Он, конечно, не выдавал своей причастности к авантюре Потоцкого. В инструкциях епископу Павлу Волуцкому, послу к папе, говорится, что «урон» в Молдавии, произошел «по неразумию одного знатного человека,

---

[104] T. Korzon, II, с. 194.— Bielowski, с. 244.— Naruszewicz, I, с. 142.

[105] Jorga, III, с. 365.

[106] Акты времени междуцарствия, с. 125—127. Грамота султана находится в связи с посольством в Турцию Самуила Тарговского, хлопотавшего по делу Константина Могилы.

[107] T. Korzon, II, с. 194—195.

[108] Акты времени междуцарствия, с. 135—137. Из письма короля архиепископу Гнезненскому от 21 марта 1612 г. о затруднениях при ведении московской войны и волнениях в Валахии.

[109] Jorga, III, с. 440.

[110] Акты времени междуцарствия, с. 135—136.

[111] Там же, с. 139—140.

который, стараясь возвратить изгнанного оттуда господаря, своего свойственника, набрал частным образом войско и, проникнув с ним неосторожно в глубь Молдавии, окружен был в неудобном месте неприятелем и потерял большую часть своего войска, а сам вместе со своим свойственником попал во власть неприятелей».[112] Начало военных действий Турцией в письме к сенаторам от 22 марта 1612 г. король приписывал внушениям «злостного соседа», постоянного источника злых советов и замыслов—трансильванского князя Габриеля Батория.[113] В инструкции Самуилу Грушецкому, посланнику при испанском дворе, выступление Турции против Польши король объясняет опасением чрезмерного усиления ее в случае успеха московской войны: раньше турки беспокоили польские владения нападениями, а теперь заключили мир с персами на самых невыгодных условиях, чтобы только иметь возможность начать против Польши войну и тем отвлечь или задержать короля в начатом им деле. Стараясь заручиться поддержкой католического мира в какой бы то ни было форме, король писал, что «москвитяне, еще не сокрушенные столь многими поражениями и, при чрезвычайном обилии людей, готовые к возмущению, сопротивляются всеми силами и, привыкши к обманщикам (самозванцам.—*А. Н.*) и вероломству, возобновляют войны за войнами, что весьма не трудно сделать в государстве столь обширном и при столь дальнем друг от друга расстоянии областей».[114]

Так изображал король Сигизмунд изменение всей ситуации вследствие разрыва мирного договора с Турцией 1607 г. Король был прав в том, что возобновление войны с Турцией лишало его одного крупного козыря, на который он рассчитывал до сих пор. Помощь татар была для него драгоценна. Ему не удавалось завоевать огромной страны и многочисленного непокорного народа, не удавалось истощить до конца его силы. Не случайно поэтому именно в 1612 г., уже не имея надежды сохранить за собой в качестве союзника Крым, король обращается к главе орды больших ногаев, кн. Иштереку, приглашая его продолжать нападения на Русь.

Возобновление турецко-польской войны немедленно же повело к восстановлению мирных отношений между Турцией и Московским государством. Московские посланники Соловой Протасьев и Михаил Данилов прибыли в Константинополь 13 апреля 1614 г., 30 апреля были приняты визирем, 1 мая — султаном, 14— снова визирем, а 5 июня были уже на отпуске у султана. В царской грамоте к султану содержалось подробное перечисление бедствий и разорений, причиненных королем Русскому государству, предложение быть в дружбе и любви с московским государем, бороться с польским королем общими силами и просьба запретить крымцам нападать на Русь, а вместо того указать им воевать с Польшей. Грамота приносила извинение за незначительность подарков, что объяснялось разграблением царской казны поляками. Все эти предложения не вызвали никаких возражений и были приняты. Визиря интересовал лишь один вопрос об отношении московского правительства к шаху Аббасу. Получив

---

[112] Акты времени междуцарствия, с. 190.

[113] Там же, с. 140.

[114] Там же, с. 153. Условия мира с Персией действительно были для Турции невыгодны: она потеряла 5 провинций. Но нет данных утверждать, что перемирие было заключено потому, что султан был напуган успехами короля в Московском государстве. Jorga, III, с. 440, Atque impostoribus adsueti—«привыкши к обманщикам и вероломству». Польские авторы и современные польские источники применяют термин «impostor» к самозванцам. Так, Жолкевский в своих записках тушинского Самозванца повсюду называет «impostor» см. Początek, с. 8, 11, 45, 46, 50, 7 и др. Такое толкование термину «impostor» придают и издатели Записок Жолкевского

ответ, что раньше была ссылка с шахом из-за торговли, но что теперь «не чают» ее возобновления, и что «для салтановы любви» шаховы и цесаревы послы задержаны, паши выразили свою радость. Быстрота и легкость заключения этого соглашения не может быть приписана силе дипломатического воздействия московского правительства. Давая свое согласие вместе стоять против короля и направить на него татар, султан лишь подтверждал то, что фактически уже осуществлялось.[115]

После этого почти автоматически заключил с Москвой мир и Крым. Первые, после долгого перерыва, московские посланники А. Лодыженский и П. Данилов прибыли в Крым в апреле 1614 г. Через крымского гонца Аллаш-Богатыря в Москве уже было известно о готовности Джанибек Гирея возобновить с московским правительством мирный договор. Однако посланники все же ожидали известного сопротивления и торга по поводу условий договора. На деле все оказалось несравненно проще и легче. Когда посланники высказали жалобу по поводу нападения нескольких крымских мурз на Русь в 1614 г., их заверили, что все эти мурзы нападали воровски, без согласия царя, что они будут наказаны и что впредь нападений не будет. Посланники были уполномочены, уговаривая царя воевать с королем, постепенно наддавать «сверх рядовых поминок», начиная с 1000 руб. и подымая цифру до 10 тыс. руб. и даже до 15—20 тыс. со включением в них рядовых поминок. Но ничего этого не потребовалось, ибо Джанибек Гирей даже не возбуждал подобного вопроса. В момент приезда посланника в Крым Джанибек Гирей находился в походе против Шагин Гирея. 30 мая царь вернулся из похода в Перекоп и в тот же день здесь же принял посланников и выразил готовность быть с московским государем в мире и дружбе и вместе с ним воевать против польского короля.[116]

Для заключения формального договора о мире и дружбе были отправлены из Москвы окольничий кн. Г. К. Волконский и дьяк П. Евдокимов в качестве послов. «Размена» послов произошла под Ливнами на р. Быстрой Сосне. Крымский представитель кн. Ахмет Сулешев отчаянно торговался из-за размера поминок, угрожал войной: «Да и то вам объявляю,— говорил паша,— что со мною два дела належат — доброе и лихое. Будет де добром сделается, ино де добро будет, а будет де добром не сделается, ино деи и лихо будет. Нагаи деи вам малые люди не выходя воюют, а только де мы силами своими на вас же придем, ино де что будет? Вы деи ставите то 6000 в-дорого, что к нынешней посылке дослати 6000 рублей и за то не имаетесь, а говорите, что взять негде. А яз деи и на одной Ливне измещу, хоти де возьму 1000 полонянников, а за полонянника по 50 рублев, и у меня будет 50 тыс. рублев». «И были, государь, у нас,— сообщал с размены окольничий кн. Г. П. Ромодановский в Москву,— на съезжем дворе о царевых запросах и о калгиных с обе стороны многие жестокие спорные слова».

Кн. Г. Ромодановский нашел средство успокоить Ахмета Сулешева. Сам паша и 18 лучших приехавших с ним татар были одарены шубами, однорядками и шапками, чему были «ради»; паша и мурзы пили за здоровье государя; «довольно же» меда, вина и пива было послано всем татарам, приехавшим на размену с Ахметом Сулешевым. «И Ахмет, государь, паша,— писал Ромодановский,— и мурзы, и татаровя все поехали от нас, холопей твоих, всем довольны и пьяни». Ахмет паша принес шерть за царя, царевичей и за весь Крым, «опричь Казыева улуса», чтобы быть с москов-

---

[115] Турец. д. 1613 г., № 1, л. 1—31, 180—183.
[116] Крым. д. 1613 г., без №, л. 83, 88—89, 90.

ским царем в вечной дружбе и мире, войной на Русь не приходить и помогать против польского короля. На следующий день, после принесения шерти, «подчиванье» татар продолжалось.[117]

7 сентября кн. Г. К. Волконский и П. Евдокимов пришли к Перекопу, где их ожидал Джанибек Гирей. Ахмет Сулешев добился предварительного осмотра поминок. Он нашел их «добрыми, только де невелики»; главным их недостатком он считал отсутствие беличьих шуб. Послы отговаривались разореньем государства, а Ахмет Сулешев изобличал послов тем, что крымские гонцы, будучи в Москве, имели возможность купить там по 5—6—10 шуб. На отпуске послов 14 сентября сам царь выразил неудовольствие малым размером поминок, что ближние люди из-за того «злобятся, шерть дать не хотят и его от шерти отговаривают». Кн. Г. К. Волконский ссылался на свою посылку в Крым при царе Борисе, когда размеры поминок были не больше: царю деньгами 4 тыс. руб. и калге 300 руб., кроме мехов и шуб. Царь шерть принес. После этого послы мирно прожили в Крыму до своего отъезда в Москву летом следующего 1615 г. Кн. Г. К. Волконский несколько раз был принят царем и настаивал на выполнении крымцами договора о войне с польским королем.[118]

Таким же мирным характером отличались дипломатические отношения Москвы с Крымом и в последующие годы. Основной темой переговоров и споров были все те же поминки, но эти расхождения и споры, в отличие от дипломатических отношений с другими правительствами, были обычным и, можно сказать, нормальным признаком московско-крымских дипломатических сношений, не портили их сами по себе и не нарушали мира. Задачей Москвы было дать как можно меньше, задачей крымцев, наоборот, вырвать как можно больше. При новой размене послов в июле 1615 г. кн. Г. Волконский, присмотревшийся к крымским сановникам и мурзам, дал новым посланникам И. Спешневу и Б. Нестерову ряд наставлений, кому и в каком размере давать подарки: было, например, решено Богатырь Гирею кн. Дивееву ничего не давать, потому что «не за что», а дать лучше 100 руб. Бек аге, ближнему человеку, потому что «службы его государю много». Подсчитавши посылавшуюся в Крым казну, решили удержать из нее 1600 руб. и вернуть их в Москву. Ахмет паша на размене стал требовать жалованья на своего сына, убитого в походе в Польшу; сначала ему отказали, что «мертвым давать не велено». Но, подумав и посоветовавшись с кн. Г. Волконским, дали подарки и на убитого сына и на умершего брата кн. Ахмета Сулешева, чтоб «осердясь» он не повредил ходу посольства.[119]

Амиятство в дипломатических сношениях Крыма с Москвой было наследственной привилегией в роде Сулешевых. Спешнев не сумел поладить с Ибреим пашей Сулешевым, сменившим Ахмет пашу в роли амията, допустил бестактность, нарушив его привилегию быть единственным посредником в сношениях с крымским правительством. Ибреим паша горячо упрекал его за недоверие к нему и всему их роду: «бог вас простит,— говорил он,— а вперед меня не болваньте...» Новые посланники, следуя полученным инструкциям, скупились на подачки, чем вызывали неудовольствие в Крыму. Особенно раздражал мурз своей скупостью Спешнев: всегда он говорит, что будто он человек бедный и грабленный; вино подает, и он «дрожит, что беду платит»; «у нас, в Крыме, с досадой замечали мурзы, таких не любят».

---

[117] Крым. д. 1614 г., № 1. Один из Сулешевых говорил московским посланникам, что все они «вскормлены московским хлебом» (Крым. д. 1615 г., № 2, л. 133).

[118] Крым. д. 1614 г., № 4, л. 11, 14—16, 24, 36 и др.

[119] Крым. д. 1615 г., № 3, л. 13, 17, 18, 19, 23.

8 октября 1615 г. посланники стали добиваться приема их царем с легкими поминками. Мурза Бек ага, ближний царев человек, отказался допустить их к царю без предварительной дачи ему 300 руб. и шубы. Посланники уперлись. Ибреим паша убеждал посланников дать Бек аге шубу; посланники прибавили шубу хребтовую и пару соболей. Бек ага рассердился и сказал, что не быть им на приеме у царя. Приезжавший к посланникам мурза Алаш Богатырь советовал «заткнуть горло» Бек аге и прибавить еще шубу беличью или хребтовую. Посланники уступили и 14 октября были допущены к царю. В ноябре отправили из Крыма в Москву гонца с требованием «запросных» поминок. Бек ага откровенно объяснил поведение крымцев тем, что «в Крыме любят взять много».[120] Однако успеха эти требования не имели. Москва продолжала скупиться все более. Посланники Ф. Челюсткин и П. Данилов (1616—1617 гг.) привезли с собой поминки в еще более урезанном виде: всего 3000 руб. деньгами, а в счет четвертой тысячи 20 сороков соболей, и все-таки все обошлось без скандала.[121] Придерживаясь такой расчетливой тактики, торгуясь за каждую сотню рублей, шубу и за каждые сорок соболей, московское правительство учитывало общую благоприятную обстановку.

Помимо прямого указания султана, втянувшего Крым в войну с Польшей, что поглощало силы татар, у Джанибек Гирея были особые причины, побуждавшие его поддерживать мир с Москвой — это боязнь за свое положение в Крыму, которому угрожали происки давних претендентов на крымский трон царевичей Магмет Гирея и Шагин Гирея. В 1614 г. Лодыженский и Данилов застали хана в походе против этих своих врагов. Посланники «проведали», что царь боится Шагин Гирея, а татарам не верит, потому что татары за царя против Шагин Гирея не бьются, и что царя поддерживают лишь «немногие» ближние и дворовые люди.[122]

Напомним некоторые данные из биографии братьев Магмет и Шагин Гиреев, которые впервые в этот момент появляются на страницах русских дипломатических документов и затем не сходят с них в течение следующих десятилетий. Магмет Гирей и Шагин Гирей — дети Сеадет Гирея, внука Девлет Гирея.[123] Среди царевичей Гиреев, находившихся на содержании турецкого правительства, они выделялись исключительными честолюбием, энергией, предприимчивостью. При наличии многих претенден-

---

[120] Крым. д. 1615 г., № 3, л. 13—23, 115—130, 141, 154—157, 175—176, 180, 186.

[121] Крым. д. 1615—1617 гг., № 9, л. 2—33, 60—63.

[122] Крым. д. 1613—1614 гг., без №, л. 83, 90—91.— Необходимо пояснить родственные отношения Джанибек Гирея. Происхождение Джанибек Гирея вызывает некоторые разногласия среди историков, но мнение, которого придерживается В. Д. Смирнов, нам представляется правильным. Смирнов полагает, что Джанибек Гирей был сыном Шакай Мубарек Гирея, сына Девлет Гирея. Шакай Мубарек Гирей при Казы Гирее бежал в Черкесию, где и умер. Джанибек Гирей и его родной брат Девлет Гирей и были сыновьями Шакая Мубарек Гирея. Когда Джанибек Гирей был назначен (в 1610 г.) в Крым царем, Девлет Гирей был при нем калгой. Нурадыном при нем был Азамат Гирей, сын царя Селамет Гирея, предшественника Джанибек Гирея (1607—1610 гг.). В русских документах Джанибек Гирей называет Азамат Гирея то своим братом, то племянником (Крым. д. 1615 г., № 3, л. 52; Крым. д. 1614 г., № 4, л. 82). Это странное и непонятное на первый взгляд двойное определение родства объясняется тем, что их мать, происходившая из Бесленей, после смерти Шакай Мубарек Гирея, была женой Фети Гирея (сына Девлет Гирея), и затем женой Селамет Гирея (сына Казы Гирея). Следовательно, Азамат Гирей был одновременно и братом и племянником Джанибек Гирея.— Магмет Гирей и Шагин Гирей, правнуки Девлет Гирея, были двоюродными племянниками Джанибек Гирея. У Langlès, Джанибек Гирей назван братом Селамет Гирея (с. 412—413), что неверно.

[123] Сеадет Гирей с братьями Мурат Гиреем и Сафат Гиреем бежали из Крыма в ногаи в 1584 г. (см. об этом в главе I). В грамотах в Москву Магмет Гирей прямо называет себя сыном Сеадет Гирея, чем реп ительно опровергаются все ошибочные определения родства Магмет Гирея и Шагин Гирея. Langlès, с. 413. Howorth, с. 540.

тов, которые по своему старшинству в роде имели безусловное преимущество перед ними при назначении в Крым, Магмет Гирей и Шагин Гирей неутомимо, не стесняясь в средствах, добивались власти. Турецкие историки уделяют им много внимания и приписывают им явно преувеличенные планы овладения троном султана. Своей деятельностью они приобрели большую популярность во всем татарском мире, а имя Шагин Гирея стало символом эпохи —«шингиреево время».

Уже Казы Гирей беспокоился по поводу притязаний своих племянников (внучатых) и пытался удовлетворить их честолюбие, добиваясь их назначения правителями в княжества. Во время расправы Казы Гирея со своими противниками Шагин Гирей бежал в Черкесию, а Магмет Гирей — в Анатолию, где примкнул к восстанию Дели-Гассана паши, затем раскаялся и был прощен султаном. После назначения Селамет Гирея царем в Крым Магмет Гирей был при нем калгой. Магмет Гирей не удовлетворился отведенной ему ролью, вместе с Шагин Гиреем поднял мятеж против Селамет Гирея и пытался свалить его. Потерпев неудачу, братья утвердились в местности под Аккерманом, откуда производили свои грабительские экспедиции и угрожали спокойствию Крыма. Отмеченный выше поход против них Джанибек Гирея в 1614 г. окончился поражением братьев. Магмет Гирей вернулся в Константинополь и был заключен в замок Едикуль, а Шагин Гирей бежал к шаху Аббасу, на стороне которого продолжал борьбу с султаном и с Джанибек Гиреем.[124] Шагин Гирей, опираясь на шаха, постоянно тревожил Крым и заставлял Джанибек Гирея беспокоиться за прочность своего положения. Поход Джанибек Гирея против Магмет Гирея и Шагин Гирея отвлек его от участия в походе турок на Польшу в 1614 г. В переговорах с московскими посланниками царь объяснял все дело иначе, что турецкий паша сам «своровал», взял с поляков большие подарки, прервал поход и удержал от похода Джанибек Гирея. Возможно, что «посул казны» со стороны короля (указание на что имеется в польских источниках) оказал воздействие и на самого Джанибек Гирея.[125]

Как бы то ни было война турок с Польшей возобновилась, причем главная ее тяжесть легла на татар, потому что Турция снова была занята войной с Персией (1615—1618 гг.). В 1614 г. татары с Богатырь Гиреем Дивеевым (в польских источниках он называется Батер беем) напали на Польшу. В начале 1615 г. и раннею весной татары с тем же Богатырь Гиреем Дивеевым и нурадыном Азамат Гиреем дважды воевали правобережную Украину.[126] В августе — сентябре сам Джанибек Гирей с огромным войском, в котором, кроме татар, были и турки, жестоко опустошил Украину. Опустошением были охвачены Подолия (район Бара), местность до Тарнополя и Львова. Крымские сообщения русских посланников говорят об огромном полоне: «А все имали женок да девок, да молодых робят, а старых всех рубили по цареву приказу». Уничтожение полона произошло при переправе через Днепр, когда татары убедились в невозможности довести весь полон до Крыма. Татары были в полном восхищении от успеха похода. Посланники расспрашивали многих участников похода, от мурз до простых татар. Все единодушно свидетельствовали, что добыча была огромна: на каждого татарина приходилось по 5—6 полоняников, а иногда по 10 человек, «опроче животины и всякого живота, а живота до

---

[124] В. Д. Смирнов, с. 452—458, 472—479. В. Д. Смирнов сообщает о том, что в восстании Дели-Гассана участвовали также Селамет Гирей и Шагин Гирей. Bellan. Abbas I. Sa vie, son histoire. Paris, 1932, с. 218.

[125] Крым. д. 1613 г., без №, л. 84—85.— Крым. д. 1614 г., № 4, л. 81.

[126] Крым д. 1614 г., № 4, л. 94.

поимали многое множество». Царь брал на себя каждого десятого, и только с одного царева полка ему досталось 1200 человек. Полоняников гнали «стадами», в каждом по 2—3 тыс., кроме тех, что везли с собой на конях «от ражых панов и жон и детей». По выражению полоняников, «крови реки протекли». Крымцы хвастались, что они разорят земли короля так, чтобы «нигде кур не вспел».[127] Так начались походы, доставившие Джанибек Гирею репутацию «счастливого царя».

Татарский погром не прекратил, однако, притязаний польских панов на Молдавию. В ноябре 1615 г. С. Корецкий и М. Вишневецкий на собственный страх и риск предприняли поход в Молдавию с тою целью, чтобы изгнать оттуда турецкого ставленника Томшу и посадить на его место своего родственника кн. Александра Могилу. Новая авантюра окончилась гибелью Вишневецкого и пленом Корецкого.[128] Жолкевский с ужасом предвидел то время, когда Турция, заключив мир с Персией, обрушится всеми силами на Польшу и сведет с нею счеты. Государи всего мира, писал Жолкевский, как бы далеко ни отстояли их владения от Турции, униженно искали мира с султаном. Положение Польши было опаснее во много раз, так как против нее султан имеет в своем распоряжении настоящего «дракона» в образе татарской орды, которую он держит «на своре как борзую собаку». Не без причины в былые времена польские короли делали все, чтобы избегать столкновений с Турцией. Никто еще, ввязавшись в войну с нею, не испытывал от этого удовлетворения.[129] Король Сигизмунд был глух к подобным увещаниям. Посылая лисовчиков на помощь Фердинанду II против чехов и венгров, союзников Турции, король подавал новый повод к войне.[130]

Остановимся на событиях 1617 г. По требованию турецкого правительства Джанибек Гирей был вынужден переправиться с войском в Синоп (27 августа) для участия в войне с шахом. Если бы не боязнь потерять власть, царь не пошел бы в этот поход. В Крыму весьма серьезно опасались нападений со стороны Шагин Гирея, который угрожал Крыму из Предкавказья. Требования турецкого правительства этим не ограничились: крымцы с калгой Девлет Гиреем должны были итти в поход на Польшу. Девлет Гирей, обязанный охранять Крым в отсутствии царя, настойчиво отклонял это требование и собирался итти в Черкесию, чтобы обезопасить Крым от Шагин Гирея. Впрочем, калга не смог удержать татар: «Татаровя за то шумели, что они по его веленью изготовились совсем итти в Литву, лошади покупали и кормили, животы свои продаючи, и от того де стали в убытке в великом и одолжали, и пошли в литовскую землю крымские и ногайские люди воевать с мурзами». Татары воевали под Каневом, Белой Церковью, ногаи ходили к Львову.[131] Несмотря на то, что поход на Польшу был совершен турками и татарами сравнительно небольшими силами и протекал, что касается татар, стихийно, Жолкевский пошел на заключение с турками перемирия под Яругой (на Днестре) 22 сентября 1617 г. на невыгодных для Польши условиях.[132]

Все прослеженные нами события объясняют начало распадения польско-татарской коалиции. Совершенно ясно, что русское правительство не

---

[127] Крым. д. 1615 г., № 3, л. 102—106, 115, 167—168, 188.
[128] Jorga, III, с. 367—368.— T. Korzon, II. с. 195.
[129] Bielowski, с. 302, 248—250.
[130] Подробнейшее изложение политики короля Сигизмунда в начале Тридцатилетней войны, как основной причины польско-турецкой войны, см. у П. Жуковича. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией, вып. 3, с. 11 и сл., вып. 4, с. 122 и сл.
[131] Крым. д. 1617 г., № 4, л. 4—5, 8—10, 12—16.
[132] Naruszewicz, I, с. 143—146.— T. Korzon, II, с. 196—197.

создало новой ситуации, а лишь воспользовалось изменением отношений между Турцией и Польшей. Турция имела свои собственные и очень веские основания для возобновления войны с Польшей. Перед Крымом была поставлена новая задача — воевать с Польшей. Кроме того, крымцы должны были помочь Турции в войне против шаха. Все это должно было в полной мере занять татар, а богатая добыча удовлетворить их. С выходом Крыма из союза с Польшей выпало одно из самых важных звеньев враждебного Московскому государству окружения. Если после совершившегося поворота в поведении татар отдельные группы под предводительством мурз, увлекаемые нападениями ногаев, присоединялись иногда к ним, делали они это самовольно и небольшими силами.

< 6 >

С достаточной полнотой мы можем представить себе обстоятельства, вынудившие орду Больших ногаев выйти из войны против Московского государства и снова вернуться в московское подданство. Перейдя на правую сторону Волги и начав кочевать в степях между Волгой и Доном, орда попадала в сложный переплет отношений между Персией, Турцией, Крымом и Москвой. Небольшие народности, населявшие это пространство (кумыки, горские народности, Малые ногаи), являлись предметом притязаний своих более сильных соседей. Кн. Иштерек, оказавшийся в этой среде, не мог остаться в стороне от международных комбинаций, слагавшихся и постоянно менявшихся на пространстве между Волгой и Доном. Орда была недостаточно сильна сама по себе и слишком раздираема процессом внутреннего распада, чтобы существовать независимо, и поэтому было неизбежно вовлечение ее в ту или другую более сильную государственную систему; сделать выбор для кн. Иштерека было нелегко. Внешнеполитические связи кн. Иштерек установил еще, оставаясь за Волгой, но эти связи тогда не вылились ни в какое определенное решение, ибо оно не вынуждалось необходимостью, и орда могла в течение некоторого срока самостоятельно определять свое поведение. Но такое решение сделалось неизбежным, когда орда оказалась между Доном и Волгой.

В результате блестящих успехов в первой войне с Турцией (1603—1612 гг.) шах Аббас подчинил себе не только почти все Закавказье, но распространил свое влияние и на Предкавказье. Один из источников начала 1614 г. говорит, что кумыки и Кабарда «ныне все под шахом». Связь кумыков с Персией сохранялась и позднее. Шаху Аббасу не были чужды намерения втянуть в сферу своего влияния и орду Больших ногаев. Бухарский купец Хозя Наурус и караванный голова юргенчского царя при расспросе их самарским воеводой кн. Д. П. Пожарским в начале 1614 г. показали, что «летось послы шаха были у кн. Иштерека, сватали его дочь за шахова сына и вели переговоры о военной помощи со стороны орды шаху против Турции; послы кн. Иштерека в свою очередь ездили к шаху».[133] Так намечалось одно из возможных решений при определении дальнейшей политической судьбы орды. Связанный с ним риск был очевиден: подчинение шаху неминуемо вовлекло бы орду в войну против Турции, Крыма, Малых ногаев. Очевидно, что такое решение не было наилучшим. Подчинение Крыму, вследствие хорошо известного грубого и хищнического отношения крымцев к подчиненным им народностям, было сопряжено с большими неприятностями, а также низводило бы орду на положение подвас-

[133] Памятники дипломатическ. и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, с 168—172.— Переписка на иностранных языках грузинских царей с росс. государями от 1639 до 1770 г., изд. М. Броссе, СПб., 1861, с. XXIII.

сала, поскольку Крым сам был вассалом султана. Московское правительство более всех было заинтересовано в восстановлении своей власти в орде, чтобы прекратить нападения Больших ногаев на свои земли. Но оно было в то время бессильно вынудить орду к этому, а орда была заинтересована в том, чтобы до конца использовать удобное для прибыльных нападений на Русь время.

Перейдя за Волгу в 1613 г. и кочуя «в Черкасских горах», кн. Иштерек подвергся нападениям кабардинцев, потерпел поражение и вынужден был перенести свои кочевья в степи между Тереком и Астраханью. Этот же погром заставил других мурз, в частности брата кн. Иштерека—Яштерека мурзу, прикочевать к самой Астрахани, где в это время засел Заруцкий, и принести ему присягу; при этом ногайские мурзы обязались вместе с Янарасланом Урусовым и с Канаем мурзой Тинбаевым действовать против кн. Иштерека.[134] Заруцкий, как известно, заняв Астрахань, пытался заинтересовать в своей авантюре султана, шаха персидского и, повидимому, установил связь с польским королем.[135] Заруцкий направил против кн. Иштерека Янарасланових детей, юртовских татар и астраханских ратных людей, всего 4 тыс. человек, и они кн. Иштерека в степи «сошли». Следствием этих мер было то, что кн. Иштерек с оставшимися при нем улусами прикочевал к Астрахани, шертовал мнимому царевичу, дал заложников и согласился участвовать в походе, который замышлял вверх по Волге Заруцкий весной 1614 г. Подчинение кн. Иштерека Заруцкому произошло в марте 1614 г.[136] Впоследствии кн. Иштерек говорил, что его подчинение Заруцкому было вынужденным: «Служи сыну законного царя,— говорили Иштереку.— Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Дмитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, не то мы Джан-Араслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя».[137] Эта угроза и заставила его притти к Астрахани. Еще позже Иштерек оправдывал свой поступок прямым обманом со стороны Заруцкого. Ногаи де поверили, что в Астрахани был настоящий государь и послали к нему «на курнюш», а не в аманаты Урак мурзу Тинмаметева и Алея мурзу. «И он вор, необрезанник, свинья Заруцкой тех мурз посадил в аманаты».[138]

Связанное с этим событием подчинение кн. Иштерека Заруцкому не было, может быть, плодом совершенно свободного выбора, но и не объяснялось одним наивным промахом, как старался изобразить его кн. Иштерек. Соглашение с Заруцким освободило кн. Иштерека от конкуренции Янараслана Урусова, которого Заруцкий снова засадил в тюрьму. Заруцкий усиленно прикармливал ногайских мурз. Бежавший из Астрахани гулящий человек сообщал самарскому воеводе кн. Д. Пожарскому: «А из города деи вор Ивашка Заруцкой с ногайскими татарами ездит гулять верст по пяти и по шти, а к нему, к вору, Иштерекова братья мурзы с ногайскими татары в город ездят сот по пяти и по шти, и пьют и едят и с утра и до вечера, и для того их прикармливает и утверждает их, чтоб деи они шли на коне степью под Самарской и под Казань, и Самарской бы деи осадили, покаместа деи он, вор, подоспеет Волгою в стругах с нарядом и с вогненными пушками...» В Астрахани шла энергичная подготовка к походу. Заруцкий сделал кн. Иштереку ценный подарок: он отдал ему всех жен

[134] АИ, т. III, № 248.
[135] ААЭ, т. III, № 25, 26.
[136] АИ, т. III, № 248.
[137] АИ, т. III, № 277, 278.
[138] Ногайск. д. 1617 г., № 2, л. 17.— Курнюш — аудиенция, торжественный прием, свидание. Аманат — заложник.

и детей астраханских служилых людей, находившихся в то время в Москве и в других городах.[139] Кроме того, в разных источниках имеются сведения о том, что предприятие, замышлявшееся Заруцким против Самары и Казани, будто бы было согласовано с султаном. Следовательно, примыкая к нему, кн. Иштерек мог думать, что он действует в соответствии с желанием султана. Позднее сам кн. Иштерек выдвигал перед турецким правительством проект захвата Астрахани, Казани и других волжских городов.

Но весь этот расчет оказался ошибочным и рухнул, как карточный домик. В середине апреля 1614 г. служилые и жилецкие астраханские люди поднялись против Заруцкого. Заруцкий с Мариной и верными ему людьми, всего до 800 человек, заперлись в каменном городе. 12 мая пришел из Терка стрелецкий голова В. Хохлов и освободил Астрахань. 25 июня Заруцкий, Марина и все ногайские заложники (Янараслан мурза, Урак мурза) были захвачены на Яике в Медвежьем городке.[140] События развивались с такой быстротой, что кн. Иштерек, собиравшийся притти Заруцкому на помощь, в страхе перед последствиями столь неожиданного поворота событий, «бегом» метнулся со своими улусами вверх по Волге к р. Сарпе и ушел в степи ближе к Азову. Мысль Иштерекова «помешалась» и, убегая от Астрахани, он посылал В. Хохлову своего человека для переговоров о «добром деле», т. е. о принесении шерти московскому государю.[141]

Насколько важным считало московское правительство возобновление прежних отношений с ордой, видно из того, что уже в 1613 г. одновременно с посольствами в Турцию и Крым был направлен к кн. Иштереку Иван Кондырев. В опустошенной казне собрали подарки (шубы, шапки и пр.) на 188 руб. Кондырев отправился в путь через Шацк, Тамбов и далее большой ногайской дорогой через Переволоку. Его сопровождали 40 казаков и 20 человек мордвы; шли на лыжах, «снеги разгребаючи», таща на себе посылку и запасы. Только в марте 1614 г. И. Кондырев, перейдя Переволоку, встретил в степях первые ногайские улусы. Посольству не удалось добраться до кн. Иштерека. Враждебный ему Шейдяк мурза Урмаметев (с ним было всего 50 человек) захватил посольство в свой улус и «одернул телегами». Между Шейдяк мурзой и мурзами, сторонниками кн. Иштерека, из-за посольства завязалась драка, дрались «мало не весь день». Шейдяк мурза приглашал Кондырева принять участие в драке. Кондырев отказался: не для того де он прислан и «не ведает, за что они бьютца». Шейдяк мурза забрал у Кондырева 12 самопалов и употребил их против нападавших. Отбив нападение, Шейдяк мурза привел посольство в улусы нурадына Шайтерека мурзы Тинехматова, который немедленно же принес шерть московскому государю со своими братьями и племянниками. Кн. Иштерек, уведомленный о приезде посольства, прислал за ним своего дьяка Алея, но Шайтерек и другие мурзы встретили его бранью, упрекали самого кн. Иштерека в измене и государева посла не выдали. Московская посылка была уступлена Шейдяк мурзе «за его промысл и дородство». Вскоре И. Кондырев выехал обратно.[142]

Итак, И. Кондырев не достиг улусов кн. Иштерека и не смог установить с ним непосредственной связи. Он узнал, что кн. Иштерек кочевал в то время в степях поблизости от Азова, что мурз разделяла острая вражда. Нурадын Шайтерек мурза готов был сразиться с кн. Иштереком, но его удерживали лучшие улусные люди, говорившие, что междоусобица в орде

---

[139] АИ, т. III, № 248, № 250.
[140] АИ, т. III, № 15, 32, 269.— Кабард. д. 1614 г., № 2, л. 7, 9—10.
[141] Ногайск. д. 1613 г. № 5, 228—231.— Сношения с Кавказом, т. I, с. 549.— Кабард. д. 1614 г. № 2, л. 11.
[142] Ногайск. д. 1613 г., № 5, л. 6, 85—87, 110—115, 163—166, 210—223, 225.

лишь порадует московских людей: когда ногаи будут сечь друг друга, московские люди уничтожат остальных. Кондырев вынес впечатление, что поминками и жалованьем ногаев «не удобрить, только их войною не смирить». Ему представлялось, что, если против ногаев направить горских черкас и донских казаков, то они «втопчут» их в море. Совершенно такой же совет давал и В. Хохлов. Самое важное, что Кондырев узнал, касалось сношений кн. Иштерека с султаном. Гонец Кондырева был в улусах кн. Иштерека как раз в тот момент, когда сам князь и нурадын Шайтерек получали жалованье от султана. Ходили слухи, что султан предлагал кн. Иштереку промышлять над Астраханью.[143]

Московское правительство не прекратило своих попыток воздействовать на кн. Иштерека, но это оказалось не таким простым делом, как представляли себе Кондырев и Хохлов. Кн. Иштерек быстро оправился от испуга. Он мог убедиться, что многие правительства были заинтересованы в его содействии. В сентябре 1614 г. в ногайских улусах побывал астраханский служилый человек Ф. Дементьев, в начале 1615 г. сотник стрелецкий Третьяк Волжинский и подьячий Дорогиня Одинцов, и все они подтверждали сношения кн. Иштерека с султаном. О том же доносили в Астрахань противники его Кара-Кельмаметь мурза и Шейдяк мурза.[144] Московские посланники в Турцию Соловой Протасьев и М. Данилов, зимовавшие в 1613—1614 г. в Кафе, получили подтверждение того же.[145] Крымские посланники и терские воеводы знали об этих сношениях, да и сам кн. Иштерек не отрицал их. В разговоре со служилым человеком С. Соковниным, посетившим его в январе 1615 г., кн. Иштерек говорил, что в бытность его под Азовом к нему присылали своих послов турский султан, кизилбашский шах, юргенчский царь, немецкий и польский короли; последние просили его помощи против московского государя, но что он якобы отказал им. Все это не помешало кн. Иштереку в то же время шертовать московскому государю.[146] Кн. Иштерек, таким образом, явно вводил в заблуждение московское правительство, ибо как в этом году, так и в следующем ногаи участвовали в больших походах на Русь. Кн. Иштерек понимал, что он может безнаказанно грабить московскую украйну. Посланный в орду в 1616 г. служилый человек Савва Рагозин писал, что он «угадать не умеет», будет ли кн. Иштерек служить государю и можно ли от него ожидать правды: он «непостоянен, на все стороны манит, а владеют им добрые улусные люди и слушают его мало». В орде было сильное течение за продолжение нападений на московскую украйну. Кн. Иштерек требовал выдачи и освобождения астраханских аманатов, в частности племянника своего Урак мурзы Тинмаметева; не отдадите, говорил он московским посланцам, значит «вы меня не любите, а ныне я вам надобен, а вы мне не надобны», и грозил войной в союзе с королем польским.[147] Из этих заявлений видно, насколько выгодным и неуязвимым представлялось в то время кн. Иштереку его положение. Может поэтому показаться неожиданным, что в октябре того же 1616 г. кн. Иштерек прикочевал к Астрахани принес присягу и «с невеликими людьми легким делом, об одном коне» спешно переправился на левую сторону Волги.[148] Что же вынудило его к такому резкому повороту и после гордых и заносчивых заявлений принести при-

[143] Ногайск. д. 1613 г., № 5, л. 205—206, 231, 238—239, 243—244.
[144] Ногайск. д. 1614 г., № 3, л. 58, 65.—Ногайск. д. 1615 г., № 1, л. 21—44, 59—61, 67—69.
[145] Турец. д. 1613 г., № 1, л. 179—180.—Ногайск. д. 1614 г., № 3, л. 65.—Кабард. д. 1615 г., № 1, л. 7—10.
[146] Ногайск. д. 1615 г., № 2, л. 1—7.
[147] Ногайск. д. 1616—1617 г., № 1, л. 48—54.
[148] Ногайск. д. 1617 г., № 1, л. 46—47, 105—106.—Ногайск. д. 1617 г., № 2, л. 11—13.—Ногайск. д. 1617 г., № 3, л. 4.

сягу московскому государю, земли которого так жестоко разоряли его улусные люди?

Сношения кн. Иштерека с различными правительствами подтверждаются документальными данными за исключением сношений с немецким государем, хотя и в этом ничего невероятного мы не видим. Связь кн. Иштерека с королем польским в эти годы следует считать бесспорной. Первое указание на эту связь, как мы уже видели, относится к 1612 г., когда кн. Иштерек отклонил предложение о подданстве королю. Наличие сношений с королем в 1614—1615 гг. признавал сам кн. Иштерек. Московские посланники Спешнев и Нестеров узнали в Крыму от татар Большого ногая, что в 1615 г. король посылал кн. Иштереку оружие (говорили о 170 панцырях). Часть королевских людей была перехвачена на Дону атаманом Смагой Чертенским. Король побуждал кн. Иштерека продолжать нападения на Русь, обещая платить ему за то «дань».[149] Подобное обращение короля к Большим ногаям объясняется тем, что с выходом из войны Крыма помощь Больших ногаев, продолжение их вторжений в Русь были особенно важны королю. Мы не имеем данных судить о том, какого рода договоренность была достигнута между королем и кн. Иштереком. Обращения короля к нему несомненно уясняли для него положение Московского государства и поощряли к нападениям на Русь. Московские посланники в Турцию утверждали, что в 1616 г. ногайские послы находились в Польше,[150] они называли их имена — Кара мурза с товарищами. Посланники сообщали турецкому правительству, будто кн. Иштерек обращался к королю с просьбой разрешить его улусам кочевать по Днепру вместе с запорожскими черкасами.[151]

Мы не можем считать этот проект выдумкой московских посланников, сочиненной ими с целью скомпрометировать кн. Иштерека в глазах турецкого правительства. Получив отказ от Джанибек Гирея в разрешении передвинуться на кочевья к Днепру, кн. Иштерек мог попытаться опереться на короля. Подобный проект, как мы знаем, выдвигался еще в 50-х годах XVI в.[152] По своему обыкновению Сигизмунд вел эти сношения тайно. До Жолкевского достигали какие-то смутные и искаженные сведения о возможном передвижении орды Больших ногаев за Дон. Отзвуком этих же сношений были слухи среди запорожских черкас о намерении короля в союзе с ногаями воевать Крым и Московское государство.[153] Все эти предположения об установлении прочных и постоянных отношений орды с Польшей были, однако, мало реальны и рискованны для орды.

В конце концов кн. Иштерек остановился на решении, которое в то время казалось ему наивыгоднейшим,— принять турецкое подданство. Сделавшись вассалом главы всего мусульманского мира, могущественного султана, он возвышал свое положение и сравнивался с крымским царем. В лице султана он получал сильного, но в то же время далекого, не надоедающего частыми требованиями повелителя. Орда, казалось, достигала таким путем спокойного и обеспеченного существования.

Уже в 1614 г. кн. Иштерек поторопился отправить в Турцию своих послов, а также послов от виднейших ногайских мурз (Кара-Кельмаметя Урмаметева, Аксак-Кельмаметя Тинмаметева) с просьбой о принятии их

---

[149] Крым. д. 1616 г., № 1, л. 1—3.—Турец. д. 1616—1617 г., № 2, л. 123—135.

[150] Судя по сообщению из Крыма кн. Г. К. Волконского, переговоры на эту тему между королем и кн. Иштереком велись еще в 1615 г. (Крым. д. 1614 г., № 3, л. 67—68).

[151] Турецк. д. 1616—1617 г., № 2, л. 123—125.

[152] См. гл. I, а также Крым. д. 1614 г., № 3, л. 67—68.

[153] Крым. д. 1615—1617 г., № 9, л. 50.— Listy St. Żółkiewskiego 1584—1620, Kraków, 1868, c. 146—147.

в турецкое подданство и об оказании помощи в организации похода на Астрахань; так далеко простирались планы кн. Иштерека. В первый момент турецкое правительство ухватилось за сделанное ему предложение. Начался обмен послами. В том же году турецкий посол посетил кн. Иштерека, но потребовал в качестве гарантии прочности подданических отношений прежде всего выдачи ценных заложников. Ногайские послы доставили в Константинополь заложников и вернулись обратно с турецкими чаушами Алеем и Мустафой. Стрелецкий голова Волжинский и подьячий Одинцов находились в ногайских улусах в начале 1615 г., когда там происходил прием турецких чаушей. Они сумели добыть список грамоты султана, которая содержала в себе призыв быть «в соединеньи единомысленно», обещание военной помощи, чтобы «из Астрахани крестьян выгнати».[154] Казалось, что кн. Иштерек достиг цели. Полагаем, что обещание военной помощи Турцией носило неопределенный и платонический характер. Для турецкого правительства было важно связать кн. Иштерека шертью, выдачей заложников, женитьбой его сына на дочери крымского царя и тем заставить его подчиняться воле султана. В 1615 г. возобновилась война Турции с Персией. Турецкое правительство, конечно, не предполагало пускаться в повторение рискованной попытки захвата Астрахани; напротив, оно потребовало от кн. Иштерека помощи его военными силами в борьбе с Персией. Таков был неожиданный и нарушавший расчеты кн. Иштерека результат всех его усилий: нападать на московскую и иногда на польскую украйну с целью захвата добычи,— это ногаи делали охотно, но вести настоящую войну с кровопролитными сражениями и жертвами — от этого ногаи давно уже отвыкли.

Не рассчитал кн. Иштерек еще одного обстоятельства, именно того, что подданство его султану вызовет острую вражду со стороны крымцев. Московский посол в Крыму кн. Г. К. Волконский узнал, что в ноябре 1614 г., т. е. вскоре после принесения кн. Иштереком шерти султану, Джанибек Гирей послал в орду грамоту, в которой упрекал кн. Иштерека в том, что он изменил царю Михаилу Федоровичу, «пристал к турскому султану», за что получил от него «санджак», просил у султана военной помощи. Конечно, не измена кн. Иштерека московскому государю задела крымского царя; он был раздражен тем, что кн. Иштерек бил челом султану «мимо его, а его как бы поставил ни во что». Джанибек Гирей требовал, чтобы кн. Иштерек «от турского султана отступил и был под крымского царя рукою». Джанибек Гирей подкреплял свое обращение угрозой войны. Кн. Иштерек, полагаясь на высокое покровительство султана, дал крымскому царю заносчивый и оскорбительный ответ, что крымский царь ему только брат, так как сам он поставлен царем от султана. «И царь де ныне и досталь за то на Иштерека гневен».[155] Крымское правительство имело весьма веские основания быть недовольным подданством кн. Иштерека султану. На северо-западном побережье Черного моря вырастала независимая от Крыма Белгородская орда; ее глава Кантемир мурза начинал играть и самостоятельную роль, и роль орудия турецкой политики против Крыма. Появление за Доном еще более многочисленной и также зависевшей от султана Ногайской орды до крайности суживало сферу влияния Крыма и его политический вес.

---

[154] Ногайск. д. 1615 г., № 1, л. 21—44, 59—65, 67—69.—Турец. д. 1613 г., № 1, л. 179—180.—Ногайск. д. 1615 г., № 3, л. 65. По одним сообщениям, в числе заложников был сын кн. Иштерека, по другим — внук его (Турец. д. 1615 г., № 4, л. 234 и сл.— Турец. д. 1616 г., № 2, л. 219—221). Список грамоты султана сохранился не полностью.

[155] Крым. д. 1614 г., № 3, л. 64—65.— Санджак — в данном случае — знамя. Санджак означает также — провинция.

Джанибек Гирей не ограничился одними угрозами. От октября 1614 г. имеется сообщение русского посланника из Константинополя Солового Протасьева о том, что по поручению Джанибек Гирея кн. Петр Урусов с братом во главе отряда татар и донских казаков ходил на кн. Иштерека, чем принудил его откочевать ближе к Астрахани.[156] Точки зрения московского и крымского правительств на кн. Иштерека сблизились между собой. В самом конце того же 1614 г. во время приема посла кн. Г. К. Волконского кн. Петр и Александр Урусовы били челом о назначении князем в орде на место Иштерека их отца Янараслана: кн. Иштерек де московскому государю «грубен», от него «война и разорение великое».[157] Официально был поставлен вопрос о совместных действиях крымцев и московского правительства против кн. Иштерека. Крымский посол Мамет ага в июле 1616 г. привез в Москву грамоту Джанибек Гирея, в которой выражено было полное осуждение поведения кн. Иштерека: «А Иштерек таков,— читаем в грамоте,— ни вам друг, ни нам поручник; сам дурен и думает дурна; на степи бродит, что заблудящая скотина, и своим лукавством живет, переметчиком. Иногда к нам перекинетца, а иногда к вам, и к кизылбашскому шаху, и к литовскому королю, и ни к кому правды не сведет, что ветр ходит». Джанибек Гирей предлагал новых кандидатов на место кн. Иштерека, а именно одного из сыновей Янараслана, кн. Петра Урусова. Кандидатура эта была удобна для крымцев, но неприемлема для русского правительства: кн. Петр Урусов изменил царю Василию и затем разбойничал на Руси.[158] Вообще русское правительство вовсе не отказывалось от плана возвращения кн. Иштерека со всей его ордой в московское подданство; для него распространение крымской власти на орду, само собой разумеется, было крайне нежелательно. Московское правительство угрожало кн. Иштереку организацией из него похода едисан, юртовских татар, донских казаков и запорожских черкас, пришедших в числе до 2000 человек на Дон в августе 1616 г., поощряло нурадына Шайтерека мурзу к враждебным против кн. Иштерека действиям и обещало ему военную помощь.[159]

Однако не угрозы со стороны русского правительства оказали на кн. Иштерека решающее воздействие. Уже в 1615 г. турецкие войска собирались «меж Крыму и Азова», готовясь к войне с шахом. Поэтому оказалось совершенно несвоевременным отправление кн. Иштереком, вероятно, в первой половине 1616 г. своих послов к султану с новым предложением похода на Астрахань и с просьбой о присылке для этого 5000 стрельцов «с вогненном боем». Султан отпустил ногайских послов с почетом и подарками, но мысль о походе под Астрахань «отставил». Русские посланники П. Мансуров и С. Самсонов, находившиеся в то время в Константинополе, разведали, что ногайские послы были отпущены сухим путем мимо Крыма и что во время возвращения они были захвачены крымцами и по приказу Джанибек Гирея утоплены.[160]

Летом 1616 г. после нескольких повторных указов султана Джанибек Гирей двинулся в поход на шаха и переправился из Крыма на Тамань. Поход предполагалось совершить по «османовской дороге» горами, через Кабарду и земли кумыков. Шах Аббас принял со своей стороны меры, чтобы воспрепятствовать движению крымского царя. В Кумыки был

---

[156] Турец. д. 1614 г., без №, л. 120.
[157] Крым. д. 1614 г., № 4, л. 84—85.
[158] Крым. д. 1616—1617 гг., № 4, л. 17—18.— Крым. д. 1615—1617 гг., № 9, л. 72.—Крым. д. 1616 г., № 1, л. 53—56.
[159] Крым. д. 1615 г., № 9, л. 72.—Турец. д. 1616 г., № 1, л. 115—116.
[160] Кабард. д. 1615 г., № 1, л. 5—6.—Турец. д. 1616—1617 гг., № 2, л. 219—221.—Крым д. 1615—1617 гг., № 9, л. 70—72, 117—118.

прислан Шагин Гирей. На его стороне активно действовал кумыцкий кн. Гирей. Шах от себя лично, через Шагин Гирея и кумыцкого кн. Гирея обращался к терским воеводам с настойчивыми требованиями задержать и остановить Джанибек Гирея. Терский воевода Н. Вельяминов запросил правительство, но до получения ответа все же решился выслать отряд ратных людей на Сунжу, чтобы предупредить вторжение крымцев в русские владения. Указание из Москвы, полученное в октябре 1616 г., предписывало воздерживаться от помощи как шаху, так и Джанибек Гирею. Шагин Гирей призывал Больших ногаев на помощь шаху. Он мог опираться также на содействие некоторых из кабардинских князей.

Поход крымцев на Кизылбаши не удался, но появление Джанибек Гирея в Кабарде и предпринятые им операции оказали свое воздействие на поведение орды Больших ногаев. По сведениям терских воевод, в Кабарде и в орде ходили слухи о намерении царя свести с ногаями счеты, пользуясь походом. Помимо этих слухов имеются более надежные сообщения русских посланников, полученные ими из первых рук в Крыму о намерении Джанибек Гирея покончить с раздражавшим его подданством кн. Иштерека султану. Ближний человек Джанибек Гирея Бек ага в беседе с посланниками Ф. Челюсткиным и П. Даниловым говорил определенно о том, что прежде чем итти в Кизылбаши, царь хочет «ударить» на кн. Иштерека. Кн. Иштерек знал об этом или, во всяком случае, ожидал каких-либо подобных действий со стороны царя. Тот же Челюсткин сообщал, что кн. Иштерек и другие ногайские мурзы присылали к Джанибек Гирею своих послов и предупреждали его, что во время его похода на Кизылбаши они «всеми головами» будут стоять против него, потому что они ему не верят и боятся с его стороны войны. Ногайские мурзы собирались остановить царя при переправе через Дон, предполагая его движение с войском степью.

Явившись в Кабарду, Джанибек Гирей разгромил кабардинского кн. Шолоха, убил его сына и брата, кабаки[161] его выжег, а кн. Шолох был союзником ногаев. Незадолго перед тем он при помощи ногаев (между прочим, сына кн. Иштерека Мамбет мурзы) совершил нападение на черкесского кн. Казыя Шепшукова. Погром кн. Шолоха был ответом на это нападение. Известие о нем было понято в орде, как начало военных действий против нее. Оно-то и послужило тем толчком, который заставил кн. Иштерека спешно двинуться к Астрахани, принести присягу на верность московскому государю и уйти за Волгу в октябре 1616 г.[162] Движение кн. Иштерека к Астрахани тем более понятно, что он мог опасаться выступления против себя своих внутренних врагов. Кара-Кельмаметь мурза и Шейдяк мурза, сильные и влиятельные ногайские мурзы, «в соединеньи с ним быть не хотели» и через кумыцкого кн. Гирея выражали терским воеводам желание остаться под Терским городом и здесь принести шерть московскому государю. Наиболее непримиримый враг русского правительства Аксак-Кельмаметь мурза был настроен еще более решительно. Уже когда кн. Иштерек находился за Волгой, он пытался убедить кн. Иштерека «не розниться» от остальных ногайских мурз и улусов, доказывал, что гораздо выгоднее добить челом крымскому царю, всем ногаям объединиться под властью последнего и продолжать воевать и разорять московскую украйну.[163] Стягивание ногайских улусов за Волгу продолжалось в течение нескольких лет. Кн. Иштерек возвращался на старое кочевье с явно выраженным

---

[161] Черкесские поселения, еще не сделавшиеся в то время вполне оседлыми.

[162] Кабард. д. 1616—1617 гг., без №, л. 16—17, 22, 26, 30—41, 56—69, 70—78, 86, 95.—Крым. д. 1615—1617 гг., № 9, л. 114, 126—127.

[163] Кабард. д. 1616—1617 гг., № 9, л. 74, 80—87.

чувством досады и недоверия.[164] Но подданство московскому правительству было наиболее безобидным выходом из запутанного положения и заключало в себе привлекательные для улусных людей стороны: их привлекали выгоды и удобства кочевий в заволжских степях; русское правительство к тому же не ставило совсем вопроса о каком-либо возмездии за все то большое зло, которое орда причинила Руси в предшествующие годы.

Так выпало второе, после Крыма, по важности звено из враждебного русскому государству окружения. Оставалась еще одна татарская сила, опасная своей недосягаемостью и неуязвимостью для русского правительства, — орда Малых ногаев. Можно было бы еще говорить об азовских татарах, но они были ничтожны численно. Малые ногаи чаще всего фигурируют в документах, как подданные султана. Но бывали периоды, когда они подчинялись Крыму и даже действовали вместе с ним против султана. После Казы Гирея Малые ногаи, видимо, вообще действовали за свой собственный риск и страх. Они участвовали в нападениях на Русь вместе с татарами различных орд. После заключения мирного соглашения русского правительства с Турцией и Крымом в 1613—1614 гг., правительства последних были слишком слабы, чтобы оказать какое-либо воздействие на казыев улус и заставить их прекратить вторжения. Нападения их продолжались вплоть до 1617 г. включительно. Русское правительство пыталось вступить с ними в непосредственные сношения. Как изложено выше, московское правительство принимало в 1615 г. послов Малых ногаев в Москве, присланных из татарских станов из-под Серпухова. Послы вели себя как представители совершенно независимого правительства.

В 1617 г. толмач Гаврил Есипов был принят казыевским Барын-Газы князем с государевыми грамотами о мире с Московским государством. Барын-Газы сказал, что он сам и большие мурзы войны с московским государем не ведут и в войну никого не посылают, но их улусные люди «таковы ж, что донские казаки, и на государевы украйны ходят украдом, унять их нельзя». Все эти объяснения Барын-Газы явно не отвечали действительности, потому что нападения Малых ногаев проводились под руководством множества мурз, как не подлежит никакому сомнению, что получаемая от походов добыча не миновала в какой-то доле рук и самого князя. Впрочем, князь высказал толмачу один упрек, что из Москвы де приезжают от государя все «с сухими грамотами, а казны не возят», который показывает, что в случае присылки казны он, может быть, мог бы что-то сделать для прекращения нападений.[165] Вышедший в начале 1615 г. из Ногайской орды новокрещен Г. Иванов при расспросе его астраханскими воеводами показал между прочим, что казыевцы кочуют под черкасскими горами и никому, ни султану, ни крымскому царю, ни кн. Иштереку, «не голдуют».[166]

В 1616 г. в ответ на представление посланников Ф. Челюсткина и П. Данилова о нападениях на Русь азовцев и Малых ногаев Бек ага отвечал, что ни те, ни другие крымскому царю никогда не были послушны; азовцы послушны султану, «а Казыев улус владеют сами собою, а прежним деи крымским царям те люди послушны николи не бывали. И царю де тех людей как унять?». Бек ага, очевидно, не знал прежних взаимоотношений казыевцев к Крыму, хотя бы при Девлет Гирее, но суждение его верно отражало существовавшее в его время положение вещей.[167]

---

[164] В ответ на настойчивые требования астраханских воевод кн. Иштереку лично явиться в Астрахань для принесения шерти, он с сердцем отвечал: «Хоти б де было и попытаться ино де бы одинова, а то об одном деле присылают многижда» (Ногайск. д. 1616 г., № 1, л. 124).

[165] Турец. д. 1616 г., № 1, л. 127, 128.

[166] Кабард. д. 1615 г., № 1, л. 5—6.

[167] Крым. д. 1615—1617 гг., № 9, л. 110—112.

В сентябре—октябре 1616 г. русские посланники П. Мансуров и С. Самсонов вели длительные переговоры с двумя последовательно сменившими один другого визирями о нападениях азовских и казыевских татар на Русь. В разговоре 11 сентября визирь в угрожающем тоне заявил посланникам, что им от султана будет «недобро», что он в отмщение за нападения донских казаков на Трапезунд пошлет татар войной на Московское государство. Посланники дали на это обстоятельный ответ о непослушании казаков и о той «смуте и кроворазлитии», которое они вызвали в Московском государстве, а также присоединили к этому замечание о постоянных нападениях татар на Русь. Визирь возразил, что крымские люди на Русь не нападают. Посланники ответили, что они говорят не о крымцах, а об азовцах и Малых ногаях, которых необходимо унять. «И визирь-паша против того замолчал, не говорил ничево». 22 октября аналогичный же разговор произошел с новым визирем. Визирь дал обещание унять азовцев, что же касается кн. Иштерека и его улусных людей, а также казыевцев, то «они не под государевою рукою, вольные и самовластные люди, кочуют на поле, переходя с места на место, а от государя нашего городов удалели». Если московские ратные люди будут их побивать, то султан «за то не постоит». Посланники отвели вопрос о кн. Иштереке, сказавши, что с ним московский государь сам управится, но снова настойчиво подчеркнули, что главное зло в азовцах и казыевцах, кочующих близко от Азова и нападающих постоянно на московские земли. Снова визирь подтвердил обещание запретить нападения азовцам, а от казыевцев отрекся: над ними де султан не властен, люди они «полевые, кочуют, переходя с места на место, а в городах не живут».[168]

Действительно, в течение нескольких последующих лет азовцы не нападали на Русь, но не нападали и казыевцы, и мы ошиблись бы, если бы приписали этот перерыв нападений только указам султана. Объяснение заключается в том, что и те и другие нашли более выгодное приложение своих сил в походах на правобережную Украину. Вообще казыевцы представляли собой наиболее анархическую часть среди всех татар. Не связанные сколько-нибудь прочно ни с Турцией, ни с Крымом, они были почти обязательными участниками всех нападений татар, крымцев или больших ногаев, но помимо того они нападали и по собственной инициативе, руководствуясь своими частными интересами, когда другие группы татар по каким-либо причинам политического порядка временно прекращали нападения на соседей.

[168] Турец. д. 1616—1617 гг., № 2, л. 46, 50—51, 84—86.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРИОД МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С КРЫМОМ И БОЛЬШИМИ НОГАЯМИ И ЗАТИШЬЕ НА ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ (1618—1630 гг.)

Содержание: *1. Московско-крымские отношения при Джанибек Гирее (1618—1623 гг.). — 2. Московско-крымские отношения при Магмет Гирее и Шагин Гирее (1623—1628 гг.). — 3. Московско-крымские отношения в начале второго правления Джанибек Гирея (1628—1629 гг.). — 4. Орда Больших ногаев за Волгой в период 1616—1630 гг. — 5. Очерк татарских нападений на Русь в период 1618—1630 гг. — 6. Состояние обороны.—7. Перемещение населения на южной окраине Московского государства в период затишья.*

< 1 >

Деулинское перемирие 1618 г. не принесло окончательного решения спора между Русским государством и Польшей. Король Сигизмунд открыто не признавал законности вновь созданного в Москве правительства и не отказывался от намерения посадить на московский престол своего сына. Установленные перемирием границы создали угрожающее для Московского государства положение: потеря Смоленска и ряда других укрепленных пунктов открывала врагу легкую возможность вторжения в самое сердце страны. Безопасность и независимость страны не были гарантированы при таком положении, и возобновление борьбы было поэтому неминуемо.[1] Так оценивали взаимные отношения оба правительства, и русское, и польское.

Московское государство, разоренное и истощенное, нуждалось прежде всего в мире. В сношениях с Крымом русское правительство не скрывало, что оно нуждается в отсрочке для подготовки к новой борьбе с Польшей. Как однажды говорили московские представители крымцам, в Российском государстве предстояли «многое дело и земское строенье, и ратные люди пооскудали и с той многие войны опочивают и строятся. А впредь, ож даст бог, забыто не будет».[2] Перемирие на 14 с половиной лет давало русскому правительству желанную отсрочку. Важнейшим условием спокойного и полного использования русским правительством полученной после Деулинского перемирия отсрочки было сохранение мира с Крымом. Продолжение татарских вторжений в том масштабе, как они происходили в предшествующее десятилетие, могло бы чрезвычайно осложнить положение русского правительства и направить его усилия совершенно в иную

[1] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 1189.— П. П. Смирнов. Города Моск. госуд. в перв. пол. XVII в., т. I, ч. 2, с. 138—139, 143, 150 и др.
[2] Крым. д. 1622 г., № 3, л. 39—40.

сторону. К счастью для него, международная ситуация в Причерноморье сставалась благоприятной.

Мы уже указали, что с начала второго десятилетия осложнения между Турцией и Польшей приняли затяжной характер. Существо возобновившейся между ними борьбы заключалось в том, что постепенно, но неуклонно слабевшая Турция всеми силами старалась удержать свои позиции в Европе. После мира 1606 г., закончившего длительную турецко-венгерскую войну, главным противником Турции в Европе стала Польша. Борьба шла главным образом из-за преобладания в княжествах Валахии и Молдавии и в Причерноморье, где все смелее и решительнее выступало запорожское казачество. Вполне понятно, что татары были непременными участниками турецко-польской войны. Русское правительство совершенно ясно понимало всю эту ситуацию. Задачей Турции и Крыма было втянуть Московское государство в войну с Польшей. Напротив, дипломатические усилия русского правительства были направлены на то, чтобы, поддерживая неприязнь между Турцией и Польшей, уклоняться от вмешательства в войну на стороне первой против второй и не связывать себя никакими формальными соглашениями.

В феврале 1618 г. янычары «ссадили» с престола султана Мустафу, человека «богомольного нрава, а не воинского обычая», и возвели на трон старшего сына султана Ахмета, молодого, воинственного и честолюбивого Османа.[3] Весной того же года на поле сражения, окончившегося поражением турок, между ними и шахом Аббасом было заключено перемирие. Султан Осман с негодованием принял условия перемирия, но, используя перерыв в борьбе с Персией, решил расквитаться с Польшей. Для Польши наступил опасный момент, о котором с таким красноречием говорил Жолкевский. Пока турецкая армия готовилась к походу, султан бросил на Польшу все татарские силы. Первым совершил нападение Кантемир мурза со своими белгородскими татарами. Показания того же Зенгильдея Исенеева хорошо передают общее возбуждение, вызванное в Крыму указом султана о походе: «И в Крыме де тотчас замешалось,— говорил он,— стали крымские ратные люди сбираться и учали из Крыму ратных людей калга отпущать с мурзами на первой неделе Петрова поста». «А в Крыме остались немногие люди, потому что много пошло и охочих людей для своей добычи». Калга был обеспокоен малолюдством в Крыму и распорядился задерживать татар, уходивших в поход самовольно; но они миновали Перекоп и ускользали из Крыма.[4] Сам калга Девлет Гирей, как ни опасался он происков со стороны Шагин Гирея, вынужден был двинуться в поход по требованию султана. Нападение татар на польский табор под Каменцем не имело успеха, зато распущенные в «загоны» татары в течение полутора месяцев опустошили обширную территорию под Винницей, Баром, Тарнополем, Синявцем, Дубном и Львовом.[5]

Следует напомнить, что самого царя Джанибек Гирея в это время не было в Крыму. В августе 1617 г. он переправился морем через Синоп в Малую Азию для участия в кизылбашском походе, где уже находился нурадын Азамат Гирей. Крупные татарские силы участвовали в этом походе. Поход не принес Джанибек Гирею славы. Против него с успехом действовал на стороне шаха Шагин Гирей. Татары понесли огромные потери. По собранным в Крыму московскими посланниками сведениям, из похода едва вернулось 2 тыс. человек (а всего их было 10 тыс.). В походе погибли кн. Сафа Ширинский, кн. Богатырь Гирей Дивеев, конюший Джан мурза,

[3] Турец. д. 1618 г., № 3, л. 24.—Отзыв о султане Мустафе московского гонца в Константинополь Зенгильдея Исенеева.
[4] Турец. д. 1618 г., № 3, л. 27—28.
[5] Крым. д. 1619 г., № 1, л. 1—2.

казначей Сеит мурза; попал в плен ближний человек царя Бек ага. Татары смогли вернуться в Крым лишь весной 1619 г.[6] В 1620 г., когда, наконец, двинулся на Польшу сам султан, Джанибек Гирей в походе не участвовал, боялся Шагин Гирея, угрожавшего Крыму со стороны Предкавказья. Крупными татарскими силами руководил калга Девлет Гирей. Вперед были высланы «большие люди» с Урак мурзой (кн. Петром Урусовым), Адильшой мурзой Дивеевым и другими мурзами. Поход завершился, как известно, решительным поражением польского войска под Цецорой. Татарам досталась богатая добыча, знатные пленники, оплаченные затем большим выкупом.[7] Воодушевленный победой, султан Осман решил нанести Польше окончательный удар. По приказу султана Джанибек Гирей собрал в поход до 100 тыс. крымцев, ногаев Малой и Большой орд, горских черкас.[8]

Исход войны под Хотином (1621 г.) не оправдал надежд султана, хотя и Польша не вернула утраченной роли и влияния в княжествах. Неудовлетворительный исход войны нанес сильный удар авторитету султана Османа. Султан и без того не был популярен. Он стремился крутыми мерами восстановить дисциплину в армии и смелыми военными предприятиями вернуть былую славу султанов-завоевателей. Задача оказалась ему не под силу. Он не сумел сломить анархии, прослыл жестоким и скупым. Во время нового мятежа янычар в мае 1622 г. султан Осман был низложен и убит. На трон снова был водворен Мустафа.[9] Одновременно пошатнулось и положение Джанибек Гирея. Раздраженный неудачей войны под Хотином, султан Осман негодовал на крымского царя. Русские посланники в Турции Лихарев и Махов передавали, будто султан сильно кручинился на Джанибек Гирея, бранил его и называл женкою: «Ни со што де тебя нет,— говорил султан,— только де меня позору доводишь. В Кизылбашех де ты был, и ты де только людей потерял, а нынче де мне никакой же чести не учинил, только людей потерял. Достоин де ты был смерти, да пощадил тебя для брата твоего, калги царевича».[10] В это же время произошло отпадение от Крыма Кантемира мурзы с белгородской ордой и переход его в непосредственное подчинение султану. Показателем ослабления авторитета Джанибек Гирея было резкое столкновение его с нурадыном Азамат Гиреем в течение Хотинской войны и бегство нурадына к султану[11]. После низложения и убийства султана Османа Джанибек Гирей поспешил послать в Константинополь вернувшегося из персидского плена ближнего человека Бек агу с подарками турецким сановникам. Бек ага получил заверения в том, что Джанибек Гирей останется у власти. Однако заверения эти не могли быть авторитетными, вследствие постоянной смены визи-

---

[6] Крым. д. 1617 г., № 4, л. 2—5.—Крым. д. 1619 г., № 1, л. 3—4.—Турецкие источники говорят о 30 тыс. татар, участвовавших в кизылбашском походе (В. Д. Смирнов, с. 479—480).

[7] Крым. д. 1620 г., № 6, л. 80.—Крым. д. 1620 г., № 10, л. 11.—Крым. д. 1621 г., № 5, л. 49—50.— Piasecki, с. 287.

[8] Крым. д. 1621 г., № 11, л. 24, 55.—Piasecki, с. 291.

[9] Лависс и Рамбо. Всеобщая история, т. V, 1898, с. 756.— Jorga, т. III, с. 372—376.—Описание гибели султана Османа см. в донесениях франц. посла в «Актах, собр. Тургеневым», т. II, с. 418—420.

[10] Крым. д. 1621 г., № 5, л. 99.

[11] Крым. д. 1621 г., № 5, л. 94—96, 99.—Совершенно не соответствует всей совокупности фактов сообщение турецких источников, что именно в Хотинской войне за свои «большие подвиги» Джанибек Гирей «удостоился внимания и ласки султана» (В. Д. Смирнов, с. 480). Ссора с нурадыном Азамат Гиреем произошла на той почве, что Джанибек Гирей отказался от предписанного султаном набега из-под Хотина на польские земли, и воинские люди, татары все, даже собственного царева полка, ушли в поход с нурадыном.

рей. В апреле следующего 1623 г. состоялось назначение в Крым нового царя Магмет Гирея.[12]

Здесь уместно остановиться на обстоятельствах возвышения Кантемира мурзы, факте, имевшем большое значение в последующей истории Крыма. Хотинская война пошатнула положение Джанибек Гирея; Кантемира, напротив, она подняла на небывалую высоту. Русские посланники сообщают, что за успешные действия в войне султан пожаловал Кантемиру 6 городов. Турецкие источники разъясняют, что Кантемир был назначен султаном Османом на ответственный пост паши Очакова, Силистрии и Бабадага и получил титул «блюстителя» польско-турецких границ и княжеств. Именно в этот момент Кантемиру удалось формально утвердить свою независимость от Крыма. В статейном списке Н. Лихарева и В. Махова находим указание на то, что во время борьбы под Хотином Кантемир «отъехал к турскому», а жена его, находившаяся в Крыму, бежала в Кафу. Султан принял его под свое покровительство и потребовал от Джанибек Гирея выдачи его семьи, всего его имущества и улусных людей, и царь выдал все, кроме улусов.[13] Кантемир сделался главой нового татарского княжества, подчиненного непосредственно султану.

Скопление татар в степях Причерноморья от Днепра до Дуная началось очень давно. Один из вождей белгородских татар мурза Бакай уже в XVI в. заслужил большую известность своими походами на Польшу и Русь. Но приток татар в белгородские степи особенно усилился в течение турецко-венгерской войны. В начале 1606 г. С. Жолкевский с беспокойством отмечал проникновение в белгородские степи массы ногайских татар, гонимых голодом из бедных по большей части мест Крыма. Основную часть татар составляли мансуровские ногаи. Вот почему во главе их уже в самом начале столетия стоял Кантемир мурза Дивеев, потомок знаменитого мурзы Дивея, нападавшего много раз на Русь при Иване IV и умершего в русском плену; точно степени родства Кантемира с мурзой Дивеевым наши документы не устанавливают. В своей переписке Жолкевский впервые отмечает нападение мурзы Кантемира на Польшу в 1606 г. С тех пор его нападения постоянно повторяются. В 1610 г. Кантемир мурза возглавил, вместе с братом своим Богатырь Гиреем Дивеевым, крупный поход на Русь. Важное изменение, происшедшее в положении Белгородской орды при Кантемире, заключалось в том, что она вступила в непосредственное вассальное подчинение султану и сделалась независимой от Крыма. В лице Кантемира и Белгородской орды Турция получила сильное орудие, посредством которого она могла угрожать Польше и, при случае, смирять непокорных крымских царей.[14] Для Крыма в таком отделении Белгородской орды заключался явный и весьма неприятный ущерб; отсюда — длительная и упорная борьба Крыма с Кантемиром, закончившаяся только после его гибели.

Приведенный нами краткий перечень событий показывает, что в течение последних лет правления Джанибек Гирея крымская политика всецело подчинялась турецкому руководству, что все основные силы татар были заняты в войне с Польшей, и эта война в полной мере удовлетворяла их потребность в добыче. Есть указание, что даже большие ногаи участвовали в походах на Польшу; вероятно, это были те ногайские улусы (главным образом Урмаметевы), которые с большим опозданием вернулись на

---

[12] Крым. д. 1622 г., № 6, л. 163—164.

[13] Крым. д. 1621 г., № 5, л. 99.— J o r g a, т. III, с. 383—385.

[14] П. К у л и ш. Украинские казаки и паны в 20-летие перед бунтом Богдана Хмельницкого, «Русское обозрение», 1895, II, с. 610—615.— B i e l o w s k i, с. 388—389.

Волгу на свои старые кочевья. При таком положении задачи русской дипломатии по отношению к Крыму значительно упрощались.

Русское правительство понимало, конечно, что война Турции с Польшей имеет свое самостоятельное и серьезное основание и отнюдь не приписывало ее своему влиянию и воздействию. Посланники А. Лодыженский и Р. Болдырев (1617—1618 гг.) при свидании с Джанибек Гиреем в июле 1617 г. настаивали на походе царя против Польши. Царь оправдывался тем, что он «неволею» по указу султана идет в Кизылбаши, но что с ним идут лишь ближние люди и «все худые ратные люди», а что основные силы остались в Крыму, чтобы зимой совершить поход на Польшу. В январе 1618 г. посланники, передавая калге Девлет Гирею, оставшемуся в Крыму, легкие поминки, настаивали на походе в Польшу, указывали на удобство момента, так как король направил все свои силы против московского государя и шведского короля; если польский король «осилит» московского государя, то будет «лихо» и Крыму. Калга отказывался и ссылался на перемирие султана с польским королем (он разумел мир в Яруге 1617 г.).[15] Между тем, когда последовал указ султана, в том же году татары всей массой двинулись в поход в Польшу.

Следующая посылка поминок с посланниками С. Хрущовым и С. Бредихиным (размер их 8467 руб.) в 1618 г. не достигла Крыма, потому что была захвачена казаками Сагайдачного в Ельце.[16] Вопрос о повторной присылке этой казны не один раз возникал впоследствии. Но московское правительство, заключив Деулинское перемирие с Польшей и учитывая состояние войны Турции с Польшей, чувствовало себя уверенней и твердо отвечало отказом на все требования крымцев. Джанибек Гирей очень «кручинился» по поводу Деулинского перемирия и подозревал возможность совместных действий Москвы и Польши против Крыма: «С двумя де други нельзя в дружбе быть,— говорил он,— лучше де было с одним другом дружиться», и угрожал, «опочинувши» от тяжелого кизылбашского похода, «сложиться» с королем против Москвы.[17] На требование о возобновлении посылки 1618 г. в Посольском приказе был готов ответ. Когда с этим требованием в Москву явились в октябре 1619 г. гонцы, кн. Г. К. Волконский отвечал, что то «несхожее дело»; надо рассудить, как пропала казна. Вместо того, чтобы итти на короля, Джанибек Гирей отправился в Кизылбаши. Король воспользовался этим и направил все свои силы против московского государя; черкасы перехватили путь в Крым. Казна пропала, потому что царь ходил в Кизылбаши. Поэтому совершенно непристало говорить о ее возобновлении. Смягчая форму отказа, кн. Г. К. Волконский сказал: «Пропало у них, государей, вопче».[18] Московский государь помирился с королем поневоле: султан и крымский царь своевременно не оказали помощи, надо было выручить из плена государева отца и многих других знатных пленников, но перемирие носит временный характер, и государь не отказывается от своего намерения мстить королю «за его неправду и разоренье».[19] Мало того, московское правительство рискнуло вовсе не посылать поминок в Крым в следующем 1619 г. Турецко-польская война была в самом разгаре. Расчет оказался верным.

В 1620 г., в апреле, на размене под Валуйкой кн. Г. К. Волконский принял возвращавшихся из Крыма Лодыженского и Болдырева и передал в Крым новых посланников П. Воейкова и С. Матчина. Крымский размен-

---

[15] Крым. д. 1617 г., № 4, л. 4—5, 18—19.
[16] Крым. д. 1618 г., № 4.—Крым. д. 1640 г., № 12, л. 10.
[17] Крым. д. 1619 г., № 5, л. 1—4, 14.
[18] Крым. д. 1619 г., № 6, л. 31—36.
[19] Крым. д. 1620 г., № 3, л. 48—52.

ный бей Ибреим паша Сулешев повторил требование о возобновлении посылки за 1618 г. и решительно настаивал на присылке в том же году казны за 1619 г.[20] Ибреим паша очень горячился и вел «многие раздорные речи». Кн. Г. К. Волконский повторил прежнее оправдание относительно казны 1618 г., неприсылку казны в 1619 г. объяснил тем, что якобы с 1613 г. и без того была одна лишняя посылка в Крым.

Кн. Волконский сумел успокоить Ибреим пашу, тайно выдав ему добавочное жалованье «из запасного платья», напоив допьяна и «подчуя довольно» его свиту вином, медом, яловицами, баранами, курами, хлебом и калачами.[21] Правда, прием, оказанный П. Воейкову и С. Матчину, был холодным. Ибреим паша сумел-таки выудить у них подачки, поставив посланников на безводном и «бескормном» месте и переведя их на более удобный стан лишь после получения шуб и соболей. На посольском приеме ни Джанибек Гирей, ни его ближние люди не вели с ними никаких деловых разговоров, выражая тем свое недовольство.[22] В Москве сочли благоразумным смягчить недовольство посылкой дополнительных легких поминок на сумму 540 руб., причем толмачу Девлет Козину был дан наказ раздавать их «изкрепка» лишь тем лицам, от кого действительно можно было ожидать «нашему делу прибыль и прямые службы, а за посмех бы рухляди не раздавать». Если и этой посылки окажется недостаточно, то предписано было «обослаться» с Москвою, и если на толмача будет особенно острая «досада», «и то исправить мочно». Толмач должен был убедиться, действительно ли крымцы готовятся напасть на московскую украйну.[23]

События 1620 и 1621 гг. показали, что угрозы крымцев не имели реального значения. В то же время в Москве понимали, что походы татар на Польшу нуждаются в некотором поощрении. Не считая дополнительных легких поминок, казна, отправленная в Крым с П. Воейковым и С. Матчиным, заключала в себе рухляди «в запас» на 1000 руб. (общий размер поминок 9145 руб.). Добавка эта была сделана ради того, что царь и калга ходили на Литву войной «неодинова, и будут от них какие запросы, и их бы в том потешить и на Литву войне не помешать.» В таком же размере была послана в Крым казна с посланниками Н. Лихаревым и В. Маховым.[24] Посылка с А. Усовым и С. Угодским в 1622 г. была увеличена еще на несколько сот рублей и достигла 9763 руб., все по тому же основанию — ради похода татар против Польши.[25] Само собой понятно, что не эти скромные подачки определяли участие татар в походах на Польшу в 1620 и 1621 гг.

Положение русского правительства в эти годы было выгодным. Гетман Сагайдачный в 1620 г. приглашал московское правительство к совместному нападению на Крым. Гетману были посланы подарки и похвальная грамота, но предложение о нападении на Крым отклонено, потому что Джанибек Гирей и его мурзы на московские украйны не ходят и им «шкоты не чинят никоторые».[26] В сентябре 1621 г. в Москву прибыл турецкий посол Ф. Кантакузин с объявлением о сборах султана на Польшу и с приглашением к совместным против короля действиям. Турецкий посол на приеме у патриарха Филарета мотивировал решение султана тем, что поляки, пользуясь персидской войной, «засели» Волошскую землю, а запорожские черкасы ведут войну с султаном на Черном море. Посол говорил о том,

---

[20] Крым. д. 1620 г., № 3, л. 1—52.
[21] Там же.
[22] Крым. д. 1620 г., № 6, л. 9—10, 16—28.
[23] Крым. д. 1620 г., № 12, л. 8—13.
[24] Крым. д. 1640 г., № 12, л. 13.
[25] Там же, л. 13—18.
[26] СГГ и Д, т. III, с. 215.

чтобы, во всяком случае, московский государь не помогал королю. Патриарх заверил, что помощи королю никакой не будет, что перемирие с ним было заключено в силу необходимости; но московский государь не потерпит со стороны короля никакого нарушения условий перемирия, а если таковое будет, то московский государь возобновит с королем войну.[27]

В Москве тщательно обдумывали положение. Вопрос обсуждался на земском соборе в октябре 1621 г. Правительство докладывало: «А только ныне то время минует, и впредь будет того отыскивать немочно»; Джанибек Гирей «со всем Крымом» пошел на короля и склоняет к тому же царя.[28] Трудно сказать, почему обращение турецкого правительства в Москву последовало столь поздно, когда война под Хотином была уже в самом разгаре. Султан начинал войну с уверенностью в победе. Возможно предположение, что турецкое правительство допускало затяжку войны, либо оно не столько рассчитывало на активную помощь русского правительства, сколько хотело гарантировать себя от содействия с его стороны королю, о чем говорил в Москве турецкий посол. Во всяком случае посольство и обсуждение турецкого предложения запоздали, потому что уже в начале октября 1621 г. война под Хотином закончилась заключением перемирия между Турцией и Польшей, за которым последовали переговоры о мирном договоре.[29]

Московское правительство ответило на приезд турецкого посла отправкой в Константинополь своих посланников И. Кондырева и Т. Бормосова в 1622 г. Цель этого посольства очень характерна для направления русской политики того времени. Источники нерусского происхождения дают превратное о нем представление. Поэтому посольство Кондырева и Бормосова заслуживает особого внимания. Они пробыли в Константинополе с октября 1622 г. по апрель 1623 г., т. е. в период сильных волнений и беспорядков в столице Турции. Посланникам пришлось вынести немало обид от мятежных янычар. Французский посол сообщал своему правительству, будто московские посланники добивались заключения с Турцией союза против Польши на семь лет и продолжения Турцией войны с поляками; при этом якобы московские посланники соглашались от имени своего правительства на ежегодную выплату Турции по 400 тыс. талеров.[30] Документы посольства дошли до нас в полном составе, так что мы можем точно и полно представить себе цель посольства и его деятельность в Константинополе. Прежде всего следует отметить, что посольство И. Кондырева и Т. Бормосова было ответом на приезд в Москву турецкого посла Ф. Кантакузина, предлагавшего союз против Польши. Следовательно, московскому правительству не было надобности проявлять в этом направлении инициативу со своей стороны. Напротив, русское правительство не дало турецкому послу согласия на его предложение. Посланники повезли с собой в Константинополь очень скромные подарки на общую сумму в 2400 руб. Поэтому наказ, данный посланникам, заранее предусмат-

---

[27] Турец. д. 1621 г., № 4, л. 66 об., 91, 108, 123—139.

[28] СГГ и Д, т. III, № 57.

[29] Фома Кантакузин приехал в Москву 13 сентября 1621 г., а не в августе, как пишет С. М. Соловьев, был принят патриархом Филаретом 18 сентября (С. М. Соловьев, кн. 2, с. 1193.—Турец. кн. № 4, л. 66 об., 91). Война под Хотином началась за несколько месяцев до того. Поэтому у В. Латкина неточно, будто султан хотел заручиться союзом с московским правительством, намереваясь совершить нападение на Польшу (В. Латкин. Земские соборы древней Руси. СПб., 1885, с. 168—174). Приезд Ф. Кантакузина запоздал, потому что перемирие между турками и поляками под Хотином было окончательно заключено уже 9 октября 1621 г. Земский собор в Москве заседал, когда война уже кончилась.

[30] Акты, собр. Тургеневым, т. II, с. 421, 424.— Jorga, т. III, с. 377.

ривал необходимые ответы на выражения недовольства турецких пашей незначительностью подарков.

Посланники должны были делать все, чтобы закрепить дружбу и любовь с султаном, но при этом строго оставаться в рамках существующего положения: «А договору о том, как государю с турским вперед быти и на польского короля стояти, не чинити и не закрепляти, а говорити, что с ними о том не наказано». «А о послех турецких, — читаем ниже,— чтоб их султан прислал ко государю, не говорити и о делех и о соединенье договору никакова не чинити, не закрепляти никоими мерами. А будет везирь-паша учнет говорити, что Асман салтан посылает к великому государю послов своих, и Ивану и Тихону говорити — в том воля салтанова величества, как произволит, и о послех не отказывати». Посланники не должны были даже упоминать о сделанном в Москве Ф. Кантакузиным предложении о союзе против Польши. Им следовало только, если это потребуется, объяснить заключение Деулинского перемирия крайней необходимостью, заверить, что московский государь ни в каком случае не будет помогать королю против Турции. Имеется в наказе также пункт, согласно которому посланники должны были говорить, что сношения с Персией касаются только одной торговли и никаких иных государственных дел.[31]

Вопрос о договоре против Польши не возбуждался и с турецкой стороны. Визирь сообщил о перемирии, заключенном с Польшей под Хотином, а султан на отпуске послов 3 марта 1623 г. выразил надежду, что и царь помирится с Польшей: «А мы де тому не радуемся, что государя вашего люди с литовскими людьми бьютца, мы де радуемся тому, чтоб меж себя быти в дружбе и в любви». Султан обещал сохранять мир с московским государем и предписать азовскому бею удерживать азовских татар от войны. В октябре 1622 г. в Константинополь прибыл польский посол для ведения переговоров о мирном трактате. Через своих агентов посланники были довольно обстоятельно осведомлены об этих переговорах. Фома Кантакузин рассказывал им, как визирь Гусейн, собрав пашей и муфтия, доказывал им необходимость заключения мира с Польшей: «Нам самим стало до себя,— говорил он,— и межусобство меж нас учинилось великое, и многие государства, Багдат, а по-русски Вавилон, и иные городы от Царяграда отложились и живут о себе и с нами хотят битца, и нам деи ныне пригоже наперед управитца с своими». Присутствовавшие возражали против мира с Польшей. Визирь сердился и требовал послушания.

Кондырев и Бормосов были хорошо осведомлены о том, какое близкое участие в мирных переговорах приняли французский и английский послы, как они выручали из тюрьмы и ссужали польского посла деньгами, посещали его, хлопотали о его деле перед визирем.[32] Видимо, французский посол имел весьма смутные представления об интересах и направлении русской внешней политики. Отсюда неверные сообщения его о целях посольства Кондырева и Бормосова, фантастические представления о богатстве московской казны. Французский посол разъясняет мотивы, которые вызвали его посредничество при переговорах между Турцией и Польшей. Война между Турцией и Польшей отвлекала силы Турции и Трансильвании, которые могли бы быть использованы в интересах французской политики против императора. Французский посол знал о католических симпатиях короля Сигизмунда к императору, но полагал, что это были симпатии и расположение личного характера, и что польскому королю будет

[31] Турец. д. 1622 г., № 4, л. 5, 76—77, 85—87, 121—129, 133—138, 170—171.

[32] Турецк. д. 1622 г., № 2, л. 162, 274—320.— Таким образом, О. Л. Вайнштейн неточно определяет цель русского посольства в Константинополь, говоря, что оно было отправлено «для подписания договора о союзе» («Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг.», 1947, с. 49—50).

трудно принудить поляков (посол разумеет здесь панов и шляхту) пойти на активную помощь австрийскому дому. По таким соображениям французский посол считал свое посредничество между Польшей и Турцией не противоречащим интересам Франции.[33]

Московские посланники внимательно следили за каждым шагом французского и английского послов и были осведомлены о ходе мирных переговоров, однако не проявляли никакой особой хлопотливости и озабоченности. Они знали, что настояния польского посла о союзе с турками против Московского государства были отклонены, что не удалось ему добиться восстановления польского господства в Валахии и Молдавии.[34] Смеем утверждать, что русские посланники лучше понимали общую ситуацию в Причерноморье. Для нас важно, что длительные и горячие переговоры об условиях мира при посредничестве французского и английского послов не привели к сколько-нибудь устойчивому результату. Соглашение было подписано весной 1623 г., приблизительно в одно время с отъездом Кондырева и Бормосова из Константинополя. Польский посол выехал, взяв с собой текст соглашения, но, достигнув границы, он сделал то, чего не рискнул сделать в Константинополе: он вернул соглашение обратно, указав на два неприемлемых для польского короля пункта в нем. Один из этих пунктов обязывал польского короля отказаться от всякой помощи императору против Трансильвании, второй обязывал заключить мир с московским государем на условии возвращения ему некоторых захваченных им городов.[35] Оба эти пункта, как нам кажется, обнаруживают двустороннее влияние на составителей договора. Очевидно, пребывание Кондырева и Бормосова в Константинополе не было и в этом отношении безрезультатным. Переговоры вновь возобновились при том же посредничестве. Договор вновь был подписан в 1624 г.[36], причем он сейчас же был нарушен и не вошел в жизнь. Весь этот эпизод с посольством Кондырева и Бормосова в Турцию имеет самую непосредственную связь с событиями, последовавшими после смены Джанибек Гирея во время правления в Крыму Магмет Гирея и Шагин Гирея.

< 2 >

Мирные соглашения русского правительства с Крымом вообще отличались неустойчивостью и нуждались в постоянных подтверждениях. Отсюда регулярные поездки русских посланников в Крым, а во время пребывания там посланников — поездки гонцов для улаживания малейших недоразумений и получения новых заверений в соблюдении шерти о мире и дружбе. Ни одна страна не требовала от московского правительства такой бдительности и внимания, как Крым. Каждая смена царя в Крыму прерывала действие мирного соглашения, поскольку соглашения эти были персональными и не связывали воли и поведения преемников смененного царя. В промежуток между отъездом из Крыма одного царя и принесе-

---

[33] Акты, собр. Тургеневым, т. II, с. 428—429.— С. М. Соловьев, довольно подробно излагающий посольство Кондырева, приписывает посредничество французского посла его личным католическим симпатиям (кн. 2, с. 1237—1241). Но чем в таком случае объяснить посредничество английского посла? Почему такое же посредничество возобновилось в 1630 г.? Почему французский посол был заинтересован в освобождении военных сил Трансильвании? О. Л. Вайнштейн рассматривает деятельность французского посла в Турции как прямую помощь Габсбургам. Указ соч., с. 44—45.

[34] Турец. д. 1622 г., № 2, л. 303—320.

[35] Акты, собр. Тургеневым, т. II, с. 424.

[36] Jorga, т. III, с. 379.

нием мирной шерти новым царем весь Крым считал себя свободным от соблюдения ранее принятых обязательств, и татары, которые и при нормально действовавшем правительстве с трудом подчинялись дисциплине и порядку, получали полную свободу проявления своей воинственной инициативы. Были почти правилом вторжения татар, руководимых отдельными мурзами, в пределы Руси в периоды «междуцарствий».

Но не только в этом состояла для русского правительства неприятная сторона смены правительства в Крыму. Каждая смена правительства Крыма заключала в себе для русского правительства некоторую загадку, требовавшую разрешения: не означает ли смена правительства более глубокого изменения всей ситуации? Возможен ли будет мир и каких усилий и жертв потребует его возобновление и поддержание? Какую цель преследовало турецкое правительство, производя смену царя в Крыму? В 20-е годы русское правительство, погруженное в дела внутренние и поставившее перед собой цель возобновить, после некоторой подготовки, борьбу с Польшей, особенно нуждалось в сохранении мира на юге. Оно должно было особенно бдительно следить за тем, как сложится ситуация при новых правителях Крыма. Для беспокойства были основания. Как сказано выше, после Хотинской войны и заключения перемирия, между Турцией и Польшей велись переговоры о заключении договора. Московские послы И. Кондырев и Т. Бормосов сообщали из Константинополя о ведении этих переговоров при деятельнейшем участии французской и английской дипломатии. Вероятность заключения договора подкреплялась тем, что в нем нуждались обе стороны, и только какие-то новые обстоятельства могли задержать установление мира между Турцией и Польшей. Заключение же мира Турции с Польшей, несомненно, повлекло бы за собой такое же соглашение Крыма с Польшей, а отсюда возможный срыв мира на южных границах Московского государства.

Всякие неожиданности могло сулить появление в Крыму уже давно заслуживших репутацию честолюбивых и неукротимых авантюристов братьев Магмет Гирея и Шагин Гирея. Первое знакомство русских посланников с Магмет Гиреем произошло в Константинополе и оставило неприятное впечатление. В апреле 1623 г., когда посланники Кондырев и Бормосов готовились к отплытию из Турции и находились на корабле, Магмет Гирей, только что назначенный в Крым царем, настойчиво и с угрозами требовал у посланников соболей. 18 апреля Магмет Гирей, выехав «протокою гулять», подплывал к кораблю посланников и требовал их явки к себе, а азовского бея, отъезжавшего одновременно с посланниками на место своего назначения, грозил повесить в Азове. Напуганный бей бежал с корабля. Посланники жаловались визирю; визирь их успокаивал, говоря что крымский царь учинил то «спроста» или «был пьян».[37]

Но прославленный во всем татарском мире брат царя Шагин Гирей, назначенный в Крым калгой, по своим личным свойствам и своему влиянию заслонял собою личность царя. В течение всех лет правления Магмет Гирея царевич-калга в значительной мере определял крымскую политику. Недаром в русских документах иногда Шагин Гирей ошибочно называется крымским царем. В течение десяти лет пребывания в Персии Шагин Гирей играл роль послушного орудия шаха Аббаса. Опираясь на шаха и в интересах его политики, Шагин Гирей неутомимо интриговал со стороны Предкавказья против Джанибек Гирея, создавая для последнего постоянно поводы к беспокойству. Здесь, среди кумыков и, в особенности, среди малых ногаев у Шагин Гирея были довольно прочные и давние связи. Волнующие слухи о его деятельности проникали в орду Больших

[37] Турец. д. 1622 г., № 2, л. 189—192.

ногаев, и недовольные своим положением ногайские мурзы, а такие всегда имелись в орде, возлагали на него свои надежды. Эти свои связи Шагин Гирей мог пустить в ход, водворившись в Крыму. При одной из встреч с московским посланником Коробьиным в 1623 г. шах Аббас как бы вскользь бросил одно замечание: «Хочу де итти в Дербень и подвинутца к кумыкам в суседи поближе, тем де им буду милее, и Шемаху де хочу перенести в Дербень». Посланники ответили на это, что Шемаха и Дербент вотчина шаха, и он волен поступать в них, как ему угодно. Но перспектива усиления персидского влияния в Предкавказье не могла быть желательной русскому правительству. Таким образом, притязания Шагин Гирея на влияние в кумыках, Кабарде и в ногайских ордах соответствовали интересам персидской политики.[38] В этом заключалось для московского правительства еще одно из беспокоивших его обстоятельств. Русские посланники не один раз видели Шагин Гирея при дворе шаха Аббаса.

В марте — июне 1623 г., т. е. уже в то время, когда состоялось назначение Шагин Гирея калгой в Крым, его видели в Персии русские посланники В. Коробьин и А. Кувшинов. Прием посланников сопровождался преувеличенно-демонстративными заявлениями шаха Аббаса о дружбе к московскому государю: «А у нас де з братом моим, с тобою великим государем,—говорил шах,—земля и люди и казна обчая, и царство мое все божие да ево государево. А брат мой великий государь мне ни за што не стоит. И хто брату моему, великому государю, друг и мне друг, а хто брату моему, великому государю, недруг, тот и мне недруг. И на турского и на опчих своих недругов стояти нам заодно. И к турскому и во все государства то пишу, что у нас с братом моим, с великим государем, такая дружба, земля и люди и казна одна, и на опчих нам недругов своих стояти з государем заодин». Шах Аббас не раз публично делал такие заявления во время пребывания в Персии посланников.[39]

Шах сознательно допускал передержку, включая султана турецкого в число врагов не только своих, но и московского государя, что явно не соответствовало намерениям и планам московского правительства. В предвидении возобновления войны с Турцией шах Аббас был бы непрочь испортить отношения ее с Москвой и тем создать для Турции новое осложнение. Внутреннее положение в Турции в то время было чрезвычайно тяжелым: Багдад передался на сторону шаха, в 1623 г. в Малой Азии началось одно из крупнейших восстаний под руководством Абаза паши, в Сирии шла борьба с Фахреддином, добившемся почти полной независимости от Константинополя, в Аравии восстали «черные арапы».[40] Отпуская в Крым Шагин Гирея, шах Аббас создавал и поддерживал еще один очаг восстания против власти турецкого правительства на очень важном участке империи. Для русского правительства не было никакого смысла впутываться в турецко-персидскую борьбу. Такова была ситуация, сложившаяся на юге ко времени воцарения в Крыму Магмет Гирея и его брата Шагин Гирея.

9 мая 1623 г. Магмет Гирей высадился в Кафе в сопровождении многочисленной группы родственников, царевичей с их семьями, массы приближенных, турецкого чауша и турецких войск на 12 каторгах. Встречен он был крымскою знатью и «всем Крымом». Ибреим паша Сулешев, московский амият, выехал встречать царя со всеми своими братьями и сыновьями. 15 мая царь пришел в Бахчисарай, где в тот же день был торжественно посажен «на крымском юрте» кн. Азаматом Ширинским, кн. Кара Барынским (может быть, Аргинским), Ибреимом пашой Сулешевым и турецким

[38] Персид. д. 1624 г., № 1, л. 63—65.
[39] Там же, л. 54 и сл., 63—67.
[40] Jorga, т. III, с. 452, 470 и др.— Крым. д. 1627 г., № 1, л. 152—153.

капычейским головой. По случаю воцарения в Крыму было большое торжество: «На радости в Бахчисарае из наряду большого и из мелкого стреляли и животину многую для его приходу резали». У крымцев не было никаких оснований для особой радости; так обычно встречали в Крыму каждого нового царя. Московские посланники Усов и Угодский, присланные еще к Джанибек Гирею, покончившие все свои дела и ожидавшие отпуска, были вынуждены произвести срочную закупку рухляди по дорогой цене для подарков новому царю и его ближним людям. Посланники скоро добились приема их Магмет Гиреем, который сразу же заявил о своей готовности жить с Москвой в мире и дружбе, отпустил посланников и с ними своих гонцов с извещением о своем воцарении и обещал дать шерть в соблюдении мира перед новыми посланниками, когда они прибудут в Крым.[41] Таким образом, опасения, которые внушали московскому правительству первое знакомство с Магмет Гиреем и общая его репутация, рассеялись. Скоро выяснились и основания мирной политики нового царя в отношении Московского государства.

Посланники постарались собрать сведения о личности царя. Это был уже не молодой человек,— он был старше Шагин Гирея, которому было за сорок лет. По отзывам близких людей новый царь был «жесток и своеобычен». Ибреим паша говорил посланникам, что «плохо было им делати у прежнего Джанибек Гирея царя, потому что он был смирен и во всем покладывался на них, ближних людей. А нынешний де Магмет Гирей царь сам горазд грамоте и писать умеет. А как де от Джанбек Гирея царя бегал, и он де во многих и больших местех бывал, и ему де все (в том числе и воинские дела) заобычай». Властность и самостоятельность поведения отличали нового царя.[42] Магмет Гирей внес новые, непривычные для крымской знати приемы самодержавного властителя, трактовал князей и мурз, как своих холопов, не допускал к участию в принесении шерти, не считал для себя обязательным их участие в совете. Представители знати сознавались, что они боятся обращаться к царю с советами. Но, ведя себя, как полновластный повелитель, Магмет Гирей не был деспотом и тираном, каким проявил себя его брат Шагин Гирей. Он желал бы править, как повелитель, окруженный многочисленной родней и знатью, чувствовавшей к себе его милость. Вместо одной толпы сородичей и приближенных, выехавшей из Крыма с Джанибек Гиреем (а с ним ушло из Крыма до 1000 человек!), Магмет Гирей привез с собой новую толпу жадных прихлебателей, царевичей, сестер, дворовых людей, которые с ним вместе в Константинополе «нужу терпели». Всех их он хотел облагодетельствовать за счет крымских доходов. Ближний царев человек Алгазы ага, сравнивая Магмет Гирея с Джанибек Гиреем, говорил, что последний был рад получению копейки, а новому царю и сто рублей сойдут за копейку. Московскому правительству сразу же было предъявлено требование громадного увеличения поминок до того размера, как их давали при Казы Гирее. Список лиц, на которых царь спрашивал поминки, был почти удвоен: в него были включены не только царские родственники, дворовые люди, карачеи, князья и мурзы Ширинские, Барынские, Аргинские, Седжеутские, Мангитские. Царь ставил вопрос шире и хотел облагодетельствовать своею милостью

[41] Крым. д. 1622 г., № 6, л. 123—124, 127—128, 138—144.— Каторги — военные турецкие суда, на которых гребцами обычно были русские полоняники. Комяги и бусы — купеческие торговые суда.— Капычейский голова — начальник отряда капычеев или сейменов, по русской терминологии — стрелецкий голова. Пост важный, поскольку капычеи составляли единственный в Крыму отряд постоянного войска, вооруженного огнестрельным оружием; русские источники иногда называют капычеев янычарами.

[42] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 79—80, 172.

юртовских уланов и всех лучших улусных людей.[43] Царь породнился с крупнейшими крымскими родами: одна из его сестер была замужем за кн. Азаматом Ширинским, другая — за мурзой Седжеутским.[44]

Первым мероприятием Магмет Гирея была организация похода против Кантемира. Он так спешил с этим, что извинялся перед московскими посланниками Я. Дашковым и В. Волковым, прибывшими в Крым уже в июле 1623г., что не имеет времени принять их и принести обещанную шерть, потому что султан Мустафа указал ему тотчас же итти со всею силой под Белгород на мурзу Кантемира Дивеева, чтобы смирить его за непослушанье и перевести на кочевья в кипчацкие степи у Молочных вод. Наказание Кантемира за нападения на Польшу и приведение его к повиновению было одним из основных требований польского правительства при переговорах о мире после Хотинской войны. Повидимому, турецкое правительство пошло на удовлетворение этого требования. Таким образом, в данном случае царь действовал, как исполнитель султанского указа. Из последующих событий очевидно, что, поручая царю «смирить» Кантемира, турецкое правительство допустило ошибку, так как удача похода лишь укрепила положение Магмет Гирея и лишила турок помощи со стороны Кантемира в борьбе их с новыми крымскими правителями, которая началась вскоре же.[45]

В конце июля Магмет Гирей, собрав все имевшиеся в его распоряжении силы, вышел в поход. Царь отсутствовал довольно долго. В сентябре или начале октября он вернулся, принудив Кантемира с 30 тыс. татар его улусов перекочевать в кипчацкие степи. Кн. Кара Аргинский, сопровождавший царя в этом походе, сообщил посланникам, что во время похода к царю являлись польские послы и делали попытку склонить его к союзу против русского правительства и ввести в «развратье» с ним. Польские послы говорили, чтобы царь «шубам не порадовался, а пожалел бы о вотчинах своих», Казани, Астрахани и Сибири, которыми ныне владеет московский государь. Они предлагали вместе пойти на Московское государство, овладеть им, посадить на московский престол королевича Владислава и поделиться завоеванной территорией. Сеферь газы ага и кн. Кара, участвовавшие в переговорах, «не поверили» речам польских послов, а Магмет Гирей потребовал с них уплату поминок за семь прошлых лет. Конечно, не вопрос о доверии склонил царя к отказу от польского предложения. Действительная причина отказа заключалась в предписании турецкого правительства, а также в том, что во время похода Магмет Гирея на Кантемира запорожцы совершили нападение на татар при их переправе через Днепр, а в отсутствие царя значительными силами под предводительством пана Тишкевича вторглись в Крым через Перекоп и произвели там жестокий погром, дойдя почти до Бахчисарая. Одновременно черкасы на 40 стругах совершили нападение на местность под Балыклеей. Ответом на нападение запорожцев была посылка в Польшу кн. Алея Дивеева с 15 тыс. татар для войны «без милости». В походе татары захватили столько полону, что, как говорил кн. Кара, за молодого полонянника в 20 лет брали по 10 золотых, «и николи так дешево не бывало, что наведено добре их много...»[46] Вслед за кн. Алеем Дивеевым совершил поход на Польшу нурадын Девлет Гирей; он сжег при переходе через Днепр казачьи

---

[43] Крым. д. 1623 г., №, 7, л. 172, 279—280.—Турец. д. 1622 г., № 2, л. 195.
[44] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 30, 76.
[45] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 12—13. Акты историч., относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым, т. II, СПб., 1842, с. 422—424 (из донесений французского посла де Сези).—Jorga, т. III, с. 376, 385.
[46] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 50, 159—165, 19—20, 211—216.

суда, забрал полон и не встретил сопротивления. Произошло это в январе—феврале 1624 г.[47]

29 ноября, вернувшись из похода, Магмет Гирей, принял посланников Я. Дашкова и В. Волкова. Казна, присланная из Москвы, лишь немногим превосходила последнюю присылку Джанибек Гирею. Царь сам осматривал посылку, примеривал шубы и выражал недовольство тем, что шубы были коротки и едва доходили до колен. Тем не менее на приеме царь был весел и запись шертовальную хвалил, что «написано с обе стороны добро». Царь собирался принести шерть на своем коране, но когда посланники предъявили коран, привезенный из Москвы, говоря, что присяга на нем будет «вернее», царь также весело согласился, сказавши, что «то де таков же куран». Он без всяких возражений поцеловал коран в молитву, отмеченную рукою В. Волкова. Но царь сильно разгневался, когда посланник потребовал шертованья ближних людей, как это обычно делалось до сих пор: ближние люди ему не товарищи, как при Джанибек Гирее, а его холопы, резко заметил царь. Во время этой сцены ближние люди стояли вокруг «страшны». И впоследствии все попытки включения в шертованье ближних людей не имели успеха.[48]

В течение первого года своего правления Магмет Гирей ни в чем не обнаружил непослушания или враждебности к турецкому правительству. Напротив, он, видимо, старался доказать ему свою полную лояльность. Тем не менее правительство нового султана Мурада IV, возведенного на трон вместо низложенного в сентябре 1623 г. его слабоумного брата Мустафы, пересмотрело вопрос о правителях Крыма, решило снять Магмет Гирея и вернуть Джанибек Гирея. Были серьезные основания для такого решения: нельзя было терпеть в Крыму Шагин Гирея, прямого врага султана и открытого союзника шаха Аббаса, с которым в 1623 г. началась война. Самое назначение Шагин Гирея в Крым можно объяснить только отсутствием сколько-нибудь разумного правительственного руководства при султане Мустафе. Шагин Гирей пришел в Крым из Персии 9 мая 1624 г. Русский полонянник, вернувшийся в Москву и живший у самого калги Шагин Гирея «на поварне», сообщил, что Шагин Гирея сопровождал значительный отряд кизылбашских войск в 2000 человек.[49] Этот отряд был личной гвардией калги и оставался при нем и в последующее время. Через своих людей шах Аббас прочно держал Шагин Гирея в своих руках.

Вскоре же, 21 мая, в Кафе высадился Джанибек Гирей с прежними своими соправителями: калгой Девлет Гиреем и нурадыном Азамат Гиреем, девятью другими царевичами и турецкими янычарами на 12 каторгах.[50] Однако исправить раз допущенную ошибку оказалось вовсе не таким простым делом. Шагин Гирей принес с собой ту энергию и решимость бороться за власть до конца, которой, быть может, недоставало его брату. Эпизод этой борьбы излагался до сих пор по турецким источникам, но мы восстановим ход событий с дополнениями из русских источников, сообщающих целый ряд интереснейших сведений о внутренних отношениях в Крыму в это время.[51] Турецкое правительство хотело избежать применения вооруженной силы и предложило Магмет Гирею и Шагин Гирею назначение наместниками Мореи и Герцеговины.[52] Братья отказались покинуть добровольно страну, которую считали своей вотчиной. По их словам, ко-

---

[47] Крым. д. 1623 г.. № 7, л. 212.
[48] Там же, л. 99—117.
[49] Крым. д. 1625 г., № 4, л. 174—175.
[50] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 243.
[51] Zinkeisen, IV, с. 490—491.—Hammer, III, с. 36.—Акты, собр. Тургеневым, т. II, с. 427.—В. Д. Смирнов, с. 480—481.
[52] Hammer, III, с. 38—39.

торые приписывают им русские источники, они боролись «за позор» свой, что султан захотел их удалить из Крыма, когда они еще «не успели рубашек переменить». Долгое время обе стороны воздерживались от активных действий. Магмет Гирей с князьями и мурзами расположился в Карасу, а Шагин Гирей с нурадыном и своими ближними людьми под Кафой. Джанибек Гирей «сел в осаде» в Кафе. Магмет Гирей отправил к султану своего сына и в подарок 300 литовских полоняников, чтобы султан оставил его в Крыму и с царства не снимал. Турецкое правительство настаивало на своем решении и в июне прислало к Джанибек Гирею значительное военное подкрепление на 16 каторгах.[53] Магмет Гирей и Шагин Гирей использовали отсрочку для энергичной концентрации сил.

Ведущую роль в последующих событиях, несомненно, играл Шагин Гирей. Ему пригодилась в этом случае еще не утерянная им популярность. Приехавший в конце 1624 г. в Москву гонец Кирилл Байбирин показал в Посольском приказе, что «любят де калгу в Крыме мелкие люди, для того что их не дает в обиду. А большие люди ево не любят, для того что он жесток, хочет многих казнить, и прислужитца к нему никто не умеет». Репутация эта имела под собой некоторое основание; например, из турецких источников русские посланники знали, что в 1618 г., когда Шагин Гирей сражался на стороне шаха Аббаса против Джанибек Гирея, он уничтожал попадавших к нему в плен знатных крымских людей, а черных татар всех отпускал в Крым и в ногаи. По прибытии в Крым Шагин Гирей начал с крутой расправы с мурзами и агами, своими старыми недругами; одних он казнил, других «изымал». Тот же Байбирин сообщал, что, когда Джанибек Гирей в сопровождении турецких войск высадился в Кафе, крымские князья и мурзы посылали к нему свои грамоты, чтобы он выходил из Кафы, а они все перейдут к нему. Есть и другое сообщение о том, что крымцы хлопотали перед султаном Мурадом о снятии Магмет Гирея и о возвращении Джанибек Гирея, потому что новый царь «бражничает и о государстве совсем не радеет», что при нем донские казаки разорили Старый Крым, чего при прежнем царе не бывало.[54]

Не только самоуправство Шагин Гирея, но самодержавная манера управления, усвоенная царем и калгой, была неприемлема для крымской знати, гордой своей древностью и своим традиционным влиянием на дела управления Крымом. Пытаясь низложить Магмет Гирея и Шагин Гирея, турецкое правительство имело, таким образом, поддержку внутри самого Крыма. Шагин Гирей нашел способ предотвратить подготовлявшуюся измену. «И калга де умыслил,— сообщал Байбирин,— разобрал надвое— старых лутчих людей отобрал к царю в полк, а детей их оставил у себя в полку и сказал всем людям, чтоб служили правдою, а будет что отъедет отец, и он повесит сына, а отъедет сын, и он повесит отца. И тем де укрепил всех людей».[55] Кроме собственных вооруженных отрядов, царь и калга стянули силы крымских татар, горских черкас; охотно пришли на помощь казыевские ногаи, и, что было особенно важно, Шагин Гирей договорился о помощи со стороны запорожцев, которым русские наблюдатели приписывали решающую роль в победе, одержанной Магмет Гиреем и Шагин Гиреем под стенами Кафы.[56] Под 2 августа посланники Дашков и Волков

[53] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 261—262.—Карасу в русских источниках всегда передается как Карасов.

[54] Крым. д. 1624 г., № 19, л. 15.—Турец. д. 1624 г., № 2, л. 284—285.—Крым. д. 1623 г., № 7, л. 235—236.

[55] Крым. д. 1624 г., № 19, л. 15.—Крым. д. 1623 г., № 7, л. 265—266.

[56] Турец. д. 1624 г., № 2, л. 305—306.—М. Грушевский, История украинского казачества, Киев, 1913—1914, т. II, с. 253—254. По турецким источникам, запорожцев было 800 человек, Шагин Гирей говорит — о трехстах.

записали в своем статейном списке, что Джанибек Гирей с царевичами и турецкий паша со всеми ратными людьми (6000 человек) выступили из Кафы, устроясь обозом. Магмет Гирей и Шагин Гирей штурмовали обоз, его разорвали, турских людей разбили и втоптали в море. На стороне царя и калги были и отчаянная решимость, и военная опытность, и численное превосходство сил. Победа была полной. На милость победителя сдались Азамат Гирей и другие пять царевичей с их семьями, Бек ага и другие мурзы и аги и несколько турецких пашей. Был захвачен весь наряд в количестве 33 пушек. Сам Джанибек Гирей и главный начальник турецкого войска паша с частью уцелевших янычар бежали на кораблях в Варну. Кафа сдалась победителям. Магмет Гирей вернулся в Бахчисарай, а Шагин Гирей остался в Кафе, побивая своих недругов и собирая золотые с кафинцев. В Кафу был назначен крымский паша. [57] Уже не первый раз турецкие летописи отмечали непослушание и даже открытые восстания крымских царей против султанов. Но на этот раз турецкие войска не только были наголову разбиты, но мятежные царь и калга добились отмены указа об отставке и своего утверждения от султана.[58]

Было совершенно очевидно для всех, а для Магмет Гирея и Шагин Гирея в первую очередь, что победа, одержанная ими, не была окончательной, что уступка турецкого правительства была лишь временной и вынужденной. Острота положения не была устранена, потому что в происшедшем столкновении, кроме связи Шагин Гирея с шахом Аббасом, обнаружилась другая, не менее для Турции опасная связь Крыма с запорожским казачеством и Польшей. Все это было вполне разгадано и должным образом оценено русским правительством. До него дошли слова самого султана Мурада IV, что он не может примириться с пребыванием в Крыму Магмет Гирея и Шагин Гирея, потому что последний приехал от злейшего недруга его шаха Аббаса, желающего владеть крымским царством, и что, сражаясь на стороне шаха, Шагин Гирей показал себя открытым врагом султана.[59] Положение стало еще более нестермимым с 1625 г., когда Турция возобновила войну с Персией. С начала 1625 до 1627 г., по сообщению русских посланников, султан неоднократно предъявлял к царю и калге требование о походе на шаха Аббаса, но каждый раз получал отказ. Иностранные источники говорят, что царь и калга отказывались, ссылаясь якобы на необходимость охраны собственных границ.[60] Очевидно, что настоящая причина заключалась в том, что Шагин Гирей был открытым врагом султана и союзником шаха Аббаса. Русские источники несколько раз ссылаются на заявления Шагин Гирея о его непримиримом отношении к султану и готовности биться с ним до конца, о постоянных сношениях его с шахом. Сохранилось письмо его к шаху Аббасу, в котором он заверяет шаха, что он сделает все от него зависящее, чтобы не оказать помощи султану в войне [61] против него, шаха. Письмо подписано: «Раб шаха Аббаса, Шагин Гирей».

Мы указали, что на помощь против турок в 1624 г. Шагин Гирей пригласил запорожцев. Отсюда возник в декабре того же года формаль-

---

[57] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 265—266.

[58] Zinkeisen, т. IV, с. 490—491.—Hammer, т. III, с. 36.

[59] Крым. д. 1625 г., № 4, л. 48.—Речи султана Мурада IV передал толмач Алмакай и татарин Мустафа, входившие в состав посольства Бегичева в Турцию, спасшиеся от гибели и вернувшиеся в Москву через Казыев улус в июне 1625 г. В Казыеве улусе они встретили Казы мурзу (племянника кумыцкого салтана Магмута), ездившего в Константинополь послом, который и слышал эти речи султана.

[60] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 119—121, 150, 153, 165—166.—Акты, собр. Тургеневым, II, с. 433.

[61] Крым. д. 1627 г., № 1, л.168.—Крым. д. 1624 г., № 19, л. 11.—Bellan, с. 270.—Zinkeisen, т. IV, с. 488—489.

ный союзный договор между Крымом и запорожцами, для чего сам Шагин Гирей ездил в Запороги. Это был первый договор казачества с Крымом, прообраз позднейших трактатов, сыгравших важную роль в истории запорожского казачества и Украины. Согласно этому договору, Шагин Гирей не только принимал обязательство удерживать татар от нападений на казаков, но и обещал им свою помощь.[62] Казаки со своей стороны обещали военную помощь Крыму против Турции. Договор этот был актом самостоятельной политики казачества; он давал ему опору в борьбе с польским правительством. Последнему договор был неприятен тем, что, усиливая активность казачества на Черном море, он осложнял отношения с Турцией, что было крайне нежелательно ввиду близкого разрыва с Швецией, а также тем, что затруднял задуманное правительством усмирение казачьего «своеволия».

Русские источники сообщают, что в конце 1624 г. калга отправил в Запороги большие запасы: 1000 овец, 300 коров, шарап, хлеб и приказал казакам готовиться к походу против Кантемира, ушедшего от Крыма, вероятно, во время борьбы с высадившимся в Кафе Джанибек Гиреем в июле — августе 1624 г. Такой поход действительно был им совершен при участии Малых ногаев. Шагин Гирей занял Белгород, но покинул его, узнав о посылке турецких войск. Он увел с собой Кантемира и его брата мурзу Гулима Дивеева с их улусами в Крым. С тех пор Кантемир оставался в Крыму до начала 1627 г. В Крыму Шагин Гирей снова привел к шерти крымских князей и мурз в верности себе в предвидении новой попытки турок свергнуть Магмет Гирея. Запорожцы, согласно договору, как сообщают посланники Прончищев и Болдырев, уже в марте 1625 г. двумя крупными флотилиями в 150 и 120 стругов отправились в поход в море оберегать от турок крымские улусы и воевать турецкие владения.[63] Так вступил в действие союзный договор Крыма с запорожцами.

Запорожцы твердо соблюдали условия договора до самого конца правления Магмет Гирея и Шагин Гирея в Крыму. Они решительно их поддерживали в их последней попытке вернуться в Крым в начале 1629 г. Нет надобности доказывать серьезность казачьей угрозы турецким владениям: нападения казаков связывали силы Турции в Черном море. Турецкое правительство не могло взять отсюда ни одной галеры. Эти нападения препятствовали заключению мира с Польшей. Турция не могла сосредоточить своего внимания и своих сил для борьбы с Персией. Казачество проявило себя силой, имевшей международное значение. В начале 1626 г. в турецких дипломатических кругах произвело настоящую сенсацию разоблачение сношений самого императора с запорожскими казаками с целью побудить их к нападениям на Турцию. Французский посол видел в этом разоблачении важный козырь в пользу своего мирного между Турцией и Польшей посредничества и своей деятельности против императора.[64]

---

[62] М. Грушевский, т. II, с. 250—256, 270. Грушевский считает, что переговоры о договоре с казачеством начались раньше.— Вся совокупность фактов говорит за то, что договор был делом Шагин Гирея. Об этом говорили сами запорожцы. На это указывал Шагин Гирей русским посланникам.

[63] М. Грушевский, т. II, с. 280—282.—Крым. д. 1624 г., № 6, л. 20—21.—Крым. д. 1624 г., № 19, л. 12—13.—Грушевский считает, что зимний поход Шагин Гирея в 1624—1625 г. окончился разгромом его Кантемиром. Очевидное недоразумение, убедительно опровергаемое данными русских источников.— См. М. Грушевский, т. II, с. 268. Полагаем, что Грушевский смешал поход Шагин Гирея на Кантемира в 1624 г. с другим походом, совершенным им в 1628 г. и действительно закончившимся поражением Шагин Гирея.— Шарап — вино (виноградное).

[64] Акты, собранные Тургеневым, т. II, с. 430—433.— М. Грушевский, т. II, с. 275—278. Здесь обстоятельные сведения о казачьих походах на турецкие владения в 1625 г.

Вследствие всего этого союз Крыма с казачеством вызывал в Турции такое же опасение, как и связь его с Персией.

Для всего дальнейшего хода событий в Крыму характерна еще одна черта, подмеченная русскими посланниками,— это расхождение между царем и калгой во взглядах на направление крымской политики. Оно касалось, прежде всего, самого основного вопроса — отношения к Турции, откуда проистекали и дальнейшие разногласия. Магмет Гирей с оружием в руках боролся за свою власть в Крыму, но затем, одержав победу над турками, он стремился к примирению с султаном. Он здраво рассудил, что вопреки воле султана прочно утвердиться в Крыму невозможно. Ничего невероятного в достижении примирения с турецким правительством не было: Магмет Гирей мог убедиться по собственному опыту и по ряду других примеров, что в тот период турецкое правительство нередко прощало прямых мятежников и не только прощало, но давало им высокие правительственные назначения. Прошлая история Крыма знала подобные же факты: так был прощен за прямое неповиновение султану, оставлен в Крыму, благополучно и не без славы царствовал там дед Магмет Гирея Казы Гирей.

Главным препятствием для достижения примирения с султаном было вызывающе враждебное поведение Шагин Гирея. Для последнего, как орудия персидской политики, никакое примирение с Турцией было невозможно. Для объяснения явного расхождения между царем и калгой нет надобности предполагать существование какого-то хитроумного распределения ролей между ними. В крымской правительственной практике вообще редко можно было наблюдать случаи дружного сотрудничества царей с их соправителями. «Рознь» и «ссора» между царями и их соправителями были явлением обычным. Дело нередко доходило до участия калги или нурадына в заговорах против царей, мятежах и убийствах. Помимо соперничества и борьбы за власть среди самих многочисленных царевичей-гиреев, в этом было повинно также турецкое правительство, которое, назначая в Крым царя, обычно подбирало ему и его соправителей, руководствуясь отнюдь не задачей создания в Крыму сильной власти. Почему между Магмет Гиреем и Шагин Гиреем дело не дошло до открытого столкновения, мы не знаем, но документы дипломатической переписки дают ряд указаний на то, что братья по разным поводам ссорились между собой и не доверяли друг другу.

Расхождение обнаружилось между ними тотчас же после сражения под Кафой. В сентябре 1624 г. в Крым был прислан турецкий чауш со знаками признания Магмет Гирея и Шагин Гирея правителями Крыма. Московский гонец Кирилл Байбирин передавал, что султан не предъявлял царю и калге никаких требований, кроме освобождения взятых в плен турецких пашей, возвращения наряда и восстановления турецкой власти в Кафе. Магмет Гирей согласился пойти на это. Шагин Гирей резко протестовал против уступок султану, которому он «до смерти своей служить не хочет», напротив царь говорил, что он от султана «хоти ему умереть, не отстанет».[65]

Нельзя поручиться за точность передачи речей, которыми обменялись между собой братья, но что речи, вложенные в их уста Байбириным, вполне соответствовали расхождению братьев по вопросу об отношении к турецкой власти, подтверждается всеми последующими событиями. Шагин Гирей не бунтовал прямо и открыто против своего брата, но часто действовал вразрез с политикой и намерениями царя. Весной 1625 г. в Крым прибыли новые турецкие войска. Магмет Гирей вышел к ним на-

[65] Крым. д. 1624 г., № 19, л. 9—10.

встречу и бил челом, что он против султана не стоит и с ним не бьется. Шагин Гирей с сопровождавшим его отрядом кизылбашских людей бежал из Крыма на Узу [66] и стал с кизылбашскими людьми «в луке в крепи» и ночевал в судах, готовый в любой момент к бегству. Он призывал к себе Малых ногаев, которые и на этот раз обещали ему свою помощь. В этот трудный для себя момент Шагин Гирей отказал бежавшему к нему из орды Больших ногаев Ак Мурзе Байтерекову во вмешательстве в дела орды против Москвы. Шагин Гирей приостановил также подготовлявшийся казыевцами набег на Русь.[67] Турки, наученные горьким опытом, проявили осторожность. Вооруженного столкновения не произошло. Они упрочили свою власть в Кафе, усилили там гарнизон, но пока не тронули царя и калги.

В июле 1625 г. султан предъявил Магмет Гирею и Шагин Гирею требование немедленно выступить в поход против польского короля, если хотят остаться в Крыму; если же они хотят заодно с польским королем и запорожцами стоять против султана, то он готов к войне с ними. Это требование султана следует поставить в связь с усилившимися нападениями запорожцев на турецкие владения и поражениями, нанесенными ими турецкому флоту. Турецкое правительство добивалось разрыва крымско-казачьего союза и, как оно подозревало, соглашения Крыма с Польшей. Турция вообще не отделяла запорожцев от Польши и считала последнюю ответственной за «своеволие» запорожцев. Магмет Гирей сразу же заявил о своей готовности воевать с польским королем, но только выразил желание, чтобы обращение султана к нему было выполнено по обычной форме. Через месяц, в августе, из Константинополя прибыл новый чауш с кафтаном, саблей и грамотами султана о походе на польского короля под угрозой немедленного снятия в противном случае с престола. После того у царя был большой съезд с князьями, мурзами и иными многими крымскими людьми, на котором был решен поход на Литву по первому льду.[68]

Посланники Скуратов и Посников сообщили в Москву еще одно любопытное известие о том, что осенью 1625 г. запорожцы обращались к царю за помощью против поляков, которые их побивают, берут в полон и захватывают их городки. Запорожцы предлагали организовать поход на поляков общими силами, на что Магмет Гирей выразил свое согласие.[69] Обращение запорожцев к крымскому царю за помощью вытекало из союзного между ними договора. Но одного этого мало для объяснения создавшегося своеобразного противоречивого положения, в силу которого к походу на Польшу по инициативе турецкого правительства присоединялись казаки, морские походы которых, главным образом, порождали турецко-польскую борьбу. Необходимо припомнить положение, в котором оказалось украинское казачество после известного Куруковского соглашения 3 ноября 1625 г. Поход гетмана Конецпольского застал казаков неготовыми к борьбе и вынудил их пойти на невыгодное для них соглашение. Куруковские «ординации» предусматривали установление казачьего реестра в 6000 человек, вследствие чего огромная масса казаков попадала в разряд «выписчиков». Избираемый реестровыми казаками гетман утверждался польским гетманом именем короля, казаки должны были покинуть шляхетские и духовные имения, отказаться от самостоятельных дипломатических сношений с кем бы то ни было, должны были прекратить походы на Черное море, сжечь свои лодки и т. п. Куруковское соглашение в значительной

---

[66] Оза, Озу, Уза— по-турецки — Днепр. См. Д'Асколи в Зап. Одесс. об-ва, вып. 24, с. 96—97.

[67] Крым. д. 1625 г., № 4, л. 49, 174—175.

[68] Крым. д. 1624 г., № 6, л. 90—94.—Крым. д. 1625 г., № 4, л. 48.

[69] Крым. д. 1626 г., № 1, л. 30 (сообщение толмача Мясоедова).— Крым. д. 1627 г., № 1, л. 147 (вестовой список Скуратова и Посникова).

мере осталось на бумаге.[70] Известно, что Мих. Дорошенко, избранный гетманом в конце 1625 г., прилагал все усилия, чтобы выполнить условия Куруковского соглашения, заставить казаков прекратить морские походы, заставить их сражаться на стороне поляков против татар и тем заслужить милость и уступки со стороны польского правительства. Все эти попытки были тщетны. Громадная масса нереестровых казаков не признавала соглашения. Польскому правительству не удалось разорвать союза Запорожья с Крымом. В свете этих данных следует признать, что сообщения русских источников об обращении запорожцев к Магмет Гирею за помощью против Польши и об участии их затем в походе татар на Польшу соответствуют действительности.[71]

Московские посланники Скуратов и Посников сообщают, что 12 декабря 1625 г. Магмет Гирей и нурадин Азамат Гирей [72] начали поход в Польшу. В походе участвовало до 60 тыс. крымцев и ногаев и турецких войск из Белгорода до 20 тысяч. Татары воевали под Баром, Галичем, Львовом и в Великой Польше. Поход был тяжелым для татар. Они понесли крупные потери убитыми и пленными (до 10 тыс.), было потеряно огромное количество лошадей (до 40 тыс.). Татары возвращались из похода весной следующего года, и масса их погибла при переправе через Днестр, лед на котором в то время уже тронулся. Вернулись татары в Крым в средине апреля 1626 г. Все же они привели в Крым, по сообщению русских посланников, до 50 тыс. полона.[73]

Весной 1626 г. султан повторил свое требование о новом походе крымцев на Польшу. На этот раз Магмет Гирей направил в поход Кантемира. Сам царь и калга обещали итти в поход, но опасались покинуть Крым, потому что, по русским сведениям, между ними была рознь и друг другу они не верили.[74]

В августе того же года на Польшу совершил нападение нурадын Азамат Гирей; царь и калга в поход не ходили. Нурадын воевал киевские места, он понес тяжелые потери и вернулся в Крым 19 октября.[75]

---

[70] М. Грушевский, т. II, с. 296—307.—Казачий реестр (список) возник еще в XVI в. Только казаки, внесенные в реестр, юридически признавались таковыми и пользовались всеми казацкими правами и привилегиями: владели землями, свободными от феодальных повинностей, подчинялись своей особой казачьей юрисдикции, имели свою общевойсковую и полковую организацию, получали от правительства жалованье. Целью реестров было поставить казачество под контроль польского правительства, поставить его на службу правительству и расколоть казачество. Реестр в 6000 человек, установленный Куруковским договором, оставлял за бортом огромную массу оказачившегося посполъства, которое должно было вернуться в прежнее крепостное состояние. Не вошедшие в реестр казаки составили категорию «выписчиков»; выписчики не желали подчиняться решениям Куруковского договора и продолжали свои «своевольства». Центром этой части казачества сделалось Запорожье.

[71] М. Грушевский, т. II, с. 336—337.—В изложении Грушевского имеется ряд неясностей и противоречий, объясняемых тем, что им не были использованы документы русской дипломатической переписки. Так, он утверждает, что летом 1625 г. полякам удалось разорвать союз Крыма с казаками, и что будто бы Шагин Гирей «продал» своих союзников (с. 232). Но все это опровергается показаниями русских источников, известных еще Соловьеву (кн. 2, с. 1480). С другой стороны, если бы разрыв между казаками и Крымом произошел еще летом 1625 г., гетману Конецпольскому не было бы никакой надобности при заключени Куруковского соглашения добиваться разрыва казацко-крымского союза (Грушевский, т. II, с. 287, 292, 293).

[72] Назначение Азамат Гирея нурадыном было, может быть, сделано в угоду Турции.

[73] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 119—121, 150.

[74] Крым. д. 1625 г., № 4, л. 142—143.

[75] Крым. д. 1625 г., № 8, л. 121—122. — Крым. д. 1627 г., № 1, л. 117—118. Грушевский относит поход Магмет Гирея к февралю 1626 г. и считает его неожиданным и нелогичным. Неизвестен ему остался поход Кантемира (т. II. с. 342—343). В свете данных русских источников все эти неточности и неясности легко разъясняются.

Между Магмет Гиреем и Шагин Гиреем не было полного согласия в вопросе об отношении к Польше. Шагин Гирей, повидимому, был готов пойти на союз, помимо договора с запорожцами, с самой Польшей. Он сносился с Польшей еще в 1624 г., предупреждал поляков о походе Магмет Гирея зимой 1625—26 г. Все эти намерения Шагин Гирея шли в разрез с политикой Магмет Гирея и планами запорожских казаков, которые вовсе не хотели превращения своего союза с Крымом в союз крымско-польский. Русские источники сообщают, что уже после своего бегства в Запороги в 1628 г. Шагин Гирей намеревался по приглашению короля уйти в Польшу, но казаки его не отпустили.[76]

С тою же наблюдательностью, с какой русское правительство и его посланники разобрались в международных противоречиях, установили расхождения в политике царя и калги, отметили они внутреннюю слабость их власти вследствие оппозиции крымской знати и роста недовольства среди более широких кругов крымского населения. Враждебность крымской знати к Магмет Гирею обнаружилась вскоре же после его воцарения. Расправы, учиненные Шагин Гиреем, еще более обострили неприязнь к ним. Уже при первом столкновении летом 1624 г. с турками под Кафой им пришлось для предупреждения измены со стороны крымской знати прибегнуть к мерам устрашения и помощи запорожцев, а также Малых ногаев, вызванных в Крым. Не без основания, конечно, царь и калга подозревали князей и мурз, а также и придворных ближних людей в замыслах против них в пользу старого царя Джанибек Гирея. Под таким подозрением находился, например, московский амият Ибреим паша Сулешев. Как сам он говорил московским посланникам, Шагин Гирей хотел его убить. Ибреим паша избегал показываться на глаза Шагин Гирею, что понимал Шагин Гирей и над чем открыто издевался.[77]

Сдавшиеся на милость победителей в 1624 г. аги и мурзы после битвы под Кафой вели против царя и калги тайную агитацию. В начале 1625 г., когда в Крыму ждали военного турецкого вмешательства, калга снова приводил к присяге князей и мурз. 2 июля 1626 г. Шагин Гирей, явившись на двор Бек аги, убил его и, уходя со двора в состоянии бешеного раздражения, сломал себе ногу.[78] Едва ли кто другой из состава придворной знати имел более оснований мечтать о возвращении Джанибек Гирея, чем Бек ага. Он был первым человеком при Джанибек Гирее. Сопровождая его в 1618 г. в кизылбашский поход, Бек ага попал в плен к шаху, когда на его стороне против татар сражался Шагин Гирей. При удалении Джанибек Гирея из Крыма в 1623 г. он выехал вместе с ним, с ним же вернулся в Крым в 1624 г. Не менее важно было то, что царь и калга довольно быстро потеряли свою популярность среди «мелких» людей. Уже от конца 1625 г. мы имеем сообщение толмача Ф. Мясоедова о том, что в Крыму царя и калгу «служилые и черные люди не любят, для того что калга озорничает, многих побивает, а царь за них не стоит. А радеют де крымские люди о том, чтобы у них быть прежнему Джанибек Гирею царю».[79]

Кризис достиг полного развития в 1627 г. Начался он разрывом между царем и калгой и ногайскими мурзами. Мы знаем, что глава ногаев Кантемир мурза был вынужден уступить силе и подчиниться Магмет Гирею и Шагин Гирею. Сам он и все его улусы были приведены к повиновению царем еще в 1623 г. Зимой 1624—25 г. Шагин Гирей снова привел его в Крым и с тех пор не выпускал из рук. Зимой 1627 г., повидимому, в фев-

[76] Крым. д. 1628 г., № 11, л. 11—13.—М. Грушевский, т. II, с. 253—255, 335—336, 361—365.
[77] Крым. д. 1624 г., № 6, л. 27.
[78] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 76.
[79] Крым. д. 1626 г., № 1, л. 31.

рале, царь Магмет Гирей совершил поход на бесленейских черкас. Брат Кантемира Салмаша мурза Дивеев, пользуясь удобным случаем, свел личные счеты с царским тестем, черкасским мурзой и убил его.[80] Совершив убийство, Салмаша мурза со своими ногаями (до 1000 человек) бежал от царя. С ним бежали мурза Алей Батырбеев Дивеев с братьями и племянниками (13 мурз). Царь поспешил известить о происшедшем калгу, остававшегося к Крыму, с приказом схватить Кантемира. Но, очевидно, предупрежденные раньше Кантемир, Нарт Кирей Батырбеев Дивеев, Урак мурза с братом и племянниками и всем Дивеевым родством и улусами успели уйти из Крыма.[81] 10 мая калга посылал за Кантемиром в погоню татар и стрельцов 1000 человек, но безуспешно: Кантемир часть их перебил (200 человек), а часть (500 человек) татар передалась на его сторону. Шагин Гирей лишь успел перехватить семьи бежавших мурз. Русские, турецкие и иностранные источники (Асколи) единодушно говорят о жесточайшей расправе, совершенной Шагин Гиреем над женами бежавших из Крыма ногайских мурз: Шагин Гирей зажарил их на медленном огне.[82] Предполагаем, что в этот именно момент вместе с Кантемиром бежал из Крыма нурадын Азамат Гирей, потому что в следующем году он участвовал в попытке низложения Магмет Гирея и Шагин Гирея и пришел в Крым с Кантемиром. Участие в заговоре против царя и калги нурадына Азамат Гирея показывает, как ненадежно было их положение в Крыму и как глубоко проникла оппозиция им. Кантемир явился к султану с самым энергичным настоянием изгнать Магмет Гирея и Шагин Гирея и посадить в Крыму Джанибек Гирея.

В мае — июне в Крыму стало известно о том, что Джанибек Гирей изъявил готовность, в случае возвращения своего в Крым, помогать султану в кизылбашской войне. Тогда же, очевидно, турецкое правительство решило сделать новую попытку снять Магмет Гирея и Шагин Гирея. Но предварительно оно предъявило им требование о походе на Польшу. Покинуть Крым при создавшемся положении было для них рискованно. Московские посланники С. Тарбеев и И. Басов сообщали, что царь и калга не решались выйти из Крыма и посылали в Польшу кн. Гулима Дивеева с его татарами. Сам калга собирался в союзе с запорожцами воевать турецкие города и добиваться возвращения Кантемира с братьями. Как сообщали те же посланники, царь и калга не имели мира с Польшей и «с турским ни в миру, ни в брани». Они готовились к войне: готовили пушки и порох. «Не проча» себе Крыма, они начали беспорядочный грабеж всех богатых людей, татар и евреев, и отсылали награбленное: Магмет Гирей — в Константинополь, а Шагин Гирей — к шаху, где рассчитывал снова укрыться.[83]

---

[80] Салмаша мурза был двоюродным братом Кантемира. Примечания к запискам Д'Асколи, Зап. Одесс. об-ва, вып. 24, с. 164.

[81] Князь Алей Батырбеев и Нарт Кирей Батырбеев — дети упоминавшегося выше Богатырь Гирея Дивеева, племянники Кантемира мурзы.

[82] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 121, 195—196. Д'Асколи сообщает сведения, уясняющие основания обостренной личной вражды Кантемира к Магмет Гирею и Шагин Гирею. Еще в конце 20-х годов черкасский князь, зять Магмет Гирея, убил одного из братьев Кантемира. Салмаша мурза, убивая этого царского зятя, мстил за убийство своего брата (Зап. Одесс. об-ва, вып. 24, с. 107—108). Посланники Дашков и Волков иначе определяют родство убитого черкасского князя с царем: они упоминают под 31 июля 1624 г. об отъезде из Крыма тестя царя Магмет Гирея черкасского князя Казыя (Крым. д. 1623 г., № 7, л. 18). По русским источникам, пытке и казни подверглись жены многих ногайских мурз, в том числе жена кн. П. Урусова.

[83] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 156, 196.—Крым. д. 1628 г., № 1, л. 8—9.—Д'Асколи, с. 108.—Акты, собр. Тургеневым, т. II, с. 433. Одновременно с походом на Польшу султан потребовал участия царя и калги в построении городов на Днепре, чтобы закрыть казакам выход в море. (Об этом русские источники — Крым. д. 1627 г. № 1,

События 1628 г. известны нам до сих пор по источникам турецким (у Гаммера, Цинкэйзена, Иорга, В. Д. Смирнова), украинским (у Грушевского) и по описанию Д'Асколи, жившего в то время в Кафе, но описавшего их лишь в 1634 г. Мы отдаем предпочтение отпискам московских посланников С. Тарбеева и И. Басова, прибывшим в Крым 30 октября 1627 г. Их записи современны событиям и составлены по самым непосредственным наблюдениям. Посланники дают наиболее последовательное и точное их описание. Сообщения посланников могут быть пополнены лишь отдельными частностями, главным образом, из рассказа Д'Асколи.

Не входя в подробности, мы можем представить себе следующим образом весь ход событий. Магмет Гирей и Шагин Гирей смело готовились отразить силу силой и распределили между собой роли. Магмет Гирей остался в Крыму, ожидая высадки Джанибек Гирея с турецкими войсками, а Шагин Гирей должен был предупредить вторжение в Крым Кантемира со стороны Перекопа. Выйдя из Крыма 26 февраля 1628 г., Шагин Гирей подверг погрому местность под Белгородом (Аккерманом), проник до Дуная, где воевал Килию, Измаил, пытался проникнуть в Бабадаг, но здесь на него внезапно напал Кантемир со свежим 30-тысячным войском и нанес ему решительное поражение. Мало что уцелело от войска калги, и сам он едва спасся, переправившись через Дунай на лодке. 23 апреля, как сообщают посланники, Шагин Гирей «прибежал в Крым не со многими людьми». Вслед за ним 29 апреля в Крым ворвался Кантемир «со всеми людьми». Крым стал снова ареной войны. Царь предложил посланникам укрыться в Чуфут-Кале. Кантемир осадил царя и калгу в Бахчисарае. Часть его татар подходила к Чуфут-Кале, и посланники, вместе с жителями, отбивались от татар. В течение трех недель Кантемир держал царя и калгу в осаде в Бахчисарае, когда на помощь к ним пришли в числе 6000 человек (по Д'Асколи — 4000 человек) запорожцы с гетманом Дорошенко во главе. Кантемир вышел им навстречу. Бой произошел в 4 верстах от Бахчисарая на р. Альме. В этом бою погиб гетман Дорошенко, черкас было убито до 100 человек, татары потеряли до 200 человек. Кантемир не смог задержать продвижения черкас к Бахчисараю с обозом и нарядом. Казаки выбили Кантемира из его табора и заняли его. Царь и калга щедро вознаградили черкас, давали им деньги, платье и лошадей. В этот момент у русских посланников были отобраны все лошади. Нурадын Азамат Гирей, пришедший в Крым вместе с Кантемиром, бежал в Белгород под защиту турок, а Кантемир и кн. Петр Урусов ушли под Кафу. Но царь и калга с помощью запорожцев сбили их со станов, загнали в Кафу и здесь осадили. Посланники сообщают, что царь и калга били по Кафе из наряда и ходили к ней приступом. Д'Асколи отмечает нерешительность царя Магмет Гирея, который медлил, не желая покушаться на владения султана. Украинские источники говорят, что царь «жалел» турок, опасаясь резни в случае взятия Кафы. Эта нерешительность в значительной степени предопределила исход событий.

21 июня в Кафу морем пришел Джанибек Гирей и прежний калга Девлет Гирей с турецкими войсками на 60 каторгах и 20 кораблях. В этот момент русские посланники сделали попытку переслать в Москву отписку через донских казаков, которые в небольшом числе находились среди запорожцев. Служилый татарин Ангильдей Бинюков не мог выполнить поручения, вследствие происшедшего в тот момент полного распада всех

л. 196; донесения французского посла от 1627 г. в актах, собранных Тургеневым, т. II, с. 432—434). Крымцы явно саботировали этот турецкий проект. Иное освещение неудавшейся попытке построения крепостей на Днепре, будто бы по инициативе Магмет Гирея, дает М. Грушевский. Он ссылается при этом на донесение французского посла, которое указаний на это не содержит (т. II, с. 349—351).

вооруженных сил царя и калги и водворившейся в Крыму анархии. Он сообщил, что после высадки турецких войск все ближние люди «отъехали» к царю Джанибек Гирею, а татары массами покидали прежних царя и калгу. На этот раз уже никто из крымцев не пожелал за них сражаться. Единственной их опорой остался отряд запорожцев; царь и калга, замечают посланники, «сильны были черкасы».[84]

Итак, при Магмет Гирее и Шагин Гирее Крым сделался центром сплетения противоречивых международных интересов: кроме Турции, Персии и Польши, заинтересованных непосредственно в политике новых крымских правителей, в крымской смуте косвенно были замешаны император и испанский король, потому что, благодаря смуте, вооруженные силы Турции, сухопутные и морские, были скованы в Причерноморье. Франция и Англия стремились к тому, чтобы освободить турецкие силы и вовлечь их прежде всего в европейские дела. Международные комбинации, связанные с Тридцатилетней войной, продолжали отражаться и на отношениях восточно-европейских стран. Не менее сложное развитие получили в эпоху Магмет Гирея и Шагин Гирея и внутрикрымские отношения.

Русское правительство не могло бы построить никаких планов собственной внешней политики, не учитывая международной обстановки. Дипломатическая переписка доказывает, что русское правительство обладало достаточно широкой осведомленностью в области международных отношений. По вопросам же внутренней жизни Крыма данные дипломатической переписки далеко превосходят по своей ценности все другие источники. Из необычайно разнообразного материала, поступавшего в Посольский приказ, русские дипломатические деятели умели критически отбирать достоверное и существенное и делать правильные выводы. Посланники были надежными исполнителями дававшихся им поручений, умевшими сочетать строгое следование наказам с инициативой, когда этого требовали обстоятельства. Искусство собирания сведений, метких наблюдений, точной и яркой их передачи — обычные свойства московских дипло-

---

[84] Рассказ о событиях 1628 г. см. в отписках посланников Тарбеева и Басова (Крым. д. 1628 г., № 1, л. 94—96).—Грушевский ведет рассказ на основании турецких источников, которые признает краткими и неполными (т. II, с. 356—359). К какой путанице может привести использование одних только турецких источников, показывает изложение событий времени Магмет Гирея у В. Д. Смирнова. Он ошибочно говорит о каком-то поражении Шагин Гирея Кантемиром в 1624—1625 гг. К тем же годам им отнесено убийство Шагин Гиреем «богатыря Мурзы-бека» (очевидно, быв. ближнего человека Джанибек Гирея — Бек аги). Между тем это убийство произошло 2 июля 1626 г. К тем же годам отнесена расправа с семьей Кантемира и других мурз Дивеева родства, что произошло в действительности в 1627 г. Свержение Магмет Гирея и Шагин Гирея и начало второго правления Джанибек Гирея отнесено к 1627 г., хотя все это произошло летом 1628 г. К 1629 г. отнесены вторжение в Крым Магмет Гирея совместно с донскими казаками и погром ими Карасова, но такого вторжения не было: битва с Магмет Гиреем произошла за Перекопом; Магмет Гирей и Шагин Гирей опирались отнюдь не на донских казаков, а на запорожцев; Карасов действительно был погромлен донскими казаками в апреле 1629 г., но без участия в нападении Магмет Гирея и Шагин Гирея и т. п. (В. Д. Смирнов, с. 481—497).

Гораздо точнее описание событий 1628 г. у Д'Асколи. А. Бертье де Лагард совершенно справедливо предпочитает его «Описание» турецким источникам. Он проверил рассказ Смирнова на основании Д'Асколи и путем анализа собственного рассказа Смирнова. Все эти изыскания комментатора были бы совершенно излишни, если бы ему были известны статейные списки и отписки московских посланников в Крыму. Бертье де Лагарда соблазнила «точность» рассказа Д'Асколи по дням и часам. Между тем совершенно очевидно, что он писал по памяти и точность его рассказа мнима. Например, Д'Асколи относит прибытие Джанибек Гирея в Кафу к 29 июня 1628 г., но к этому дню не только вся борьба под Кафой была закончена, но Джанибек Гирей уже находился в Бахчисарае. Д'Асколи относит гибель Магмет Гирея к 1628 г., между тем он погиб в 1629 г. (Зап. Одесс. об-ва, вып. 24, с. 166—168).

Огромные преимущества имеют перед всеми прочими источниками статейные списки московских посланников и их отписки.

матов. Эти свойства проявляли не только послы и посланники, но и дипломатические агенты второстепенных рангов, как гонцы, переводчики и толмачи, в большинстве своем из служилых татар; это были глаза и уши посланников. В течение многих лет службы в посольствах в Крыму они завели знакомства среди разнообразных слоев крымского населения, приобрели опыт и ловкость, благодаря которым они могли проникать туда, куда посланникам по их положению, не было доступа.

Все описанные выше наблюдения, которые велись русским правительством с таким старанием, были необходимы ему, чтобы взвесить и определить шансы на сохранение мира на юге. Факты говорили о том, что благоприятная для Московского государства международная ситуация на юге, сложившаяся в предшествующее царствование Джанибек Гирея, не изменилась к худшему при его преемниках. Примирение между Турцией и Крымом было невозможно, вследствие связи Магмет Гирея и Шагин Гирея с главными врагами Турции — Персией и запорожскими казаками. Союзные отношения с запорожцами, поощрявшие боевую активность казачества на Черном море, препятствовали установлению мира между Турцией и Польшей, углубляли состояние вражды между ними. По причинам, выясненным выше, отпадала опасность объединения сил Крыма и польского правительства против Московского государства. Русское правительство могло с достаточным основанием считать, что Магмет Гирей и Шагин Гирей безнадежно запутались во враждебных Турции внешнеполитических комбинациях, вследствие чего над ними непрерывно в течение всего пребывания их в Крыму висела угроза лишения власти. Русское правительство установило также, что между царем и калгой нет согласия по ряду важнейших вопросов, что между ними и крымской знатью, а в дальнейшем и более широкими кругами населения, нарастала неприязнь, что они все более теряли опору внутри Крыма и держались репрессиями и посторонней силой. Все это связывало свободу поведения царя и калги по отношению к Московскому государству. Они не могли рисковать нарушением с ним мира и вынуждены были соблюдать его. Даже неукротимый Шагин Гирей, носившийся с воинственными планами, вынужден был уступать необходимости, смирять свои порывы и сохранять мир с Москвой.

Московское правительство не ошиблось в оценке общего положения Крыма. Действительно, в течение всех лет правления Магмет Гирея и Шагин Гирея крымцы не нападали на московскую украйну. Однако эти мирные отношения не вытекали автоматически из затруднительного положения царя и калги. Мы уже указывали, что во взглядах братьев на различные вопросы крымской политики не было единства; точно так же расходились они между собой и по вопросу об отношении к Московскому государству. В конечном счете Магмет Гирей проявил достаточно авторитета и настойчивости, чтобы сдерживать агрессивные порывы своего брата. С другой стороны, московскому правительству нельзя было ограничиться одним пассивным наблюдением за развитием событий и отношений в Крыму и пользоваться миром на южных границах, как их необходимым следствием: ему приходилось все время сохранять бдительность, принимать со своей стороны энергичные меры или устранять по возможности поводы к конфликтам. Такая политика русского правительства естественно вытекала из того, что вся она в целом в тот период была подчинена одной основной цели — подготовке к войне с Польшей.

С самого начала Магмет Гирей не чувствовал уверенности в прочности своего положения в Крыму. Он постарался с первых шагов доказать турецкому правительству свое вполне лояльное к нему отношение, совершив по распоряжению султана поход против Кантемира. Его интересовало, не угрожают ли ему другие его соседи. Уже в конце 1623 г. он посылал

в Азов, в Казыев улус, к горским черкасам и в орду Больших ногаев для разведки, кто ему друг и кто недруг. Он сразу же заявил московским посланникам о своей готовности сохранять мир с русским правительством. Такое решение диктовалось соображениями простого благоразумия, ибо нельзя было осложнять и без того неустойчивого своего положения. Более того, у царя, повидимому, не было уверенности в том, что русское правительство так же мирно настроено по отношению к Крыму. Он допускал возможность соглашения между Польшей и Москвой против Крыма.[85] Поводом к подозрениям были нападения астраханских татар на крымские улусы с целью отгона лошадей — факты самые обычные между татарами, но царь подозревал в этих нападениях руководство астраханских воевод. Московское правительство вовсе не хотело осложнений с Крымом по таким ничтожным поводам, оно приняло меры к прекращению нападений, к розыску и возврату отогнанных лошадей, о чем известило Магмет Гирея.[86]

Гораздо более серьезные претензии возникали по поводу частых и разорительных нападений донских казаков на Крым. Но и в этом случае русское правительство принимало меры, извещало о них Магмет Гирея, и старалось убедить его в своей непричастности к казачьим нападениям. Был ли царь убежден этими доводами, мы не знаем; во всяком случае, даже погромы донских казаков не привели к дальнейшему осложнению отношений. Магмет Гирей писал в Москву грамоты со всевозможными требованиями и в довольно высокомерном тоне, но никогда не доводил их до того предела, за которым мог бы последовать разрыв мирных отношений. Он с самого начала потребовал значительного увеличения поминок, что повторял в последующие годы не один раз. В этом он следовал примеру всех крымских царей. Но вечный торг о шубах и соболях принадлежал к числу тех спорных вопросов, которые сами по себе не бывали причиной нарушения мира. Показательным для отношения Магмет Гирея к московскому правительству было обращение его с посланниками. Даже в самые острые моменты царь лично не допускал грубостей и, тем более, не предписывал никому совершать над ними насилия. Редкий из крымских царей проявлял подобную сдержанность. Даже слабый и безличный Джанибек Гирей не стеснялся осыпать русских посланников непристойной бранью. Между тем, властный характер Магмет Гирея, его «жесточь» давали как будто бы основание ожидать еще худшего обращения. Посланники отметили лишь один случай насильственного вымогательства добавочных подарков сыну царя, ближнему человеку Алгазы аге и другим придворным людям в конце 1627 г. Однако и в этом случае дело не заходило далее угроз и брани.[87] По крымским нравам такое обращение считалось не выходящим из нормы и не помешало посланникам Тарбееву и Басову скрыть часть поминок на довольно значительную сумму. Мы увидим далее, что, когда крымцы желали вырвать у посланников все, что привозили они в Крым, и добивались совершенно сверхсметных выдач, они применяли средства, превосходившие человеческую выносливость. В такого рода насилиях ни один посланник не обвинял Магмет Гирея. Мало того, он пытался неоднократно удержать от насилий над русскими посланниками Шагин Гирея. Словом, русское правительство очень скоро убедилось, что «никакого лиха» не угрожает ему со стороны царя.

Совсем иным было отношение к московскому правительству Шагин Гирея. В нашем изложении приведено достаточно разнообразных сведе-

[85] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 148.

[86] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 149.—Крым. д. 1624 г., № 6, л. 113.—Крым. д. 1624 г., № 9, л. 20—23.—Крым. д. 1626 г., № 1, л. 13.—Крым. д. 1627 г., № 1, л. 57—60.—Дворц. разр., т. I, с. 835—844.

[87] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 18.

ний и фактов, рисующих личность Шагин Гирея. В обстановке ослабления центральной власти, постоянных мятежей в столице и в провинции огромной Турецкой империи, частой смены руководящих правительственных лиц постоянно выдвигались из среды служилого класса и правительственного персонала такие же, как Шагин Гирей, смелые честолюбцы и авантюристы, которым удавалось осуществлять свои планы, достигать самых высоких постов или утверждать свою власть над обширными областями наподобие независимых царьков. Таким был, например, в годы пребывания Магмет Гирея и Шагин Гирея в Крыму знаменитый Абаза паша, поднявший мятеж против султана в Малой Азии, продержавшийся там в течение пяти лет и оставшийся безнаказанным. К типу таких именно авантюристов принадлежал Шагин Гирей. Его личные свойства, несомненно, отражались на характере его отношений к московскому правительству. Не менее важным было также и то, что Шагин Гирей проводил не только свою личную политику, но действовал по указанию шаха Аббаса. Появление Шагин Гирея в Крыму вносило неустойчивость в московско-крымские отношения; именно он причинил московскому правительству те неприятности, которые нарушали общий мирный тон этих отношений.

Рассмотрим основные факты, характеризующие поведение Шагин Гирея по отношению к московскому правительству. Шагин Гирей впервые принял русских посланников Дашкова и Волкова 24 мая 1624 г., т. е. как раз во время поготовки к борьбе с высадившимся в Крыму Джанибек Гиреем. Шагин Гирей начал с того, что решительно отказался принести шерть в соблюдении мира с московским государем. Он сказал посланникам, что московский государь сам нарушил шерть тем, что по его посылке донские казаки взяли Старый Крым и людей побили. Шагин Гирей угрожал помириться с польским королем и итти войной на Русь. Он принесет мирную шерть лишь при одном условии — сведении казаков с Дона. Калга явно шел вразрез с Магмет Гиреем, который уже шертовал московскому государю. Однако сам Шагин Гирей тут же признался, что шах Аббас «велел» ему блюсти мир с московским государем, поэтому воевать с ним он не будет. После этих бессвязных заявлений Шагин Гирей отпустил посланников и даже предложил им «достаканы» с медом. Посланники отказались от этой любезности, ввиду того что дело не было доведено до конца. Шагин Гирей нашел присланные ему поминки недостаточными; прислано де их «в треть» тех поминок, привоз которых в Крым он наблюдал в своей молодости при дяде Фети Гирее. Вообще московский государь посылает много султану и шаху, а их, крымских царей, «ни во что поставил». По его приказу посланников били, бесчестили и «сильно грабежем» взяли у них остатки казны. От ближних людей посланники узнали, что царь требовал от калги прекращения насилий, на что калга отвечал, что он и не делает ничего дурного, а лишь «спрашивает с них поминков, чего к нему не довезли».[88] Еще в конце 1623 г. по пути в Крым, встретив в Дербенте русских посланников В. Коробьина и А. Кувшинова, возвращавшихся из Персии, Шагин Гирей говорил им, что шах Аббас приказал ему московского государя ничем не кручинить.[89] Оскорбление посланников в Крыму и насилия над ними сразу же обнаружили, чего стоили обещания Шагин Гирея. Еще большей неприятностью был отказ от шертованья. Правда, Магмет Гирей успокаивал русское правительство тем, что он отвечает за весь Крым и все взял на себя. Но как мало значило это ручательство, показало вопиющее нарушение мирного договора, совершенное Шагин Гиреем еще в том же 1624 г.

[88] Крым. д. 1627 г., № 3, л. 245—260.
[89] Крым. д. 1623 г., № 1, л. 24.

В августе 1624 г. русское посольство во главе с И. Бегичевым по пути в Турцию на судах остановилось, как обычно, в Керчи. Шагин Гирей знал о проезде посланников и следил за ними. Вооруженные отряды его татар ждали прибытия посольства. Когда суда прибыли в Керчь, татары, преодолев отчаянное сопротивление посольских людей, захватили все посольство в полном составе со всей казной. Также была захвачена вторая группа посольских людей, заехавших в Керчь несколько позднее. Часть людей погибла в Керчи, остальные, вместе с турецкими послами, возвращавшимися в Турцию из Москвы, были доставлены в Карасу. Здесь после допроса сначала, за три дня до 1 сентября, были казнены турецкие послы, затем, спустя два дня, был убит Бегичев, посольские люди были распроданы в Карасу, Керчи, Кафе, Козлеве. Из всего посольства спаслись служилый татарин Мустафа и толмач Алмакай, которых выкрал казыевский мурза Салтан Казыев, обменявший их затем у донских казаков на двух татар. Есть указание, что царь Магмет Гирей тайно разрешил посланникам Дашкову и Волкову выкупить трех посольских людей, которых еще не успели вывезти за море.[90] Таков был этот тягостный для московского правительства эпизод, поставивший под вопрос мир с Крымом. Расправа была явно заранее обдумана и подготовлена. Мы не знаем, как реагировало русское правительство на первое известие об убийстве Бегичева. В дипломатической переписке этих лет мы не находим никаких указаний на то, что в Москве, в Крыму или в Константинополе в какой-либо форме возбуждался вопрос об убийстве Бегичева. Московское правительство обошло молчанием это событие. В документах не раскрываются соображения, которые привели правительство к такому решению.

Впоследствии посланники Тарбеев и Басов говорили Джанибек Гирею, что русское правительство думало о разрыве с Крымом «за насильства и грубости» царя и калги.[91] Возможно, что таковы были первые мысли, возникшие у русского правительства. Дальнейшие размышления должны были уяснить последствия разрыва, если бы он произошел. Он означал бы вероятную войну с Крымом, что могло бы повлечь за собой перемену всего курса внешней политики на неопределенный срок; всех возможных при этом осложнений нельзя было предвидеть. Прекращение дипломатических сношений без объявления войны лишь развязало бы руки Шагин Гирею и лишило бы правительство важного источника осведомления по широкому кругу интересовавших его вопросов. Русское правительство через своих посланников вскоре получило доказательство того, что царь Магмет Гирей не поддерживал калги; напротив, он был недоволен им. Указывая на то, что царь кручинился на Шагин Гирея за учиненную им расправу, Ибреим паша добавил: «Калга де хочет с султаном биться, но ему де не следовало бы со всеми браниться», т. е. не следовало бы ссориться с русским правительством. Но только «его воля, как хочет, так и делает».[92]

Русское правительство не могло не видеть, что учиненная Шагин Гиреем расправа была несравненно оскорбительнее для турецкого правительства, чем для него. Под впечатлением успеха в борьбе с турками калга находился в неукротимом настроении. Русские источники передают, что, допрашивая Бегичева, калга «лаял матерно» самого султана и в азарте говорил, что он скоро возьмет Царьград.[93] В сентябре 1624 г. прибыл в

---

[90] Крым. д. 1624 г., № 6, л. 18—20.—Крым. д. 1624 г., № 17а, л. 1.—Крым. д. 1624 г., № 19, л. 13.—Крым. д. 1625 г., № 4, л. 47. — Второй посланник, товарищ Бегичева, подьячий Ботвиньев умер в пути в Азове 30 июля 1624 г. Турец. д. 1624 г., № 2, л. 286, 298.

[91] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 100—101.

[92] Крым. д. 1624 г., № 17а, л. 1.

[93] Крым. д. 1625 г., № 4, л. 47.

Крым турецкий чауш. Принимая турок, калга на глазах у них велел казнить двух литовских полоняников, живших давно в Крыму своим двором, за кражу ими у татарина коровы. Чауш и турчане устрашились и говорили, что калга жесток. Гонец Кирилл Байбирин полагал, что калга хотел этой казнью показать, сколь он «грозен». И, тем не менее, турецкий чауш игнорировал все эти явные доказательства неприязни калги к султану и утвердил царя и калгу правителями Крыма. Более того, именем султана чауш оправдывал попытку свержения царя и калги тем, что она была предпринята визирем без ведома султана.[94]

Мы указали выше, что соглашение с султаном, состоявшееся в тот момент, обнаружило резкое расхождение между братьями. Несомненно, что царь был недоволен убийством турецких и русских посланников не столько потому, что оно грозило расстроить мирные отношения с московским правительством, сколько потому, что чрезвычайно обостряло отношения с султаном. Ибреим паша объяснял поступок калги тем, что он подозревал русское и турецкое правительства в сговоре против Крыма. Кручинясь на калгу, царь требовал от него выдачи еще не проданных за море людей из посольства Бегичева. Шагин Гирей резко ему в том отказал и говорил царю: «Какая де брата твоего, государя московского, к нему дружба и братство. Он де, Магмет Гирей, учинился на крымском юрте тому де мало больше года, а турскому де царю недруг их прежней Джанибек Гирей царь подкупился, хотел учинитца на крымском юрте попрежнему, а его де, Магмет Гирея царя, Джанибек Гирей царь хотел убить или с крымского юрта согнать. А брат де ево, государь московский, ссылаетца с недругом их, с турским салтаном, и з Джанбек Гиреем царем и казну де в помочь Джанбек Гирею царю послал». Ибреим паша добавлял, что сам Шагин Гирей, убедившись в том, что посольство Бегичева направлялось только к султану, а не к Джанибек Гирею, и сам теперь «тужит», «а пособить де мертвым стало нечем».[95] Никаких оснований для подозрения враждебных целей в посольстве Бегичева и Ботвиньева в Турцию действительно не было. В сохранившемся наказе им мы встречаем буквально повторение тех же формул, которые определяли цели посольства Кондырева и Бормосова в 1623 г.: русское правительство заботилось лишь об одном — поддержании и сохранении мира с соседями, и никаких коварных планов в отношении Крыма не строило.[96] Ибреим паша, бессильный помочь русским посланникам, к чему его обязывало его положение амията, вообще был склонен к смягчению всех острых конфликтов и к успокоительным заверениям. Обращает на себя внимание, что после убийства русского и турецкого послов Шагин Гирей поспешил уведомить об этом шаха Аббаса, послав к нему своего казначея с грамотами, живыми кречетами и соболями, захваченными у Бегичева. Очевидно, Шагин Гирей считал, что этим он делает приятное шаху. Впоследствии шах Аббас старался показать свою непричастность к происшествию и выступал посредником и примирителем между русским правительством и Шагин Гиреем.[97]

---

[94] Крым. д. 1624 г., № 19, л. 8, 10.

[95] Крым д. 1624 г., № 3, л. 79—80. Ибреим паша дал эти объяснения в конце 1624 г. на размене под Валуйкой окольничьему Измайлову и дьяку Степанову.

[96] Турец. д. 1624 г., № 2, л. 93—94.

[97] Крым. д. 1624 г., № 19, л. 13.—Крым. д. 1625 г., № 4, л. 47.—Акты, собр. Тургеневым, т. II, с. 428.—Донесение французского посла своему правительству от 2 октября 1624 г. дает искаженное описание и объяснение убийства Бегичева. Очевидно, в момент составления донесения французский дипломат еще не знал об одновременном убийстве турецкого посла. В донесении говорится, что будто Шагин Гирей встречал Бегичева в Персии, узнал его и обвинил в речах, обращенных к шаху, против султана. Но Бегичев в Персии не был. Никаких речей против султана русские посланники там не вели. Бегичев был захвачен в Керчи, а не в Кафе, и т. п.

Никаких признаков сожаления о совершенном им преступлении или самых легких следов смягчения своего отношения к русскому правительству Шагин Гирей не обнаружил и в последующее время. В сентябре 1624 г., уже после убийства Бегичева, когда Дашков и Волков хлопотали об отпуске и добивались присоединения калги к мирной шерти, они лишь с большим трудом добились у него приема. Ближние люди, задаренные ими, не могли оказать им никакой помощи. Они говорили, что «ищут времени, как бы о них доложить царевичу из утра, как он будет не пьян, чтоб государево дело сделать и их бы живых видеть». Шерти калга не дал, несмотря на уговоры ближних людей и самого царя. Он требовал с посланников дополнительно 1000 руб., но ближние люди сами советовали посланникам ничего калге не давать, чтобы не поощрять его жадности. Ибреим паша снова успокаивал посланников, что впоследствии калга «обойдется мыслью».[98] В 1625 г. после того, как опасения нового военного турецкого вмешательства рассеялись, Шагин Гирей задумал осуществить свои планы нападения на Русь. В марте — апреле к нему бежал из орды Больших ногаев Ак мурза Байтереков и просил помочь ногаям освободиться из-под московской власти и перейти Волгу. Обнаружились сношения с Шагин Гиреем и других ногайских мурз. Сам калга посылал своих людей в орду с призывом соединиться с Малыми ногаями. Не один раз калга в угрожающем тоне говорил с посланниками и требовал возвращения Казани и Астрахани и очищения Терека. Молва о воинственных планах его распространилась в ногайских улусах. В казыевом улусе татары говорили, что если бы не Шагин Гирей, то им не было бы житья от казаков и астраханских людей. Лазутчики его проникали под Терской город.[99]

В начале апреля 1625 г. Шагин Гирей вызвал к себе толмача Тулубая Бакеева. Тот, следуя наставлению посланников Прончищева и Болдырева, на все вопросы отвечал неведением. Калга сердился и угрожал: «Над тобою де мне делать нечего. Будут де у меня посланники, и я де с ними управлюсь, велю де им уши и носы обрезать да отпущу к Москве...» В присутствии толмача калга приказал привести 10 лошадей с 10 мешками ефимков на них и сказал: «Вот де смотри, какая невеликая Буданская заимишко, и они де сколько мне казны привезли. С государевыми посланниками столько ли ко мне прислано?» Посланники узнали, что калга демонстрировал перед толмачем свою собственную казну. 10 апреля сами посланники были вызваны к Шагин Гирею. Ибреим паша скрылся в Бахчисарай. Ни в этот день, ни в следующий они не могли быть приняты, потому что калга пил. 12 апреля калга вызвал к себе переводчика Семена Андреева; в это время он «сидя в саду пил». Переводчик отказался отвечать. Шагин Гирей приказал драть его за бороду и, насильно напоив вином, отпустил. 15 апреля посланники, наконец, были им приняты. Застали они его в кругу ближних людей все в том же состоянии: «Сидя в саду пьет...». Посланники стали править посольство в обычном порядке. Калга нетерпеливо прервал их: «Слушайте де мои речи». Он помирился с запорожскими черкасами, и они прекратили нападения. «А ваш де что за мир; вы ходите о миру, а казаки донские, приходя, воюют беспрестани». Калга припомнил при этом, что московские государи захватили Казань и Астрахань и отца его, Сеадет Гирея царя, и дядю его в Астрахани «уморили».[100] В пылу раздражения Шагин Гирей разорвал государеву грамоту, а посланника и переводчика приказал драть за бороды. Лишь ближние люди

---

[98] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 271, 282—306, 313.

[99] Крым. д. 1624 г., № 6, л. 33—35.—Крым. д. 1625 г., № 4, л. 49.—См. также следующий раздел о положении орды Больших ногаев.

[100] См. гл. I, § 4.

защитили посланников от насилия, говоря, что «того ни в котором государстве не ведетца, что грамоты драть и послов бесчестить». И калга говорил агам: «Только бы де пришли они не с посольством, и я бы де их велел иссечь на части». Калга принял поминки и тут же начал раздавать их своим ближним людям: Алгазы аге дал 100 руб., аталыку и ногайскому Ак мурзе Байтерекову дал по 100 руб., Гирею аге дал шубу соболью. Один мех денег приказал разрезать и разбросать по саду. Насильно заставив посланников выпить вино и возложив на них «по платнишку», калга отпустил их.

После этого до отпуска из Крыма 28 августа посланники подвергались почти непрерывным насилиям и вымогательствам. Ни сам царь, ни ближние люди не могли удержать калги. 24 апреля посланники узнали, что калга вместе с нурадыном Азамат Гиреем, многими князьями и мурзами приезжали к царю и требовали отпустить их в войну на украинные города. Обеспокоенные посланники тотчас же обратились к ближнему человеку Алгазы аге с просьбой не допускать войны. Алгазы ага уведомил их, что войны не будет, потому что царь отказал калге и нурадыну. В начале июля посланникам стало известно о новой попытке калги добиться от царя разрешения отпустить войной на украинные города нурадына с Кантемиром, а самого калгу с запорожскими черкасами — под Астрахань. И снова царь отказал. 10 августа посланники Прончищев и Болдырев были у калги на отпуске и еще раз попытались склонить его к принесению мирной шерти. Никогда еще калга не был в таком неистовом настроении. Если будут настаивать, то он угрожал изодрать и сжечь коран: «Мне де больше сорока лет, а я еще де никому шерги не давывал». Даст шерть, когда сведут казаков с Дона и привезут казну в том размере, как он требует. Отпуская посланников, Шагин Гирей заявил им, что царь и он, калга, войну с Московским государством «отставили» и хотят с ним быть в мире.[101] Что эти сборы в поход на Русь не были пустыми словами, видно из того, что в июле — августе довольно значительные по численности отряды татар казыевских, азовских и крымских нападали на московскую украйну во многих местах. Отказ Магмет Гирея помешал «большой войне», но не мог предотвратить самовольных действий отдельных татарских вожаков.

Следующим московским посланникам Скуратову и Посникову, прибывшим в Крым в конце 1625 г., пришлось вынести со стороны Шагин Гирея еще больше неприятностей. С декабря 1625 г. по май 1626 г. посланники были заперты в городке Чуфут-Кале, что было связано с одновременным походом царя в Польшу. Как только царь вернулся в Крым, посланники были освобождены. Чего опасались крымцы, заключая посланников в Чуфут на время похода, неясно. После освобождения из городка Чуфут, они подвергались систематическим насилиям по указаниям Шагин Гирея. Весь посольский обряд был совершенно нарушен. Калга брал с них поминки грабежом, добавочные выдачи вымогал силой; на посланников сыпались угрозы «выломать» зубы, глаза выколоть, на кол посадить. Скуратов был упорен: «На весь Крым царскому величеству не наслаться», говорил он и уступал только силе. Шагин Гирей был до крайности на него раздражен и требовал, чтобы впредь таких «упрямых» посланников не присылали. И в этом году дело не дошло до разрыва. 2 июля калга просил царя разрешить поход на Русь, и снова царь отказал.[102] В 1627 г. царь и калга были озабочены сначала бегством из Крыма Кантемира с другими

---

[101] Крым. д. 1624 г., № 6, л. 24—32, 35—41, 45—46, 69—72, 77—80, 86—88. —Крым. д. 1625 г., № 4, л. 49.

[102] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 17—23, 50—76, 78—87.

ногайскими мурзами, а затем поготовкой к приближавшемуся новому военному вмешательству турок в дела Крыма. По этим причинам Шагин Гирей оставил в покое московских посланников.

Во время последней встречи с посланниками Тарбеевым и Басовым 18 января 1628 г. Магмет Гирей открыто осудил поведение калги. Царь выслал из палаты всех своих людей за исключением ближнего человека Алгазы аги, амията кн. Алея Сулешева и казначея Мусафер аги, велел «отбить» от окон всех любопытных и выслушал «тайный приказ», присланный к нему с Тарбеевым и Басовым. Посланники передали жалобу на калгу Шагин Гирея, что в своих грамотах в Москву он пишет государево имя «не по его достоинству, без царского именованья». Интересен ответ царя: «Верьте де мне,— сказал он,— что калга писал к государю не хитростью, пьянством; в те де поры он все пил. А пишут де у него грамоты робята молодые черкасского города, а он, калга, сам грамоты не умеет, а никак де не умышленьем и не хитростью». Со своей стороны царь пожаловался, что московский государь не помогает ему против польского короля, а ведь он обязался иметь с ним, царем, общих недругов.[103] Никогда раньше ни царь, ни калга не высказывали пожелания о войне против короля в союзе с московским правительством. Напротив, Шагин Гирей угрожал союзом с королем против Московского государства. Своим заявлением Магмет Гирей впервые открыто отмежевался от всех попыток и угроз Шагин Гирея соединиться с Польшей.

Наиболее серьезным основанием для претензий к московскому правительству со стороны Магмет Гирея и Шагин Гирея были действия донских казаков. Активность донского казачества, начиная с 20-х годов, растет, все учащаются походы донских казаков на море, нападения на Крым, Казыев улус и Азов. За годы правления Магмет Гирея отметим следующие походы донских казаков: весной 1623 г. казаки громят улусы Малых ногаев, а несколько позднее приступают к Азову, у Темрюка захватывают на море и грабят комяги турецких купцов.[104] Весной 1624 г. они нападают на местности под Балыклеей; вскоре захватывают и разоряют Старый Крым.[105] Летом 1625 г. двумя крупными флотилиями казаки выходят в море; один отряд, численностью до 2000 человек, грабит Трапезунд. Возвратившись с моря и получив подкрепление (всего до 5000 человек), казаки штурмуют Азов, разрушают до основания башню, закрывавшую выход в море. Другой отряд, выходивший в море, совершает нападение на Анатолийское побережье в другом месте.[106] В 1626 г. они нападают на улусы Малых ногаев.[107] В 1627 г. донские казаки, вместе с запорожскими казаками, выходят в море и подвергают погрому турецкие села и деревни вблизи Константинополя и в том же году нападают на Крым.[108] От 1628 г. мы имеем указание на участие небольшого отряда донских казаков вместе с запорожцами в действиях на стороне Магмет Гирея в Крыму под Бахчисараем. В 1629 г. донские казаки и самостоятельно, и вместе с запорожцами совершают несколько крупных операций в Крыму. В 1630 г. казаки выходят в море на 28 стругах в числе 1500 человек. Начинают они свои действия, не увенчавшиеся успехом, приступом к Керчи. После того они громят Крым в разных местах «во все лето». Часть донских казаков (в 8 стругах 300 человек) нападает на местность под Синопом.[109]

---

[103] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 12—15, 86—88.
[104] Турец. д. 1622 г., № 2, л. 206—220.— Крым д. 1623 г., № 7, л. 119.
[105] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 228—229, 245.
[106] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 235—238.
[107] Крым. д. 1630 г., № 27, л. 51—55.
[108] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 274.
[109] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 57—58.

Не все эти действия донских казаков могли вызывать недовольство Шагин Гирея; напротив, нападения на Анатолийское побережье, на местности под Константинополем и погромы судов турецких купцов даже отвечали его интересам, если припомнить союз его с запорожскими казаками, которые обязались охранять крымские улусы и бороться с турками. Азов и Казыев улус также не были владением Крыма. Собственно, царь и калга могли протестовать только против нападений на Крым. В действительности, Магмет Гирей и Шагин Гирей, расходившиеся во взглядах на отношение к Турции, а также по-разному оценивавшие свои права на Казыев улус, реагировали различно на казачьи нападения. Шагин Гирей ничего не говорил посланникам о нападениях казаков на турецкие владения, а царь возмущался тем, что казаки громят турецкие корабли, каторги и бусы.[110] Царь отрекался от казыевцев, когда посланники указывали на совершаемые ими нападения на Русь, а калга стоял и за Азов, и за Малых ногаев, считая, что они ему подчинены и находятся в его владении. Про Казыев улус он говорил: «А казыев де улус наш, мы де и отец наш в нем родились».[111] Собственно, Шагин Гирей был бы удовлетворен, если бы казаки, нападая на турецкие владения, оставили в покое Крым, Азов и Малых ногаев, а еще лучше, если бы они были его союзниками, подобно запорожцам. В то же время царь и калга одинаково вменяли в вину московскому правительству казачьи нападения: московское правительство или направляет действия казаков, или им попустительствует.

Из всей большой проблемы политики московского правительства на Дону, заслуживающей самостоятельного исследования, мы коснемся только одного частного вопроса об отношении правительства к казачьим нападениям. Постоянные утверждения царских грамот и московских посланников, обращенные к турецкому и крымскому правительствам, что казаки воры и государевых указов не слушают, от частого повторения превратившиеся в шаблон, никого не убеждали и лишь заставляли подозревать нечто совсем иное. Нельзя сказать, чтобы эта привычная отговорка была ложной, но в самом деле она не вскрывала всей сложности отношений московского правительства к донскому казачеству; дипломатические документы и не могли углубляться в сферу внутренней политики государства, к каковой относится в большей степени вопрос об отношении московского правительства к казачеству. Ответ на интересующий нас вопрос о причастности правительства к казачьим походам не может быть получен вне связи с общим направлением внешней политики государства, а связь эта совершенно бесспорна и очевидна. Казачьи нападения на турецкие и крымские владения в течение всего периода со времени возобновления мира с Турцией и Крымом, очевидно, противоречили стремлению московского правительства сохранить мирные отношения с названными странами, и тем более явным становилось это противоречие, чем ближе подходил момент возобновления войны с Польшей за Смоленск. Проистекающий отсюда вывод, что московское правительство не могло ни допускать, ни поощрять казачьих нападений, подтверждается документально.

Общее направление политики правительства царя Михаила Федоровича в отношении казачества резко отличается от политики предшествующих царствований, особенно царя Бориса. Политика царя Бориса в отношении казачества заключалась в том, чтобы изолировать его от связей с внутренними областями государства: «Казакам от царя Бориса,— говорит Новый летописец,— было гонение велие, не пущали их ни на кото-

---

[110] Крым. д. 1623 г., № 7, л. 226—229, 245.
[111] Крым. д. 1627 г., № 1, л. 57—58.

рый город; куда они не придут, и их везде имаше и по темницам сажаху».[112] Хорошо известен конфликт царя Бориса с Ляпуновыми по поводу их сношений с казаками. Совсем иной была политика на Дону нового правительства Романовых[113]. Грамотой от сентября 1615 г. правительство по челобитью войска разрешило казакам свободный проезд в украинные города с товарами и без товаров, вольный и беспошлинный торг, запретило воеводам и приказным людям совершать над ними насилия.[114] В 1628 г. торговые люди разных южных городов при их допросе показали, что они начали ходить на Дон после «московского разоренья», а до этого выход на Дон был запрещен, и о том в украинных городах была «крепкая заповедь».[115] В грамоте от 22 октября 1625 г., укоряя казаков за нарушение мира с Турцией и Крымом, правительство напоминало им о той «неволе», которая тяготела над ними при прежних государях и особенно при царе Борисе: им было запрещено приезжать не только в Москву, но и к родственникам в украинные города, везде им было «заказано купить и продать», всюду казаков при их появлении хватали, нередко заключали в тюрьму, а многих вешали и «в воду сажали». Теперь же торговые люди из московских городов свободно ездят «со всякими торги и запасы» на Дон, и казаки получили право вольного и беспошлинного торга. Правительство угрожало отменой всех этих вольностей в случае нового нарушения мира и непослушания правительственным указам.[116] При Михаиле Федоровиче государево жалованье на десятках стругов и дощанников «мало не ежелеть» прибывало на Дон. Многие десятки таких же судов торговых людей везли туда разнообразные запасы и товары и вывозили обратно плоды казачьих мирных промыслов и военных походов. Торговое движение по Дону становилось все более оживленным и безусловно оказывало свое действие на развитие городов южной украйны государства. Сотни и тысячи жителей украинных городов свободно, хотя и с соблюдением установленных правил, проходили через заставы и усиливали казачество. Без этого постоянного притока людей из пределов Московского государства казачество было бы не в состоянии совершать своих все более усиливавшихся нападений на крымские и турецкие владения. Московское правительство, отпуская своих послов в Турцию, требовало от войска донского установления мира с Азовом и прекращения походов на все время, пока длилась поездка послов. Казаки обычно заключали такое перемирие, хотя и редко его соблюдали.

После Деулинского перемирия казачьи нападения вступают в явное противоречие с направлением внешней политики русского правительства имевшим своей целью поддержание мира с Турцией и Крымом. В грамоте от 10 марта 1623 г., посланной на Дон с московским дворянином кн. М. В. Белосельским, правительство совершенно ясно изложило донскому войску, как оно смотрит на свои отношения к Турции и Крыму: султан и крымский царь еще в прошлые годы начали войну с «недругом и разорителем великого нашего Российского государства» польским королем Сигизмундом и впредь намереваются ее вести; с ними русское правительство

---

[112] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 61.

[113] Репрессивная политика Бориса Годунова в отношении донского казачества объяснялась опасением поддержки с его стороны народных волнений, возникших внутри государства. Напротив, правительство царя Михаила Федоровича проводило примирительную политику в отношении казачества, исходя из учета его роли в очищении Москвы от поляков и в избрании на царство Михаила, а также из стремления избегать обострения социальных противоречий.

[114] Материалы для истории войска Донского. Грамоты, Новочеркасск, 1864, с. 23—24.

[115] Приказ. ст., № 31, л. 65—66.

[116] Материалы для истории войска Донского, Грамоты, с. 39—45.

находится в постоянных дружественных отношениях; эти дружественные отношения правительство хочет сохранить и на будущее. Но крымский царь и султан жалуются, что казаки нападают на их владения, и требуют их прекращения, угрожая татарскими набегами. Правительство напоминало войску свое благожелательное к нему отношение и упрекало его в том, что оно действует вразрез с интересами государства. Если татары действительно будут нападать на русскую украйну, то вина за кровь и ссору ляжет на казаков. На этот раз требование правительства было облечено в довольно мягкую форму. Одновременно с грамотой на Дон было послано государево жалованье.[117] Этим обращением правительства к войску донскому воспользовались посланники в переговорах с Магмет Гиреем. Но оно не помогло, так как казаки продолжали свои походы. В октябре 1625 г. в Москву приехал казачий атаман А. Старого с войсковой отпиской. Он был подвергнут расспросу, а затем, после объявленного ему в резкой форме обвинения в нарушении войском царских указов о соблюдении мира, был сослан со своими товарищами на Белоозеро. 25 октября 1625 г. войску была снова послана грамота, осуждающая его поведение, нападения на крымские и турецкие владения, нарушающие мирные отношения, отсутствие нужной помощи правительству и требование «исправиться» и прекратить своеволие под угрозой прекращения присылки жалованья и пропуска на Дон торговых людей с товарами. А. Старого был отпущен из Белоозера только в конце 1627 г.[118] Запрещение нападений было повторено в 1627 г. и в 1628 г. (дважды). В такой же грамоте от 2 июля 1629 г. содержится угроза «вечной опалы» и «вечного запрещенья» за дальнейшее нарушение мира с Крымом и Турцией, а в грамоте от 6 октября того же года казаки названы «злодеями, врагами креста Христова», наводящими «кровь неповинную», роняющими силу царского ручательства за них перед султаном и крымским царем; больше терпеть правительство не может их неповиновения.[119] В 1630 г. русское правительство решилось пойти на полный разрыв с казаками; но этого момента мы коснемся в следующей главе нашей работы.

Приведенные нами документальные данные убедительно подтверждают неосновательность обвинений московского правительства в поддержке им в какой бы то ни было форме казачьих походов на турецкие и крымские владения. В отношении казачества правительство в течение всего периода, предшествовавшего Смоленской войне, старалось, чтобы казаки не подвергали риску сохранение мира на юге, стремилось подчинить поведение казачества достижению общегосударственных целей и заставить их отказаться от самочинных действий, которые правительство считало вредными для достижения этих целей. Изменение такого отношения к казачеству произошло уже в годы Смоленской войны, когда правительство решило использовать казачество, как военную силу, против татар.

Так слагались московско-татарские отношения при Магмет Гирее и Шагин Гирее.

Есть еще один вопрос, которого мы не касались, но который показателен для характеристики и понимания этих отношений,— это вопрос о поминках. Поминки могут быть изучаемы со стороны их политического значения и оцениваемы со стороны их значения для финансов страны. Но они являются также мерилом соотношения сил Крыма и Московского государства. Размер поминок, увеличение их, на которое шло русское правительство, или их уменьшение, был показателем того, как расценивало оно

---

[117] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 217—224.
[118] Там же, с. 229—270.
[119] Там же, с. 271—278, 281—286, 293—298, 307—314.

силу Крыма, реальность угроз с его стороны, полезность его, как союзника. С этой точки зрения представляет интерес рассмотрение изменений размера московских поминок при Магмет Гирее и Шагин Гирее. Первые поминки, врученные царю Дашковым и Волковым 29 ноября 1624 г., выражались в сумме — деньгами и рухлядью — 10 056 руб. и лишь немногим превышали последнюю посылку Джанибек Гирею (9813 руб.).

Русское правительство знало о вступлении на крымский престол нового царя, знало о его претензии на увеличение поминок, но не торопилось уступать. Причина была в том, что Магмет Гирей явно желал мира с Москвой, о чем немедленно же уведомил московское правительство. В августе 1623 г. прибыл в Москву первый крымский гонец Мустафа. Дьяки Посольского приказа выразили удовлетворение по поводу его приезда и выражения Магмет Гиреем готовности соблюдать мир с Московским государством, но одновременно же заявили решительный протест против необычайно многочисленного состава свиты гонца (89 человек), превышавшего более чем вдвое обычный состав крымских посольств. Гонец сослался на свое незнание прежних обычаев и заносчиво отвечал, что дьякам это только «показалось», что людей много, и что им следовало бы ценить то, что царь так скоро заявил о своей дружбе. Гонец не понимал того, что именно эту поспешность дьяки Посольского приказа истолковали в свою пользу. Из Москвы тотчас же был отправлен гонец с требованием впредь с гонцами не присылать такой толпы людей, ибо в этом нет никакой нужды для дела и приезд их вызывает только расходы. К этому требованию была присоединена жалоба на недостойное поведение гонца.[120] Впоследствии Магмет Гирей выполнял это требование. Нового гонца Магмута, приехавшего в Москву в феврале 1624 г., сопровождала свита всего только в 18 чел. Гонец предъявил царскую грамоту об увеличении поминок и роспись на 151 лицо, на которые требовалось жалованье. Список этот удваивал обычный состав лиц, которых Москва снабжала жалованьем. Но в Посольском приказе сократили список до 89 лиц.[121]

Посланники О. Прончищев и Р. Болдырев в самом конце 1624 г. привезли в Крым поминки на общую сумму деньгами и рухлядью 10 655 руб., что давало увеличение в сравнении с предшествующей посылкой приблизительно на 600 руб. Прибавка далеко не соответствовала запросам царя. Царь принял поминки, затем выразил сожаление, что он это сделал. Снова крымцы припомнили о больших поминках времен Казы Гирея. Посланники отвечали, что то было совершенно особое дело, присылали тогда поминки редко, в 10 лет раз, и потому «виделось много». Поторговавшись, сошлись на ничтожных прибавках царевым сестрам и царицам.[122] Наибольшей величины были поминки, привезенные в Крым в октябре 1625 г. посланниками Скуратовым и Посниковым: они были увеличены по сравнению с предшествующей посылкой на 1203 руб. и составили 11 858 руб.[123] Мы можем объяснить увеличение поминок, только приняв во внимание общее напряженное состояние отношений между Крымом и Москвой в этом году. Но и эти поминки не удовлетворили ни царя, ни калги. В декабре 1625 г. крымский посол Зол-аталык предъявил грамоты царя и калги с требованием поминок, как таковые присылались деду их Магмет Гирею и дяде Казы Гирею. Особенно выразительна грамота Шагин Гирея, в которой он сочинил себе высокопарный и цветистый титул: «От великого юрта кипчацкие степи Крымского государства, многих

---

[120] Крым. д. 1623 г., № 13, л. 8, 15.—Крым. д. 1627 г., № 1, л. 114—115.
[121] Крым. д. 1624 г., № 9, л. 3—43.
[122] Крым. д. 1640 г., № 12, л. 23—26.—Крым. д. 1624 г., № 6, л. 1—7.
[123] Там же, л. 27—30.

несчетных татар и бесчисленных ногай и межигорских черкас, татцкого и тавкетцкого великого государя калги царевича величества, величеством подобна Фиризону, честью подобну Дарию, подобну солнцу сияющу, от благостного крымского калги Шан Гиреева царевича величества...» Калга требовал исправной уплаты поминок, «а скудостью б и нетом не отыматца...»[124]

Последняя посылка поминок при Магмет Гирее состоялась в конце 1627 г. с посланниками С. Тарбеевым и И. Басовым одновременно за прошлый и текущий год. Общая стоимость поминок на два года —22 945 руб. В эту сумму входили «запросные статьи» царю на 1000 руб. и калге на 500 руб. Посланникам был дан наказ давать «запросы» не сразу, «искрепка» и «запросных статей» ни в каком случае не включать в окладную сумму. Размер каждой посылки был сокращен по сравнению с предшествующей на 612 руб. Сверх того посланники сумели удержать и не выдать из состава поминок 1860 руб.[125]

Приведенные нами цифры показывают, что русское правительство в течение правления Магмет Гирея пошло лишь на незначительные прибавки к поминкам, несмотря на требования в самой решительной, угрожающей и высокомерной форме крупных «запросов»: царю платить по 15 тыс. руб., а калге по 5 тыс. руб. ежегодно «без урыву». При последней посылке правительство почти свело на-нет сделанные ранее прибавки, а фактически уплатило даже меньше, чем платило Джанибек Гирею,— ясный показатель того, что оно не пугалось угроз и того «великого шума», который поднимал Шагин Гирей в Крыму при получении поминок.

< 3 >

Возвращение к власти Джанибек Гирея не внесло изменений в благоприятную для Московского государства ситуацию. В Крыму царила анархия. У крымцев, как сообщали посланники, «меж себя сеча и грабеж были беспрестани». Кантемир и его ногаи чувствовали себя хозяевами и творили в Крыму бесчинства и насилия, что возрождало угасавшие было симпатии среди населения к изгнанным Магмет Гирею и Шагин Гирею. Последние были побеждены, но не уничтожены и не отказывались от попытки вернуться к власти. Шагин Гирей говорил о том, что в Крыму у него есть союзники. Посланники Тарбеев и Басов писали: «А как де Шан Гирей в Крым придет, и крымские де люди многие ему ради, потому что от ногайских людей стала налога великая, живот и хлеб выграбили».[126] Запорожцы отнюдь не были удручены неудачей похода в 1628 г. Посольским людям, посещавшим их табор «для вестей», они говорили: «Теперво де мы Крым проведали. Прежде де мы не ведали, чаели, что Крым крепкое место и крымские люди бойцы. Ажно де Крым хуже деревни и крымские люди худы, битца не умеют. Теперво де мы Крыму помолчим, что царю и калге (Магмет Гирею и Шагин Гирею) правду дали и жалованье у них взяли, а впредь де Крым божий да наш будет. В Крыме де никаких крепо-

---

[124] Крым. д. 1625 г., № 16, л. 88—94.

[125] Крым. д. 1640 г., № 12, л. 31—36. В том же 1627 г. на жалованье крымскому гонцу с его свитой было израсходовано 200 руб. (Крым. д. 1627 г., № 4, л. 10—13). На размену под Валуйку было послано для раздачи татарам 75 шуб различной ценности, около 130 однорядок, до 175 шапок и пр., всего на сумму 1500 руб. (Крым д. 1627 г., № 3).

[126] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 97.—Крым. д. 1628 г., № 11, л. 8.

стей нет, притти водою и сухим путем без вести мочно, и море от Бахчисарая блиско, ис Бахчисарая видеть море. На лето де мы придем в Крым половина морем, а другою половиною коньми на Перекопь, и Крым, пришед, возьмем. В Московском де государстве не такие города мы имали крепкие и людные, и люди московские перед крымскими бойцы». [127] Для Магмет Гирея и Шагин Гирея еще не все было потеряно, и Джанибек Гирей не мог быть вполне уверенным в прочности своего положения в Крыму.

Не совсем ясно, как Магмет Гирей и Шагин Гирей в 1628 г. выбрались из Крыма, но вышли они из него отдельно друг от друга. Д'Асколи сообщает, что Шагин Гирей, не разыскав царя, ушел из Крыма в сопровождении какого-то отряда войск с двумя пушками через Чингарский перевоз. Русские посланники Тарбеев и Басов в записи, сделанной вскоре после событий под Кафой, говорят, что Шагин Гирей вышел из Крыма вместе с запорожцами и сразу же попал в Запороги.[128] Едва ли посланники могли знать определенно, где в тот момент находились царь и калга. Заслуживает большего доверия рассказ донских казаков о том, что изгнанные из Крыма братья укрылись сначала в Азове и оттуда перебрались в Запороги. Обличая вероломное поведение азовцев, войско донское в своей отписке в Москву от 1630 г. писало: «...Как учинился в Крыме от турского Мурат Салтана Джанбек Гирей царь, и твой государев недруг Шин Гирей бежал ис Крыму в ту пору в Азов, и те азовские люди и свояму турскому Мурат салтану изменяли, у себя в Азове того неприятеля, врага креста Христова, недруга вашева с обоих стран, твоего государева и турского Мурат салтана, вора тово, Шин Гирея, у себя в городе в Азове от Кантемиря мурзы и от крымских людей оберегали и из Азова его отпустили, и правадили азовские люди в Запороги своим умышлением Шин Гирея». В 1628 г. «по зиме» Шагин Гирей посылал из Запорог брата своего Магмет Гирея к Малым ногаям, звать их к себе на помощь. Азовцы принимали Магмет Гирея со всеми его людьми, кормили и во всем слушали и проводили в Малые ногаи. На обратном пути азовцы снова принимали Магмет Гирея с Малыми ногаями и, снабдив всем, отпустили в Запороги и вместе с ним стояли против Джанибек Гирея и султана. Донские казаки сообщали эти сведения в Москву в доказательство того, что с азовцами, допускавшими такую явную измену своему государю, невозможны никакие прочные соглашения, что они люди вероломные и на своем слове никогда не стоят.[129]

Магмет Гирей и Шагин Гирей нашли себе прочную поддержку в запорожцах. Известны сношения Шагин Гирея с польским королем, его переписка с ним, посольство его к королю с просьбой о помощи против Джанибек Гирея и с обещаниями признать себя вассалом короля в случае захвата Крыма. Нам нет надобности входить в подробности этого эпизода. Поведение короля Сигизмунда было двуличным. Устно послу Шагин Гирея было сообщено, что казакам приказано всемерно ему помогать. К запорожцам был отправлен посланец с таким именно указом и с поручением следить за его выполнением. Король распорядился отпустить Шагин Гирею необходимые припасы. На требование турок выдать Шагин Гирея и не оказывать ему помощи король ответил заявлением, что он никакого отношения к Шагин Гирею не имеет и в крымские дела не вмешивается. Свои действия король старался скрыть и от польского общества. Но скрыть причастность польского правительства к новой авантюре Шагин Гирея было невозможно. Об этом знали в Крыму, знали на Дону. Там хо-

---

[127] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 143—144.
[128] Зап. Одесс. об-ва, т. XXIV, с. 108—112.—Крым. д. 1628 г., № 1, л. 96.
[129] Турец. д. 1630 г., № 5, л. 89—90.

дили слухи о том, что король либо сам придет на помощь Шагин Гирею, либо пришлет королевича Владислава.[130]

Поляки торопили поход. Магмет Гирей и Шагин Гирей обещали запорожцам щедрое вознаграждение. Первая попытка прорваться в Крым была сделана в середине ноября 1628 г. Запорожцы, их было несколько тысяч, азовцы и, вероятно, Малые ногаи — численности их мы не можем установить — достигли Перекопа, но здесь их встретили превосходящие силы крымцев во главе с самим Джанибек Гиреем, калгой Девлет Гиреем и Кантемиром. Нападение не удалось.[131] Опускаем все подробности этой первой попытки Магмет Гирея и Шагин Гирея. Для Джанибек Гирея было важно, что он пользовался энергичной поддержкой Кантемира. Татары говорили в Крыму, что они запорожцев не боятся: «Лихо де им было, как с ногаи в розни были, а теперь де мы заодин». Однако единство крымского населения было неустойчивым. Станичный татарин Кара Бигильдеев сообщал, что одни из татар стояли за Джанибек Гирея, другие желали возвращения Магмет Гирея и Шагин Гирея, многие бежали из Крыма к ним через Чингарский перевоз или в Белгород к султану. Джанибек Гирей пытался отклонить запорожцев от помощи Шагин Гирею, но безуспешно.[132]

Новая, гораздо более крупная попытка проникнуть в Крым была предпринята Шагин Гиреем в апреле следующего 1629 г. Нападение было выполнено по тому плану, который запорожцы намечали еще в 1628 г. Толмач В. Грызлов передавал, что запорожцев было, как говорили одни, 40 тыс., другие — 25 тыс., да с Шагин Гиреем было 2 тыс. казыевцев. В марте — апреле за Перекопом уже стояли в готовности калга Девлет Гирей и Кантемир, а 20 апреля туда же двинулся из Крыма Джанибек Гирей. Крым был беззащитен для нападений с моря. Почти одновременно с движением царя донские казаки и черкасы приходили под Керчь. Несколькими днями позднее одни донские казаки (2 тыс. человек) взяли и выжгли Карасу, «лучшее место в Крыму», жителей высекли и в полон взяли, «животы грабили, а чего не подъяли, и они пожгли». Около 10 мая пришли морем запорожцы (500—700 человек), взяли, выграбили, выжгли Мангуп, считавшийся неприступным, частью истребив население. Добыча была особенно велика потому, что в этот город «для крепости царевы животы и ближних людей были перевезены». Ограбив Мангуп, запорожцы уходили в море, но дня через два — три снова возвращались на берег «для своего корма». Население было в панике; царская семья, население городов и сел разбегалось в леса и горы и в «полевые» деревни.[133] Нападение запорожцев вблизи Перекопа было отражено. Запорожцы «отаборились» и начали отступление, подвергаясь непрерывным атакам татар. Это отступление с боями продолжалось трое суток. Среди татар, действовавших на стороне Шагин Гирея, обнаружилась «шатость». Толмач В. Грызлов передает, что сам царь Магмет Гирей будто бы подъезжал к полкам крымских татар и говорил, чтобы царь Джанибек Гирей его не убил, а он

---

[130] М. Грушевский, т. II, с. 359—365.—Крым. д. 1628 г., № 11, л. 6.—Турец. д. 1628 г., № 2, л. 139. См. также П. Жукович. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (с 1609 г.), вып. VI (1629—1632 гг.), СПб., 1912, с. 34—35, 60—61.

[131] Крым. д. 1628 г., № 11, л. 5.—М. Грушевский, т. II, с. 365—371. Русский источник говорит, что черкас было 3000 человек, азовцев—300 человек и не упоминает казыевцев, но о последних говорит отписка войска донского в Москву (Жукович, вып. V, с. 161—172).

[132] Крым. д. 1628 г., № 11, л. 6—7.

[133] Крым. д. 1629 г., № 9, л. 4—5, 16—17. Количество запорожцев, указанное В. Грызловым, совпадает с цифрами, сообщаемыми турецкими и украинскими источниками.— М. Грушевский, т. II, с. 376, 378.

передастся ему, и тогда крымцы захватят массу черкас. Когда Магмет Гирей вернулся в казачий табор, гетман запорожцев стал уличать его в измене. Магмет Гирей срубил гетману голову, но и сам тут же был убит (заколот рогатиной) казаками. После этого казаки стали истреблять ногаев.

Не менее важным обстоятельством, обусловившим поражение запорожцев, была безводица. Тот же В. Грызлов сообщает, что Кантемир отрезал казаков от Днепра и перехватил 400 человек водовозов, которые доставляли в полки воду. Узнав о происходившем в таборе и об изнеможении войска, Кантемир и калга Девлет Гирей разорвали обоз и довершили поражение. К этому изложению В. Грызлова следует добавить еще сообщение посланников Тарбеева и Басова о том, что запорожцы требовали от татар, бывших с ними, чтобы они сошли с коней и шли бы с ними пешими. Требование это можно объяснить тем, что казаки им не верили. Татары отказались выполнить требование. Вот тогда-то запорожцы, как сообщают посланники, и начали их истреблять, и в это время убили и царя Магмет Гирея. «В те ж поры» Девлет Гирей и Кантемир табор разорвали и черкас побили и в полон взяли. Шагин Гирей, раненый в бою, сумел вырваться из казацкого табора и в сопровождении небольшой группы татар, по сообщению донских казаков — около 30 человек, ускакать к Дону и далее в Казыев улус. По русским источникам, запорожцы потеряли в боях и от трудностей похода до 8 тыс. человек, казыевцы по большей части погибли. Крымцы потеряли до 50 мурз и до 6 тыс. татар убитыми и до 1 тыс. человек ранеными. 24 мая Джанибек Гирей вернулся в Бахчисарай, везя с собой тело убитого Магмет Гирея.[134] Против казыевцев за их помощь Шагин Гирею Джанибек Гирей организовал карательный поход крымцев во главе с царевичем Мубарек Гиреем. Большинство ногайцев «добило челом». Мубарек Гирей удовольствовался тем, что выбрал у них лучших лошадей, но улусы кн. Азамата ногайского подверглись погрому за его нежелание покориться. После того Мубарек Гирей ходил на горских черкас и их также вынудил к покорности: взял с них дань аргамаками, панцырями и полоном (600 человек). В том же году по указанию султана крупное нападение было совершено на Польшу за ее связь с Шагин Гиреем.[135] Труднее было бороться с продолжавшимися вторжениями казаков. В июле запорожцы крупными силами (по сообщениям русских посланников, 4000 человек) морем приходили под Козлев, уничтожили посад, погромили много сел и деревень. Сам царь выходил против них, но не мог с ними справиться и лишь потерпел значительный урон. В октябре того же 1629 г. донские казаки морем приходили под Балыклею, взяли полон и здесь же расположились, по своему обыкновению, для продажи его и для

---

[134] Крым. д. 1629 г., № 9, л. 18—19 (отписки Тарбеева и Басова).—Крым. д. 1628 г., № 11, л. 31—34 (показания толмача В. Грызлова).—Турец. д. 1628 г., № 2, л. 226—229 (войсковая отписка).—Русские источники расходятся в деталях с данными украинских источников (реляция Белоцерковского подстаросты, писанная по сообщениям из Запорожья), но гораздо яснее излагают общую последовательность событий и их связь, яснее описывают решающий момент боя. Интересно, что поведение царя Магмет Гирея и в этот решающий момент было колеблющимся. Украинский источник использован Грушевским (т. II, с. 378—379). Грушевский отдает предпочтение татарским источникам (вернее, турецким), сообщающим будто бы о том, что бой происходил внутри Крыма (т. II, с. 380). Русские источники не один раз и совершенно определенно и точно говорят о том, что битва происходила в степях за Перекопом у Днепра (см., например, Крым. д. 1629 г., № 9, л. 28). Может быть, ошибка объясняется тем, что в 1629 г. крымцам приходилось биться с запорожцами, приходившими с моря, и внутри Крыма. Донские казаки в своей отписке в Москву сообщали, что после 25 мая они перехватили за Доном на р. Елабуге бежавшего после поражения Шагин Гирея, убили и взяли нескольких из сопровождавших его людей, но сам Шагин Гирей и на этот раз сумел ускользнуть (Турец. д. 1628 г., № 2, л. 226—229).

[135] Крым. д. 1630 г., № 27, л. 96.

получения выкупа. И с донскими казаками крымцы также оказались бессильными справиться.[136]

Итак, устранение из Крыма Магмет Гирея и Шагин Гирея лишь частично разрешило противоречия между Турцией, Крымом и Польшей, достигшие значительной остроты в 1623—1628 гг. Турция освободилась от своих прямых противников, но напряженные и враждебные отношения между Турцией и Польшей оставались в силе. Двуличная и нерешительная политика короля Сигизмунда не принесла Польше ничего, кроме вреда. Турецкое правительство не было обмануто. Оно восприняло действия короля, как прямую поддержку своих врагов, в чем раньше, при наличии союза крымцев с одними запорожцами, еще можно было сомневаться и что можно было еще оспаривать. После того как Магмет Гирей и Шагин Гирей потерпели новое и окончательное поражение, последовало несколько крупных нападений татар на Польшу в отмщение за поддержку, оказанную бывшим царю и калге и за продолжавшиеся нападения запорожцев. Таким образом, борьба между Турцией и Польшей не прекратилась. Напряженные отношения между ними, затянувшиеся на десятилетия, переходившие в открытую вооруженную борьбу и лишь по временам прерывавшиеся состоянием неустойчивого перемирия, сохранились вплоть до Смоленской войны. Такой характер турецко-польских отношений и создавал почву для дружественных дипломатических сношений между московским правительством и Турцией и возможность соглашения между ними в начале 30-х годов. Это соглашение соответствовало интересам обеих стран. Более того, инициатива, исходила от Турции. Вывод этот важен тем, что он опровергает господствующий в литературе взгляд, будто нападения татар в 1629 г. и в начале 30-х годов, а также попытки военных походов против Польши самих турок были результатом дипломатического воздействия московского правительства.

< 4 >

Вторым по важности условием затишья на южных границах Московского государства в рассматриваемый период было возвращение орды Больших ногаев в московское подданство и водворение ее на левой, ногайской, стороне Волги. Тяжелый опыт предшествующих десятилетий вынудил русское правительство в полной мере использовать все доступные ему средства для укрепления своей власти в орде и удержания ее в повиновении. Средства эти не были новыми, но имеющиеся материалы дают возможность раскрыть их с такой полнотой, с какой нельзя было этого сделать для более ранних периодов.

Кн. Иштерек перебрался за Волгу в октябре 1616 г. без улусов, значительная часть которых последовала за ним лишь осенью следующего года.[137] Часть ногайской орды нурадына Шайтерека мурзы Тинехматова и Кара-Кельмаметя мурзы Урмаметева оставалась на правой стороне Волги до 1619 г., а некоторые улусы задержались долее. Эти мурзы задержали свой переход «для розни своей» с кн. Иштереком, опасаясь столкновения с ним. Кн. Иштерек доносил в Москву, что Кара-Кельмаметь, со своей стороны, обвинял Иштерека в ненадежности и намерении вступить в сношения с царями бухарским и юргенчским. Кара-Кельмаметь мурза изъявлял готовность воевать улусы Иштерека: прежде де он ему

[136] Крым. д. 1629 г., № 14, л. 6.—Крым. д. 1630 г., № 1, л. 130—134.
[137] Ногайск. д. 1617 г., № 1, л. 46—47, 105—106.—Ногайск. д., 1617 г., № 2, л. 11—17; № 3, л. 4.

«терпел за старость», и пока он был силен своими улусами, а ныне все большие улусы у него, Кара-Кельмаметя, «и терпеть ему (кн. Иштереку) ни в чем не хочет...»[138]

Обвинения, выдвинутые против кн. Иштерека, имели под собой основание. Мы видели, что, кочуя «по своей воле», кн. Иштерек установил связь с рядом государств. Перейдя за Волгу, он не сразу отказался от своих претензий на некоторые прерогативы суверенной власти. Так, он продолжал сноситься с персидским шахом Аббасом. В 1618 г. астраханские воеводы, действуя очень осторожно, отговаривали персидских послов, направлявшихся в орду с казною, от этой поездки, убеждали, чтобы шах ногаев от Москвы «не отзывал», предлагали слать послов через Астрахань, намекали, наконец, на небезопасность путешествия по степям, указывая на возможность ограбления их. Было ли последнее указание добросовестным предупреждением или угрожающим намеком, неизвестно, но действительно шаховы послы были ограблены в степях Арыслан мурзой Урмаметевым и отведены к нурадыну Шайтереку, противнику кн. Иштерека. Кн. Иштерек пытался непосредственно договориться с калмыцкими послами, направлявшимися в Москву.[139]

Пытаясь сохранить видимость независимости, кн. Иштерек настаивал на том, чтобы государево жалованье посылалось ему непосредственно в орду, минуя Астрахань. Зависимость от астраханских воевод казалась ему унизительной и не соответствующей его рангу князя. Кн. Иштерек получил в 1617 г. из Москвы посылку общей стоимостью в 1064 руб., в том числе платья на 691 рубль и разных запасов на 373 руб. Кн. Иштерек был этим недоволен. Он запрашивал «шубы собольи черные под золотом, да шапку лисью черную, что уголь, да много полотен, да сукон много же» своим женам, детям, мурзам и сеитам. Своим «добрым» людям, число которых он определил в 300 человек, кн. Иштерек требовал 300 панцырей, тягиляев, сабель и седел; кроме того, 300 листов писчей бумаги, 300 четей муки, 300 четей круп, 100 четей толокна, 100 четей сухарей, меда, вина с царского стола и пр. Он претендовал на посылку в том же размере, в каком она посылалась крымскому царю и даже самому султану.[140]

Какими же средствами располагала московская власть, чтобы прочно овладеть ордой и добиться ее повиновения?

Одним из таких средств было использование существовавшей в орде розни и вражды между мурзами разных ветвей. Московское правительство решило в первую очередь использовать это старое средство. Перебравшись на свои исконные кочевья на ногайской стороне Волги, улусы были терзаемы ожиданием неминуемого междоусобного столкновения. Весной 1619 г. Урмаметевы, не выдержав напряженного состояния, обратились к астраханскому воеводе кн. А. А. Хованскому с просьбой «вступиться» в их рознь, но воеводы мирить их «не смели», потому что «в миру их государеву делу никоторые прибыли не чаяли, а чаяли того, только де они тое свою недружбу замирят, и впредь от них... государевым украйнам без войны не быть».[141] Так определяли астраханские воеводы основную цель своей политики в орде. После некоторого колебания, посоветовавшись с архиепископом Онуфрием, воеводы решились «обнадежить» обе стороны своей помощью, добиться выдачи заложников, «а о миру посылать не впрямь». Урмаметевы дали заложников легко. Тинмаметевы заупрямились. Воеводам было важно получить в заложники наиболее энергичного из них, известного своими набегами на московскую украйну, мурзу Аксак-

[138] Ногайск. д. 1617 г., № 1, л. 30, 40, 47—48, 104.
[139] Ногайск. д. 1618 г., № 1, л. 1—7.—Ногайск. д. 1617 г., № 2, л. 19.
[140] Ногайск. д. 1617 г., № 3, л. 7, 9—13, 19—26, 28—29.
[141] Ногайск. д. 1619 г., № 1, л. 1.

Кельмаметя или, по крайней мере, его старшего сына. Получив грамоту о заложниках, кн. Иштерек созвал мурз и черных улусных людей. Устроили «круг» на конях, читали грамоту и «шумели они в кругу всеми людьми многое время». Присланного из Астрахани сына боярского М. Тарбеева «лаяли» и грозили продать в Азов и о заложниках отказали.

Воеводы нашли, однако, средство сломить сопротивление. Почти одновременно умерли кн. Иштерек и нурадын Шайтерек мурза, что обострило борьбу между мурзами, претендовавшими на эти чины в орде. Чтобы устрашить Тинмаметевых, воеводы послали на помощь Урмаметевым в их улусы стрелецкого голову А. Хохлова «с большими русскими людьми» и А. Борзецова с отрядом юртовских и едисанских татар. При этой угрозе Тинмаметевы капитулировали. Толмач А. Тимофеев, вернувшийся из улусов, сообщил, что черные улусные люди Тинмаметевых, услышав о военной помощи из Астрахани противной стороне и о требовании закладов, приходили к мурзам и «с великим шумом» говорили Аксак-Кельмаметь мурзе, что он «пред великим государем во многих неправдах виноват, милости не просит, закладов не дает» и «в том его, Аксакове, озорничестве и в непослушаньи и в их меж себя недружбах с Урмаметевыми детьми они, улусные люди, погибают». Улусные люди говорили, что, если он не выполнит требования добровольно, они силой отправят его в Астрахань.[142] Гордый мурза должен был смириться перед своими же улусными людьми. Воеводы приняли его в съезжей избе, но напрасно ждали, чтобы он заговорил первым и стал бить челом. Только на вопрос воевод мурза ответил, что он прислан заявить о верности его улусов государю. Воеводы выговорили мурзе все его «вины» и требовали закладов. Мурза признал свои «вины», но о закладах дал уклончивый ответ и, со своей стороны, требовал вывода войск из улусов Урмаметевых. Воеводы ответили отказом, 25 мая мурза был отпущен.[143] Упорство мурзы не было сломлено. Толмач С. Кулешев проводил мурзу до того места на Волге, где его должны были встретить его люди. Не застав их, мурза отправился в улусы один. Спустя некоторое время распространился слух, что Аксак-Кельмаметь мурза был захвачен в степи Шейдяк мурзой Урмаметевым и убит. Затем выяснилось, что мурза ускользнул от своих врагов, «а отбыл» тем, что «свалясь с лошади, да сидел в залое в воде по шею, и кожа вся с лица и с рук и со всего с него сошла». Проскитавшись в камышах два дня, мурза вышел к своим улусам пешим. Ногаи утверждали, что астраханские воеводы совершили предательство и что все это происшествие было подстроено ими.[144] Естественно, что воеводы умалчивали об обстоятельствах описанного события, но во всяком случае с тех пор имя Аксак-Кельмаметь мурзы, одного из активнейших мурз во всей орде, памятного своими набегами на московскую украйну, исчезает со страниц документов.

Ко времени приезда в Астрахань Аксак-Кельмаметь мурзы улусы Урмаметевых стояли на Кигаче в 50 верстах от Астрахани, отряд русских войск расположился поблизости в укрепленном городке. Противная сторона была также готова к действию. Воеводы, «видя у них такую многую недружбу, на обе стороны ссорили порознь, тая от них друг от друга» и вели дело к тому, «чтобы ту их рознь и войну привести к конечному их разоренью». 26 мая, не дождавшись возвращения Аксак-Кельмаметь мурзы и подозревая дурное, его братья и дети кн. Иштерека совершили нападение на становище своих противников и на русских ратных людей,

---

[142] Ногайск. д. 1619 г., № 1, л. 14—15.

[143] Там же, л. 16—24.

[144] Там же, л. 32, 112—113.—Ногайск. д. 1622 г., № 2, л. 5—8. «Залой», по Далю,—полой, пойма, место, покрываемое водой.—Может быть,—солончаковый водоем.

но были отражены и преследуемы верст на десять. После боя около 3 тыс. человек из Иштерековой орды со всеми своими кочевьями изъявили желание «жить в Астрахани в татарских юртах с мурзами и с юртовскими и с едисаны вместе». Из улусов, потерпевших поражение, на этот раз было освобождено до 700 человек русского полона. Остальная часть Иштерековой орды, преследуемая «резвым делом», бросилась в степь к Яику. Во время преследования Мамай мурза Урмаметев убил Карагоз мурзу Тинмаметева — новое звено в родовой вражде мурз между собой, источник новых столкновений. Урмаметевы скоро возвратились и кочевали за р. Бузаном.[145]

В июле 1619 г. по просьбе Урмаметевых им были даны стрельцы, чтобы обеспечить перевод за Волгу еще остававшихся под Азовом частей орды Больших ногаев. Братья Урмаметевы захватили остатки орды и стали «забивать» их на ногайскую сторону Волги. В самом начале августа на судах, присланных из Астрахани, и под охраной стрельцов «дворов» с 500 было переправлено через Волгу. Часть улусов и после этого еще оставалась за Волгой до зимы.[146]

Напуганные усилением Урмаметевых, Иштерековы и Тинмаметевы дети увели свои улусы в степи к Яику и стали там «в крепком месте укрепясь городком».[147] Но здесь они подверглись нападению калмыков, страх перед которыми был сильнее опасений вражды Урмаметевых и сильнее неприязни и недоверия к русской власти. В средине ноября 1619 г. Иштерекова орда снова прикочевала к Астрахани и выдала заложников: старшего из Тинмаметевых—Янмаметь мурзу и старшего из детей кн. Иштерека — Мамбет мурзу. Таким образом, требования астраханских воевод были, наконец, выполнены. Тинмаметевы в своем челобитье откровенно высказали все свои опасения и надежды. Они просили дать им в улусы «немного» и «не надолго» ратных людей «для обереганья, а не для войны». Мурзы надеялись «отомстити недружбу свою собою, своими людьми». Воеводы отвечали им, «выведывая от них допряма недружбу их, а свою ссору от них укрывая, будто жалея о них», что «ссора их ногайская» великому государю «негодна», а «годно» ему, чтоб все ногаи были под его высокою рукою «в прямом холопстве в соединенье и в покое и кочевали бы все вместе на ногайской стороне». Мурзы поддались на воеводские речи и раскрыли все свои карты. Они «объявили» свою недружбу к Урмаметевым детям до конца, особенно обострившуюся после убийства ими Карагоз мурзы Тинмаметева. Мурзы просили «воли у них не отнимать», разрешить им «недружбу свою до конца совершить». Воеводы, «видя той их ссоре и недружбе хотенье», «наговаривали» их на ту недружбу, «на войну их меж себя поволили» и дали им ратных людей в улусы 40 стрельцов с сотником А. Акинфиевым. Стрельцам был дан строгий приказ, оберегая дома ногаев, самим в войну не ввязываться.

В своей отписке в Москву воеводы подводили итоги своей политики. Большие ногаи все «в прямом холопстве» кочуют под Астраханью, «разделясь надвое». От обеих половин орды взяты «крепкие заклады». Рознь и ссора удерживают ногаев от нападений на московскую украйну. Если вражда завершится войной, то «бессильной стороне» укрыться и найти оборону, кроме Астрахани негде. «А от той их розни и от войны никоторые стороны отходу их ногайского с ногайской стороны» воеводы не ожидали. Воеводы считали нежелательным замещение освободившихся мест князя и нурадына, так как ожидание назначения удерживало мурз под

---

[145] Ногайск. д. 1619 г., № 1, л. 24, 29, 31, 40, 81—82, 107—110, 114—117.
[146] Там же. л. 188—191.—Ногайск. д. 1620 г., без №, л. 3—4.— Русские источники называют ногайские юрты или кибитки «дворами».
[147] Там же, л. 192.

Астраханью.[148] Правительство одобрило политику А. Хованского и А. Львова и согласилось с их выводами.

В 1619 г. 17 декабря, когда на Волге лед стал, улусы Урмаметевых детей, остававшиеся на крымской стороне Волги, перешли реку и расположились частью между рек Кутумовой и Болдой, частью ниже города. 18 декабря кекуват Яштерек мурза Тинехматов и Иштерековы дети напали на улусы Кара-Кельмаметь мурзы Урмаметева. Всю ночь длилась схватка. Наконец, Кара-Кельмаметь мурза не выдержал и бежал в Астрахань за огороды и юрты. Противники «топтали их по самый острог и за огороды и многих людей у Урмаметевых детей побили», а часть улусов «заворотили к себе». А. Львов с ратными людьми выходил для охраны острога, русских людей и юртовских татар. К р. Болде был послан стрелецкий голова А. Хохлов с приказом конных стрельцов, «маня ногаев помочью на обе стороны», чтобы они, видя государевых ратных людей, «больше к бою ссорились и, на то обнадежась, многую кровь всчали». Стрельцы должны были также охранять русских людей, находившихся на рыбных промыслах, и облегчить возможность русским полоняникам бежать из ногайских улусов и укрыться под их защиту. Вмешиваться в драку стрельцам воспрещалось. Ободренные появлением ратных людей, Урмаметевы вновь собрались и бросились на врагов. Те бежали, их преследовали, многих побили и пограбили, многие потонули «на побеге» в р. Болде. В преследовании Тинмаметевых приняли участие юртовские и едисанские татары, которых Яштерек мурза «задрал» при своем первом натиске.[149]

Пользуясь сумятицей, из обеих половин Ногайской орды вышли «из мусульманских рук многие крестьянские души», увидев русских ратных людей: детей боярских, матерей их, жен и детей, людей и крестьян вышло из неволи до 2700 человек, но и после того «многой русской полон» продолжал «беспрестанно» выходить из орды в Астрахань. В орде произошел раскол: от ногаев отделились со своими улусами Канай мурза Тинбаев (с ним до 5000 человек едисан) и Алей мурза Сатыев (с ним до 1000 человек) и явились в Астрахань «на государево имя». Из этих улусов был также «отобран многой русский полон». Кара-Кельмаметь мурза преследовал отступавших до урочища Белужья (в 4 днях от Астрахани), отгромил у них свои улусы и захватил часть чужих. В этих улусах было сыскано и освобождено еще до 500 русских полоняников. Погромленные улусы Иштерековых и Тинмаметевых детей остались на кочевьях по р. Эмбе.[150] В общей сложности из ногайских улусов было освобождено до 15 тыс. русского полона.[151]

Таким образом, московская политика на этот раз могла торжествовать полный успех. Удалось разделить и ослабить орду, уничтожить наиболее энергичных противников, привести часть улусов к более тесной зависимости от Астрахани. Достигнута была и вторая цель — освобождение значительного количества русского полона, остававшегося в орде от предшествующих лет.

До 1622 г. обе части Ногайской орды мирно кочевали—одна по Волге, другая по Яику и Эмбе. В конце 1622 г. «по вестям» о переходе через Яик калмыков были посланы отряды стрельцов в ногайские улусы, кочевавшие по Эмбе, для их охраны. Но присутствие стрельцов не удержало ногаев от движения к Волге и перехода через нее между Саратовым и Сама-

---

[148] Ногайск. д. 1620 г., без №, л. 11—19.

[149] Там же, л. 19—22.

[150] Там же, л. 22—23, 89—90.

[151] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 1165. — АМГ, т. I, № 187.—Цифра 15 тыс. указана в докладной выписке по челобитью А. Львова.

рой на крымскую сторону. Возможно, что на татар повлияли также слухи о набегах на Русь крымцев, Малых ногаев и азовцев. Действительно, есть определенные указания на то, что татары из улусов Иштерековых и Тинмаметевых детей, перешедших на крымскую сторону Волги, приняли участие в набегах на Русь в эти годы.[152]

Казалось, что все положительные результаты политики астраханских воевод Хованского и Львова в орде были сведены на-нет. Участие ногаев в набегах на Русь побудило правительство к энергичному шагу. В грамотах астраханским воеводам от августа 1622 г. правительство предписывало им организовать еще до зимы поход против ушедших за Волгу ногаев с привлечением к нему ногаев, оставшихся верными Москве.[153]

Но возвращение ногаев произошло быстрее, чем рассчитывало правительство. Беглые улусы примкнули к той части Малых ногаев (с Касай мурзой Исламовым во главе), которые кочевали ближе к горам. Враждебная этим Малым ногаям часть их кочевала под Азовом (улусы мурз Мамаева и Уракова родства). С другой стороны, в 1623 г. крымцы предприняли поход против Кабарды и Бесленеев с участием Малых ногаев. Улусы Тинмаметевых оказались в опасном положении. Им трудно было удержаться на позиции нейтралитета: либо они втягивались в борьбу с Крымом, либо становились в зависимость от него. Астраханские воеводы, зная обстановку, воздержались от активных действий. Вместо того из Астрахани был послан сын боярский Спиридон Брюшков с призывом вернуться под Астрахань. Ногаи тотчас изъявили готовность «принести свои вины» и вернуться.[154] Впоследствии Тинмаметевы объясняли свое быстрое возвращение к Астрахани тем, что им от азовцев и казыевцев «стало утеснение». Повидимому, здесь создалось приблизительно такое же положение, какое в 1616 г. заставило кн. Иштерека вернуться к Астрахани.

В 20-х числах октября 1623 г. ногаи уже расположились в Мочаках, в 2—3 днях пути от Астрахани, а 28 октября мурзы были приняты воеводами, дали заложников из мурз по человеку от семьи, а от улусных людей по человеку от каждого родства и принесли шерть.[155]

Этот короткий эпизод, разрешившийся быстро и благополучно, заставил московское правительство внести поправку в усвоенную в предшествующие годы политику в орде. Воеводам пришлось отказаться от стравливания мурз и содействовать их примирению между собою, без чего мурзы, уходившие за Волгу, не хотели возвращаться. Лишь договорившись, Иштерековы и Тинмаметевы дети перевели свои улусы через Волгу и стали кочевать по Берекети и Ахтубе.[156]

Новым воеводам кн. С. Прозоровскому и Арт. Измайлову было предписано держаться более умеренно и осторожно, чтобы между мурзами «большой розни не было», чтобы эта рознь не послужила причиной нового перехода ногаев на крымскую сторону Волги и их набегов на украинные города. Государеву грамоту об этом рекомендовалось держать в величайшем секрете, за воеводскими печатями, даже «подьячим и толмачам ее честь не давать», чтоб «в ногаях не отозвалось».[157]

События в Крыму и во всем Причерноморье держали Ногайскую орду в напряженном состоянии. Ногайские мурзы были отлично осведомлены о борьбе, которую вели с Турцией Магмет Гирей и Шагин Гирей. Шагин

---

[152] Ногайск. д. 1622 г., № 1, л. 15—18.—Ногайск. д. 1622 г., № 2, л. 1—10.—Турец. д. 1622 г., № 1, л. 62—67.
[153] Ногайск. д. 1622 г., № 4.—Ногайск д. 1622 г., № 1, л. 18 и сл.
[154] Ногайск. д. 1623 г., № 1, л. 24, 26, 44.
[155] Там же, л. 19, 27, 38—39, 45—46.
[156] Там же, л. 63—65, 128—131.
[157] Ногайск. д. 1620 г., без №, л. 158.—Ногайск. д. 1623 г., № 1, л. 185.

Гирей стремился втянуть Ногайскую орду в борьбу. Орда волновалась. Быть может, рисовалась перспектива выхода из неустойчивого положения между московской властью и нараставшей угрозой со стороны калмыков. Если бы ногаи ушли на крымскую сторону Волги, они, несомненно, оказались бы втянутыми во внутреннюю борьбу Крыма.[158]

Московское правительство, как мы уже указали, требовало от астраханских воевод проявлять больше осторожности и гибкости и в отношении орды. После возвращения ногаев в 1623 г. под Астрахань, стараясь закрепить их здесь, астраханские воеводы предложили правительству произвести назначение в чины князя и нурадына, пустовавшие с 1619 г. После тщательного обсуждения всех возможных кандидатур и переписки по этому вопросу с Москвою князем был назначен старейший в Ногайской орде мурза Канай Тинбаев, а нурадыном — Кара-Кельмаметь мурза Урмаметев, следующий по старшинству в роде мурз. Оба они принадлежали к тем ветвям ногайских мурз, которые в предшествующих событиях показали себя наиболее верными Москве. Канай мурза, как указано было выше, прямо изъявлял готовность служить Москве. Он стоял во главе юртовских татар, отряд которых действовал против поляков в 1617—1618 гг. Были также особые причины, говорившие в пользу кандидатуры мурзы Каная. Сын его, в крещении Михаил Канаев, уже давно служил в Москве. Так, в 1616 г. в качестве воеводы кн. Михаил Канай мурзин сын Тинбаев-Урусов, вместе с Н. Лихаревым, ходил по царскому указу воевать литовскую землю к Сурожу, Витебску, Велижу и в иные места. В 1617 г. кн. Михаил сражался с поляками под стенами Москвы. Летописец говорит о его гибели в приподнятом тоне: «И бышу у него с ними (поляками) бою велику», «подобился древним богатырям»; кн. Михаил геройски пал в неравной битве. Кара-Кельмаметь мурза уже давно держался московской ориентации и боролся с кн. Иштереком, как изменником.[159] Торжественное возведение названных мурз в чины князя и нурадына произошло в Астрахани; церемония поднятия на полсти, чтение молитв, вручение государевых грамот и подарков и пиршество.[160]

Усиление потомков Тинбая и близких к ним мурз Урусовых, после возведения Каная в князья, вызвало примирение и сближение между собой мурз Урмаметевых и Тинмаметевых. Обострилась давняя вражда мурз Тинехматевых с Урусовыми и Тинбаевыми. Кн. Канай жаловался астраханским воеводам на нурадына Кара-Кельмаметя и его сторонников в намерении убить его. Урмаметевы жаловались на грабежи их улусов едисанами.[161] В этой атмосфере вражды и соперничества произошло новое убийство сына кн. Иштерека Мамбет мурзы во время проезда его через чужие улусы Батырча мурзой Янарасланов ым. Кн. Канай приводил ряд оправдывающих убийство соображений: что Мамбет мурза творил насилия, проезжая по улусам едисан, что убийство было ответом на убийство Саты мурзы Янарасланова, что Мамбет мурза «за то и умер, что теснил улусы кн. Каная с их кочевий», что вообще мурзы имеют право «меж себя побиваться». Ожидая ответного нападения, кн. Канай держал в готовности до 10 тыс. ратных людей. Кара-Кельмаметь мурза также собрал в своих

---

[158] Ногайск. д. 1626 г., № 1, л. 110—111.—«Ногаи многие люди с казыевскими татары промеж собой в свойстве и в ближнем племени, потому что ногайские люди у казыевских людей женятся, а казыевские у ногайских людей женятся. А иных ногайских людей отцы и матери и братья живут в казыеве улусе, а казыевских татар отцы и матери и братья многие у ногайских татар живут и промеж собою ссылаются и съезжаются».

[159] Ногайск. д. 1620 г., без №, л. 80—83; 117—119.—Ногайск. д. 1622 г., № 3, л. 58—63.—ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 146.— Дворц. разр., т. I, с. 227—228.

[160] Ногайск. д. 1623 г., № 1, л. 97—104.

[161] Там же, л. 146, 181—185 и сл.

улусах до 7 тыс. вооруженных людей. Но на этот раз столкновение было предотвращено астраханскими воеводами, которые засадили в тюрьму Батырча мурзу.[162]

В последующие затем годы настроения в орде развивались под воздействием волнующих слухов о бурных событиях в Крыму в правление Магмет Гирея и Шагин Гирея. Московское правительство быстро уловило эту связь и с беспокойством следило за поведением орды Больших ногаев. Правительство предписывало воеводам особую осторожность. В конце 1624 г. кн. Канай договаривался с калмыцкими тайшами о «дружбе и совете», стараясь предупредить вредные последствия нападения на калмыков, совершенного Тинмаметевыми улусными татарами. Из Москвы последовало немедленно же предписание воеводам строжайше запретить мурзам всякие ссоры с калмыками. «Да и того вам надобно беречи накрепко, — писали из Москвы, — только их (калмыков) с ногаи ссорить, и то будет не прибыльно, потому что калмыки ногаем сильны; и преже того ногаи бегали от них за Волгу на крымскую сторону и, сложася с казыевскими мурзами, воевали наши украйны. И ныне от них того же опасаться, чтобы ногайские мурзы от калмыцких людей войны Волги не перешли и нашим украйнам какого дурна не учинили»[163]. Если бы уход ногаев на крымскую сторону Волги произошел теперь, он облегчил бы Шагин Гирею осуществление его воинственных планов. В начале 1625 г. на Волге были перехвачены крымские послы в орду. Удалось узнать, что Шагин Гирей призывал Больших ногаев перейти на крымскую сторону Волги и соединиться с казыевцами, а он, Шагин Гирей, хочет ставить город на р. Куме. В случае невыполнения этого требования, калга угрожал войной. Грамоты были адресованы Урак мурзе Тинмаметеву и всем ногайским мурзам. Послы были задержаны и возвращены обратно. Но «ссылка» ногайских мурз с Крымом все же состоялась. Было установлено, что Урак мурза дважды посылал в Крым своего человека, который под пыткой сознался в этом. Ввиду обнаруженной измены, Урак мурза с семьей и человек его были схвачены и сосланы, сам мурза — в Кострому (куда он прибыл в декабре 1625 г.), а человек его — в Галич (в начале 1626 г.).[164] Не один Урак мурза был повинен в измене. Весной 1625 г., вероятно, в марте — апреле, к Шагин Гирею в Крым бежал Ак мурза Байтереков и просил его помочь ногаям уйти из-под московской власти. Воеводам кн. И. Ф. Хованскому и Г. Валуеву с товарищами было поставлено в вину, что они своею «изменою» за посулы и поминки упустили его из орды, а тот мурза, прибежав в Крым, ссорил царя и калгу с московским государем, уговаривал калгу итти войной на московскую украйну, советовал посланников Прончищева с товарищами разграбить и побить и навел на них «многой позор». Воеводы были обвинены в том, что они не сыскивали отогнанных ногаями крымских лошадей и не вернули их. Им были поставлены в вину и другие незаконные действия в ногайских улусах, на которые раньше, может быть, и не было бы обращено внимания, например, разные покупки в улусах по дешевой цене. Смерть избавила кн. И. Ф. Хованского и Г. Валуева от кары, но у их товарищей, дьяков М. Поздеева и В. Яковлева, были отписаны все их вотчины и поместья.[165]

Суровость кары показывает, как серьезно смотрело правительство на положение в орде Больших ногаев в годы правления в Крыму Магмет Гирея и Шагин Гирея. По Волге вверх до Енотаевска были установлены разъ-

[162] Ногайск. д. 1623 г., № 1, л. 17—23, 40—41.—Ногайск. д. 1627 г., № 1, л. 228—232.

[163] Ногайск. д. 1625 г., № 2 и 3.

[164] Ногайск. д. 1625 г., № 1, л. 1—15.—Ногайск. д. 1625 г., № 5, л. 22—53.

[165] Дворц. разр., т. I, с. 835—844.

ізды конных стрельцов, чтобы следить за всеми переходами ногаев за Волгу. В Астрахань были вызваны мурзы для расспросов, нет ли среди мурз «шатости». Мурзы отрицали «шатость» в своей среде, но указывали, что они не властны над своими улусными людьми, особенно над людьми «большого родства», наманского и кипчацкого. Улусные люди «позабогатели и мурз не слушают, делают и ходят по своей воле, как хотят» и их, мурз, «ставят ни во что». «Хоть де в твоей государеве вотчине в Астрахани, — говорили мурзы, — в закладе ногайские мурзы и будут, а послышат улусные люди, что в Крыме учинился Шагин Гирей царевич царем, и улусные люди и мурз в Астрахани в закладе отступятся, пойдут с ногайской стороны на крымскую сторону. А только де в Крыме Шагин Гирея не будет, и в те де поры в ногаях шатости никакие не будет». Сами мурзы рекомендовали взять в заклады, помимо мурз, от каждого родства лучших улусных людей.[166] Еще летом 1625 г. в ногайских улусах был съезд, на котором улусные люди (едички, кипчаки, китаи) «придумали» откочевать вверх по Волге и перейти на крымскую сторону меж Царицына и Самары «по черной воде». Кара-Кельмаметь мурза отказался поддержать это решение улусных людей и ушел на кочевье ближе к Астрахани. Было очень важно для московского правительства, что виднейшие мурзы не примкнули к возникшему в улусах движению. «А сильны мурзам черные богатые мужики и мурз они не слушают», — говорил Кара-Кельмаметь мурза. Воеводы «учинили добро, что больших мурз в Астрахани засадили, а к тому бы взяли в Астрахань в заклады из черных людей, и то бы было крепче».[167] По этому совету новые воеводы П. Головин с товарищами взяли на зиму 1625—1626 гг. из улусов увеличенное количество заложников: 10 мурз и их людей 43 человека, лучших улусных людей 32 человека. Та же мера была повторена в следующую зиму: заклады брались «для зимнего времени», когда переход Волги был легок, «покаместа на Волге лед пройдет».[168] Шагин Гирей не ограничился одной агитацией в орде, он подкреплял ее действием. Так, в сентябре 1625 г. Малые ногаи в числе 1000 и более человек напали на улусы Тинмаметевых и угнали у них 500 лошадей. Нурадын, опасаясь нападения на свои улусы, увел их на кочевья к Камыш-Самаре и к Узеню.[169] Неустойчивость настроений в орде вызвала предписание воеводам П. Головину с товарищами об особенно осторожном поведении: к ногайским мурзам «держать ласку, привет и береженье против прежнего обычая, а напрасные жесточи им не делали никоторыми делы, и напрасною жесточью их от нас, великого государя, не отгоняли...»[170]

В 1628 г. напряжение в орде достигло кризиса. Незамиренная вражда среди мурз, счеты их из-за кочевий, борьба за улусы, осложненная притязаниями молодых мурз, которые не имели улусов, но хотели их иметь, новые удары калмыков, от которых астраханские воеводы не были в состоянии защитить татар, волнующие слухи проникавшие из Крыма, — все это приближало момент новой вооруженной схватки в орде.

В средине апреля 1628 г. нурадын Кара-Кельмаметь мурза, чувствуя приближение момента столкновения, просил воевод об оказании ему обороны против кн. Каная и Тинмаметевых, готовящихся к нападению и теснящих его с кочевий. Воеводы заверили, что не допустят войны, а для охраны его дали ему 50 стрельцов. Но что могли означать все эти обеща-

---

[166] Ногайск. д. 1626 г., № 1, л. 42—50, 83—86, 95—97.
[167] Ногайск. д. 1625 г., № 1, л. 57—58.
[168] Ногайск. д. 1626 г., № 1, л. 108.—Ногайск. д. 1627 г., № 1, л. 116.
[169] Ногайск. д. 1625 г., № 1, л. 6—13, 38—40, 44.
[170] Дворц. разр., т. I, с. 844.

ния, когда оставалась в силе данная из Москвы директива «как бы их (мурз) в недружбах их подтвердить, а в большую ссору не ввести»?[171]

24 мая 1628 г. в ночь на улусы нурадына приходили войной Мамбет мурза и Чубар мурза Тинмаметевы с братьями и племянниками, все его улусы «взяли и загнали к себе совсем». Самого нурадына с семьей и немногими людьми отстояли стрельцы «в своем тележном городке». Мурзы Иштерековы и Яштерековы дети ушли к Тинмаметевым. Собственные улусы нурадына покинули его и откочевали вверх по Волге.[172]

На другой день мурзы, разгромившие нурадына, приходили к кн. Канаю и предлагали ему из только что захваченных улусов нурадына найманское и туркменское родства «или которое полюбится», но только, чтобы он был с ними в дружбе, а от русских людей отстал и в Астрахань не ездил. Кн. Канай отказал в союзе.[173]

На третий день «с утра на заре» Чубар мурза Тинмаметев, Би мурза Иштереков, Ак мурза Байтереков, недавно вернувшийся из Крыма, куда он убегал, и «иные молодые мурзы» напали на улусы кн. Каная, их погромили, жен и детей мурз захватили, животы их ограбили и улусы все «отворотили к своим улусам». Кн. Канай и его сторонники спаслись лишь «головами своими» и лишь немногие успели увезти своих жен и детей.[174] Совершив погром, лишив князя и нурадына их улусов, взбунтовавшиеся мурзы увели орду вверх по Волге с намерением перейти на крымскую сторону.[175]

В Москве это событие вызвало сильную тревогу. В грамоте во всем винили воевод кн. Буйносова-Ростовского с товарищами: при прежних воеводах «делалось все лучшее», а при них «учинилось много дурного». Им был указ недружбу в ногаях укреплять, но их от Астрахани не отогнать, а воеводы вызвали среди ногаев ссору «своей недогадкою». Воеводы не сумели удержать ногаев от столкновений с казыевцами, не сумели предупредить злоупотребления астраханских людей, ссор и обид: отгона лошадей, краж ребят, женок и девок, не давали управы на насильников. В Москве придавали большое значение возвращению из Крыма изменявшего Москве Ак мурзы Байтерекова, которого воеводы не сумели обезвредить.[176]

В Казань, Самару, Саратов, Царицын, Черный Яр были посланы грамоты о принятии мер против перехода ногаев за Волгу. В орду были посланы стольник А. Плещеев и переводчик П. Врасский для уговариванья ногаев вернуться под Астрахань и для производства сыска по их жалобам на учиненные над ними насилия. Урак мурза Тинмаметев, взятый в Москву, был спешно возвращен в Астрахань, о чем уже давно просили ногайские мурзы.[177] Астраханские воеводы послали вверх по Волге в судах стрельцов и юртовских татар для удержания ногайских улусов от перехода за Волгу.[178]

Ногаи вернулись к Астрахани в июле 1628 г. Кн. Канай потребовал возвращения отнятых у него улусов. Его противники отвечали, что «им меж себя воеваться и животы и полон имать повелось исстари». Они мстили за убийство Мамбет мурзы Иштерекова. В давние времена Урусовы и Тинбаевы убили кн. Тинмаметя, забрали полон и «распродали в розные государства»; теперь никто из пострадавших не требует возвращения захва-

[171] Ногайск. д. 1628 г., № 1, л. 165, 172, 175, 177—178, 180.
[172] Ногайск. д. 1628 г., № 4, л. 22—23.
[173] Там же, № 4, л. 24.
[174] Там же, л. 25.
[175] Там же, л. 26.
[176] Там же, л. 50, 52—56.
[177] Там же, л. 64, 71, 89.
[178] Там же, л. 27.

ченного. Тинмаметевы говорили, что они вернули жен и детей, не причинив им «бесчестья и позору». Убийство Мамбет мурзы важнее, «и то де им чем заменить и кровь и смерть...» Впрочем, Тинмаметевы соглашались возместить нанесенный ущерб, если воеводы пошлют в улусы детей боярских, которые произведут сыск о награбленном и вернут его по принадлежности. Воеводы отклонили предложение, понимая его невыполнимость: всегда ногаи сами «разделывались» между собой в своих ссорах, отвечали воеводы.[179]

Все кончилось на этот раз временным компромиссом.

Вскоре нурадын Кара-Кельмаметь, выбрав удобный момент, захватил улусы своих врагов, утверждая, что они пришли к нему добровольно, и увел их к Яику.[180] Но здесь алтаульский мурза Салтанай, зная, что после войны ногайские улусы «стали все в розни», сговорился с калмыками и вместе с ними (калмыков было до 2000) в ночь на 31 октября внезапно напал на ногайские улусы, захватил полон и животинные стада. Находившиеся в улусах стрельцы «отсиделись в тележном городке» и отразили нападения на них калмыков. Совершив нападение, калмыки, «не мешкая», ушли за Яик. Ногаи отказались от преследования калмыков, считая невозможным настигнуть их, а главным образом потому, что боялись своих «недругов» в самой же орде. Ногаи в панике бросились к Волге вверх по Ахтубе. Улусные люди решительно готовились бежать за Волгу: ломали и жгли старые и готовили новые телеги и хомуты, меняли коров и овец на лошадей. «А русским людям всей Волги не огородить»,— говорили они. Однако и на этот раз посланные из Астрахани стрельцы сумели перехватить орду в 150 верстах от Астрахани, всех перешедших за Волгу удалось снова загнать обратно.[181]

После взаимных погромов, столкновений со страшными для них калмыками, метаний по степям, неудавшихся попыток прорваться за Волгу ногаи еще раз собрались под Астраханью. Власть князя и нурадына, казалось, лишилась всякого авторитета. Ногаи «поисшатались», улусы обнищали. Мурзы не могли «разделаться» самостоятельно в своих ссорах. В связи с этим стоит замечательное обращение мурз к воеводам от 14 декабря 1628 г. Собравшись в съезжую избу, они обратились к воеводам с челобитьем, в котором указали, что, вследствие их «недружбы», междоусобной войны, убийств и грабежей, улусы их разорены и разбрелись: пользуясь их «нестроеньем», алтаульские татары и калмыки подвергли их погрому; ногаи не имеют сил обороняться. Видя то, мурзы заключили между собой договор: прежние ссоры и вражду отставить и быть впредь всем между собой «в дружбе и в совете»; захваченного в прежних столкновениях ни на ком не спрашивать. Во вновь возникающих ссорах впредь «по прежним своим бусурманским обычаям самим не управливатца ни в чем». «А хотят де, государь,— писали астраханские воеводы,— они, Канай князь и мурзы и все их улусные люди, вперед быти оборонны твоим царским праведным судом и обороною так же, как и русские люди, а не так, как бывало наперед сево, во всяких недружбах ведалися и управливалися они меж себя сами...». «И тебе бы, великий государь, пожаловати их, велети их в улусных людей розправляти своим царским милостивым указом и виноватым чинити наказанье, смотря по винам так же, как и русским людем». Отказ в просьбе поведет к тому, что ногаи окончательно разорятся, улусы разбредутся в Казыев улус, в Крым, в Юргенч и в иные государства, и удержать их от того будет невозможно.

---

179 Ногайск. д. 1628 г., № 2, л. 32, 88, 92—93.
180 Ногайск. д. 1629 г., № 1, л. 104—108.
181 Там же, л. 30—31, 42, 114—115, 124—125.

Таким образом, мурзы решили отступиться от своих «прежних бусурманских обычаев» и подчиниться царской воле, суду и обороне. Московское правительство не имело намерения вступать на новый, непривычный для него путь. Челобитье мурз было отклонено. Воеводы отвечали, что их ссоры и недружба государю не угодны, но что государь «тое их повольности отнимать у них не велел, жалуя их по своему царскому милостивому нраву по их же челобитью, чтобы им и всяких вер людем ваших государств твоим царским милостивым жалованьем бодроопасным осмотрением жити в повольности и в покое по их обычаем, как повелось исстари, а неволити их ты, великий государь, от их прежних обычаев ни в чем не велел».[182] Ответ является выражением как бы принципиального отношения московского правительства к «повольностям всяких вер людей», сбитавших в пределах государства, а по существу отклонение сбращения ногайских мурз диктовалось соображениями трезвого практического расчета.

Большие ногаи вернулись за Волгу после того, как они в течение многих лет жестоко разоряли Русь и полонили ее население. В течение одного 1619 г. из ногайских улусов было освобождено много тысяч русских полоняников. Очевидно также, что во много раз большая масса русского полона была продана в Бухару, Юргенч и Персию, когда орда кочевала «по своей воле» и когда восточные купцы могли свободно приезжать в орду. Тем не менее московское правительство в своей политике в отношении орды, как мы видели, не руководствовалось чувством мести, что могло бы быть естественным, принимая во внимание тот вред, который орда причинила государству. В течение 20-х годов русское правительство добивалось лишь одного — предотвращения новых нападений ногаев на Русь. Мщение за все содеянное ими зло помешало бы достижению этой цели. Правительство старалось укрепить свою власть в орде, ослабив орду. Приемы, посредством которых оно стремилось достигнуть этого, не были новыми. Сначала оно придерживалось довольно резкой тактики взаимного натравливания мурз и разжигания соперничества и вражды мурз между собой вплоть до вооруженных столкновений. Но правительство не считало такую тактику полезной и применимой во все времена и при всяких условиях. Оно быстро поняло, что дальнейшее обострение внутренней розни среди мурз в орде могло обернуться во вред интересам государства. Используя соперничество мурз, можно было привязать к себе мурз, занимавших в орде руководящие посты князя, нурадына и пр., можно было уничтожить и обезвредить наиболее опасных среди них своих противников, но все это еще не означало прочного овладения всей массой ногаев. Разорение, которому подвергались улусные люди в бесконечной феодальной склоке мурз между собой, угроза со стороны калмыков и тяготение к Крыму и Малым ногаям могли легко повести к уходу орды за Волгу, а уход за Волгу, как ясно представляло себе правительство, означал возобновление нападений татар на Русь; уход части ногаев за Волгу в 1622—1623 гг. был новым наглядным уроком. Правительство потребовало от воевод изменения прежней тактики, большей гибкости, осторожности, решительно порицало произвол и «жесточь», чтобы ногаев от подчинения московскому государю не отогнать. Челобитье ногайских мурз в конце 1628 г. с выражением желания подчиниться царскому суду, расправе и обороне налагало на правительство сложную и непривычную для него задачу управления ордой, а кроме того, что, может быть, было самым важным, обязывало его защищать одну орду кочевников против другой—орды калмыков, надвигавшихся с востока.

---

[182] Ногайск. д. 1629 г., № 1, л. 136—141.

Мы назвали период с 1618 по 1630 г. периодом затишья на южных границах Московского государства. Приводимое ниже описание татарских нападений, которые были совершены в эти годы, показывает, что «затишье» было относительным. Тем не менее оно становится явным из сопоставления с предшествующим десятилетием, когда Русь подвергалась сильнейшим вторжениям татар, когда эти вторжения приобретали вид настоящей войны. В период «затишья» за ряд лет мы совсем не имеем сведений о появлении татар (1620, 1621, 1624 и 1630 гг.), либо нападения носили характер типичной пограничной борьбы русских ратных людей с мелкими группами татар (1618, 1619, 1628, 1629 гг.). Более крупными силами татары нападали лишь несколько раз (1622, 1623, 1625 и 1627 гг.). Но даже самые сильные из этих татарских «приходов» (1623 г.) были эпизодами и далеко уступали по силе нападениям других периодов. Мы можем сказать, что московская украйна отдыхала от татар. Несмотря на относительную слабость татарских нападений, мы даем по возможности полное их описание, так как они представляют для нас интерес во многих отношениях; их изучение дает нам понимание оборонительной деятельности правительства, выясняет интересные детали тактики нападений и обороны, обнаруживает мотивы татарских нападений, рисует общую картину жизни московской украйны и передвижения мирного населения в этой обстановке.

В течение 1618 и 1619 гг. на южной окраине Московского государства наблюдались лишь эпизодические появления небольших татарских отрядов, не связанные ни в какой мере с общим отношением татарских орд к Москве. 3 июня 1618 г. был замечен отряд татар на Муравском шляхе; 4 июня он появился в деревнях Голубицкой, Лебяжьей и Млодицкой в нескольких верстах от Курска, где татары успели захватить полон. Но так как о движении татар было известно, их преследовал отряд стрельцов и детей боярских, настиг их в 80 верстах от Курска на ночлеге, захватил «языков» и отнял весь курский и белгородский полон.[183] В 1619 г. в августе под Пронском дважды появлялся отряд татар в 200 человек; оба раза русские ратные люди вступали с ним в бой; захваченные при этом «языки» показали, что во главе отряда стояли азовские аги, что прихода больших сил Малых ногаев ожидать нельзя, потому что у татар «от стыди» лошади пали и что они «блюдутся» нападения Больших ногаев.[184] В этих случаях нападения татар, несомненно, были обязаны целиком частной инициативе.

Ни в 1620, ни в 1621 гг. появлений татар нами не отмечено.

Нападения татар в следующем 1622 г., хотя они были совершены значительно более крупными силами, происходили также по частной инициативе. Май—июнь 1622 г. пестрит появлениями небольших татарских отрядов в Данковском, Епифанском, Дедиловском, Одоевском и Белевском уездах. Набег был внезапным и застал украинных воевод врасплох; поэтому набег, несмотря на участие в нем небольших сравнительно сил, принес татарам хорошую добычу. Воеводы заработали выговор из Разряда за «дурость и нерадение», «простоту и глупость», что не проявили ни бдительности, ни инициативы в действиях против татар, хотя и располагали достаточными для того силами. Очевидно, затишье на юге усыпило внимание воевод. Участниками набегов были азовцы, Малые и Большие ногаи и ногаи Дивеева улуса. Московское правительство несправедливо

[183] Приказ. ст. № 4, л. 620—621.
[184] Дополнит. ст. № 10, л. 1—2, 4, 7, 45.

обвиняло только украинных воевод в том, что они не оказались достаточно бдительными. Для него самого вторжение татар оказалось неожиданным. Оно было также обмануто тем, что турки воевали с Польшей и что эта война у них «заложена на 10 лет». Неожиданное появление татар вызвало тревожные вести о движении на Русь массы казыевцев и азовцев (20 тыс.). В Москве составили расписание полков по р. Оке, о чем уже давно было забыто. Вести оказались ложными. Но все же допускали, что татары могут «безвестно» перейти Оку. Московские посланники обвиняли и крымцев в участии в набеге, но крымское правительство решительно отрицало этот факт и даже соглашалось наказать участников, если обвинение подтвердится; что же касается азовцев и Малых ногаев, то, говорили ближние люди царя, они Крыму не подчинены.[185]

Захваченный донскими казаками черный татарин Иштерекова улуса Сегиско при допросе его в Москве (около 16 июля) дал ряд интересных показаний о том, как организован был набег. «Вести» о приготовлениях к набегу азовцев достигли улусов Больших ногаев уже ранней весной. Мурзы якобы запретили Большим ногаям участвовать в набеге, но черные татары решили «итти в добычу самовольством, собрались украдом и пошли из улусов бегом; и пришли под Азов, и азовцам оказались, постояли на кургане; и к ним де из Азова приставали также охочие немногие люди и пошли перевозиться Донца». Всего азовцев и ногаев собралось к переправе 1000 и более человек. Здесь «на нижнем перевозе» напали на них казаки, убили до 100 человек, а он, Сегиско, попал в полон. Кроме того, татары собирались в поход и в других местах; Сегиско не мог назвать точно общей численности татар, принявших участие в набеге, потому что они «в те поры, как пойдут, не считаютца, потому кто хочет, тот из ногай и из Азова и пойдет, и на дороге съезжаютца и приставают, и смечаютца в те поры, как выйдут начисть (!) и все сойдутца в место, с которых мест пойдут на украйну в разъезд». По его смете азовцев и ногайцев собралось в поход 4—5 тыс.; крымских людей с ними никого не было. Мест нападения татарин указать не мог, потому что «они ходят искрадом: где про себя большие вести не почают, на те места и ходят»; подойдя к московской земле, «советуют, куды им лучше и расплошнее итти; а приходить де им на украйну в оржаной и в яровой сноп». Сегиско слышал, что вместе с ногаями был в походе Саты мурза Янарасланов. Сегиско, как это обычно бывало, подвергался допросу под пыткой («подниман дважды и огнем жжен»), но подтвердил все свои показания. Из этих показаний явствует, что улусные люди Больших ногаев участвовали в набеге с ведома мурз.[186]

В августе — сентябре 1622 г. московские посланники, задержанные на пути в Константинополь в Азове, наблюдали сборы в поход азовцев и их возвращение из похода с русским полоном. Когда посланники говорили об этом азовским начальникам, те ссылались на самовольство татар. Сообщение посланников подтверждается сведениями в документах Разряда о действиях татар в октябре под Данковом и захвате ими там полона.[187] Когда посланники уже в Константинополе сделали представление визирю о нападениях азовцев, последний не стал их оправдывать и обещал учинить «заказ крепкой», чтобы на Русь войною не ходили.

---

[185] С. М. Соловьев. История России, кн. II, с. 1197.—А. Яковлев. Засечная черта, с. 286.—Крым. д. 1622 г., № 6, л. 32—33 и сл.—И. Беляев, с. 56 — 57.— Дворц. разр., т. I, с. 518—519.

[186] Турец. д. 1622 г., № 1, л. 62—67.

[187] Там же, л. 21—25.—Белгород. ст. № 10, л. 105.—Саты мурза Янарасланов в нашей таблице не помещен.

Визирь распространялся при этом о миролюбии турецкого правительства.[188] Как бы ни относиться к этим заверениям визиря, мы, в самом деле, не усматриваем никаких оснований к враждебным отношениям Турции к Москве в те годы. Объяснения набегов 1622 г., нам кажется, следует искать в том, что в этом году азовцы получили специальный заказ на добычу полона. В Азов прибыло много кораблей турецких купцов. Задержка московских посланников И. Кондырева и Т. Бормосова в Азове произошла потому, что турецкие купцы еще «не испродали» своих товаров и «вновь азовских товаров не искупили». Купцы хлопотали о том, чтобы им отплыть одним большим караваном вместе с посланниками, рассчитывая не без оснований на покровительство последних в случае возможных нападений донских казаков, блуждавших в то время по морю. Азовский товар, который закупали турецкие купцы в первую очередь, был ясырь, и азовцы постарались спешно удовлетворить предъявленный на этот товар спрос. Очевидно также, что нападение на Русь связано с заключением перемирия между Турцией и Польшей после Хотинской войны в 1621 г. До этого года азовцы и Малые ногаи получали добычу в пределах Польши. Теперь их силы освободились, добыча попрежнему была нужна, и удар пришелся по московской украйне.

Нападения татар в 1623 г. имели свои особенности, обнаруживающиеся из следующего описания.

Появление мелких групп татар были замечены в 20-х числах апреля в Елецком уезде и 10 мая под Сапожком, где они взяли в полон 3 человек.[189] Нет оснований предполагать связь этих налетов с последующим нападением нескольких тысяч татар в июне по Муравскому шляху.

4 июня курский воевода Ст. Ушаков получил от вестовщиков сообщение о замеченном ими движении по Муравской сакме мимо Белгорода в Русь более 500 татар.[190] Как оказалось, это был только передовой отряд. Известив об этом воевод Мценска, Оскола, Ливен, С. Ушаков выслал на Пахнуцкую сакму ратных людей под командой казачьего головы Вас. Торбеева и стрелецкого головы Плакиды Тимирязева: курчан детей боярских 300, казаков 200 и пехоты «с вогненным боем» 100 человек. Татары прошли через ливенские места и с обычной быстротой проникли в Мценский, Орловский, Карачевский и Болховский уезды. В Орловском уезде 9 июня мценские ратные люди имели с татарами встречу в дер. Соголаевой; захваченный при стычке татарский «язык» показал, что татар было 3000 и руководили ими мурзы Клыч, Амет и Албашин. С. Ушаков послал в подкрепление ранее высланным ратным людям всех еще остававшихся в Курске детей боярских (число их не указано) и стрельцов 50 человек «с огненным боем» во главе с И. Анненковым. Оба отряда соединились 15 июня и настигли татар, уже уходивших из войны, за р. Семью (Сеймом), но напасть на них не решились ввиду значительного численного превосходства и принятых татарами предосторожностей, исключавших возможность внезапного на них нападения. Татары возобновили отход, курские ратные люди следовали за ними и успели опередить их у Думчего кургана (на повороте за верховьем Семи и Семицы) и загородить им дорогу в месте, которое казалось им выгодным для этой цели. 16 июня на восходе солнца татары всеми силами напали на курских ратных людей и бились сначала «коньми и пехотой»; ратные люди также бились сначала «коньми и пехотой», а затем спешились все и бились «пехотою»; на том бою было убито и ранено из пищалей немалое число татар.

---

[188] Турец. д. 1622 г., № 2, л. 106, 167—168.
[189] Там же, л. 21, 24—25.
[190] Белгород. ст. № 10, л. 346, 367—368.

Однако татары достигли цели, ратные люди не были в силах задержать их движение, и татары, «пропустя свой кош», что и было целью их боя с курскими ратными людьми, пошли далее по Муравской дороге. Ночевали они на той же дороге в 20 верстах от Белгорода. Ратные люди вновь опередили их и пришли в Белгород. Здесь они оставили утомленную долгим походом пехоту и «истомных людей», у которых лошади «поустали», и пополнили свои ряды свежими силами — белгородскими ратными людьми. Преследование татар возобновилось и продолжалось еще 3 дня. Снова ратные люди «дошли» татар на р. Мерчике и «пошли на них в ночи с белгородцы пехотою»; это ночное нападение не удалось, потому что «вожи», посланные для разведки, заблудились ночью. Момент для нападения был упущен, татары успели «из крепких мест» выйти в «чистые места» в степь. Преследование было прекращено 22 июня.[191] Татары уходили, как всегда, быстро. Курские ратные люди, уступая татарам в численности более чем вдвое, предпочитали действовать в пешем строю, а потому могли рассчитывать на успех только в подходящих «крепких местах». Пеший бой в открытой местности с татарами при перевесе сил на их стороне не принес бы результата. Нападение татар на этот раз не оказалось для воевод украинных городов неожиданным. Меры были приняты своевременно. Татар и встречали, и провожали по всем правилам стратегии и тактики того времени, и тем не менее как беспрепятственно они вошли в Русь, так же сумели и выйти с добычей. Совершенно ясно из описания, что все это возможно было только потому, что воеводы не могли противопоставить татарам ратных сил по крайней мере одинаковой численности. Полки, имевшие достаточно сил, стояли слишком далеко от места действий татар.

Показания татарского «языка» о руководителях татар, среди которых встречаем известного азовского «вожа» Клыч мурзу, говорят о том, что набег не обошелся без участия азовцев. Но основную часть совершивших в 1623 г. нападение татар составили не азовцы, хотя бы потому, что они не могли выставить такого числа людей. Наконец, инициатива набега принадлежала не одним азовским «вожам». Ибреим паша, провожавший в то время московских посланников Я. Дашкова и В. Волкова в Крым с «размены», объяснил, что набег был совершен белгородскими татарами с Урак мурзой (кн. П. Урусовым) и «своевольным» крымским Шебаш мурзой, воспользовавшимися междуцарствием в Крыму. О сборах кн. П. Урусова в набег было известно посланникам А. Усову и С. Угодскому, на смену которым ехали Дашков и Волков. Царь Магмет Гирей пытался задержать татар, но они убили двух из посланных им людей и многих ранили. Поведение кн. П. Урусова (зятя Кантемира) было самовольным поступком. Ближние люди говорили, что кн. П. Урусов в Крым не вернется и уйдет к Кантемиру, что действительно и произошло. Донские казаки в своей отписке в Москву сообщали, что азовцы пошли на Русь войной «по совету» кн. П. Урусова, который приезжал для этой цели в Азов. Следовательно, в набеге на Русь по Муравскому шляху объединились группы татар азовских, крымских и белгородских, т. е. ногаев Дивеевых.[192]

Но нападения в 1623 г. не ограничивались только описанной операцией татар. В мае — августе отряды татар различной численности в 30—40—100—200 человек проникали, повидимому, по старой Ногайской дороге и ее ответвлениям в Верхоценскую волость, в села Горелое, Червленое, Питерское и другие, а также в Сапожковский уезд. Татары хва-

[191] АМГ, т. I, № 160.

[192] Крымск. д. 1622 г., № 6, л. 145—146.—Крымск. д. 1623 г., № 7, л. 7—8.—Турецк. д. 1623 г., № 2, л. 163—164.—Моск. ст. № 18, л. 219 об.

тали по полям людей и исчезали. В некоторых из сел жители сами удачно отбивались от татар.[193] Сапожковский воевода Я. Милославский сообщал в Разряд, что 10 мая татары (40 человек) захватили на полях 3 человек и ушли в степь. 7 июля под Сапожком татары (до 100 человек) взяли в полон 9 человек, 1 убили и 2 ранили. 12 июля татары (130 человек) снова были под Сапожком, «а отбить их было некому», — писал Я. Милославский,—«потому что в Сапожке какие и есть ратные люди, и те бесконны и бредут врозь от татарских частых приходов». Государева грамота к Милославскому от 1 августа 1623 г. написана «с опалою»: «И ты, дурак, худой воеводишка, пишешь к нам, что татаровя к Сапожку приходят и людей побивают и в полон емлют, и про то нам подлинно не пишешь, в татарской приход сторожи у тебя и подъезды были ль, и для чего татары безвестно приходят, и для чего в те поры к нам не писал, когда татары к Сапожку пришли?».[194] По аналогии с предшествующим годом допускаем, что в набегах со стороны ногайской сакмы могли принимать участие татары орды Больших ногаев, которые в 1622—1623 гг. как раз ускользали на правую сторону Волги и вступали в связь с казыевцами.

В 1624 г. на южных границах Московского государства царила полная тишина. В начале этого года Девлет Гирей вместе с Кантемиром воевал в Польше. Важно, что в этот поход были вовлечены казыевцы и азовцы под руководством Бек-Темира аги. В этом походе они захватили стада и полон, который и продавали за море в Азове.[195]

В течение 1625 г. татарские отряды в 150—200—300—500 человек неоднократно и во многих местах появлялись на Руси со стороны Изюмского и Калмиусского шляхов. 15 июля татары воевали в Оскольском уезде на р. Орлике дер. Косинскую. 16 июля они приходили в Белгородский уезд на р. Корочу в Новую слободу. 18 июля татары были настигнуты стрелецким и казачьим головой И. Кобыльским с белгородскими ратными людьми за р. Осколом у верховий р. Красной и разбиты; было взято несколько «языков», весь полон, захваченный татарами в Оскольском уезде и под Валуйкой, был отнят. Другие татарские отряды проникали несколько глубже. 17 июля татары были замечены у Кирпичного и Телячьего бродов на р. Быстрой Сосне. У первого их встретили ливенские воеводы А. Измайлов и Д. Яблочков; у второго их встретил другой отряд ливенских же ратных людей, но татары нашли неохраняемый перелаз через Б. Сосну и в числе 500 человек двинулись в направлении Новосильского уезда. Перейдя р. Б. Сосну, татары разделились. В тот же день 17 июля 100 татар действовали в Чернском уезде; в с. Плоском этого уезда татары (их было 40 человек) захватили стада, но крестьяне, убедившись в незначительности татарского отряда, действуя смело, сами отбили стада и в полон взять никого не допустили. Против основных сил татар неудачно действовал новосильский воевода кн. И. Катырев-Ростовский. Посланные им «в подъезд» служилые люди нашли татарский стан у верховья р. Красивой Мечи (на Муравском шляхе). Воеводы, находившиеся с ратными людьми на расстоянии 30 верст, действовали «мешкотно», «нерадиво» и упустили татар, которые успели сняться и уйти до прихода воевод. Царская грамота упрекает воевод за то, что они ложно сообщали, будто татары ушли, заслышав о их приближении, что они не использовали имевшегося у них превосходства сил, и противопоставляет их вялым действиям смелые действия белгородского головы И. Кобыльского

---

[193] Белгород. ст. № 10, л. 495, 497—498.

[194] АМГ, т. I, № 174.

[195] Крым. д. 1627 г., № 3, л. 212.—Турец. д. 1624 г. № 2, л. 312.—Т. Korzon, II, с. 219.

и даже простых «пашенных мужиков».[196] Повидимому, более сильным нападениям подвергалось в 1625 г. восточное пограничье. Имеется известие о походе азовцев, казыевцев, а также и крымских татар на алаторские места, где они захватили «немалый полон».[197] В первых числах августа удачно преследовал татар из Михайлова воевода кн. Ф. Волконский. Он настиг татар за р. М. Тоболом, отнял полон и стада, взятые под Гремячим, и с боем гнал их до р. В. Тобола.[198]

Очень мало сохранилось сведений о набегах за 1626 г. В этом году татары действовали преимущественно со стороны «большой ногайской сакмы» и «казачьим шляхом, которым казаки с Дону выезжают на Воронеж». Татарские отряды проникали в ряжские, сапожковские и шацкие места. В Шацком уезде татар привлекала мордва. Другие отряды навестили Лебедянский, Елецкий и Данковский уезды. Численность татарских отрядов определялась в 40—50—100 человек. В общем итоге эти набеги не имели успеха.[199]

Нападения 1627 г. могут быть восстановлены с большей полнотой. Слагались они из действий многих татарских отрядов на протяжении всего лета и на пространстве всей пограничной полосы от Белгорода до мордовских мест. Татары действовали часто в перекрестных направлениях; одни из них кончали набег, другие шли им на смену. Нет возможности во всех случаях установить, имеем ли мы дело с действиями разных отрядов или только с повторными появлениями одного и того же отряда.

Самые ранние сведения о появлении татар по Калмиусскому шляху относятся к апрелю — маю. 27 апреля по р. Тихой Сосне была замечена татарская сакма — двигался отряд татар в 20 человек. 3 мая 30—40 татар совершили налет под Валуйку. В тот же день несколько татар были замечены на крымской стороне р. Потудони.[200]

После некоторого перерыва, с 20-х чисел мая по старой Ногайской дороге татарские отряды, наибольший из которых не превосходил 100 человек, появляются в районе Лебедяни (25 мая), Данкова (28 мая), Ряжска (31 мая) и Темникова (6 июня).[201]

Около середины мая татарский отряд, отделившийся от значительного татарского войска (до 1000 человек), направлявшегося в набег в Литву, но изменившего намерение, вследствие большой воды в реках, и двинувшегося на Русь, погромил селитренную варницу за Донцом. 29 мая в направлении р. Потудони было замечено движение отряда в 50 человек, «чаяли» его прихода в воронежских, ливенских и елецких местах. Сведения эти сейчас же заставили насторожиться. Воеводы большого полка в Туле послали в Разряд жалобу, что воеводы украинных городов сообщают им «вести» с опозданием на несколько дней, что 1 июня вестовщик из Белгорода миновал Тулу, не передав воеводам «вестей». Жалоба вызвала соответствующее указание воеводам «полевых» городов.[202] Однако опасения не оправдались; вплоть до июля татары не появлялись. Могло быть, что та же «большая вода» задержала их набег на Русь.

Сообщение белгородских вестовщиков, полученное ими от татарского «языка», о численности готовившегося к нападению татарского отряда в 1000 человек позднее подтвердилось. В начале июля замечено было дви-

---

[196] Дворц. разр., т. I, с. 714—724.—АМГ, т. I, № 183.—Ногайск. д. 1625 г., № 1, л. 54.—Приказ ст. № 14, л. 173; № 18, л. 4—5, 48—51 и др.— Московск. ст. № 20, л. 308—309.

[197] Ногайск. д. 1625 г., № 1, л. 38—46, 52—56, 59—60.

[198] Дворц. разр., т. I, с. 726—727.

[199] Приказ. ст. № 18, л. 83—84, 98—100 и др.

[200] Московск. ст. № 27, л. 82, 91, 98—99.

[201] Там же, л. 126, 129—130, 132, 164, 168, 178—179, 226—227, 238—239.

[202] АМГ, т. I, № 191.

жение 1000 татар вверх по р. Деркулу. Мы не видим в дальнейшем, чтобы эти татарские силы действовали все вместе; как сбнаружилось впоследствии, это было соединение нескольких групп татар, имевших самостоятельных вожаков, не объединенных одним командованием. 7 июля 30 татар напали на валуйчан (200 человек), косивших и убиравших сено по р. Полатовой. 9 июля под Белгородом на полях дер. Устенки был погромлен отряд татар в 84 человека. Посланный из Белгорода в погоню за татарами уже известный нам стрелецкий и казачий голова И. Ксбыльский с белгородцами настиг татар в трехстах верстах от Белгорода за Донцом на р. Береке, псбил их, отнял полон и захватил 8 «языков». При допросе в Москве «языки» показали, что весь их отряд состоял из 170—180 человек азовских и казыевских татар; перейдя Донец, они разделились на два отряда, один из которых был разбит под Белгородом, а второй действовал под Валуйкой. «Языки» утверждали, что пошли они в Русь, «утаясь от мурз, украдом для добычи, а мурзы им на Русь в войну ходить не велят». 9 июля 200 татар прошли в Русь по р. Тихой Сосне. 18 июля 100 татар были замечены под Осколом. Но о действиях их сведений нет.[203]

В 20-х числах июля татары появились по левой стороне Дона. Из Ряжска заметили 23 июля движение вверх по р. Польному Воронежу 150 татар. 25 июля татары приходили под Сапожок на сенные покосы слободы Коровкинской и, захватив 8 казаков и несколько десятков лошадей, скрылись.[204]

Самые поздние сведения о действиях татар относятся к 4—16 августа. Захваченный в эти дни «язык» показал, что в набеге приняли участие 400 казыевцев и 100 азовских татар. Они перешли Дон выше казачьих городков, а затем разделились на два отряда: 300 человек пошло на воронежские и елецкие места, а 200 — на рязанские и шацкие. На пути они встретили возвращавшихся из набега погромленных татар. Возможно, что погромленные татары принадлежали к тому татарскому отряду в 150 человек, который 4 августа был разбит усманским атаманом в степи в 3 днях расстояния от Воронежа и потерял весь полон.[205]

До некоторой степени мы можем войти в детали действий первого отряда. Повидимому, отряд в 300 человек переправился снова через Дон под Воронежем, где обычно татары «перелезали» Дон. 7 августа он был замечен движущимся в направлении р. Т. Сосны. На Талецком броде произошло первое столкновение с группой татар в 30 человек, шедших в Бруслановский стан Елецкого уезда. В тот же день дети боярские и крестьяне из разных деревень этого уезда (30 человек) по «вестям» о приходе татар собрались для охраны Дрысина брода на р. Красивой Мече, куда действительно с левой стороны и подошли татары в числе 50 человек. В происшедшем столкновении было убито 2 крестьянина и 4 попало в полон. Но все же через этот брод татарам переправиться не удалось, и они ушли вверх по р. Мече в поисках другого места для переправы. Было трудно охранить все переправы и предупредить действия распыленных на мелкие отряды татар. В тот же день 7 августа в дер. Алферовой татары (20 человек) захватили в полон несколько человек. Недалеко от Ельца татары (70 человек), притаившись в дубраве близ дороги, напали на «тележников» (8 человек), возвращавшихся с полевых работ, и всех забрали в полон. В тот же день 20 татар было замечено ближе к Дедилову; очевидно, за р. Мечу они где-то перебрались. 8 августа под Епифань на стрелецкие и пушкарские поля

---

[203] АМГ, т. I, № 193.—Москов. ст. № 27, л. 204, 206, 209, 262, 272, 277.
[204] Москов. ст. № 27, л. 224—225, 235—236.
[205] Там же, л. 306—307, — 319. Ногайск. д. 1627 г., № 1, л. 222, 225.

приходили 100 татар и «поимали на полях жнецов и стада». Но голова юрьевец Ф. Мясоедов с сотнею ратных людей не дал увести полона и отнял стада. Потерпев неудачу, этот татарский отряд 9 августа попробовал счастья под Данковом, но также не имел успеха. На этом сведения о действиях татарского отряда обрываются, и мы не знаем, когда они закончились и когда и где татары вышли из Руси. Несколько позднее, 15 августа, на Калмиусском шляхе (по р. Лубянке) была замечена «битая дочерна» сакма на три стежки, шли в Русь 200 татар. О действиях их сведений нет.[206]

Действия второго отряда, направившегося в шацкие и рязанские места, прослеживаются менее отчетливо, потому что они переплетаются с действиями других татарских отрядов. 7 августа «в раннюю вечерню» под Лебедянь «резвым делом» приходили 50 татар и, захватив «по запольям» 15 человек в полон и убив двух, пошли по р. Лебедянке к воронежской дороге к Рясам. 9 августа под Ряжском была замечена сакма, проложенная татарскими отрядами в 100 человек. 10 августа в дер. Березову Ряжского уезда приходило 200 татар. Здесь их настигли головы с сотнями, многих побили и захватили несколько «языков»; татары ушли к «большой татарской сакме» (т. е. Ногайскому шляху). 11 августа татары «перелезли» Лесной Воронеж и ушли к Польному Воронежу. По показаниям жителей, татары воевали во многих деревнях и во владычных слободах. Общую численность татар «смечали» в 400 человек. Захваченный под дер. Березовой «язык» показал, что их отряд захватил в Рязанском и Шацком уездах 100 человек полона. И после 15 и 16 августа небольшие группы татар (человек по 20) появлялись по разным селам и деревням Ряжского уезда, хватали людей, отгоняли стада и скрывались в степи.[207]

Из подробностей набегов 1627 г. следует упомянуть взятие азовцами и крымцами Святогорского монастыря, причем вся братия монастыря попала в полон.[208]

Татарские набеги 1627 г. характерны в ряде отношений. Нет сомнения в том, что ни крымское, ни тем более турецкое правительство не были причастны к их организации. За исключением взятия Святогорского монастыря, мы не можем указать определенно случая участия крымцев в этих набегах, впрочем допускаем, что отдельные группы их, действуя самовольно, примыкали к нападавшим. 6 ноября 1627 г. на приеме московских посланников С. Тарбеева и И. Басова крымский царь Магмет Гирей выражал свое недовольство нападениями донских казаков на Крым. Посланники, кроме обычной отговорки, что донские казаки вольные люди, воры и государя не слушают, указали на непрекращающиеся «ежелеть» нападения на московскую украйну крымских, азовских, казыевских и мансуровских татар с их мурзами. Магмет Гирей решительно отрицал участие в набегах крымских татар, говоря, что в Крыму «заказ учинен», чтобы татары набегов на Московское государство не совершали; может быть, нападали Малые ногаи, но над ними он, Магмет Гирей, не властен.[209]

От 1628 г. имеется сведение о действиях татарского отряда в 500 человек в Ливенском и Новосильском уездах, разбитого наголову на р. Хвошне в 50 верстах от Ливен ливенскими ратными людьми во главе с товарищем воеводы И. Рагозиным и казачьими головами Р. Каширяниновым и И. Павловым: татары потеряли одними убитыми 57 человек и лишились всего захваченного ими полона. Другие источники дают дополнительные сведения. В Русь ходили 150 Малых ногаев во главе с Ширалей мурзой, вернулось из них едва ли 20 человек, остальные погибли в по-

[206] Москов. ст. № 27, л. 125, 290—291, 300—303, 335—336.
[207] Там же, л. 255—257, 305, 309—310, 313, 319, 337—338.
[208] Турец. д. 1628 г., № 2, л. 140—141.
[209] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 12—15.

ходе. Азовцев было в походе 300 человек, вернулось из похода не более половины.

В 1629 г. небольшие татарские отряды появлялись в апреле в Путивльском уезде (40 человек), в начале мая под Валуйкой и под Сапожком (60 человек), где были разбиты, и под Воронежем.

От 1630 г. сведений о набегах нет.[210]

Подводя итог описанию татарских набегов за период 1618—1630 гг., мы прежде всего должны отметить, что татары лишь несколько раз переходили линию рек Сейма (Семи) и Быстрой Сосны. В 1622 г. татары (их было не более 1000 человек), действуя очень рассеянно, проникали в Белевский, Одоевский, Дедиловский, Епифанский и Данковский уезды. В 1623 г. татары (до 3000 человек) действовали в Мценском, Орловском, Карачевском и Болховском уездах. Это был случай самого глубокого проникновения их в пределы Руси за весь период. Одновременно со стороны Ногайского шляха татары нападали на Верхоценскую волость и под Сапожок. В 1625 г. татары достигали Новосильского и Чернского уездов. Другие их отряды совершали набеги на Алаторский уезд. В 1627 г. из множества татарских отрядов лишь некоторые, притом не превышавшие по численности сотни всадников, действовали в Елецком уезде. В том же году татары побывали в Лебедянском, Ряжском и Рязанском уездах. В 1628 г. татарский отряд в 500 человек, пытавшийся проникнуть за р. Б. Сосну, потерпел полное поражение. Наиболее чувствительный урон татары нанесли в 1623 г. и в 1625 г., когда они нападали наиболее значительными силами. В течение всего периода татары не только не пересекали засечной черты, но ни разу не достигали ее. Лишь дважды, в 1623 г. и в 1625 г., они пришли в соприкосновение с ратными людьми полковой службы. В прочие годы борьба происходила в самой пограничной полосе.

В общем нападения татар были довольно слабыми, совершались небольшими силами и не проникали глубоко внутрь страны. Объяснение этого явления заключается в том, что Московское государство находилось в мирных отношениях с турецким и крымским правительствами, которые не поощряли татар к нападениям, а также в том, что орда Больших ногаев довольно прочно удерживалась за Волгою, за исключением 1622—1623 гг., когда часть ногайских улусов переходила на крымскую сторону Волги.

Все перечисленные нами нападения были делом частной инициативы отдельных вожаков, как Урак мурза (кн. Петр Урусов), азовские вожи: Клыч мурза и другие менее известные. Отсюда полная распыленность и бессвязность действий татарских отрядов. Набеги не были рассчитаны на совершение крупных операций. Дело шло о войне «искрадом» и «резвым делом», дело шло, главным образом, о захвате людей, застигнутых на полевых работах и сенокосах, «тележников», возвращавшихся домой, одиночных людей, отгоне стад и т. п.

Мы уже заметили, что набеги не достигали линии расположения полков (Мценск — Крапивна — Тула — Дедилов и Рязань — Пронск — Михайлов). Здесь были сосредоточены значительные по сравнению с нападавшими татарскими отрядами силы. Так, например, в 1627 г. в большом полку в Туле было служилых людей одной половины более 2000 человек, в передовом полку на Дедилове — более 1000, в сторожевом полку на Крапивне — около 800, в прибылом полку в Мценске — около 900. На Рязани было более 800 человек, в Михайлове — около 450, в Пронске — около 300. Всего

---

[210] АМГ, т. I, № 218, № 536.—Москов. ст. № 40, л. 245—247.—Ногайск. д. 1628 г., № 2, л. 305—306.—Турец. д. 1628 г., № 3, л. 17.

ратных людей полковой службы в перечисленных городах в 1627 г. находилось около 6500 человек.[211] Между тем, все эти силы почти бездействовали и в борьбе с татарами не участвовали. Полки были расположены далеко от районов татарских нападений. Полковая организация была слишком громоздкой для борьбы с летучими татарскими отрядами. Расстановка полков, как это уже мы отмечали, прежде всего имела целью защиту внутренних областей государства и предупреждения прорыва внутрь крупных татарских сил.

Поэтому в течение изучаемого периода борьба с татарскими набегами в пограничной полосе целиком ложилась на плечи гарнизонов «полевых» городов и на население их уездов. Это были будни жизни украинного населения. Татарские набеги не угрожали безопасности и спокойствию внутренних областей государства, находившихся за линией расположения полков, но они держали в постоянном напряжении все ратные силы и все мирное население украйны. Здесь не было достаточных сил для отражения сколько-нибудь значительных татарских полков, но и борьба с небольшими и мелкими татарскими отрядами была трудной, требовавшей постоянной настороженности, подвижности и инициативы. В этой борьбе и проявлялись особенно наглядно личные качества местных воевод, сотенных, стрелецких и казачьих голов. По сделанному нами описанию мы легко различаем среди них энергичных, опытных и смелых пограничных воинов, не раз успешно отражавших татарские налеты. Не во всех случаях удавалось предупреждать успех татарского «изгона», но часто татары — охотники за живой добычей — теряли свои головы на этой охоте, и уши — «знак», как вещественное доказательство одержанной победы, доставлялись в Москву в Рязряд. Само мирное сельское население иногда успешно боролось с татарами.

< 6 >

Внешняя политика русского правительства, руководившаяся идеей реванша против Польши, и затишье на южных границах имели своим следствием сознательное решение об ограничении оборонительных мер на юге самым необходимым. Борьба на западной границе в XVI в. и еще более в XVII в. «совершенно разрушила систему западных крепостей». «Естественно, что мечта о возвращении Смоленска и подготовка западной границы к будущей борьбе за него становится в центре внимания правительства патриарха (Филарета. — *А. Н.*) и что эта задача на полтора десятилетия заслоняет собой интересы других границ государства...» Все усилия правительства были направлены на укрепление городов западной границы, усиление их вооружения, увеличение гарнизонов. Вся деятельность и все усилия были подчинены идее реванша.[212] Государство, сильно ослабленное великим «разореньем», не было в состоянии браться одновременно за решение нескольких крупных задач и вести борьбу на двух фронтах. В самом деле, за все время вплоть до начала крупного оборонительного строительства в средине 30-х годов, не было построено ни одного нового «жилого» города; можно указать только появление нескольких новых «стоялых» острожков (например, Чернавск под Ливнами). Не производилось даже капитального восстановления городов, подвергшихся ранее разрушению. Возобновление засечной черты носило харак-

---

[211] АМГ, т. I, № 194.

[212] П. П. Смирнов. Города Моск. гос., т. I, ч. 2, с. 138—139, 143, 150 и др.

тер «штопанья» отдельных «прорех».[213] Усиление и ослабление обороны юга заметно проявлялось лишь в изменении численности полков в украинном и рязанском разрядах. В 1619 г. в полках, судя по разрядным росписям, было более 7000 человек, в 1620 г. — более 9700 человек, в 1621 г. — всего 5221 человек, в 1622 г. — 4119 человек. Это значительное снижение численности в полках в последние два года объясняется уверенностью правительства в том, что татары, занятые в войне Турции с Польшей, которую султан Якобы «заложил на десять лет», оставят московскую украйну в покое. Урок, данный татарами в 1622—1623 гг., повел к увеличению численности полкового войска снова до 9—10 тыс. человек.[214] Характерно для оборонительной политики правительства на юге самое расположение полков. С 1619 г. из Новосиля полк был снят вовсе и отведен в Дедилов, сторожевой из Мценска — на Крапивну, а в Мценске помещен «прибылой» полк. Такая расстановка полков удержалась до 1638 г. По поводу произведенного изменения в размещении полков И. Беляев верно замечает, что сделано это было для того, чтобы «ближе сосредоточить их (полки) и придвинуть к Москве, дабы на всякий случай можно было их поставить против крымцев и против поляков, что, конечно, не так удобно было сделать, когда прежде полки были довольно растянуты и выдвинулись углом в степь».[215] Система «схода», т. е. сосредоточения войск на случай прихода татар, попрежнему была основана на стягивании полков назад: в Тулу — из Дедилова, Крапивны, Мценска, даже из Рязани; в Дедилов — из Новосиля. Если татары появлялись в рязанских местах, то войска из Пронска и Михайлова сводились в Переяславле-Рязанском.[216] Ясно, что в этой схеме «схода» войск проявилась все та же забота о предупреждении прорыва татар в центральные области. Еще показательнее, что в 1622 г. «по вестям» о движении на Русь крупных татарских сил в 20 тыс. человек было указано «быть на береговой большим воеводам по полкам»: большому в Серпухове, передовому в Алексине, сторожевому в Кашире. Расстановка полков «на берегу» не состоялась, потому что «вести», как тогда говорили, «пролгались». Но настолько велика была неуверенность в себе и велико было сознание слабости обороны южных границ, что допускали возможность перехода татар через реку Оку, принимали меры против того, чтобы «татаровя безвестно реку не перевезлись», снова заговорили о «береговой» службе. Было еще очень живо воспоминание о недавних годах, когда татары беспрепятственно доходили до Оки и перебрасывались за нее.[217]

Сторожевая и станичная служба подверглась пересмотру в 1623 г. в связи с обнаружившимися в ней в 1622 г. дефектами. Самым существенным изменением, внесенным в расписание сторож, было сокращение их числа и сокращение радиуса их расстановки. В этом мы видим новое проявление все того же правила — не выдвигаться далеко в степь и, сколько возможно, теснее ставить сторожи. Из общего числа 193 сторож ни одна

---

[213] А. И. Яковлев. Засечная черта, с. 44.—«Стоялые» острожки не имели постоянного населения и гарнизонов. Гарнизоны «стояли» в них лишь с весны до осени, если были «вести» о татарах.

[214] И. Беляев, с. 36—41.— Цифры эти, обычно повторяемые с доверием, нуждаются в разъяснении. Они названы в «росписях», т. е. носят «сметный» характер; фактическая наличность могла отличаться от первоначальных наметок. Так, в 1627 г. разрядная роспись определяет численность войск в полках более чем в 10 тыс. человек, тогда как смотр установил, что наличность немного превышала 6000 человек. В данном случае, как мы думаем, расхождение наличности с цифрой росписи объясняется не «нетством», а изменением, внесенным в первоначальную роспись после ее составления (АМГ, т. I, № 194).

[215] Дворц. разр., т. I, с. 388—389, 443—446 и др.— И. Беляев, с. 36—37.

[216] Там же, с. 389—390 и др.

[217] Там же, с. 519.

не достигала Днепра и низовьев Донца и Дона, как это было еще в XVI в. Самые дальние разъезды станиц ограничивались реками Семью (Сеймом), Псломъ, верховьями Ворсклы, Оскола, Валуя и Тихой Сосны; ни один разъезд не доходил до устьев Айдара и до Святых гор. Сторожи из Путивля, Белгорода и Валуйки, самых передовых степных городов, не отходили вперед от своих крепостей далее 15 верст. Зато численный состав станиц был значительно усилен.[218]

Таким образом, построение обороны южных границ государства против татар как в целом, так и в отдельных частностях, находилось в полном соответствии с усвоенным русским правительством в тот период курсом внешней политики. С другой стороны, ход татарских нападений, описанный нами выше, не вынуждал правительство к более энергичным оборонительным мероприятиям на юге.

< 7 >

В план нашей работы входит изучение еще одного явления, самым непосредственным образом связанного с военной обстановкой и оборонительной деятельностью правительства, — это передвижение населения на южной окраине государства. Связь эта становится совершенно очевидной со времени начала крупнейшего оборонительного строительства в половине 30-х годов. В 20-х годах на южной окраине было сравнительно тихо, никакого оборонительного строительства не производилось. Тем не менее мы считаем нужным дать самые краткие и схематические сведения о том, откуда притекало население в этот период и где оно сосредоточивалось. Сведения эти послужат как бы введением к соответствующим разделам следующих глав.

Поскольку мы не располагаем источником сводного характера по интересующему нас вопросу, мы извлекаем нужные нам сведения из дел о «крестьянстве», во множестве собранных в столбцах Разряда. Изучение этих дел, возникавших по индивидуальным искам «в крестьянстве» к беглым, предъявленным в Разряде отдельными владельцами, допускает лишь подсчет выборочного характера.[219] За 20-е годы нами зарегистрировано передвижение на южную окраину 546 семей крестьян, относительно которых возникали дела о «крестьянстве».[220] Первое наблюдение, которое мы можем сделать на основании подсчета, касается вопроса о том, откуда приходило на южную окраину новое население, каковы были исходные районы его движения. Выясняется, что огромная часть этих пришлых людей была выходцами из уездов, расположенных к западу от верхнего течения р. Оки,[221] а именно: Карачевского (150 семей), Белевского (64), Алексинского (52), Болховского (36), Орловского (34), Козельского (32), Лихвинского (21), Мещевского (13), Медынского (7), Брянского (3), Оболенского (1), Калужского (1); всего 414 семей (75.8%). Полоса, лежав-

---

[218] И. Беляев, с. 38—39, 59.— Д. Багалей, с. 103.

[219] Дел по искам в крестьянстве в столбцах Разряда очень много. Хронологически они не восходят далее конца 10-х годов XVII в., да и то очень редко. Иногда они сосредоточены в столбцах в количестве многих десятков, но почти всегда за те же годы отдельные дела можно найти и в других столбцах. Там, где они сосредоточены, они сгруппированы погодно. Как ни велико количество этих дел, разумеется, не может быть ручательства, что они сохранились полностью. Поэтому выводы, получаемые на основании подсчета этих дел, приближаются к выводам выборочного подсчета. Мы, во всяком случае, старались взять эти дела с возможной полнотой, используя столбцы, где эти дела были сосредоточены в более или менее значительном числе.

[220] Белгород. ст. № 4, 5, 9.— Приказ. ст., № 11, 15, 24 и др.

[221] Мы отнесли к той же группе Алексинский и Оболенский уезды.

шая меридионально к востоку от первой, дала уже значительно меньший процент выходцев, покинувших места своего жительства, а именно уезды: Веневский (23 семьи), Новосильский (16), Тульский (15), Каширский (8), Мценский (7), Дедиловский (5), Соловский (3), Одоевский (1), всего 78 семей (14.5%). Уезды по рр. Сейму и Б. Сосне: Елецкий (27), Курский (8), Ливенский (7), дали всего 42 семьи беглецов (7.7%). Еще менее выходов мы наблюдали из самых окраинных уездов: из Белгородского (2), Оскольского (2) и Воронежского (8); всего 12 семей (2.2%).

Факт передвижения населения с запада на восток достаточно известен и был уже отмечен исследователями. По вопросу о движении населения после Смуты Ю. В. Готье говорит: «Заметнее всего сдвинулось население западных уездов, наиболее подвергнувшихся опустошениям. Двигалось оно прежде всего в города и посады, но так как последние, не будучи достаточно защищены, сами подвергались постоянным набегам и не могли дать надежного убежища, то население уходило далее. Оно пыталось было итти по давно проторенной дороге на юг, в степи. Но по условиям времени в южной украйне было трудно искать безопасности. Более надежной была дорога в Поволжье; туда и двигалось население западных областей через менее пострадавшие уезды Замосковья». Ю. В. Готье имел в виду, в своем исследовании, надо думать, западные уезды Замосковья, и, может быть, города «от литовской украйны» (Смоленск, Дорогобуж, Вязьма и др.). Суждение его носит общий характер. О таком же движении из западных, разоренных «смутой» уездов говорит П. П. Смирнов; впрочем, для 20-х годов не подтверждается (по нашим материалам) допускаемое им движение населения с юга к центру.[222] Наши данные подтверждают общие наблюдения названных авторов. Понятно, почему уезды, лежавшие к западу от верхнего течения Оки, были главным исходным районом беглецов, пополнявших население южных уездов, и почему более восточные уезды дали значительно меньший процент.

Документы не всегда, но достаточно часто и определенно указывают причину побегов.[223] Когда при царе Василии литовские люди «имали» Болхов, из с. Игумнова от Б. Спешнева все крестьяне разбрелись по разным городам.[224] От кн. И. Черкасского из его владения в Медынском уезде все крестьяне разбрелись также «от литовского разоренья».[225] В 1616 г. из Козельского уезда от А. Быкасова крестьяне разбрелись «от литовской войны и от русских воров».[226] В 1616 г. от дьяка П. Насонова из Алексинского уезда крестьяне бежали «от литовской войны, и от русских воров, и от татар».[227] Память о разорении жила долгое время. В 1666 г. ефремовец служилый человек, защищаясь от иска в крестьянстве, говорил, что дед его и отец «старинные слуги царей», служили по Белеву; «когда первая война была от крымских людей, и твои государевы города воинские люди разорили», дед и отец «с голоду» ушли в Новосиль в крестьянство.[228] Поход Сагайдачного был коротким ударом, направленным главным образом на города, но затронул и сельские местности. Так, М. Ф. Владимиров

---

[222] Ю. В. Готье. Экономические последствия Смуты в народном хозяйстве. В кн. «Смутное время в Московском государстве». Сб. статей, П., «Задруга», 1913, с. 235. П. П. Смирнов. Города в Моск. государстве, т. I, ч. 2, с. 134—135.

[223] Наши выводы относительно очередности уездов, откуда уходило население, могут, конечно, подвергнуться некоторым изменениям при более полном подборе дел о крестьянстве. Тверже выводы, касающиеся больших территорий и групп уездов, подтверждаемые солидными общими данными.

[224] Белгород. ст. № 4, л. 296.

[225] Приказ. ст. № 11, л. 59.

[226] Белгород. ст. № 4, л. 304.

[227] Приказ. ст. № 11, л. 167.

[228] Приказ. ст. № 474, л. 34—35.

писал, что в 1618 г. его крестьяне разбрелись от него, «как Саодашной Елец взял».[229] Во многих других случаях та же причина передвижения населения остается невысказанной. Понятно, что, получив толчок, движение приобретало инерцию и продолжалось и тогда, когда первоначальная причина уже переставала действовать. Между первыми беглецами и их родичами и односельчанами сохранялась связь, и огромное количество побегов происходило затем «по подговору» первых беглецов; отсюда повторные побеги из одних и тех же населенных пунктов и одних и тех же владений. Из сельца Титова Алексинского уезда, поместья В. Ф. Недоброго, в 1614 г. бежали крестьяне Яков, Ларион и Терентий Федосовы с семьями и животами. В 1615 г. из того же сельца бежали крестьяне Первушка Овтономов с братом и Михаил Татаринов с семьями и животами. В 1616 г. оттуда же бежали Зиновий и Федор Позняковы; все они поселились в Елецком уезде.[230] От Б. И. и Т. О. Одоевцевых из Алексинского уезда из поместных их деревень в те же годы бежало 13 крестьянских семей.[231] В 1616 и 1617 гг. от Б. Т. Кареева из деревень Локны и Кузьминки Карачевского уезда бежало 20 семей.[232] В 1617 г. из с. Ружного, принадлежавшего Тихоновой пустыни Карачевского уезда бежало 13 крестьянских семей. В 1618 и 1619 гг. из того же сельца Ружного и из дер. Бутря бежало еще 14 крестьян.[233]

Не всегда побеги совершались такими значительными по численности группами, часто бежали отдельные семьи или несколько семей. Но для эпохи «разоренья» характерна именно кучность побегов. В последующие годы, когда наступило затишье, начинают преобладать побеги одиночных семей. Однако и в 20-е годы бывали случаи массовых побегов. Так, в 1620 г. из Карачевского уезда от А. Сибилева из его поместья бежало сразу 14 мужчин с семьями и 2 женщины.[234] В 1627 г. из Карачевского же уезда от С. Колчева из поместья, полученного им в предшествующем году, бежали 21 крестьянин и 14 бобылей.[235] Документы не дают никаких указаний на обстоятельства этих побегов. Обратим только внимание на то, что оба случая относятся к Карачевскому уезду, который стоит на первом месте по количеству беглых с его территории. Количество беглых с разных территорий, несомненно, стоит в связи с различной степенью их разорения.

Мы встречаем сравнительно мало прямых указаний на татарские нападения, как поводы к побегам. Объясняется это в значительной мере тем, что с 1618 г. татарские набеги затихают. Тем не менее эти набеги оказали влияние на направление движения пришлого населения, на определение районов его размещения в украинных уездах. Все подсчитанные нами 546 семей разместились следующим образом: в Курском уезде (290 семей), в Елецком (149), в Ливенском (71); всего 510 (93.4%). Остальные 36 семей (6.6%) поселились в Белгородском (8), Оскольском (7), Воронежском (20) и Лебедянском (1). Из этих данных выясняется основной район сосредоточения пришлого населения; размещалось оно в полосе по рр. Сейму и Б. Сосне и далее на восток до Лебедянского уезда. Среди использованных нами материалов почти нет указаний на приток в Лебедянский уезд пришлого населения из более западных уездов: население шло сюда преимущественно из Ряжского, Рязанского и других более северных уездов; следовательно, для Лебедянского уезда были свои осо-

[229] Белгород. ст. № 16, л. 184.
[230] Белгород. ст. № 9, л. 222.
[231] Белгород. ст. № 4, л. 319.
[232] Приказ. ст. № 41, л. 90.
[233] Приказ. ст. № 11, л. 46.
[234] Приказ. ст. № 11, л. 133.
[235] Приказ. ст. № 16, л. 176.

бые исходные районы пришлого населения. Группа уездов — Елецкий, Курский и Ливенский — также теряла население, но эти потери были ничтожными по сравнению с притоком населения сюда, а кроме того, потери эти были в значительной степени кажущимися, потому что большая доля людей, значившихся в качестве ушедших отсюда, передвигалась внутри уездов, — факт, характерный для вновь заселяемых районов, где население не сразу прочно устраивалось и оседало на месте. Кроме того, между названными тремя уездами происходил обмен населением.

Сосредоточение здесь значительного количества пришлого населения подтверждается указаниями общего характера. Уже в 1616—1617 гг. алексинцы служилые люди коллективно просили о посылке сыщика для возврата их беглых крестьян из Елецкого и Ливенского уездов. Для производства сыска был назначен тулянин Б. Карпов; сыск не состоялся лишь потому, что «застигли государевы службы».[236] С другой стороны, мы встречаем прямое указание на то, что ельчане служилые люди были заинтересованы в сохранении за собой притекавшего к ним населения. В 1620 г. ельчане «всем городом» подали коллективную челобитную о строгом соблюдении 5-летнего срока для исков о беглых; чтобы далее 5 лет исков не рассматривать и грамот по запоздавшим искам не давать.[237] Очевидно, для ельчан продление срока для исков о беглых было невыгодно. Наконец, несомненно, большой приток беглых в Елецкий уезд соблазнял видных представителей столичных кругов к созданию здесь новых владений, заселяемых за счет беглых. В литературе хорошо известен пример построения и заселения боярином И. Н. Романовым слобод в Елецком уезде.[238] Другим не столь крупным, но не менее ярким примером было заселение московским дворянином И. Ю. Тургеневым сельца Ефремова со слободами в северной части Елецкого уезда, сведения о чем будут сообщены ниже.

Мы не встречаем указаний на татарские «приходы» в Курский уезд в 20-х годах, за исключением редких и случайных появлений немногочисленных отрядов татар. Лишь один раз в 1627 г. татары воевали в Елецком уезде и притом в южной его части, что, конечно, не могло надолго отпугнуть население, особенно от скоплений его в северной половине уезда за р. Мечей. Татары обычно миновали Курский и Елецкий уезды, проходили между ними с Изюмского, Калмиусского и Муравского шляхов на Пахнуцкую дорогу и ею проникали, как это повелось издавна, в Мценский, Чернский, Орловский и другие более западные уезды. Эти уезды более других подвергались набегам. Напротив, уезды Курский, Ливенский и Елецкий были в 20-х годах благополучнее других в смысле татарских нападений. Вот почему область по течению рр. Сейма и Быстрой Сосны, точнее, к северу от них, была в 20-х годах районом, где главным образом сосредоточивалась масса пришлого населения.

Население двинулось бы и далее к югу, в уезды Белгородский, Оскольский и Валуйский, если бы они были в такой же степени безопасными. Но, подвергаясь постоянным вторжениям, хотя бы и немногочисленных татарских отрядов, эти города сохранили свое значение аванпостов, население которых вело постоянную беспокойную борьбу с татарами. Эта постоянная пограничная борьба делала районы названных южных «полевых» уездов непривлекательными для пришлого населения, искав-

[236] Белгород. ст. № 9, л. 222.
[237] Белгород. ст. № 4, л. 88.
[238] Е. Сташевский. К истории колонизации юга. «Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», III, с. 239—248.

шего прежде всего подходящих условий для мирной хозяйственной деятельности.

Другим районом, куда в 10—20-е годы притекало население, были Лебедянский и Воронежский уезды. Лебедянский уезд типичен по расцвету в нем крупных частных владений. Первое упоминание о г. Лебедяни относится к 1613 г. П. Н. Черменский предполагает, что до построения города область будущего Лебедянского уезда подвергалась промысловой эксплоатации окраинным населением. Большую роль в ее заселении он отводит И. Н. Романову, к скопинским владениям которого эта территория могла принадлежать. Заселение этих «угоденных мест» могло начаться «в Борисово разорение» вместе с опалой Романовых в 1601 г. С воцарением Михаила Федоровича эти владения возродились и разрослись.[239] Здесь получили пожалования, кроме И. Н. Романова, А. Н. Шереметев и кн. И. А. Воротынский. Погром Лебедяни казаками Сагайдачного не приостановил сильного притока сюда населения. Как далеко ушло вперед заселение края, показывает писцовая книга Лебедянского уезда 1627—1628 гг. Кроме вотчины И. Н. Романова (с. Романово с селами и деревнями, 248 дворов), здесь были вотчины кн. А. Н. Трубецкого (с. Соколье с селами и деревнями, 115 дворов), Чудова и Новоспасского монастырей (С. Каликино, с. Доброе городище, с. Ратчина Поляна, с. Кривец и др., 369 дворов). В Романовом городище было еще 95 дворов казаков. Помимо вотчин, в уезде были поместные владения Вельяминовых (с. Лодыгино), Бобрищева-Пушкина (часть с. Доброго городища), Плещеева (с. Богородицкое, с. Черепянь), Челюсткиных (дер. Дехтянка и др.). Всего, в поместьях 120 крестьянских и бобыльских дворов. Сверх того 174 служилых человека приборных чинов имели за собой 90 крестьянских дворов. Таким образом, вотчинное землевладение здесь безусловно преобладало. Заселение шло, очевидно, по частной инициативе владельцев из среды столичных людей. С какой быстротой шло заселение, видно из того, что по переписным книгам 1646 г. в Лебедянском уезде значилось в вотчинах почти 3000 дворов, а в поместьях — более 350.[240] Движение населения не останавливалось на Лебедянском уезде, а по привычному и удобному пути, рекою Доном, спускалось к югу, причем частное землевладение проникало и сюда. Так, дер. Костенки, превратившаяся позднее в город, была владением Ф. Аладьина, у которого она была отписана в 1619 г. и роздана жеребьями казакам.[241] В Усманском стану Воронежского уезда находились владения Б. И. и Г. И. Морозовых, впоследствии у них отписанные.[242] Сильный приток населения в Воронежский уезд за период с 1615 по 1629 г. путем сопоставления данных писцовых книг этих лет устанавливает И. Н. Миклашевский.[243] Пространство в междуречье Дон — Воронеж — Усмань представляло значительные удобства для обороны. В 20-х годах оно почти вовсе не подвергалось татарским нападениям.

Итак, можно схематически представить себе направление движения населения в период с конца 10-х и в 20-х годах на южной окраине следующим образом. Население двигалось, преимущественно из уездов, расположенных к западу от верхнего течения р. Оки и в гораздо меньшей сте-

---

[239] Местный историк Норцов, не указывая источника, относит возникновение г. Лебедяни к 1600 г. П. Н. Черменский. Город Лебедянь и его уезд в XVII в. Спб., 1913 г., с. 11—12, 45.— Его же. Очерки колонизации Тамбовского края, «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 54, с. 274.

[240] П. Н. Черменский. Город Лебедянь, с. 52—57.

[241] Белгород. ст. № 9, л. 672—674.

[242] Белгород. ст. № 173, л. 215, 258, 426.

[243] И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в., М., 1894, с. 117—119.

пени из уездов, находившихся между рр. Окой и Доном. Размещалось оно по преимуществу в Курском, Елецком и Ливенском уездах и не переходило течения рр. Сейма и Быстрой Сосны. Лежавшие за этими реками уезды не привлекали к себе населения. Приход сюда немногочисленных «гулящих» людей, промышлявших охотой за зверем, рыбной ловлей и лесными промыслами, не превращал этих уездов в колонизуемые районы. Военный характер этих городов и «суровый режим крепостной жизни» мешали притоку сюда населения.[244] Такой характер эти «полевые» города сохраняли долгое время спустя. Лебедянский и Воронежский уезды, территория которых в то время была огромна, заселялись пришлым населением из уездов, находившихся к северу от них. Характерной чертой заселения этих уездов является участие в нем крупных землевладельцев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОСКОВСКО-ТАТАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Содержание: *1. Московско-турецкие отношения накануне и в годы Смоленской войны; роль Крыма в этих отношениях.— 2. Внутреннее состояние Крыма накануне Смоленской войны. — 3. Включение Крыма в войну против Московского государства. — 4. Официальные мотивы нападения крымцев на Московское государство в годы Смоленской войны. — 5. Очерк татарских нападений в 1631, 1632 и 1633 гг. и борьба с ними.*

< 1 >

Со второй половины 20-х годов, когда московское правительство приступает к непосредственной подготовке к войне с Польшей, между ним и турецким правительством возобновляются оживленные дипломатические сношения, предметом которых является обсуждение вопроса о военном союзе против Польши. Московское правительство продолжает попрежнему внимательно следить за поведением Крыма и старательно поддерживать с ним мир, но оно делает особенный упор на связь с Турцией. Отношения с Турцией были важнейшей частью всех внешнеполитических расчетов московского правительства накануне Смоленской войны. Турция была важна для московского правительства, как союзник, но еще более тем, что через нее оно рассчитывало воздействовать на Крым для удержания его от нападения. В намечавшемся военном союзе Турции с Московским государством Крым предусматривался в качестве непременного его члена. Между тем крымцы нарушили весь помимо них построенный план, сами избрали себе роль и, нанеся Московскому государству «удар в спину» двумя крупными нападениями в 1632 и 1633 гг., если не решили, то, во всяком случае, существенно повлияли на исход войны. Поход на Польшу Абаза паши осенью 1633 г., а также выступление в поход весной 1634 г. самого султана Мурада IV уже не могли изменить хода событий. Нападения татар на Русь в годы Смоленской войны обычно приписывают воздействию на Крым польского правительства, как походы турок и татар на Польшу приписывают влиянию московской дипломатии. Наконец, высказано мнение, что нападения крымцев на Московское государство в начале 30-х годов были выражением усилившейся турецкой агрессии.[1] Правильны ли эти объяснения, покажет нижеследующее изложение.

Характерно для направления московской политики в отношении Турции то, что с 1624 г., после убийства Шагин Гиреем Бегичева, московское правительство прекратило дипломатические сношения с султаном и не пы-

[1] Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., 1946, т. II, с. 37.

талось само возобновить их даже тогда, когда приступило к непосредственной подготовке к войне с Польшей. Инициатива в их возобновлении принадлежала Турции. В самом конце 1627 г. в Москву прибыл турецкий посол Фома Кантакузин (вторично). Он начал с выражения сожаления от имени султана Мурада IV, что до сих пор в Турцию не было из Москвы послов, но что султан понимает, что произошло это вследствие убийства Бегичева. Переговоры вел с послом патриарх Филарет. Ф. Кантакузин заявил, что султан «ни с которыми государи таковы дружбы не имеет и хочет ево, государя, имети себе братом, а тебя, великого государя святейшего патриарха, хочет имети себе отцом. Они, государи, будут меж себя два брата, а ты, великий государь, святейший патриарх, будешь им отец, и никто их государские дружбы и любви братцкие не может разорвати...» От имени султана посол предложил действовать вместе против короля, и что «доступят земли ево, и то у них, государей, будет пополам». Для «утверждения» в этом султан предлагал прислать к нему послов и впредь обмениваться послами, чтобы дружба «не урвалася». Патриарх Филарет подтвердил, что сношения действительно были прерваны из-за убийства Бегичева Шагин Гиреем, потому что московское правительство опасалось новой подобной же расправы, но московский государь все время продолжал питать самые дружественные чувства к султану. В дальнейших переговорах Фома Кантакузин сообщил, что султан сумеет справиться с Шагин Гиреем. Интересно также сообщение его о пребывании в Турции уже третий год шведского посла, а турецкого в Швеции,— свидетельство того, что в расчетах турецкого правительства при начале войны с Польшей отводилось место и Швеции.

На следующем свидании с турецким послом 15 декабря (первое было 13 декабря) патриарх сообщил, что царь готов быть с султаном в дружбе и в любви. Патриарх задал турецкому послу вопрос: «И ты мне скажи подлинно, есть ли с тобою от государя твоего Мурат салтана указ подлинной на письме, и о которых статьях быти вечному докончанью о дружбе и о любви и о всяком утверженье, и чем ему велено то закрепити, крестным целованьем или письмом укрепитца, и к Мурат салтану в грамоте те статьи и укрепленье писать ли, и не чаять ли в том каково опасенья, потому что Мурат салтан приказал с ним о том тайно, а послал его, Фому, веря ему во всем...» «И ты нам скажи, как тебе то собою укрепити и постановити и на которых мерах, а учинити б тайно, чтоб то у польского короля не объявилося...» Фома Кантакузин отвечал, что должны быть посланы к султану грамоты, а он готов и крест целовать и письмо в том дать. 18 декабря посол целовал крест и подписал запись следующего содержания: 1) государю с султаном быть в вечной дружбе и любви и стоять «заодин» на короля, в чем ему, послу, дана «полная мочь», и в том во всем ему верить, 2) султан хочет «доступать» у короля захваченные им города и вернуть их государю, 3) татарам крымским, казыевским, азовским будет запрещено нападать на Московское государство, 4) царское именованье писать в грамотах сполна.

Патриарх расспрашивал посла о том, когда и куда пойдут турецкие войска, как произошло убийство султана Османа и пр., но сам, от имени царя Михаила Федоровича, целовать крест на записи отказался, потому де, что тотчас вся тайна договора раскроется. При встрече с думным дьяком Посольского приказа Ефимом Телепневым Фома Кантакузин говорил о сочувствии многих государей договору султана с московским государем (шведского, чешского, венгерского, волошского и молдавского) и особенно рекомендовал известить о состоявшемся договоре шведского короля Густава Адольфа. Несколько раз патриарх Филарет касался поведения крымцев, настаивал на удержании их от нападений, жаловался

на «неправды» царя Джанибек Гирея и возбуждал вопрос о его замене; вместе с послом Филарет обсуждал кандидатуры на пост крымского царя. Посол обещал свое содействие смещению царя Джанибек Гирея и согласился послать своего человека в Крым с выговором царю за его «неправды». Когда патриарх выразил опасенье за судьбу посылаемого в Крым человека, Фома Кантакузин согласился с этим и сказал, что, если бы было возможно, то Джанибек Гирей его самого «съел за то, что он меж ими, великими государи, о их государевой дружбе и любви ходит».[2]

Мы изложили содержание посольства Фомы Кантакузина в Москву в 1627—1628 гг., чтобы показать, какой широкий план войны с привлечением ряда государств, в том числе Московского, намечался в правительственных кругах Турции еще задолго до Смоленской войны. Поводы к войне Турции с Польшей оставались теми же, которые на протяжении предшествующих десятилетий вызывали между ними войну. Из изложенного видно также, как мало было необходимости для московского правительства побуждать Турцию к войне с Польшей. Напротив, из переговоров с турецким послом видны сдержанность патриарха и стремление его обеспечить соглашение формальным договором. Причины такой сдержанности две: во-первых, неготовность Московского государства к войне, во-вторых, неустойчивость правительственного курса в Турции. Непосредственная подготовка к войне началась с 1627—1628 гг., когда стали производить закупку пушечных запасов (ядер, оружия, меди, серы) за границей, и когда развил усиленную деятельность Пушкарский приказ; но подготовка вооруженных сил началась не ранее 1630 г., когда были изданы первые распоряжения о формировании русских полков иноземного строя; широко эти меры развернулись только в 1632—1633 гг. Наем иностранных ратных людей начался в 1631 г., первый смотр иностранных войск в Москве был произведен лишь в марте 1632 г.; набор иностранцев затянулся на два года.[3] При таком состоянии подготовки к войне было бы легкомыслием торопливо бросаться навстречу турецкому предложению. К тому же Московское правительство рассчитывало выдержать срок Деулинского перемирия, истекавший в средине 1633 г. Итак, инициатива союза против Польши исходила от Турции. Участие в нем Крыма само собой подразумевалось обязательным, при этом настолько мало признавалось за ним самостоятельности, что обсуждалась кандидатура в крымские цари более подходящая для выполнения всего плана.

Московское правительство отправило в том же 1628 г. в Турцию своих послов С. Яковлева и П. Евдокимова для заключения формального договора, скрепленного шертью самого султана. Послы, прибывшие в Константинополь в августе, встретили благосклонный прием, причем мысль о заключении договора сначала не отвергалась. Но вскоре же Фома Кантакузин сообщил послам, что заключение договора на условиях, принятых им в Москве, задерживается сношениями султана об этом «великом деле» с крымским царем, венгерским королем Бетлен Габором и другими государями, и что договор будет утвержден по получении от них ответа, а что этот ответ будет благоприятным, сомнений не было. Спустя два месяца (13 ноября) на напоминание Яковлева и Евдокимова о договоре капитан-паша[4] Хасан дал уже иной ответ, что у султанов нет обычая и «не повелось и ни с которыми государи шертью не крепятся, и шерти николи ни с кем не бывает», а «крепятся» султаны с другими государями грамотами, которых и держатся.

---

[2] Турец. д. 1627 г., № 1, л. 292—350, 375—387, 423—426, 437—446.

[3] Е. Сташевский. Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии, Киев, 1919, с. 179—190, 63—127.

[4] Капитан-паша или капудан-паша — высший начальник турецкого флота.

Едва ли из одной осторожности турецкое правительство отклонило заключение договора. Весьма вероятно, что заключение договора встретило противодействие среди сторонников мира с Польшей и со стороны дипломатических представителей Франции и Англии, стремившихся к примирению Турции с Польшей. В то же время московские послы получили от визиря заверение, что султан твердо держится своего намерения воевать с польским королем, и с удовлетворением могли наблюдать приготовления турок к войне. Одновременно собирались и готовились к походу войска против Персии под предводительством визиря Хозрев паши и против Польши под начальством Гусейн паши. В марте — мае послы могли видеть движение турецких войск под Багдад, были допущены к осмотру пушечного двора, военных каторг, получили возможность близко ознакомиться с устройством турецких войск и организацией их снабжения. Нападения донских казаков на Крым раздражали султана, но не изменили его планов. В присутствии московских послов «стряпчий» крымского царя на приеме у каймакама Резеп паши жаловался на казачьи погромы, и все же Яковлев и Евдокимов получили заверения, что соглашение остается в силе, хотя казаки и много навредили Крыму. Турецкое правительство обещало направить все свои силы против Польши, если поход Хозрев паши под Багдад увенчается успехом.[5] Пока же оно выделяло для войны в Польше только часть своих сил. Тем более важная роль была отведена в войне против Польши Крыму. Одновременно с посылкой турецких войск Джанибек Гирей и Кантемир получили предписание о нападении на Польшу и совершили это нападение крупными силами осенью 1629 г. Выполняя поручение турецкого правительства, Джанибек Гирей поддерживал дипломатическую связь с Швецией. В августе 1629 г. крымский посол Халбердей выехал в Швецию через Москву с поручением убедить Густава Адольфа не мириться с польским королем, а воевать с ним в союзе с султаном и крымцами.[6] В начале 1630 г. в Крыму принимали венгерских послов и обсуждали с ними вопрос о согласовании действий против Польши.[7] Особенно большая роль в этой войне отводилась Крыму, потому что Турция в то время не могла направить против Польши всех своих сил.

Когда Фома Кантакузин в июне 1630 г. (в третий раз) прибыл в Москву, турецкие войска уже были сосредоточены на Узе (на Днепре в районе Очакова). В своей грамоте султан извещал московского государя, что турецкие войска под начальством сердара[8] Гусейн паши готовы к действию, и запрашивал о времени, когда московский царь пошлет «на соседа своего» свою рать. В грамоте кратко выражено пожелание о помощи мос-

---

[5] Турец. д. 1628 г., № 3, л. 90, 96, 115—116, 129—143, 154, 184—185, 189, 193—194, 199—206, 209—215, 216—221, 235—237 и др.— Каймакам — вообще заместитель или помощник, в данном случае — заместитель великого визиря.

[6] Крым. д. 1629 г., № 14, л. 7.— Швед. д. 1629 г., № 4, л. 14—20.

В 1631 г. московские посланники Волков и Зверев, находясь в Крыму, узнали, что Халбердей от имени крымского царя предлагал Густаву-Адольфу в помощь против Польши 30 000 человек. Но явившийся в Крым шведский посол Вельямин Барон в 1631 г. уже хлопотал о другом — о военной помощи не против Польши, а против императора. Изменение в содержании предполагавшегося соглашения объяснялось тем, что Густав Адольф заключил осенью 1629 г. перемирие с польским королем и начал войну с императором. Одновременно Барон старался заручиться поддержкой крымцев в пользу кандидатуры Густава Адольфа на польский трон в случае смерти Сигизмунда III (Крым. д. 1630 г., № 17, л. 65—70). Но крымцы не последовали за поворотом шведской политики и сочли для себя более выгодным совершить нападение на Московское государство. Дальнейшие сношения крымцев со Швецией в 30-х годах не представляют для нас интереса.

[7] Крым. д. 1629 г., № 1, л. 267.

[8] Сердар — командующий войском.

ковских войск со стороны Кавказа против «во зле пребывающего» шаха персидского. Со своей стороны султан сообщал о решительном запрещении крымскому царю нападать на Московское государство и предписании «нерушимо» соблюдать с ним мир. Положение патриарха Филарета, поставленного перед необходимостью дать прямой ответ, было затруднительным. Со 2 по 24 июня он имел с турецким послом пять продолжительных бесед. Из этих длительных бесед видно, что Филарет искал наилучшего решения вопроса. В отношении казачьих нападений и нападений азовцев стороны уже раньше пришли к соглашению не делать из них повода к разрыву. Фома Кантакузин ссылался на мнение султана: «С казаки де можно управиться, а с царем московским за то недружбы держать не за что». Московское правительство очень энергично шло навстречу этим пожеланиям. Со своей стороны турецкое правительство указало азовскому бею удерживать азовцев от походов на Русь. Ножелание о военной помощи против шаха патриарх отклонил на том основании, что у московского государя нет иного недруга, равного польскому королю, против которого он и направляет все свои силы.

Заверения султана об удержании крымского царя от нападения на Русь и направлении его против Польши патриарх попытался закрепить посылкой из Москвы в Крым грамоты с изложением указа султана о походе крымского царя на Польшу, о чем Филарет договорился с Фомой Кантакузиным. Из множества вопросов, которые Филарет задавал турецкому послу и к обсуждению которых он возвращался повторно, сквозит желание убедиться в серьезности военных планов Турции. Сомнение в устойчивости турецкой политики должно было, естественно, возникать, так как из обстоятельных донесений московских послов уже с давних пор вырисовывалась все одна и та же картина частой, иногда головокружительно быстрой смены руководящих правительственных лиц, переворотов в Константинополе, длительных восстаний внутри страны, подавлявшихся лишь с огромными усилиями. Как раз именно в начале 30-х годов новый острейший правительственный кризис, быть может, новая насильственная смена султана, угрожали Турции. Отсюда вытекали настойчивые вопросы Филарета о количестве войска, собранного на Узе, командирах его, участии в войне Крыма, о сроках войны, о виднейших правительственных лицах и их влиятельности, о самом султане Мураде IV, его характере и привычках, его братьях и т. д. О том, что скептицизм имел под собой основание, пришлось убедиться уже в течение пребывания Фомы Кантакузина в Москве. Турецкий посол, находясь в Москве, получил из Константинополя извещение, что сердар Гусейн паша сменен и на его место назначены Муртоза паша и Абаза паша. Смена командующих была отражением борьбы за власть, которая в это время поглощала все внимание правящих сфер в Константинополе и сообщала крайнюю неустойчивость всей правительственной политике. Несколько позднее стало известно об отстранении от командования флотом старого и заслуженного капитан-паши Хасана, погибшего вскоре насильственной, как полагают, смертью. Ф. Кантакузин выехал из Константинополя в Москву вместе с Яковлевым и Евдокимовым в августе 1629 г.; следовательно, он еще не мог знать о выходе из состава намечавшейся против Польши коалиции шведского короля Густава Адольфа, о чем в Москве уже знали. Известие это, естественно, должно было произвести неблагоприятное впечатление в Константинополе и должно было усилить партию сторонников мира с Польшей.

На первом приеме Фомы Кантакузина Филарет умолчал об Альтмаркском соглашении; он довел о нем до сведения турецкого посла лишь при второй встрече, причем постарался смягчить и ослабить впечат-

ление от этой новости, сказав, что Густав Адольф поступил так якобы «для изнеможенья», потому что польскому королю помогал цесарь, а ему, Густаву Адольфу, ниоткуда помощи не было. Ответ Ф. Кантакузина ясно показывает, что он не знал об этом событии: султану, сказал он, будет то «гораздо досадно, что он (Густав Адольф) то учинил, не обослався с Мурат салтаном и с царским величеством», и добавил, что в Турции полагали, что, в случае перемирия, польский король все равно «оманет» Густава Адольфа. Филарет, конечно, не стал рассказывать послу о том, что московское правительство было осведомлено о заключении Густавом Адольфом перемирия с польским королем и присовокупил еще одно ободряющее соображение, что польский король хочет помогать цесарю против Густава Адольфа, «и то меж польского и свейского короля перемирию и разорванье».

Ответ патриарха на основной вопрос султана был условным. Патриарх сказал, что, хотя срок перемирия с Польшей еще не истек, московский государь не станет дожидаться его окончания, что просит соблюдать втайне, и немедленно пошлет свои войска на польского короля, как только будет получено известие о начале активных операций турецких войск. Смысл такого ответа заключался в том, что московское правительство могло бы рискнуть с началом войны, даже не выполнив всех необходимых приготовлений, если бы Турция, а с нею вместе и крымцы, по-настоящему втянулись в войну. Уверения Ф. Кантакузина о массе турецких войск, собранных на Узе, что крымцы полностью заняты войной, что султан «завел рать» не на один год, а пока не одолеет короля, представлялись патриарху Филарету недостаточно убедительными.[9]

Новым московским послам А. Совину и М. Алфимову, выехавшим из Москвы 11 июля вместе с Ф. Кантакузиным, дано было поручение ознакомиться на месте с намерениями и планами турецкого правительства и еще раз попытаться формально закрепить соглашение против Польши.[10] Как ненадежны были расточавшиеся в Москве уверения Ф. Кантакузина, и насколько обоснована была сдержанность Филарета, видно из того, что как раз в июле турецкие паши на Днепре заключили перемирие с польским королем. Послы узнали об этом 5 октября, находясь в пути из Азова в Константинополь от того же Ф. Кантакузина. Это известие заставило послов поспешить и предпринять рискованное плавание в ноябре месяце из Кафы в Константинополь, куда они и прибыли 17 ноября.

Еще до приема их султаном послы узнали, что мир с польским королем был заключен при самом энергичном содействии французской и английской дипломатии. Каймакам Резеп паша был закуплен польским послом Пясецким. Узнав о приезде Совина и Алфимова, французский и английский послы приняли меры, чтобы заключенный мир не был расстроен ими. Французский посол, защищая интересы короля, неоднократно приезжал к Резеп паше и говорил ему о том «беспрестани» и подарки сулил многие, чтоб ему, Резеп паше, «однолично за литовский мир против московских послов устоять и нарушить не дать». По поручению польского посла английский посол передал его просьбу Ф. Кантакузину, чтобы соглашения «не испортить и во всем им помогать», и обещал ему за то подарки, «а визирь де и паши все у них удобрены и хотят во всем помогать королю».

Первый прием Совина и Алфимова каймакамом Резеп пашой состоялся 2 декабря; при этом Резеп паша отрицал заключение перемирия и утверж-

---

[9] Турец. д. 1630 г., № 1, л. 15—36, 69—107, 147—148, 151—159, 165—173, 176—188, 221—232.

[10] Турец. д. 1630 г., № 2 (Наказ Совину).

дал, что султан отверг просьбу польского посла; но на приеме 23 декабря уже сам рассказал послам об условиях перемирия с Польшей; одновременно он распространялся о намерении султана весной будущего года послать свои войска на Польшу с московским государем «заодин». Визирь особенно настаивал на том, чтобы все эти переговоры оставались в строгой тайне, чтобы то дело «не пронеслось», ибо, если слух об этом дойдет до польского короля «от здешних немецких послов (английского и французского. — *А. Н.*) или от каких людей ни есть, и они то дело тотчас многими подарками испортят».[11] Таким образом, сам визирь признавал большое значение дипломатического вмешательства Англии и Франции в заключении перемирия между Турцией и Польшей. Энергично содействуя примирению Турции с Польшей, французский и английский дипломаты руководствовались теми же самыми соображениями, как в 1623 г., когда они добивались мира между этими же правительствами, как в 1629 г., посредничая между Польшей и Швецией в Альтмарке. Политика Франции и Англии, не направленная прямо против московского правительства, косвенно наносила сильный удар всем расчетам последнего, так как лишала его союзников и развязывала руки Польше для войны.[12]

Чем же был вызван этот внезапный отказ Турции от войны с Польшей? Означал ли он решительный поворот во внешней политике? На протяжении первой половины XVII в. мы не раз наблюдали колебания турецкой политики между западным направлением — против врагов в Европе, и восточным — против Персии. Слабевшая империя не имела сил вести борьбу одновременно на обоих фронтах и вынуждена была перебрасывать свои силы. Каждое из этих направлений политики имело в правительственных сферах своих сторонников. Донесения русских послов и их статейные списки дают ряд указаний на то, что и в 30-х годах в Турции не было единой точки зрения по этому вопросу. Сам султан, его мать, такие видные и влиятельные лица, как капитан-паша Хасан, были сторонниками войны с Польшей. В рядах ее противников оказался каймакам Резеп паша. Однако полнотой власти в то время никто из них не обладал. Правительственная власть в Константинополе находилась в состоянии острого кризиса. Историки Турции обстоятельно излагают развитие этого кризиса и его корни. Для нас важно лишь уяснить, как этот кризис отражался на состоянии правительственного аппарата. Среди мятежей янычар и спагов,[13] кровавых расправ и убийств, непрерывной смены лиц на важнейших правительственных постах шла ожесточенная борьба за власть.

Виднейшей фигурой в правительстве в 1630—1632 гг. за отсутствием великого визиря Хозрев паши, находившегося в персидском походе, был

---

[11] Турец. д. 1630 г., № 4, л. 65—76, 95 и др.

[12] В 1629 г. (15 сентября — 11 ноября) в Москву приехал французский посол Людовик Деганс (Де Ге-Курменен) с проектом торгового соглашения. Бояре спросили посла, будет ли «годно» французскому, английскому, датскому королям и голландцам заключение перемирия между Польшей и Швецией. Французский посол отвечал, что его королю то «ненадобно», потому что у него война с цесарем, а польский король с цесарем «заодин». Датскому этот мир также нежелателен, потому что он усилит шведского короля. Примирения желают английский король и голландцы. Да и вообще французское правительство «не чает» вечного мира между Швецией и Польшей, «нешто будет мочно помирить на малое перемирье» (Франц. кн. 1629 г., № 2, л. 181, 225—228). Французский посол явно желал скрыть активнейшее участие французской дипломатии в заключении Альтмаркского мира между Польшей и Швецией, потому что не мог не понимать, что политика Франции идет явно вразрез с интересами московского правительства. Последнее же еще в 1622—1623 гг. наблюдало посредничество французской дипломатии при заключении перемирия между Турцией и Польшей. При таких условиях миссия французского посла о заключении торгового соглашения с московским правительством, конечно, не могла иметь успеха.

[13] Войска (гвардия), находившиеся на государственном содержании: пехота — янычары, кавалерия — спаги.

его заместитель, каймакам Резеп паша. Пользуясь родством с султаном (он был женат на его сестре), Резеп паша постепенно сосредоточивал все управление в своих руках и путем интриг и убийств, тайно вдохновляя мятежи янычар и спагов, расчищал себе путь к вершине власти. Ему приписывают перемены в командовании войсками, собранными под Очаковым против Польши, смещение капитан-паши Хасана и последовавшую вскоре его гибель. Французские и английские дипломаты умело использовали в своих интересах отсутствие твердой и единой власти, хотя полностью своих планов им осуществить и не удалось. Резеп паша должен был, однако, действовать скрытно. Он объяснял заключение перемирия обещанием польского короля удерживать запорожцев от нападений на турецкие владения, присылкой им крупной денежной суммы (по сообщениям московских послов из Турции и Крыма 60 тыс. ефимков) и поддержкой короля французским и английским послами. В то же время паша признавал, что польский посол не мог добиться полного разрыва Турции с московским правительством. Паша вел себя двусмысленно с московскими послами, старался тормозить выполнение их дипломатического поручения, задерживал отъезд из Турции, досаждал разными придирками. По сведениям послов, султан был недоволен поведением Резеп паши. Но положение Мурада IV в то время было очень непрочным. По интригам того же Резеп паши визирь Хозрев был отрешен от власти и затем казнен. По требованию янычар султан Мурад, под угрозой низложения и собственной гибели, выдал им на расправу ряд самых близких ему лиц, в том числе визиря Хафиза, назначенного на место Хозрев паши. Анархия в Константинополе была близка к новому дворцовому перевороту. В 1632 г. Резеп паша стал, наконец, великим визирем. Мы не можем высказывать предположения о том, какое направление приняла бы внешняя политика Турции, если бы Резеп паша удержал надолго власть в своих руках, но вскоре же нашлись люди, которые раскрыли султану тайную роль Резеп паши в предшествующих событиях, и по приказу султана Мурада он был казнен.[14] День гибели Резеп паши был первым днем начала кровавого правления Мурада IV. Начало самостоятельного правления Мурада IV сопровождалось возвращением к старому плану войны с Польшей в союзе с московским правительством. Вследствие этого перемирие с Польшей, заключенное в 1630 г., осталось лишь кратковременным и неполным отклонением от прежнего курса внешней политики Турции.

Как же турецкое правительство объясняло поворот своей политики и как представляло себе свои отношения к Московскому государству тотчас же после заключения перемирия с Польшей? 3 марта 1631 г. Совин и Алфимов напомнили Резеп паше вскользь брошенное им обещание весной этого года направить против Польши войска, что время пришло выполнить обещание. Визирь обошел молчанием вопрос о перемирии, а на вопрос о походе в 1631 г. отвечал, что «им ныне недруги не одни польские люди, и со всех сторон недругов у них умножело, и им де ставитца не до них, и управитца им с ними за их неправды ныне не время». Глухая ссылка на «недругов» подразумевала прежде всего Персию, в борьбе с которой Хозрев паша потерпел поражение, и затем цесаря, о военной помощи против которого просил венгерский король Ракочи.

Но все эти факты имели место уже после заключения перемирия с Польшей и, следовательно, не могли быть причиной его заключения. Хозрев паша начал свой далекий поход под Багдад еще в 1629 г. и не без успеха. Осада Багдада началась лишь в сентябре 1630 г., когда перемирие уже

---

[14] Турец. д. 1630 г., № 4, л. 77—92, 95 и др.— Hammer, LX (французский перевод), с. 161—183.— Jorga, III, с. 453, 459 и др.

было заключено, а неудача осады обнаружилась лишь в ноябре. Таким образом, до поздней осени ничего нельзя было сказать об исходе всей операции. Вот почему объяснение перемирия, которое давал ему Резеп паша и то, которое слышали в Крыму в августе 1630 г. московские посланники, что заключено оно было потому, что «турской ведет войну с кизылбашским, и многих де турских людей в Кизылбашех побили», — не может быть принято.[15] Обращение Ракочи с просьбой о военной помощи было получено в Константинополе не ранее февраля 1631 г. К тому времени турецкие войска уже были распущены из района их сосредоточения на Узе, и сам Абаза паша находился в Сербии.[16]

Грамота султана от апреля 1631 г., присланная в Москву с турецким послом Ахмет агой и полученная там в феврале 1632 г., также обходит вопрос о перемирии с Польшей в 1630 г. и только разъясняет, почему не могло состояться выступление турецких войск в 1631 г.: «а что есте писали в своей любительной грамоте на недруга своего и соседа о помочи, мы было о том крепко порадели и хотели помочь учинить, и судом божьим тому делу помешка учинилась», что в прошлом году турецкая рать не смогла взять Багдада, и что в нынешнем (т. е. в 1631 г.) туда направлено новое войско, что, кроме того, потребовалась посылка войск в Волошскую землю и в Венгрию к Ракочи. «И за тем нам по своему желанию вам помочи учинить стало невозможно».

Грамота султана изображает дело так, будто русское правительство возбуждает какой-то новый вопрос и только оно одно хлопочет о помощи против польского короля и как бы забывает о том, что до 1630 г. само турецкое правительство предлагало действовать «заодин» против короля и что посольство Совина и Алфимова было продолжением дипломатической ссылки по этому вопросу, начавшейся по инициативе турецкого правительства еще в 1627 г. Освещение, приданное внезапному перерыву войны с Польшей в грамоте султана, объясняется естественным желанием уклониться от прямого ответа. В той же грамоте далее засвидетельствовано, что султан отнюдь не отказывался от своих прежних военных планов, а лишь временно отсрочивал их выполнение. В грамоте дано прямое обещание действовать против польского короля, как только будет закончен поход против шаха персидского. Пока же султан рекомендовал московскому государю «с соседом своим и с недругом быть не в задоре и до тех мест потерпети. А беспрестани бы вам, — пишет султан, — о том совет чинити с татарским царем Джанбек Гиреем и с свейским королем о том втай совет держати и к тому бы дни готовитца». Более того, если польский король сам начнет «тесноту и убытки чинити, и задор от него будет», султан обещал оказать помощь по мере сил и раньше, «да и крымский царь в те поры не оплошитца». В грамоте снова повторено о предписании Джанибек Гирею блюсти мир с Московским государством и о смене азовского Умер бея за допущение татарских нападений на Русь, о назначении в Азов нового бея Мустафы со строжайшим указанием соблюдать мир. Необходимо, чтобы московский государь, со своей стороны, удерживал от нападений донских казаков. Султан обещал наказывать азовцев за нарушение ими мира.[17]

После соглашения о перемирии пашей с польскими послами в июле 1630 г., под Очаков был вызван царь Джанибек Гирей. При участии пашей крымский царь также заключил с Польшей перемирие на 7 лет с условием ежегодной уплаты ему польским королем казны. Включение крымцев

---

[15] Hammer, IX, с. 150—153.— Крым. д. 1630 г., № 26, л. 62—64.
[16] Турец. д. 1630 г., № 4, л. 136—137, 144—147.
[17] Турец. д. 1631 г., № 2, л. 242—253.

в мирное соглашение не означало ни в каком случае разрешения им воевать с Московским государством, да и сам Джанибек Гирей, сообщая в Москву о перемирии, изображал дело так, что он будто бы пошел на перемирие против своего желания, что турецкие паши действовали на него «упросом» и угрозами, и со своей стороны просил московское правительство не беспокоиться за соблюдение мира.[18] У турецкого правительства были свои расчеты на военную помощь татар. Уже весной 1630 г. Турция предъявила Джанибек Гирею требование крупными силами двинуться в Малую Азию против шаха. Джанибек Гирей обещал 20 тысяч. На деле он смог отправить туда лишь небольшие силы (4000 человек), которые действовали в Малой Азии с осени 1631 г. до весны 1632 г.[19] Зимой 1631—32 г. (ноябрь—февраль) по указу султана сын царя Мубарек Гирей совершил поход под Лубны и Пирятин.[20]

Мурад IV, мечтавший о восстановлении былой мощи империи, думал достигнуть этого путем укрепления поколебленного авторитета власти султана, а главное средство к этому видел в военных успехах. Вначале ему представлялось наиболее удобным и легким, действуя в союзе с московским правительством, нанести поражение Польше и тем сразу поднять свой авторитет. Война с Польшей началась походом Абаза паши в октябре 1633 г. Турецкие источники говорят, что поход был делом самого Абаза паши, предприимчивого и воинственного человека, и что султан лишь не удерживал его. Польские источники утверждают, что Мурад IV обещал московскому правительству помощь, поручив Абаза паше совершить нападение, чтобы отвлечь Владислава IV от московской войны и, во всяком случае, чтобы не допустить его дальнейших успехов, или что Абаза паша действовал по собственной инициативе. Турецкие и польские историки одинаково приписывают большую роль воздействию на турецкое правительство московской дипломатии. Изучение документов дипломатических сношений московского правительства с турецким дает возможность внести достаточную ясность в изложение всех этих событий.

В конце 1632 г. одновременно и независимо одно от другого прибыли посольства турецкое Фомы Кантакузина (в четвертый раз) в Москву, а московское — Аф. Прончищева и Тих. Бормосова в Константинополь. Цели посольств между собой совпадали. Напомним, что в грамоте от 1631 г. султан предлагал московскому правительству повременить с началом войны против польского короля до присылки своего посла. В конце 1632 г. Фома Кантакузин привез от султана грамоту с предложением возобновить обмен послами и поставил один вопрос, который ясно выдавал то, о чем думал султан: правда ли, что московский государь мирится с польским королем? Если это так, то султан советовал не поддаваться на обман короля. Султан сообщал о новом указе в Крым, Кафу и Азов с запрещением нападений на Московское государство и просил лишь удерживать от нападения донских казаков. Патриарху Филарету не стоило большого труда опровергнуть слухи о мире с Польшей. Он настаивал также на смене Джанибек Гирея, который не выполняет указов султана. Фома Кантакузин выразил уверенность, что султан устранит Джанибек Гирея и вместе с патриархом обсуждал кандидатуру на его место.

Фома Кантакузин был отпущен из Москвы 1 января 1633 г. вместе с московскими послами Яковом Дашковым и Матвеем Сомовым.[21] Но еще

---

[18] Крым. кн. № 23, 1628 г., л. 232 об.— 236.— Крым. д. 1630 г., № 21, л. 31—34.

[19] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 210—211.— Турец. д. 1630 г., № 4, л. 180.— Hammer, IX, с. 155, 165.

[20] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 210.

[21] Турец. д. 1632 г., № 6, л. 239, 255—263, 295—317, 335, 354—362, 421—445, 459, 466—468.

раньше, в начале декабря 1632 г., в Константинополь прибыли Прончищев и Бормосов и встретили самый благосклонный приём. Кроме приемов у султана, они имели семь встреч с визирем Магмет пашой и одну встречу с муфтием. Не успели выехать из Константинополя Прончищев и Бормосов, как туда прибыли в начале июня 1633 г. Дашков и Сомов; последние пробыли в Турции до апреля 1634 г.[22] Таким образом, оба эти посольства относятся к решающему периоду Смоленской войны и выясняют позицию султана в вопросе о войне с Польшей.

Мы имеем полное основание говорить о политике самого Мурада IV в это время, потому что вся власть находилась уже в его руках, и он сам, по его словам, был своим собственным визирем. Материалы обоих посольств дают полное основание утверждать, что Мурад IV продолжал выполнение военного плана против Польши, сложившегося значительно ранее, что поход Абаза паши в 1633 г. на Польшу был совершен по прямому указу султана, более того, что этот поход был лишь частью всего плана, который предусматривал поход самого султана в следующем 1634 г. Заинтересованность турецкого правительства в том, чтобы московское правительство продолжало войну, видна уже из посольства Фомы Кантакузина 1632 г. В 1633 г. визирь Магмет паша поставил перед Прончищевым и Бормосовым тот же вопрос, который в Москве задал Фома Кантакузин: возможен ли мир между царем и польским королем? На ответ послов, не совсем осторожный, что без ссылки с султаном царь не станет мириться, визирь объяснил, почему он задал этот вопрос: в текущем году султан не может совершить похода всеми силами, «большими ратьми»; войска будут собираться с осени из дальних мест и будут готовы лишь к весне 1634 г., когда и будет совершен большой поход. Смысл вопроса ясен: начиная сосредоточение крупных сил к будущему году, турецкое правительство желало убедиться в том, что ему не придется, затратив силы и средства на приготовления, остаться в одиночестве.

Пока шли эти приготовления, турецкое правительство не хотело оставить Москву без всякой помощи. Принимая послов 23 июня, визирь сказал им, что еще в феврале 1633 г. на Польшу был послан Кантемир, захвативший там большой полон, распродажу которого послы могли наблюдать в Константинополе. Кроме того, был послан указ Абаза паше о походе на Польшу вместе с Кантемиром и крымским царем.[23] Абаза паша совершил свой поход в октябре 1633 г. с войском до 50 тыс. (по сведениям Дашкова и Сомова). В походе участвовали белгородские татары под предводительством зятя Кантемира кн. Петра Урусова (сам Кантемир был болен). Поход, как известно, успехом не увенчался и не дал сколько-нибудь существенного результата. В январе—марте 1634 г. Дашков и Сомов несколько раз встречались с самим Абаза пашой. Видимо, ни паша, ни султан не были обескуражены неудачей похода. Абаза паша говорил послам, что он ходил в Литву «небольшими людьми», «только дорогу проведал», но теперь де он знает, «как над польскими и литовскими людьми промышлять». Абаза паша сообщил послам любопытные сведения о том, что в правительственных кругах Турции были разногласия по вопросу о войне: «А у нас де многие с поляки хотят битца, а иные говорят, чтоб помиритца». Но сам султан твердо стоит на своем слове и весной сам поведет войска.

Мурад IV вложил в организацию похода всю свою энергию. Грамота патриарха константинопольского Кирилла в Москву от 3 февраля 1634 г. и письмо Ф. Кантакузина от 24 июня того же года хорошо передают настрое-

[22] Турец. д. 1632 г., № 3., л. 11—358.— Турец. д. 1633 г., № 3, л. 1 — 110.
[23] Турец. д. 1632 г., № 3, л. 228—239, 245—254, 285—295.

ние султана. Неудача похода Абаза паши не уменьшила решимости султана. «И от того часу разгорелось сердце» султана, пишет патриарх, «и указал быти великой войне с ляхами и сам итти хочет». Абаза паше предписано было вновь готовиться к походу. Были изданы строжайшие распоряжения о мобилизации вооруженных сил. Султан не пожелал принять польских послов и вести с ними переговоры. Послы «немецкие» хотели помирить султана с поляками, о чем писали грамоты, «а всех более писал французский посол». Султан «опалился» на посла и его толмачей, «разорил» французскую церковь и «мало не казнил» самого посла.

Более всего озабочивало султана и его приближенных, устоит ли московское правительство и не заключит ли мира с Польшей, о чем уже распространялись в Константинополе слухи. «Великие люди» султана допрашивали о том патриарха, который заверял, что этого не может быть. Вследствие этого патриарх сообщал, что он «имеет надежду добрую, что быти добрым делам». Когда слухи о мире стали упорно распространяться, султан «осердился» на визиря Магмет пашу и Ф. Кантакузина. Визирь допрашивал последнего. Ф. Кантакузин требовал очной ставки с распространителями слухов, «голову закладывал», уверяя, что мир между московским государем и польским королем невозможен. «Буди ведомо царствию твоему,— писал Ф. Кантакузин в Москву,— что на сей службе великие протори и казна истратица», ведь султан хотел собрать в поход 200 тыс. войска.[24] Действительно, 29 марта 1634 г. послам была предоставлена возможность наблюдать картину пышного выступления султана во главе отборных турецких войск в Адрианополь.[25] Поход султана запоздал, он совпал с началом мирных переговоров московского правительства с Польшей. Поход оборвался. В ноябре 1634 г. Турция, со своей стороны, заключила мир с Польшей.

Естественно, что турецкое правительство в течение всех лет соглашения с московским правительством против Польши не могло бы допускать и тем более поощрять нападения татар на территорию своего союзника. Оно само рассчитывало на активнейшую их помощь в предстоящей войне. В материалах посольств Совина, Прончищева и Дашкова мы находим множество доказательств доброй воли и решимости турецкого правительства удерживать татар от нападений на Русь и направлять их на Польшу. Нападение татар на Русь в 1632 г. произошло тогда, когда султан Мурад IV был поглощен укреплением своей власти, очищением рядов армии от мятежных элементов и установлением порядка в управлении. В ответ на представление московских послов о нарушении Крымом мирной шерти и указа султана и об участии в набеге азовцев и казыевцев, визирь еще раз обещал запретить их. Кроме указа Кантемиру о нападении на Польшу, которое он и совершил весной 1633 г., ему же был предписан новый поход на Польшу в том же году вместе с Джанибек Гиреем, о чем последнему был послан словесный указ, кафтан и сабля. Джанибек Гирей должен был примкнуть к походу Абаза паши. На приеме 28 июня Прончищева и Бормосова визирь говорил послам, что крымскому царю уже три раза писано о запрещении нападений на Русь и совершении походов на Польшу. Такие же распоряжения были направлены в Кафу и в Азов.[26] Подобные же заверения получили в июне 1633 г. новые послы Дашков и Сомов. Визирь сообщил им о срочной посылке в Крым чауша Мустафы с соответствующим указом.

---

[24] Греческ. д. 7142 г., № 7, л. 1—8, 18—21, 22—25.

[25] Турец. д. 1633 г., № 3, л. 27—32, 36, 55—58, 64—65, 77—78, 102—103, 105, 108.

[26] Турец. д. 1632 г., № 3, л. 194—195, 245—255, 290—296, 309—315.

31 октября 1633 г. Дашков и Сомов возбудили вопрос перед каймакамом Бейрам пашой о смене Джанибек Гирея за его «неправды» против московского государя и за непослушание султану. Визирь отвечал, что «неправды» крымского царя против московского государя султану «ведомы»; вообще «неприятен тот холоп, который государя своего (т. е. султана) не слушает». Визирю было известно о намерении султана сменить Джанибек Гирея, но турецкое правительство затрудняется с выбором кандидата на крымский трон: «царевичи крымские молоды». Обсуждалась кандидатура Шагин Гирея, но визирь отводил ее, потому что Шагин Гирей «вор, большая будет смута впредь меж великими государи». Как известно, указы султана не удержали крымцев от нападений. На приеме 29 декабря 1633 г. визирь говорил Дашкову и Сомову, что султан знает о том, что крымский царь «своровал», не послушал указа султана о походе на Литву, а посылал сына своего на Русь. Ныне послан в Крым гонец, которому дан срок вернуться в 20 дней, с категорическим предписанием Джанибек Гирею «со всею крымскою ратью ныне по зимнему пути итти на Литовскую землю самому, не разгадывая, что ныне зимней путь». Если царь выполнит указ, перемены ему не будет, а не выполнит, ссылаясь на зимнее время и «стыдь», он будет безоговорочно сменен, царевич на его место уже выбран. В январе 1634 г. Абаза паша, оправдывая снисходительное отношение к поведению Джанибек Гирея, говорил, что он «Джигинских царей царский сын и ево просто ставить ненадобно». Абаза паша выразил уверенность, что Джанибек Гирей помирится с московским государем.[27] В этом Абаза паша не ошибся. Джанибек Гирей под угрозой смены поторопился возобновить мирные переговоры с московским правительством о соблюдении мира и дружбы «свыше прежнего» и в декабре 1633 г. снова шертовал перед московскими послами Ансимовым и Акинфиевым, о чем и уведомил султана.[28]

Дипломатические сношения московского правительства с Турцией в 1634 г., когда фактически решение об окончании войны было принято, а затем был заключен Поляновский мир с Польшей, интересны для нас той оценкой, которую московское правительство давало влиянию татарских нападений на весь ход Смоленской войны.

В январе—феврале 1634 г. в Посольском приказе шла подготовка к отправлению в Турцию послов Ив. Коробьина и С. Матвеева. Указ о посылке был дан 28 февраля, когда было закончено составление наказа послам. Решение о прекращении войны в то время уже вполне созрело. Вскоре же были назначены представители для ведения переговоров с поляками о перемирии. Целью посольства в Турцию было не обсуждение вопроса о союзе против Польши или войне с нею, что было предметом всех предшествующих посольств, начиная с 1628 г., а дипломатическая подготовка к сообщению о выходе из войны, вопреки прежде достигнутой договоренности с султаном — не прекращать войны без предупреждения. Московское правительство хотело смягчить впечатление от внезапного поворота своей политики и предупредить возможное обострение отношений.

Ив. Коробьину и С. Матвееву было дано поручение говорить в Константинополе о сохранении мирных и дружественных отношений, об удержании татар от нападений, толковать о казачьих нападениях, но центральным был вопрос о войне с Польшей. Наказ предвидел, что визирь спросит о том, надолго ли московский государь «войну завел»

[27] Крым. д. 1633 г., № 3, л. 9—10, 13—15, 22—24, 27—32, 43—54, 62, 64—65.— Турец. д. 1633 г., № 3, л. 55—58 — «Джигинский» — Чингасид, потомок Чингисхана.

[28] Крым. д. 1633 г., № 10, л. 41—64.— Турец. д. 1633 г., № 3, л. 64—65.— Крым. д. 1633 г., № 12, л. 18—22, 177.

с польским королем, и напомнит об обязательстве не мириться с королем, «не обослався» с султаном. Визирь может сказать, что султан посылает свою рать против короля, а царь с ним не помирится ли? Послы должны были отвечать, что до сих пор царь вел войну один уже полтора года, а от султана «помочи по се время никакой не бывало», и, видя это, король, «накупил» на Московское государство крымского царя Джанибек Гирея, который напал на украинные города «и тою войною воинскому делу помешку учинил». Служилые люди, узнав о татарских нападениях, из-под Смоленска «съехали». Тем не менее царь отправил против короля новые войска. «А скоро ль та война вершитца, и того ныне ведать не уметь, потому что воинское дело в воле божьей, поиск и упадок бывает от бога, а мира по се время царскому величеству с польским королем не бывало...» Если визирь скажет, что ему известно об отступлении Шеина от Смоленска, отвечать неведением, говорить, что того при них не было (Шеин капитулировал 16 февраля!), но то «статочное дело», что ратные люди Шеина «обессилели», потому что помощи от султана не было, а король стоит под Смоленском со всеми ратными людьми «посполитным рушеньем».[29]

Посольский приказ не ошибся. Главной темой переговоров Коробьина и Матвеева с каймакамом Байрам пашой на приеме 22 сентября 1634 г. были слухи о мире московского правительства с польским королем. Знают ли послы, спрашивал визирь, о мирной ссылке и ожидать ли заключения мира? Послы дали короткий ответ, что при них такой ссылки не было, они узнали о ней в пути и полагают, что царь известит об этом султана. Послы очень решительно и подробно говорили о неправильном титуловании царя, о нарушении Джанибек Гиреем мирной шерти, о нападениях азовцев и казыевцев, вопреки обещанию султана удержать их от нападений. Байрам паша признал справедливость всех этих фактов, но выразил уверенность, что в дальнейшем нападения прекратятся. На следующем приеме 28 сентября Байрам паша начал разговор с выражения досады, что царь заключил мир с Польшей, «не обослався» с султаном. Послы повторили, что если мир заключен, то царь об этом известит султана и затем решительно и твердо объяснили заключение мира с королем татарскими нападениями: «А чаем то,— говорили они,— хотя будет государь наш с польским королем и помирился, и в том де и многая неправда учинилась крымского Джанибек Гирея царя». Московский государь, полагаясь на обещание султана, направил все свои войска против короля. Но крымский царь «по накупу польского короля через повеленье Мурат султана и, забыв свою шерть, на чем государю шертовал, что было ему на государевы украйны самому войною не ходить и воинских людей не посылать, посылал в государевы украйны по два года, в кою пору великого государя нашего с польским королем война завелась, воинских людей и сына своего Мубарек Гирея царевича со многими людьми». Московские ратные люди, узнав, что отцы, матери, жены и дети их, люди и крестьяне побиты и захвачены в полон, дома сожжены, «все з государевы службы пошли врознь в свои украинные городы. И от того государеву ратному делу учинилась многая поруха. И будет государя нашего с литовским королем и учинился мир,— закончили послы,— и то учинилось от крымского Джанбек Гирея царя...» Каймакам, выслушав послов, согласился, что «может де так быть».[30]

Вслед за Коробьиным и Матвеевым в Константинополь был послан толмач Ф. Елчин с грамотами, официально извещавшими султана о заключении с Польшей мира. Толмач не застал Коробьина и Матвеева в Кон-

---

[29] Турец. д. 1634 г., № 1, л. 1—139, 241—247.

[30] Турец. д. 1634 г., № 4, л. 57, 68, 92—95, 109—116, 127—142, 145, 147—150, 226.

стантинополе (они выехали оттуда 21 ноября) и сам вручил Байрам паше грамоты в декабре 1634 г. Царская грамота уже не ограничивается в объяснении прекращения войны одной ссылкой на татарские нападения, она дает объяснение гораздо более сложное и дипломатически более продуманное. В ней приводятся следующие мотивы заключения мира с Польшей: 1) нападения татар в 1632 и 1633 гг. московскому государю «многую помешку учинили, а польскому королю большую помочь...»; 2) царь вел войну два года, а «окрестные государи» никто никакой помощи ему не оказали, не оказал в то время помощи и султан; 3) от войны оскудела казна, города от той войны «ото многих податей, а наипаче всего украйны... от войны крымских людей запустели»; 4) воевода боярин М. Б. Шеин с товарищами изменили и, не дождавшись прибытия подкреплений, с королем помирились. В то время польское правительство предложило перемирие; «поневоле» пришлось на это согласиться. «И вам бы, брату нашему, великому государю,—заканчивает царская грамота,—в том на нас не подивить, то есмя учинили по неволе великой, потому что от вас, брата нашего, помощь позамешкалась, да и для того, что польскому королю опричь нас недруга не было никоторого». В черновике наказа Ф. Ельчину в двух местах мы находим указание на то, что московское правительство ожидало помощи от шведского короля, но он помирился с польским королем и помощи никакой не оказал. В окончательной редакции наказа этих указаний на шведского короля мы уже не находим.

Если отбросить частности (измену Шеина с товарищами) и неопределенное указание на отсутствие помощи от «других государей» (каких именно, грамота не говорит), основная мысль царской грамоты совершенно ясна: султан не оказал своевременной помощи, как он должен был сделать, не удержал татар от нападений, а эти нападения повредили войне и непосредственно, и опустошением украйны, следствием чего было оскудение казны.[31] Таким образом, в отличие от заявления Коробьина и Матвеева, которые ограничивали вредное действие татарской войны лишь тем, что она вызвала побеги ратных людей из армии, грамота дает более расширенное толкование последствий татарских нападений и одновременно возлагает ответственность за них на султана.

Подводя итог всему сделанному нами обзору дипломатических сношений русского правительства с турецким накануне и в течение Смоленской войны, мы устанавливаем совпадение их военных планов против Польши. Временное отклонение турецкой политики от этого плана в 1630 г. не было полным и лишь отсрочило начало совместных военных действий. Оба правительства рассматривали Крым в качестве непременного участника предстоящей войны, и Крым действительно воевал с Польшей раньше, чем выступили сами турки. Крым был включен самым непосредственным образом во все международные комбинации Турции и находился в сношениях с Швецией и Венгрией по вопросам участия в той же войне. Нападения татар на Русь были, таким образом, их самочинным действием, совершенным вопреки категорически и неоднократно выраженной воле султана. Крым допустил эти самочинные действия, пользуясь «самым большим междоусобьем», царившим в то время в Константинополе. Слабость турецкого правительства оказалась гораздо большей, чем допускал

---

[31] Турец. д. 1634 г., № 6, л. 1—21, 21а—35, 51—56, 69—72.— Никаких серьезных осложнений в отношениях между Московским государством и Турцией после этого не возникло. Совершенно неверно утверждение турецких источников, будто султан Мурад IV, недовольный выходом московского правительства из войны, заключил его посланников в тюрьму. Мурад IV изменил свои военные планы и уже весной 1635 г. начал войну с Персией (Турец. д. 1634 г., № 6, л. 51—68.— Zinkeisen, IV, с. 511.— Hammer, IX, с. 253—255).

патриарх Филарет при всей своей недоверчивости, а крымское своеволие превзошло худшие его ожидания. Крым лучше знал меру своих возможностей. Даже в ту пору, когда Мурад IV превратился в властного тирана, топившего в крови всякое неповиновение у себя в империи, крымцы осмеливались на открытое «отложение» от Турции, как это произошло несколькими годами позднее при царе Инайет Гирее. Таким ненадежным партнером оказался Крым в дипломатических планах моковского правительства накануне Смоленской войны.

< 2 >

Мы указали обстоятельства, которые облегчили Крыму его внезапный поворот к войне с Московским государством. Подлинные мотивы его надо искать внутри самого Крыма, в его внутреннем состоянии. А состояние его к началу 30-х годов было очень тяжелым. Крым был разорен войной, междоусобной борьбой и стихийными бедствиями. Сами татары придавали наибольшее значение междоусобной борьбе крымцев с ногаями, возглавляемыми Кантемиром. Когда Кантемир в начале правления Магмет Гирея «бегал» к султану, царь и калга грабили остававшиеся в Крыму ногайские улусы, а их животы и лошадей раздавали крымцам. В свою очередь Кантемир, «осилев» царя и калгу, «весь Крым выграбил». Царь и калга, победив Кантемира с помощью запорожцев, снова подвергли разорению ногайские улусы. Победа Джанибек Гирея повела к возвращению в Крым Кантемира с его татарами, которые отомстили новыми насилиями и грабежами за все перенесенное. Произвол и насилия самих Магмет Гирея и Шагин Гирея сопровождались разорением многих князей и мурз, богатых и зажиточных людей. Выражаясь несколько гиперболически, татары говорили, что подобного разорения Крым еще никогда не переносил.[32] Присоединим сюда еще сильные казачьи погромы. В течение 1628—1629 гг. Крым был, кроме того, охвачен сильнейшим моровым поветрием, чумой: многие «сидячие и юртные деревни... стали пусты». Все деревни по Чингару и морской губе вымерли. Поветрие опустошило самые большие города: Бахчисарай, Козлев, Карасу, Керчь, Балыклею, Мангуп, Чуфут. Поветрие распространилось на территорию белгородских татар. Стало оно затихать лишь весной 1629 г. Д'Асколи говорит о сотнях тысяч унесенных чумой человеческих жизней.[33] Несколько годов сряду появлялась саранча и истребляла хлеба и кормы; вымирал скот. В 1628 г. была засуха, не родился хлеб, не было травы. Возникла дороговизна. Посланники Тарбеев и Басов лишь по очень дорогим ценам приобретали продукты, а посольские люди ели траву и коренья. За ведро воды платили по 2 алтына.[34] Дороговизна еще более возросла в следующем 1629 г. Посланники Кологривов и Дуров платили за четверик пшеницы по 26 алт. 4 д. и по рублю, за четверик ячменя по 4 и более гривен.[35] Когда в конце 1629 г. Кологривов и Дуров возбудили вопрос об освобождении русского полона, ближние царевы люди отвечали, что сделать этого никоим образом невозможно, потому что множество полонянников вымерло в поветрие, и «им де (т. е. крымцам) без полонянников быть не мочно; сами де они в Крыму покупают полонянников самою дорогою ценою».[36]

---

[32] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 145.
[33] Крым. д. 1629 г., № 1, л. 226.— Крым. д. 1630 г., № 27, л. 93—102.— Зап. Одесс. Об-ва, вып. XXIV, с. 132.
[34] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 97.
[35] Крым. кн. 1628 г., № 23, л. 266 об.— 268.
[36] Крым. кн. 1628 г., № 23, л. 125.

В случаях продовольственных затруднений, недородов и голодовок татары обычно искали выхода в походах за добычей, за живым товаром, продажа которого облегчала экономические затруднения. В конце же 20-х годов стихийные бедствия явились лишь добавочным обстоятельством, ухудшавшим и без того тяжелое положение крымцев. Походы в Литву не принесли облегчения. В осеннем походе 1629 г., совершенном калгой Девлет Гиреем и Кантемиром во главе 20 тыс. татар на правобережную Украину, татары потеряли убитыми и пленными до 15 тыс. человек. Среди убитых был сын Кантемира, в плен попал царевич Ислам Гирей (брат нурадына Азамат Гирея). Остатки татарского войска пытались спастись в Белгород, но здесь значительная часть их погибла от морового поветрия. Татары вернулись в Крым в январе 1630 г., не привели ни одного полонянника.[37] С осени 1631 г. до весны следующего года 4000 татар участвовало в кизылбашском походе, который, кроме изнурения, ничего не принес, как и все походы против шаха, почему так и не любили татары кизылбашских походов.[38] Зимой 1631—1632 гг. (в декабре — феврале) сын Джанибек Гирея Мубарек Гирей с 15 тыс. крымцев и ногаев по указу султана совершил поход под Лубны и Пирятин. И на этот раз татары вернулись без добычи: были «снеги глубокие и стыдь стояла большая», многие татары «позябли» и «пометали» своих лошадей.[39] Желание попытать счастья в московской украйне крымцы проявили еще в 1629 г., когда во время пребывания в Константинополе послов Яковлева и Евдокимова они жаловались султану на нападения донских казаков и просили о разрешении похода на Русь. Ходатаем за них был кафинский муфтий. Но в этой просьбе крымцам было отказано.[40] В таких-то общих тяжелых экономических условиях крымской жизни исконные мотивы военной деятельности татар приобрели форму всеобщей тяги к походам за ясырем. По нашим материалам мы можем проследить, как общее желание исправить тяжелое положение путем набегов оформилось в конкретные действия: разрыв мира с московским правительством, заключение союза с Польшей и нападения на Московское государство.

Этот поворот крымской политики не был делом царя Джанибек Гирея. По своим личным качествам он не был способен на такой решительный шаг. Из ряда свидетельств документов Джанибек Гирей рисуется человеком, лишенным воинственности и темперамента. В период первого своего правления (1610—1623 гг.) Джанибек Гирей послушно следовал указаниям турецкого правительства, воевал с Польшей, ходил в Персию. Удачные походы в Польшу, большая добыча, которую приносили татарам эти походы, снискали Джанибек Гирею репутацию царя «счастливого». Однако репутация эта не была прочной. Тяжелый и сопровождавшийся крупными потерями кизылбашский поход подорвал эту славу. Татары не могли простить ему неудачного кизылбашского похода и тяжелых жертв, принесенных татарами исключительно в угоду турецкому правительству, и долго помнили об этом походе. Крымские мурзы отзывались о Джанибек Гирее пренебрежительно. Всем было известно, что правительственные дела он целиком доверил своему ближнему человеку Бек аге, властному и злому, по характеристике московских посланников. Мурзы говорили: велит Бек ага царю

---

[37] Крым. кн. 1628 г., № 23, л. 263—265.— Крым. д. 1629 г., № 1, л. 273—277.

[38] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 210—211.— Турец. д. 1630 г., № 4, л. 180. — Hammer, IX, с. 155, 165.

[39] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 210.

[40] Турец. д. 1630 г., № 1, л. 71—72.— Турец. д. 1628 г., № 3, л. 202—206, 209—215.

«стоять, и царь стоит, а велит царю сидеть, и царь сидит, и что ни велит царю делать, то царь и делает».[41]

В 1623 г. турецкое правительство сняло Джанибек Гирея с крымского престола не за недостаток послушания, а за неспособность к военному командованию и за неудачи в войне с Польшей; крымцы без сожаления расстались с Джанибек Гиреем. Однако, когда турецкое правительство убедилось в своей грубой ошибке с назначением «энергичных» Магмет Гирея и Шагин Гирея, оно вновь вспомнило о неспособном, но послушном Джанибек Гирее, как самом подходящем кандидате на крымский престол. Крымское население, успевшее вдоволь натерпеться всяких бед от произвола знаменитых братьев, нашло достоинства в самом безличии Джанибек Гирея и, прежде всего, то, что он не пытался, подобно Магмет Гирею и Шагин Гирею, подражать в приемах управления турецким султанам-самодержцам. Сам Кантемир мурза, глава белгородской орды, взялся поддерживать Джанибек Гирея.

Воцарившись в Крыму вторично, Джанибек Гирей на первых порах повел себя так же, как и раньше, т. е. следовал указаниям турецкого правительства, а правительственные дела доверил новому ближнему человеку Маметша аге. Русские посланники отмечали, что Маметша ага был выдвинут на пост первого вельможи Крыма «из середних людей, из стрелецких голов». Относя должность начальника царских стрельцов (капычеев или сейменов) к числу средних, русские посланники применяли свою, московскую мерку и недооценивали важности этой должности. Мы встречаем Маметша агу среди придворных людей Джанибек Гирея еще в годы его первого правления. По удалении Джанибек Гирея, при Магмет Гирее, Маметша ага стоял во главе царской гвардии. В 1628 г. в момент последнего решительного столкновения турецких войск с Магмет Гиреем и Шагин Гиреем Маметша ага сыграл весьма важную роль; об этом мы узнаем из сообщения Д'Асколи и турецких источников. В своих записках Д'Асколи сообщает, что в 1628 г. предательство некоего Мамет аги (очевидно, Маметша аги), предводительствовавшего частью войск при Магмет Гирее, решило вооруженное столкновение в пользу Джанибек Гирея. Мамет ага первым изменил Магмет Гирею и, вместе с знатнейшими крымцами, передался на сторону Джанибек Гирея.[42] Об измене в 1628 г. начальника гвардии царя Магмет Гирея говорят и турецкие источники.[43] Эта роль Маметша аги при новом воцарении Джанибек Гирея объясняет его внезапное возвышение и всемогущество. Из русских документов известно, кроме того, что Маметша ага находился в свойстве с Джанибек Гиреем по матери, а затем, выдав за царя свою дочь, стал его тестем.[44] Вот на чем основывалось безграничное доверие царя к своему ближнему человеку.

Русские посланники неоднократно отмечают, что Джанибек Гирей во всем положился на Маметша агу, во всем ему верил и его слушался, как раньше слушался Бек аги. Крымские мурзы, знавшие о положении дел в Крыму, говорили, что Маметша ага завладел всем Крымом и во всех делах творил свою волю. Московские посланники неоднократно убеждались в том, что доступ к Джанибек Гирею помимо Маметша аги был невозможен. Маметша ага говорил и действовал именем царя, фигуру которого он совершенно заслонял. Сразу же обнаружилось одно качество Маметша аги — его ненасытная жадность. Каждый его шаг и каждое действие, связанное с выполнением московскими посланниками их дипломатических

---

[41] Крым. д. 1615 г., № 3, л. 119—120.
[42] Зап. Одесс. об-ва, вып. 24, с. 108—112.
[43] В. Д. Смирнов, с. 495.
[44] Крым. д. 1629 г., № 9, л. 35.— Крым. д. 1630 г., № 17, д. 92—94.—Крым. д. 1631 г., № 6, л. 77—102.

поручений, требовало оплаты «почестью», причем получение подачек ровно ни к чему его не обязывало. Посланникам Соковнину и Голосову, хлопотавшим об ограничении лишних с них запросов, Маметша ага отвечал: «А и так де у него, Маметша аги, говоря о царского величества деле с ближними людьми, язык болит; не даром де он у великого государя его государево жалованье емлет...» Посланники, однако, правильно оценили мастерство Маметша аги вымогать подачки: «и всякое дурно и государеву делу поруха и посланникам теснота в Крыме, все делаетца от Маметша аги. А что Маметша аге посланники надавали от государевых дел из запасов и из своих животишков, и он, Маметша ага, делает непостоянным обычаем: взяв у посланников, ни в чем в своем слове не стоит, во всем лжет и помочи никакой ни в чем государеву делу не делает; только беспрестанно хочет взять, а, взяв, отнюдь ничего не сделает и посягает на всякое дурно...»[45] Договориться с ним ни о чем невозможно: «ничего не говорит, только лает и все делает непостоянным обычаем».[46]

Первые московские посланники Тарбеев и Басов, столкнувшиеся с Маметша агой, сразу же составили о нем такое именно представление: «Такова злодея ни в которых землях нет, что Маметша ага»,— говорили они.[47] Когда Маметша ага потребовал от Тарбеева и Басова очередной подачки, без чего отказывал им в отпуске, они говорили по этому поводу с думным дьяком царя Татар-Алибеком: последний посоветовал дать просимое и при этом так охарактеризовал агу: «Ведь де ему ништо не нужно, теперво де у него всего много, всем де он Крымом завладел и у всяких людей емлет не в честь что ему понадобитца. Такова де в Крыме аги не бывало владетельна, злонравна и завидлива. Ведают де посланники и сами, каков он перед прежними агами».[48] Когда патриарх Филарет в начале 1633 г. жаловался Ф. Кантакузину на притеснения Маметша агой московских посланников, турецкий посол припомнил, что, кажется, он знает Маметша агу и встречал его в Константинополе: «А собою де он скудобород и в словах речник великий», а в Крыму его считают «честным человеком».[49]

Достигнув положения первого человека, Маметша ага быстро ориентировался в обстановке, сумел оценить силу и влияние крымских князей и мурз и установить с ним связи. Маметша ага бежал из Крыма вместе с Джанибек Гиреем в 1623 г., но скоро вернулся в Крым и при Магмет Гирее занял пост стрелецкого головы, изменил ему и стал первым человеком при Джанибек Гирее. В 1635 г. Маметша ага снова бежал из Крыма вместе с Джанибек Гиреем, но скоро покинул своего покровителя, и при новом царе Инайет Гирее мы видим его в числе ближних людей царя. Сначала он не занимал какой-либо определенной должности, но вскоре вернулся к власти и был назначен на место первого человека Алгазы аги. Возвращение Маметша аги к власти совпало с началом «отложения» Крыма от султана. Таковы были личные свойства первого вельможи Крыма, стоявшего у кормила правления в то время, когда решался вопрос о мире или войне с Московским государством.

Со времени отпадения от Крыма Кантемира, главы белгородской орды, происходит усиление роли и влияния в Крыму ногайских (мангитских, мансуровых, дивеевых) мурз и татар. Их усиление вызывает противодействие собственно крымских феодалов. Завязывается длительная, сначала

---

[45] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 42—43, 93.
[46] Там же, л. 147.
[47] Крым. д. 1629 г., № 14, л. 9—10.
[48] Крым. д. 1629 г., № 9, л. 25—26.
[49] Турец. д. 1632 г., № 6, л. 442—443.

скрытная, затем открытая вооруженная борьба между ними, заканчивающаяся разгромом ногайских мансуровских мурз при Бегадыр Гирее. После победы крымцев над ногаями, происходит перегруппировка борющихся между собой феодалов: крымские и ногайские мурзы объединяются и выступают единым фронтом против придворной партии, партии «дворовых людей». Эта внутренняя борьба феодальных группировок, борьба за власть в Крыму и руководство всей крымской политикой, в первую очередь, борьба за раздел военной добычи, была весьма важным фактором в жизни Крыма в 20—40-х годах. Изучение ее многое объясняет во внешней политике Крыма.

Вся политика Джанибек Гирея во второе его правление проходит под знаком явного засилья в Крыму ногайских князей и мурз во главе с Кантемиром и скрытого соперничества с ними князей и мурз крымских родов. Соперничество это и вражда при Джанибек Гирее лишь изредка прорывалось в открытых выступлениях крымских князей и мурз против ногайского засилья. Джанибек Гирей не решился на разрыв с ногаями, несмотря на давление крымцев, произвол и насилия, чинимые в Крыму ногаями. Мы уже указывали, что низложение Магмет Гирея и Шагин Гирея и окончательное их поражение произошли при самом энергичном участии Кантемира. Сами крымцы понимали, что в борьбе с Магмет Гиреем их сила заключалась в поддержке Кантемира. Последний не без основания мог считать, что именно он посадил Джанибек Гирея в Крыму. Турецкое правительство высоко оценило заслуги Кантемира в устранении непокорных Магмет Гирея и Шагин Гирея. Султан, кроме почетной награды — кафтана и сабли,— вернул ему титул визиря — «правителя берегов Черного моря и устья Дуная» с Силистрией и Аккерманом. Влияние Кантемира достигло своего зенита.

Крымская знать имела основания желать смены Магмет Гирея с его братом. Но то, что крымские князья и мурзы получили взамен в лице Кантемира со всем его родством и его татарами, должно было их скоро разочаровать. В первой половине 1628 г., после изгнания Магмет Гирея и Шагин Гирея, Джанибек Гирей водворился, наконец, в Бахчисарае и занялся неотложными делами, сбором средств на жалованье турецким ратным людям, их отпуском, разбирательством всевозможных споров, назначением аг и т. п. Тарбеев и Басов сообщают, что в это время к царю съехались царевичи, Кантемир и все князья и мурзы, и что будто бы царь в течение пяти дней не пускал к себе Кантемира, затем велел ему принести шерть и сказать ему: «Ты сказываесся в Крыме другой царь и хотел ты Магмет Гирея царя и калгу Шагин Гирея царевича убить, а турской де царь тебя о том на Крым не посылал, что их побить». И кн. Кантемир ему шертовал, саблю на себя клал. Мы не имеем других данных для проверки этого сообщения. Обращался ли Джанибек Гирей к Кантемиру с такими именно словами, мы не можем проверить, но сообщение исходило от ближних людей царя, и содержание его верно характеризует могущество Кантемира. Нахождение его со своим улусом внутри Крыма могло внушить опасения царю и вызвать требование о принесении шерти в повиновении и верности, хотя эта шерть и ставила Кантемира, визиря султана, пашу Силистрии и Аккермана, в двойственное положение. Быть может, Кантемиру не было другого выхода в данный момент: он не мог отказать царю в его требовании, так как борьба с Магмет Гиреем и Шагин Гиреем была еще впереди.

Станичный татарин Кара Бигильдеев и ливенский вож Оноха Кожухов были в Крыму поздней осенью и зимой 1628 г. и сообщили ряд сведений о положении дел. Они рассказали, что ногайские люди Кантемира крымских улусных людей грабят, платье и животину «емлют сильно», что «Кан-

темирева де племяни мурз 40 человек в Крыму поставили по мурзиным дворам. А Ширинской де и з женою ис Крыму збежал неведомо где, а двором де его и улусом владеет Кантемир».[50] В этом сообщении есть, повидимому, неточность: кн. Ширинский Азамат был братом Кантемира, поэтому, быть может, ему не было основания скрываться и убегать. Кантемир мурза довел дело разгрома Магмет Гирея и Шагин Гирея до конца в начале 1629 г. От июня месяца того же года мы имеем два сообщения толмача Вас. Грызлова, приехавшего из Крыма от Тарбеева и Басова, и от самих посланников, что к царю съезжались «на думу» калга Девлет Гирей, князья и мурзы. Вызывали туда же Кантемира, но он не явился. О чем была «дума», точно установить не удалось, только среди татар шел разговор о том, будто князья и мурзы хотели убить Кантемира. Говорили, что царь и калга Кантемира «не любят» и у них с ним «совету нет, а он от них «оберегается» и со всем своим улусом находится вблизи Кафы.[51] Пребывание Кантемира в Крыму было неприятно крымцам и неудобно для самого Кантемира. Замысел убить его, очевидно, должен быть отнесен на счет князей и мурз крымских родов. В том же году Кантемир покинул Крым и вернулся в свою резиденцию в Белгород.

Удаление Кантемира не уничтожило господствующего положения в Крыму его многочисленных родичей, которые постоянно чувствовали за собой поддержку Кантемира. Они плотной стеной окружают царя, оттесняя на второй план крымских князей и мурз. Документы называют ряд братьев Кантемира Дивеева, занимавших виднейшее положение ближних людей царя; таковыми были: кн. Азамат Ширинский, Нарт мурза Ширинский, кн. Алей Мангитский, кн. Гулим Мангитский, Адилша Мангитский, Сулемша (ниже везде Салмаша) мурза Дивеев и др. Кн. Азамат Ширинский — первое лицо среди знатнейших людей Крыма. Кн. Алей Мангитский был силен и влиятелен своими многочисленными улусами, что он «многими ногайцы владеет и своим полком ходит». Салмаша мурза играл крупную роль в событиях при Джанибек Гирее и особенно при Инайет Гирее; его мы видим во главе татарских войск в их походах на Русь.[52] Не менее крупную роль в Крыму и при особе самого Кантемира играл знакомый нам кн. Петр Урусов (Урак мурза Урусов), зять Кантемира. Кроме братьев Кантемира, выдвигается ряд мурз младшего поколения, племянников Кантемира.

Большую известность получил своим дерзким и требовательным поведением молодой ногайский мурза Велиша, племянник Кантемира, сын Адилши Мангитского. В конце 1629 г. Велиша мурза в сопровождении 30 ногайских татар приезжал в стан посланников Кологривова и Дурова с требованием жалованья, на которое он не имел никакого права. Посланники решительно ему отказали. Велиша мурза бил обухом посланников, Кологривова драл за бороду, а переводчика Резепа порубил саблей, отчего тот через две недели умер. Велиша мурза силой захватил 6 шуб куньих и беличьих и 14 цков беличьих из состава посылки, предназначавшейся

---

[50] Крым. д. 1628 г., № 11, л. 7—8.

[51] Крым. д. 1629 г., № 9, л. 3.

[52] Повидимому, перечисленные мурзы не были родными братьями Кантемира (см. Примеч. к запискам Д'Асколи. Зап. Одесс. Об-ва, в. XXIV, с. 165). В «Записках» Д'Асколи читаем: «В настоящее время (т. е. когда составлялись «Записки») татары-ногайцы считаются главнейшими не по численности, а по богатству и знатности рода. Трое властителей Татарии находятся всецело в руках ногайцев. Ханы выдают своих дочерей за их сыновей, а старший из их князей, называемый Ширин бей, один имеет право коснуться ханской крови, если того потребует правосудие». Бертье Делягард комментирует это место Д'Асколи и говорит, что род Ширин не только не ногайский, но находился во вражде с ногаями (Зап. Одесс. Об-ва, в. XXIV, с. 130, 176—177). Однако поводом к ошибке Д'Асколи могло явиться родство кн. Азамата Ширинского с Кантемиром.

калге Девлет Гирею. Посланники были вынуждены восполнить ограбленное покупкой рухляди у татар и евреев.

Убийство сделалось предметом дипломатической переписки. Московское правительство потребовало наказания Велиша мурзы. Джанибек Гирей в грамоте в Москву в 1630 г. признал вину Велиша мурзы и обещал наказать его: «Для того грешным делом учинилось,— писал он,— Адилши кн. Мангитцкого сын молодой человек Велиша мурза розмолылся с толмачем вашим с Резепом, и грешным делом от Велишина мурзина дерзновения во пьянстве Резеп от сего света отшел в божьей милости, и божьему дару нихто переменити не может». Но мурзе то даром не пройдет, ибо он своим поступком царя Джанибек Гирея «стыдна учинил». В 1630 г. думный дьяк Ф. Лихачев упрекал крымского гонца в насилиях над посланниками: «И царева какая правда, что над царевыми людьми дают волю всему Крыму, а они бьют и грабят и до смерти побивают, а он (Джанибек Гирей) их от тово не унимает». Пустой отговоркой было оправдание, что Джанибек Гирей не мог наказать Велиша мурзу якобы потому, что он бежал к Кантемиру. В действительности Джанибек Гирей был бессилен обуздать своеволие ногайских мурз. Он вынужден был уступать требованиям ногайских мурз и удовлетворить их запросы насчет московского жалованья. Вскоре Джанибек Гирей придумал оправдание для поступка Велиша мурзы, объяснив смерть переводчика Резепа моровым поветрием.

В феврале 1631 г. Велиша мурза снова потребовал от посланников выдачи ему шуб. Посланники отбивались от него с оружием в руках, но так как требование Велиша мурзы поддержал сам царь, то они вынуждены были «с великим бесчестьем и грабежем» поступиться еще 5 шубами. Мурза остался этим недоволен и, собрав 1000 ногаев, двинулся в поход на украинные города за своим жалованьем. Он был задержан на Чингарском перевозе перекопским беем. В 1632 г. тот же Велиша мурза вмешался в семейные счеты Джанибек Гирея с нурадыном Азамат Гиреем и затем бежал к Кантемиру. В феврале 1633 г. Велиша мурза вернулся в Крым. Царь потребовал его явки к себе, но мурза отказался: «а надежен де Велиша мурза, объясняли посланники, на ногайских мурз, на дядю (Кантемира) и на братью свою. А ногайские мурзы самовольны, царя в Крыме не боятца».[53]

Внутренняя борьба между ногайскими мурзами и князьями и мурзами крымскими не прекращалась. Развитие ее от нас скрыто неполнотою сообщений посланников Соковнина и Голосова, находившихся в заключении. Но, очевидно, отношения между ними все более обострялись. От декабря 1633 г. имеется сведение посланников (в статейном списке), полученное ими от Маметша аги о том, что Салмаша мурза со своими татарами и иные ногайские люди пошли из Крыма с женами и детьми в Белгород к Кантемиру и что ему, Маметша аге, царь поручил задержать их и вернуть обратно.[54] Предполагаем, что Маметша аге не удалось этого сделать, потому что в последующей борьбе крымцев при Инайет Гирее с Кантемиром на стороне последнего действовало несколько бежавших из Крыма мурз, в том числе Салмаша мурза, кн. П. Урусов и др.

В следующем 1634 г. отношения между крымскими князьями и мурзами и ногаями еще более обострились. Во время сборов султана в этом году на Польшу Джанибек Гирей посылал к Муртоза паше, стоявшему на Дунае, своего казначея Мустафу Чилибея и с ним 25 татар, чтобы дого-

---

[53] Крым. д. 1629 г., № 1, л. 253—254; 1630 г., № 1, л. 109; 1630 г., № 7, л. 68; 1630 г., № 21, л. 42—43; 1630 г., № 17, л. 36—38, 41—44, 59—60; 1631 г., № 6, л. 77—102; 1631 г., № 9, л. 151—153, 212—213; 1634 г., № 5, л. 334—335.

[54] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 170.

вориться о месте соединения войск. Кантемир мурза захватил в Белгород Мустафу Чилибея с татарами и всех их перебил. Когда известие об этом дошло до Крыма, то «крымские князи и мурзы приходили к царю с шумом и ему говорили, что царь у себя держит ногайских князей и мурз, а они де их побивают. А ныне де у царя ближней человек Азамат князь Ширинской да кн. Алей Мангитцкой, а Кантемирю де они братья. И Азамата князя Ширинского у царя взяли сильно, и от царя князи и мурзы отъехав стали своим табором, а Азамата князя держат у себя сильно в крепи, а просят у него в аманаты сына, чтоб ему к Кантемирю не отъехать и над ними дурна никакого не учинить». Кн. Азамат просил у них срока до возвращения своего брата Нарт мурзы, посланного для «языков» в Литву. «А царь де ко князем и мурзам посылал говорить трожды, чтоб они опять с ним соединачились, а он де им правду даст, на куране шерть учинит в том, что ему над ними дурна никакого не учинить. И они де к царю не пошли, а боятца от царя убойства».[55] Сообщение это, полученное посланниками Дворяниновым и Непейциным 29 сентября 1634 г. из вполне компетентного источника, от Курамша мурзы Сулешева, изображает дело так, будто крымские князья и мурзы боятся не только ногайских князей и мурз, но и царя, который держит сторону их противников. 16 октября те же посланники получили сообщение от кн. Алея Сулешева о том, как этот конфликт разрешился. Он рассказал посланникам, что Джанибек Гирей будто бы идет под Белгород на Кантемира, о смещении которого султан договорился с королем. «А что де у них (т. е. у крымских князей и мурз) с царем была ссора, что царь их хотел побить, и они де в том с царем помирилися, и царь им в том шерть дал на куране, что ему над ними с нагайцы никакова дурна не учинит».

Посланники собрали в Крыму сведения о переписи конных и пеших татар для похода на Кантемира.[56] Насколько были серьезны эти намерения Джанибек Гирея воевать с Кантемиром, судить трудно. Такая борьба началась позднее при Инайет Гирее одновременно с «отложением» Крыма от султана. Конфликт назревал уже при Джанибек Гирее, но последний не успел начать борьбу с Кантемиром, потому что султан в конце 1634 г. возложил на Джанибек Гирея две новые задачи — поход на донских казаков под Азов и поход против шаха весной 1635 г., и потому, что вскоре последовала смена Джанибек Гирея. Засилье ногайцев в Крыму, самого воинственного и подвижного из татарских племен, кочевавших обычно за Перекопом, и соперничество с ними коренных крымских князей, мурз и татар, нашло свое отражение в последующих событиях.

< 3 >

Имея в руках эти данные о состоянии и составе правящих кругов Крыма в течение второго правления Джанибек Гирея, мы можем проследить теперь, как крымцы постепенно от мирного соглашения с московским правительством перешли к войне с ним. Джанибек Гирей принял в первый раз московских посланников Тарбеева и Басова 20 июля 1628 г. Он выразил им сочувствие по поводу притеснений и насилий, перенесенных ими при Магмет Гирее и Шагин Гирее, говорил, что царь и калга держали себя не по-царски. Посланники заявили, что у московского государя было намерение из-за этих насилий разорвать мир с Крымом.

[55] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 232—233.
[56] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 235—238.

Джанибек-Гирей ответил на это выражением готовности блюсти мир с Московским государством и обещал относиться к посланникам, как к своим гостям. Калга Девлет Гирей, у которого посланники были на приеме на следующий день (21 июля), выразился об устраненных царе и калге еще резче: «Слышал де я, что пьяной дурак Шан Гирей царевич посланников государевых пограбил и тесноту им чинил, а Магмет Гирей де царь грабить присылал посланников, на него дурака смотря, а не своим умом».[57] В переговорах с нурадыном Азамат Гиреем посланники держались смело. Когда нурадын проявил некоторое упорство при приеме легких поминок, посланники пригрозили ему, что, если он «украдом» пойдет воевать на Русь, то «Крым будет не ваш»; украинные и астраханские служилые люди просят разрешения воевать Крым и Казыев улус, но московский государь им отказал. Силы московского государя крепнут, «ратных людей ныне умножилось; которые были пашенные люди, и те в нынешние войны стали в стрельцы и в казаки...» [58]

Изменение настроения в Крыму испытали на себе новые московские посланники Л. Кологривов и А. Дуров, прибывшие в Крым в октябре 1629 г. Посланники привезли с собой поминки за два года —1628 и 1629— всего на сумму 20 866 руб., в том числе деньгами 10 200 руб. и рухлядью на 10 666 рублей. Прибытие посланников совпало с погромом отрядом донских казаков (300 человек) балыклейских и карасовских мест. Им удалось вручить поминки царю и нурадыну с соблюдением обычных правил, но вскоре после того все озлобление татар против донских казаков обратилось на посланников. От них требовали вмешательства в действия казаков. А. Дурова и переводчика водили к царю, привязав к лошадиным хвостам и сняв платье; от позора пришлось им откупаться. Сам царь грозил А. Дурову казнить его и набить из него чучело. О выходке Велиша мурзы мы уже говорили. В феврале 1630 г. люди калги приезжали на стан посланников и причитавшиеся ему поминки взяли «грабежем сами из амбара», многое «доправили» сверх присылки калгиным царицам и другим «неписьменным людям», т. е., не значившимся в росписи. Посланники жаловались калге на насилия, каким сам он «дивился», когда их совершали Магмет Гирей и Шагин Гирей. Подьячий калги Мурям Чилибей, встретив отказ со стороны посланников в выдаче жалованья не занесенным в роспись лицам, «посланников лаел всякоею неподобною лаею и саблю вымал и сечь хотел и подьячего Александра (Дурова), вынев нож, хотел зарезать, и гонялся тот Мурям за Александром с ножем, и Александра у того Муряма отнял татарин Маамет Чилибей». Однако Кологривов и Дуров отделались сравнительно легко. В конце 1629 г. крымцы хлопотали перед султаном о разрешении им похода на Русь, но получили отказ.

В марте 1630 г. распространились новые слухи в Крыму о подготовке похода на Русь. Обеспокоенные этими слухами, посланники посылали ближним людям царя, которые у него «владетельны», «с невеликою почестью», добиваясь содействия при заключении договора о мире. Ближние люди «пометали в глаза» толмачам подарки и требовали бо́льшего и, получив их, обещали свое содействие. Действительно, 2 апреля 1630 г.

---

[57] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 98—100, 103—104.— Московские посольства в Крым при Джанибек Гирее: Степан Тарбеев и Ив. Басов, 1627 г. октябрь — 1629 г. август. Лаврентий Кологривов и Александр Дуров, 1629 г. октябрь — 1630 г. октябрь. Прокофий Воейков и Семен Зверев, 1630 г. конец года — 1631 г. декабрь. Прокофий Соковнин и Тимофей Голосов, 1632 г. февраль — 1634 г. апрель. Тимофей Ансимов и Каллистрат Акинфиев, 1633 г. октябрь — 1634 г. февраль. Борис Дворянинов и Андрей Непейцин, 1634 г. июнь — 1635 г. июнь.

[58] Крым. д. 1628 г., № 1, л. 100—104, 146—147.

Джанибек Гирей дал шерть, но калга и нурадын отказались шертовать, потому что посланники не могли удовлетворить их требований о новых подачках: «в государевой казне и у посланников не было ни одной шубы, ни соболя, остались душею да телом от царя и от калги и от нурадына и от их людей насильства и грабежу, и ко государю о том писано».[59] Посланники израсходовали все, что с ними было прислано, и вынуждены были произвести денежный заем на 364 руб. у татар и евреев и на эти деньги покупать шубы и соболей.

В течение 1631 г. намечается более определенно перелом в поведении Крыма. Царь Джанибек Гирей еще пытается удержаться на позиции лойяльности в отношении турецкого правительства, он еще усиливается выполнить его требования, но уже явно начинает уступать давлению князей и мурз и упускает руководство делами. Так, он не был в силах выполнить требование султана об отправке против шаха таких значительных сил, как этого хотел и требовал султан. 10 марта 1631 г. в Крыму был получен указ султана об отправлении в Кизылбаши 30 тыс. татарского войска во главе с калгой или нурадыном. Есть указание, что сам Джанибек Гирей недеялся собрать если не 30, то 20 тыс. войска в кизылбашский поход. На деле вышло иначе. Уже 20 марта Джанибек Гирей отправил в Константинополь своего гонца Тат агу с ходатайством о посылке против шаха лишь немногих людей, а «большим людям» итти на Литву. В кизылбашский поход Джанибек Гирей смог послать только 4000 татар во главе с братом своим Магмет Гиреем. [60] Для турецкого правительства это было большим разочарованием. Джанибек Гирей не выполнил указа султана, потому, очевидно, что крымцы отказали ему в повиновении. Соправители царя царевичи Гиреи выходят из послушания, как отмечают посланники Воейков и Зверев, царевичи Мубарек Гирей, Магмет Гирей, Сафат Гирей и второй Мубарек Гирей царю «противны». В Крыму нет единой и твердой власти, «всяк в Крыму владетелен», пишут посланники.

Это ослабление власти пришлось испытать на себе московским посланникам Воейкову и Звереву. Они привезли с собой поминки на сумму 10 104 руб. и сразу же подверглись беспорядочному ограблению и насилиям. 15 января 1631 г., вскоре после вручения поминок царю, царевичи и ближние люди приходили к царю с жалобой, что будто бы из Москвы жалованье прислано на них «вполы» перед прежним и требовали удовлетворения своих претензий. Требование было явно необоснованно. Посланники говорили, что прислано все по росписи на 67 лиц, да сверх того «в прибавку» на 3 чел. Джанибек Гирей не мог удержать царевичей и князей и мурз от насилий и вымогательств. Нурадын Мубарек Гирей, вымогая рухлядь, захватил толмача Миню Суханова и вожа, отвел в Яшлово, где держал их в цепях, грозил резать носы и уши и продать на каторги. Посланники их выкупали от дальнейших мучительств.

Известный нам Велиша мурза Дивеев, прощенный за убийство толмача Резепа, предъявил посланникам требование на выдачу жалованья теперь уже с царевой грамотой в руках. Посланники отказали. Велиша мурза был настойчив, он угрожал, затем приезжал в сопровождении 40 ногайских татар, и посланники, вооружив своих людей, снова отказали ему. По третьей посылке от царя кн. Алей Сулешев все ж «с великим бесчестьем и пра-

---

[59] Крым. кн. 1628 г., № 23, л. 33—35, 41, 58 об.— 60, 72—74, 79, 106, 116—117, 247—248. —Крым. д. 1629 г. № 1, л. 283—293.— Крым. д. 1630 г., № 1, л. 1—2, 109, 130—134. 153, 199, 202.— Крым. д. 1630 г., № 27, л. 3—4, 6—7, 12—13, 16—18, 31, 33, 70, 75, 86 и др.

[60] Турец. д. 1630 г., № 4, л. 180.— Крым. д. 1630 г., № 17, л. 56—57.— Крым. д. 1631 г., № 9, л. 210.

вежем» взыскал на Велиша мурзу 5 шуб. Силой было взято жалованье на кн. Гулима Дивеева, кн. Алея Мангитского (Дивеев тож), мурзу Нарта Ширинского, мурзу Наетшу Ширинского. Силой взято вторично жалованье на 9 ближних царевых людей. Калга-царевич и его ближние люди, взыскивая новые дачи на 4 цариц, бекеч, холощеных аг (валухи), комнатных и дворовых, захватили несколько человек, переводчика, толмачей и скорняка, держали их «в разволочку» по своим дворам в течение нескольких недель в цепях, железах и колодах, «всякою нужею морили», на правежах били ослопами и хотели продавать за море. Посланники себя и государевых людей «окупали, не боясь смертного убойства, боясь того, чтоб государскому делу порухи не учинить, и в том государская воля». Скорняка Федьку Данилова посланники нашли скованным у моря, куда привел его для продажи ближний человек царя Шешвар ага, и здесь его выкупили. Все эти вымогательства и насилия заставили посланников производить займы денег у гречан, армян и татар.[61]

Чтобы понять, почему царевичи и ближние люди не удовлетворялись присланными им поминками, надо представить себе, как они распределялись. Основная часть поминок состояла из рухляди на сумму 4132 руб. и из денег — 4900 рублей. Всего — 9032 рубля. Из этой суммы Воейков и Зверев вручили царю рухлядью на 1410 руб. и деньгами —4000 руб. Последняя цифра денег (4000 руб.), плативщаяся царю, оставалась неизменной в течение всей первой половины XVII в. Калге было выдано: рухлядью на 625 руб. с полтиной и деньгами — 500 руб.; нурадыну: рухлядью на 94 руб. с полтиной и деньгами —100 руб.; царицам и царевичам: рухлядью на 493 руб.; ближним людям: рухлядью на 1508 руб. и деньгами 300 руб.; в том числе Кантемиру: рухлядью на 150 руб. и деньгами 50 рублей.

Из приведенного выше распределения поминок видно, что основная их часть попадала в руки царя и калги (в общей сложности более 70%). Остальные царевичи и ближние люди (последних было до 70 человек) получали небольшие подачки. В расчет не входит московский амият кн. Алей Сулешев, доходы которого от выполнявшейся им роли были значительны. Этим объясняется, что князья и мурзы, а также мелкие дворовые люди царя и царевичей с такой жадностью старались вырвать у московских посланников шубы и соболи. Посланники Воейков и Зверев на всякого рода дополнительные выдачи израсходовали привезенные ими «в запас» рухлядь на 472 руб. и деньги — 600 рублей. Кроме того, путем прямых насилий на посланниках было доправлено еще шуб и прочего на 1832 руб., да посольские люди (подьячие, арбачеи, вожи), вынуждаемые вымогательствами, произвели заем на сумму в 1399 рублей. Всего, таким образом, татары вымучили 3231 руб., крупную по тем временам сумму.[62] Поминки и вырванные путем насилий подачки все же попадали в руки узкого круга лиц; масса мурз и, тем более, улусных людей к дележу поминок причастны не были.

---

[61] Крым. д. 1630 г., № 17, л. 8, 11, 18, 22—27, 30, 32—38, 41—44, 57, 59—60, 65—70, 74—77, 92—94, 101, 105—106.— Бикечи (иначе бекичи или бекечи) принадлежали к высшему рангу женского персонала, обслуживающего двор крымского царя, калги и нурадына. В росписи поминок они следуют обычно тотчас после перечисления состава царской семьи; получали они довольно значительные поминки шубами и мехами. При царском дворе было 3—4 бикечи; первая из них называлась «большой». Название, возможно, происходит от «бекчи», что значит по-турецки сторож.— «Валухи», иначе «холощеные аги» — евнухи. Из числа низшего женского персонала русские источники называют «девок комнатных и дворовых» и «кумганниц» (от кумган или кунган — кувшин).

[62] Крым. д. 1640 г., № 12 л. 41—44.

Облегчить общее положение могли только новые удачные походы. Уже в апреле 1631 г. малые ногаи и азовские татары начали ряд довольно крупных нападений на московскую украйну. Среди крымцев тогда же обнаружилось желание присоединиться к этим нападениям. Отдельные группы их включились в состав нападающих. Но широкое участие крымских татар в походах на Русь встречало препятствие в позиции Джанибек Гирея, еще не решавшегося пойти открыто против указаний турецкого правительства. Мы видели, что еще в марте 1631 г. царь воспрепятствовал попытке Велиша мурзы Дивеева совершить поход на Русь. В июле 1631 г. посланники записали в своем статейном списке со слов ближнего человека калги Девлет Гирея, что мурзы и татары уговаривали калгу итти войной на Русь, потому что они, «не ходя никуда войной, оскудали гораздо», и им де «такого времени впредь искати (московские люди бьются с литовскими, астраханцы ушли на помощь к ним), и как де они Москву уповоюют, и московской де царь станет в Крым казну присылати большую». Любопытно, что мурзы и татары обращались не к самому царю, а к калге Девлет Гирею; но и последнего отговорили от похода его ближние люди, указав ему на только что заключенное мирное соглашение с московским правительством, а также на опасность сговора московского царя и польского короля против Крыма. Как бы то ни было, но официального разрешения на походы дано не было. Более того, зимой 1631—1632 гг. сын царя Мубарек Гирей с 15 тыс. крымцев и ногаев ходил по указу султана под Лубны и Пирятин, но и на этот раз они не привели добычи, только татары многие пострадали от «стыди» и лошадей потеряли.[63]

Только в 1632 г. Джанибек Гирей уступил настояниям князей, мурз и крымских татар и разрешил большой поход на Московское государство. Осторожный и всегда выполнявший указания турецкого правительства, царь осмелился изменить свое обычное поведение, так как рассчитывал на безнаказанность: в Крыму хорошо знали о бурных событиях в Константинополе, о кризисе власти, достигшем наибольшей остроты, когда стоял вопрос о том, быть или не быть Мураду IV султаном. Казнь Хозрев паши в феврале 1632 г. вызвала новый мятеж войск в Константинополе и новые кровавые расправы мятежников с самыми близкими к султану лицами, прямую угрозу самому султану. Лишь казнь в мае 1632 г. Резеп паши устранила опасность дворцового переворота, но она же положила начало новым расправам уже со стороны Мурада IV с «прежними заводчиками» всех мятежей, решительное очищение рядов янычар и спагов от мятежных элементов и борьбу за установление дисциплины как в рядах войска, так и среди турецкой администрации. Вернувшийся 26 апреля из кизылбашского похода в Крым, брат царя Магмет Гирей сообщил, что в Константинополе началось «самое большее междоусобье», сопровождавшееся резней. При таких условиях крымское правительство царя Джанибек Гирея могло рассчитывать, что султан Мурад, поглощенный борьбой за власть, по крайней мере на некоторый срок, будет лишен возможности заниматься крымскими делами. Связь событий в Крыму с «междоусобьем» в Константинополе ясна.

Поход на Русь был решен уже в феврале 1632 г. ко времени возвращения Мубарек Гирея из неудачного похода на Польшу. Соглашения с польским королем в то время еще не было. Сношения с ним начались позднее. Джанибек Гирей ответил согласием на обращение короля о помощи против Московского государства лишь около сентября 1632 г., когда поход был уже закончен. Таким образом, первое нападение татар, хотя оно шло на пользу польского короля, было совершено крымцами по их

[63] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 210.

собственной инициативе, а не «по накупке» короля. Последующие события лишь подкрепили крымцев в их решении. 26 апреля вернулся из кизылбашского похода Магмет Гирей, сообщил о неудаче похода, о междоусобии в Константинополе. Летом саранча хлеб поела «без остатку» во всех улусах.[64]

Московские посланники П. Соковнин и Т. Голосов были посланы в Крым в связи с исключительными обстоятельствами в необычное для посольства время, в январе — феврале 1632 г. Московское правительство боялось задержать поминки за 1631 г., чтобы не дать этим повода к нарушению мира. Совершив исключительно тяжелый переход через степи в стужу по глубоким снегам, переправившись по льду у устья Тонких вод на г. Арбаток, посланники достигли Крыма в феврале и сразу же оказались во враждебной обстановке. Крымское правительство повело себя в отношении посланников так, как будто оно уже не считало себя связанным дружественными и мирными обязательствами. Вскоре после прибытия посланники были приняты царем. Джанибек Гирей не удовлетворился присланной ему казной и совершенно произвольно потребовал жалованья на «девок, и на валухов, и на кумганниц». Калга Азамат Гирей, назначенный на место умершего 13 ноября 1631 г. Девлет Гирея, вымогая дополнительные подачки, держал в оковах подьячего Голосова, а Соковнина морил голодом. 31 марта ближние люди калги Азамат Гирея с 50 татарами, явившись на стан посланников, силою захватили не только то, что было прислано ему самому, но и поминки нурадына, цариц Джанибек Гирея, кн. Кантемира и других мурз. 4 апреля грабеж повторили царевы ближние люди. Капычейский голова говорил при этом: «Велели де у вас вытаскать глаза, и наступя де у вас на горло возьмем дачи попрежнему», и взяли грабежом оставшуюся рухлядь, включая подмокшую и попорченную в пути. Посланники винили в попустительстве всех этих насилий Маметша агу: сколько ни давали они ему, все он делал «непостоянным обычаем». Их возмущение тем, что он не оказывал им никакой помощи при выполнении данного им дипломатического поручения, может быть объяснено лишь тем, что им было еще неизвестно о том, что война была уже решена. При таком положении всякие почести и подачки были бесполезны. Ограбление посланников было довершено отнятием у них всех лошадей и даже аргамака, пожалованного царем Соковнину при первом приеме.

Когда 13 апреля посланники были вызваны на прием к нурадыну Мубарек Гирею (брату Азамат Гирея), они отказались итти, так как не имели ничего для вручения ему,— все было ограблено. 15 апреля на стан посланников приезжал капычейский голова с новым требованием давать ближним людям жалованье, «займуючи против прежнего, как прежние посланники давали», или поручиться за то, что жалованье будет прислано; в противном случае было указано посланников с государевыми людьми «развесть врозь» и их «теснить и морить голодом». Посланники отказались удовлетворить требование и в тот же день были схвачены и посажены в городок Чуфут в строжайшую изоляцию с указанием «теснить их голодом» и из городка «не выпускать ни единой пяди». Все посольские люди (толмачи, кречетники, вожи, арбачеи, скорняки и пр.) были изолированы в городке Мангуп. Так как у последних не было никаких средств к существованию, то они кормились работой. Посланники пробыли в заключении до 30 ноября следующего 1633 г., были отрезаны от внешнего мира и не могли подать вести о происходившем в Крыму, что и было целью их изоляции.[65] От-

[64] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 167, 210—211, 213.— Hammer, IX, с. 171—193.
[65] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 11—12, 14, 18, 23, 33, 42—43, 52, 69—70, 80—87, 89, 93, 96, 97, 102—103, 106 и сл.

каз посланников в удовлетворении требований новых выдач и увеличенных поминок крымское правительство толковало впоследствии, как один из поводов к войне. Искусственность такого объяснения войны очевидна.

Впрочем, получение поминок было очень важным делом для правителей Крыма. 24 июня 1632 г. царь вызвал калгу Азамат Гирея на двор своей матери для объяснения. Царь упрекал калгу в захвате поминок, присланных брату царя Девлет Гирею, умершему в конце 1631 г., а на нем остался «многой долг, и тот де долг брата своего платил он, Джанибек Гирей царь». Кроме того, по приказу Азамат Гирея были пограблены поминки нурадына, царевых цариц, сына царя и его ближних людей. Тем он, Азамат Гирей, царю «учинился силен». Калга дерзко отвечал, что и впредь он таким же образом будет брать жалованье у посланников на своих ближних людей. Из-за этого меж царем и калгой «учинилась брань, и Джанибек царь велел Пелеван Мустафе тайно застрелить калгу Азамат Гирея царевича ис пищали тут же у матери своей на дворе, а, застреля де его, велел додавить тетивою». После того царь послал своих ближних людей убить братьев Азамат Гирея царевичей Мубарек Гирея и Сафат Гирея, но те, предупрежденные Велиша мурзой Дивеевым, успели бежать, Мубарек Гирей — в Перекоп, а Сафат Гирей — в Кафу. Истреблены были лишь дети Мубарек Гирея: 5, 3 лет и 5 недель. Тотчас же после этой расправы Джанибек Гирей назначил калгой брата своего Магмет Гирея, а нурадыном собственного сына Мубарек Гирея.[66] О том, что царевичи Гиреи, живя на содержании султана, входили в долги, имеется ряд указаний в документах. Эти долги они стремились погасить во время пребывания своего в Крыму, а также спешили накопить средства на случай удаления из Крыма. Впрочем, расправа эта Джанибек Гирея со своими сводными братьями, детьми Селамет Гирея может быть имела и другие основания. Так, из донесений терских воевод выясняется, что потерпевшие от Джанибек Гирея царевичи были изобличены в сношениях с Шагин Гиреем, вновь появившимся среди горских народов и снова начавшим свои интриги против Джанибек Гирея с тою целью, чтобы сесть в Крыму на его место.[67]

В июле 1632 г. сам царь послал в войну татар, знамя им свое давал, а когда они вернулись из похода, брал на себя полон. Московские посланники и показания «языков» установили имена всех мурз, руководивших походом. В августе 1633 г. посол Мубарек Гирея Джумаш мурза при переговорах в Посольском приказе пытался отрицать участие крымцев в этом походе. Он изображал дело, так будто поход был совершен татарами кн. Кантемира из Белгорода, казыевцами и азовцами без ведома царя. Отрицание участия

---

[66] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 122—123.

[67] Даем краткую справку о Шагин Гирее. Он появился в Бесленеях с весны 1632 г., куда он бежал от шаха. Д'Асколи сообщает, что бежал он после ограбления и убийства правителя одной провинции. В Бесленеях он поселился у свойственника своего кн. Алегука Черкасского и его брата Адакджука. Отсюда он вступил в связь с названными выше царевичами Гиреями в Крыму, интригуя против Джанибек Гирея. Но его посланцы, а также посланцы Магмута салтана «андреевского» были захвачены в Крыму; отсюда расправа Джанибек Гирея с калгой и нурадыном. Интриги Шагин Гирея на этот раз не имели успеха. «Где ни помышлял, не удалось», сообщали терские воеводы. Азовцы отказались пустить его в город. Ногаи не приняли его в свои улусы и требовали, чтобы он покинул их территорию. Наконец, о том же заявили и его друзья и родственники в Бесленеях. Султан всячески старался заманить его в Константинополь. Московское правительство предписало терским воеводам не только не иметь с ним никаких сношений, но даже дало им совет, если представится возможность, его «извести, убить или испортить тайным обычем», не останавливаясь перед значительными расходами. Шагин Гирей был вынужден положиться на милость султана, и в августе 1633 г. он сел на корабль в Азове и выехал в Константинополь. (Зап. Одесс. об-ва, т. XXIV, с. 113.— Кабард. д. 1633 г., № 1, л. 42—63, 103—108, 125—128.— Кабард. д. 1634 г., № 1, л. 102—104.— Турец. д. 1632 г., № 3, л. 348—349). Шагин Гирей был казнен по приказу султана в 1641 г., после какой-то новой выходки.

царя и крымцев в походе 1632 г. опровергается прямым признанием Маметша аги и подробными сведениями об участии крымских мурз в походе. Ближние люди царя, сам Маметша ага, московский амият кн. Алей Сулешев, Мураша мурза сын Ибреима Сулешева посылали в войну на Русь своих людей. Но Джумаш мурза был прав в том смысле, что руководящую роль в этом походе играли, кроме азовских и казыевских татар, мансуровские ногаи. Джумаш мурза утверждал, что ходившие в поход люди развели полон половину в Белгород и половину в Азов и в казыев улус, а в Крым полона не приводили. Характерно, что во главе татарского войска на этот раз был поставлен брат кн. Кантемира Салмаша мурза. Кроме того, царь посылал в поход следующих мурз: Нарт-Кирея Батырбеева, Наетшу Батырбеева, Кутлушу и Маметшу Алеевых (все они — племянники кн. Кантемира), Ислама Бимурзина и Сефера Бимурзина; все это были мурзы ногайские. Очевидно, основная масса татарского войска состояла из ногаев, иначе во главе его не могли бы быть поставлены ногайские мурзы. Во главе азовских татар стояли два сына известного с конца XVI в. руководителя нападений на Русь мурзы Досмагметя — Касай мурза и Шакай мурза и, кроме того, Тлевбердей ага и Тохтамыш мурза; имена этих бывалых вожей встречаются в сообщениях и о других походах на Русь. [68] Во всяком случае следует предполагать, что при таком составе татарского войска основная доля добычи попала в руки ногаев (дивеевых и казыевских) и азовцев. В этом Джумаш мурза был прав. Часть ногайских мурз, захватив добычу, ушла к Кантемиру.

Нападение татар в 1633 г., напротив, было произведено главным образом силами крымцев и под их руководством, и полон достался в большей своей части им. Дивеевы ногаи играли в походе меньшую роль и были отодвинуты крымцами на второй план. Об этом походе можно с достаточным основанием говорить, что он был произведен «по накупке» польского короля в том смысле, что до его выполнения было заключено соглашение между Джанибек Гиреем и королем. 5 апреля 1633 г. в Крым прибыл польский гонец с грамотой, в которой король убеждал Джанибек Гирея напасть на Московское государство. Соковнин и Голосов сумели на другой же день (6 апреля), после приезда польского гонца, узнать через царева дьяка Татар-Алибека, вообще оказывавшего московским посланникам много полезных услуг, содержание королевской грамоты.

Очевидно, условия заключения посланников в городке Чуфут не были слишком строгими. В своей грамоте король пользовался старой давно испытанной аргументацией об опасности для Крыма усиления Московского государства. Король писал, что между Польшей и Крымом при Джанибек Гирее не было большой дружбы, но не было и большой ссоры. Хотя Джанибек Гирей нападал на земли короля, но король за то ему «зла никоторого не учинил», да и прежние короли крымскому юрту и крымским царям не делали никакого «дурна». «А московские де прежние государи у прежних крымских царей, у ево Джанбек Гиреевых царевых сродников завладели искони вечными их мусульманскими государствами, Казанью и Астраханью, и из Золотые орды их изогнали. И крымские прежние цари от тесноты московских государей учинились в Крыме. А кочевные их ногайские люди кочевали по Кипчатцкой степи, и по Донцу и по Осколу и по иным речкам. И московские государи и с тех мест их нагайских кочевных людей согнали и поставили де по Донцу и по Осколу на их кочевьях городы, а кочевных де ногайских людей и с Кипчатцкой степи согнали; то

---

[68] Крым. д. 1633 г., № 10, л. 61—62.— Турец. д. 1633 г., № 3, л. 9—10.— Крым. д. 1631 г., № 9, л. 124.— Турец. д. 1632 г., № 3, л. 135—138.— Турец. д. 1637 г., № 7, л. 31.

де уж делалось при нем, Джанбек Гирее царе, и при державе нынешнего московского государя. И ныне де он, Джанбек Гирей царь, от московского государя в одном Крымском юрту сидит. А и польского де и литовского государства прежние московские государи многими городы завладели, и не в давных летех они было тех городов опять доступили и с московским государем замирились. И московский де государь, не выждав мирных урочных лет, велел наступить на их Польское государство многим своим ратным людем и городы их поимал за присягою, и тесноту государству их многую починил. И ныне де он, король, послал на московских людей своих польских и литовских людей. И Джанбек Гирею б де царю, помня прежних московских государей грубость, что завладели их природными мусульманскими государствы и степных его людей с кочевьев согнали, ныне промышлять над Московским государством с ним королем заодин и пойтить бы де ему, Джанбек Гирею царю, с крымскими и с нагайскими со всеми людьми на Московское государство войною. А он де, король, ему, царю, пришлет казну по прежнему договору, как было при Казы Гирее царе».

Царев дьяк Татар-Алибек присовокуплял к сообщенному им содержанию королевской грамоты успокоительное замечание, что будто бы царь отклоняет предложение короля и хочет сохранить мир с московским правительством. Но уже на следующий день посланники узнали, что сыну своему Мубарек Гирею царь указал готовиться к походу на украинные города. [69] Вся приведенная аргументация короля звучала несколько отвлеченно, ибо ему приходилось ссылаться на «прежних московских государей природную грубость», от которой одинаково страдали как Польша, так и Крым, и не мог привести никаких определенных доказательств, что «то де же делалось при нем, Джанибек Гирее царе, и при державе нынешняго московского государя». Правда, сознание угрозы со стороны Московского государства было не чуждо крымцам, но прошло уже много времени, в течение которого крымцы не видели конкретных проявлений нарастания этой угрозы, если не считать раздражавших их казачьих нападений. Напротив, после десятилетия (1607—1617 гг.) непрерывных нападений татар на Русь, последовали долгие годы мирных отношений и приостановка наступления на южные степи; все относящиеся сюда факты, приведенные в королевской грамоте, восходят к временам давно минувшим. Тем не менее доводы польского короля были понятны крымцам. Момент для нападения на московскую украйну был чрезвычайно удобен. Хорошо было также кстати получить от короля значительную по размерам казну.

Поход крымцев на Русь в 1633 г. произошел в то время, когда положение в Константинополе существенно изменилось. Мурад IV уже прочно держал власть в своих руках и приступил к осуществлению своего военного плана против Польши. Приблизительно в мае 1633 г. во время пребывания в Константинополе посланников Аф. Прончищева и Т. Бормосова выяснился план операций турецких вооруженных сил против Польши: осенью поход Абаза паши, а весной следующего года поход самого султана. Около этого же времени в Крым был направлен указ султана о соблюдении мира с Московским государством и приготовлении к походу на Польшу. Организуя поход на Русь в 1633 г., Джанибек Гирей явно рисковал своим положением в Крыму, но он не мог противиться всеобщему желанию крымцев. Поход был совершен спешно. Царевич Мубарек Гирей торопился заключить мир с Москвой и отправил туда своего гонца с предложением мира в августе, еще находясь в походе, из-под Дедилова. Московские посланники Ансимов и Акинфиев, вместе с гонцом Мубарек

[69] Турец. д. 1633 г., № 3, л. 9—15.—Крым. д. 1631 г., № 9, л. 151—153, 157—162.

Гирея Джумаш мурзой, прибыли в Крым 23 октября, а 20 декабря Джанибек Гирей уже принес перед ними шерть в мире и дружбе. Напомним, что в декабре же в Крыму был получен грозный указ султана готовиться к зимнему походу на Польшу; если же Джанибек Гирей не выполнит его, то будет лишен власти; новый царь в Крым на его место уже выбран.

Переговоры о мире не сопровождались никакими особыми трудностями. Те многочисленные претензии, о которых крымцы писали в Москву и еще больше говорили в Крыму с посланниками и которые выставлялись ими в качестве причин к войне, предъявлены не были. Единственно, чего потребовал Маметша ага, было увеличение поминок на ту сумму, которую крымцы вымучили у посланников Воейкова и Зверева (более 3000 руб.), но когда Ансимов и Акинфиев решительно отказали и пригрозили отъездом, Маметша ага больше не настаивал. Зато и крымцы решительно отказались поступиться добычей, захваченной ими во время нападений на Русь. Впрочем, требование посланников о выдаче всего захваченного в течение 1632 и 1633 гг. русского полона было явно безнадежно. Маметша ага отвечал посланникам, что царь полона не отдаст, потому что он и сам в нем «не волен, и царя в таком деле никто не послушает, да и сыскать того полону негде: хто кого взял, тот тово и продал». Посланники «всчинают новое дело»; «как учинились Москва Москвой и Крым Крымом», бывали войны, брали полон, но еще не было случая, чтобы цари крымские возвращали полон. В походах участвовали, кроме крымцев, малые ногаи и азовцы, горские черкасы, которые развели полон по себе и за моря распродали. Если бы и был возможен возврат полона, царь этого не сделает, потому что не захочет со всем Крымом быть «в остуде». Маметша ага отказал также и в установлении пониженной выкупной суммы за полоняников: и из-за этого царь ссориться с Крымом не станет. Посланники сделали тогда последнее предложение об обмене пленными — русских на татар. Ответ царя очень характерен: «И им де те татаровя также не дороги и их не спрашивают», «даром не спросит». Шертная грамота не содержала в себе ничего нового по сравнению с предшествующими шертными грамотами; ни одно из требований, которые предъявлялись крымским правительством до нападений 1632—1633 гг. и выдвигались в качестве причин этих нападений, в шертную грамоту не было включено. [70]

Теперь крымцы могли подвести итоги своей деятельности за два истекших года. Русский полон за два года превосходил 8 тыс. человек. В начале апреля 1634 г. прибыла из Польши обещанная казна, «за московскую войну» в течение двух лет, на 20 телегах: на 15 телегах сукна, на 4— по сундуку, на 1 телеге бочка ефимков (говорили, что в ней было 16 тыс. ефимков). [71]

В последних числах июня того же 1634 г. посланники Борис Дворянинов и Андрей Непейцин привезли в Крым поминки за 1632 и 1633 гг.; общая сумма поминок за эти два года превышала 20 тыс. руб. [72] Считая, что польская казна по своей ценности не уступала московским поминкам, а, по всей вероятности, их превосходила и что продажа русского полона должна была принести татарам много десятков тысяч рублей, мы можем смело утверждать, что крупные средства, полученные Крымом в результате

---

[70] Турец. д. 1632 г., № 3, л. 228, 232—239 и др.—Крым. д. 1633 г., № 12, л. 26—29, 108, 150—154, 156—176, 185—187, 225—235.— Изложение дела о посольстве Т. Я. Ансимова и К. Акинфиева в Крым дано В. М. Базилевичем «Из истории московско-крымских отношений в первой половине XVII в., Киев, 1914 г. В. Базилевич, как некоторые другие авторы, почему-то переделывает фамилию посла — Анисимова вм. Ансимова, что неправильно.

[71] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 219—222.

[72] Крым. д. 1640 г., № 12, л. 47—52.

войны с Московским государством, явились весьма серьезным коррективом к тем невзгодам, бедствиям и военным неудачам, которые крымцы переносили в течение ряда лет и от которых они «оскудали гораздо».

Таковы были подлинные мотивы, толкавшие крымцев в войну с Московским государством, и в такой обстановке внутренней крымской жизни протекали татарские нападения. Войдя в подробности бедственного состояния Крыма и его населения в то время, наблюдая проявления слабости власти царя и силу крымских феодалов, разнузданность придворной среды, мы можем понять, почему так мало значили для крымцев предначертания и планы, сочинявшиеся турецким и русским правительствами. Решение о войне с Московским государством было принято князьями и мурзами и поддержано всем населением, и слабому Джанибек Гирею было не под силу удержать это общее стремление к нападениям.

< 4 >

Мы не можем оставить без рассмотрения тех объяснений нападений на Русь, которые давало само крымское правительство в официальных документах и устно через своих представителей. Среди множества соображений, которыми крымцы оправдывали разрыв мирных отношений, есть такие, которые имеют совершенно реальное содержание и характеризуют действительные отношения Крыма к Московскому государству. Уже с первого взгляда ясной становится искусственность большинства официальных объяснений нападений на Русь и явная их несогласованность. Крымское правительство и его отдельные представители не очень об этом беспокоились и этим стеснялись: в различные моменты они давали то длинные перечни причин войны, то ограничивались одной-двумя, к основным присоединяли совершенно второстепенные и случайные. В конце 1632 г. Маметша ага, принимая московского гонца с грамотами, указал три причины войны: сношения московского государя с султаном вопреки шерти (!), нападения казаков и недосылку поминок. При этом Маметша ага признал, что в 1632 г. царь посылал своих людей на Московское государство: «в том де царь не запираетца»; ходили войной люди, которым жалованья не прислано, «и они де ходили воевать за свои дачи». А закончил так: если будут присылать поминки, то в мире и дружбе с государем быть рад.[73] Но, если все сводилось только к одним поминкам, что же значили указания на сношения московского государя с султаном и нападения казаков? Гонец нурадына Мубарек Гирея Джумаш мурза в августе 1633 г. при переговорах в Москве приводил следующие причины «ссоры» крымского царя с московским государем: сношения с султаном, нападения донских казаков, неприсылка из Москвы посланников и казны в 1632 г., присылка казны с убавкой против запросов, требование казны за два года и досылки всех удержаний за предшествующие годы.

Когда думные дьяки Ив. Грязев и М. Матюшкин поставили Джанибек Гирею в вину, что он уже в предшествующем году посылал татар на московскую украйну и что вследствие этого московские посланники и очередная казна не могли быть доставлены в Крым, Джумаш мурза, вопреки очевидности, не постеснялся отрицать участие крымцев в походе 1632 г., т. е. стал отрицать то, что открыто признал ближний человек царя Маметша ага. Дьяки закончили переговоры вопросом: «объявит» ли Джанибек Гирей подлинные причины войны? Чем «заменить» захваченный в течение

[73] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 140—141.

двух лет полон и причиненное разоренье? Можно ли вообще верить серьезности мирных намерений царя, когда Мубарек Гирей в грамоте своей пишет с такой «гордостью» и похвальбой об успехе своего похода, хвалится тем, что лошади у него «жирны» и люди «покойны», угрожает конскими копытами «стоптати» государство и воевать «до зимнего пути», если предъявленные требования не будут удовлетворены? Джумаш мурза пустился в уверения, что царь хочет мира и предлагал «в досаду не ставить» написанного в грамоте Мубарек Гирея. [74]

Когда осенью 1633 г. в Крым прибыли посланники Ансимов и Акинфиев, Маметша ага свел причины «ссоры» к четырем «статьям»: ссылке московского государя с султаном, нападениям донских казаков, присылке казны с убавкой, а шуб «узких, коротких и худых» и, наконец, нападению астраханских татар и отгону ими стад. Последнее соображение носило явно случайный характер. На замечание Ансимова и Акинфиева, что казна в 1632 г. не могла быть доставлена в Крым вследствие татарского нападения и что гонец с легкими поминками был разгромлен под Перекопом и исчез, Маметша ага просто отмахнулся от приведенного посланниками объяснения: «и того де ничего не бывало, мочно де было такое дело и в Крыме дать». [75] На приеме Ансимова и Акинфиева 29 октября 1633 г. Маметша ага взвалил всю вину за происшедшую «неправду и ссору» на Фому Кантакузина: все произошло оттого, что «учал ходить оманов из Царьграда мужик Тома Кантакузин», который и ссорил московского государя с крымским царем, «а он самые худые меры торговой мужик и в таких великих делах, в государевых делах, как такому верить», а государь ему поверил. [76] В 1634 г. уже после возобновления мира, посещая посланников Соковнина и Голосова, благодаря их за присланные подарки, Маметша ага уверял их в своей готовности «работать на государя»: «обчей де холоп великих государей», говорил он. Маметша ага передавал слова Джанибек Гирея, что «учинилась (ссора) невесть за грех за наш от бога, невесть де от лихих людей, которые позавидели нашей братской дружбе и любви», но что теперь де государи снова укрепились между собой в дружбе и в любви попрежнему «на веки от детей на внучата». [77] Итак, начав сложной мотивировкой татарских походов на Русь, Маметша ага кончил ссылкой на божие произволение и злоумышление «лихих людей».

Вопрос о «подлинных» причинах татарских нападений, обращенный к представителям крымского правительства, был собственно вопросом риторическим, ибо московское правительство отлично понимало эти причины, а крымское правительство не осмелилось бы дать на поставленный вопрос откровенного ответа. Этот ответ посланники не один раз слышали из уст отдельных мурз и простых татар, разгоряченных спорами из-за государева жалованья. Из числа официальных мотивов войны следует отбросить, как совершенно случайный, ссылку на нападение астраханских ногаев и астраханских ратных людей на крымские улусы и отгон ими лошадей. Такое нападение действительно имело место в октябре 1633 г., т. е., спустя много времени после того, как походы татар на Русь были произведены. Нападение астраханцев было ответом на татарские походы. [78] Ссылка на казачьи походы была более серьезна, но также не своевременна, потому что в 1631 и 1632 гг. казаки Крыма не трогали. В Крыму превосходно знали о мерах, принятых в эти годы московским правительством против казачьих нападений. Среди всего комплекса официальных мотивов

[74] Крым. д. 1633 г., № 10, л. 41—64, 73—104.
[75] Крым. д. 1633 г., № 12, л. 20—22.
[76] Крым. д. 1633 г., № 12, л. 18—19.
[77] Крым. д. 1631 г., № 9, л. 184—188.
[78] Крым. д. 1633 г., № 12, л. 4—6.

войны ссылка на казачьи нападения имела характер общего пожелания, которое крымцы без конца повторяли и в мирной обстановке. Гораздо настойчивее крымское правительство держалось за требование прекращения сношений с султаном и доставки поминок в желательном размере.

Требования прекращения непосредственных сношений московского правительства с Турцией или ведения их через Крым и под его контролем возникли недавно, со времени правления Магмет Гирея и Шагин Гирея и продолжались до правления Инайет Гирея, точнее, до захвата донскими казаками Азова. Требование это совпадает с попытками борьбы за независимость Крыма, с двумя крупными восстаниями в Крыму против Турции. С другой стороны, требование это связано с периодом постоянных сношений московского правительства с Турцией и соглашения между ними о совместных военных действиях против Польши. Мы видели, что Шагин Гирей совершил убийство московского посла в Турцию. Джанибек Гирей, который отнюдь не был бунтовщиком против султана, в этом вопросе продолжал политику своих предшественников. Объясняется это тем, что обращения московского правительства к султану самым непосредственным образом задевали крымского царя. Уже в 1628 г., т. е. тотчас же по воцарении Джанибек Гирея, московское правительство предъявило султану жалобы на «неправды» крымского царя и требовало его смены; в 1628 г. патриарх Филарет обсуждал с турецким послом Фомой Кантакузиным вопрос о смене Джанибек Гирея. [79]

Эта сторона дипломатических переговоров московского правительства с султаном не могла остаться секретом для правительства крымского: через своих благожелателей, послов и гонцов и постоянно проживавшего в Константинополе «стряпчего» Джанибек Гирей знал, что он персонально является предметом этих переговоров. Требование прекратить непосредственные сношения с султаном и посылать послов или гонцов через Крым было предъявлено Джанибек Гиреем в 1629 г. сначала московским посланникам Л. Кологривову и А. Дурову в Крыму, а затем крымским послом Джан мурзой в Москве. При этом крымцы совершенно произвольно утверждали, что сношения Москвы с Турцией дело новое, послов вообще раньше в Турцию не посылали, а ограничивались будто бы «гончиками», да и тех посылали не через Дон, а через Крым, и они «прашивали дороги у крымского царя».

Посольский приказ решительно отвергал претензии крымского царя, приводил историческую справку о давних дипломатических сношениях Московского государства с султаном и утверждал право государя сноситься с любыми странами и по любым направлениям. Думный дьяк Ефим Телепнев, понимая скрытую мысль, заключавшуюся в требовании прекращения непосредственных сношений с султаном, задал Джан мурзе вопрос: разве де турецкий султан крымскому царю недруг или крымский царь «мнит» что недоброе московскому государю, что «ссылку и дружбу велит урвать?» Джан мурза отвечал: «хоти де и к другу, только бы де по совету посылать»; при этом условии крымский царь не будет чинить никакой «помешки» сношениям с султаном. [80] В грамоте, присланной в Москву в январе 1631 г., Джанибек Гирей указывал в качестве одного из нарушений шерти, совершенных московским государем, то, что он, «покиня» его, Джанибек Гирея, стал посылать к турскому величеству» своих послов. [81] Мы уже указывали, какое раздражение вызывали в Крыму частые дипло-

---

[79] Турец. д. 1627 г., № 1, л. 437—446.

[80] Крым. кн. 1628 г., № 23, л. 116 об.— 117.— Крым. д. 1629 г., № 1, л. 221—225.— Крым. д. 1629 г., № 11, л. 29—30, 36—37.

[81] Крым. д. 1630 г., № 23, л. 63.

матические разъезды Ф. Кантакузина, «страдника», «худые меры торгового мужика». Гонец Мубарек Гирея в августе 1633 г. как бы убеждал московского государя «помыслить, есть ли в той ссылке какая прибыль». Джанибеку царю о той ссылке «неведомо и за то досадно», «а чает он того, что та ссылка на нево, Джанибека царя, о лихом деле...» [82]

Таким образом, Джанибек Гирей, добиваясь контроля над дипломатическими сношениями московского правительства с султаном, руководствовался личной заинтересованностью. Но вообще этот вопрос имел более широкое и принципиальное значение. Поддерживая связь с султаном и добиваясь соглашения с ним, московское правительство не только рассчитывало найти в нем союзника против Польши, но пыталось через султана ограничить и парализовать военную предприимчивость татар и добиться прекращения их нападений. Уже одно это стремление трактовать Крым в качестве вассала турецкого султана и, таким образом, лишить его свободы действий возбуждало негодование и раздражение в правящих кругах Крыма. Такое расширенное толкование дипломатическим ссылкам Москвы с султаном придавало несколько позднее правительство царя Инайет Гирея. Нельзя не признать, что правящие круги Крыма верно понимали цели дипломатических сношений московского правительства с Турцией, поскольку эти сношения касались Крыма. Итак, смысл требования о прекращении непосредственных сношений Москвы с Турцией совершенно ясен и заключался в стремлении доказать московскому правительству, что оно должно считаться с Крымом, как самостоятельной силой, что Московскому государству не удастся сбросить с себя односторонних обязательств по уплате поминок. Мы указали, что вопрос о прекращении непосредственных дипломатических сношений Московского государства с Турцией возник в эпоху ослабления вассальных связей Крыма с султаном, попыток порвать эти связи или добиться бóльшей от него независимости.

Отношения Крыма, Гиреев и крымских феодалов к Турции заключали в себе некоторую противоречивость. Крымцы должны были понимать, что вассальная зависимость от могущественного султана, если и бывала подчас отяготительна, в то же время она являлась сильной защитой и опорой для Крыма против его соседей, во много превосходивших Крым по своей силе; но в моменты ослабления Турции или кризисов правительственной власти в Крыму оживали старые традиции независимости, возрождались иллюзии о возможности независимого существования и преувеличенные представления о собственной силе. При всякой серьезной внутренней неурядице, из которой крымцы не находили выхода собственными своими силами, при всякой сколько-нибудь серьезной угрозе извне крымцы обращались к султану и от него ждали разрешения своих споров, от него ждали помощи. Так, обращались к султану крымские князья и мурзы с жалобами на ногайских князей и мурз и последние на первых, крымские цари на непослушных феодалов, крымские феодалы на деспотичных царей; к султану же поступали жалобы на нападения казаков запорожских и донских. Опора на Турцию придавала Крыму вес и значение, которых он не мог бы иметь самостоятельно. Сознание этой полезности связи с Турцией не уничтожало частых проявлений недовольства турецкой властью и попыток ослабить свою от нее зависимость. Случаи такого уклонения из русла турецкой политики мы наблюдаем в 20 и 30-х годах XVII в.

Впрочем, само турецкое правительство допускало известную свободу и независимость Крыма в отношении Московского государства, ибо в конечном счете и в плане далекой исторической перспективы известная сво-

[82] Крым. д. 1633. г., № 10, л. 102—104.

бода действий Крыма как против Польши, так и против Московского государства не противоречила интересам Турции. Турция признавала также своеобразие крымско-московских отношений. В частности, турецкое правительство всегда признавало право крымских царей требовать и получать от московского правительства поминки. Взгляды сторон на поминки коренным образом между собой расходились. В июле 1616 г. турецкий визирь Ахмет паша задал московским послам Петру Мансурову и Семену Самсонову следующий вопрос: «Ныне великий государь ваш с крымским Джанбек Гиреем царем послы и посланники ссылаетца ли и выход ему по прежнему дает ли и почему на год дает?» Вопрос визиря очень ясно выражает взгляд турок на смысл поминок. Ответ послов передает точку зрения московского правительства на поминки: московский государь, отвечали послы, с Джанибек Гиреем царем «учинился в дружбе и в любви, и послы и посланники ссылаютца почасту, и любительные к нему поминки для любви посылает, а крымской Джанбек Гирей царь к великому государю нашему к его царскому величеству послов и посланников и любительные поминки против посылает же почасту. А выходу великие государи наши прежние никто крымскому царю не давывали, и великий государь наш и великий князь Михаил Федорович всеа Русии самодержец выходу Джанбек Гирею царю не дает же и вперед давать не будет выходу, потому что по божьей милости и по племяни прежних великих государей царей и великих князей, прародителей своих, великий государь наш Российское государство держит под своею царскою высокою рукою и выходу ему, великому государю нашему, никому давати не доведетца».[83]

Крымские цари и официальные представители крымского правительства с такой прямотой и открыто не называли поминки «выходом», или данью. Свой взгляд на поминки, как на выполнение одностороннего обязательства со стороны московского правительства, они выражали в более замаскированной форме и совершенно не стеснялись обнаруживать его всем своим поведением, вымогательствами и третированием московских посланников, совершенно неслыханным в дипломатических отношениях между равными и независимыми друг от друга государствами. Вымогательства и прямые пытки московских посланников объясняются не грубостью и варварством крымцев и нежеланием их вследствие этого соблюдать общепринятые уже тогда правила дипломатических сношений, а непризнанием ими равенства в отношениях с Москвой. Впрочем, в грамотах крымские цари иногда были близки к совершенно откровенному выражению своего взгляда на значение поминок. В крымских грамотах неоднократно встречаются указания на то, что цари московские добиваются от крымских царей шерти и соглашаются уплачивать поминки вовсе не из-за дружбы и любви, а «оберегаючи свое государство», «для покоя и тишины» его. То, что не досказывали сами цари и их послы или ближние люди официально, с полной откровенностью говорили мурзы и простые татары, как это нами неоднократно цитировано из документов за разные годы, что московские государи платят поминки, боясь татарских нападений, «не на христово имя», а из боязни татарской сабли, что поминки есть дань, что должны платить они ее в таком размере, как этого требуют крымцы, а если не будут платить, то крымцы сами возьмут ее путем захвата полона.

Привозившиеся в Москву подарки из Крыма (аргамаки, отдельные предметы) имели символическое значение, тогда как московские поминки оценивались в крупные суммы. Кроме поминок, крымцы брали крупные по-

[83] Турец. д. 1616—1617 г., № 2, л. 7—8.

дачки на размене, куда они приезжали в значительном числе, и где раздача им большого количества рухляди стоила не малых денег. Частые приезды в Москву многочисленных групп крымских послов и гонцов были также одним из способов вымогательства денежных и натуральных подачек шубами, мехами, шапками.[84] Нередкие скандальные выходки крымских гонцов и послов в самой Москве показывают, что они считали такое поведение допустимым. Целью крымцев было взять возможно больше, целью московского правительства — ввести поминки и всевозможные подачки в определенные нормы, установленные соглашением и росписью, и придать им характер «любительных» подарков в знак взаимной дружбы. Крымцы часто не желали считать себя связанными таким предварительным соглашением и, исходя из своего взгляда на поминки, как на одностороннее обязательство московского правительства, желали бы произвольно устанавливать их размеры.

Таким образом, наполняющая дипломатическую переписку Москвы с Крымом утомительная торговля из-за поминок, на первый взгляд поражающая мелочностью, с какой само московское правительство и его посланники торговались с крымцами из-за отдельных шуб или сорока соболей, а посланники выносили и всевозможные насилия и издевательства, имела принципиальное значение. Московское правительство бывало вынуждено иногда расплачиваться за вымученные в Крыму с посланников и посольских людей долги даже на крупные суммы, но последовательно и упорно отказывалось вносить эти суммы в росписи, определявшие ежегодный размер поминок. На этом же основан был и упорный отказ вносить в росписи «запросные» суммы и рухлядь, которые подчас правительство было вынуждено выплачивать крымцам.

Итак, анализ официальных мотивов нападений крымцев на Русь в 1632—1633 гг. обнаруживает, что мы не можем признать их подлинными; однако некоторые из них имеют вполне реальную основу и являются частичным выражением подлинных причин нападений.

5

Нападения татар в годы Смоленской войны застали оборону южной окраины Московского государства в очень ослабленном состоянии. Правительство, упрекая крымцев за нападения, говорило, что оно, полагаясь на мирное с ними соглашение, не держало войск на юге, а направило их против Польши. В самом деле, если в украинных полках в 1629 г. было около 12 тыс. человек, то уже в 1630 г. состав полков подвергся сокращению до 9 тыс. человек, а в следующие четыре года численность полков не достигала 5 тыс. человек. Для сравнения укажем, что в 1635 г. численность войск в украинных полках была снова доведена более чем до 12 тыс. человек и в 1636 г. до 17 тыс. человек.[85] Ослабление обороны выразилось не только в уменьшении численности войска в полках, но и в сокращении гарнизонов украинных городов, наиболее боеспособные элементы которых были мобилизованы в армию Шеина, либо в состав войск старого строя, либо в полки иноземного строя. По подсчетам Сташевского, большинство детей боярских, взятых в солдатские полки, принадлежало к украинным, рязанским, северским и польским городам. Очень значительную долю составляли

[84] См. об этом Приложение II.

[85] И. Беляев, с. 42.— Е. Сташевский произвел самостоятельный подсчет цифр в полках, но различие его данных с данными Беляева очень незначительно (с. 315—316).

дети боярские украинных и рязанских городов в составе дворянской конницы, мобилизованной под Смоленск.[86] Численность гарнизонов в южных городах значительно снизилась: например, в Новосиле в 1631 г. было 730 человек, а в 1633 г. — 260, в Ельце в 1631 г. было 1710 человек, а в 1633 г. — 947, в Курске в 1631 г. было 1564 человека, а в 1633 г. — 1230, в Рыльске за те же годы численность гарнизона снизилась с 1067 до 606 человек.[87] В ближайшие к Смоленской войне годы не только не было возведено ни одного нового города, но и в отношении старых ограничились частичным ремонтом текущего характера за исключением 2—3 случаев капитального ремонта.[88] Даже донское казачество было ослаблено привлечением лучшей его части в армию под Смоленск. Сами донские казаки говорили, что все, которые могли подняться на службу, ушли в армию; на Дону, по выражению войсковой отписки, остались лишь «голутвенные люди».[89] Таким образом, крымцы, настаивая на походе на Русь, были правы в том, что момент был очень удобен; они, очевидно, имели достаточно хорошую информацию о состоянии обороны юга. Довольно широко проведенные в 1631 г. набеги могли доставить татарам обстоятельные сведения о численности и расположении русских войск в украинных городах.

Татарские нападения в 1631 г. начались по инициативе азовцев. Вокруг испытанных азовских вожей и «промышленников» объединились татары разных улусов, в первую очередь малых ногаев. В конце 1630 г. московские послы в Турцию Совин и Алфимов перехватили грамоту азовского Умер бея, написанную им султану. В своем обращении Умер бей говорит об упадке торговли Азова, об обеднении всего населения: «А будет, государь, про здешнее житье поизволишь ведать, отнюдь прожить никоими обычаи от бедности немочно, обнищали все до конца, побредут кой куда. А морским путем отнюдь на деньгу ничево не приходит, и на степи нагайцов нет же, промыслов ничево нет. Только житье их положено на божью милость». Единственный источник дохода — это жалованье, получаемое из кафинских доходов. «А будет и тово не дадут, и нам прожить нечем». «Да здешние, государь, люди живут своими обычаи, ни кадыя ни бея не слушают, кадыйство да бейство сами чинят да корыстуютца и знаютца с неверными. В кою пору с ними в миру будут, в те поры што они на Черном море добывают, и те воровские животы у них, у донских казаков, азовцы покупают дешевою ценою, то у них и промысл». Такие «дурные дела» объявились в «шингиреево время». «Только, государь, в том городе иново вашево промыслу и заповеди не будет, и город ваш однолично из рук отойдет».[90]

Любопытные признания начальника Азова следует дополнить указанием на постоянные походы на Русь за добычей, как главного источника существования азовцев, о чем Умер бей умолчал. Еще любопытнее, что в 1631 г. Умер

---

[86] По подсчетам Сташевского, из числа 1762 детей бояр, записавшихся в солдатские полки и относительно которых имеются сведения об их происхождении, 1331 человек происходил с юга (с. 130). По июльскому наряду в армии Шеина 1633 г. значится 11 772 человек двор. конницы. В том числе из замосковных городов 5179 и из украинных и рязанских 3054 человека (с. 168—169).

[87] Е. Сташевский, с. 312.

[88] Е. Сташевский, с. 303—304.— Некоторые данные Сташевского о ремонте городов основаны на недоразумении. Он говорит, что в 1630—1631 гг. начат был ремонт г. Валуйки, но закончен лишь в 1634 г. Но в 1634 г. Валуйка была отстроена заново, потому что в 1633 г. этот город был совершенно уничтожен черкасами, как одновременно же был уничтожен острог и в Белгороде. Он числит в ряду городов, имеющих достаточную оборону, Елец и Ливны, между тем в них были только остроги.

[89] Е. Сташевский определяет число донских казаков в армии под Смоленском всего в 362—472 человека (с. 153).— Турец. д. 1632 г., № 4, л. 105—106.

[90] Крым. д. 1630 г., № 4, л. 46—51.

бей был снят из Азова за то, что он сам «отпускал татар воровски на Русскую землю войною, соединясь с ними».[91] Но и назначенный на его место со строгим предписанием сохранять мир с Москвой и не допускать нападений азовцев на Русь Мустафа паша в беседе с Совиным и Алфимовым (сентябрь 1631 г.) признавал, что азовские люди его не слушают, а при попытке удержать их от походов грозят убийством: «в Азове де живут воры такие же, что и донские казаки, и унять их некому, ево, бея, и их, приказных людей, не слушают».[92]

Кроме Малых ногаев, к походам на Русь в 1631 г. присоединились отряды татар из улусов Больших ногаев, отходивших в этом году за Волгу. Эти нападения азовцев, Малых и Больших ногаев возбудили волнения в Крыму и попытки крымцев добиться от Джанибек Гирея прямого разрешения на организацию походов на Русь. Отказ царя не помешал крымцам самовольно примкнуть к походам. Так, посланники узнали о сборах в поход на Русь «украдом» татарских вожей Бабасана Наимана и Уразмагмет аги. На обращение посланников с протестом по этому поводу Маметша ага отвечал, что набеги запрещены. На самом же деле в течение всего 1631 г. крымские люди «не поодинова» ходили на Русь, приводили полон в Крым и из него «на царя лучший полон выбирали, а иной за море продавали». Некоторые из полонянников пытались укрыться в стане посланников, но всех этих беглецов у посланников отбирали. Лишь одного станичного казака А. Лазарева посланникам удалось вывести с собой.[93]

Татарские набеги на Русь в 1631 г. начались в апреле. Первые передовые отряды татар проникли в Русь Калмиусской дорогой. 17 апреля был замечен отряд татар в 200 чел., поднимавшийся этим шляхом между рр. Т. Сосной и Валуем. 23 апреля из Воронежа за р. Доном заметили отряд татар в 40 человек; шли вверх по р. Ведуге, ждали их либо в Елецком, либо в Воронежском уездах. 27 апреля в дер. Ольшаницу в 30 верстах от г. Оскола приходили 50 татар. 23 и 24 апреля группы татар в 20 и 30 человек появились под Белгородом, проникнув туда, вероятно, через р. Оскол.[94] Вслед за этими небольшими отрядами 29 апреля на том же Калмиусском шляхе между р. Т. Сосной и Валуйским лесом, в 40 верстах от города была замечена сакма, проложенная довольно крупным татарским отрядом человек в 700: «а бита сакма на полдесятины до-черна». Дальше этот отряд разделился. Часть татар перешла на Изюмский шлях и отсюда совершила нападение на Курский и Белгородский уезды. 29 же апреля на ранней заре татары «столкнули» в 40 верстах от Курска Хонскую сторожу (на р. Хон); это был передовой отряд. В тот же день 300 татар напало на дер. Картавцову в Курском уезде. Около того же времени татары похватали немало людей под Белгородом. 1 мая другая часть татар (150—200 человек) захватила полон под Ливнами. Из Оскола был выслан на Калмиусский шлях голова сын боярский Б. Митрофанов с сотнями (450 человек). Отряд простоял на шляхе (на р. Убле) четыре дня, ожидая возвращения татар из Курского уезда, но, как выяснилось впоследствии, татары успели уйти оттуда раньше. Б. Митрофанову удалось перехватить другой татарский отряд в 200 человек, действовавший под Ливнами; 4 мая ратные люди напали на татар, расположившихся станом в верховьях р. Грязной Потудони, врасплох на утренней заре и их разгромили: татары потеряли 70 человек убитыми, «языков» было взято шесть и отнят весь ливенский полон (90 человек). В тот же день 4 мая голубин-

[91] Крым. д. 1631 г., № 2, л. 242—253.
[92] Крым. д. 1630 г., № 4, л. 259, 264.
[93] Крым. д. 1630 г., № 17, л. 130—132, 92—94.
[94] Приказ. ст. № 48, л. 47, 58, 68, 72—73.

ские казаки (30 человек) перехватили на переправе через р. Оскол под Белой Нежеголью отряд татар в 50 человек и его побили. Если не считать последней группы татар, которая могла принадлежать к отряду, действовавшему под Курском, этот отряд ускользнул, повидимому, незамеченным.[95]

Это были не все татарские силы, действовавшие в 1631 г. в украинных уездах. 7 мая 40 татар захватили на полях с. Турова (Ряжского уезда) 12 пахарей. 9 мая отряд в 200 татар приходил к с. Березову, где жители села сами бились с ними. 11 мая татары забирали полон и отгоняли конские стада в с. Горетове (кн. Д. М. Пожарского), в дер. Ранине, с. Ратчине (монастырей Спаса Нового и Чудова). Отсюда татары распространились по Рязанскому уезду. 17 мая посланный из Сапожка казак Савва Москотиньев с полковыми казаками и «охочими» пушкарями имел бой с татарским отрядом, уходившим из Рязанского уезда, причем было убито 5 татар, один захвачен, отнят полон (10 человек) и стада, взятые татарами в с. Песочном. «Язык» показал, что весь отряд состоял из 108 татар разных улусов (из них малого ногая 10 человек).

23 мая елецкий полковой казак, захваченный татарами в дер. Бухаровой и вскоре от них бежавший, сообщил, что татары кочевали за р. Мечей в 60 верстах от Ельца; число их он определял в 800 человек, «а все люди нарядные, в шапках мишюрках и в наручах, и кони все добрые»; полона у них было человек 40. Отделяясь от этого отряда, группы татар проникали затем в разных направлениях. 23 мая 300 татар, перейдя р. Б. Сосну (в Талецкий брод), прошли в Елецкий уезд. Им «напереем» из Ельца вышел товарищ воеводы В. Тарбеев с сотнями. В тот же день В. Тарбеев настиг татар в 20 верстах от города на Березовце (в Бруслановском стане); татары отошли. В тот же день казачий голова Лукьян Кисленский с сотнями «сошел» этих татар в том же Бруслановском стане в 30 верстах от Ельца и имел с ними «съемный» бой с полудня до захода солнца. Столкновение было, очевидно, горячим, потому что в бою был убит сам Л. Кисленский, его родной брат зарублен, некоторое число ратных людей попало в полон, татары потеряли 10 человек убитыми, и головы татарские, как вещественное доказательство, были доставлены в город. Оба столкновения произошли недалеко одно от другого. Елецкий уезд был защищен от дальнейших действий татар, которые «пошли наутек» в данковские и сапожковские места. Переход татар через р. Мечу был замечен. Их ждали на Княгинине броде через Дон, у Старого Данкова, куда и был послан из Данкова казачий и стрелецкий голова Путила Быков с сотнями. Сюда же подоспели с сотнями из Лебедяни головы Г. Стукалов и Б. Дьяконов. Ожидания оправдались. Татары (до 300 человек) действительно перешли Дон в этом месте и здесь натолкнулись на ожидавших их ратных людей: много татар было перебито, полон был в значительной части спасен, но часть его татары, отступая, уничтожили. В числе освобожденных оказались 9 ельчан детей боярских и казаков из отряда В. Тарбеева, захваченных татарами раньше. Лебедянские ратные люди привели с собой 25 человек освобожденных из полона, но, кроме того, многие полоняники разошлись по своим домам в пути. Движение татар было замечено в те же дни под Епифанью и Дедиловом.

24 мая на р. Мече была замечена новая сакма, проложенная татарским отрядом, численность которого «по смете» была определена в 400 человек, что с точностью подтвердилось из показаний «языка», захваченного на следующий день: в составе отряда было 310 ногаев и азовцев и 90 крым-

[95] Приказ. ст. № 48, л. 59—60, 80—82, 92, 99—100, 116—118, 208; — АМГ, т. I, № 397.

ских татар. Во главе отряда стояли 4 азовских вожа: Тохтамыш, Теребердейко, Осеит и Осанко. На другой день под Старым Данковом была замечена еще одна татарская сакма, татары перелезли Дон на Котораевском броде: «и на берегу трава не засохла, свежая; по смете и по сакме тех татар прошло человек с 150. А сакма де бита до-черна на четыре пяди, а (с) сторон де в разъезд бито по леху». Татар следовало ждать в печерниковских, пронских и ряжских местах. Действительно, 27 мая в ночь в Петровскую слободу под Ряжск приходило до 300 татар. Головы с сотнями сочли для себя непосильным вступить в бой с ними и не воспрепятствовали погрому слободы, где татары захватили в полон 102 человека. Татары прошли далее в Верхоценскую волость и уходили по Задонью. 23 мая татары (их было 20 человек) взяли в дер. Кукосове на пашне малого и 4 лошади. Крестьяне в ту пору «пашню пахать ездили с ружьем опасно»; татары, видя крестьян и мордву «на пашнях со всяким оружьем», ушли в степь. Шацкий воевода Роман Боборыкин послал для преследования татар охочих шацких и конобеевских беломестных и полковых казаков 50 человек, из дворцовых сел крестьян и мордвы 20 человек. Воевода отправил в эту посылку собственных 6 холопов, а безлошадным охочим людям давал своих лошадей и всякую «служилую сбрую». Пошли за татарами 28 мая, а 30-го «дошли» татар, возвращавшихся из Руси с полоном «немалые люди»; «о полднях на татар ударили» и их побили, взяли двух «языков», отняли 20 человек полона, захваченного в Петровской слободе.[96]

Повидимому, набеги происходили и позднее, но точных данных о них мы не имеем.[97]

10 июля московским посланникам в Крыму Воейкову и Звереву стало известно, что в Бахчисарай приведен русский полон для продажи за море. Толмач и подьячий привели на стан Андрея Лазарева, станичного казака из Ряжска, который и рассказал, что он был взят в полон татарами (их было 500 ногаев и 80 крымцев) в Петровской слободе; весь полон — 75 человек; из этого числа крымцам досталось 25 человек. На царя выбрали «головные пошлины» 5 человек: сына боярского, двух станичных казаков и двух женок. Привели их в Бахчисарай и поставили перед царем; царь их расспросил и выбрал себе во двор ряшенку женку Любавку, а остальных отдал армянам для продажи за море. Посланники тотчас послали говорить об этом царю и требовали возвращения полона; ближний человек им в том отказал: «наперед де сего не бывало, что даром полон отдавать». Однако посланники отстояли А. Лазарева, несмотря на требование армян, и вывезли его с собою на Русь.[98]

По вестям о приходе татар белгородский и валуйский воеводы послали ратных людей на Калмиусский и Изюмский шляхи дожидаться возвращения из Руси татар, «где их чаять назад перевозу на реках». Ратные люди безрезультатно простояли у верховий Айдара и Богучара; насколько можно судить по приведенным выше сведениям, татары вышли из войны окружным путем по Задонью. 25 мая ратные люди, возвращаясь в свои города, в 5 верстах от Валуек на р. Козинке (следовательно, на Изюмском шляхе) погромили один татарский отряд в 70—80 человек, многих татар убили, захватили «языков», отняли полон и животинные стада. Один из взятых татар назвался улусным человеком нурадына Кара-Кельмаметя Урмаметева из орды Больших ногаев, перешедших зимой от калмыцкого погрома на крымскую сторону Волги. Татарин показал, что весной ходили в поход азовцы, казыевцы и крымцы (последних 30 человек) в числе

---

[96] Приказ. ст. № 48, л. 87, 123, 134—143, 179—180, 188—189, 191—193, 197—198, 204—205, 219, 221, 224, 228, 282.— Крым. д. 1631 г., № 5, л. 2—3.

[97] Турец. д. 1630 г., № 4, л. 258.

[98] Крым. д. 1630—1632 гг., № 17, л. 81—91.

600 человек. Отряд сформировался в Азове. Выйдя из Азова, татары два месяца стояли в степи, откармливая лошадей, в Русь пошли разделившись на три отряда. «Промышленники у них и вожи в Русь были азовские аги». Татарин показал, что был у них слух, что эти отряды в походе поднерглись разгрому и вернулись с небольшой добычей. Отряд, в котором участвовал он сам, рассчитывал захватить «пашенных людей», когда они поедут на поле под Валуйкой, но здесь как раз и потерпел поражение.[99]

Мы не имеем полных сведений о количестве русского полона. Московские послы Совин и Алфимов, возвращавшиеся из Турции, видели 24 июня 1631 г. в Кафе комяги, на которых был «многой» русской полон, доставленный сюда из Азова. Полоняники, с которыми встретились послы, сообщили им, что в Азов было приведено 300 чел. В Кафе часть полона была продана на месте, часть отправлена за море.[100]

Поскольку наши сведения о нападениях 1631 г. неполны и поскольку совершались они разрозненными и самостоятельно действовавшими отрядами, мы не можем определить общей численности участвовавших в набегах татар. Захваченный в мае под Валуйкой «язык» определял численность татарского отряда, в котором он участвовал, в 600 человек. Во время майских столкновений называли и более крупные цифры в 700—800 человек. Ясно, что это была лишь часть действовавших в 1631 г. на московской украйне татар. Направление татарских нападений выясняется достаточно точно: это был Калмиусский шлях главным образом, если не сказать исключительно. Изюмский шлях имел значение дополнительного пути: на него татары переходили с Калмиусского шляха и им, повидимому, пользовались при возвращении. Нет никаких указаний на то, что в этом году татары совершали нападения Муравским шляхом. Имеются определенные указания на то, что задонскими шляхами, в том числе и старой ногайской дорогой, татары выходили из войны.

Общее направление татарских нападений представляется в таком виде: войдя в Русь Калмиусским шляхом, татары либо поворачивали влево через р. Оскол на Изюмский шлях, либо, минуя верховья р. Оскола, проходили в курские места. Но преимущественно по ответвлениям Калмиусского шляха, бродами через р. Б. Сосну татары проникали в Елецкий уезд, далее через р. Мечу и р. Дон — в ряжские, рязанские и верхоценские места. Значительная часть татар возвращалась все тем же Калмиусским шляхом и, отчасти, по задонским путям. Первенствующее значение Калмиусского шляха в татарских нападениях 1631 г. объясняется, помимо малой его защищенности, тем, что он был ближайшим и удобнейшим для азовцев и малых ногаев, откуда шла инициатива набегов и где формировались отряды для походов. В борьбе с татарами участвовали исключительно ратные люди, входившие в состав местных гарнизонов украинных и полевых городов (Валуйки, Белгорода, Оскола, Ельца, Лебедяни, Ряжска, Шацка), и само население, выделявшее из своей среды охочих людей или отбивавшееся от татар на месте, иногда прямо на пашне. Мы не встречаем ни одного указания на участие в борьбе с татарами войск, входивших в состав полков.

Нападения 1632 г., произведенные с согласия крымского правительства, резко отличались от нападений предшествующего года как по количеству участвовавших в них татарских сил, так и по своей организованности. Нет сомнения, что главные участники нападений, крымцы и Малые ногаи, согласовали вопрос о совместных действиях, и Малые ногаи поступили под общую команду крымских (ногайских) мурз, поставленных

[99] Приказ. ст. № 48, л. 246—247, 251—253.
[100] Крым. д. 1630 г., № 4, л. 231.

во главе похода. Действиям Малых ногаев в известной мере благоприятствовало то, что под энергичным давлением московского правительства донские казаки, замирившись с азовцами, не совершали нападений ни на море, ни на суше, что признавали азовские бей и приказные люди. Кроме того, в том же 1632 г. войско донское выделило часть лучших своих сил в русскую армию для войны против поляков. По выражению войсковой отписки в Москву, азовцы «в мирное время, советовав с крымскими людьми и с ногайцы, и подняли с собою в ваши государские украйны крымских многих людей, а сами все и до малых ребят вышли в ваши государские украйны войною в Русь, и ходят через мировоя (!) места безстрашна».[101] Вполне понятно, что казаки уделяли такое важное место в нападениях 1632 г. азовцам: это были их постоянные и наиболее близкие враги. Однако хотя бы и «до малых робят», по своей численности азовцы тонули в массе крымцев и Малых ногаев.

Более организованный характер вторжений 1632 г. и более полные о них документальные данные позволяют восстановить их ход с бóльшими подробностями.

Первые появления татарских отрядов в украинных уездах относятся к апрелю — маю. Проникали они в Русь всеми тремя южными шляхами: Калмиусским, Изюмским и Муравским. 14 апреля на Калмиусском шляхе в 40 верстах от Валуйки была замечена группа татар в 5 человек. 28 апреля татарский отряд имел столкновение с оскольскими ратными людьми в дер. Ольшаницах (Оскольского уезда) и после того пошел из Руси вон. 1 мая оскольские ратные люди «сошли» татар на Афонькине перевозе через р. Оскол и отбили у них 20 полоняников; надо думать, что в этом случае татары возвращались из Руси. 6 мая, проникнув Муравским шляхом, татары (50 и 100 человек) совершили нападение на деревни Картавцову и Чуйкову в 30 верстах от г. Курска. 14 мая был бой с татарами (300 человек, в деревнях Ревякиной и Свиной в 20 верстах от Ливен. Тогда же татары (500 человек) воевали в той же местности деревни Вахнину, Ретькину и Шебанову; был ли это один и тот же отряд, установить не удается. Отделившийся от основных сил, отряд татар в 50 человек захватил пахарей на полях дер. Вожовой. Взяв добычу, татары вышли из Руси меж рек Тима и Мокреца Изюмским шляхом. 1—2 июля татары появлялись в Ливенском уезде в дер. Под-Святым. Наконец, 19 июня татары (150 человек) погромили в Рыльском уезде (по Муравскому шляху) под селитряными варницами сотню служилых людей.[102] После этого наступает длительный перерыв до последних чисел июля, когда начали действия главные силы татар. Очень возможно, что перечисленные появления татар в разных направлениях и местах московской украйны имели значение разведки для получения сведений о состоянии обороны, числе и размещении ратных людей в украинных городах.

В самых последних числах июля масса татар, определявшаяся в 20 тыс. человек (есть, впрочем, указания отдельных татарских «языков», что их было 1 —15 тыс.), перешла р. Сев. Донец в Савинский перевоз и Савинской сакмой вышла на Изюмский шлях. Станичники и вестовщики в первых числах августа видели «верх Волчьих вод» и в других местах Изюмского шляха сакму, «бита сакма до-черна сажен на 50 и больше («на 60 и больше»), а с крыльниками и которые ехали порознь и той де сакмы есть версты на три и больше. А по смете и по сакме прошло татар в Русь тысяч с 20 и больше». Ту же цифру называло и большинство татарских «языков».

---

[101] Турец. д. 1632 г., № 4, л. 105—107.

[102] Москов. ст., № 75, л. 184—185, 196—197, 216 и сл., 233, 416—417.— АМГ, т. I, № 397.

Повидимому, не все татары прошли в Русь Изюмским шляхом, часть их использовала Муравский шлях.[103]

30 июля татарский отряд численностью в 300 чел. прошел мимо Ливен в Курский уезд. В поход против татар было послано из Ливен 700 детей боярских и казаков. 3 августа эти ратные люди в Савинской дубраве в 50 верстах от города были окружены подавляющими силами татар, пришедшими с Изюмского и Муравского шляхов. Ратные люди по обыкновению засели в лесу и в течение полдня бились с татарами. Янычары с «вогненным боем» ходили на них приступом. Сопротивление ратных людей было сломлено. В бою пал голова Меньшой Гринев, было убито сверх того 300 ратных людей, а остальные захвачены в полон. Это сражение, окончившееся поражением ратных людей, сопровождалось значительными потерями и со стороны татар. По показаниям участников боя, татары потеряли до 1000 человек, в том числе несколько мурз. Решиться на такой, связанный с потерями бой могло побудить татар очевидное превосходство сил, наличие людей с огнестрельным оружием и соблазн сразу же захватить значительный и ценный по качеству полон. После боя до 3000 татар вернулось из похода. Татары перешли р. Быструю Сосну в Кирпичный брод. Не доходя до Ливен, часть татар повернула в курские и белгородские места. Основная масса их была «распущена в войну» за р. Сосной. Вслед за большим татарским войском потянулись в Русь разными дорогами татарские отряды различной численности.

5 августа в первом часу дня под Новосиль подошло 10 тыс. татар; они приступали к городу, воевали уезд и забрали большой полон; от города отошли 7 августа. Изучение ряда татарских нападений выясняет один из тактических приемов татар. Татары не осаждали городов и не задавались целью их захвата. «Приступ» к Новосили в данном случае вовсе не означал его штурма. Татары лишь окружали город, блокировали его, изолируя сидевший в нем гарнизон и препятствуя уездным жителям скрываться в городе. Таким приемом татары получали свободу действий в уезде и облегчали себе захват там полона. Уходя из войны, татары, когда это было необходимо, снова блокировали города, чтобы беспрепятственно вывести захваченную добычу — полон и стада. Татары охватили войной главным образом Новосильский и Мценский уезды. Многие жители Новосильского уезда не успели или не хотели «сесть в осаду» и оборонялись самостоятельно. В с. Вежи, владении думного дьяка И. А. Гавренева, собралось в осаду детей боярских и всяких других чинов людей из многих сел более 2000 человек. Собравшиеся вступили с татарами в бой, но не выдержали боя и вынуждены были засесть в селе по дворам и избам. Татары осадили село, много людей побили, но большую часть, до 2000 человек, забрали в полон по отдельным дворам и избам. Однако на этот раз татарам не посчастливилось. По вестям, что татары расположились кошем в Новосильском уезде под дер. Высокой, воевода Ив. Вельяминов вышел из Мценска вечером 5 августа со всеми ратными людьми и, отойдя от города несколько верст, остановился, укрепясь в деревне. «А я с ратными людьми стал в великой крепости, — доносил Ив. Вельяминов, — и, укрепя людей, к головам подъезд послал, чтобы они с татары бились, а на божью помощь и на твоих государевых людей были надежны, что я иду сам за ними. И послал я голов белевца Андрея Страхова, а с ним белевцов детей боярских, да мещянина Ерему Переверзева, а с ним белевских бобриковских казаков, пятидесятника Савина Олтунина, с ним казаков с огненным боем, да мещянина Епифана Лыкова, а с ним мещян детей боярских».

[103] Москов. ст. № 79, л. 59; № 75, л. 280—281, 329—331, 388—389.— Крыльники — фланговое охранение.

Головы настигли татар за дер. Высокой в поле 6 августа. Бой был успешен: татар было много убито, захвачено 27 «языков» и, главное, отнят весь новосильский и мценский полон в числе 2700 человек. Татарам, таким образом, не удалась вторая часть их задачи — увести полон; татар было до 1000 человек — недостаточно, чтобы отразить удар ратных людей. Когда стали прибывать другие татарские силы, головы и Ив. Вельяминов с войском успели благополучно «отводом» достигнуть Мценска. С опозданием, но татары блокировали Мценск и тем предупредили новую вылазку Ив. Вельяминова, что могло бы помешать успеху их действий в дальнейшем. Во время этой операции выяснилось, что татары расположились на большом пространстве по обеим сторонам р. Зуши между Новосилем и Мценском. Севернее Мценского уезда татары не распространились, но они действовали в Орловском уезде, где 15 августа видели полк татар в 2500 человек, в Карачевском уезде, где 2000 татар блокировали город с посадом и воевали уезд. Из Карачевского уезда татары прошли по «Свиной дороге» в Комарицкую волость, но здесь потерпели поражение от рыльских ратных людей под дер. Пальцевой.[104]

Очень скоро начался выход главных татарских сил из войны. Уже 7 и 8 августа разъезжие станицы «верх Волчьих вод» видели татарские полки с знаменами, уходившие по Изюмскому шляху. 9 августа «большие крымские люди» на возвратном пути осаждали г. Ливны «всеми людьми, жестокими приступы пешими людьми два дня и две ночи». Нам кажется, что эти «приступы» имели целью беспрепятственный пропуск мимо города через броды обоза с добычей, полоном и стадами. Выход из войны растянулся на длительный сравнительно срок. Так, 18 августа мимо Ливен «шли татаровя из Руси многие люди, а лезли Сосну в Светицкий брод» (от Ливен в 15 верстах). Отделившиеся от основных сил 200 человек приходили под Ливны на посадские поля, где с ними был бой. Ливенский воевода жаловался, что «уездные люди в осаду в город не едут, укрепили в селах и в деревнях дворы во многих местах за острожков место». На призыв лебедянского воеводы И. Скорнякова-Писарева к жителям с. Доброго городище и Ратчины Поляны итти в осаду в город, жители отказали: «в осаду де нам не бывать, у нас де свой острожок; а скажите де воеводе, чтоб прислал к нам сотни две нас в вотчине здесь оберегать».[105]

Одновременно с выходом из войны главных татарских сил в противоположном направлении в Русь шли все новые, иногда крупные, татарские силы. Так, 10 августа на Белой Калитве, следовательно, на Калмиусской сакме, возвращавшиеся «из войны» татары встретили двигавшихся в противоположном направлении 5000 крымских, ногайских и азовских татар. 23 августа валуйский воевода Ив. Колтовской сообщал в Москву, что «ныне беспрестани мимо Валуйки Калмиусскою сакмою, и Изюмскою, и Савинскою сакмами многие люди татарове в Русь ходят сот по пяти, и по шти, и по семи, и больше». 14 августа недалеко от Оскола по Изюмской дороге татары возвращались из Руси, а по Калмиусской в тот же день замечена была сакма, «бита до-черна» на 24 сажени, шли в Русь 2000 татар.[106]

Действия татар на территории Ливенского, Елецкого, Мценского уездов продолжались до начала октября. 26 августа 1000 татар пришли в Засосенский стан Елецкого уезда, а затем перешли в Бруслановский стан; здесь они потерпели поражение; разбитые и лишившиеся полона, татары

---

[104] Москов. ст., № 75, л. 294—296, 335—336, 452—453, 456, 391.— Москов. ст. № 79, л. 128—131.— АМГ, т. I, № 368.

[105] Москов. ст. № 75, л. 443—444, 455—456.— АМГ, т. I, № 372, 379, 393.

[106] Москов. ст. № 75, л. 420—421; № 79, л. 71.— АМГ, т. I, № 379.

ушли в направлении Епифанского и Данковского уездов. В тот же день татары приходили под Данков. «Подъезчики», посланные лебедянским воеводой И. Скорняковым-Писаревым, проследили переход татар (до 500 человек) через р. Мечу в направлении Лебедяни. 28 августа татары приходили на посад Лебедяни, но были с уроном отражены. 2 сентября тысячный полк татар уходил из Руси мимо Ливен. 9 сентября под Ливнами был бой с другим татарским отрядом в 600 человек, возвращавшимся из елецких, данковских и лебедянских мест; отряд этот состоял из малых ногаев во главе с азовцем Арасланом. 6 сентября через Елецкий уезд Зеленковским бродом на р. Мече прошел отряд татар к Старому Данкову; 10 сентября татарский отряд был настигнут в степи на р. Проне и полностью уничтожен, потому что, — объясняет отписка, — татары «бились до смерти, и государевы люди татар всех побили до смерти же», в обозе была захвачена всевозможная рухлядь: котлы, седла и пр.; полон был весь освобожден. В первых числах октября татары еще раз навестили Елецкий и Ливенский уезды. По показаниям «языков», татар (азовцев и малых ногаев) было 900—1000 человек. Татары приступали к Чернавскому «стоялому» острожку; видели затем, как татары в дер. Домовины (Елецкого уезда), «ходячи по дворам, воюют и людей в полон емлют, и многой полон у них перевязан». 9 октября часть татар возвращалась из Руси; в Ливенском уезде с ними был бой, захвачено 7 «языков». О значительности действовавших в октябре татарских сил говорит тот факт, что 11 октября воевода И. Вельяминов второй раз выходил против них из Мценска со всеми ратными людьми и отнял у татар 74 полонянника.[107]

Кроме нападений со стороны Калмиусского, Изюмского и Муравского шляхов, татары приходили и по задонским шляхам. Действия в этом направлении начались несколькими днями позднее. 7 августа был замечен татарский отряд на р. Савале (притоке р. Хопра) в 500 человек. Затем отряд в 500 человек видели на Лесном Воронеже. Судя по сообщениям, татары расположились кошем где-то за Польным Воронежем в степях между Сапожком и Щацком. Бежавшие из татарского плена русские люди и захваченные татарские «языки» давали разные показания о численности татар — от 2350 до 4000 человек. Может быть, цифры эти относятся к различным моментам и не противоречат одна другой; во всяком случае, со стороны ногайского шляха действовало несколько тысяч татар. 8 августа татары появились под Пронском, Печерниками, Михайловым в ряде деревень, 10 августа под Ряжском, около 15 августа в Рязанском и Каширском уездах, 16 августа они приходили изгоном под Сапожок со стороны «Верденских вершин» (р. Вёрды). В те же числа до 2000 татар прошло мимо Данкова к Старому Данкову и Черному кургану. От Черного кургана татарские отряды в 50—100—500 человек приходили 7, 8 и 14 августа под Гремячий. 13 августа «изгоном» 50 татар захватили на казачьих полях под Веневом 5 человек. Уже 8 августа в районе Воронежа наблюдали обратное движение отряда татар в 300 человек с полоном.[108]

В октябре Разряд затребовал из городов сведений о числе убитых и взятых татарами в полон людей в 1632 г. На основании воеводских отписок был установлен следующий список потерь по уездам: в Ливенском 1232 человека, в Карачевском — 281, в Курском — 226, Елецком — 115, Белгородском — 97, Оскольском — 68, Орловском — 50, Мценском — 20, Данковском — 7, Сапожковском — 6, Веневском — 5, Воронежском — 1. Всего — 2660 человек, в том числе убитых 320 человек; большинство

---

[107] Москов. ст. № 79, л. 24—25, 31—32, 71, 100—102, 117—122, 193—195, 214—216, 272, 345.

[108] Москов. ст., № 75, л. 312—314, 360, 365, 378—379, 384, 401, 406—408, 461—462, 466.— Москов. ст., № 79, л. 75.

убитых (до 300 человек) приходится на ливенских служилых людей, павших в сражении под Савинским лесом. Можно предполагать, что перечень, составленный в Разряде, неполон, потому что татары в 1632 г. побывали еще в ряде уездов, о потерях которых в приведенном перечне нет сведений: Лебедянском, Пронском, Михайловском, Ряжском, Каширском, Печерниковском, в Верхоценской волости.[109] Проверить неполноту приведенных сведений мы не можем. Дети боярские и толмачи, посылавшиеся в казыев улус астраханскими воеводами для разведки, слышали от татар, что они ходили на Русь большими силами в августе и привели «полон многой», «продавали дешевою ценою, выбирая молодых, имали за человека по чаше проса, а старых секли, что купити было их некому».[110] Эти сведения слишком общи; к тому же татары вообще любили прибегать к живописным оборотам и непрочь были прихвастнуть своими успехами. Если даже этот итог и надо увеличить, то едва ли значительно. Напомним, что масса полона в 2700 человек, захваченного татарами в Новосильском и Мценском уездах, была освобождена воеводой И. Вельяминовым; поэтому нет случайности в том, что в перечне Разряда потери Мценского уезда определены всего в 20 человек, а по Новосильскому не указано ни одного человека. Вообще захватить и вывести полон было не так-то легко; без сопротивления и иногда без кровопролитных боев, как под Савинским лесом, дело не обходилось.

Историки обратили внимание на длительную задержку начала военных действий русских войск против Польши в 1632 г. Уже в мае войска были готовы к выступлению, но только 9 августа боярин М. Б. Шеин получил указ двинуться из Москвы к Можайску и 10 сентября указ итти дальше к Вязьме. Военные действия развернулись полностью лишь в октябре. С. М. Соловьев ставит эту задержку в развитии военных операций в связь с затруднениями в выборе воевод. О. Вайнштейн указывает на то, что русское правительство пыталось координировать свои действия с действиями Густава-Адольфа на западном фронте, но было введено им в заблуждение. Не отрицая возможности некоторого влияния указанных обстоятельств на медленный темп развития военных действий русских войск в 1632 г., следует в первую очередь учесть влияние татарского вторжения. По крайней мере до начала сентября московское правительство не могло быть уверенным в исходе татарского набега. Укажем, что в 1633 г. в Москве допускали возможность прорыва татар через р. Оку к самой столице и готовились к нему. Если уже искать объяснения задержки развития военных действий русских войск в 1632 г., то, нам кажется, в первую очередь следует учесть разрыв мира Москвы с Крымом и вторжение татар.[111]

Поход татар на Русь в 1633 г. под предводительством сына царя Джанибек Гирея царевича Мубарек Гирея изображается в наших документах, как «большая война». Первый этап ее образует вторжение значительных татарских сил в конце апреля и первых числах мая. 25 апреля имело место столкновение с татарами в Ливенском уезде под Серболовым лесом. 27 и 29 апреля ратные люди, посланные из Мценска и Черни, имели несколько более или менее удачных столкновений с татарами в Чернском уезде. Взятые при этом «языки» показали, что пришло в Русь малых ногаев 3400 человек с тремя мурзами. 2 мая отряд татар в 300 человек, несмотря на высылку против них из Тулы ратных людей (тульских черкас, днепровских казаков и стрельцов) достиг Малиновой засеки. В начале же мая

[109] Приказ. ст., № 60, л. 234.
[110] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 361.
[111] С. М. Соловьев, кн. II, с. 1198—1200.— О. Вайнштейн, с. 139—141.

воронежские ратные люди удачно сразились с татарами на р. Черной Калитве.[112] Несмотря на крупные силы участвовавших в этих нападениях татар, они были только разведкой, после которой наступает длительный перерыв, как это было и в предшествующем году. В большинстве своем удачные для русских ратных людей столкновения с татарами не могли предотвратить последовавшего позднее вторжения крупных татарских сил, и московское правительство не имело возможности перебросить на южный фронт сил, достаточных для предупреждения глубокого прорыва татарского войска внутрь страны.

Движение татар и их действия можно представить себе в таком виде. Татары прошли в Русь, вероятно, Изюмским шляхом и достигли Ливен 17 июля. Численность татарского войска определяли в 20—30 тыс.; шли они «со многими знамены и с вогненным боем». Перебирались татары через р. Б. Сосну в Кирпичный брод, расположившись по обеим его сторонам и выделив отряд в 500 человек для блокады Ливен. 22 июля основные татарские силы миновали Тулу. Дважды татары подходили к городу и слободам; ратные люди отразили татар от слобод и города, но попыток преградить путь татарам, по недостатку сил, сделано не было. Двинувшись мимо Тулы, татары свободно проникли через засеку и серпуховской дорогой подошли к Оке. Во время этого движения татары забрали в полон находившегося в разведке сына боярского каширенина К. Кашина, показания которого и дают нам сведения о дальнейших действиях татар. К. Кашин видел самого царевича Мубарек Гирея, который его допрашивал: «А царевич молод,— говорил К. Кашин,— лет в 18, собою дороден, уса ни бороды еще нет, в ратных людех владетелен. А промышленник де у него большой во всем аталык его. А шатров де при царевиче с 70». Толмач, через которого велся допрос, говорил Кашину, что с царевичем пришло из Крыма 16 мурз, а татар 40 тыс. человек. Но Кашин замечал по этому поводу, что по его смете и по сакме татар было не больше 20 тыс. человек. 24 июля татары подошли к Оке под Серпуховом. Часть татар с аталыком перешла Оку, воевала здесь и приступала к Серпухову. Сам царевич пошел под Каширу. Вслед за ним, вернувшись из-за Оки, под Каширу пришел с остальными татарами и аталык. Двинувшись к югу, татары еще раз пересекли засеку и подошли к Веневу. С первого стана отсюда татары отпустили под Рязань и в ряжские места и другие смежные уезды 8 тыс. человек. Крупными силами (2 тыс. человек) татары приступали 2 августа к г. Пронску: «многими людьми» «жестокими приступы»,— их было четыре,— приступали татары к городу. На тех приступах было убито посадских людей, умерло от ран и попало в полон 35 человек. Были выжжены посад и слободы, дворы (45), ряд церквей, таможня, кабацкий двор, гумна, хлеб стоячий пожжен и потравлен и потолочен, лошади и коровы «поиманы». 5 августа, подойдя к Дедилову и запретив нападения на посад и город, царевич отпустил К. Кашина в качестве парламентера к дедиловскому воеводе с предложением начать переговоры о прекращении войны. После ссылки по этому вопросу, К. Кашин был отпущен в Москву, как это обещал ему царевич, а 16 августа в Посольском приказе уже принимали татарского гонца Джумаш мурзу.[113]

Мы не имеем итоговых данных о потерях от татарской войны в 1633 г., но на основании нашего подсчета по спискам, представленным в Разряд воеводами, можем установить следующее. Наиболее пострадал Рязанский уезд, потерявший до 1350 человек полона; близки к этой цифре потери Ка-

---

[112] АМГ, т. I, № 525, 530, 573.

[113] АМГ, т. I, № 525, 530, 534—538, 573.— Владимир. ст. № 49.— Приказ. ст. № 54, № 64.— Крым. д. 1633 г., № 10, л. 1—14.

ширского уезда — 1276 человек. Потери смежных уездов таковы: Коломенский — 588 человек, Пронский — 200, Зарайский — 38. Из других уездов Серпуховский и Тарусский потеряли — 893 человека, Оболенский — 118, Калужский, Алексинский и Воротынский — 446, Московский — 18, Болховский — 40, Белевский — 12. Сюда следует еще присоединить 200—300 человек полона, взятого в Ливенском уезде. Суммируя эти данные, получаем 5600—5700 человек. Но татарская война коснулась и других уездов, о потерях которых мы не имеем сведений. К. Кашин видел в татарском стане русского полона «добре много». Число убитых было незначительно, но на этот раз татары пожгли сотни дворов и уничтожили много припасов, чего обычно они не делали.[114] Цифра потерь от набега татар в 1633 г. одна из самых высоких из известных нам от первой половины XVII в.

Одновременно с вторжением татар совершили нападение довольно крупные силы черкас, из руководителей которых документы называют полковника Яцко Острянина. 20—22 июля черкасы осадили Белгород, взяли и сожгли острог и приступали с турами, приметами и лестницами к самому городу, но были отражены. Несколько ранее те же литовские люди взяли и сожгли Валуйку.[115]

Московское правительство ожидало нападения татар в 1633 г., но не могло во время решающих операций под Смоленском произвести переброски хотя бы части вооруженных сил на южные границы государства. Оно возлагало некоторую надежду на султана, который обещал удержать татар от нападения и требовал от них сохранения мира с Московским государством. Из мероприятий военного характера можно указать лишь на организацию похода на малых ногаев, активных участников нападений на Русь. Этим походом московское правительство рассчитывало ослабить силу и длительность татарских нападений в 1633 г. Но и для этого похода правительство не могло уделить достаточного количества русских ратных людей и хотело использовать для него донских казаков, больших ногаев, горских черкас, терских ратных людей.

Обращение к донским казакам с призывом принять участие в походе против казыевцев означало отказ от проводившейся до сих пор политики на Дону. В 1630 г. правительство потребовало от казаков немедленного похода на помощь турецким пашам, стоявшим с войсками на Узе (под Очаковом). Казаки ответили решительным отказом помогать туркам: казаки де «турским Мурат-салтанам» никогда не служивали, православная вера турчанам «неприятна», и они давно хотят «крестьянскую веру попрати и разорити, а свою проклятую бусурманскую веру утвердити» и их «в свою проклятую и богоненавистную в бусурманскую веру ласкосерством и мучительством привести»; если поход турок на Польшу увенчается успехом, то вся слава достанется султану. Казаки продолжали свои морские походы. Правительство ответило на эти действия казаков репрессивными мерами. Атаман Наум Васильев и с ним 70 казаков, приехавшие в Москву с войсковыми отписками, были разосланы по городам, а их имущество было отписано. На Дон была отправлена грамота, полученная там 27 июля, от государя с опалой «без милости и без пощады», а от патриарха «с вечным запрещеньем и отлученьем» за походы на море и крымские улусы. Послам в Турцию А. Совину и М. Алфимову, прибывшим на Дон в августе того же 1630 г., был дан наказ настаивать перед казаками «жестоким обычаем», чтобы они соблюдали мир с Крымом и Турцией; если даже азовцы будут чинить задор, то и в этом случае казаки должны выполнять

---

[114] Владимир, ст. № 49, л. 109—110, 113—119, 137—140.
[115] АМГ, т. I, № 538.

указ, а разрыва с азовцами не допускать и им отмщенья не чинить; казаки должны были ради государева дела терпеть обиды от азовцев.

Известно, что эти правительственные меры вызвали среди казаков сильное возбуждение, и они ответили на них убийством воеводы Ив. Карамышева, сопровождавшего послов с отрядом ратных людей; предлогом к убийству был слух о намерении И. Карамышева казаков «казнить казнью смертною, вешать и в воду сажать и кнутьем достальных бить». Правительство не ограничилось мерами только морального воздействия. В документах следующих годов находим указания на то, что льготы и преимущества, которыми казаки пользовались с начала царствования Михаила Федоровича, были урезаны: повидимому, они были лишены права свободного торга в украинных городах, свободного туда въезда. Казаки жалуются на лишние с них поборы по городам, на заключение их в тюрьмы воеводами. Словом, положение казачества возвращалось к временам царя Бориса. Правительство не желало более иметь дела с казаками. Позднею осенью 1631 г. кн. И. Барятинскому, направленному на Дон с отрядом войска для встречи возвращавшихся из Турции Совина и Алфимова, было указано произвести прием послов без участия казаков, к ним не заезжать, с ними не говорить; если они попытаются остановить его, то «с ними битца и пройтить сильно». Напрасно казаки, видя проезжающих в судах ратных людей, встречали их ружейным салютом. Ратные люди прошли мимо. [116] Меры московского правительства достигли цели, своеволие казачества хотя бы временно было сломлено. В своей отписке в Москву казаки писали, что согласно государеву указу они «ни по один год» в поход на море не ходили.

Правительство скоро убедилось, что политика подавления казачьего самовольства не достигала цели, ибо азовцы и казыевцы продолжали свои нападения на московскую украйну, причем в 1632 г. значительно большими силами, чем раньше. В своей отписке в Москву (получена там 10 ноября 1632 г.) атаман Ив. Каторжный и все войско очень выразительно обрисовали создавшееся положение. Казаки прекратили походы, с азовцами живут в мире, лучшие свои силы послали под Смоленск, а азовцы «в мирное время, советовав с крымскими людьми и с ногайцы, поднели с собою в ваши государские украйны крымских многих людей, а сами все и до малых робят вышли в ваши государские украйны войною в Русь»... Казаки, блюдя мир и «своих крестьянских душ», не решаются нарушить соглашение и государев указ и принять против них какие-либо меры; при этом от татар достается и казакам. А татары, выйдя из войны, «не оберегаясь», проходят с ясырем «через мировые места» по 3 и по 6 человек. Казаки посылают в Азов с напоминанием, чтобы татары в Русь не ходили, а азовские люди «глумяся отказывают» и говорят, что меж султаном и московским государем дружба «паче прежних государей», в чем они меж себя «ведаются», а им, крымским и азовским людям, «заказу нет, что в Русь не ходить»; казаки должны помнить указ своего государя и его слушаться и жить с ними, татарами, в мире: «а будет де вы своево государя царя не послушеятя, с нами не помиритесь, и мы де на вас отпишем к Москве к вашему государю». Казаки испытывали особенно острое чувство озлобления к своим соседям, азовцам: «а завод и начало все зачинаятца от азовских людей», писали казаки. [117] Казачество заявляло о полной своей готовности принять участие в борьбе с татарами. В марте 1632 г. царицынский воевода кн. Л. Волконский осведомлял правительство о настроении ка-

---

[116] Турец. д. 1630 г., № 5, л. 89, 96 и др.— Турец. д. 1630 г., № 2 (Наказ Совину и Алфимову).— РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 339, 535—537.

[117] Турец. д. 1632 г., № 4, л. 105—115.

зачества: казаки сожалели о том, что вследствие государевой опалы они не смеют вступать в борьбу с азовскими татарами, что они имеют для того силы, что они могут рассчитывать на помощь в этом со стороны запорожских и яицких казаков. С другой стороны, в случае продолжения правительственных репрессий они решили Дона «без крови не покидать». [118]

Правительство не сразу решилось на изменение своей политики в отношении казачества. В первую очередь оно хотело использовать казаков в войне против Польши и осенью 1632 г. отправило на Дон грамоту с призывом итти на войну под Смоленск и прислало служилых людей для набора казаков и провода их к Смоленску. С казачьей станицы Наума Васильева с товарищами была снята опала, казаки были возвращены из ссылки, были приняты царем и патриархом Филаретом, пожалованы государевым жалованьем и поденным кормом и отправлены под Смоленск в войска боярина Шеина; сам Наум Васильев был отпущен на Дон. В отношении татар азовских, казыевских и крымских казакам разрешались ограниченные меры разведки об их намерениях и планах, «языков» добывать и перехватывать у них русский полон; никакие наступательные операции еще не разрешались. [119] Правительство, повидимому, считало опасным всякие активные меры против татар и не теряло надежды на силу и значение своего соглашения с султаном против Польши. В конце февраля 1633 г. донские казаки имели первое столкновение с Малыми ногаями на р. Быстрой на крымской стороне Дона, захватили из них 70 человек в полон; кроме того, взяли двух «языков» в ногайских улусах на ногайской стороне; двух «языков» отправили в Москву, всех остальных «порубили». На отписке воронежского воеводы об этом помечено: писать донским казакам и запорожским черкасам, находящимся на Дону, чтобы они сколько возможно мешали крымским и ногайским татарам в их походах на Русь, за что государь обещает им свою награду. [120] Получив такое поощрение, казаки предприняли более крупную операцию. Они внезапно напали на улусы казыевского мурзы Салтан-Мурата, кочевавшие по р. Ее, убили брата мурзы, взяли в полон его семью и, кроме того, до 700 человек другого полона и многих татар перебили. Правительство весьма похвалило их за этот удачный поход и повторило указ о походе на Казыев улус вместе с кн. В. Трубниным и кн. П. Волконским.

31 марта 1633 г. была решена посылка на Малых ногаев воевод кн. В. И. Туренина и кн. П. И. Волконского через Астрахань с ратными людьми из понизовых городов, астраханскими служилыми людьми, ногайскими и юртовскими татарами, терскими служилыми людьми, черкасскими мурзами и кумыцкими людьми. Поход мотивировался тем, что Малые ногаи в 1627 г. принесли в Астрахани шерть в верности, но нарушили ее и много раз после того совершали походы на московскую украйну. В феврале — марте правительство получило сведения от астраханских воевод об участии Малых ногаев в походах на Русь в 1632 г. и о захвате ими многочисленного полона, чем они сами хвалились. Ногаи ходили на Русь в 1632 г. трижды: первый раз весной в количестве 2000 человек, второй раз — 1000 человек, число ногаев в третьем походе неизвестно. Выехавшие в Астрахань из ногаев татары передавали, что казыевцам досталось на человека или на 2—3 по одному полоняннику; крымские же ногаи (мансуровы) привели будто бы по 2 человека на каждого участника похода, а было их в походе 2000 человек. Все эти данные расходятся с приведенными выше подсчетами на основании воеводских отписок, представленных в Разряд. Несомненно, что добыча считалась богатой.

---

[118] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 337—340.
[119] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 349—350.
[120] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 343—353, 379.

Кн. Канай, глава орды Больших ногаев, приглашенный к участию в походе на Малых ногаев, говорил астраханским воеводам, что ему известно, что казыевцы захватывают на Руси богатую добычу, что возбуждает зависть у татар большой орды; многие татары из улусов Больших ногаев отъезжают к Малым ногаям, потому что последние от войны на Руси богатеют, а Большие ногаи, не принимая участия в нападениях, «убожеют». Ожидает он, кн. Канай, что Большие ногаи уйдут в Казыев улус, потому что «стали бедны добре, а казыевские татаровя богати добре». Кн. Канай выразил общее настроение татар, тяготившихся своим положением за Волгой под надзором астраханских воевод, что лишало их привычного для них и одного из основных источников их существования — полона из Руси.

Первоначальный наказ, данный кн. В. Туренину и кн. П. Волконскому, имел в виду поход только на казыев улус, чтобы казыевцам «за их измену и войну» отомстить и их разорить «и тем бы разореньем и полоном до конца смирить, а будет которые азовские люди в войне в государеве земле, и тех бы людей тем своим приходом и войною из государевы земли из войны поворотити»... [121] Следовательно, предполагали, что поход на Казыев улус мог оказать воздействие и на азовцев. Сохранившийся отрывок черновика другого наказа Туренину и Волконскому расширял цель похода: воеводам в осторожной форме предписывалось произвести разведку о том, пошел ли в войну на Русь сам крымский царь, и, в таком случае, при наличии у воевод достаточных сил, им предписывалось итти на Крым. Если же в войну ушли одни мурзы, то на Крым не ходить и «ссоры не наводить». Этот наказ предусматривал также возможность похода против запорожских черкас, совершивших нападение на московскую украйну. Но воеводы могли взяться за выполнение этих расширенных задач лишь после достижения основной цели — разорения Казыевского улуса. [122]

Кн. Туренин и кн. Волконский выступили в поход из Астрахани в начале июля. 3 августа на Можарском городище к кн. Волконскому, оставшемуся после гибели кн. Туренина единственным руководителем похода, [123] присоединились ногайские, юртовские и едисанские татары, в числе 8250 человек; несколько позднее подошли ратные люди из Терка и черкасские мурзы со своими людьми. Всего с кн. Волконским участвовало в походе, кроме ногайских татар, 685 астраханских конных стрельцов, служилых людей из понизовых городов до 570 человек, ратных людей с Терка и черкас с мурзами до 350 человек, всего несколько более 9800 человек. Нападение на Казыев улус произошло 20 августа недалеко от р. Кубы на урочище Алача-Талача. Отсюда кн. Волконский двинулся между р. Кубой и Азовом к Черному морю и подвергал погрому ногайские улусы в течение 4 суток. До моря не дошли на расстояние одного дня пути. Татар побивали и забирали в полон, русский полон освобождали, имущество, которое не могли забрать с собой, предавали огню. 25 августа кейкуват Янмаметь мурза с ногаями повернули обратно. 27 августа на р. Челбаше отходившие русские войска отразили нападение малых ногаев, собравшихся для преследования. Вскоре же сюда подошли донские казаки с Ив. Каторжным в числе 500 человек (среди них 200 донских татар) и совершили нападение на ногаев Янмаметь мурзы и отняли у него освобожденный им русский полон и захватили более 2000 казыевских татар, множество лошадей и всякой животины.

---

[121] Ногайск. д. 1633 г., № 2, л. 144—184.

[122] Кабард. д. 1641 г., № 3, л. 1—9.

[123] Ногайск д. 1633 г., № 2, л. 370—375.— Кн. В. И. Туренин был «ненарошным делом» застрелен сыном боярским казанцем Г. Гурьевым во время охоты на кабанов в степи.

Кн. Волконский и Янмаметь мурза сообщали в Москву и жаловались, что казаки опоздали и не участвовали в походе и лишь ограничились отнятием у Больших ногаев полона, взятого ими в походе. Донские казаки при допросе в Москве и в своих отписках упорно твердили, что они громили казыевцев, бежавших к Дону и к Азову, которых, может быть, сам Янмаметь мурза отпустил, «норовя» им. Правительство не стало добираться до конца в разъяснении этого происшествия, к тому же от Янмаметь мурзы не последовало заявлений с новыми претензиями. Казаки не сообщали цифры освобожденного ими русского полона. Кн. Волконский привел в Астрахань освобожденных им в Казыевских улусах 878 русских полонянников. [124] Расширенный план похода на Крым и запорожских черкас не мог быть осуществлен уже по тому одному, что действия кн. Волконского сильно запоздали. Но и одно только нападение на казыев улус могло оказать некоторое действие на татарскую войну в 1633 г. В Азове ждали прихода кн. Волконского и запирались в городе. Возможно, что сведение о походе кн. Волконского не осталось без влияния на спешный выход Мубарек Гирея из войны уже в начале августа. Что касается Малых ногаев, то они получили первое напоминание о том, что положение их не столь уже неуязвимо, и вскоре же среди них обнаружилось стремление перебраться через Дон ближе к Крыму.

Поход Мубарек Гирея, охвативший огромную территорию за засечной чертой до р. Оки и отчасти за нею, оказал самое непосредственное и совершенно очевидное действие на армию Шеина под Смоленском. Известно, как откровенно литовский канцлер Радзивилл отметил эффект этого татарского нападения: «Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо». [125] Король Владислав пришел под Смоленск 25 августа, а уже 2 сентября в Разряде была получена отписка боярина Шеина о побеге из армии многих дворян и детей боярских. До самого конца 1633 г. правительство, зная решимость султана вести войну с Польшей крупными силами, упорно стремилось восстановить боеспособность армии, прекратить побеги из армии и вновь собрать разбегавшихся людей. Память из Разряда в Поместный приказ сообщает, что побеги начались еще до прихода Владислава под Смоленск. От декабря имеется прямое признание служилых людей об их уходе из армии в связи с татарскими нападениями. Правительство пошло на резкую меру, отписку поместий у детей боярских замосковных и украинных городов, бежавших из армии. Путем угроз отнятием поместий и одновременно выдачей денежного жалованья, наказанием за «огурство» и обращением к чувству долга правительство пыталось восстановить положение и собрать силы под командованием кн. Д. М. Черкасского и кн. Д. М. Пожарского. 25 декабря в Разряде было

---

[124] Ногайск. д. 1633 г., № 2, л. 2—7, 10—13, 16—20, 22—24, 144—184, 346—349, 399—401, 423—429, 458—459, 491—495.— Шевкал Ильдар отказался от участия в походе под предлогом ссоры его с салтаном Магмутом андреевским.— Турец. д. 1632 г., № 4, л. 183—190, 195—199.— Турец. д. 1632 г., № 3, л. 349—352.— Турец. д. 1632 г., № 7, л. 32.— Турец. д. 1633 г., № 5, л. 209—212.

[125] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 1200—1201.— Пясецкий в своей Хронике совсем умалчивает о татарских нападениях на Русь в годы Смоленской войны и о соглашении польского короля с Крымом, но усиленно подчеркивает старания московского правительства направить турок на Польшу и этому дипломатическому воздействию приписывает поход Абаза паши в 1633 г. (Piasecki, 393). Новейший историк Т. Корзон, приведя слова Радзивилла, добавляет, что «татарские загоны, совершенные в южных окраинах Московского государства, не повредили, однако, Шеину в его осаде Смоленска». (T. Korzon, т. II, с. 223). Чермак в работе, посвященной Смоленской войне, весь ход войны рассматривает вне всякой связи с татарским и турецким вмешательством в нее. (W. Czermak, Studia historyczne, Kraków, 1901. Здесь статья: Wojna Smoleńska z roku 1633—1634 w świetle nowych zródeł).

получено сообщение от кн. Ф. Куракина и кн. Ф. Волконского из Калуги, что дворяне и дети боярские отказываются брать жалованье и быть на службе, потому что им «государевы службы служить немочно: как они были на твоей государеве службе под Смоленском, и в то де время без них поместья их и вотчины разорили татаровя, и жен их и детей в полон без остатку поимали, и твоим де государевым жалованьем подняться нечем...» [126]

На земском соборе в начале 1634 г. нападения татар и побеги из армии в связи с ними были предметом обсуждения: правительство и на земском соборе ссылалось на татарские нападения, как на причину неудачи под Смоленском, как на непосредственную причину распада армии. В заявлении собору 29 января правительство указывало: «И польский король, видя государевых боярина и воевод и государевых ратных людей крепкое стояние и над Смоленском большую тесноту и на своих людей победу, накупил на Московское государство крымского царя и калгу и наредина». «По его ссылке и накупке» крымский царь послал в войну сына своего Мубарек Гирея, и татары «украинные городы многие повоевали и пожгли и в полон многих людей поимали. И тою татарскою войною литовский король под Смоленском государеву делу поруху учинил многую. И дворяне, и дети боярские украинных городов, видя татарскую войну, что у многих поместья и вотчины повоеваны, и матери, и жены, и дети в полон поиманы, из-под Смоленска разъехались, а остались под Смоленском с боярином и воеводою немногие люди. И литовский король, послыша, что государевы люди для той крымской войны учали разъезжаться, пришел под Смоленск с братом своим с Казимиром и с гетманом и с польскими и с литовскими людьми»... [127] Разумеется, нельзя было бы ожидать, чтобы в обращении к земскому собору правительство представило полную картину состояния армии, раскрыло бы все обстоятельства неудачного хода войны. Что касается внешнеполитической обстановки, правительство полнее обрисовало ее в грамоте султану. В части же влияния татарской войны на распад армии правительство отметило только самый основной факт побегов из армии под действием нападения татар на украйну и ее разорение.

Следует внести в данное правительством изображение дезертирства из армии одно существенное дополнение, то, о чем правительство умолчало, а именно, о совпадении побегов из армии под действием татарских вторжений с движением «вольницы», получившим ярко выраженную социальную окраску. Движение это с осени 1632 г. до весны 1633 г. было связано с именем Балаша и никакого отношения к татарским нападениям не имело. К весне 1633 г. правительству удалось справиться с движением: большая часть людей из состава отряда Балаша вернулась в армию и лишь часть, меньшая, ушла на Дон. Сам Балаш был захвачен. С новой силой движение возродилось с осени 1633 г., т. е. одновременно с началом побегов служилых людей из армии Шеина; ядром новых скоплений служилых людей, уходивших из-под Смоленска, были казачьи отряды «Балашева сбору». Во главе их стояли донские и яицкие казаки с атаманами Анисимом Чертопрудом, И. Теслевым и др. Попытки правительства овладеть массой покинувших ряды войска детей боярских, солдат, стрельцов, казаков (городовых) на этот раз успеха не имели. Масса вольницы быстро росла. К декабрю 1633 г. под знаменами А. Чертопруда было до 3000 человек. К началу июня 1634 г. численность вольницы возросла до 8000 человек. В составе вольницы было много крестьян и холопов. В уездах, где сосредоточились отряды вольницы (Козельский, Воротынский, Белевский и др.) начались выступления против помещиков и вотчинников. Одновременно

[126] АМГ, т. I, № 543, 560, 598.
[127] СГГ и Д, т. III, № 99.

с началом переговоров о мире отряды вольницы двинулись на восток. Небольшая часть их (до 700 человек) была задержана и окружена правительственными войсками; входившие в состав этого отряда вольницы люди были распущены по местам своего жительства. Основная масса вольницы (до 6000 человек) под предводительством казачьих атаманов двинулась от Алексина к «полю». С казаками ушла на Дон приблизительно половина (до 3000 человек). Остальные, несмотря на противодействие казаков, разошлись по украинным городам, служилыми людьми которых они были. [128] Это движение вольницы, заключающее в себе много интересных черт, затронуто нами только по его связи с распадом армии под действием татарских нападений. Несомненно, в составе собравшихся под знаменами казачьих атаманов людей было много служилых людей украинных городов, пострадавших от татар.

Изучая московско-татарские отношения, мы отнюдь не утверждаем, что татарские нападения в годы Смоленской войны были единственной причиной неудачного исхода войны. Только всестороннее исследование войны может дать исчерпывающий ответ на вопрос о причинах неудачи. Само правительство, как указано выше, не считало татарского вмешательства единственной причиной. Вступление султана Мурада IV в войну как будто создавало благоприятные условия для продолжения войны, но московское правительство утверждало, что помощь запоздала. Ведение войны против Польши, по толкованию московского правительства, без союзников повело к истощению финансов и распаду армии, что было уже невозможно исправить. [129]

С 1635—1636 гг. московское правительство приступило к крупнейшим оборонительным работам на южной границе. Этот решительный поворот к усилению обороны юга является убедительнейшим показателем того, насколько серьезное значение правительство придавало татарской опасности. Правительство должно было признать ошибочность предшествующей политики по отношению к татарам, основанной только на дипломатических расчетах. Вне всякого сомнения, оборонительные работы на юге находятся в непосредственной связи с неудовлетворительным исходом Смоленской войны. К тому же в положении ногайских орд одновременно произошло весьма серьезное изменение, неблагоприятное для Московского государства; усиление обороны против татар стало делом, не допускающим дальнейшей отсрочки.

———— ∞ ————

[128] Данные о движении вольницы находятся в Приказ. ст., № 2, л. 1—19.— АМГ, т. I, № 584, 591, 608, 621, 655, 668, 676, 678.

[129] Могла повлиять смерть Филарета — 1 октября 1633 г. См. у П. П. Смирнова.— Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г., Ташкент, 1929, с. 7—8.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МОСКОВСКО-ТАТАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ 1634—1636 В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ БОЛЬШИХ И МАЛЫХ НОГАЕВ В КРЫМСКОЕ ПОДДАНСТВО

Содержание: *1. Переход орды Больших ногаев на крымскую сторону Волги в начале 1634 г. в связи с нападениями на них калмыков. — 2. Очерк нападений татар на Русь в 1634, 1635 и 1636 гг. — 3. Действия донских казаков против ногайских орд Большой и Малой, переход последних за Дон в 1635—1636 гг. и вступление их в крымское подданство. — 4. Московско-крымские отношения в конце правления Джанибек Гирея (1634—1635 гг.). — 5. События в Крыму при царе Инайет Гирее (1635—1637 гг.) и московско-крымские отношения.*

< 1 >

В самом начале 1634 г. новый удар, нанесенный калмыками орде Больших ногаев, вынудил ее покинуть свои старинные кочевья и перейти на крымскую сторону Волги. Отсюда, объединив свои силы, Большие и Малые ногаи совершали на Русь набеги в течение 1634—1636 гг., причем набеги эти по численности участвовавших в них вооруженных сил и по широте территории, охваченной ими, приближались к нападениям татар под руководством крымцев в предшествующие 1632 и 1633 гг. В течение 1635—1636 гг. обе орды, Большая и Малая, несмотря на энергичное сопротивление донского казачества, пробились через Дон и объединились с крымцами территориально. Аналогичная перегруппировка татарских орд, сопровождавшаяся самыми тягостными последствиями для Московского государства, уже имела место однажды во время Ливонской войны. Теперь снова произошло то, чего более всего опасалось московское правительство и что оно всемерно старалось предупредить. Нельзя было предвидеть, не превратится ли это объединение татарских сил в прочную и длительную их консолидацию. Присоединение к Крыму крупных ногайских орд существенно меняло соотношение сил в Причерноморье и весьма осложняло задачи московского правительства по обороне южных границ государства. Не в интересах московского правительства было разглашать вызванные у него этим событием опасения, но из тех мер, которые оно приняло для восстановления положения и возвращения орды Больших ногаев к Астрахани под русское подданство, очевидно, что оно придавало серьезное значение передвижению татарских орд. Нападения ногаев были лишним доводом в пользу проведения больших оборонительных работ на южной окраине. Русское правительство при заключении перемирия с Польшей в 1634 г. должно было учитывать изменение обстановки на юге, вызванное переходом орды Больших ногаев за Волгу и Дон. В промежутке между Смоленской войной и захватом Азова донскими ка-

заками рассматриваемое событие было важнейшим в московско-татарских отношениях.

Уже во втором и третьем десятилетиях XVII в. калмыки совершили несколько коротких налетов из-за Яика на ногайские улусы, и каждый раз большие ногаи в страхе перед этой грозной для них силой, бороться с которой они не были в состоянии, откатывались за Волгу и, уходя со старых своих кочевий, каждый раз присоединялись к малым ногаям, азовцам и крымцам в их нападениях на Русь. Но до сих пор калмыки появлялись в заволжских степях лишь на короткий срок и быстро исчезали за Яиком и Эмбой.[1] Ногаи, оправившись от испуга, а также под давлением московского правительства, снова возвращались на старые кочевья. В 30-х годах калмыки продвинулись до самой Волги и окончательно вытеснили орду больших ногаев, за исключением небольших улусов, из заволжских степей.

В самом конце 1630 г. (27 декабря) калмыки улусов тайши Урлюка, вместе с главой алтаульских татар, мурзой Салтанаем, взявшимся быть их «вожем», неожиданно напали на ногайские улусы Кара-Кельмаметя Урмаметева, его сына и братьев, на улусы едисанских татар и, погромив их, быстро скрылись. Небольшой отряд астраханских стрельцов с головой Ив. Болтиным почти без поддержки ногаев преследовал калмыков, настиг их на урочище Саразмане (в 2 днях от Астрахани) и отнял у них часть ногайского полона и скота. Однако этот успех не мог исправить положения. Улусы Кара-Кельмаметя потеряли 1000 человек убитыми, а у его братьев, Алея и Шейдяка, калмыки захватили половину улусов. Кн. Канай исчислял потери своих улусов в 400 человек убитыми, кроме потери огромного количества лошадей (21 тыс.) и другой животины. Признаваясь, что калмыки им «страшны гораздо, и против них не стаивали и биться с ними не умеют», ногаи двинулись вверх по Волге, частью перешли на ее правую сторону, частью расположились по островам (Долгому, в 10 верстах от Астрахани, Плоскому, в 30 верстах, на крымской стороне около учугов и по рыбным неводным ловлям и в Мочаках, в 5—10 верстах и в полдне от Астрахани). Переход облегчался тем, что зимой Волга не могла служить преградой. Астраханские воеводы немедленно же разослали в ногайские улусы детей боярских и конных стрельцов, чтобы вернуть ногаев обратно. Нурадын Кара-Кельмаметь мурза и кекуват Янмаметь мурза приезжали в Астрахань и доказывали невозможность возвращения в зимних условиях: «по степи укинули снеги великие и лошади у них и животина с бескормицы и сами они от морозов помирают и впредь себе от калмыцких людей чают приходу», «и им ныне в нынешнюю зимнюю пору от стужи и от снегов с тех мест, где они сидят, перейти нельзя, покаместа отеплеет». Но и в таком положении ногаи не удержались; при новых тревожных слухах о движении калмыков, татары все ушли на правую сторону Волги: улусы мурз Урмаметевых расположились в Мочаках (в 6—7 днях от Астрахани), улусы Тинмаметевых — на урочище Яшколе и Копчиклейке (в 5 днях от Астрахани). Исключение составляли юртовские и едисанские татары, жившие в непосредственной близости к Астрахани и под ее охраной. После безуспешных попыток склонить ногаев к возвращению, московское правительство вынуждено было оставить ногаев на правой стороне Волги под благовидным предлогом «для нынешней службы».[2]

Под «нынешней службой» московское правительство подразумевало по-

---

[1] См. об этом С. К. Богоявленский. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в., «Исторические записки», 1939, кн. 5.

[2] Ногайск. д. 1631 г., № 1 л. 2—3, 11, 13—14, 64—68, 70—73, 78, 81, 85—86.— Ногайск. д. 1631 г., № 2, л. 30, 32.

пытку привлечения татар в состав своей армии, собиравшейся против поляков. Посланный в 1631 г. для сбора татар в поход И. Кондырев получил фактически 500 едисан, вместо обещанных 2000, и 800 юртовских татар. Ногаи отказались совсем от участия в походе. Мурзы, получив во время этих переговоров подарки, с легкостью, но совершенно безответственно, обещали выставить большое число вооруженных людей. Когда же дело доходило до выполнения данных обещаний, кн. Канай и другие мурзы ссылались на непослушание улусных людей и перекладывали на И. Кондырева самый сбор обещанных контингентов. И. Кондырев сделал такую попытку, но посланные им для этой цели в улусы сын боярский Савин Горохов и сотник стрелецкий Борис Малыгин с сотней стрельцов скоро вернулись без всякого успеха и сообщили, что улусные люди негодовали на кн. Каная и Урусовых мурз, а некоторых из них били на смерть и говорили, что мурзы получают государево жалованье, а их посылают на службу, а они от калмыков разорены. Из всех вожаков этого протеста стрельцам удалось захватить и привести в Астрахань лишь одного мурзу Абдуллу Тыникеева Хромого (племянника кн. Каная), остальных (табунного голову Барамалея и 10 черных мужиков) татары отняли у стрельцов.[3]

В 1632 г. московское правительство возобновило попытку; в орду были присланы грамоты с требованием 20—30 тыс. вооруженных людей. Кн. Канай обещал 1000 человек, кекуват Янмаметь—1500, Урмаметевы мурзы — 1300, юртовские табунные головы — 600, всего 4400 человек. Но из этого числа двинулось в поход в начале июня всего лишь 2201 человек. На пути от Хопра к Воронежу татары начали разбегаться. «Урядясь полком», татары Урмаметевых мурз и едисаны напали на татар Иштерековых улусов, их разогнали и отняли лошадей. Продолжая путь от Воронежа, татары грабили лошадей и всякую животину по деревням, что вызывало жалобы населения; татары оправдывались тем, то они бедны и голодны. До Крапивны из татар дошло всего лишь 800 человек.[4]

Московское правительство не ошибалось в том, что уход ногаев за Волгу угрожал украинным уездам; уже при описании набегов татар в 1631 г. мы имели возможность убедиться в том,что Большие ногаи участвовали в них, а в последующие годы войны эта опасность могла стать еще более серьезной. Поэтому астраханские воеводы сделали все от них зависевшее, чтобы добиться возвращения ногаев за Волгу. Еще раз, притом в последний раз, эта операция удалась. Повидимому, главную роль в этом сыграл нурадын Кара-Кельмаметь, остававшийся со своей семьей под Астраханью. Посланный в улусы в апреле 1631 г. служилый человек застал улусы на кочевьях вдали от Астрахани и в тесном соприкосновении с Малыми ногаями. Улусы Урмаметевых кочевали по р. Куме выше Можарского городища и под Пятью горами,вместе с Малыми ногаями. Тинмаметевы, Иштерековы, Яштерековы улусы кочевали по р. Калаузу на расстоянии дня пути от Малых ногаев и также предполагали соединить свои улусы с казыевскими. Кара-Кельмаметь мурза натравил Малых ногаев на Тинмаметевых,но Тинмаметевы с другими мурзами, предупрежденные об этом, неожиданно сами напали на Кара-Кельмаметя и кочевавшие с ним вместе улусы Байтерековых мурз: нападавших было всего до 2500 человек, т. е. значительно меньше тех сил, которыми располагал Кара-Келмаметь мурза; но внезапность нападения обеспечила полный разгром улусов нурадына: сам Кара-Кельмаметь мурза был убит, многие мурзы спаслись бегством в Астрахань, улусы их

[3] Ногайск. д. 1631 г., № 1, л. 205—206.

[4] Ногайск. д. 1632 г., № 1, л. 92—99, 193—318.— Е. Сташевский, рассматривая состав московского войска под Смоленском, ни разу не отмечает присутствия в его составе татар. См. «Смоленская война 1632—1634 гг.», с. 168—169 и др.

были частью захвачены победителями, часть ушла в Астрахань, часть к Малым ногаям; «с невеликими людьми» бежал к казыевцам сын нурадына Адил мурза. Боязнь взаимных погромов при участии Малых ногаев не исчезла, и улусы осенью 1631 г. снова прикочевали к Волге и в половине октября при помощи десятков больших государевых «перевозней» и множества стругов и лодок, принадлежавших астраханцам, они были снова переброшены через Волгу.[5]

Стараясь предупредить новые нападения калмыков, мурзы самостоятельно и при посредстве астраханских воевод пытались договориться с калмыцкими тайшами. Посылка из Астрахани к тайше Урлюку для установления мира, возвращения захваченного полона и конских и животинных стад не дала результата. В 1633 г. кн. Канай просил московское правительство об организации похода на калмыков. Проект этот был выдвинут совершенно несвоевременно, так как Москва была занята войной с Польшей. Мурза Борис Янарасланов, минуя астраханских воевод, пытался добиться возвращения отнятых калмыками едисанских улусов, обещав Дайчин тайше кочевать вместе с калмыками; мурза Борис был задержан астраханскими воеводами.[6]

Около 13 апреля калмыки снова напали на улусы кн. Каная и Урусовых мурз, кочевавших на Тепкире, погромили их и частью захватили. В улусы были отправлены стрельцы, сотни дворян и детей боярских и юртовские татары. Кн. Канай явно горячился, начальникам ратных людей говорил всякие «поносные слова» и требовал немедленного преследования калмыков. Преследование началось. Движение происходило в ночное время, вожи не знали дороги, русские ратные люди «смялись» и «разрознились». Калмыков нагнали 22 апреля в степи на р. Б. Узень. Место было открытое, и ратные люди не имели возможности применить привычный способ обороны от наседавших со всех сторон калмыков, во много раз превосходивших их численностью. Калмыки подожгли камыш, ветер нес дым и пепел на ратных людей и мешал им заряжать пищали. Ногаи же не только не помогали ратным людям, но либо укрывались за них, либо съезжались с калмыками и переговаривались с ними, а иные даже стреляли в ратных людей.

Считая продолжение борьбы при таких условиях угрожающим катастрофой и бесполезной потерей людей, голова А. Шушерин вступил с калмыками в переговоры. Калмыки охотно пошли на них и заверили, что «им до государевых ратных воинских людей дела нет, и с ними биться не хотят, а приходили де войной на улусы по досаде на кн. Каная и мурз». По заключенному соглашению калмыки обязались возвратить 900 человек ногайского ясыря. После этого ногаи совсем покинули русских ратных людей, и последним пришлось отступать одним. Калмыки имели основание толковать достигнутое соглашение как свою победу. Дайчин тайша в дальнейших переговорах с ногайскими мурзами предлагал им кочевать на их старых кочевьях по Узеню и Камыш-Самаре с калмыками «заодно», обещая быть с ними в дружбе и оборонять их от всяких воинских людей.[7]

Калмыкам не удалось подчинить себе всей массы ногаев, но и московское правительство при существовавших обстоятельствах не имело сил удержать всех ногаев в повиновении. Осенью 1633 г. ногаи участвовали в

---

[5] Ногайск. д. 1631 г., № 1, л. 347, 369—384, 397—398.

[6] Ногайск. д. 1631 г., № 3, л. 18—27, 32.— Ногайск. д. 1632 г., № 1, л. 303.— Ногайск. д. 1633 г., № 1, л. 91, 93.

[7] Ногайск. д. 1633 г., № 1, л. 91—92, 98, 107—108, 112, 115—116, 122, 151 и др.— С. К. Богоявленский говорит, что Дайчин тайша представлял себе дальнейшие отношения калмыков, русских и татар в виде военного союза с обязательством взаимной помощи, с. 69.

описанном выше походе кн. П. Волконского, а калмыки в это время воевали их улусы. Московское правительство не скупилось на похвалы ногайских мурз за помощь и на обещания держать их «в царском милостивом жалованьи и призреньи» и в обороне «многими» ратными людьми. Эти обещания не могли быть выполнены и не могли предотвратить ухода ногаев за Волгу, после того как 9 января 1634 г. калмыки Дайчин тайши совершили новый погром ногайских улусов. Кн. Канай послал к Дайчин тайше своего гонца с выражением готовности кочевать вместе с калмыками, если бы этому не препятствовали заставы русских ратных людей. Это был последний толчок, который вынудил ногайские улусы, остававшиеся еще на ногайской стороне Волги за Астраханью у моря, перейти на крымскую сторону Волги. Попытки удержать их силой не удались.[8]

Готовясь откочевать от Астрахани, ногаи припоминали все обиды, которые они когда-то перенесли от астраханских воевод и других представителей московской власти. Разные лица, присылавшиеся с поручениями в улусы из Астрахани, отнимали у татар лошадей, овец, брали татарских жен «к себе на постелю», астраханские служилые люди завели на крымской стороне собственные отары, в Астрахани «засажены в заклады» многие мурзы и т. п. Воеводе кн. А. Н. Трубецкому вменяли в вину обидные для ногаев слова: «пашут де хлеб казанские татаровя, и яз де сделаю вас, мурз и черных улусных людей так же, как казанские татаровя, станете и вы хлеб пахать». Воеводы обещали мурзам полное удовлетворение по всем их претензиям: служилые люди, обвинявшиеся в злоупотреблениях, были посажены в тюрьму, был назначен сыск по всем предъявленным к ним обвинениям, выпущены из закладов мурзы, выданы ногаям их жены и дети. Но все это не достигло цели. Воеводам стало известно, как ногаи восприняли все эти меры; в ногаях говорили, что детей боярских и стрельцов «за посмех в тюрьму сажали, не от них будто они, мурзы, пошли от Астрахани», а их вынудили к отходу калмыки. «Только де мы утекли головами», говорили татары Т. Желябужскому, посланному в улусы для их призыва обратно в 1635 г.[9]

Калмыки сделались полными хозяевами заволжских степей. Калмыки Дайчин тайши настолько осмелели, что в 20-х числах января (21—24) 1635 г. совершили нападение на улусы едисан и юртовских татар, обитавших под самыми стенами Астрахани и под ее охраной. Против калмыков были посланы конные сотни детей боярских и астраханских стрельцов, но они быстро вернулись, находя невозможным вступать в бой с таким многочисленным противником (численность калмыков определялась в 10 тыс.) без пеших людей, обоза и артиллерии. Был устроен обоз из телег, запряженных верблюдами и быками, к сотням детей боярских и астраханским конным стрельцам были добавлены два приказа пеших стрельцов, дано 6 пушечек. Обоз вышел и расположился на пути, которым калмыки совершали свое нападение, и все же калмыки ратным людям (их насчитывалось всего несколько сот человек) были «не в силу». Калмыки беспрепятственно собрались из загонов с ясырем и животиной, захваченными у едисан и юртовских татар.

Для состояния орды Больших ногаев в это время характерен список мурз, задержанных в Астрахани: кн. Канай сидел «в калмыцком деле», что ссылался с калмыками, Алей мурза Урмаметев и Чубармаметь мурза Тинмаметев — «в крымской смутной грамоте, что во 141 г. (1633 г.) прислана к ним от крымского царя», Ак мурза Байтереков — хотел «государю изменить,

[8] Ногайск. д. 1633 г., № 2 (Из материалов С. К. Богоявленского).
[9] Ногайск. д. 1634 г., № 1, л. 2—3, 5.— Ногайск. д. 1634 г., № 3, л. 8, 14—15, 164—166, 172—174, 185, 189—190.

отъехать в Крым», Би мурза да Ян мурза Иштерековы — виновные в убийстве нурадына Кара-Кельмаметя, Борис мурза Янарасланов — в калмыцком деле, что ссылается с калмыками.[10] Внутренняя рознь и неустойчивость орды Больших ногаев, подвергавшихся ударам калмыков и волнуемых призывами из Крыма, отразились в проступках засаженных в Астрахани мурз. Чтобы охранить остатки удержавшихся под Астраханью едисан и юртовских татар, были приняты серьезные оборонительные меры: вокруг мест их обитания были поделаны рвы и надолобы, поставлены сторожевые башни, установлена постоянная военная охрана улусов и их стад.[11] Кроме алтаульских татар, подчинившихся калмыкам, последние захватили до 300 дворов ногаев и до 3000 едисан. Калмыки использовали их против Астрахани «на всякое дурно». Захваченные калмыками татары не думали возвращаться, потому что «им в калмыках кочевья пространные и новольные, где хотят, тут и кочуют, а под Астраханью им кочевать негде».[12] Калмыки не довольствовались достигнутым. Дайчин тайша вступил в сношения с ногаями, ушедшими за Волгу, и в 1636 г. готовил против них поход, не осуществленный лишь потому, что к тому времени ногаи перешли за Дон и стали кочевать под Крымом.[13]

< 2 >

Дадим описание татарских нападений на Русь, совершенных в 1634—1636 гг. Это описание даст нам представление о серьезности положения, создавшегося на южной окраине Московского государства в эти годы.

По обычному своему правилу, татары в 1634 г. послали на Русь, задолго до вторжения основных сил, передовые разведочные отряды. Так, в начале мая тысячное войско татар перешло Сев. Донец чрез Боровский перевоз по Калмиусскому шляху. Далее это войско разделилось на небольшие отряды; некоторые из них были замечены под Осколом и Ельцом. Затем следует очень длительный перерыв.

Главное татарское войско, численность которого определялась в 20 тыс. человек, вошло в Русь Изюмским шляхом около 17—18 июля. Уже во время движения по Изюмскому шляху татарское войско начало дробиться на части. Отделившиеся от него отряды перебирались через р. Оскол на левую его сторону и двигались далее по Калмиусскому шляху и его ответвлениям. Не исключено, что отдельные татарские отряды могли пройти на Русь и Калмиусским шляхом. Так, 18 июля был замечен отряд татар в 300 человек, переходивший р. Потудонь. Несколько позднее по той же реке у устья Боровлянки прошло 2000 татар. Быструю Сосну татары переходили в нескольких местах и, перейдя ее, разбрасывали свои отряды в разных направлениях. 21—22 июля татары (4000 человек) «лезли» р. Б. Сосну ниже р. Хвошни и прошли в Ливенский уезд. Ливенский воевода вследствие безлюдья, бедности уцелевших от предшествующих набегов служилых людей не смог предпринять против татар никаких активных мер. 25 июля татары расположились (2000 человек) на р. Вязовке недалеко от Ливен. 27 июля с ними был бой. Выше по течению Б. Сосны в Луковский брод (в 70 верстах от Ливен) перешло 5000 татар. Они продвинулись до Новосиля, где с ними произошло несколько столкновений, и далее к Черни. 22—23 июля такое же 5-тысячное татарское войско действовало в Мцен-

[10] Ногайск. д. 1635 г., № 1, л. 17.
[11] Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 69, 91.
[12] Калмыц. д. 1636 г., № 1, л. 73.
[13] Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 69.

ском и Орловском уездах. Захваченный в бою 24 июля азовский татарин показал, что та часть войска, к которой принадлежал он, состояла из 2000 азовских и казыевских татар. 22 же июля татары были под Болховом и в Болховском уезде. Бой с ними произошел у Черной Грязи, но все же татары взяли 100 человек полона; 29 июля 3000 татар приходило к Кромам, городу и слободам. Далее те же татары проникли в Комарицкую волость; 31 июля с ними был бой около Кузьминского острожка при их переправе через р. Бычки и Опчерецкое болото: татары потерпели поражение и потеряли весь захваченный ими полон; татарский «язык» показал, что всех татар здесь действовало 2000 человек.[14]

В 20-х числах июля отдельные части татар начинают выходить из войны; в Курском уезде наблюдали возвращение отрядов татар в 50—300—500 человек. Но многие еще продолжали войну, и новые отряды прибывали на Русь. 30 июля донские казаки выследили на р. Кундрючьей возвращавшихся из войны татар; отняли у них 92 полонянника, взяли 72 татар в плен, последних всех порубили, приведя в свои юрты. 2 августа татары, возвращаясь из войны, заходили в Воронежский уезд в слободу Клементьеву (Успенского монастыря), но здесь, на р. Девице, воронежские ратные люди с стрелецким головой Плакидой Тимирязевым разгромили отряд. «Языки» показали, что весь их отряд исчислялся в 2000 человек и состоял из казыевцев и азовцев во главе с азовскими агами Касаем и его братом Шакаем; под Воронеж приходила небольшая часть всех этих татар, лишь «отворотные» люди; воевали они в Мценском уезде, где взяли 100 человек полона. Этот отряд татар, очевидно, считал себя удовлетворенным добычей и уходил из войны, и лишь желание увеличить добычу на обратном пути погубило его. Другие татары из того же войска еще оставались в Мценском уезде. 10 августа у устья р. Колпы на р. Зуше в Мценском уезде в дер. Лыковой русские ратные люди нанесли поражение другому татарскому отряду и «отгромили» у него весь полон. 11 августа татары (500 человек) действовали по соседству в Новосильском уезде. 12 августа при переправе через р. Оскол валуйчане ратные люди отбили у татар, уходивших из войны, 26 полонянников. Затем в наших сведениях о действиях татарских отрядов наступает перерыв.[15]

4 сентября татары (300 человек) воевали Курский уезд по р. Рать (в 15 верстах от Курска). 6 сентября казаки настигли на р. Быстрой отряд ногайских и азовских татар в 200 человек, разбили его и взяли в плен 22 человека, которых порубили, приведя в войско. 9 сентября оскольский станичный голова Мартин Андреев с отрядом ратных людей выследил татар, расположившихся полдневать на р. Потудони, напал на них, сбил их со стана, отнял 6 полонянников и дал возможность другим полонянникам спастись бегством на Воронеж и Валуйку. Один из освобожденных полонянников, белгородец, служилый человек, сообщил, что он был взят в полон в Курском уезде татарами во главе с упомянутым выше азовцем Касаем. 12 и 15 сентября татары «изгоном» появлялись под Ряжском, захватывали людей и отгоняли стада. 18 сентября «изгоном» же татары приходили под Сапожок, но захваченные ими здесь полон и стада были у них отбиты. 18 сентября оскольские станичники (голова Ив. Прокудин) выследили продвижение на Русь 100 татар у самого устья р. Т. Сосны и 21 сентября, когда татары возвращались обратно, напали на них «на станах в обед», взяли «языков» и отняли полон. В 20-х числах сентября полонянник ли-

[14] Москов. ст. № 101, л. 21, 445, 481—484, 665, 668—669, 695—696, 698—699, 712—713, 718-720, 716, 733, 742—743, 762, 738—739, 765, 773—774.—АМГ, т. I, № 691, 695.

[15] Москов. ст., № 101, л. 740—741, 776, 783, 790.— АМГ, т. I, № 691.— Ногайск. д. 1635 г., № 2, л. 44.

венец сын боярский Е. М. Кайдаулов, придя на стан московских посланников Б. Дворянинова и А. Непейцына, показал, что ходили на Русь и воевали курские места крымский мурза Мамет-Казы с крымскими татарами и с Большими ногаями, изменившими Москве.

27 сентября 500 татар, перейдя р. Б. Сосну в Коровий брод, расположились станом в 15 верстах от г. Ливен, по р. Вязовику. 29 сентября этот отряд татар действовал уже у границ Орловского уезда, но, встретив здесь отпор, ушел в Болховской уезд. 1 октября орловский воевода Дм. Колтовской настиг этих татар, возвращавшихся «из войны» под Орловским городищем, бился с ними на р. Оке, взял в плен 20 человек и отнял 650 человек русского полона. «Язык» показал, что татар было 1000 человек казыевцев и азовцев во главе с азовцем мурзой Токта. Документы удостоверяют, что все эти действия относятся к одному и тому же отряду, хотя численность его и определялась по-разному. В ночь на 5 октября были обнаружены татарские коши в степи под Епифанью. 6 октября татары «многие люди» приходили под дер. Воротынку (Соловского уезда) и «почали» людей «имать в полон по дворам» (от Дедилова в 12 верстах). Дедиловский воевода кн. Г. Волконский пошел за татарами; их было 100—150 человек. Извоевав деревню, татары ушли через верховья р. Упы на Муравский шлях. Соединившись с пришедшими из Тулы головами М. Масловым и Ф. Бегичевым, кн. Г. Волконский преследовал татар и настиг их у верховья р. Красивой Мечи. Несмотря на более чем двойное превосходство сил, русские отряды потерпели неудачу. «Ертоул»,[16] состоявший из донских и яицких казаков и дедиловских черкас, дрогнул; документы не объясняют причин этого. Подошедшему к месту столкновения войску под командой кн. Г. Волконского пришлось выручать передовой отряд, «отымать» его у татар. Столкновение было горячим. Был ранен сам воевода, попал в полон голова Ф. Бегичев и еще 16 ратных людей, ранено 6 чел., убит холоп воеводы кн. Г. Волконского, сопровождавший его в бою.

Последний известный нам факт татарских действий в этом году относится к 22 октября. Отряд ратных людей курчан детей боярских, стрельцов и казаков под командой головы Ив. Анненкова настиг у верховья р. Рати в Курском уезде татар (500 человек), отнял 52 полонянника (орлян, курчан, осколян и ливенцев) и взял 2 «языков». Татар возглавлял мурза Казый, по одним сообщениям из Малых ногаев, по другим — крымский мурза.[17] Считаем наиболее вероятным, что этот вож татарского отряда был тем самым лицом, мурзой Мамет-Казыем, о котором записали в своем статейном списке московские посланники, находившиеся в то время в Крыму.

Мы собрали все имевшиеся в нашем распоряжении сведения о действиях татар в 1634 г. Эти сведения не являются исчерпывающими. Главный пробел заключается в отсутствии итогов татарской войны в этом году. Размеры захваченного в этом году полона должны были быть значительными; много полона было освобождено; документы называют иногда цифры освобожденного полона (более 650 человек), но во многих случаях ограничиваются простым указанием на освобождение полона, не называя цифр.

Картина татарских нападений в 1634 г. оставляет впечатление разрозненных и бессвязных действий ряда татарских отрядов. Объяснение этого заключается не в том, что наши сведения недостаточно полны. Общая

---

[16] Ертоул (или яртаул)—передовой конный отряд (или полк), двигавшийся впереди передового полка (или основных сил) с целями разведки и охранения.

[17] Белгород. ст. № 54, л. 1, 25—26, 31, 44—45, 54—55, 61—64, 67, 82—86, 88—91, 102—104, 164, 176.— Крым. д.1634 г., № 5, л. 230.

масса татарского войска не уступала его численности в предшествующие годы, когда татары вели войну под единым руководством крымского правительства. В 1634 г. такого единого руководства не было. Состав татарского войска был сборным. Основную часть составляли Малые ногаи и азовские татары, входили в него отряды крымцев и Больших ногаев. Мы не имеем никакого указания на то, что во главе этого сборного татарского войска стоял какой-либо один начальник. Напротив, документы называют ряд вожаков, стоявших во главе крупных частей войска: напр., азовцев Касайко и Ишакайко, Токту, крымского мурзу Мамет Казы. Они действовали независимо один от другого, в разное время и в разных местах московской украйны. Вот почему татарское войско стало разделяться тотчас же, как оно вошло в пределы Руси, чего мы не наблюдаем, когда нападение совершалось под единым руководством крымцев. Нападение не было сосредоточенным, а рассеянным и растянувшимся на длительный период, вопреки обыкновению крымцев, когда они вели войну в крупном размере. Не видим мы в этом году наличия основного ядра войска, центра, откуда шло бы руководство операциями. Выход татар из войны происходил не всей массой, а разрозненными отрядами. Мы видели, что русские ратные люди имели с татарами множество боевых столкновений, из которых более десятка были удачными, сопровождались разгромом татарских отрядов и отнятием у них полона.

Необходимо отметить, что основными направлениями действий татар в 1634 г. были Изюмский шлях и расположенный вблизи и связанный с ним Калмиусский. Нет никаких указаний на то, чтобы татары пользовались в этом году Муравским шляхом и задонскими путями. Наблюдение, важное для понимания последующего развития оборонительных мероприятий московского правительства. Главный район действий татар определяется из вышеизложенных данных. Перейдя р. Б. Сосну, татары направлялись главным образом налево в пределы уездов Курского, Новосильского, Мценского, Орловского и далее к северо-западу и западу в Болховской и Севский уезды; сильно разорили они Ливенский уезд, находившийся на пути их движения. Действия татар в других местах (Чернь, Ряжск, Сапожок, Епифань, Солова, Воронеж, Елец и др.) носили характер случайных появлений «изгоном». Течение р. Зуши и Курский уезд были главным местом действия татар.

Набеги татар в 1635 г. имеют свои особенности. В этом году они происходили в двух различных районах, в которых действовали татары разных улусов. Малые ногаи и азовцы нападали, как и в предшествующем году, со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов, но лишь в двух-трех случаях татары заходили здесь за линию р. Быстрой Сосны: следовательно, борьба протекала на территории самых окраинных уездов. Гораздо более значительными по своей силе были нападения татар со стороны старой Ногайской дороги на местности от Ряжска к востоку, по преимуществу, как говорили сами татары, на «мордовские места», причем действовали здесь татары из орды Больших ногаев. Крымцы в этом году, по уверению представителей крымского правительства, совсем не участвовали в набегах; если и не принимать этого заверения буквально, все же оно в общем соответствует действительности.

Действия татар со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов представляются в следующем виде. Татары стали появляться здесь с ранней весны. Уже в начале апреля белгородские жители, ходившие на Северный Донец для рыбной ловли, сообщали о сосредоточении татар (до 5000 человек) за Донцом по р. Тору. Это еще не означало, что татары готовились к нападению; сведения эти свидетельствовали лишь о наличии за Донцом значительных татарских сил, со стороны которых можно было ожидать

нападения. Действительно, в последующих выступлениях мы нигде не видим нападений таких значительных татарских сил. Наиболее часты были появления татар под Валуйкой. 26 марта со стороны Калмиусского шляха к Валуйке пришло 50 татар; с ними произошла стычка, их преследовали и бились с ними от верховий Боровой до Айдара (2 апреля) и взяли одного «языка». 20 апреля татары (40 человек) приходили под Валуйку на городские поля. 25 апреля татары (30 человек) приходили в Белгородский уезд под дер. Тюрину и с. Городище и ушли отсюда на Изюмскую сакму. 27 апреля видели на этой сакме татар (50 человек), расположившихся станом. 30 апреля видели татар у верховий р. Валуя. В самых первых числах мая, а также 7, 9 10, 13 и 14 мая небольшие группы татар приходили под Валуйку либо на городские поля, либо на расположенные поблизости на шляхах сторожи и станичников и хватали людей (по 3—4—7 человек). 8 мая татары (30 человек) были снова в Белгородском уезде под дер. Тюриной. 21 мая видели татар (100 человек) в 10 верстах от Оскола, а 23 приходили они к городу на пушкарские и стрелецкие поля. 26 мая белгородцы служилые люди и волостные крестьяне с головой Мих. Тургеневым разбили отряд татар у Сыченой горы на Изюмском шляхе и отняли у них оскольский полон, в этот же самый день захваченный татарами под Осколом. О всех этих приходах татар «изгоном», особенно под Валуйку, стало известно в Крыму посланникам Дворянинову и Непейцыну, и они заявили о том претензию; кн. Алей Сулешев категорически утверждал, что нападавшими были азовцы, а не крымские татары.

Постоянные появления и налеты татар на пограничные местности объяснялись тем, что татарские кочевья простирались на местности к северу от Донца, между Осколом и Доном по рр. Богучару, Айдару и Чиру и с этих своих кочевий татары «гоняли в разгон» в украинные города, оставляя на своих стоянках у кошей для охраны людей. Оскольский воевода К. Пущин, по указанию из Москвы, попробовал организовать нападение на такую стоянку татар. Валуйский воевода И. Байков не поддержал этого предприятия. Однако валуйский голова В. Каменев, по собственному почину, с 100 валуйчанами примкнул к походу. 7 июня ратные люди действительно отыскали на р. Калитве один из татарских кошей, разбили татар, взяли «языков» и отняли полон. Состав полона очень показателен; в нем были: 6 валуйчан, 10 осколян, 4 ельчанина, 2 ливенца, 1 воронежец, 3 белгородца. Отсюда видно, как широко вели татары свою охоту за русским полоном.[18]

Характерными чертами изображает состояние обороны, точнее, настроение служилых людей передовой крепостцы Валуйки отписка валуйского воеводы И. Байкова, относящаяся к этому времени. Воевода сообщал в Москву о неоднократных случаях неповиновения ему стрелецкого и казачьего головы В. Каменева. Служилые люди его «учинили себе воеводою». В. Каменев пишет от себя по городам «бести»; приказам воеводы не повинуется, а когда кто хочет, тот идет в поход без приказания и «город мечет пуст». «И круги, государь, у нево завсегда и слушать меня, холопа твоего, ни в чем не велит, и хочет меня, холопа твоего, убить». Такое поведение В. Каменева означало нечто большее, чем нередкое в украинных городах разногласие стрелецких и казачьих голов с воеводами. В. Каменев говорил будто бы служилым людям: «побежим де по лесам, не усидеть де нам от крымского (царя); Семен де Анненков, покинув город, побежал с служивыми людьми, и за то де ему ничево не зделали». Разряд не мог не принять дисциплинарных мер: В. Каменева было указано по торгам бить кнутом и посадить в тюрьму до указа. Непрерывные татарские набеги, видимо, деморализо-

[18] Белгород. ст., № 54, л. 281—539.

вали гарнизон Валуйки, воевода был слишком слаб, чтобы восстановить дисциплину, без вмешательства Разряда.[19]

Более глубокие прорывы татар за р. Б. Сосну мы можем отметить дважды. 2 июня татары (300 человек) приходили в Курский уезд в деревни Наплоскую и Шумакову с Изюмского шляха. В августе в Новосильском и Чернском уездах действовали еще более крупные татарские силы. 10 августа орловский воевода посылал голов Г. Рагозина с товарищами против татар. Ратные люди настигли татар на р. Зуше в Новосильском уезде и отбили 326 полоняников, захваченных татарами в Новосильском и Чернском уездах. Московские посланники видели в начале октября в Крыму в Карасу «много курского полона, а имали де тот полон во 143-м году на Оспожин день, а имали де их Меньшого ногаю татаровя». Следовательно, в августе татары действовали не только в Новосильском и Чернском уездах, но также и в Курском. Не были ли частью этих татарских сил те 1500 татар, которые 11 августа приходили под Оскол? От города и слобод здесь татары были отражены.[20] Это нападение татар на перечисленные уезды было наиболее крупным их действием в 1635 г. со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов.

Насколько возможно судить по неполным указаниям источников, более крупными силами были совершены татарами нападения на восточную часть южной окраины. Сведения наши неполны, прежде всего потому, что здесь мы выходим за пределы ведения Разрядного приказа. Сведения о движении татар из орды Больших ногаев по ногайской стороне Дона под Шацк и другие города поступали в Разряд уже в мае. Но сведения о набегах татар относятся к гораздо более позднему времени. О наличии татар в задонских пространствах по рр. Хопру и Иловле было известно от «земцев», ходивших туда на промыслы. 2 августа замечена была сакма через р. Польный Воронеж, бита на 10 стежек, а, по смете и по сакме, прошло до 200 и более татар. 3 августа в Доброе городище приходили «многие люди» и забрали немало людей, лошадей и животину. Появлялись они под Епифанью, в Михайловском уезде в с. Лужках, около Данкова, в Ряжском уезде, в Казачьей слободе, захватили в с. Турове, в том же уезде, людей и стада, в Верхоценской волости с. Татанове (от Шацка в 200 верстах), где взяли на «отхожей пашне» одного крестьянина и 5 человек мордвы и т. д.[21] Большую добычу принесло нападение на более восточные места. Московские посланники Г. Зловидов и Г. Углев узнали о приезде в Крым в начале октября от Больших и Малых ногаев сеунщиков с извещением, что они «алаторские и понизовые места повоевали»; в шатре у ближнего царева человека они говорили, что «выгнали де они русских людей, что животину, а продают де полон в Азове добрый по 5 золотых человека». Из дальнейших расспросов выяснилось, что татары захватили много «мусульманского полону» и что будто бы «ших (шейх) крымской» укорял султана за то, что он оставляет мусульман под властью неверных и что это ему «от бога не пройдет».[22]

Хорошая погода могла благоприятствовать продолжению набегов. В начале октября по городам были разосланы грамоты с предписанием не распускать со службы ратных людей, потому что «ныне по милости божией осень стоит ведрена и тепла, и морозов больших и ненастья не ожи-

---

[19] Белгород. ст. № 64, л. 436, 564.— Случай с С. Анненковым нам неизвестен.
[20] Белгород. ст. № 64, л. 510—511, 634—643, 741.
[21] Ногайск. д. 1635 г., № 2, л. 131.— Белгород. ст. № 54, л. 281—390, 436—447, 503—504, 510—570, 634—668, 740—741.— Белгород. ст. № 64, л. 28, 123, 170, 179, 235—236 и др.
[22] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 98—99, 100, 109.

дается, а прежде в такие осени бывали татарские приходы».[23] Опасения, однако, не подтвердились.

Нападения татар на Русь в 1636 г. и по направлению и месту действия сходны с 1635 г. Только произведены они были в значительно более крупных размерах. В апреле 1636 г., настаивая на увеличении поминок, ближний царев человек угрожающе говорил московским посланникам, что казыевцы, переведенные на житье в Крым, беспрестанно «просятся на Русь», а казну в том размере, как ее требует от московского правительства царь Инайет Гирей, «сымают на себя» и обещают дать вдвое больше, если только им будет дано разрешение на войну.[24]

Уже в начале января 1636 г. по Берекети (правый приток Сев. Донца) стояли татары тремя полками (2000 человек) со знаменами, украшенными хвостами; предполагалось начать набег ранней весной. 21 марта через Донец по льду близ устья р. Боровой перешло 2000 татар. Люди, ездившие в казачьи городки, гулящие люди, ходившие в степи для своего промысла, черкасы, сторожившие по сакмам, сообщали, что в начале апреля через Донец во многих местах (на Деркуле, в Глубоких, в Гребенный, в Каменный перевозы, у Калитвы, Айдара и др. местах) перешли «по последнему пути» крупные татарские силы, определявшиеся одними в 20 тыс., другими в 30 тыс. человек; это были ногаи разных улусов и азовцы. Перейдя Донец, татары расположились на кочевья по рр. Деркулу, Богучару, Глубоким и др. притокам Донца, здесь собирались и готовились к походу.[25]

В апреле же эти татарские силы пришли в движение. 18 апреля в ночь «украдом» появилось под Валуйкой 5000 татар; жители «устереглись», отразили татар, которым удалось лишь зажечь гумна. До рассвета по р. Валую прошел вверх по ее течению крупный отряд татар в 2000 человек. 19 апреля на пушкарских полях под Валуйкой расположилось еще 2000 татар; ратные люди, не вступая с ними в бой, отошли к городу «отводом». Прослеживая движение этих татарских сил далее, мы видим, как 27 апреля в Брусланов ский стан Елецкого уезда пришло два татарских полка, 5 мая 2000 татар прошло мимо Новосиля. В Ливенском уезде пахота не производилась; опасно было оставаться не только на полях, но и по селам. 7 апреля татары (100 человек) захватили в Ливенском уезде в сс. Хмелевом и Яблоновом 100 человек жителей. 8 мая, накануне Николина дня, через р. Б. Сосну в Коровий и Быстрый броды выше Ливен прошло еще 2000 татар. 10 мая в Новосильском уезде уже скопилась большая масса татар, определявшаяся в 10 тыс. человек. Отсюда они разошлись для войны в разных направлениях. В этот день против одной части татар были высланы сотни ратных людей (новосильцев, чернян и донских казаков), нанесших татарам поражение под Желябовским острожком и освободивших 128 человек новосильского и мценского полона. Татары, среди которых были и Большие ногаи, бежали через р. Б. Сосну. 10 мая в 5 верстах от Мценска в дер. Илькове потерпел поражение другой татарский отряд, причем у татар было отнято 1500 человек полона. По показаниям «языков», татар было здесь 900—1000 человек, наполовину ногаев, наполовину азовцев. Позднее за р. Калитвой было захвачено 6 татарских «языков» из числа Больших ногаев, показавших, что они принадлежали к тем татарам, азовцам и Большим ногаям, которые воевали в мценских и новосильских ме-

---

[23] Белгород. ст., № 64, л. 90—92.

[24] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 192.

[25] Белгород. ст., № 64, л. 47, 55—56, 64—65, 404—405, 339, 347—348, 425, 429, 524.

стах и там потерпели поражение. В тех же числах татары побывали и в Орловском уезде. Севернее и западнее татары не заходили.[26]

В Курский, Белгородский и Оскольский уезды заходили лишь небольшие сравнительно отряды. 5 мая отряд татар в 350 человек в Меловой (иначе — Мелевой) брод перешел р. Семь (Сейм) к ее притоку Лещину. 7 мая через р. Псел с Муравского шляха прошел в Курский уезд отряд татар в 500 человек. Один из этих отрядов был разбит белгородскими ратными людьми на Муравском шляхе у верховий р. Гостиницы, полон был отнят. «Языки» (их было 7 человек) показали, что их отряд в 200 человек (Больших ногаев и азовцев) Изюмским шляхом через р. Семь проник в Курский уезд; следовательно, поражение может быть отнесено к первому из отрядов татар. На возвратном пути их «старшины» рассорились между собой; один из них повернул в Белгородский уезд, чтобы выйти из войны Муравским шляхом, где и потерпел поражение. 2 и 3 июня курчане служилые люди нанесли двойное поражение татарам (300 азовцев) у верховий р. Ивицы, где их «сбили с табора», и на Ржавой Семице, где их добили и отняли у них 16 человек полона. 9 мая в Оскольском уезде татарами было захвачено 80 чел. полона и отогнано конское стадо.[27]

В июле ратным людям приходилось иметь дело с последними татарскими отрядами. 2 июля из Ливенского уезда был изгнан отряд татар в 30 чел. 5 июля на р. Девице оскольскими ратными людьми был разбит отряд татар в 300 чел., отнят полон и взято 59 «языков».[28]

К действию со стороны Ногайской дороги готовились такие же, а может быть, и более крупные татарские силы. Уже в марте донские казаки наблюдали и получали сведения о приготовлениях татар к походу под Шацк, Темников и Алатырь по Ногайской дороге. В мае выше Саратова и ниже Самары видели татарскую сакму — бита до-черна шире десятины, что свидетельствовало о передвижении значительных конных масс. Перейдя р. Медведицу, татары разделились: одни направились по р. Суре, другие к верховьям р. Мокши. О численности татар говорит сообщение, что перед Ильиным днем через р. Хопер прошло 10 000 татар, которых следовало ожидать под гг. Тамбовом, Козловом, Ряжском, Рязанью. Очевидно, что это была лишь часть татарских сил, скапливавшихся в задонских пространствах.[29] Судя по этим сведениям, можно было бы ожидать в этой части московской окраины «большой татарской войны». Однако, насколько можно судить по документальным данным, в течение всего лета нигде не выступают и не действуют татарские силы, хоть сколько-нибудь приближающиеся по численности к указанным выше.

Все указания документов говорят о небольших сравнительно татарских отрядах. 29 апреля недалеко от Козлова в Касимов брод «перелезли» р. Польный Воронеж 500 татар; они согнали сторожевую сотню, проломали надолобы, но, встреченные козловским воеводой с ратными людьми, бежали в степи. После Николина дня татары приходили в Верхоценскую волость в дер. Хмелевую, но на обратном пути при переправе через Дон были дважды погромлены и лишились всего полона. 14 мая прошло мимо Ратчиной поляны (Лебедянского уезда) в Ряжский уезд и под Сапожок 200 татар. Многократны были «приходы» татар из-за Дона на воронежские места. 6 мая 100 татар приходило в дер. Шилову. После Николина дня в Воронежском уезде действовало 600 татар; они забрали 16 человек

[26] Белгород. ст., № 64, л. 307, 336—337, 389, 432—433, 438—440, 460, 462, 466—467, 481, 483, 540—541, 544, 590.— Белгород. ст., № 59, л. 84 и др.

[27] Белгород. ст., № 64, л. 394—398, 407—409, 455, 513—518.

[28] Белгород. ст., № 64, л. 601, 625—626.

[29] Ногайск. д. 1635 г., № 5, л. 152—153, 157.— Белгород. ст., № 64, л. 456—457, 634.

полона и отогнали 8 животинных стад; после того 200 человек из них ушло с полоном, остальные продолжали войну. 24 мая 300 татар были отражены от дер. Клементьевой. 31 мая еще раз, не причинив вреда, татары приходили в Воронежский уезд. 8 июня от р. Битюга через р. Усмань появлялся отряд татар в 200 чел., но был отражен и ушел в степи. 15 июня также не имели успеха татары (50 человек), приходившие под с. Усмань. Наконец, 28 июня видели передвижение через р. Битюг 4000 татар, но нападений они не совершали.[30]

Нами выбраны по возможности все указания документов о действиях татар со стороны задонских степей в 1636 г., причем в них нет сообщений ни об одном сколько-нибудь крупном выступлении татар. Этого нельзя отнести на счет неполноты документов. Воеводские отписки отличаются той полезной особенностью, что воеводы разных городов считали своей обязанностью повторить описание татарского набега, хотя он и имел место далеко от его города. Крупный набег не мог бы ускользнуть от внимания московских посланников в Крыму. Вероятное объяснение, почему широко задуманный поход не состоялся, заключается в том, что татары натолкнулись на строительство новых городов: Козлова, Тамбова, Верхнего и Нижнего Ломовых, и большое количество собранных здесь ратных людей. Уже 29 апреля татары, неожиданно для себя, встретили ратных людей, строивших Козлов. 3 августа «в раннюю вечерню» отряд татар в 200—400 человек попытался пробраться через линию новых укреплений между новым земляным городком и р. Челновой, но ратные люди не пропустили татар, гоняли за ними за надолобы в степь, и лишь наступившая ночь и ожидание «больших людей» остановили преследование. Что «большие люди» действительно находились поблизости, сообщал шацкий сторожевой казак, видевший в этот день в «долу» у верховий р. Челновой 2000 татар. Крестьянин Шацкого уезда с. Шаморги Самсонка Сидоров, захваченный татарами в его вотчине на р. Булундаке и бежавший от татар в ноябре, рассказывал, что татары (их было до 200 человек) хотели итти в Верхоценские волости, но, узнав, что в верховьях р. Цны поставлен новый город Тамбов и что верхоценский лес укреплен засеками, по которым стоят сторожи, не чая пройти «безвестно», вернулись обратно. Из них 100 человек отделилось и пошло в Темниковский уезд по вотчинам и в крайние деревни, а повел их темниковский полонянник. В 1637 г. крымские мурзы и татары рассуждали о том, что новые города перехватили Ногайскую дорогу.[31] Прежде чем предпринимать нападение, татарам необходимо было узнать состояние новой оборонительной линии, узнать ее слабые места. Кроме того, в период сооружения новых городов там были собраны довольно значительные силы ратных людей, а ведь татары не имели в виду устраивать сражений.

Вот почему в течение 1636 г., несмотря на сосредоточение за Доном больших татарских сил, нападения с этой стороны не получили большого размаха, а ограничились действиями небольших отрядов и мелкой охотой за людьми. Такие столкновения с татарами и ловля ими отдельных людей продолжались в течение осени и зимы. 7 сентября тамбовские ратные люди разбили один татарский отряд и взяли из его состава 39 азовцев и Больших ногаев в плен. Когда «языков» привели в Тамбов и находившиеся в это время там дети боярские и крестьяне увидели их, то сильно «обрадовались», ибо многих из них узнали, так как они «многожды» приходили в Верхоценские волости, на ряжские и рязанские места, бывали

---

[30] Белгород. ст., № 64, л. 365, 417, 475, 494—495, 526—527, 557—558, 640.

[31] Приказ. ст. № 92, л. 54, 56, 61—62, 53.—Приказ. ст. № 103, л. 259—263.—Крым. д. 1636 г., № 11, л. 311—312.

в вожах и в промыслу, многих людей побивали и в полон брали, а люди они хотя и черные, но богатые, «а и по лошадям и по служивой рухляди знать, что они люди не худые». Пленные татары, а также «знак-уши» умерших от ран татар были посланы в Москву. 24 октября за р. Ворсклежем был разгромлен другой татарский отряд, взяты «языки», а от умерших «языков» взяты в качестве вещественного доказательства «знак-уши». [32]

Земли по рр. Хопру, Медведице, Битюгу с притоками были местами отхожих промыслов (бортных, рыбных и звериных) для жителей соседних уездов; здесь находились их вотчины, здесь устраивали они иногда свои «зимницы». Охота за этими промышленными людьми была постоянным занятием татар. Названный выше крестьянин Самсонка Сидоров рассказывал, что татары, взяв его в полон, водили его с собой под Саратов, где захватили 8 рыбаков; на верховьях Хопра и других запольных речек татары позабирали в бортных ухожаях еще 20 крестьян, русских и мордвы Шацкого и Темниковского уездов. С. Сидоров рассказывал, что татары обыкновенно скрывались под дорогами и в степях, хватали в полон, побивали и громили крестьян, которые ходили «в вотчины по рыбу и для звериной ловли» и в бортные свои ухожаи. Охоту за людьми татары соединяли с охотой за дичью и дикими кобылами. Татары иногда зимовали в этих местах. Так, зимой 1635—1636 гг., когда замерзли реки и болота, отряд татар воевал отхожие вотчины крестьян, а также деревни соседних уездов. В начале апреля донские казаки застигли на крымской стороне Дона татар Малого ногая, освободили полон, убили нескольких татар, в том числе их вожака Багильда агу, взяли «языков». Последние показали, что они ушли на Русь с осени 1635 г., зимовали там, захватывая в полон людей, ездивших за сеном и лесом. [33]

Произведенный нами обзор татарских нападений на московскую украйну в течение 1634—1636 гг., несмотря на существенный пробел в части итогов их, свидетельствует об ожесточенной борьбе, происходившей в эти годы на огромном пространстве от заоцких уездов до мордовских мест. Прибой татарских волн усилился. Ногаи Большие и Малые и азовцы объединенными силами непрестанно вторгались в пределы московской украйны, и не было никакой гарантии в том, что татары, собрав силы и имея единое руководство, не прорвут обветшавшей обороны и не окажутся вновь на р. Оке.

< 3 >

В 1635 г. московское правительство приступает к мерам коренного переустройства и усиления обороны южных границ государства. Эти меры требовали длительного времени. Помимо той борьбы, которую вели с татарами вооруженные силы украинных городов, активная роль в ней отведена была казачеству. Относительно направления этой борьбы сразу же наметилось существенное расхождение между правительством и казачеством. Правительство направляло казачество против ногаев. В 1633 г., предписывая казакам принять участие в походе кн. Туренина и кн. Волконского, правительство ставило перед ними задачу «до конца разорити и искоренити (казыевцев), чтоб им неповадно было вперед воровать и на наши украйны войною приходить, и государство наше пустошить». [34]

[32] Москов. ст. № 123, столб. 1, л. 4—7.

[33] Приказ. ст. № 103, л. 259—263, 203—204, 230—231.— Ногайск. д. 1635 г., № 5, л. 157.

[34] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 379—381.

В 1634 г., в ответ на сообщение казаков об удачном походе на казыевцев в апреле того же года, правительство хвалит казаков и обещает жаловать их за то «нескудно» и призывает их и впредь служить так же, сколько будет у них сил, чтобы их службою тем казыевским мурзам и татарам «нигде пристани не было, везде бы их разоряли». Но одновременно правительство настаивает, чтобы казаки ни в каком случае не «задирали» азовцев и кафинцев, на море бы не ходили и городам и селам султана «никоторого дурна ни чинили» и тем бы московского государя с султаном не ссорили, не причиняли бы государеву делу порухи.[35] Казаки охотно и энергично боролись с ногаями, но имели, кроме того, свой план войны с татарами. Они видели начало всего зла в азовцах и считали невозможным достигнуть решительного результата в борьбе с ногаями без захвата Азова. Служилый человек В. Струков, посетивший ногайские улусы в 1635 г., узнал, что казаки, готовясь к нападению на Азов, говорили, что, если бы не опасенье царского запрещения, они давно бы взяли Азов и тогда «крестьянские де бы крови и порабощенья унелось, и Крым де бы был под государевою рукою, а ногаи де были с нами в миру».[36] Стратегическая оценка значения Азова была правильной. Но борьба за Азов неминуемо превратилась бы в войну с Турцией, что означало бы изменение всей внешней политики Московского государства. Казачество не могло так широко взглянуть на дело и отрешиться от своих местных интересов. В 1634 г. донские казаки нанесли ногаям несколько сильнейших ударов. В марте—апреле казаки произвели нападение на улусы Малых ногаев, расположившиеся на р. Ее у взморья, улусных людей «без остатка порубили», в полон взяли до 400 молодых ясырей, захватили 6000 овец, более 5000 лошадей и 100 верблюдов.[37]

Казаки вышли из границ, которые пыталось ставить им московское правительство. В июле того же года морем они приходили под Керчь и громили татарские деревни.[38] В августе Азов был осажден запорожцами, в октябре запорожцы действовали вместе с донскими казаками, которые привезли с собой наряд. Казаки стояли под Азовом две недели, пожгли посады и из наряда выбили 12 саж. стены. Азов выручили Малые ногаи. Царская грамота от мая 1635 г. резко осуждает эти последние действия казаков, нарушающие мирные отношения государя с султаном, и возлагает вину за возможные между ними осложнения на казаков. Грамота настаивает на примирении с азовцами и соблюдении мира с султаном и Крымом. Если даже азовцы учинят им «тесноту и грубость», то казаки ради интересов «государева дела» должны все это «отставить и на себе понести». Правительство ставило перед казаками иную задачу — следить за Большими ногаями и всеми мерами препятствовать их переходу на крымскую сторону Дона, вернуть их к Астрахани; если же они не пойдут, то их «повоевати и разорити до конца». Снова грамота повторяет требование не нарушать мира с азовцами.[39]

Необходимость борьбы с ногаями казаки понимали и без указания из Москвы. Еще в сентябре 1634 г., узнав о том, что Большого ногая многие «черные мужики» собрались на большом перевозе через Дон ниже Азова, чтобы перейти на крымскую сторону реки, казаки ходили к этому перевозу стругами, порубили татар до 1500 человек, а их жен и детей до 1300 человек взяли в полон. 25 декабря казаки ходили в ногайские степи и застиг-

[35] Турец. д. 1633 г., № 5, л. 251—262.
[36] Ногайск. д. 1635 г., № 2, л. 66—67.
[37] Турец. д. 1633 г., № 4, л. 24.— Турец. д. 1633 г., № 5, л. 252—258.
[38] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 90.
[39] Ногайск. д. 1635 г., № 2, л. 236—238.— РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 456—457.

ли врасплох на Чубуре улусы Больших и Малых ногаев, более 2000 дворов, татар порубили и в полон взяли более 150 человек, почти всех их уничтожили, приведя к себе в юрты, жен и детей захватили до 800.[40] В феврале 1635 г. Большие ногаи разных улусов снова собрались на взморье на Очаковской косе с целью переправы через Дон. Снова казаки напали на них, татар взрослых истребляли, а жен и детей в числе до 935 взяли в полон. Когда казаки двигались обратно, азовцы «всем— городом» с нарядом и Малые ногаи безуспешно пытались задержать казаков и отнять у них полон.[41]

Напор казаков вызвал беспокойство в Турции. Азов был стеснен до такой степени, что начались побеги татар из Азова на Дон. Уже в декабре 1634 г. в Крыму заговорили о приготовлении турецких пашей к походу против казаков вместе с крымским царем. Действительно, в апреле следующего года кафинский паша с войском из турок, азовцев и крымцев дважды совершил нападение на казачий Монастырский остров, но оба раза неудачно. При втором нападении татары потеряли 150 человек убитыми и 31 пленными; последние все были уничтожены, потому что по обычаю казачьего войска «тем людям спуску не бывает» и на выкуп не отдают, кого захватывают на острове.[42]

Этот перечень операций донского войска не оставляет никакого сомнения в том, что они не были случайными эпизодами казачьей предприимчивости, походами за «зипунами», а были систематическими и планомерными боевыми действиями, связанными со всем ходом борьбы Московского государства с татарами. Успех действий казаков против ногаев был вне спора. Казаки наносили ногайским ордам удар за ударом; почти достигнута была поставленная московским правительством цель, чтобы ногаям «нигде пристани не было». Натиск казаков, угроза нападений калмыков, неприязненные отношения с Кабардой, наконец, внутренняя борьба между мурзами сделали положение ногайских орд на левой стороне Дона невыносимым. Отсюда их стремление перебраться на правую сторону Дона, где под опекой Крыма они мечтали найти спокойное и безопасное существование. Казаки с большой энергией старались выполнить указания московского правительства; они принимали и провожали послов через Азов, собирали сведения о приготовлении татар к набегам, старались перехватывать татар при их возвращении и отнимать захваченный ими русский полон, вели агитацию за возвращение Больших ногаев под Астрахань, бились с ними и отражали их попытки уйти на крымскую сторону Дона. Последняя и главная задача действий казаков оказалась им не под силу.

Осенью 1635 г. значительной части улусов Малых ногаев удалось, наконец, прорваться на крымскую сторону Дона. Переход был совершен спешно, «бегом», как сообщали в своей отписке в Москву казаки. Казаки пытались задержать ногаев на переправе, бились с ними на взморье, нанесли им значительный урон убитыми и взятыми в полон, но остановить перехода основной массы улусных людей не могли. Переправившись, Малые ногаи расположились на кочевьях у Молочных вод и под Перекопом, а в Крым не пошли, потому что там «животине кормиться негде».[43] Но крымских правителей это не вполне удовлетворяло. В марте следующего года нурадын Сеадет Гирей, «вышед с крымскими людьми, стоял в Перекопи полтретьи недели и привел в Крым жить тестя своего казыевского Алея князя Уракова и брата его Дивея и иных многих мурз со всеми их улусы и перевез их

[40] Ногайск. д. 1635 г.,. № 2, л. 44—45.
[41] Там же, л. 45.
[42] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 260—261, 264—265.— Ногайск. д. 1635 г., № 2, л. 47—48.
[43] Ногайск. д. 1635 г., № 5, л. 119—121.— Крым. д. 1635 г., № 6, л. 99, 108.

совсем и рассажал их по деревням врознь по пяти человек на деревню. А сказывают де, что перешло их в Крым жить всякого человека тысяч с 12. А животину многую у них разволокли. А иные де ногаи того же казыева улуса человек с 400 ушло к Кантемирю князю жить. А нурадын царевич пришел в Крым в марте ж в 25 числе».[44]

В феврале — марте 1636 г. посланный из Москвы служилый человек Ф. Алябьев и донские казаки пытались договориться с Большими ногаями об их возвращении к Астрахани на старые кочевья. Двукратный съезд казаков с ногайскими мурзами в Окупном яру для переговоров обнаружил отсутствие у ногаев серьезного намерения вернуться к Астрахани: появление калмыков за Волгой делало возвращение для них невозможным. Мурзы тянули переговоры, добиваясь выдачи своих аманатов, находившихся в Астрахани, и старались скрыть свои намерения перейти Дон «украдом». Ведя переговоры, ногаи не прекращали набегов на московскую украйну. Как раз в это время казаки, посланные для разведки в ногайские улусы, видели, как «многие ногайские люди пошли войной» под Шацк, Темников, Алатырь по ногайской степи, и потому татары задержали разведчиков-казаков у себя в улусах. Татары, вышедшие на Дон, сообщали, что после второго съезда на Окупном яру, в орде был совет, на котором было решено в Астрахань не возвращаться. После принятия этого решения многие улусные люди «перелезли» на крымскую сторону Дона и пошли войной на московскую украйну вместе с азовцами. В течение 1636 г. казаки имели ряд столкновений с татарами, возвращавшимися из войны с русским полоном.[45]

В сентябре донским казакам стало известно о новом столкновении в улусах Больших ногаев: мурзы Тинмаметевы во главе с кекуватом Янмаметем напали на мурз Урмаметевых, ограбили самих мурз, одного из них зарезали, порубили многих черных улусных людей, жен и детей и все улусы со всеми животами «к себе заворотили». Мурзы Урмаметевы бежали к Азову, а отсюда прислали двух человек для заключения мира с казаками и для переговоров о возвращении в московское подданство. Казаки потребовали выдачи аманатов и приезда самих мурз для заключения соглашения. На съезде 18 сентября мурзы Урмаметевы (Тохтакучук и др.) принесли шерть, дали заложников и обязались вернуться на кочевья под Астрахань. Казаки обещали им свою военную помощь против Тинмаметевых. 5 октября казаки в числе 1400 человек совместно с Урмаметевыми мурзами и оставшимися у них улусными людьми (2000—3000 человек) совершили нападение на улусы Тинмаметевых (Янмаметь мурзы Тинмаметева, Акимбет мурзы Аксакова и др.) недалеко от моря под Темрюком. Нападавшие многих татар порубили и захватили в полон много черных мужиков, жен и детей и животинные стада. Однако нападение не было неожиданным для Тинмаметевых и разгром их улусов не был полным. Тинмаметевы успели собрать силы и вызвать на помощь темрюцких черкас. Казаки и Урмаметевы засели в тележном городке. Тинмаметевы приступили к обозу, но взять его не могли. Улусные люди Урмаметевых изменили своим мурзам и в огромном большинстве передались на сторону Тинмаметевых. Сражение продолжалось, по сообщению казаков, четверо суток. Тинмаметевы, видя неудачи своих попыток взять обоз, пошли на соглашение с казаками, принесли также шерть в верности московскому государю, дали обязательство вернуться к Астрахани, а казаки выдали Тинмаметевым захваченный ими ясырь, удержали за собой животинные стада и решительно отказались выдать мурз Урмаметевых.[46]

---

[44] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 146.
[45] Ногайск. д. 1635 г., № 5, л. 152—156.
[46] Ногайск. д. 1636 г., № 1, л. 166—168.— РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 503—507.

Урмаметевы обратились за помощью в Крым. В октябре 1636 г. московские посланники Д. Астафьев и А. Кузовлев по пути в Крым встретили калгу Хусам Гирея, направлявшегося с сильным крымским войском (до 9000 человек) в улусы Больших ногаев, находившиеся за Доном. Калга нашел улусы больших ногаев на р. Кубе и повел их к Дону. Казаки напоминали мурзам о данной ими шерти. Тинмаметевы заверяли, что они помнят о шерти, за Дон итти не хотят и просили помощи против крымцев. У калги Тинмаметевы просили отсрочки до зимы, когда Дон станет. В назначенное время казаки явились к месту переправы у острова Пяти-Караулов и завязали бой с крымцами. Тут казаки еще раз могли убедиться в ненадежности соглашений с ногаями. Мурзы Тинмаметевы и Урмаметевы со всеми своими людьми соединились с крымцами и вступили в бой с казаками. Казаки вынуждены были, сев на суда, уходить из боя. Крымцы преследовали уходивших казаков по обеим сторонам Дона; казаки выходили на берег, чтобы освободить проезд по реке. Крымцы перешли Донец и стали у его устья, пока ногайские улусы не переберутся через Дон. Особенное усердие проявили при этой операции перевода улусов за Дон мурзы Урмаметевы; от своих аманатов, выданных ими казакам, мурзы «отступились».

Действия Хусам Гирея были коварны. Переведя ногаев через Дон, он заключил с ногайскими мурзами договор, что им жить под властью крымского царя. Урмаметевым он обещал вернуть их жен и детей, отнятых Тинмаметевыми, обещал отомстить за кровь Адил Мурзы Кара-Кельмаметева, убитого в последнем столкновении в ногаях. Одновременно же Хусам Гирей обещал Тинмаметевым не мстить им, жен и детей и улусов не отнимать и, кроме того, отпустить их обратно за Дон, если они окажут крымскому царю военную помощь (7000 человек) против Кантемира. Пока же Тинмаметевым с их улусами было разрешено кочевать меж Перекопа и Молочных вод. Здесь было «перед астраханским житьем голоднее и нужа большая», но все же это было несравненно лучше, чем участь, ожидавшая Урмаметевых с их улусами. Когда Урмаметевы осмелились напомнить о данных им обещаниях, калга приказал схватить 7 мурз Урмаметевых: Би мурзу Алеева, Касай мурзу Арасланова, Тохтакучук мурзу Кара-Кельмаметева и др., повез их с собою в Крым и засадил под стражу в городок Чуфут. Лучшие люди улусов Урмаметевых были разведены по крымским деревням «во всякую деревню по пяти человек», остальные разбрелись по кочевьям мурз Тинмаметевых или стали кормиться у крымских татар.[47]

Перевод Больших ногаев под Крым был закончен к середине ноября 1636 г. По наблюдениям астраханских «посыльщиков», ездивших в ногайские улусы для собирания вестей, в декабре на ногайской стороне Дона из Больших ногаев никого уже не оставалось. Это впечатление было несколько преувеличенным; кое-какие остатки ногайских улусов еще во время последней схватки Тинмаметевых с Урмаметевыми на левой стороне Дона ушли под Терек; на р. Кубани удержалась также часть орды Малых ногаев с кн. Касаем Исламовым.[48] Но это были лишь незначительные части обеих орд.

Степные пространства между Волгой и Доном опустели. Азов был обнажен и лишился опоры в орде Малых ногаев. Напротив, крымцы могли радоваться значительному приращению своих сил.

---

[47] Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 4—6, 15, 19—21, 33, 37—38.— Крым. д. 1636 г., № 11, л. 480—481.— РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 511—512.

[48] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 264—265.— Турец. д. 1637 г., № 1, л. 6.

В заключительный период правления Джанибек Гирея (1634—1635 гг.) крымская политика теряет всякую устойчивость и определенность. С Московским государством — ни война, ни мир, по отношению к турецкому правительству — ни лояльное выполнение его требований, ни открытый разрыв, внутри — ни продолжение союза с Кантемиром и ногайскими мурзами, ни открытая борьба с ним. Джанибек Гирей не имел сил направлять внешнюю и внутреннюю политику Крыма; к тому же ему было известно, что турецкое правительство решило вопрос о его смене и наметило ему преемника. В конце 1633 г. Джанибек Гирей поторопился возобновить мир с московским правительством, но зимнего похода на Польшу, чего требовал от него султан, не выполнил. Было одно обстоятельство, которое должно было его сдерживать: еще не был закончен расчет с польским правительством, которое прислало в Крым обещанную казну только 9 апреля 1634 г. Польские послы долго пробыли в Крыму; еще в июле они находились там. «Тесноты» им никакой не было; после приема у царя они пользовались полной свободой и получали от царя корм.[49] Разумеется, они не теряли времени, чтобы разъяснить крымскому царю положение дел и настроить его соответствующим образом. Мурад IV выступил в Адрианополь в поход против Польши в апреле, когда турецкие войска уже собирались на Дунае. Джанибек Гирей только в первых числах июля вышел на р. Альму, где обычно собирались войска перед походом. Все эти сборы в поход явно запоздали: в Крыму было уже известно о заключении перемирия между московским правительством и польским королем и о начале ссылок о перемирии султана с королем. С другой стороны, уход орды Больших ногаев из московского подданства, крупные нападения ногаев на Русь и ожесточенная борьба казаков с ногаями должны были повлиять на изменение отношения крымцев к московскому государству.

Новые московские посланники Б. Дворянинов и А. Непейцын, прибывшие в Крым в последних числах июня 1634 г., сразу же испытали на себе изменившееся настроение крымцев. Они были приняты царем 11 июля в Козлеве. Царь принял поминки за два года — 1632 и 1633, но тотчас же предъявил требование добавочных выдач, объявив присланную из Москвы роспись неверной. Удивительнее всего, что требование добавочного жалованья касалось 1632 и 1633 гг., когда татары совершали свои нападения на Московское государство. Уже 12 июля два ближних человека царя Маметша ага и Каит ага прислали к посланникам своих людей с требованием новых подарков. Посланники отказали. Присланные к ним люди на них шумели и грозили грабежом: «И вы де, посланники, безверные собаки, ограбленные станете волочиться за собак место. А дань де нам даете не на христово имя,— оберегаючи своего государства, за саблею. И ныне де пойдем вашего государства воевать с литовским королем заодно». Посланники, предполагая в этих угрозах самовольные действия татар, на следующий же день послали переводчика Шебана Есенчурина к Маметша аге с жалобой на угрозы, но убедились, что татары с точностью выполняли данное им поручение. Сам Маметша ага «лаял» переводчика матерно, а посланников называл «ворами», потому что подарки всегда без росписи давали, и ему не додали 2 сороков соболей и 2 собольих шуб, что ему прежде всегда присылалось сверх росписи: «и за такие недодачи опять быть ссоре и развратью», говорил Маметша ага, «ныне де у них ратные люди в сборе; чем де итти на литовского короля, и мы де пойдем воевать на государеву землю за то, что искони повелось; и то у всего Крыма за что отнять?» Посланники

[49] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 120.— Крым. д. 1631 г., № 9, л. 221.

пошли дальше, переводчик был принят царем, но и от царя он услышал то же самое: царь «лаял» переводчика матерно в лицо, а посланников заочно, что его ближним людям прислано подарков мало, да и ему отказали переменить 2 пары худых соболей. После этого начались вымогательства и насилия, длившиеся в течение месяца. Осложняющим обстоятельством было нападение донских казаков на местности под Керчью.

При ограблении посланников соблюдалась известная очередность. 15 июля силою взяли поминки на нурадына, цариц и ближних людей. Затем забрали «чужие дачи» и роздали их тем ближним людям, которые совсем в росписях не значились; после того перешли к удовлетворению претензий иных менее важных лиц, включая конюхов. Все эти вымогательства были произведены в Козлеве, где посланников держали взаперти и «по воду не пущали». 3 августа посланники вручили поминки калге Магмет Гирею, которые были приняты «любительно», но это не помешало дальнейшим вымогательствам и насилиям. Возможно, что все эти насилия были совершены разнуздавшимися ближними людьми калги без прямого его указания. 4 августа приехавшие от калги капычейский голова, дефтердар и капычейский кегья [50] со многими людьми силою взяли у посланников поминки калгиных цариц и других его людей, посланников лаяли и позорили, имущество их пограбили, повели под стражей в Яшлов и на ночь заперли «в овечий пригон». А. Непейцына и нескольких других лиц из посольства отвели на Салгир к капычейскому голове, заковали в колоды и в железа, мучили их с неделю, ограбили остальную запасную рухлядь и их животы.

Целью всех этих мучений и издевательств было выграбить все, что с собой привезли посланники и что они берегли на всякие дополнительные расходы. Часть казны была положена на хранение у евреев-ростовщиков, часть зарыта в землю. Задача состояла в том, чтобы обнаружить все эти скрытые части казны. Все что можно было взять прямо, то грабили. Самому Б. Дворянинову грозили «смертным убойством», грозили обрезать нос и уши. Толмача Вас. Грызлова «пытали клепам, подкладывая каменья, голову вертели, а спрашивали посланниковых животов». 6 августа допытались, наконец, пожитков, спрятанных у евреев в городке Чуфут на сбереженье: 2 шубы собольи, 2 шубы куньи, 2 шубы хребты бельи, 2 шубы черева бельи, 4 цков хребтовых бельих, 4 цков черева бельи и 2 шапки. При этом людей Б. Дворянинова пытали разными пытками, от которых они, однако, «оттерпелись». Затем всех их и евреев забрали в Бахчисарай, и здесь евреи, «убоясь и видя пытку», выдали всю положенную у них рухлядь. Произведя грабеж, ближние люди хотели, однако, чтобы посланники санкционировали раздачу. Они силой привели А. Непейцына и заставляли его присутствовать при дележе добычи и записывать. Конюший калги кн. Сулемша особенно негодовал на А. Непейцына, хотел его убить, ножом зарезать, а затем его самого и его человека Гришу заковал в колоды и железо и мучил в течение двух недель. А. Непейцына вешали вверх ногами, испортили правую ногу, спину перешибли, морили голодом два дня и требовали калге шуб лисьих, четырем царицам и другим его прибли женным и велели деньги занимать, чтоб купить шубы и удовлетворить их требования. Подьячий выдержал и отказался удовлетворить требование.

Ближние люди калги нашли иной способ добиться новых дач. Они знали, что часть посольской казны была спрятана в земле около посольского стана. 16 августа на стан приезжал конюший калги кн. Сулемша и снова

---

[50] Капычейский кегья — помощник капычейского головы, начальника капычеев (сейменов или стрельцов). Дефтердар — начальник финансовой канцелярии.

искал остатки казны; не найдя их, он захватил людей Дворянинова, арбачеев, полоняников, выкупленных посланниками, увел их на двор Курамша мурзы Сулешева и, угрожая пытками, добивался признания, где спрятана казна. Меньшой казнодар калги Кайбул ага увел двух людей Дворянинова «в бахчи к колодезю» и допытался у них, что об этом знают человек Дворянинова К. Ильин и полоняник, выкупленный посланником с каторги. К. Ильин и полоняник не выдержали пыток и выдали тайну. Рухлядь была захвачена. Пытки заключались в следующем: «назад руки завернув ломали, и ослопом били, и клепом головы вертели, закладывая кости и каменье: вы де животы посланниковы хоронили и ямы копали...» Одного из людей Дворянинова, «малого» Ив. Воронова, сам казнодар Кайбул ага «позорил блудом». Таким образом, ограбление посланников было доведено до конца (захвачены были даже посольские лошади) еще до возвращения царя, находившегося в Перекопе.

Московский амият, кн. Алей Сулешев, бессильный обуздать калгиных ближних людей, сообщил о происходившем царю. Сам он говорил: «Я де в Крыме дожил до седой бороды и того не видал и не слыхал, и преж сего в Крыме того не бывало, что посланниковых людей из животов пыткою пытать. А преж де сего за недодачи у посланников лошади имывали и животы грабливали, а пыткою не пытывали. А ныне в Крыме начальника нет, всяк большой». Кн. Алей Сулешев признал, таким образом, что насилия над посланниками вышли за пределы обычной практики. Царь прислал калге грамоту, чтобы он посланников не теснил и не грабил. Самих посланников царь известил, что он отомстит мурзам, когда вернется, что этих насилий не произошло бы, если бы он находился в Крыму. Но вернувшись из-за Перекопа в октябре, царь и не подумал выполнить обещания. В качестве заключительного эпизода всех этих насилий укажем, что 18 октября калгин тюфячей Мустафа, получив отказ в выдаче ему дачи за два года, «пограбил» у посланников лошадей, а подьячего А. Непейцына бил обухом и тылом сабли «и, поваля на землю, давил и бил пинками». После этого нечего было более грабить, и насилия прекратились.[51]

От начала октября посланники сообщают несколько неопределенные сведения о каких-то приготовлениях крымцев к походу на Кантемира. Но в октябре же, несколько позднее в Крыму был получен указ султана о приготовлении к походу весной на Кизылбаши. В начале декабря был получен от султана новый указ царю итти на донских казаков, чтобы сбить их с Дона. С начала 1635 г. мы видим царя в этом походе. В январе он был в Керчи, в феврале — марте в Темрюке, откуда он двинулся под Азов. Одновременно в поход пошел кафинский паша. Но в марте же в Крыму стало известно, что в Крым едет новый царь. Известие это застало Джанибек Гирея на Кубани в улусах Малых ногаев. В это время к Большим ногаям, ушедшим от Астрахани, приехал Т. Желябужский с сотней конных астраханских стрельцов для увещания их вернуться под Астрахань. Ногайские мурзы отказались и говорили, что только под властью крымского царя они нашли «себе правду и от царя милость». Они выдали Желябужского царю. Джанибек Гирей принял Желябужского и с пафосом говорил ему: «Видишь де ты, что ногайские мурзы и улусные люди все били челом мне в холопстве, и соединилась де бусурманских вера в одно место, а ты де видь и скажи, приехав в Астрахань, воеводам». Очевидно, царь хотел отпустить Желябужского в Астрахань. При получении известия о приезде в Крым нового царя картина резко изменилась. В страхе царь бежал с Кубани «не дорогою, болотами», а ногаи, очевидно, считая себя свободными от присяги царю,

[51] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 30, 33—35, 40, 57—67, 70—72, 79—99, 116, 120, 127, 141—144, 149—150, 161—203, 208—227, 246.— Тюфяк — род пушки. Тюфячей — начальник артиллерии.

гнались за ним, напали на него с тыла и громили его. Царь через Тамань на корабле бежал в Кафу, захватив с собой Т. Желябужского со всеми стрельцами, как свою законную добычу, в Кафе начал их распродавать и дарить разным лицам. С Желябужским осталось всего 18 человек; царь отпустил их за старостью и непригодностью. 16 апреля Джанибек Гирей отбыл из Кафы на корабле в Константинополь в сопровождении ближних людей, в том числе Маметша аги.[52]

< 5 >

На смену Джанибек Гирею прибыл в Крым царь Инайет Гирей, при нем калга Хусам Гирей и нурадын Сеадет Гирей. Новые правители Крыма были детьми Казы-Гирея. Короткое царствование Инайет Гирея (апрель 1635 г.— июнь 1637 г.) богато внутренними событиями в Крыму. Крым при Инайет Гирее официально находился в мире с Московским государством, но в мире только вынужденном. Для того чтобы понять характер этих отношений, необходимо хотя бы кратко представить себе развитие событий в Крыму.

Изложение событий царствования Инайет Гирея на основании турецких источников дано кратко у Гаммера и в более полном виде у В. Д. Смирнова.[53] Турецкое правительство, назначая в Крым Инайет Гирея, ожидало найти в нем более способного и энергичного исполнителя своих предначертаний и, прежде всего, в отношении помощи в войне против Персии. Но Инайет Гирей, говорит Смирнов, не оправдал надежд султана. В голове у него были «мятежные замыслы», вся его политика была проникнута духом «традиционного стремления к самостоятельности», и такую политику он стал осуществлять тотчас же по прибытии в Крым. «Если отбросить жестокости..., то в образе действий этого хана много было поистине геройского». Под стать царю был его брат калга Хусам Гирей, человек «нрава злого и дерзкого, горделивый и кровожадный». Следуя турецким источникам, Смирнов приписывает влиянию Хусам Гирея отказ Инайет Гирея от выполнения указа султана о походе в Персию и попытку «искоренения мансуровцев, племени Кантемира». Последовательный ход событий излагается у Смирнова в таком виде. Инайет Гирей начинает с похода на Кантемира; улусы Кантемира были разгромлены и переведены в Крым. Затем следует осада и взятие Кафы, главного опорного пункта турецкой власти в Крыму. Гибель Хусам Гирея и Сеадет Гирея отнесена к заключительному моменту ожидания прихода в Крым нового царя Бегадыр Гирея; погибли они от руки брата Кантемира Салмаши мурзы и других мурз, родственников того же Кантемира, совершивших на калгу и нурадына предательское нападение. Излагая события в такой последовательности, Смирнов не датирует их. Основной чертой всего изображения событий является ведущая роль в них самого царя Инайет Гирея и его брата Хусам Гирея; мятеж против султана — это их личное дело.

Русские источники дают не только гораздо более полное и точное изображение событий, они дают их в иной последовательности и в совершенно ином освещении. Из этих источников очевидно, что Инайет Гирей прибыл в Крым с твердым намерением выполнить свои обязанности вассала турецкого султана. Немедленно же он приступил к приготовлениям к пер-

---

[52] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 273, 275—276, 279, 285—288.— Турец. д. 1634 г., № 4, л. 338—350. Ногайск. д. 1634 г., № 3, л. 172—174, 185, 189—190.

[53] В. Д. Смирнов, с. 511—518.— Hammer, Geschichte der Chanen der Krim, Wien, 1856, S. 116—121.

сидскому походу. Действия против донских казаков, как то намечал и султан, были отложены на вторую очередь. 20 августа царь двинулся в поход, т. е. царь явился на р. Альму, обычное место сбора крымского войска. Дальнейшему движению помешала «рознь» с Кантемиром, который вовсе не считался с планом и намерениями царя. Кантемир с силами в несколько тысяч человек подошел к Перекопу и вызвал к себе своих братьев князей Гулима и Алея Мангитских, кн. Кан-Керея и других мансуровских мурз. По его призыву князья и мурзы выходили со своими людьми и готовились воевать Крым. Видимо, Инайет Гирей порывался выступить против Кантемира, имея в распоряжении собранные для персидского похода войска, но татары его «уняли»: «сколько де Кантемир князь с братьею не подурует, а в Крыме будет». Действительно, не получив помощи от Больших ногаев, на что Кантемир рассчитывал, он вернулся к себе в Белгород, а его союзники, князья и мурзы Мангитские и Мансуровы вернулись в Крым со своими улусами. 28 августа Инайет Гирей пошел в Кизылбаши. В октябре царь и калга находились «в черкасах», собирая дань людьми; следовательно, можно думать, что поход предполагался через Кавказ; здесь ждали нового указа султана о походе. Поступавшие из Персии известия были неблагоприятны: Мурад IV взял Эривань, но поход сопровождался тяжелыми потерями, голодом и мором в войсках. Вообще была молва, что поход не удался. Позднее стало известно, что персы вновь захватили Эривань, расправившись жестоко с турецким гарнизоном. В декабре царь вернулся из Бесленей. От похода на донских казаков его отговорили («уняли») татары, что итти ему не с кем. Весь этот перечень событий не обнаруживает в поведении Инайет Гирея никакой инициативы, никакой последовательности, и, тем более, никаких мятежных планов.

В самом конце 1635 г. обнаруживаются первые признаки намерения «отложиться» от султана, подтверждением чего является смена в самом начале 1636 г. ближнего человека Алгазы аги, привезенного Инайет Гиреем с собой в Крым, и назначение на его место Маметша аги, руководившего крымской политикой при царе Джанибек Гирее. Лойяльное в отношении султана поведение сменилось политикой независимости. При первом же свидании с московскими посланниками Г. Зловидовым и Г. Углевым Маметша ага предъявил им требование, чтобы царь московский посылал своих послов в Царьград через Крым, а не через Азов. Решительный разрыв произошел в связи с повторным требованием султана в начале февраля о походе в Кизылбаши и немедленной переправе войск на Анатолийскую сторону Черного моря. По приезде турецкого чауша царь, калга и нурадын съехались вместе, призывали к себе многих людей и «думали о той кизылбашской службе». Крымские ближние люди говорили царю Инайет Гирею и его братьям «со многою докукою, чтоб им в Кизылбаши не итти, потому что де им Крыму покинуть не на кого, а место украинное». Царь им отказал, что не слушать султана ему нельзя и, если они не пойдут, то он один пойдет; султан угрожает смертью ему и его братьям и назначением на их место «иных царей». После этого царь готовился к походу Кизылбаши со своими людьми, «выбрав лучших людей».

11 апреля кн. Сулешев сообщил посланникам, что в Балыклею прибыл паша с кораблями, чтобы начать перевозку ратных людей в Синоп. «Царь де было хотел итти и сам, и мурзы де ему и черные татаровя отказали, что в Кизылбаши с ним нейдут. В Крыме де им юрты свои и жен и детей на ково покинуть? Кантемир де им недруг, а с большими ногаями ничего не договоренось, и русские люди нам други ль или недруги того неведомо, а король польский тож. А турской де царь поместей и жалованья им не дает, а волочит всегда по своим службам. Хотя де тебя, царя, турской царь и возьмет, и он к нам иного пришлет или де мы меж себя сами царя или

князя выберем или, покинув юрты, пойдем на степь жить». Инайет Гирей мог убедиться теперь, как мало стоил он в глазах крымцев. Царь колебался, он пытался доказать султану свою верность и отпустил в поход нурадына с небольшим количеством войска. Но это не могло удовлетворить султана. Чауш угрожал и требовал немедленной отправки в Синоп не менее 60 тысяч войска. Инайет Гирей не нашел для себя иного выхода, как стать на сторону крымцев и отказать в повиновении султану. Посланники узнали, что царь, калга и нурадын и все крымские люди «отложились» от султана, на службу не пошли и шерти султану не дали. Нурадын из Балыклеи вернулся.

Посланники отправили в Бахчисарай переводчика, который привез оттуда подтверждение того, что было уже известно, а также новые еще более интересные подробности происшедшего «отложения»: «И князи де, и мурзы, и аги, и черные татаровя все приговорили, что царю и калге и нурадыну царевичу и им всем, князем и мурзам и агам и черным татарам, на кизылбашскую службу не итти, потому что де их турской царь всегда волочит по своим службам и теряет напрасно, а жалованья де и поместий от него нет. И на том все крымские и ногайские князи и мурзы и аги и все крымские черные люди царю и калге и нурадыну царевичем через саблю шертовали, что царю и калге и нурадыну и им всем крымским людем от турского царя отложиться и указу его не слушать и на кизылбашскую службу не итти». После этого нурадын был возвращен из похода. «А будет де турской царь пришлет на их, царево и на калгино и на нурадыново, место в Крым на перемену иных, царя, калгу и нурадына,— и им всем крымским людем, князьям, и мурзам, и агам, и черным татарам, их не выдать. А только де пошлет на них войною, и им с ними биться. А будет им против турского устоять невозможно, и они приговорили городы и дворы свои выжечь и итти на старые свои юрты». Узнав об этом, турецкий чауш бежал с кораблями из Балыклеи. Таким образом, состоялось соглашение между Крымом и Инайет Гиреем, калгой и нурадыном. Братья понимали, на какой риск они пошли. Московские посланники сообщали одну любопытную подробность, как царь и калга пытались выкрасть и увезти в Крым свои семьи, находившиеся в Турции, но их жены и дети оказались взятыми за приставов в Царьграде.[54]

Все действия крымского правительства в 1636 и 1637 гг. имеют близкое сходство с мятежными мероприятиями Магмет Гирея и Шагин Гирея. Программа оставалась все той же. Крым не мог рассчитывать на независимость, если за Турцией сохранялись ее опорные пункты в Крыму, в первую очередь Кафа; следовательно, прежде всего надо было начинать с овладения Кафой. Крыму всегда угрожал с тыла Кантемир,— надо было обезопасить себя с этой стороны и повести борьбу с ним. Нельзя было вести многосторонней войны, следовательно, надо было поддерживать мир с Москвой и с Польшей. Надо было иметь военных союзников, какими, как при Магмет Гирее, сделались и при Инайет Гирее запорожские черкасы. Особенностью положения Крыма в правление Инайет Гирея было то, что Крыму удалось объединить под своей властью улусы ногайских орд — Малой и Большой: в этом было существенное преимущество, каким не обладали Магмет Гирей и Шагин Гирей, опиравшиеся только на казыевцев.

После решительного разрыва с султаном, калга, ближние люди — Маметша ага, князья и мурзы—пошли под Кафу и ее «зговорили», «и сдалась крымскому царю и калге, и пашу выдали. И калга пришед пашу убил сам и голов спагинского и тюфячейского Джан Алея и Байрам агу, и приказных

[54] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 67—68, 99—102, 108—109, 117, 124—126, 151—152, 193, 196, 201.

чиновных многих людей велел побить, и животы их всех поймал, а кафинцев привел через саблю к шерти на том, что им стоять с Крымом против турского царя заодно и быть под крымского государя державою». В Кафе был посажен свой крымский паша, который удержался там, однако, всего лишь три недели.[55]

Крымское правительство постаралось затем обеспечить мир с польским королем, договорилось с запорожскими черкасами о военной помощи; последние взяли на себя охрану течения Днепра против Кантемира, «а по свои заслуженные гроши присылали в Крым». На борьбу с Кантемиром крымцы решились не сразу; попытались договориться с ним и привлечь его на свою сторону. К Кантемиру посланы были кн. Гулим Мангитский и стрелецкий голова. Но Кантемир не только отказался примкнуть к крымцам, но прямо объявил себя их врагом: «Я де ему (Инайет Гирею) не холоп, а холоп де я государя своего турского царя и государю своему турскому царю не изменник, а за вашу де измену будем вас сечь и Крым воевать, а жен ваших и детей в плен имать». Стало известно, что Кантемир хлопочет перед султаном о смене Инайет Гирея и назначении на его место Салад (Саламет?) Гиреевых детей или старого Джанибек Гирея царя. Сообщение это вызвало в Крыму «великое сумненье», так как ожидали скорой смены Инайет Гирея. Восстановление турецкой власти в Кафе увеличило неустойчивость положения. Инайет Гирей и Хусам Гирей, как это в свое время делал Магмет Гирей, вступили в переговоры с султаном, они во всем «заперлись», сваливая вину на чауша и крымцев, отказавшихся от похода. Посланный в Царьград кн. Алей Сулешев не был принят султаном. Визирь же высказал предположение, что султан либо сменит царя, либо, что вероятнее, пришлет в Крым пашу, потому что «цари непослушны». Аналогия с тем, что происходило при Магмет Гирее, может быть продолжена и далее. Какой-то благожелатель Инайет Гирея из правящих турецких кругов советовал ему принять меры против Кантемира: «А будет де не промыслят над Кантемиром, и их де царства в Крыме немного».

Сторонники кн. Кантемира, князья и мурзы, уже несколько раньше бежали из Крыма: кн. Алей Мангитский, Нарт мурза, Велиша мурза Дивеев и два сына кн. Гулима. Инайет Гирей и Хусам Гирей, когда ясно обнаружилась опасность со стороны Кантемира, начали с того, что «на́много» ограбили ногайских улусных людей, покинутых мурзами.[56] Царь и калга уже в январе вышли из Крыма за Перекоп, чтобы сосредоточить силы для похода против Кантемира. В походе приняли участие запорожские черкасы в числе 600 человек «из найму» (по 9000 ефимков в месяц) и с выдачей им в аманаты ногайских мурз. Ногаи, недавно приведенные в крымское подданство, вошли в состав войска. В Крыму остались лишь старые татары, неспособные сидеть на лошади. Были собраны огромные силы до 150 тыс. человек. Казалось, что Инайет Гирею удастся до конца сокрушить Кантемира и утвердить во всех причерноморских степях свое господство. Решительное столкновение с Кантемиром произошло в апреле — мае 1637 г. Кн. Кантемир, у которого, по показаниям наших источников, было не более 20 тыс. человек войска, бежал с семьей в Турцию, мурзы покинули свои семьи и улусы. Крымцы разорили эти улусы, захватили семьи и имущество, но вооруженные силы Кантемира и его союзников уцелели, потому что крымцы «мурз и табор не дошли». Для окончания операции были оставлены калга Хусам Гирей и нурадын Сеадет Гирей. Поход показал, что Кантемир не был в состоянии сопротивляться объединенным силам Крыма и ногаев, и, если поход закончился, несмотря на это, ката-

[55] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 197.
[56] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 197—203.

строфой для крымских правителей, то причиной этого была излишняя самонадеянность Инайет Гирея и калги и неуменье довести дело до конца.

Как бы признав свое поражение, кн. Петр Урусов, зять Кантемира, и Салмаша мурза, брат Кантемира, перешли на сторону крымского царя, но это была лишь хитрость с их стороны. Кантемировы мурзы кн. Алей Мангитский с детьми, Нарт мурза, сговорившись с кн. Петром Урусовым, следовали за уходившими в Крым войсками. Калга Хусам Гирей не принял никаких мер предосторожности; не доходя до Днепра, калга отпустил ногаев и запорожцев и сам остался с «невеликими людьми». Хусам Гирей, человек «гордый и упрямливый», лишь «кручинился» на тех, кто предупреждал его о возможности неожиданного пападения. У устья Днепра против турецкого города Джан Керменя во время переправы крымцев ногаи (до 1000 человек) «искрадом» на рассвете напали на них. Калга не успел сесть на коня, как ногайские мурзы начали рубить и грабить крымцев. Салмаша мурза пытался спасти калгу; обняв его, он говорил мурзам и своим племянникам,— «царских де детей не побивают; полно де и того, что опозорили, меня де срубите, а его не замайте». Но сын кн. Алея Мангитского Кутлуша проколол калгу саблею в спину, «вышла сабля в брюхо, иссекли всего», а другой Алеев сын Маметша «взрезал ему грудь и умылся его кровью». Так погиб Хусам Гирей, «гордость и жесточь которого были непомерны» и который «кручиноват был пуще Шагин Гирея царевича». По мнению Курамша мурзы Сулешева, передававшего московским посланникам все эти подробности, Хусам Гирею все равно не избежать было гибели. Брат его нурадын Сеадет Гирей успел вскочить на коня и стал защищаться, но, увидев смерть брата, сошел с коня, «пал на брата» и тут же был изрублен.[57]

После гибели калги и нурадына в Крыму началась паника, ждали вторжения ногаев. Крымцы жен и детей своих и имущество свое из всех дворов спешно вывозили в городки Мангуп и Чуфут. Сам царь Инайет Гирей отослал жен своих и ценности в Балыклею и хотел бежать за море. Но крымские князья и мурзы не считали положения безнадежным и попытались ободрить царя: «И аги, и князи, и мурзы, собрався все, били челом царю, чтоб их царь не покинул и пошел против недругов своих ногайцев, а они с ним все пойдут головами своими. И царь им отказал, итить с ними не хотел: чем де мне от нагайцов убиту быть, и вы де сами мне здесь голову отсеките». Но крымцы настаивали. «И духовный их человек Мамет афендей князей и мурз всех на том утвердил, что им против ногайцев с царем итти всем вместе и за царя и за кочевья свои и за жен и за детей помереть всем и царя нагайцом не выдавать». Договорились на том, что если султан пришлет нового царя, то Инайет Гирея проводить «честно» до корабля и новому царю его не выдать. Эти новые приготовления к борьбе вызвали побег за Перекоп кн. Гулима Мангитского со своими людьми. Но к активным действиям приступить не пришлось, потому что 3 июня в Крым прибыл вновь назначенный царем Бегадыр Гирей с братьями — калгой Ислам Гиреем и нурадыном Сафат Гиреем. Бегадыр Гирей уведомил Инайет Гирея, что против него он ничего не замышляет и что он может уходить из Крыма спокойно, потому что известно, что крымцы дали ему шерть. 4 июня упавший духом Инайет Гирей покинул Крым. Когда он явился к султану, то после жестокой отповеди, тут же по приказу султана он был удавлен. Вскоре та же участь постигла и Кантемира.[58]

Итак, русские источники дают иную последовательность событий. Они раскрывают подлинную движущую силу событий и с полной несомненностью обнаруживают, что мятежное движение против турецкой власти,

[57] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 483—485, 490—494.
[58] Hammer, т. III, с. 166.— Крым. д. 1636 г., № 11, л. 495—497, 250—252.

«отложение» Крыма от султана и борьба с Кантемиром вовсе не были плодом личной политики Инайет Гирея и Хусам Гирея, а определялись требованиями крымских феодалов. Инайет Гирей был орудием в их руках, притом орудием пассивным; ничего геройского в его поведении не было, и никаких мятежных планов он не принес с собой в Крым.

Под тем же влиянием крымских феодалов Инайет Гирей вынужден был сдерживать свои воинственные намерения в отношении Московского государства. Еще в апреле 1636 г., склоняя царя к «отложению» от султана, князья и мурзы указывали ему на необходимость блюсти мир с Московским государством и с Польшей. Но Инайет Гирей не сразу усвоил и понял эту точку зрения, со стороны крымских мурз потребовались повторные внушения. 29 июля 1636 г. царь и калга отпустили было «в войну» на московскую украйну зятя своего Араслан мурзу, ногайских мурз и казыевцев. Ближние люди вмешались в это распоряжение и указали царю и калге, что у них «с иными государствами ни с кем дружбы нет, а с великим государем недружба будет». Поход был отменен. Вот почему в 1635 и 1636 гг. Московское государство имело дело только с одними ногаями и азовцами.[59]

При таком положении дипломатические сношения с московским правительством при Инайет Гирее сводились к вопросам о «сведении» казаков с Дона, прекращении непосредственных сношений московского правительства с султаном, к спорам о титуловании московского государя и написании его имени в грамотах «золотом», как и имени крымского царя и, наконец, обычным спорам об увеличении поминок. Царь принял посланников Дворянинова и Непейцына 26 апреля 1635 г. 3 июня они были на отпуске. В промежутке посланники тщетно добивались изменения редакции грамоты, направлявшейся царем в Москву. В грамоте содержалось требование о «сведении» казаков с Дона, «запросы» об увеличении поминок. На отказ Б. Дворянинова принять грамоту в таком виде, царь сказал ему: «Али де вы худобу нашу почаяли, что мочи нашей не будет, и нас де еще с вас будет». Повышенное самочувствие царя и калги хорошо выражали их речи, переданные посланникам кн. Алеем Сулешевым: «Царь де и калга говорят, что Джанибек Гирей царь пил да ел и сидя спал, а того не видал, что в государстве у него делалось, как жгут и секут и воюют казаки в Крыму; ино де казаков не отставит, что в грамоте шертной их не писать. А они де, государи, приехали на то, что государство свое устроить». Казаков унять можно, а они со своей стороны ногаев уймут: «Хотя де крымский и ногайской татарин хотя одну курицу в Московском государстве возьмет, ино де и за то велят повесить». Требования Инайет Гирея относительно казаков отвечало интересам турецкого правительства, потому что в 1635 г. казаки не только не ослабили своего нажима на Азов и ногаев, но еще более усилили его; кроме того, в то самое время как шли переговоры, казаки совершили нападение на местность между Керчью и Кафой и, по сведениям, полученным в Крыму, отойдя за пролив в черкасские деревни, готовились к штурму Кафы. Самоуверенность, с какою Инайет Гирей обещал гарантировать Московское государство от татарских нападений, свидетельствовала о том, что он еще не представлял себе реально пределов своей власти.[60]

В условиях борьбы с турецким правительством исчезло требование «сведения» казаков с Дона, но появилось вновь занявшее центральное место в содержании дипломатических переговоров с Москвой требование о прекращении непосредственных сношений Москвы с султаном. Уже в феврале 1636 г. возвратившийся к власти Маметша ага настаивал перед

---

[59] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 232—233, 246—248.
[60] Крым. д. 1634 г., № 5, л. 370—371, 342—343, 350, 354—358.

Зловидовым и Углевым, чтобы впредь посылать из Москвы послов в Царьград через Крым, а не через Дон. Несколько позднее Маметша ага добивался вообще прекращения посылки из Москвы в Турцию послов и посланников, а если случится послать туда гонца, то направлять его через Крым. Ближние люди говорили посланникам: «мы де ведаем, для чего с турским царем ссылаетесь, что де крымскому царю не хотите казны дать, а хотите де казну давать турскому царю будто де тем делом, что крымские цари у турского государя в повеленье, чтоб де турской царь унял крымских царей и людей, чтоб они московскому государству дурна никакова не чинили. А турского де царя никак крымские цари слушать не учнут». Московский государь напрасно возлагает надежды на султана: от султана далеко, «до вас ни добро, ни худо не дойдет».[61]

Если требования «сведения» казаков и прекращения сношений с султаном менялись в зависимости от того, как менялись крымско-турецкие отношения, то требования увеличения поминок и вымогательства их оставались неизменными. Не имея возможности воевать с Московским государством и уводить из него полон, крымцы с тем большим ожесточением насиловали посланников и домогались от московского правительства увеличения поминок. В этом выражалось стремление компенсировать себя за отказ от добычи; можно сказать, что это была та же война, но только веденная в иной форме и иными средствами. На смену Дворянинова и Непейцына в Крым прибыли в июле 1635 г. посланники Г. Зловидов и Г. Углев. Они ехали, собственно, к Джанибек Гирею и везли с собой поминки за два года, 1634 и 1635. Основная часть поминок за два года выражалась в сумме 20 105 руб.; в том числе мехами и рухлядью на 10 405 руб. и деньгами на 9 700 рублей. Кроме того, по запросу Джанибек Гирея мехами и рухлядью царю было послано на 900 руб., калге на 500 руб. и нурадыну на 30 руб. «В запас» к обеим посылкам посланники получили мехами на 200 руб. и деньгами 400 рублей. Всего обе посылки стоили 22 136 рублей. Посылки эти попали в другие руки. Посланники пытались скрыть часть поминок, а «запрос» выдать лишь в половинном размере, но все напрасно, ибо калгины и нурадыновы люди «грабежем и пыткою» взяли все без остатка.[62]

По жестокости приемов вымогательства и пыток Инайет Гирей и его братья превзошли своих предшественников. Еще на пути в Крым произошел эпизод, свидетельствующий о той жадности и зависти, которые возбуждало в татарской толпе получение московских подарков. 6 июля посланники вместе с кн. Алеем Сулешевым в сопровождении 350 детей боярских и казаков и татар пошли в Крым с «размены». В тот же день татары приходили к шатру кн. Алея Сулешева с «шумом» и говорили ему с негодованием, что он и язычей [63] его Опсеметь «торгуют» царем и ими, казны разменной давали им мало, «не против прежних годов», и язычея Опсеметя иссекли так, что он дней через пять умер. После представления царю и калге поминки были взяты у них «грабежем». Поминки не удовлетворили царя и калгу. 9 июля царь Инайет Гирей прислал на стан к посланникам «в стола место» с кормом своего дворецкого имильдеша Кан-Алея, а с ним стольников, сытников, таможенных и поваренных голов 18 человек; пришел с ними и кн. Алей Сулешев. Посланники отказались принять кормы, потому что они ограблены царем и калгой и дать им против кормов нечего. Но присланные царем люди, «пометав кормы» у посланников на стану, пошли к ним в шатер и сидели там «мало не день до вечера».

---

[61] Крым. д. 1636 г., № 5, л. 117 и сл., 209, 211, 214—215.
[62] Крым. д. 1640 г., № 12, л. 52—56.
[63] Писец, подьячий.

Посланники думали было ограничиться небольшими подарками: дворецкому — две шубы хребты и черева бельи и пару соболей, а прочим всем по паре соболей. Дворецкий и люди в негодовании бросили подарки и вышли из шатра вон. Кн. Алей, уходя со стана, говорил в угрожающем тоне с посланниками, что сейчас ратные люди в сборе и что он уже советовал царю итти под Москву и там «учинит иной договор». Скоро дворецкий и его люди снова вернулись и сели опять в шатре, будто бы потому, что царь указал им без подарков не уходить. Кн. Алей Сулешев посланникам говорил, что дворецкому с товарищами сидеть в шатре хотя бы десять дней, а без подарков не уходить. Посланники вынуждены были давать им подарки «многие». Нурадын Сеадет Гирей не удовольствовался привезенными ему поминками: «то де посылывано наперед сего к маленьким детем нурадына, которые были у титки и ничего не смыслили, а я де сам собою владею». «Только бы де я не помнил брата своего Инайет Гиреева царева приказу, и яз бы де с вас посланников кожи велел снять и набить соломою, и те бы де поминки велел на ваших посланниковых кожах сжечь. Тем де вы меня бесчестите, что столько ко мне от государя поминков привезли. И яз де государю вашему шерти не дам, а пойду де и на государя вашего украйну войною сам и яз де свое возьму и вневолю». Так преувеличенными угрозами младший из трех братьев, нурадын-царевич доказывал свою зрелость. Посланники ответили на это длинными рассуждениями о том, что надо соблюдать договор и что невозможно требовать добавочных даров, не сославшись предварительно с Москвой. Ближние люди требовали выдачи «запросной» казны, о посылке которой им было известно от гонцов. Посланники отрицали ее присылку. Их отпустили, но на пути взяли подьячего Г. Углева, толмача Г. Бельского, двух кречетников и одного арбачея, привели на двор нурадына и посадили первых двух на цепь, а кречетников в ножные железа. Время от времени к ним приходили ближние люди нурадына и требовали выдачи запросной казны. Не добившись ничего, 10 сентября нурадын прислал на стан к посланникам своего казначея Магмет агу, капычейского кегью с капычеи и татарами, которые отыскали коробью с запасной казной и ее опустошили: 6 шуб куньих, 20 шуб хребтовых бельих, 9 шуб черевьих бельих, 4 цки черевьи бельи, 8 цков хребтовых бельих. Затем ближние люди нурадына взяли с собой человека Г. Зловидова А. Игнатьева, отвели его в Яшлов «в бахчу» и допытывались у него о местонахождении молодого подьячего П. Ерпылева и другого человека Г. Зловидова В. Иванова, которым было известно место хранения казны и посланниковой рухляди. А. Игнатьев отказался незнанием того, где эти люди, куда они «со страстей» скрылись. Но все же они были разысканы на стане Т. Желябужского. Подьячий П. Ерпылев и человек Г. Зловидова В. Иванов подверглись особенно жестоким пыткам: «сцець[64] и соль с пеплом и с водою в носы и в глаза и в роты им лили, и головы и ноги кляпы вертели, в уши спицами кололи, и в естественные их уды волосья конские и траву сухую забивали».

Молодой подьячий выдержал, не выдал казны и был брошен замертво. Татары сняли с него денег 8 рублей и с руки серебряный перстень. Человек же Г. Зловидова В. Иванов, «не истерпя многие пытки», указал, где были положены 100 руб., посланные Маметша аге. Кречетники и арбачеи, видя, что «пытают без милости всякими розными пытками, убоясь, разбежались все врознь». Кречетники, сидевшие в железах, вместе с подьячим Г. Углевым, роптали на него. Наконец, подьячий был отпущен. «И на утрее, как росвело», тот капычейский кегья Сефер Алей принялся пытать кречетников и переводчика. В страхе перед пытками арбачеи,

[64] Сцець — моча.

которым были даны для береженья соболи, выдали три сорока соболей. Кегья с капычеи, поощренный успехом, стали тогда хватать кречетников и арбачеев и правили с них 50 шуб беличьих, угрожая продажей за море. Арбачеи и кречетники, «не перетерпя пыток и правежу и убояся продажи и розного мученья», «закладывались у жидов и у татар себя сами и дали от себя 5 шуб хребты бельи, 16 шуб черева бельи, 17 цков хребты бельи, 11 цков черева бельи, и всего шуб и цков 50».

Когда происходили эти пытки и правеж, кречетники и арбачеи бегали по степям «без ведома», и яшловские и иных деревень татары над теми государевыми людьми чинили много всякого бесчестья, а ливенца арбачея Х. Анисимова и человека Г. Зловидова Куземку «воровали содомским блудом». Выкупая арбачеев и кречетников от долга евреям и татарам, посланники выплатили 235 золотых. 30 октября прибрел на стан посланников человек Г. Зловидова и привез с собой другого человека его С. Самойлова, который через ночь умер: калга возил их с собой за море в цепях и железах по черкасским и казыевским улусам. Под угрозой царя евреи выдали находившиеся у них на хранении соболи. В начале марта 1636 г. подьячий Г. Углев еще раз подвергся пытке в Бахчисарае. Его били по щекам, завязав руки назад и подвесив за руки к грядке, били ослопом, допытываясь казны (900 руб.) и жемчугу, пытали долго и, не допытавшись, покинули чуть живым.[65]

Гонец Инайет Гирея, приехавший в Москву вместе с Б. Дворяниновым в 1635 г., привез следующие требования о прибавках к прежним поминкам: царю (сыну его, 3 дочерям, 7 сестрам и 37 ближним людям) рухлядью на 1167 руб. 3 алт., 2 д., калге (2 царицам, 4 бикечам, 4 кумганницам, 2 валухам и 20 ближним людям) — на 1038 руб., нурадыну (матери его, бикечи, валуху и 12 ближним людям) — на 388 рублей. Всего по «запросу» на 2593 руб. 3 алт. 2 д. Кроме того, царь требовал прибавки «для обновления», т. е. по случаю воцарения. При обсуждении вопроса о том, удовлетворять ли это требование, в Посольском приказе был допрошен Б. Дворянинов. Посланник показал, что Инайет Гирей не дал при нем шерти, потому что, по словам царя, и без шерти казну из Москвы посылают. Дворянинов высказал свое мнение, чтобы казну посылали из Москвы, лишь получив предварительное согласие царя на принесение шерти, и что следует посылать казну без всякой прибавки, потому что царь пришел в Крым «скуден» и он рад взять всякую казну, какую ему пришлют.

Крымский татарин Мустафа, приехавший в Москву вместе с гонцами и за подачку пожелавший раскрыть кое-какие секреты крымской политики, показал в Посольском приказе, что нельзя ожидать нападений со стороны крымцев, потому что Инайет Гирей прислан султаном в Крым прежде всего для организации похода в Кизылбаши. Отказаться от этого похода он не посмеет, потому что в таком случае он будет сменен, как был сменен его предшественник царь Джанибек Гирей. В Посольском приказе не приняли ни одного из этих мнений и оставили почти без изменения размер поминок, как они были посланы в Крым с Зловидовым и Углевым. Состав поминок за 1636 г., посланных в Крым с посланниками Д. Астафьевым и А. Кузовлевым, был следующим: основная часть поминок оставлена в том же размере, как и за предшествующие 4 года — 10052 руб. с полтиной. Кроме того, было дано «в запас» рухлядью на 200 руб., по новой росписи прибавлено на 35 руб. 23 алт. 2 д. и на ближних людей по «запросу» на 1300 руб. Всего дополнительно к основной части было прибавлено на

[65] Крым. д. 1635 г., № 6, л. 20—21, 60—61, 80—93, 101—102, 134—144.— Цки или доски (доски),— повидимому, шкурки (без лапок и хвостов) беличьи, спинки (хребты) и брюшки (черева).

1585 руб. 23 алт. 2 д. Общий размер поминок достиг 11 638 руб. 6 алт. 4 д. Таким образом, прибавка к основной части поминок, по сравнению с посылками Зловидова и Углева, составила 570 рублей.[66] Присланная по запросу Инайет Гирея рухлядь лишь отчасти удовлетворяла его требования.

Д. Астафьев и А. Кузовлев прибыли в Крым 2 ноября и были поставлены на обычном месте в Яшлове. Был дождь и снег; на стане не было ни сарая, ни поветишка. Кн. Ибреим Сулешев вошел в положение посланников и явился ходатаем за них перед Маметша агой: «Чаю де, нигде такие нужи посланникам нет, что в Крыме», говорил кн. Ибреим; «Был де я у посланников на стану, и они де в земляных ямах около огня и дыму погреваются, а государевы люди все стоят на дворе и от ветру притулиться негде». По распоряжению Маметша аги на стан посланников были доставлены три ногайских избы (юрты). Поминки снова вызвали недовольство. Кн. Гулим Мангитский в беседе с Маметша агой говорил: «Што де царь на мере не поставит, как ему поминки имать. Всегда де с посланниками крик живет, речьми де их не переговорить. Да на них и спрашивать нечего. Коли де ему мало кажется, и он бы шел на Русь, хотя де от матери ребенка взял, и дачи б де прибыльнее было». Маметша ага согласился с этими рассуждениями, и как понимающий в деле человек заметил, что шубы привозят такие, что взглянуть не на что,— «лишь на одну правую полу посмотреть».

Нурадын Сеадет Гирей, посадив в холодный сарай и приковав цепью к грядке подьячего А. Кузовлева, вымучил у него 20 золотых. 22 декабря калга Хусам Гирей во время приема привезенных ему поминок, изобразив ужасное негодование по поводу их малых размеров, кричал на своих ближних людей: «Аль де у вас рук и ослопов нет, не умеете де от меня безверников отбить? Того де вам хочетца, чтоб я об них свои руки осквернил»? Ближние люди в ответ на такое обращение «выбили» посланников вон. В начале января, когда калга вышел в поход против Кантемира, царевы люди делали попытку ограбить стан посланников и учинить над ними насилия. Посланники и все люди разбежались и укрылись где кто мог. В начале апреля Инайет Гирей сделал еще одну попытку вырвать новую подачку и требовал от посланников отправки в Москву гонца с гарантией, что он совершит путь туда и обратно в 50 дней. Посланники отказались, говоря, что «какая честь, что за порукою гонцов присылать». Кн. Джантемир Сулешев, который должен был передать этот отказ царю, кричал на посланников и предлагал им самим заявить об отказе царю: «А то де честь, что вас здесь пытают да за бороду дерут; даете де казну бояся нас, а только де не боялися, не дали б де в честь ни одного сорока.[67] На этот раз передача поминок обошлась без тех жестокостей, какими сопровождалась передача поминок Зловидовым и Углевым. Объяснение заключается в том, что крымцы были заняты подготовкой к походу против Кантемира.

Еще в январе 1637 г. царь и калга вышли за Перекоп, где происходило сосредоточение войск для похода. Поход за Днепр был совершен в апреле—мае этого года. Вся совокупность событий предшествующих лет, переход ногайских орд с правой стороны Дона и поступление их в крымское подданство, борьба за независимость создали условия, благоприятствовавшие захвату Азова казаками. На Дону внимательно следили за всеми этими событиями. Благоприятный момент наступил тогда, когда Кантемир еще в августе 1635 г. «заворотил к себе ис Крыму меньшого ногаю, которые перешли в Крым прежде сего, половину улусов со всем кочевьем, с лошадь-

[66] Крым. д. 1640 г., № 12, л. 56—62.— Крым. д. 1636 г., № 4, л. 1—8.
[67] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 33—39, 40, 91—92, 113, 181—183, 187, 353—355.

ми и з животиною»... и когда, наконец, царь увел с собой в поход против Кантемира все остальные ногайские улусы. На Дону было «подлинно ведомо, што царь крымской с Кантемиром бьетца, и Ногай де Большой весь с царем». Азов был лишен защиты и помощи от ногаев, которые раньше не раз выручали его, когда казаки пытались осаждать его. Казаки не упустили момента. 21 апреля казаки пошли под Азов «конные и судами, все без выбору» и, после осады его в течение приблизительно восьми недель, штурмом взяли Азов.[68] Совершенно такую же оценку создавшемуся положению давало и турецкое правительство. Когда Азов пал, султан вменил Инайет Гирею в вину не только то, что он не выполнил приказа о походе в Кизылбаши, но также и то, что он, переведя ногаев в Крым, обнажил Азов и лишил его поддержки со стороны ногаев: «Он, крымской царь, ногайские улусы из под Азова переслал к себе в Крым без его султанского ведома, а донские казаки сложась с запорожскими черкасы, взяли Азов. И то де учинилось от него, крымского царя. Только бы де он ногайских улусов через Дон к себе в Крым не пересылал, и ногаи де донским казакам и запорожским черкасам Азова не выдали и помочь бы они Азову были немалые люди».[69] Соображения эти, приписываемые турецкому правительству, подтверждаются не только предшествующими примерами, когда ногаи выручали Азов, не только показаниями самих казаков, они подтверждаются тем, что во время осады Азова в 1637 г. темрюцкие черкасы пытались оказать помощь осажденному городу и что впоследствии первым действием султана было выпустить ногаев из Крыма, чтобы восстановить положение. Так сплетаются между собой перемещение ногайских орд и внутренняя борьба Крыма за независимость с наступлением казачества на ногайские орды и захватом ими Азова. Понятны гнев Мурада IV на Инайет Гирея и Кантемира и беспощадная расправа с ними.

———∞———

[68] Турец. д. 1637 г., № 1, л. 117, 301—303.— Белгород. от., № 83, л. 664.
[69] Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 132.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОСКОВСКО-ТАТАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ЗАНЯТИЯ АЗОВА ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ (1637—1642 гг.)

Содержание: *1. Позиция московского правительства в вопросе о захвате Азова донскими казаками; место этого эпизода в правительственной политике по отношению к Турции и Крыму. — 2. Московско-крымские отношения в годы занятия Азова казаками: а) общая оценка крымцами их отношений с Московским государством; б) военные планы Бегадыр Гирея и попытки их осуществления: поход Сафат Гирея на Русь в 1637 г. и прекращение дальнейших нападений, неудавшийся поход крымцев под Азов в 1638 г., в) дипломатические отношения Москвы с Крымом. — 3. Возвращение орды Больших ногаев за Дон и в московское подданство в 1639 г. — 4. Осада Азова турецко-татарской армией в 1641 г. и роль в ней татар. — 5. Новый переход орды Больших ногаев в крымское подданство во время осады Азова турками. — 6. Оборонительное строительство и передвижение населения на южной окраине Московского государства в 30-х годах: а) связь оборонительного строительства с военной обстановкой, б) движение вольного населения и приемы заселения новых городов, в) некоторые новые черты социальной правительственной политики на юге в 30-х годах.*

< 1 >

Занятие Азова донскими казаками оказало существенное влияние на развитие московско-татарских отношений; оно было весьма серьезным предупреждением для татар, заставившим их пересмотреть полностью свои отношения к Московскому государству и оборвавшим, хотя и на короткий срок, их нападения. Впрочем, при оценке значения захвата Азова нельзя брать его изолированно от других одновременных угрожающих для татар событий: строительства новой оборонительной черты на московской украйне, рассматривавшегося татарами в связи с захватом Азова, как часть единого наступательного плана на Крым, и энергичных действий запорожских казаков в эти годы против турецких владений и крымских улусов. При всем том взятие Азова остается ведущим событием в истории московско-татарских отношений, образующим новый их период. Московско-татарские отношения в годы занятия Азова казаками становятся частью более опасного для Московского государства конфликта с таким сильным противником, как Турция. Московское правительство хорошо знало и правильно оценивало хотя и потерпевшую некоторый ущерб, но все еще очень значительную силу Турции, ее крупные военные ресурсы и упорство, с каким она отстаивала свои позиции в Европе и Азии. Нельзя было сомневаться в том, что никакое турецкое правительство, а тем более правительство Мурада IV, не могло отнестись равнодушно к утрате такого важного стратегического пункта, как Азов. Известно, что вследствие очищения Азова казаками в 1642 г. конфликт

между московским и турецким правительствами не принял открытой формы, но отношения были испорчены, во взглядах турецкого правительства родилась подозрительность относительно замыслов московского правительства, что и выразилось в двуличной и скрыто-враждебной политике Турции по отношению к Москве в последующие годы. Ввиду этого необходимо представить себе позицию московского правительства в вопросе об Азове и то место, которое оно отводило ему в своей политике.

Правильность того взгляда, что московское правительство в вопросе об Азове, от момента захвата до оставления его казаками, руководилось желанием избежать конфликта с Турцией,[1] может быть подтверждена новыми данными. Как видно из изложенного выше, захват Азова не входил в намерения московского правительства. Оно отводило казачеству определенную и довольно ограниченную роль в борьбе с татарами, осуждало его покушения на Азов и до самого последнего момента не меняло своего взгляда. В грамоте от 26 февраля 1637 г., направленной войску с С. Чириковым, правительство рекомендовало казачеству старую программу действий: за поведением ногаев следить, крымским нападениям на Русь противодействовать, с азовцами мириться, с честью принять и проводить в Москву турецкого посла Ф. Кантакузина.[2] Зная хорошо позицию московского правительства, казаки не сочли нужным предупреждать его о своем плане относительно Азова. Ни атаман Иван Каторжный, находившийся в Москве с декабря 1636 г. по февраль 1637 г., ни атаман Тимофей Яковлев, приезжавший в Москву в марте — мае 1637 г., не вели с правительством никаких разговоров об Азове.[3]

Толмач Аф. Буколов, находившийся на Дону с турецким послом по пути в Москву, и С. Чириков, присланный принять посла и проводить его в Москву, были свидетелями спешного выступления войска под Азов, осады и захвата его и убийства Ф. Кантакузина. Казаки торопились использовать удобный для нападения на Азов момент, когда царь Инайет Гирей и с ним «весь Большой ногай» ушли за Днепр против Кантемира. Казакам не было даже времени принять привезенную С. Чириковым московскую посылку; они взяли у него лишь зелье и ядра, нужные им при осаде.[4] Казаки осадили Азов 21 апреля и 18 июня штурмом овладели им. После этого они послали в Москву атамана Потапа Петрова с отпиской, в которой объясняли свои действия. Казаки писали, что еще до возвращения из Москвы И. Каторжного они «меж собой учинили приговор, что однолично над азовскими людьми промышлять сколько милосердный бог помочи подаст». Ф. Кантакузин был убит ими за то, что во время осады Азова он сносился с Крымом, Темрюком и Таманью, призывал татар на выручку Азова, вследствие чего казакам пришлось отбивать на Кагальнике татар, пытавшихся сорвать осаду. 30 июля при расспросе в Посольском приказе атаман П. Петров признал, что казаки сделали все «без государева повеленья для избавы множества хрестьянского народу», что, видя «православным хрестьяном расхищенье и мученье» от татар, «терпети было им немочно».[5]

Первое впечатление от неожиданного успеха казачьего предприятия у московского правительства отнюдь не могло быть радостным, поскольку

---

[1] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 1261—1264.
[2] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 537—545.
[3] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 503—550, 559—568.
[4] Турец. д. 1635 г., № 2, л. 182—196.— Турец. д. 1637 г., № 1, л. 352—356.
[5] Турец. д. 1637 г., № 1, л. 301—303, 306—307.

оно шло вразрез с давно принятой им политикой в отношении Турции, а, напротив, внушавшим опасения новых неприятностей. Правительство не могло предвидеть заранее, в хорошую или в дурную сторону обернется захват Азова. Насколько серьезны были опасения, видно из того, что правительство несколько задержало строительство новых городов (в 1638 г. был построен лишь один новый город Короча) и форсированно произвело в течение 1638 г. большие работы по возобновлению старой засечной черты. В грамоте от 20 сентября, как раз во время начала вторжения Сафат Гирея в украинные уезды, правительство ставило донскому войску на вид, что атаманы И. Каторжный и Т. Яковлев во время своего пребывания в Москве «ничего не сказывали» об умысле против Азова и убийстве турецкого посла. Правительство порицало казаков за убийство Ф. Кантакузина, что было поступком, совершенно противным международным обычаям. «А Азов взяли есте, говорится в грамоте, без нашего царского повеленья, а атаманов добрых к нам не прислали, кого подлинно спросить, как тому вперед быти». Правительство предлагало прислать в Москву ответственных лиц для обсуждения вопроса об Азове.[6]

Между казачеством и правительством не только не было никакой предварительной договоренности о захвате Азова, но и в дальнейшем обнаружилось расхождение по вопросу о судьбе захваченного города. Из грамоты войску от 20 сентября видно, что правительство было бы непрочь обсудить с казаками вопрос об Азове. Правительство не высказывалось определенно о своих расчетах и намерениях; мы можем угадывать о них лишь из замечаний казаков как бы в ответ на сделанные им предложения. В 1637 г. после взятия Азова казаки пригласили С. Чирикова осмотреть город. Казаки встретили Чирикова торжественно и показывали ему город. Атаманы высказывали ему свои надежды и дальнейшие намерения; лишь бы государь «отпустил» им их вину в убийстве турецкого посла и разрешил бы проезд к ним всяких людей из украинных городов с запасами и товарами, тогда они станут в Азове сидеть. Взятие Азова, говорили они, сулит возвращение Больших ногаев в русское подданство, а возможно, что Тамань и Темрюк перейдут под государеву руку. Но, если государь пришлет в Азов воевод со своими ратными людьми и запасов к ним возить не велит, казаки «испортят» город и все уйдут за море за пролив и поселятся на р. Дарье.[7] В январе 1638 г. в Москву приехал атаман Антон Устинов с войсковой отпиской, но и он не был уполномочен говорить об Азове и «всяких тамошних делах».[8] Позицию войска еще раз совершенно ясно выразил атаман Мих. Татаринов при расспросе его в Посольском приказе 4 апреля 1638 г.: «А в помочь де себе о воеводе и о ратных людех с ним, атаманом, и с казаки от войска государю бити челом не наказано, и чево с ним не приказано, и они де того делать не смеют». Мих. Татаринов передал лишь одну просьбу войска о разрешении свободного проезда на Дон с украйны торговых людей со всякими запасами и товарами; при этом условии казаки брались защищать Азов одни, «хоти все они до одного человека помрут».[9] Казаки считали себя верными борцами за интересы Русского государства, но рассматривали взятие Азова, как

---

[6] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 567—572.

[7] Турец. д. 1637 г., № 1, л. 360—361.

[8] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 682 и прим.— Несколько раньше в черновом списке грамоты войску, посланной на Дон в ноябре 1637 г. с воронежским сыном боярским Т. Михневым, имеется абзац, вычеркнутый в окончательном тексте грамоты, в котором правительство выражает недоумение по поводу того, что казаки до сих пор не дали ответа на первое предложение правительства совместно обсудить вопрос об Азове (Дон. д., кн. 1, с. 611—612, примеч.).

[9] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 640—643.

свое собственное дело, и хотели остаться хозяевами завоеванного города. Присылка в Азов московских воевод с ратными людьми, а именно в такой форме представляли себе казаки помощь со стороны правительства, встречала их решительное возражение. Следует думать, что план захвата Азова и самостоятельного его удержания было делом правящих кругов низового войска, которое руководило сношениями с Москвой и определяло характер отношений к ней. Руководители донского войска были убеждены, что, опираясь на материальную помощь правительства, имея поддержку со стороны вольных и охочих людей из украинных городов, постоянно притекавших на Дон, обеспечив себя припасами и товарами из Руси, они смогут выполнить намеченный план. Конечно, без такого рода поддержки все предприятие было бы совершенно немыслимо. Пустить же в Азов московских воевод означало бы утрату казачеством его вольности.

Самым важным для донского войска было, как для управления Азовом, так и для осуществления своих военных предприятий, получение постоянных подкреплений людьми, а в этом отношении казаки чувствовали себя достаточно уверенно. С. Чириков очень точно обозначил основные категории участников смелого похода под Азов. По его сообщению, Азов был взят донскими казаками, приезжими из Руси «торговыми людьми» и запорожскими черкасами. После захвата Азова донцы и запорожцы делили добычу на паи на всех участников осады и штурма на 4400 человек (в том числе 1000 человек убитых).[10] В ноябре 1637 г. астраханские вестовщики определяли численность гарнизона в Азове в 4000 человек; на основании этого сообщения можно судить о том, как быстро пополнялись потери, понесенные при осаде и штурме Азова.[11]

Казаки не составляли большинства в войске, осаждавшем Азов; они образовали основное ядро его, были организаторами и руководителями всего предприятия. Термин «торговые люди» в то время понимался очень широко, и в этом широком смысле употребил его С. Чириков. Крупные торговые люди (гостинной сотни, тяглецы московских слобод Садовой, Барашевской, посадские люди украинных городов), грузившие целые струги разнообразными товарами и располагавшие значительными средствами, участвовали в походах, ссужая неимущих людей оружием, свинцом, порохом, как это делали и «домовитые» казаки, под условием получения доли добычи. Множество мелких торговых людей (приборные служилые люди, вотчинные крестьяне и бобыли, вольные люди), привозивших с собой на Дон ничтожное количество запасов (обычно хлеба от 1 до 3 четвертей) или приезжавших на Дон в качестве гребцов и работных людей на стругах, принимало непосредственное участие в казачьих походах. Украинные люди не были полноправными членами казачьего войска, они не допускались в «казачий круг», но, поступив под команду казачьих атаманов, уже не были вольны распорядиться собой и уйти обратно домой без разрешения войска. Так, в 1643 г. уже после оставления Азова казаками в Раздорах отсиживалось от турок в осаде 500 таких украинных торговых людей; утомленные длительной борьбой и осадой, украинные люди желали вернуться на родину, о чем и били челом войску «в кругу», но войско, нуждаясь в людях, их не отпустило.[12]

Значительную помощь донскому войску в эти годы оказывали запорожские черкасы. Связи между ними были исконные и дружественные. В 1630 г. донские казаки отказались выполнить указ правительства

[10] Турец. д. 1637 г., № 1, л. 363.
[11] Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 124, 363.
[12] Белгород. ст., № 177, л. 137—139.

о совместном с турецкими пашами походе против польского короля, отчасти потому, что имелось в виду нападение на запорожских черкас. В начале 1632 г. в своей отписке донские казаки сообщали о соглашении их с запорожцами о взаимной помощи.[13]

Московское правительство в те годы не могло относиться одобрительно к такой тесной связи донских казаков с запорожскими черкасами, принимая во внимание активную роль последних в Смоленской войне против Московского государства, но позднее оно смотрело на эту связь несколько иначе. Приток запорожских черкас на Дон особенно усилился с половины 30-х годов в связи с репрессиями польского правительства в отношении населения правобережной Украины и днепровского казачества. Польское правительство стремилось сломить казачье своеволие и прекратить их морские походы в целях поддержания мира с Турцией. В 1635 г. на первом днепровском пороге был заложен г. Кодак, чтобы закрыть казакам выход в Черное море. Народное восстание на Украине в 1637—1638 гг. было подавлено поляками с необычайной жестокостью.[14] В связи с этими событиями русские источники отмечают появление на Дону значительных отрядов запорожцев. В 1634 г. один раз вместе с донцами, а второй раз совершенно самостоятельно запорожцы осаждают Азов. В конце 1636 г. сын боярский А. Казанцев, ездивший на Дон «для вестей», видел там много запорожских черкас, покинувших родину, потому что польский король по договору с султаном выгнал их из их юрт и пожег их городки.[15] В самом конце 1637 г. в Азов приехало на житье 700 запорожцев.[16]

В Москве возникали опасения засилья запорожцев в Азове. Атаман Мих. Татаринов, явно преувеличивая цифры, говорил в апреле 1638 г. в Посольском приказе, что на Дону казаков до 10 тыс. человек, да запорожцев столько же: «И ныне к ним в Азов, говорил атаман, запорожские черкасы идут беспрестанно многие люди». Опасность черкасского засилья атаман опровергал. Один черкасский атаман, Матьяш, пытался было «бунтовать» против донского войска; атаман по решению круга был убит «поленьем» и брошен в Дон; после этого запорожцы попрежнему находятся в полном послушании у войска.[17] В 1640 г., когда донские казаки ожидали прихода турецких войск и нуждались в подкреплении, в Азов прибыло 500 запорожцев. В 1641 г. перед началом осады Азова турецко-татарской армией на помощь пришло еще 1000 запорожцев.[18] В 1642 г. уже сами казаки высказывали опасенье перед засильем запорожцев в Азове: «А живут запорожские черкасы в Азове, потому что инде им жить негде. Где они живали по Днепру, и ныне им тут жить нельзя. На устье Днепра поставлен город, проходить им для добычи на море нельзя».[19] Таким образом, руководители донского войска не испытывали недостатка в боевых силах и могли поэтому решительно отклонять военную помощь со стороны московского правительства.

Можно представить себе некоторую неопределенность настроений в правительственных кругах в Москве после получения первых известий о событиях под Азовом. Но крупное вторжение в сентябре 1637 г. в пределы Руси нурадына Сафат Гирея должно было внести ясность в точку зрения правительства. Через своего гонца Ханкул-бека Сафат Гирей

---

[13] РИБ XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 340—341.
[14] Н. П. Василенко, с. 340—358, 379, 392—394, 400—440, 580—581 и др.
[15] Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 38.
[16] Ногайск. д. 1638 г., № 1, л. 27.
[17] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 706—707.
[18] Ногайск. д. 1639 г., № 12, л. 358.— Ногайск. д. 1640, г., № 12, л. 222—223.— Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 57.
[19] Ногайск. д. 1642 г., № 1, л. 135.

известил правительство о том, что поход был совершен по принятому приказу султана и угрожал продолжением войны.[20] Разумеется, правительство доказывало свою непричастность к захвату Азова. В сентябре же через грека Мануила Петрова оно поторопилось переслать в Константинополь грамоту, в которой заверяло султана, что захват Азова и убийство турецкого посла казаки совершили «своим воровством» вопреки воле государя.[21]

В грамоте от 26 ноября 1637 г., после набега Сафат Гирея, правительство обращается к войску уже в ином тоне; оно обвиняет войско в том, что самочинным захватом Азова оно навлекло на Русь татарскую войну и ничего не сделало, чтобы помешать татарам.[22] В своей ответной отписке от 15 января 1638 г. казаки не пытались отрицать своей вины и лишь заверяли в своей готовности показать свое «раденье» против татар; они сообщали о своем обращении к запорожским черкасам с призывом помогать Московскому государству против татар.[23] В 1638 г. общая ситуация, связанная с Азовом, стала уясняться. Из донесения своих посланников из Крыма Извольского и Зверева от февраля — марта 1638 г. правительство знало о приготовлениях турок и татар к походу под Азов и к продолжению войны на московской украйне, знало, что турецкий флот собирается в Черное море.[24] В грамоте войску от 8 марта 1638 г. правительство повторило, что казаки виновны в нападении Сафат Гирея и в возможных в будущем новых нападениях. Правительство настаивало, чтобы казаки не ограничивались обычными мерами против татар на сакмах да на «перелазах», но сами бы нападали на крымские улусы и призывали бы к тому же запорожских черкас.[25] К осени 1638 г. выяснился полный провал попытки похода крымцев под Азов и отказ татар от нападения на Русь. В ноябре в Москве был получен ответ из Турции. В грамоте от 21 августа визирь Байрам паша выражал удовлетворение по поводу заверений московского правительства о его непричастности к захвату Азова казаками и убийству Ф. Кантакузина и сообщал, что турецкое правительство само справится с казаками, но вынуждено отложить поход вследствие войны с шахом.[26] Таким образом, борьба за Азов еще предстояла в будущем, временно она ложилась всею тяжестью на царя Бегадыр Гирея.

Московское правительство и казаки имели против себя одних лишь крымцев. При таком положении занятую московским правительством позицию в отношении Азова следует считать вполне обоснованной. Посылать в Азов русских ратных людей означало бросать открытый вызов Турции, т. е. решаться на войну с нею, мобилизовать все силы, итти на решительный поворот всей внешней политики, что было бы шагом совершенно неоправданным. Для целей же удержания Азова казаками против одних татар было достаточно тех мер, которые приняло московское правительство. Вот почему правительство, после попытки разговора об Азове в апреле 1638 г. с атаманом Мих. Татариновым, уклонившимся от обсуждения вопроса о военной помощи, более не возбуждало его. Правительство пошло навстречу всем пожеланиям казаков: снабжало их своим жалованьем, открыло свободный проезд на Дон охочим и тор-

---

[20] Крым. д. 1636 г., № 27, л. 54, 64—79, 101 и сл.— Ханкул-бек прибыл в Москву в октябре 1637 г.— РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 674—683.
[21] Турец. д. 1637 г., № 1, л. 384—395.
[22] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 611—615.
[23] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 653—658.
[24] См. об этом ниже.
[25] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 674—683.
[26] Турец. д. 1637 г., № 1, л. 407—413.

говым людям из украинных городов, восстановило льготы, которыми казаки пользовались до 1630 г.[27]

В интересах правительства было, чтобы казаки возможно дольше удержались в Азове. Стратегические выгоды обладания Азовом в борьбе с татарами были очевидны и сказались очень скоро. Нападение Сафат Гирея было единственной крупной операцией татар против Московского государства в течение 1637—1641 гг.; набеги прервались. Так расценивали влияние захвата Азова в Москве и в других странах. Московская украйна нуждалась в отдыхе после ряда лет крупных нападений татар. Мир был очень полезен также в связи с строительством новой укрепленной черты: правительство успело за эти годы продвинуть работу далеко вперед. Вторым важным результатом захвата Азова было возвращение основной массы ногаев на их прежние кочевья за Дон.

Обильная дипломатическая переписка этих лет не содержит никаких указаний на то, чтобы русское правительство рассчитывало или имело в виду какое-либо коренное изменение своих отношений с Крымом. Общий характер этих отношений остается прежним. Русское правительство желало лишь извлечь из захвата Азова казаками для себя все возможные выгоды. Такая позиция правительства в значительной мере предрешала очищение Азова в 1642 г., когда возник вопрос о дальнейшем удержании его силами самого правительства.[28]

< 2 >

Русские посланники Астафьев и Кузовлев, находившиеся в Крыму в течение 1636—1638 гг., из самых разнообразных источников собрали сведения об оценке крымцами создавшегося положения. Они имели общение и с представителями правительства и с простыми черными татарами: во всех слоях крымского населения захват Азова произвел сильнейшее впечатление. Это событие заставило татар задуматься над перспективой своих отношений с Московским государством, оценить по-новому соотношение сил и связать вновь сложившуюся ситуацию с событиями давно минувшими. Крымцы рассматривали захват Азова не только как проявление казачьего своеволия, но связывали его с одновременно происходившим на юге Московского государства строительством новых городов; и захват Азова, и появление новых городов представлялись крымцам частями единого наступательного плана на Крым. Непосредственную угрозу самому Крыму они даже склонны были сильно преувеличивать. Вскоре после того, как казаки овладели Азовом, кн. Джантемир Сулешев 27 июля 1637 г., приводя доводы против возобновления мирного соглашения с московским правительством, говорил, что Азов взят с помощью русских ратных людей и там «где на степях наперед сего городов не бы-

[27] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 728, 849, 979 и др.

[28] В свете изложенного нельзя принять мнения, что взятие Азова было выполнено московским правительством в пользу Персии против Турции (Н. Янчевский. Колониальная политика на Дону торгового капитала Москов. государства в XVI—XVII вв. Ростов/Д., 1930, с. 161).—Есть несколько указаний на попытки шаха персидского установить связь с засевшими в Азове казаками. Московские служилые люди привезли из Азова слух, что летом 1638 г. шах посылал казакам в Азов жалованье, которое было перехвачено горскими черкасами (Дон. д., кн. I, с. 808). От середины 1640 г. имеется второе известие о том, что послы шаха пробрались в Азов, доставили казакам деньги и убеждали их не покидать города; шах будто бы обещал им военную помощь (Крым. д. 1640 г., № 3, л. 267.— Кабард. д. 1640 г., № 1, л. 262). Но нет никаких указаний на то, чтобы московское правительство имело какое-либо отношение к этим попыткам шаха; кроме того, никакой антитурецкой политики в то время московское правительство не вело.

вало, тут де государь велел поставить городы». Посланники еще не имели инструкций, как отвечать на такого рода замечания, поэтому они постарались изобразить строительство новых городов в возможно более скромном виде. Сооружение новых городов вызвано было, говорили они, тем, что в украинных городах увеличилось население и «пашнями и лесами стало скудно»; «прибылые люди» и переведены в новые острожки; кроме того, теми местами проникали в Русь ногайцы «легкие люди». Гораздо южнее новых городов уже давно стоит г. Валуйка, а еще южнее стоял некогда г. Царев-Борисов. В свое время в Крыму о них не возбуждался вопрос, а теперь о каких-то двух новых острожках и говорить «непригоже».

Попытка посланников свести оборонительное строительство к сооружению лишь двух острожков не могла обмануть крымцев; им было точно известно, что в течение 1635—1637 гг. возникло 8 новых городов (Чернавск, Тамбов, Козлов, Верхний и Нижний Ломовы, Усерд, Яблонов и Ефремов), да и само правительство не скрывало производившихся им больших работ. В октябре 1637 г., по возвращении Сафат Гирея из похода, Маметша ага, принимая русских толмачей, в довольно унылом тоне рассуждал: «Что де посланники нам ни говорят, тем все оманывают. А великий государь украйны свои загораживает, и городы и острожки вновь велел поставить, а сам де государь к Крыму ближитца. Азов взять велел и называет крымских царей братьями, и поминки присылает, а Крым емлет. А бусурманские де цари и с того просты и на корысть падки. Так же де и прежние великие государи Казань и Астрахань взяли, большое де и над Крымом так же будет. Милостив де царь (Бегадыр Гирей), что за такие неправды посланников казнить не велит, а тот де образец есть, что послов побивают; чаю де вам навестить Царьград». Посланники, переводчики и толмачи слышали подобные же рассуждения от других мурз и татар: «Только де государь те свои новые городы и острожки велит подкрепить и людей велит поставить больше, и вперед де царю тем местом на Русь не пройти. А то де мы взяли земляной городок (у донских казаков), и в нем де людей было 50 чел.». «И от Азова и от новых острожков у крымцев сумненье большое, чают вперед над Крымом от государевых людей промыслу и говорят промеж себя: дорога де у нас ужеет, с ногайскую сторону дорога перенята (Козлов, Тамбов и др.— *А. Н.*), а Азов стал государев. А от Дону де до Белгорода дорога ужеет же (Усерд, Яблонов — *А. Н.*). А от Азова де Крыму пустеть: коли де мимо Азова прокрадывались казаки небольшими людьми, и тут делали, а только де государь людей пришлет с Руси в Азов и велит на Крым итти, не десятью де Крым воевать, одинова извоюют, а он во веки пуст будет».[29]

В апреле 1639 г. сменившие Астафьева и Кузовлева новые посланники Фустов и Ломакин слышали в Крыму опасения, не будет ли возобновлен Царев-Борисов. Если это произойдет, то будет закрыт «перелаз» через Донец, не будет доступа на кочевья по донецким «черням», станет опасным кочеванье даже по крымской стороне Донца. Усиливались тревожные разговоры о новых городах, потому что татарам «ведомо учинилось, что в тех городах учинены жилые и заставные многие люди, да в те же городы перешли на житье все запорожские черкасы».[30] Ближайшим поводом для разговоров о черкасах могло быть построение и заселение ими г. Чугуева в 1639 г. Русские полоняники, посещавшие посланников, передавали, что они не раз слышали, как «говорят татаровя меж себя съезжаючись и тужат гораздо об Азове: пропало де у нас мало не треть государства, и простор, и воля в степи вся у нас отнята. А только де мо-

[29] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 276—280, 303—312.
[30] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 127—128.

сковские люди поставят город новой на усть Донца в Раздорах, и тогда де и до Перекопи всю степь и волю у нас отымут; да и Перекопь город азовские люди, чаять, возьмут, что Перекопь город худ, стены городовые низки и те развалялись, и крепостей никаких нет. И как де возьмут Перекопь, тогда и всем Крымом завладеют, а турскому царю в те поры Крыму не оборонить, и себя ему надобно беречь».[31] «Если Азова теперь (в 1639 г.) татары не возьмут, рассуждал один яшловский житель, то мы пропали; быть взятой от казаков Керчи, и Табани, и Темрюку. Те де городы возьмут, а Крыму нечего будет делать».«Азов де наша защита,—говорил другой татарин,—а Крыму де была оборонь не малая».[32]

В искаженном и преувеличенном виде до Крыма доходили слухи о других правительственных мерах по организации военных сил. В середине 1639 г. в Крыму заговорили о сборе воевод с многими ратными людьми в Яблонове, Валуйке и других украинных городах для похода в неизвестном направлении, но ждали нападения на Крым; говорили о наборе в Москве 40 тыс. солдат, поводом к чему мог послужить набор в 1638 г. в Москве и Туле 4000 солдат и 4000 драгун.[33] В простом народе распространилась молва о пророчестве крымских абызов,[34] которые будто бы «дочлися» в своих книгах о скором приходе на Крым русских ратных людей и неминуемом покорении ими всего «Крымского острова», о том, что татары живут в Крыму «последние свои лета», и что его займут калмыки. Абызы будто бы настаивали перед царем, чтобы он сам шел на Московское государство и тем русских ратных людей «устращивал, чтобы они приходом своим на Крым позамешкали».

Молва гласила, что Бегадыр Гирей указал всем жителям говеть и приходить для молитвы в мечети, а с тех, кто не выполнит указа, править по два золотых с человека. «И по тому приказу со многих крымских людей заповеди правлены большим правежем, а те деньги собрав от мечети носили к царю на двор. А как те заповеди на многих людей правлены,—удостоверяли посланники,—и про то и самим посланникам ведомо».[35] Из турецких источников известно, что Бегадыр Гирей ввел новый налог, «оружейные и тамговые деньги», отмененный ввиду протеста населения через несколько лет Ислам Гиреем. Налог был введен в связи с приготовлениями к походу под Азов в 1641 г.[36] Весьма возможно, что при этом царь Бегадыр Гирей попытался придать новому налогу религиозную санкцию и связал его введение с совершением церковных церемоний. Русские посланники собирали все эти слухи и суждения крымцев, потому что, очевидно, они интересовали московское правительство. Оно могло сделать из них тот вывод, что принятые им меры по усилению обороны южной окраины вполне отвечали своему назначению и попадали прямо в цель. Особенно интересны были суждения татар о том, что новые города «загораживали» украйну от татар, что татарские пути на украйну «ужеют», т. е. затрудняются набеги за добычей, о чем татары откровенно скорбели.

Вследствие того, что султан Мурад IV был занят войной с шахом, Бегадыр Гирей должен был самостоятельно решать задачу борьбы с Московским государством. О новом царе было известно, что он не был лишен поэтического дарования и составлял более или менее удачные сонеты.[37]

---

[31] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 149.
[32] Крым. д. 1638 г., № 1, л. 12, 23.
[33] Крым. д. 1637 г. № 13, л. 143.— АМГ, т. II, с. 98—99.
[34] Абыз — грамотный, сведущий, образованный человек, писец. Московское правительство часто переводило «абыз» как подьячий. Иногда абызы были муллами.
[35] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 196—197.
[36] В. Д. Смирнов, с. 524, 535.
[37] Hammer, Geschichte der Chanen der Krim, 1856, S. 122—125.

Но прозаическая задача военной и политической борьбы оказалась ему не по плечу. В течение новой «ссоры» с московским правительством, подобной которой, по словам самого Бегадыр Гирея, еще не бывало в прошлом, он не обнаружил ни изобретательности, ни достаточного авторитета; он не был в силах поднять крымцев на решительную борьбу, вынужден был уступать давлению князей и мурз и не мог преодолеть общей неспособности крымцев к серьезным военным операциям. Военные предприятия царя потерпели неудачу, и вся его политика в отношении Московского государства быстро разменялась на мелочной дипломатический торг об увеличении поминок да на попытки жестокими насилиями над посланниками вынудить у московского правительства уступки.

Бегадыр Гирей начал с того, что в сентябре 1637 г. направил в набег на Русь нурадына Сафат Гирея. Набег представлялся простейшим и легчайшим способом воздействовать на московское правительство, которое считали виновником захвата Азова. Но для нападения царь не смог мобилизовать больших сил. 28 июля, сообщая Астафьеву и Кузовлеву о готовящемся набеге, кн. Джантемир Сулешев объяснил, что царь ничего сделать не может, он вынужден направить татар на Русь, ибо таков указ султана. Впрочем, царь посылает не всех татар, чтобы московскому царю лишь «небольшую недружбу учинить».[38] Наверное, были более серьезные основания к тому, что набег был совершен не всеми силами; либо царь боялся оставить Крым без вооруженных сил, либо не мог заставить татар повиноваться. Нападение оказалось мало эффективным.

Наши сведения о набеге Сафат Гирея неполны. Мы не имеем сколько-нибудь точных указаний в документах на численность татарского войска. Московские посланники наблюдали сборы в поход: «и крымцы, мурзы и татаровя, многие с нурадыном не ходили, бесконны были. А у которых лошади и были, и они давали бедным людям лошади исполу: будет полоняника приведут и что за него возьмет, и ему половина, а другая половина тому, чьи лошади». Астраханские вестовщики, ездившие в Азов, передавали сведения, что будто бы с нурадыном ходило в Русь до 40 тыс. крымцев, ногаев и азовцев; однако, по сравнительно небольшому размаху татарских операций, а также принимая во внимание наблюдения посланников, можно думать, что эта цифра была преувеличенной. С нурадыном ходили большие ногаи улусов Тинмаметевых мурз. Источники называют имена мурз, участвовавших в походе: Акимбет мурза Аксак-Кельмаметев, Навруз мурза Сары-Исупов и др. Но Тинмаметевы не все ходили в поход. Попробовали было самостоятельно пойти в поход другие Тинмаметевы (10 мурз с 5000 человек), но будто бы не были пропущены русскими ратными людьми и с царевичем не сошлись. Следовательно, далеко не все татарские силы были привлечены к походу.

Нападению большого татарского войска предшествовали набеги отдельных отрядов, быть может, с разведочной целью. Так, известно, что в последних числах июля и в первых числах августа татары совершили нападение на Курский уезд, где забрали до 100 человек полона, и на Ливенский уезд; в бою под самым городом и в ряде деревень они взяли в полон до 140 человек. Вторжение было совершено по Изюмскому шляху. Уже летом этого года здесь был поставлен новый город—Яблонов и от него до р. Оскола проведена укрепленная линия, поставлены 2 городка земляных и 3 острожка и надолобы; правда, укрепления были еще довольно слабыми, гарнизоны еще не укомплектованы. Однако, когда 15 июня татары «большие люди» попытались прорваться через надолобы, они были отражены. 16 сентября прорыв удался. Яблоновцы не могли

[38] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 283, 286, 295.

удержать массы двигавшихся на Русь татар. Яблоновцы потеряли убитыми 15 человек и 209 — пленными (по нашему подсчету). К этому бою относится сообщение посланников Астафьева и Кузовлева о том, что Сафат Гирей прошел в Русь «в тесных местах», что татары, «сшед с лошадей, пеши за большим боем бились с государевыми ратными людьми».

21 сентября главные силы татар проникли в Новосильский уезд. Татары «приступали» к городу. Новосильский уезд пострадал более других. У многих служилых людей были сожжены дворы и гумна. Был разорен Новосильский Духов монастырь. Всего Новосильский уезд потерял 1275 служилых людей и крестьян, их жен и детей. Действия татар захватили Ливенский, Орловский, Карачевский, Болховский, Кромский уезды и Комарицкую волость. Если присоединить сюда полон, захваченный в июле — августе того же года, то получим примерно такой список потерь: Новосильский уезд — 1275 человек, Орловский — 274, Яблонов — 224, Карачевский — 196, Ливенский — 140, Курский — 100, Болховский — 33, Комарицкая волость — 30, Кромский — 6, Елецкий — 3. Всего — 2281 человек, в том числе убитых 37.[39]

В сентябре «по вестям» в Тулу был назначен полковым воеводой кн. Ф. Телятевский. 28 сентября он выступил в поход против татар. «В сход» к нему пришли с отрядами ратных людей воеводы с Дедилова и Крапивны. Войска достигли Черни 30 сентября. В тот же день воеводы получили сообщение от сотенных голов из Орловского уезда, что татары ушли за три дня до их приезда. Около 27 сентября татары начали покидать украйну. В этот день при отступлении они безуспешно пытались взять Тагинский острожек в Мценском уезде. Возможно, что наши сведения о потерях, причиненных набегом Сафат Гирея, не совсем точны. От полоняников и от татар посланники слышали, что полона было захвачено мало. Бегадыр Гирей послал султану в подарок 300 полоняников, и султан Мурад IV приказал всех их казнить.[40] Походом и этой расправой с полоняниками султан хотел показать, чем рискует московское правительство, сопротивляясь требованиям об очищении Азова. Однако поход Сафат Гирея никого не напугал. Казаки продолжали сидеть в Азове, а московское правительство не проявило желательной податливости.

Размена очередными послами осенью 1637 г. не состоялась. Обе стороны сделали попытку выяснить обоюдные намерения. В декабре 1637 г., вместо посланников с поминками, московское правительство отправило в Крым посланников С. Извольского и С. Зверева для предварительного договора о мире. Посланники достигли Перекопа 28 января 1638 г. Повсюду их принимали «нечестно», враждебно; говорили, что государь взял Азов, а теперь хочет захватить Крым. По дороге в Крыму посланники слышали, что Азов султану «стал гораздо досаден», что поход Сафат Гирея считается неудавшимся, и весной султан сделает попытку отвоевать город у казаков, для чего направляет под Азов свои войска и крымского царя с частью

---

[39] Сохранились списки имен убитых и полоненных людей. Указанные нами поуездные итоги не всегда включают только местных жителей, а иногда служилых людей, находившихся здесь на службе: ярославцев, романовцев и др.— Белгород. ст. № 95.— Крым. д. 1637 г., № 36, л. 5—97.

[40] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 284, 286, 295, 299, 307.— Крым. д. 1637 г., № 31, л. 14, 16, 27—28, 40—41, 59—60.— Крым. д. 1637 г., № 36, л. 5—97.— Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 133—134.— Белгород. ст. № 84, л. 113—114, 199.— Белгород. ст. № 90, л. 8, 11—12, 16, 27.— Белгород. ст. № 98, л. 140—141.— Белгород. ст. № 127, л. 318—319.— Белгород. ст. № 138, л. 95.— Приказ. ст. № 260, л. 37, 391.— Дворц. разр. II, 554.— E. H e r m a n n, Geschichte des Russischen Staates, III, S. 557. Здесь указано число полона в 4000 человек, но источник не назван.

татар, а остальных татар для повторного набега на Русь.[41] 3 февраля состоялась встреча посланников с Маметша агой. Маметша ага принял их грубо: при встрече не встал, начал с упреков за захват Азова, убийство турецкого посла и построение новых городов. Он говорил, что новый царь «не старой, в обман не дастца» и требует казны с прибавкой; а не будет казна дана в желательном размере, царь возьмет ее своей саблей. Посланники изложили свое поручение: 1) московский государь желает сохранения мира с Крымом и предлагает составить роспись поминок с тем, чтобы сверх того никаких «запросов» не было, 2) захват казаками Азова произошел против его воли, 3) новые города строят и будут строить, потому что татары постоянно нападают на московскую украйну. «Сносить» построенных городов ни в каком случае не будут. Когда посланники отказались выдать ему царские грамоты прежде приема у Бегадыр Гирея, Маметша ага называл их «геурами» и приказал капычеям взять подьячего Савву Зверева «нечестью» и отвести его на посольский стан за грамотами. Капычеи за ворот выволокли Зверева в сени, здесь били его ослопами и «топтунками», драли за бороду, «оборвали» бывшие при нем деньги и, таким образом, дотащили его до середины двора. Зверев вырвался у них из рук и бежал в избу к Маметша аге. В конце концов посланники выдали грамоты.

5 февраля Извольский и Зверев были приняты царем в присутствии турецкого чауша. Бегадыр Гирей заявил гордо, что казны он не требует и о ней речи не будет. Он требует, чтобы Азов и все захваченное в нем было возвращено и чтобы были уничтожены все восемь вновь построенных городов, перечень которых царь дал. Ответ посланников вполне соответствовал тому, что они говорили Маметша аге. Царь упрекал московского государя за то, что он снабжает Азов припасами, а когда крымское правительство требует усмирения казаков, государь отвечает, что не может этого сделать за дальностью расстояния. Но он, Бегадыр Гирей, сам возьмет Азов, казаков сгонит с Дона и городки их разорит; в то же время крымцы с ногаями будут нападать на московскую украйну. Посланники отвечали, что их государь хочет быть в мире с ним, крымским царем, но угроз его не боится.[42] Самоуверенный тон речей Бегадыр Гирея был напускным, не имел под собой серьезной почвы и объяснялся присутствием турецкого чауша. Действительное настроение крымского царя было совсем иным и прежде всего потому, что план военных действий и вся политика, намеченные царем по отношению к Московскому государству, встретили сопротивление со стороны большинства крымских князей и мурз; в данных обстоятельствах крымские князья и мурзы не хотели итти на разрыв с Москвой. По ряду документальных указаний мы можем проследить, каким образом восторжествовало мнение большинства. Князья и мурзы на этот раз не выступали так открыто и резко против указаний турецкого правительства, как это произошло при Инайет Гирее. Отказывать султану в повиновении в то время было рискованно: около Керченского пролива находился довольно значительный турецкий флот, турецкий чауш прямо угрожал Бегадыр Гирею и требовал содействия.

Мы видели, с какой категоричностью Бегадыр Гирей изложил на приеме Извольского и Зверева свой военный план. В нем особенно характерно резкое заявление о его незаинтересованности в получении поминок. Но помимо того, что искони крымские цари дорожили получением московской казны, как говорил Маметша ага, крымские цари «на корысть падки», поминки имели весьма существенное значение для многих ближних людей

[41] Крым. д. 1637 г., № 31, л. 1—2, 8. 14.
[42] Крым. д. 1637 г., № 31, л. 21—49, 61—80.

и еще большего числа простых татар, ездивших на Москву и на размену. Заявление царя не было искренним. В самом деле, вскоре же после приема Извольского и Зверева, кн. Джантемир Сулешев сообщил Астафьеву и Кузовлеву, что царь поручил своим карачеям и агам обсудить вопрос о возобновлении мира с московским правительством и что они решили вопрос положительно. Кн. Джантемир довольно обстоятельно передал содержание прений, происходивших на съезде: «Была де у царя дума большая; посылал де царь по князей и мурз, по всех старых людей, которые наперед сего в агавстве бывали, и удумали де было все, что царю шертовать и две казны взять, и Азова не спрашивать, и быть бы с государем в миру попрежнему и войною не посылать, а государю б под Азов бы и казакам пороху и запасу и пушек не посылать и помочи не чинить».

Такова была точка зрения большинства, которая и восторжествовала. На первый взгляд могло бы показаться, что крымцы отступали по всей линии и отказывались от Азова ценою двойных поминок. В действительности принятое большинством князей и мурз решение, как нам кажется, было несколько хитрее. В самом деле, воевать с Москвой в то время, когда на московской украйне один за другим вырастали новые города, вследствие чего должны были измениться все пути проникновения в Русь, было неосторожно; требовать прекращения строительства и тем более снесения возведенных городов, как говорил об этом Бегадыр Гирей, наивно. Что же значило «не спрашивать Азова» ценою уплаты двойных поминок? Князья и мурзы понимали, что Турция не откажется от него без борьбы и рано или поздно возобновит попытки взять его обратно. Брать Азов самостоятельно татары считали для себя делом непосильным и не желали особенно стараться, когда это могли и должны были сделать турки. Расчет в общем оказался правильным; князья и мурзы ошиблись лишь в одном: им не удалось обмануть и запугать московское правительство и вынудить уплату двойных поминок. Дьяки Посольского приказа понимали, в чем состоит обман: если татары бессильны отнять у казаков Азов, то, следовательно, и отказ их от него ровно ничего не стоил; дело было не в татарах, а в Турции, а потому не было оснований итти на уступки в вопросе о поминках.

Политика, намечавшаяся большинством крымских князей и мурз, была опасна для царя Бегадыр Гирея, так как означала неповиновение султану. Среди его советников нашлись лица, указавшие ему на эту опасность. По сообщению кн. Джантемира, Зерум ага царю говорил: «Как де тебе без турского царя повеленья с государем помириться и казны без его ведома взять не уметь. Притчею де турский царь велит войною на Русь итти, и тебе де нельзя ослушаться, не итти не уметь, а шертовать де и казна взять, ино де на Русь не итти. Или де сведает турский царь, что ты с государем московским учинился в миру и шертовал и казну без его ведома емлешь, и тебе де от турского царя не пробудет, да и на царстве не будешь, тотчас на твое место пришлет иного царя и про Азов де тебе поставит с московским государем в стачку, што де московской государь, сославшись с тобою, Азов взял. Говорю де то тебе, государь, не на смуту, истинную правду, чтоб тебе было прочнее и на царстве утвердиться. Инайет Гирей де царь турского царя не слушал, делал свою волю, и над ним де что сделалось!»[43]

Кн. Петр Урусов с полной откровенностью признал безнадежность попытки взять Азов силой и высказался за тактику нападений на Русь в качестве средства вынудить сдачу города. Кн. Петр Урусов говорил царю: «Тем де Азова не возьмешь, что придешь под Азов со всею силою,

[43] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 325—327.— Крым. д. 1637 г., № 31, л. 133.

да и николи де ничего Азову не сделаем. Если де Азов болен, и ты де пойди войною на Московское государство да постои в Руси осень другую, и Азов де отдадут тотчас и казну. Я де московской обычай ведаю, на Москве де взрос. А только де не так, и Азова де вам у себя не видать и государю Азова не отдавать добром». Царь осердился на кн. Петра Урусова и сказал, что он слушает султана и не может принять подобных советов: «Что де вы не говорите, все меня обманываете; мало де вас не половина в Азове, а с азовцы де у вас ссылка беспрестанно». Возражавшим против похода под Азов царь напоминал о судьбе всех крымских царей, оказавших неповиновение воле султана. «И я де того не хочу, говорил царь, велено де итти под Азов, и я де туда иду, хотя де все там пропадем». Перед глазами Бегадыр Гирея была гибель Инайет Гирея, не сумевшего преодолеть неповиновения крымских феодалов.

Личная судьба царя мало трогала князей и мурз. На этот раз они не отказали царю; они пошли с ним под Азов, но без всякого желания проливать свою кровь под его стенами. В июле же мурза Сулешша Сулешев говорил Астафьеву и Кузовлеву: «Что де нам под Азовом делать? Будет де пришед возьмем, ино де то добро, а будет де не возьмем, и мы де, постояв под Азовом дней пять-шесть, пойдем на Русь войною, за Азов там свое выместим. Татарину де под городом нечего делать, не городоимцы де мы. Хотя деревянное худое городишко поставь, и нам де ничего не сделать, а Азов город каменной, ничего ему не сделаем». Посланники не удержались от полемики с мурзой, стараясь доказать ему, что татарские набеги на Русь не могут причинить ей существенного ущерба: «Что то за похвала у вас, что на Московское государство войною итти. С таких худых людей с донских казаков не сможете, а Московскому государству что сделаете? И Валуйке городу ничего вам учинить не уметь. Только украинных мужиков жен да детей из под овинов волочите, и то приходите украдкою и оманом в безлюдное время, как приходил нурадын Мубарек Гирей царевич», когда русские ратные люди находились на службе под Смоленском.[44] Но крымцы умели парировать эту насмешливую характеристику татарских подвигов на Руси. Кн. Джантемир Сулешев так говорил посланникам Чубарову и Байбакову: «Ведомо царю и всем крымским людям, что у государя (московского) много ратных людей, только сбирать их долго. А крымский царь хотя сегодня велит прокликать, и крымские люди в два дня сберутца и готовы будут и все с царем и с царевичи пойдут тотчас, не откладываючи за осенним и за зимним путем».[45] Кн. Джантемир очень метко показал преимущество легких на подъем татар перед тяжеловесной и медлительной московской ратью.

Теперь мы можем проследить, как сложились в действительности московско-крымские отношения. Прежде всего, никаких крупных набегов на Русь в течение 1638—1640 гг. произведено не было. Кн. Петр Урусов выражал то, что более всего отвечало привычному образу действий ногайских татар, но крымские князья и мурзы провели свой план. В течение 1638 г. можно отметить появление на Руси лишь небольших татарских отрядов, притом на самой ее окраине, собиравших сведения о том, не помогает ли московское правительство Азову. В апреле татары несколько раз приходили под Валуйку со стороны Изюмского и Калмиусского шляхов, хватали пахарей и одиночных служилых людей, кстати отгоняли стада. В том же месяце татары приходили в различные села и деревни Усманского стана Воронежского уезда, где захватили 20 человек полона и некоторое количество лошадей. 17 мая астраханские служилые люди

[44] Крым. д. 1638 г., № 1, л. 17—19.
[45] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 324.

захватили и почти полностью истребили отряд татар в 67 человек; из числа татар спаслось лишь 3 чел. У них было отнято 26 русских полонянников. Захваченные «языки» показали, что татары ходили под Воронеж «для вестей».[46]

В 1639 г. с ранней весны до осени на самых окраинах государства, более, собственно, на подступах к шляхам Бакаеву, Муравскому, Изюмскому и Калмиусскому, происходило непрестанное движение татар отрядами (от нескольких десятков до сотни человек, но иногда в 1000—2000 человек). Татары в большинстве случаев не углублялись в Русь и не совершали нападений. Из активных татарских операций и столкновений с ними русских ратных людей отметим лишь несколько. 26 апреля татары (100 человек) с Калмиусского шляха приходили под Валуйку и забрали на полях в полон 14 человек. В начале мая астраханские служилые люди уничтожили в Задонье татарский отряд, взяв в плен 100 татар. 14 мая татары по рыльской дороге уходили из Руси Бакаевым шляхом (с последующим выходом на Муравский шлях); были они на Руси «для языков». 23 мая с Бакаева шляха татары (100 человек) снова приходили в Рыльский уезд. 19 июля чугуевский атаман Яцко Острянин разбил отряд татар у верховий р. Орели. В октябре (17-го) татары захватили в степи белгородцев служилых людей, ходивших на рыбную ловлю, и добивались от них сведений о строительстве городов по Ворскле.[47]

В 1640 г. внимание татар было отвлечено походом по указу султана крупными силами (по крымским сообщениям — до 80 тыс. человек) в Польшу, где они взяли значительный полон. Возвращались обратно великим постом. Перевозились между Джан-Керменем (Очаков) и устьем Днепра. Здесь на переправе днепровские казаки истребили до 3000 татар. На московской украйне в этом году татары появлялись, по нашим сведениям, дважды. В 20-х числах мая по Муравскому шляху было замечено движение на Русь 3000 татар. 27 мая татары приходили под Хотмышск и к заставе на р. Ворскле, но были отражены от переправы. Свои попытки татары повторили 1 — 2 июня: «и увидели татаровя, что на прежних татарских перелазах на р. Ворскле на Хотмышском городище и на Вольном кургане... государевы люди строят новые города, а по иным перелазам стоят заставные люди». Захватив «языка», белгородского сына боярского, исполнявшего какое-то поручение, татары спешно отправили его в Крым к самому царю для расспроса. 22 июня татары (100 человек) появлялись в с. Дмитриевском (Курского уезда). Московские посланники слышали в Крыму, что татары ходили на Русь «для вестей» о количестве ратных людей в украинных городах, о новых городах, о числе пришедших на житье в пределы Московского государства черкас.[48] Итак, проект отвоевания Азова путем усиленных татарских набегов на Русь осуществлен не был; татары ограничились одними разведочными действиями.

Точно так же не удался и поход татар под Азов. В начале лета 1638 г. турки направили к Керченскому проливу свой флот, численность которого казаки определяли в 40 каторг, кроме того, было прислано некоторое количество сухопутного войска, которое должно было действовать против Азова с ногайской стороны. С восточной стороны должны были подойти крымцы. Повидимому, предполагалось сделать попытку овладеть Азовом этими

---

[46] Белгород. ст. № 98, л. 1, 8, 46, 61—62, 172, 209, 213.— Москов. ст. № 128, л. 1, 9, 12 и др.

[47] Белгород. ст. № 103, л. 1—2, 6—7, 12—13, 49, 54—55, 72—75, 123, 127—128, 144—145, 164—165, 172, 186—187, 216, 230, 234, 247.— Белгород. ст. № 113, л. 32.— Белгород. ст. № 118, л. 185.

[48] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 180, 205—206.— Крым. д. 1640 г., № 3, л. 88, 149, 242, 246—247, 256—258, 262.— Белгород. ст. № 117, л. 54, 342, 160—163.— Белгород. ст. № 118, л. 259, 283—285, 251 и др.

сравнительно небольшими силами. Казаки в Азове были готовы встретить нападение и чувствовали себя очень уверенно. В 1638 г. 10 июня донской атаман Д. Парфеньев показал в Посольском приказе, что казаки в Азове не боятся прихода турок и татар. Городовые укрепления у них восстановлены, наряда в городе достаточно, свинец и зелье доставлены из Москвы, хлебные запасы, рыба и мясо заготовлены у них более чем на год и новые хлебные запасы поступают из Воронежа, «отъезжие» караулы у них устроены. Казаки ведут торговлю с приезжими из Астрахани, с Терека и из других мест купцами.[49] В апреле 1638 г. Бегадыр Гирей послал в Азов одного из своих аг и виднейшего из ногайских мурз Салтанаша Аксак-Кельмаметева с предложением сдать город. Посланники так излагали ответ казаков царю: «И то де ты говоришь небылицу; как де взята была Астрахань и Казань, того де мы не ведаем, а Азов де мы взяли, прося у бога милости. Дотоле у нас казаки место искивали в камышах, — подо всякою камышиною жило по казаку, а ныне де нам бог дал такой город с каменными палатами да с чердаками, а вы де велите его покинуть. Нам еще де, прося у бога милости, хотим прибавить к себе город Темрюк да и Табань, да и Керчь, да либо де нам даст бог и Кафу вашу».[50] Против царя будут стоять и города Азова даром не отдадут. Ответ казаков мог быть дословно и не таким, потому что он стал известен посланникам Астафьеву и Кузовлеву не из первых рук, но данное им его изложение хорошо передает стиль казацкой речи. Добровольно казаки не хотели сдавать Азова: разве только после того, как все рвы будут завалены их казачьими головами. Для казаков первоначально была неясна серьезность намерений турок, но скоро они пришли к убеждению, что турецкий флот был прислан лишь с целью закрыть им выход в Черное море, а вовсе не для осады Азова. Казаки попробовали доказать туркам, что «заставные» каторги не смогут задержать их, и направили против турецкого флота свои казачьи струги. Правда, этот морской бой был неудачен для казаков, но и турки должны были убедиться, что обратное взятие Азова было делом гораздо более трудным.[51] Разрешить эту задачу одни татары, конечно, не были в состоянии. Вот почему, Бегадыр Гирей, выступивший в поход под Азов в августе, не дошел до него и в сентябре уже двигался обратно.[52]

Потерпев неудачу в своих попытках воздействовать на русское правительство военными мерами, Бегадыр Гирей вынужден был удовольствоваться средствами дипломатического давления. Целью всех дипломатических сношений Крыма с Москвой было вынудить увеличение поминок; вот все, что осталось от воинственных планов Бегадыр Гирея. Весь февраль и март 1638 г., когда царь еще не отказался от намерения выполнить указ султана о походе под Азов, был наполнен спорами о размере поминок. Извольский и Зверев пошли на некоторые уступки: так, они приняли на себя обязательство, что московское правительство укажет казакам, чтобы они оставили Азов, но заранее оговаривались, что не ручаются за его выполнение казаками; в такой форме уступка для крымцев не имела значения. Кроме того, посланники согласились на прибавку к прежним поминкам новых дач еще на 20 человек. Крымцам этого было мало. По произведенной по указу царя оценке, стоимость поминок, которые уплачивались до сих пор, определялась на крымские золотые в 25 тыс., что

---

[49] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 779—782.— Аналогичные же показания астраханского вестовщика от конца 1637 г.— Здесь интересное сообщение о договоре казаков с темрюцкими татарами (Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 124—128).

[50] Крым. д. 1638 г., № 1, л. 7—8.

[51] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 771—773, 800—802, 807—817, 828—832.

[52] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 395—401.

по курсу золотого (26 алт. 4 д.) составляло 20 тыс. рублей. Отсюда видно, что казенная московская расценка поминок была приблизительно вдвое ниже крымской. Бегадыр Гирей требовал теперь уплаты поминок на сумму 48 тыс. золотых ежегодно, да кроме того одновременно «в запрос» самому себе на 7000 зол., калге на 1000 зол., нурадыну на 500 зол. и четвертому младшему своему брату на 300 зол. Общая сумма поминок выростала, таким образом, до 56 800 зол., в переводе на рубли — более 45 тыс. руб. по крымской расценке. Бегадыр Гирей соглашался на поминки в прежнем размере при условии освобождения Азова. В марте крымцы несколько снизили требования и согласились на двойные поминки без «запросов». Извольский и Зверев не хотели принять подобных условий мирной шерти,— их вынудили взять шертовальную грамоту, но соглашение осталось неоформленным.[53]

Посланники вернулись в Москву в сопровождении крымского гонца Тохтамыша. Тохтамыш был принят в Посольском приказе 25 мая 1638 г. Гонец предъявил требование о двойных поминках или освобождении Азова. Подкрепляя свое требование, Тохтамыш разоблачил гонца нурадына Сафат Гирея Ханкул-бека, который говорил, что набег был совершен по указу султана, и шертовал в возобновлении мира царем Бегадыр Гиреем: нападение было совершено по воле Бегадыр Гирея, а не по указу султана; Ханкул-бек не был уполномочен шертовать о мире. Далее, гонец винил посланников в неудовлетворительном исходе переговоров. Особенно раздражал царя Савва Зверев: «Оборотитца хрептом,— говорил о нем гонец,— и не говорит ничего, а царю то все было досадно». Представленная Тохтамышем роспись была подвергнута тщательному изучению, причем было установлено, что сверх прежних поминок (по московской расценке 10 060 руб.) в новой росписи оказалось «лишку» около 11 тыс. руб., в том числе в ней было приписано жалованья на новых 321 человека на сумму 8370 $^1/_2$ рублей. Кроме того, царь требовал значительных прибавок «для обновленья» и «в запрос». В Крыму не особенно заботились о точности росписей. Оказалось, что царь требовал на калгу одну сумму, а сам калга прислал свою роспись, в которой был излишек на 695 $^1/_2$ рублей. Дьяки Посольского приказа сразу же и решительно отказались от такого увеличения поминок. Тогда гонец ответил, что и «преж сего так бывало: один государь пишет о многом, а другой посылает для любви, как возможно. А ныне также государь их писал к царскому величеству о многом, а царское величество как изволит послать, то и пошлет; за то меж государей недружбы и розвратья не будет», что государь пришлет — «в том его воля». Дьяки предложили прибавку к старой росписи, на которую в Крыму согласились Извольский и Зверев, на 20 человек. Тохтамыш противился недолго и принес шерть в том, что Бегадыр Гирей примет роспись поминок в таком именно размере. В соответствии с этим соглашением правительство указало приготовить поминки на два года за 1637 и 1638 гг. в сумме 11 210 руб. каждая и, сверх того, «для обновленья» мехами и рухлядью на 1300 руб., всего на 23 720 рублей.[54]

Новые посланники И. Фустов и И. Ломакин прибыли в Крым 18 января 1639 г. В тот же день посланники были приняты царем и вручили ему поминки. При этом посланники допустили первую неосторожность, передав царю все добавочное жалованье на 20 чел., которое следовало бы распределить между царем, калгой и нурадыном, а царь и не подумал произвести такой дележки. Мало того, уже после вручения поминок по

[53] Крым. д. 1637 г., № 31, л. 145—152, 157—158, 162, 165—167, 197—198, 206—208, 212—213, 215, 218, 228 и др.

[54] Крым. д. 1638 г., № 5, л. 50—79, 93—103, 114—214, 324, 331—357, 391.— Крым. д. 1637 г., № 13, л. 21.

указу царя «грабежем» были взяты «дачи» на нескольких ближних его людей из состава жалованья, предназначенного другим лицам. Вследствие этого в составе поминок образовалась нехватка. 30 января посланники были вызваны в Акмечеть на посольство к калге Ислам Гирею, который, прежде чем принять посланников, правил с них поминки по новой росписи, включая и дачи на ближних людей, уже взятые царем. Заметим, что посланники привезли поминки, утвержденные шертью гонца Тохтамыша, и что 22 сентября 1638 г. сам царь Бегадыр Гирей принес шерть в соблюдении мира с Московским государством перед Астафьевым и Кузовлевым. 2 февраля капычейский кегья силой приволок И. Ломакина в палатку к стрельцам. Когда подьячий отверг требование о выдаче поминок по новой росписи, стрельцы били его «обушками», оборвали на нем платье и в одной рубашке, сняв крест, вывели его на площадь. Здесь подьячий поступил в распоряжение палачей. Он был привязан к пушке против палат калги. В таком положении его держали на морозе до полудня. Затем его привели в «студеную палатку» и приковали к стене. Ночью «у ног по жилам вертели кляпом», посадили на деревянную кобылку, завязав руки назад и привязав к ногам камни. «И уши к луку под тетиву на подпетельник клали, и уши луком драли и вертели, и после того ухо звив и положа на лук под петлю, и лук на нем повесили». Мучили И. Ломакина в той палатке двое суток на морозе и морили голодом.

4 февраля очередь дошла до Ив. Фустова. Его взяли на двор калги, где ближний человек калги Сеферь Газы потребовал с него поминок по новой росписи; в противном случае калга поклялся посланников «розными муками мучить до смерти, а государевых людей всех распродать на каторги». «А они де, крымские люди, за ними, посланники, к Москве не посылали; приехали де вы сами; а они де платите, что им надобно».[55] Посланник отказал. Тогда он подвергся пытке на деревянной кобылке. Одновременно И. Ломакин был подвешен на ремне за большой палец правой руки, «и как он обмер, и его, спустя, обливали водою и повесили за правую руку (за запястье) и за ноги и держали многое время (весь день) и, спустив чуть жива, приволокли в тое же палатку, где мучили Ивана Фустова и почели мучить в одной палате». Только вечером посланники были освобождены и отпущены на свой двор, причем И. Ломакина толмачи «волокли на руках». В тот же день люди калги пограбили на посольском стану рухлядь из дач матери нурадына, цариц и ближних людей царя, а также имущество посольских людей. 7 февраля посланники были приняты калгой; шли они пешими, И. Ломакина чуть живым несли и «перед калгой держали на руках». 8 февраля посланники получили требование нурадына явиться на посольство с полными поминками. 9 февраля по пути к нурадыну сопровождавшие их люди захватили одну коробью с шубами и мехами, предназначенными матери и царицам нурадына. Рухлядь эта уже была ограблена один раз ранее, и посланники возместили ее покупкой на занятые у крымских ростовщиков деньги. Новое ограбление не освободило посланников от требований платить все полностью. Добиваясь выплаты поминок матери и царицам, нурадын засадил посланников в заточенье на две недели и подверг их тем же пыткам, каким они подвергались и ранее. Здесь посланников и государевых посольских людей били на правеже «влежачь» («збиты с ног»), а в заключение самого посланника Ив. Фустова посадили «на кобылку железную горячую». Посланник выдержал пытку два часа, после чего «обмер».

Не вынеся мучений, посланники просили об отсрочке, пока они произведут заем и закупят рухлядь. «И по нурадынову приказу» к посланни-

[55] Сочетание прямой речи с косвенной.

кам приезжали ростовщики и давали им деньги и рухлядь под кабалы с обязательством уплаты либо в Крыму, либо в Москве. Нурадынов аталык Осан ссудил посланникам 75 рублей. Этим мучения посланников не окончились. 27 февраля посланники были вызваны в Бахчисарай к царю, и к ним было предъявлено требование выдать все дачи ближним людям царя, ограбленные калгой и нурадыном. Посланники «не в малые росты» произвели новый заем. Наконец, 13 марта царь потребовал, чтобы посланники «переняли на себя» 1900 золотых, которые царь считал недосланными. Посланники должны были дать обязательство, что золотые будут присланы дополнительно и включены в оклад всех следующих поминок. Посланники отказали. Тогда в течение восьми дней они сами, переводчик, толмачи и все кречетники подвергались разнообразным пыткам на конюшне: их вешали за руки и ноги, били палками на смерть и т. п. После нового отказа посланников выполнить требование, — 21 марта все посольские люди (68 человек) были отведены в Бахчисарай для продажи; по пути их избивали плетьми и обухами. «И сторговал, а иных за долг взял царегородский султанов купчина жидовин Сулиман, а дати ему было за всех по 50 золотых за человека». По просьбе посольских людей посланники «переняли на себя» 1900 золотых (московскими деньгами 1520 руб.) и дали в том «переводную память». Общая сумма вымученных займов, произведенных посланниками, равнялась 3083 руб., толмачами — 105 руб., кречетниками, сокольниками и ястребниками — 774 руб., арбачеями — 1427 руб., всего — 5389 руб. Лишь 3 апреля большинство посольских людей (58 человек) были отосланы в Москву. Некоторые из мурз «тайным обычаем» говорили посланникам, что царя и его ближних людей никакими подарками «не удобрить»; скорее можно добиться мира, давая поминки на размене,— мысль, которой воспользовался затем Посольский приказ. Эти же благожелатели давали другой совет, чтобы «разменного бея» кн. Джантемира «за его неправду» схватить на размене.[56]

Совершив описанные выше насилия, крымское правительство стало затем добиваться, чтобы поминки присылались впредь в том размере, в каком они были вымучены с Фустова и Ломакина. Крымский гонец Осан аталык, который был свидетелем всех пыток и насилий над посланниками, был принят в Посольском приказе 3 мая 1639 г. Он начал с решительного отрицания всяких насилий и даже насильственного захвата поминок. Он утверждал, что 1900 золотых — это недохватка, которая в Крыму была обнаружена по сравнению с утвержденной договором с Тохтамышем росписью: либо само московское правительство не дослало поминок, либо часть их скрыли самовольно посланники. Договориться с гонцом было невозможно. 19 июня гонец был принят снова. На этот раз он просил о том, чтобы полагающееся свите гонца содержание и всякие подачки выдавались на всех 46 человек, которые его сопровождали. Дьяки ответили, что содержание не будет выдано на лишних 11 человек, приехавших в Москву сверх обычая. Ответили также, что по вымученным кабалам Фустова и Ломакина выплачено не будет, потому что в Крыму «вольно» вымучить и более того.[57] Гонец калги Ислам Гирея был более откровенен и сознавался, что над посланниками были «многое бесчестье и теснота» за недосланные поминки.[58]

Московское правительство решило поставить вопрос о насилиях над посланниками на обсуждение земского собора, так сильно было впечат-

[56] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 66—80, 88—91, 106, 112—123, 129—130, 94—107, 176.—Крым. д. 1639 г., № 1, л. 107—111 (Описание пыток, показания толмача Айтугана Неверова, с. 33—55).

[57] Крым. д. 1639 г., № 7, л. 1—6, 39—110.

[58] Крым. д. 1639 г., № 10, л. 1, 20—31.

ление от крымских событий. В 1639 г. 7 июля по государеву указу бояре приговорили «выписать по статьям» «все неправды», совершенные над посланниками в Крыму, и объявить, «учиня собор, патриарху и архиепископом и черным властем, и всего Московского государства всяких чинов людем, чтоб всяким людем было ведомо, какие неправды в Крыме и какое мученье и грабежи государевым посланником и всяким государевым людем делают, да что на соборе приговорят, и то все записать». Выписка заключала в себе описание мучений и пыток над посланниками, перечень новых требований крымцев и ставила вопрос о погашении займов по кабалам, о дальнейшей уплате поминок, о допустимости ответных репрессий над крымскими гонцами и послами.

Заседание собора произошло 19 июля в «столовой избе». Патриарх говорил, что воля государя учинить над крымскими послами и гонцами, «а они, духовного чину, о том им говорить непригоже»; об остальном, «помысля», объявят государю после. Представители думных чинов заявили, что «за такие неправды стояти готовы». Стольники, стряпчие, дворяне московские,— что «ради стоять не щадя голов своих». Дворяне и дети боярские городовые,— что «ради за то все помереть». Гости и торговые люди предложили прекратить посылку казны в Крым, а расходовать ее на служилых людей, которые против тех бусурман стоят. «Да те же крымские злые неправды и мученье сказывал на соборе Григорий Зловидов, потому что он сам в Крыме был и такие злые насильства и позор терпел»... Всяких чинов люди просили о сроке, чтобы «помыслить» и дать свое решение на письме. Патриарх и весь «освященный собор» подали свое мнение 26 июля. Духовенство отклонило от себя вопрос об «отмщении» крымским послам и гонцам: писать о том духовным лицам «непристоит». От уплаты по кабалам «государева казна скудна не будет». В дальнейшей посылке поминок отказать, а лучше в украинных городах «пристойно» ратных людей устроить. Гости, гостинной и суконной сотен торговые люди также предложили прекратить посылку казны в Крым, а расходовать средства на ратных людей, «чтобы нихто в избылых не был, а то, государь, дошло до всех православных христианских голов». Часть торговых людей суконной сотни подали мнение, что они «все готовы за государево здоровье помереть, нежели слышать такие его окаянные похвалы»... Государева воля, платить ли по вымученным кабалам. Далее, торговые люди присоединили рассуждение о том, как они «оскудели от великих пожаров, и от хлебной дороговли, и от твоих государевых великих служеб, и от твоих зборных поворотных денег, и от городового земленово дела; многие, государь, людишки разбрелись, а иные многие померли».[59]

Советы, данные на земском соборе, оказались смелее тех мер, на которые правительство в конце концов решилось. 30 июля в Казенной палате бояре приняли сначала гонца Осан аталыка, затем и посла Белекша агу. Содержание переговоров с ними было сходным. Гонцам и послам было поставлено на вид, что грамоты к государю написаны «непристойно», «с повелением», что над посланниками творятся насилия, которых не делают и над полонянниками. Гонцы сначала отрицали насилия, затем признали их, хотя и не полностью; так, они говорили, что у нурадына пыток не было, а был только правеж, что 1900 золотых посланники «переняли на себя». В ответ на угрозу, что сами они будут подвергнуты таким же насилиям, на что давала право шертная грамота, гонцы отвечали, что в таком случае из Крыма в Москву не будет больше послов. Гонцы и послы

[59] Крым. д. 1639 г. № 12 (Здесь материалы о земском соборе 1639 г.). См. подробности в статье: А. Новосельский, Земский собор 1639 г., «Исторические записки», кн. 24, 1947.

были отпущены с указом их накрепко запереть, корму и питья им не давать.[60] Но эти сравнительно мягкие ответные репрессии были недолгими. 9 августа на Казенном дворе гонец Осан аталык был принят вторично. Бояре «с великим шумом» «выговаривали» ему все насилия над Фустовым и Ломакиным, угрожали и над ним сделать то же. Гонцы на этот раз уже не спорили и во всем полагались на волю государя. Бояре объявили, что государь, желая мира с Крымом, того над ними не сделает. Гонцы благодарили и были отпущены. Вслед за тем были приняты послы Белекша ага и гонец Осман Чилибей с товарищами. Разговор с ними был таким же. Осан аталык вскоре же после второго приема подал две челобитных. В одной он просил возобновить выдачу кормов и «отпереть ворота». Во второй просил об отпуске в Крым и принимал на себя обязательство довести до сведения Бегадыр Гирея, что «надобно словам нашим быти прямым, а лже с правдою в одном месте быти не мочно».

17 августа послы и гонцы были приняты боярами все вместе. Им было заявлено, что казна более в Крым посылаться не будет, а будет передаваться на размене. Бояре воспользовались советом неизвестных нам крымских благожелателей. Заявление это, видимо, произвело впечатление, потому что послы и гонцы наперерыв стали «брать на себя» и ручаться, даже готовы были дать шерть на коране, что более насилий над посланниками не будет. Бояре им в этом отказали. 21 и 22 августа гонцы и послы были приняты еще раз. Бояре повторили государев указ передавать казну на размене, решительно отвергали обвинение в участии московских ратных людей во взятии Азова и прибавили, «а будет царю надобно Азов, и он над ним сам промышляй», и категорически отвергли требование о досылке 1900 золотых. Послы и гонцы уже в просительном тоне говорили о 1900 золотых («то дело небольшое») и снова ручались, что насилий больше не будет. 4 октября Осман Чилибей был на отпуске и говорил, что Бегадыр Гирею то будет «досадно» и «сумнительно», что посланники в Крым присылаться не будут; тогда и из Крыма послы и гонцы в Москву приезжать не будут. Дьяки отвечали, что это уже как хочет Бегадыр Гирей, пошлет ли он послов и гонцов или нет, но московский государь из-за насилий в Крым своих посланников более не пошлет. «И крымские послы и гонцы говорили, не всегда де то над государевыми посланниками в Крыме бывает. И над нами ныне в Москве мало не тож было, лише их на лошади не сажали, да воды в нос не лили, а утеснение им таково же было». Дьяки уличали их в неправде: ни избиений, ни мучений, ни грабежа над ними никаких не было, «только немногое время с дворов их не пускали, да корму им давать было не указано. И то было немногое время, а ныне все учинено попрежнему. Не так как над нынешними государевыми посланниками в Крыме позор и всякое поруганье и мученье было, неведомо чего над ними не делали»...[61]

Московское правительство сознательно затягивало отправку в Крым очередных поминок. Из Крыма приезжали один за другим гонцы. 10 ноября 1639 г. в Посольском приказе был принят гонец Абулгай Чилибей, а 16 января 1640 г. гонец Тохтамыш аталык. Оба они говорили об одном и том же: 1) чтобы Азову не было помощи, 2) чтобы казна присылалась без убавки (1900 золотых), но не говорили уже об удвоенном ее размере, 3) посланников присылать в Крым. Гонцы уверяли, что насилий больше не будет. Тохтамыш аталык заверил, что у царя Бегадыр Гирея с ближними людьми «договоренося накрепко», что ему быть с московским государем в дружбе «свыше прежних крымских царей» и чтобы над посланниками впредь не

[60] Крым. д. 1639 г., № 12, л. 34—74.
[61] Крым. д. 1639 г., № 7, л. 152—232.

чинить никакого дурна. Дьяки отвечали, что давно уже сказано, что 1900 золотых уплачиваться не будут, что гонцы и послы всегда ручаются, а Бегадыр Гирей нарушает шерть; поэтому будет вернее передавать казну на размене.[62]

Посланному в марте 1640 г. для размены окольничему С. Проестеву и дьяку А. Акинфиеву было предписано «накрепко» настаивать на передаче казны на размене; однако если из-за этого требования размена будет угрожать срывом и крымцы не отпустят в Москву Фустова и Ломакина, то разрешалось послать в Крым вместе с казной новых посланников—Венедикта Сухотина и Семена Звягина. Кн. Джантемир категорически отказался принять казну на размене, и посылка Сухотина и Звягина в Крым состоялась. Но кн. Джантемир сделал при этом два важных признания. Пытки и правеж над Фустовым и Ломакиным действительно были, «и в том де царя всем Крымом не похваляют». Теперь можно без всякого опасенья слать в Крым посланников; царь и калга «исправятся» и новых насилий совершать не будут, в чем он, кн. Джантемир, ручается. Проестев и Акинфиев решительно отказали в прибавке на 1900 золотых: «Какой то оклад,— говорили они,— и хто те золотые в оклад положил»; сами посланников ограбили, сами кабалу вымучили и в оклад положили. Кн. Джантемир отступил и признал, что те золотые Фустов и Ломакин «перевели на себя от великие нужи, не перетерпя мук, и тое де неправду всем Крымом кладут на царя».[63] Если верить заявлениям кн. Джантемира, то насилия над Фустовым и Ломакиным должны быть отнесены на счет Бегадыр Гирея и его братьев. «Весь Крым», т. е. прежде всего крымские князья и мурзы не сочувствовали этим насилиям. Мы можем угадывать причины такого несочувствия насильственным действиям царя: они были нецелесообразны тактически, ибо не достигали цели; напротив, они грозили прекращением нормальных дипломатических сношений с Москвой, выгодных для крымской знати, получения поминок, выгодных поездок в Москву и на размену. Князья и мурзы сумели настоять на своем, что видно из последующих событий.

Тем не менее посольство Сухотина и Звягина началось под угрозой повторения испытанных Фустовым и Ломакиным пыток. Они пришли на свой стан в Яшлово 14 апреля 1640 г. На следующий день капычейский кегья с 8 капычеями, приехав на стан, требовали себе жалованья и почести. Посланники отказали. Капычеи уехали, осыпая посланников бранью. 16 апреля Байрам ага, ближний человек царя, по матери его брат, требовал предварительной выдачи росписи поминок. Посланники отказали. 17 апреля на стан с таким же требованием приезжали кн. Джантемир Сулешев, Муратша Сулешев и Резеп афендей. Первые два только присутствовали. Посланники отказали. Резеп афендей «лаел посланников матерны и называл музоверы и собачьими головами»,[64] требовал хотя бы половину от 1900 золотых и новых дач на 16 ближних людей царя. 21 апреля нурадын предъявил требование выдачи добавочного жалованья на 16 своих ближних людей, как было при Фустове и Ломакине. 22 апреля Сухотин и Звягин были приняты царем. Бегадыр Гирей прервал их речь о насилиях над Фустовым и Ломакиным и сказал, что то произошло из-за

[62] Крым. д. 1639 г., № 16, л. 20—37, 55—69, 84—87.— Крым. д. 1639 г., № 19, л. 14—27, 28 и сл., 53.

[63] Крым. д. 1639 г., № 17, л. 86, 129—138, 244, 286—292.— Крым. д. 1640 г., № 2, л. 1, 59—134.

[64] Музоверы (тур.— мюзеввир) — безбожник, неверный, лжец, обманщик. См. ниже — «безверные собаки».— Афендей — от «эфенди» (господин), часто означало духовное лицо». В документах встречаются выражения: «афендеи — духовные люди», афендей-ших (шейх)» и т. п.

недосылки поминок и что то же будет и с ними, если не дадут казны полностью. 25 апреля начался прием поминок царским родственникам и ближним людям. Сейчас же обнаружилось, что поминки не соответствовали ожиданиям царя. 26 апреля посланники были посажены в подклети в доме Байрам паши, который грозил их резать на куски и набить из них чучела. 27 апреля посланникам было сообщено, что царь решил ограбить казну и посланников казнить, а посольских людей распродать. На деле этого не произошло. За посланников будто бы вступились мать и сестра царя. Но гораздо важнее было вмешательство в готовившуюся расправу ближних людей, которые сделали царю представление, что никогда прежде подобных насилий над посланниками не бывало; в тех случаях, когда крымские цари считали, что им прислано мало или недослано, они требовали прибавки, о чем писали в Москву, но войны из-за того никогда не бывало. Очевидно, совет ближних людей был достаточно решителен, царь уступил. В дальнейшем прием поминок прошел без всяких особых грубостей.

Однако царь Бегадыр Гирей взял реванш при обсуждении условий шертной грамоты. В этом вопросе ближние люди не могли вмешаться с такой же настойчивостью, как при принятии поминок, хотя, по их словам, они и здесь сдерживали царя. Спор шел о написании шертной грамоты «с повеленьем» и о титуловании московского государя самодержцем. Крымцы в XVI в. никогда не титуловали московских государей самодержцами. Вопрос этот стал предметом постоянных дипломатических споров лишь со времени Михаила Федоровича. Московское правительство и его посланники проявляли много настойчивости, а крымцы, отвергая их требования, проявляли упорство и даже горячность. Еще в 1638 г. при составлении шертной записи ближние люди царя Бегадыр Гирея «с шумом» отказывали посланникам Астафьеву и Кузовлеву внести в запись титулование «самодержцем»: «Такого слова никако написать не уметь», говорили они; «только де по-татарски написать, и так де его, великого государя, богом назвать». Сам Бегадыр Гирей говорил: «Разве де для корысти веры отречься, так написать,— один де бог на небе».[65]

В приезд Сухотина и Звягина спор по этому вопросу возобновился. Бегадыр Гирей 25 августа 1640 г. шертовал на записи, написанной «с повеленьем» и без наименования государя самодержцем. Сухотин и Звягин отказались принять запись. Посланники, толмачи, кречетники и несколько арбачеев были закованы в стрелецкой избе. Придуманный царем способ физического насилия был прост и ничем не походил на пытки Фустова и Ломакина, и тем не менее он достиг своей цели. На ночь посланники были связаны по рукам, по запястьям, а на шеи им были положены цепи. Когда руки затекли кровью, посланникам связали руки подмышками. Проделано это было следующим образом: «...тянули ременьем за концы по два человека, упирая посланников в плечи, и били по щекам, и за волосы драли, а говорили чауш и стрельцы: велел де царь посланников вязать и бить на смерть, чтобы до утра живы не были». Под утро, когда Сухотин и Звягин «кончались смертью» и кричали, сам царь Бегадыр Гирей приходил к избе к окошку и слушал. Услышав крики посланников о государе-самодержце, он рвался в избу и хотел посланников зарубить саблей, и лишь ближние люди удержали царя за ноги и упросили его посланников не сечь. Посланники не выдержали и приняли шертную запись.[66] Впоследствии крымские гонцы без малейшего смущения уверяли в Москве,

---

[65] Крым. д. 1636 г., № 11, л. 390—392.

[66] Крым. д. 1640 г., № 3, л. 38—40, 48—58, 60—61, 63—90, 170—175, 179—191, 274 и др.

что Сухотин и Звягин приняли шертную грамоту без всякого принуждения «своею волею».

Почему крымцы так упорно отказывали в титуловании московского государя самодержцем? Почему Бегадыр Гирей вкладывал столько страстности в этот вопрос? Он говорил, что московский государь в своих грамотах «себя высит, а его царево имя низит». Но дело, очевидно, заключалось не в одном самолюбии. Еще в XVI в. Казы Гирей в грамотах в Москву именовал себя самодержцем, а позднее со времени Ислам Гирея крымцы ввели этот термин в титулование московского государя. Следовательно, дело заключалось и не в том, что назвать московского государя самодержцем было равносильно наименованию его богом. Посланники Астафьев и Кузовлев, отводя возражения крымцев, говорили: «А что они говорят, будто такого слова (самодержец) написать нельзя, а написать, и великого государя богом назвать, а то они говорят нерассудительно. Написано то слово для того, что великий государь наш на своих государствах богом избранный и самовластный великий государь, а ни от которых земных царей и великих государей». Посланники, таким образом, толковали термин «самодержец», как показатель внешнеполитической независимости, суверенности московского государя. Нам кажется, что именно это-то обстоятельство и вызывало возражение со стороны крымцев, считавших себя наследниками Золотой Орды, хотя они и не говорили этого прямо. С отрицанием такой независимости находится в связи и другой спорный вопрос о писании шертных грамот «с повелением». Так, в шертной грамоте того же Бегадыр Гирея от 1638 г. после обращения к царю Михаилу Федоровичу, с извещением о воцарении читаем: «Как вас бог милует, здорово ли вы, а после поздравленья буди вам наше любительное царево п о в е л е н ь е в е д о м о». Далее следует изложение условий шертованья.[67]

Эта манера писать в Москву «с повеленьем» явно не_вязалась с титулованием московского государя «самодержцем». Уже при царе Магмет Гирее в 1642 г. окольничий В. И. Стрешнев и дьяк Трофимов пытались добиться разрешения спорного вопроса, затушевав идею независимости: неверно, «непристоит», говорили они, «разменному паше» на Ливнах, уподоблять «самодержца» «вседержителю». «Вседержитель» лишь один бог, а московский государь «верный его слуга». Самодержцем же он пишется искони, потому что «он, великий государь наш, на своих государских престолах самодержавен своим самодержавством и в своем государстве во всем владетелен и волен по своему царскому рассмотрению, кого он, государь, изволит, того и пожалует, а на кого гнев свой государский положит, тому велят учинить наказанье, чего он достоин, а ни с кем про то великий государь наш, его царское величество, не спрашивается»... Но и такое толкование самодержавия в смысле внутреннего полновластия не было принято крымцами.[68]

В ноябре 1643 г. на «размене» под Валуйкой окольничий кн. Литвинов-Мосальский и дьяк Мина Грязев говорили «разменному бею» кн. Маметша Сулешеву, что крымцы «не делом» толкуют «самодержца» «вседержителем», богом, «сотворителем неба и земли и всей твари»; «самодержец божеству не пристоит». Все окрестные государи именуют московского государя самодержцем, следовательно, они не толкуют термина «самодержец» так, как это делают крымцы.[69] Расхождение между крымским и московским правительствами заключалось не в различии понимания термина «самодержец». Не из пустой мелочности московское прави-

---

[67] Ф. Л а ш к о в, Изв. Таврич. ученой архивн. комиссии, вып. 11, 1891 г., с. 1—5.
[68] Крым. д. 1642 г., № 20, л. 45—49.
[69] Крым. д. 1643 г., № 10, л. 112—113.

тельство настаивало на своем требовании, и в Посольском приказе наводили справки за более чем столетний период о титуловании московских государей крымцами,[70] и не из простого упрямства крымцы отвергали эти претензии. В качестве аналогии приведем тот факт, что турецкое правительство в моменты расхождения с московским правительством по вопросам политического характера, снижая ранг московского государя, называло его «королем», а не «царем». Спор между Крымом и Москвой о титуловании был идеологическим выражением борьбы, происходившей между ними. В конце 1644 г. московским посланникам Неронову и Головнину удалось, наконец, впервые добиться внесения в шертную запись наименования московского государя «самодержцем».[71] С тех пор этот термин неизменно встречается в крымских грамотах в Москву.[72]

Возвращаясь к эпохе Бегадыр Гирея, мы констатируем, что все дипломатические сношения при нем с Москвой сводятся к вопросам о размере поминок и теоретическим спорам о титуловании и форме написания шертных записей. И это все, что осталось от воинственных планов и требований царя, заявленных им в 1638 г. на приеме Извольского и Зверева.

Одновременно с пребыванием в Крыму Сухотина и Звягина в Москву прибыли: в июне 1640 г. посол Дин-Ислям ага, затем гонец Мустафа Чилибей. Дин-Ислям ага был принят 7 июня. В грамоте Бегадыр Гирея, привезенной им, говорилось: об известной в Крыму помощи Азову со стороны московского государя (Бегадыр Гирей допускал, что это происходит без ведома государя, и требовал запрещения посылки припасов в Азов), о доставке поминок без убавки, о досылке 1900 золотых. Посол доказывал, что роспись Джанибек Гирея, утвержденная при посланниках Ансимове и Акинфиеве в 1633 г., «испорчена» и «несправчива». А вот есть у них в Крыму другая роспись, присланная в Москву с Курмаш мурзой, которую они считают подходящей. Дьяки отвечали, что в Москве имеется подлинная роспись Джанибек Гирея за его печатью, и что если он, посол, пожелает, он сможет сверить с нею свою роспись, что никакой иной росписи московское правительство не признает. В Крыму началось «непостоянство»: вымучат, ограбят и в оклад положат «и недосланною рухлядью называют»; но, «хотя весь Крым перепиши, да тому чему верить. На весь Крым царскому величеству не наслатца». Дьяки прибавили, что московский государь вновь склоняется к тому, чтобы в Крым посланников не посылать. Это заявление дьяков вызвало новые уверения посла, что царь и калга твердо стоят на своей шерти и «лжи и примененья в них никакого не будет; за то они имаютца».[73]

19 июня был принят гонец Мустафа Чилибей. Он говорил, что Бегадыр Гирей отвергает роспись Джанибек Гирея, как «непрямую», и «быть на той росписи нельзе, слов много»... Дьяки никогда не упускали случая уколоть, задеть и дать почувствовать крымцам унизительность их торга из-за поминок. На этот раз дьяки сказали, что было послано все, что полагалось по росписи с прибавкой на 20 человек (по договору Извольского и Зверева). Но царь поступил неправильно, всю прибавку на 20 человек забрал один и не поделился с калгой и нурадыном. В таком случае прибавку надо давать и калге и нурадыну, а это будет уже втрое больше договоренной прибавки. Раздосадованные гонцы сказали: «Много о том говорить нечего, наказал им царь два слова»..., «недосылку велел прислать». Дьяки ответили на это новым поучением: должен же царь принять

---

[70] Крым. д. 1645 г., № 22, л. 1—12.
[71] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 404—424.
[72] Ф. Л а ш к о в, Изв. Таврич. ученой архивн. комиссии, вып. 11 и 12.
[73] Крым. д. 1640 г., № 5, л. 25—43, 58 и др.

во внимание, что ему были посланы поминки за 1637 г., когда Сафат Гирей нападал на Русь, хотя и «не довелось» посылать. Дьяки сделали, далее, неожиданное для гонцов заявление, что московский государь решил отказать Бегадыр Гирею в пропуске его послов в Швецию; пусть гонцы возвращают их обратно. Пораженные отказом гонцы говорили, что царь и калга велели им о том «бить челом гораздо» и что отказ будет царю «гораздо сумнителен». Но дьяки ответили, что раньше послов в Швецию пропускали, снабжая их кормом и подводами, но теперь убедились, что «тем царя (Бегадыр Гирея) не утешили» и чем больше делают для него, тем больше «государевым посланникам в Крыму чинитца дурно».[74] Гонцы в Москву Ахмет аталык (с 40 товарищами) в апреле 1641 г. и Магмут бек (с 32 товарищами) в мае того же года уже не возбуждали новых вопросов и лишь хлопотали о том, чтобы поминки присылались по росписи гонца Салтыка (октябрь 1640 г.).[75] Правительство приняло эту роспись, поскольку она не расходилась с росписью Джанибек Гирея. Но Посольский приказ был очень внимателен и усмотрел лишнее в росписи последних гонцов по сравнению с росписью Салтыка: крымцы не удержались от того, чтобы незаметно протащить новую прибавку на 34 человека. Прибавка эта при переводе на деньги была незначительна, и московское правительство не сочло нужным спорить о такой мелочи. Но и на этот раз не упустило случая отправить в Крым своего гонца с грамотой, в которой издевалось над царской хитростью. Бегадыр Гирей присылал Салтыка с росписью, называл ее «прямой», «писал с великою клятвою, что милостив и щедр господь, правых своих раб любит, а неправедным, хто правду и шерть нарушит, и тому на сем свете и в будущем веке бог мститель; и та ваша клятва самих вас обличает». Бегадыр Гирей так клялся, а в росписи гонца Ахмета аталыка приписал жалованье на 34 человека. Но так и быть тому, московский государь согласен прислать эту прибавку.[76] Московские посланники Чубаров и Байбаков, прибывшие в Крым в конце 1640 г., уже не подвергались насилиям.

Итак, общий характер и содержание дипломатических сношений московского правительства с Крымом в годы занятия Азова казаками остаются прежними: со стороны крымцев продолжались все те же вымогательства, со стороны московского правительства все то же упорное старание ввести крымские претензии в известную норму и придать им в какой-то мере корректную и безобидную форму. Мы остановились подробнее на дипломатических сношениях этих лет потому, что никогда ранее приемы вымогательства не достигали такой остроты и торговля из-за увеличения поминок и всевозможных подачек не принимала со стороны крымцев таких грубых форм; никогда еще вымогательства и насилия над посланниками в Крыму не вызывали публичного обсуждения в Москве на специально для этого созванном земском соборе. Нельзя не заметить, нам кажется, некоторого изменения в самом тоне и приемах дипломатических переговоров русского правительства с крымцами: отказ от пропуска в Швецию крымских послов, попытка передачи поминок на размене и прекращение дипломатической ссылки с Крымом, настойчивый отказ от увеличения поминок сверх обычного размера, хотя и мягкие по форме, ответные репрессии в отношении крымских послов и гонцов, откровенное и даже грубоватое разоблачение торгашеских приемов крымцев. И раньше в отдельных случаях московское правительство прибегало к таким же средствам в дипломатических переговорах с Крымом, но в изучаемые годы москов-

[74] Крым. д. 1640 г., № 10, л. 29—53, 68.
[75] Крым. д. 1641 г., № 5 и 6.
[76] Крым. д. 1641 г., № 5, л. 34—49.— Крым. д. 1641 г., № 7, л. 26—50.

ское правительство пустило их в оборот во всей их совокупности и притом с полным, хотя и временным, успехом. Нет сомнения, что занятие Азова и значительное усиление обороны создавали для правительства новую точку опоры при ведении дипломатических переговоров. Правительство не только добилось отказа крымцев от всех их преувеличенных запросов, но вынудило у представителей крымской знати признание необоснованности требований и насилий над посланниками со стороны крымского царя. Отмечаемые нами изменения в приемах и тоне дипломатических сношений московского правительства с Крымом в годы захвата Азова не были случайностью, бесследно исчезнувшей из дальнейшей практики; несколькими годами позднее эти изменения становятся еще более заметными. Объяснение их заключается в том, что для Московского государства подходит к концу самая тяжелая пора слабости, находившая свое отражение в отношениях с Крымом.

< 3 >

Занятие Азова донскими казаками немедленно отразилось на положении ногайских улусов, оказавшихся под властью Крыма. Уже от конца 1637 г. имеются сведения (от татарского «языка»), что в Крыму был получен указ султана о разрешении ногаям кочевать, где они хотят.[77] Весьма возможно, что турецкое правительство пыталось этой мерой исправить допущенную ранее ошибку, вследствие которой Азов сделался легкой добычей казаков. Этот вывод ногаев из Крыма состоялся уже весной следующего 1638 г. Действительно, 16 апреля 1638 г. в статейном списке Астафьева и Кузовлева записано, что в Бахчисарае «кликали», чтобы ногаев Больших и Малых и Дивеевых (Кантемировых), не имеющих собственных юрт, а живущих по чужим юртам и по друзьям, в Крыму не держать, а «выбить всех из Крыму за Перекопь на степь, для того что учела быть от тех ногайцев хлебу большая дороговь, и пропажа стала чиниться большая, и тех де ногайцев всех прогнали на степь». Люди, посылавшиеся «для вестей» из Астрахани в Азов, также слышали, что царь выпустил ногаев из Крыма будто бы по причине бескормицы. Во всяком случае, когда летом царь Бегадыр Гирей пытался совершить поход под Азов и выходил из Крыма, с ним вместе ходили и ногаи; возвращаясь в Крым, он увел с собой и ногаев.[78] Крымцы отнюдь не хотели выпускать ногаев из своих рук; ногаи представляли собой значительную вооруженную силу и важный объект эксплоатации. Условия существования ногаев в Крыму были тяжелыми. Крымцы не верили ногаям, подозревая их в намерении уйти из Крыма и вернуться в московское подданство. Их политика в отношении ногаев строилась на разжигании внутренней борьбы мурз Урмаметевых и Тинмаметевых, причем приемы этой политики были гораздо более грубыми, чем приемы русского правительства.

Еще Инайет Гирей в 1637 г. до своей смены успел казнить четырех мурз из Больших ногаев за то, что они выдали мансурам царевичей Хусам и Сеадет Гиреев. Бегадыр Гирей наследовал эту борьбу с дивеевыми мурзами, хотя общая ситуация, после гибели Кантемира, была совершенно иная,— показатель того, что вражда крымцев к дивеевым ногаям имела гораздо более глубокие корни, чем личные или династические соображения крымских царей. Вследствие неполноты источников мы не можем проследить этапов борьбы крымцев с мансуровскими мурзами при Бегадыр Гирее. Совпадающие между собой сообщения об этом

[77] Ногайск. д. 1637 г., № 1, л. 156.
[78] Крым. д. 1638 г., № 1, л. 1.— Ногайск. д. 1639 г., № 1, л. 4, 20.

мы находим в статейном списке посланников Фустова и Ломакина, в донесениях астраханских «вестовщиков», посещавших донских казаков, и в сообщениях астраханских воевод. Под 14 мая 1639 г. в статейном списке Фустова и Ломакина записано, что царь Бегадыр Гирей вызвал к себе как бы «на совет» кн. Петра Урусова и «казнил» его и всех его людей. Тело казненного было брошено «на царевом дворе в отход». Так закончилась богатая событиями и приключениями жизнь кн. П. Урусова (Урак мурзы Янарасланова). Вслед за тем царь Бегадыр Гирей произвел массовое избиение мансуровских мурз, толковавшееся в Крыму как месть за гибель в 1637 г. царевичей Гиреев. Наши источники называют некоторых из убитых мурз. В Крыму были убиты кн. Гулим, кн. Алей и Нарт Мангитские, сын кн. Гулима и два сына кн. Петра Урусова. Царь послал в улусы мансуровских мурз нурадына Сафат Гирея, который «улусы их развоевал и мурз всех и их детей, которые в пеленках, порубил». Горские черкасы сообщали в Астрахань одну подробность, что Бегадыр Гирей указал беременных жен убитых мансуровских мурз «взять за пристава» покаместа, что они родят, мужеск ли пол или женеск», чтобы уничтожить затем мужское поколение. Один из спасшихся в Азов мансуровских мурз, Адил мурза, показал, что истреблено было 25 мурз, спаслось бегством 15. Трое из мурз, Салмаша (брат Кантемира), Туртемир (сын Кантемира) и Кантемир (сын Салмаша мурзы) бежали в улусы Тинмаметевых ногайских мурз к кекувату Янмаметь мурзе, но по требованию крымцев и под давлением Салтанаш мурзы и Акимбет мурзы Аксак-Келмаметевых были выданы и уничтожены крымцами.[79]

Первыми ушли от Крыма под Азов в феврале 1638 г. Иштерековы мурзы: Саин (Аксаин), Чобан и Шайтемир с частью своих улусов, а остальные улусные люди собрались к ним затем разрозненными группами. Уход Иштерековых мурз произошел раньше кровавой расправы Бегадыр Гирея с мансуровскими мурзами.[80] Астраханские вестовщики сообщали, что такое же стремление обнаружили затем мурзы Тинмаметевы во главе с Янмаметь мурзой. Напротив, мурзы Урмаметевы, действуя наруку крымцам, энергично им противодействовали. Стараясь удержать от измены Крыму Янмаметь мурзу и требуя, чтобы он не уходил без их согласия, Аксаковы мурзы «ухватили» его сына Яныбек мурзу. Янмаметь мурза, испугавшись расправы, скрылся из своих улусов, но затем, успокоенный уверениями, что против него никакого умысла нет, вернулся и сейчас же был схвачен Аксаковыми мурзами и отослан в Крым. По доносу Аксаковых мурз крымцы имели возможность принять меры к удержанию ногаев от ухода за Дон. В их улусы были посланы крымские войска, улусы передвинуты ближе к Перекопу, потребованы аманаты из числа мурз и «владетельных» улусных людей. Удалась ли последняя мера — неизвестно, но сам Янмаметь мурза с сыном попали в заложники. В качестве противовеса обнаружившим «шатость» Тинмаметевым крымцы сделали некоторое послабление Урмаметевым мурзам, сидевшим в городке Чуфут, и освободили из заключения Би мурзу Урмаметева с братьями, но улусов им не вернули.

---

[79] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 139—141.— Ногайск. д. 1639 г., № 1, л. 70, 102, 114—116, 124—127.— Ногайск. д. 1639 г., № 11, л. 28—30.— От горских черкас идет известие об истреблении Бегадыр Гиреем 40 мансуровских мурз. Здесь же имеется сообщение, что в данном случае Бегадыр Гирей действовал по указу султана.— Это последнее сообщение опровергается всеми другими данными (Кабард. д. 1614 г., № 1, л. 10.— Кабард. д. 1639 г., № 1, л. 46—47). Известно, что мансуровские мурзы спасались в Константинополе.

[80] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. I), с. 695—697.— Саин мурза — сын кн. Иштерека, Чобан и Шайтемир (или Шатемир) — его внуки.

Все эти меры не могли, однако, удержать ногаев от бегства за Дон; это стремление обнаруживали не только мурзы, боявшиеся такой же кровавой расправы, какая была совершена над мансуровскими мурзами, но и вся масса улусных людей. Заложники и надзор крымских войск могли затормозить движение, но пресечь его окончательно не могли. Занятие Азова донскими казаками произвело на татар сильное впечатление, а казаки настойчиво убеждали их вернуться за Дон и в русское подданство, уверяя их, что никакого зла они им не причинят и помогут им перебраться через реку.[81]

В сентябре 1639 г. Янмаметь мурзе удалось вырваться из Крыма и бежать в Азов со всеми своими семью сыновьями и частью улусных людей (1200 человек). Почти одновременно в Азов бежали некоторые мансуровские, казыевские и Больших ногаев мурзы. Из мурз мансурова родства документы называют Адил мурзу и Азамат мурзу, из казыевских Исинея мурзу Барынгазыева, «а ушли они из Крыма от убийства крымского царя». Мурзы Адил, Исиней и Янгурчей (сын Янмаметь мурзы) отправились в Москву для принесения шерти в подданстве и верности.[82] Побег Янмаметь мурзы послужил толчком, усиливавшим общее стремление уйти из Крыма. Акимбет мурза тотчас же уведомил царя о побеге Янмаметь мурзы. Но ни крымцы, ни Урмаметевы мурзы не могли уже удержать улусных ногайских татар. Салтанаш мурза с братьями устроили «совет» со своими улусными людьми. Бывшие в ногаях астраханские «вестовщики» Ф. Елагин и Л. Карагашев с товарищами хорошо передают впечатление о стихийности движения ногаев за Дон: «И завопя ногайские мурзы с улусными своими людьми ясаком,[83] пошли с улусы своими из-под Крыму к Дону». Движением были увлечены, кроме мурз Тинмаметевых, даже некоторые из Урмаметевых и мурз малого ногая с улусами.

Общую численность ушедших за Дон татар казаки определяли в 30 тыс. черных улусных людей, не считая жен и детей. Таким образом, из-под Крыма ушла основная масса ногаев больших и малых. Донские казаки проявили при этом большую услужливость: они не только предоставили татарам суда для переправы, но сами их перевозили, а мурз, бежавших в Азов, кормили за свой счет. Мурзы принесли шерть в подданстве московскому государю и расположились на кочевьях под Азовом под защитой донских казаков. Здесь, впрочем, они удержались ненадолго. Ногайские мурзы, остававшиеся в степях между Волгой и Доном, призывали их итти ближе к Астрахани; к тому же казаки в ожидании прихода турецких и крымских войск выжгли степи.[84]

Крымское правительство поспешило принять экстренные меры к удержанию под своею властью ногаев, не успевших уйти за Дон. Малые ногаи и «остальцы» большие ногаи немедленно же были загнаны «за осыпь» (т. е. за Перекоп) в Крым и расселены в крымских степях и деревнях. Таких «остальцев», по сведениям Фустова и Ломакина, было больших ногаев до 4000 человек, а малых — до 5000. Урмаметевых мурз царь освободил из заключения и дал им во владение улусы мансуровских мурз.[85]

---

[81] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 127, 142, 148.— Ногайск. д. 1639 г., № 1, л. 70, 82, 116—117, 124—130.— Ногайск. д. 1640 г., № 1, л. 17—18.

[82] Ногайск. д. 1639 г., № 11, л. 3—4, 28—30.

[83] Ясак — в данном случае сторожевой и опознавательный клич, знак тревоги, сигнал вообще (Даль).

[84] Ногайск. д. 1639 г., № 11, л. 30—34.— Ногайск. д. 1640 г., № 1, л. 17—18.— РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1) с. 932, 961, 974.—Ногайск. д. 1639 г. ,№ 12, л. 177—178.

[85] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 205.— Ногайск. д. 1640 г., № 1, л. 20.

Посланный в ногайские улусы, Ф. Елагин 27 декабря встретился с мурзами на урочище Таш-бурун и договорился с ними о том, чтобы они прикочевали ближе к Астрахани. От перехода за Волгу мурзы решительно отказались; добиться их объединения также не удалось. Елагин сообщил в Москву, что зимой 1639/40 г. ногайские улусы расположились в степях следующим образом: 1) Кекуват Янмаметь мурза (с ним 5000 или «мало больше» улусных людей) кочевал около Мочаков в 2 днях от Астрахани; 2) самый влиятельный из мурз Салтанаш мурза Аксак-Кельмаметев (с ним улусных людей 3000 человек) кочевал несколько далее от Астрахани, в 3—4 днях, к востоку от Можарского городища; 3) Би мурза и Уразлы мурза Иштерековы и Саин мурза Яштереков (3 тыс. человек) кочевали по Елабуге и к Кумскому кутлуку; 4) Чубар мурза Тинмаметев с детьми (до 1000 улусных людей) кочевал по восточную сторону Башмочага.[86] В апреле и мае 1640 г. через Азов в ногайские улусы прибыл из Москвы кн. Н. Белосельский. Он застал орду все в том же рассеянном состоянии. Расположение улусов на кочевьях изменилось. Янмаметь мурза кочевал против Астрахани и вдоль по Волге. Салтанаш мурза отошел дальше от Астрахани ближе к Кабарде и кочевал вверх по р. Калаузу. Салтанаш мурза, другие мурзы и улусные люди отказались итти к Астрахани, потому что находились в «большой ссоре» с Янмаметь мурзой. Салтанаш мурза говорил, что пусть государь его казнит, а живым ему под Астрахань не итти, потому что Янмаметь мурза и кочующие с ним мурзы ему недруги; они убили отца его, Аксак-Кельмаметь мурзу, убьют и его.

Кн. Н. Белосельский попрежнему считал Салтанаш мурзу сильнейшим и влиятельнейшим из всех ногайских мурз. Орда кочевала врознь, поэтому кн. Н. Белосельский только предположительно определял численность улусных людей, кочевавших во главе с Салтанаш мурзой, в 15 тыс. человек. Переводчик Имралей Кашаев, вернувшийся в Москву раньше Белосельского, определял численность улусов Салтанаш мурзы всего в 10 тыс. человек. Даже если принять более вероятной последнюю цифру, видно, что под властью Салтанаш мурзы находилось наибольшее число улусных людей. Но это не делало еще его главой и руководителем ногайской орды, и его претензии на руководящую роль не могли не вызывать вражды со стороны его дядей. Орда не имела главы. Из четырех ногайских ордынских чинов (князя, нурадына, кейкувата и тайбуги) замещен был лишь чин кейкувата (Янмаметь мурза Тинмаметев). Ногаи возбуждали через Белосельского вопрос о новых назначениях в эти чины: «А ныне де чины извелись и ногай изсяк»; назначение в чины послужило бы к славе государя и укрепило бы орду; пожалованным служить государю «приятнее, а солгать и изменить от такой чести отнюдь им будет не уметь». Правительство не пошло навстречу этим пожеланиям. Для состояния распада орды характерно, что «лучшие улусные люди» со своей стороны заявили претензию, чтобы из Москвы к ним присылали особые грамоты, помимо мурз. На замечание кн. Н. Белосельского, что всех в грамоте не перечислить, а перечислить лишь немногих — вызовет обиду, улусные люди отвечали, что «немногие де они в нагайских улусах владетельны»: Тугалей батырь, Ишакай батырь, Айдабул батырь и Таз батырь.[87]

Если считать перерыв татарских нападений на Русь с 1638 г. первым важнейшим результатом занятия Азова казаками, то возвращение ногайских орд из-под Крыма за Дон было вторым его результатом. Казаки

---

[86] Ногайск. д. 1640 г., № 1, л. 22—25.
[87] Ногайск. д. 1639 г., № 12, л. 143, 206—212, 314—318, 324 и др.

имели основание гордиться успехом своего самочинного предприятия, а московское правительство должно было оценить заслуги казачества, что и выразило не только словами благоволения, но и посылкой жалованья, разрешением выхода на Дон охочих людей и возвращением казакам почти всех льгот, которых оно лишило их в 1630 г. [88]

< 4 >

В течение лета 1641 г. Азов, в котором засели казаки, подвергся осаде огромной турецко-татарской армии. Эпизод этот хорошо известен и был много раз описан. Мы кратко коснемся его, поскольку это нам необходимо для понимания интересующих нас вопросов и поскольку он связан с участием в нем татар. Кроме частей турецких войск, в состав армии входили греки, сербы, молдаване, трансильванцы, горские черкасы и крымские татары. Эвлия, сопровождавший турецкого главнокомандующего Гусейн пашу, называет цифру более 300 тыс. турецко-татарского войска.[89] Казаки определяли численность осаждавшей Азов армии в 250 тыс., в том числе крымцев и ногаев 40 тысяч. [90]

Сообщения русских разведчиков, посылавшихся под Азов из Астрахани и живших в турецких и татарских таборах, подтверждают цифру 40 тыс. крымцев и ногаев, но ни разу не называют столь огромной цифры турецких и других войск. Так, один из разведчиков, долго пробывший под Азовом, сообщил астраханским воеводам, что он слышал от татар, что турок пеших и конных всего было несколько более 30 тыс. Турецкий чауш, с которым московские посланники Чубаров и Байбаков, возвращавшиеся из Крыма, встретились в феврале 1641 г. и ночевали в степях за Перекопом, говорил, что для похода под Азов в придунайских турецких провинциях было приготовлено 20 тыс. войска. [91] В рассказе об «Азовском сиденье», помещенном в «Летописи о многих мятежах», даны аналогичные цифры турецкого (вместе с вассальными отрядами) войска в 20—25 тыс. и татар — 40 тысяч. [92] Часть турецких войск была доставлена морем. Таким образом, численность войск, которые могли бы принять участие в осаде Азова, может быть определена в 70—80 тыс. человек. Однако татары участия в осаде не принимали. Потери турок были огромны. Астраханский разведчик конный стрелец новокрещен Ив. Иванов слышал от татар, что потери турок убитыми и умершими исчислялись в 18 тыс. человек. 29 октября 1641 г. в Астрахань вернулся другой астраханский стрелец, Куземка Федоров, живший под Азовом; от турского головы Ян мурзы он слышал, что под Азовом было убито турских начальных и лучших людей до 6 тыс. человек, «а даточные люди побиты многие». В другом месте тот же Куземка Федоров дополнил свое сообщение, сказав, что даточных людей было побито 8 и более тысяч, да сейменов (крымских стрельцов) — 500 человек. После снятия осады Куземка Федоров сам видел много покинутых турецких каторг с ранеными и мертвыми турками. [93] Показания обоих разведчиков о турецких потерях под Азовом близки между собой. Если исходить из приведенных цифр турецкого

---

[88] РИБ, т. XVIII (Дон. д., кн. 1), с. 721—729, 733—734, 737—741 и др.
[89] Зап. Одесс. об-ва, т. VIII, с. 161—181.
[90] А. Попов, Изборник, с. 392—394.
[91] Крым. д. 1641 г., № 4, л. 5.
[92] Летопись о многих мятежах, Спб., 1771, с. 371.
[93] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 210—212, 232, 236, 238, 259, 262 и др. (Здесь показания астраханских разведчиков).

войска, то оно превосходило казачий гарнизон в Азове (несколько более 5 тыс. человек) в шесть раз. [94]

Ход осады Азова был описан много раз. [95] Турки применили против Азова сильную артиллерию, вели подкопы, насыпали валы, производили неоднократные штурмы. Казаки проявили стойкость и искусство в обороне и минном деле. Казаки возобновили укрепления к моменту осады, но вообще укрепления были довольно слабы. По описанию Ст. Чирикова, в 1637 г. казаки взяли Азов через пролом в стене сажен на десять. «А город делан не кирпишной,— писал Чириков,— камень самород, кладен и смазан белою глиною. А город не крепок, зубцов по стенам нет, и боев сверху и нижних из города нет же, потому что избы татарские приделаны к городовой стене, а обламов по городу нет, а ходят по городу по деревянным кладем. А наряду по башням и на татарских избах, которые выше городовой стены, много. А иной наряд без станков, а наряд небольшой; одна пищаль была в 25 гривенок, и тое разорвало при мне, как стрельба была. И пушечных запасов, зелья в башнях старого и ядер к пищалем много». [96] Казаки, зная слабость укреплений, около каменных стен рубили тарасы и насыпали их землей и хрящем.

Взамен общеизвестных описаний обороны Азова приведем краткий рассказ очевидца, астраханского стрельца новокрещена Куземки Федорова. «А турские де, люди при нем, Куземке, с первого приходу взяли Топраков («земляної») город и у церкви Ивана Предотечи поставили восемь знамен. И у казаков де был в тот Топраков город подкоп и в подкопе стояло зелье. И как де в тот Топраков город пришли турские люди, и казаки, запаля в подкопе зелье, и турских людей тем подкопом побили тысячи с три и больше». Казаки засели в городке Ташкалу («каменный») и в Азове. «И турские люди приступали к Ташкалу и к Азову и, заметав около городовые стены ров камышем и землей, хотели итти на городовые стены. И азовские де казаки обливали з городовые стены человечьим калом и многих турских людей побили. И после де подошли близко городовые стены турские люди шанцами и привели к городовой стене земляной вал и из пушек збили городовые стены и башни до пошвы(!). И казаки де выкопав в городе ров и ото рву зделали острог и, заметав тот острог землей и сами вкопався, в ямах сидели от турских людей в осаде. И турские люди подводили под них подкопы, а азовские де казаки у турских людеї подкопы перекапывали, а иные подкопы азовских казаков турских людей с подкопы сходились, и многих турских людей в подкопах побили. Да азовские же казаки подводили подкопы под стену за город и, на те места наманя турских людей, зелье в подкопах зажигали, и тем турских многих людей побивали, и турских людей бросали в город и за Дон». [97] Турки начали осаду Азова 24 июня, сняли осаду 26 сентября, не будучи в состоянии преодолеть сопротивления казаков. Сидевшие в Азове донцы,

---

[94] Всех турецких людей могло быть и больше, принимая во внимание экипаж многочисленного флота, доставившего под Азов войска, военное снаряжение и продовольствие. Так, астраханские разведчики сообщали, что турецкий флот состоял из 70 каторг и 90 мелких судов — ушкулов.— См. о численности турецко-татарской армии у Б. В. Л у н и н а. Азовское сиденье, 1939, с. 39 (Б. В. Лунин принимает цифру турецко-татарских сил примерно в 140—150 тыс.). К р ю й с, см. Зап. Одесс. об-ва ист. и древн., вып. VIII, примеч. к запискам Эвлия.— Ссылка на показания московских дипломатов из Константинополя о 150 тыс. турецких войск мало убедительна, так как это были только слухи.

[95] Новейшее описание Азовского «взятья» и обороны Азова донскими казаками см. Н. А. С м и р н о в, т. II, гл. VI.

[96] Турец. д. 1637 г., № 1, л. 358—359.

[97] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 260—261.— Топраков — «топракала» означает земляную крепость (Зап. Одесск. об-ва, вып. XXIV, с. 171. Примеч. Бертье-Делагарда).

русские торговые люди и запорожцы также понесли тяжелые потери — одними убитыми до 3000 человек. [98]

В ожесточенной борьбе под Азовом татары участия не принимали. Куземка Федоров сообщал астраханским воеводам, что среди татар побито было мало, потому что они на приступы не ходили, а московские посланники в Крыму из расспросов «на цареве дворе» дознались, что из состава татарского войска пострадали лишь сеймены (стрельцы), которые погибли все, нарвавшись на проведенный казаками подкоп. [99] Татары вполне оправдали свою собственную характеристику, что «не городоимцы» они, и что самый худой деревянный городишка взять им не под силу. Царя Бегадыр Гирея нельзя было упрекнуть в недостатке усердия служить султану, но он, очевидно, не мог принудить татар класть свои головы в штурмах крепости; он мог бросить на приступы лишь непосредственно ему подчиненных сейменов, которые и полегли под стенами Азова.

Ранней весной 1641 г. татары, крымцы, большие ногаи (племянник князя Иштерека Адил мурза) и татары Кантемирова улуса ходили на Литовскую землю, воевали украинные города и за Белой Церковью «в дальних местех» и привели полона до 6 тыс. человек. Вернулись татары в Крым 11 марта. [100] Возможно, что это нападение на правобережную Украину имело целью предупредить установление связи между запорожцами и Азовом. Подтверждением такого предположения является то, что в то время, как крымцы были под Азовом, Крым подвергся нападению польских и литовских людей, которые проникли за Перекоп и забрали большой полон. [101]

В течение 1641 г. татары не совершали крупных нападений на Русь. Вероятно, в апреле крымский царь послал несколько мурз и с ними 250 черных татар с приказом добыть «языков» под Азовом или под казачьими городками. На Молочных водах крымцы сошлись с азовскими уже известными нам агами Касаем и Ишакаем и крымским Клыч мурзой Кантемирова родства, с которыми было 300 татар. Так как под Азовом «языков» добыть не удалось, татары пошли под Сев. Донец, отправив вперед «посылку», которая захватила 10 «языков»; с ними в Крым вернулся один из мурз. Далее, руководители отряда разошлись во мнении о направлении похода; азовские аги ушли под Воронеж, а крымцы проникли в Курский уезд, где повоевали три деревни и забрали 70 чел. полона. Шли они на Русь Калмиусским шляхом днями, ночью же «становились в бояраках в крепких местех». [102] Так рассказал о походе татарин под пытками в Москве. По сообщению донских казаков, следивших за действиями татар, последних было до 1000 и более человек, перешли они Донец около устья р. Деркула. [103] В Усманском стану Воронежского уезда 18 мая татары захватили 16—17 человек и привели их к крымскому царевичу, расположившемуся станом между Доном и Донцом у верховий рек Калитвы и Глубоких. Царевич расспрашивал полоняников о численности ратных людей по украинным городам и в Азове, о помощи Азову людьми и оружием. [104] Здесь между Донцом и Доном, судя по сообщениям о переходе через Донец в разных местах крупных татарских отрядов, было сосредоточено еще в мае несколько тысяч татар, игравших роль заградительного корпуса. Отсюда в разные места московской украйны были засыла-

---

[98] А. Попов, Изборник, с. 393—394.
[99] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 225—226.— Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 210—211.
[100] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 205—206.
[101] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 223.
[102] Белгород. ст., № 118, л. 282—284.
[103] Москов. ст., № 168, л. 5—6, 61, 71—78.
[104] Там же, л. 26, 152—155.

емы на разведку отряды татар в 150—200—300—500 и более человек. Татары приходили в воронежские места, где взяли в июне 200 человек полона, приступали к Осиновому острожку на Т. Сосне, появлялись в Белгородском уезде и в других местах. [105] Действия крымцев достигали и второй цели — перерыва связи между Азовом и Русью во время осады Азова турецкой армией. [106]

Основные силы татар стояли под Черкасским городком в 3—4 верстах от Азова в течение всего периода осады. Турецкие паши упрекали Бегадыр Гирея в бездеятельности, когда турки бьются под Азовом. Русские разведчики передавали слухи о том, что у крымского царя и нурадына с турецкими пашами была брань, что «стоят под Азовом долгое время, а Азова взять не умеют». Подобные слухи же передавали и московские посланники из Крыма. Еще задолго до прекращения осады крымцы самовольно начали уходить от Азова «для того, что запасов у них не стало, и конские кормы потравили». Сам царь Бегадыр Гирей вынужден был настаивать на прекращении осады. Паши предлагали ждать указа султана, не уходить, пока Азов не будет взят, даже если потребуется для этого зимовать под Азовом. Но царь тем не менее, ссылаясь на продовольственные затруднения, что татары «люди не зимовные», отдал распоряжение всем крымцам переправляться на правую сторону Дона и уходить в Крым. Истощение припасов испытывали и турки. Разведчики сообщали, что у турских людей в станах было голодно и харчей купить негде. Уход крымцев в какой-то мере оправдывал снятие осады, и паши, послав султану жалобу на крымского царя, ушли от Азова. [107]

Мы видели, что чувство самой близкой и непосредственной угрозы в связи с захватом Азова казаками было широко распространено в Крыму. Хорошо сознавали это представители крымского правительства. В 1640 г. калга Ислам Гирей руководил возобновлением запущенных и полуразрушенных перекопских укреплений. В течение осады Азова Сулейман паша, которому Крым был поручен во время отсутствия царя, укреплял Бахчисарай; он возвел стены вокруг дворца, построил каменную проезжую башню и возвел ряд других укреплений вокруг города. [108] Мы не можем приписывать Бегадыр Гирею сознательного намерения препятствовать успехам турок под Азовом подобно тому, как это делал Девлет Гирей в 1569 г. во время похода турок под Астрахань. Во времена Девлет Гирея Крым был значительно сильнее, и положение его было много выгоднее, тогда как положение Московского государства, занятого Ливонской войной, было очень затруднительным. Девлет Гирей еще имел основание рассчитывать на ведение самостоятельной и независимой от Турции политики и даже требовать от Ивана IV возвращения Казани и Астрахани. Ко времени занятия Азова донскими казаками соотношение сил существенно изменилось. Московское правительство не только не вело войны с Польшей, но уже возникали проекты союзных действий их против Крыма. Сеть русских оборонительных укреплений и русская колонизация значительно продвинулись вперед; исконные пути татарских вторжений закрывались довольно прочно один за другим, что видели и понимали крымцы. Занятие Азова казаками, хотя оно и не входило в планы московского правительства, было новым напоминанием о неуклонно на-

---

[105] Москов. ст. № 168, л. 57, 61, 104—107, 111, 127—128, 136, 180—182, 207—229, 333—334 и др.

[106] АМГ, т. II, № 188.

[107] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 98, 103—104, 116, 239—240.— Крым. д. 1640 г., № 19, л. 252—253.

[108] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 204—205.— Крым. д. 1640 г., № 3, л. 262.— Крым. д. 1640 г., № 19, л. 226.

раставшей угрозе самому Крыму. Очевидно, что в данный момент интересы Крыма совпадали с интересами Турции. Тем не менее под Азовом татары держались совершенно пассивно и перекладывали всю тяжесть осады на турок, как будто бы очищение Азова было делом для них посторонним. Царь Бегадыр Гирей, как об этом говорят источники, был полон готовности лойяльно выполнять свои обязательства перед султаном, но он был бессилен преодолеть общую утрату крымцами воинственности, их нежелание итти на жертвы. Крым в целом доказывал таким поведением потерю способности ставить и решать сколько-нибудь крупные и серьезные задачи.

< 5 >

Начало осады Азова турецко-татарской армией в июне 1641 г. вызвало новое перемещение орды Больших ногаев. Орда, сорванная со своих старинных кочевий за Волгой, уже не могла прочно прирасти к новому месту и вступила в период бесконечных метаний по степям. Для того чтобы разобраться в обстоятельствах этого нового эпизода в истории орды Больших ногаев, необходимо присмотреться к группировке ногайских мурз ко времени начала осады Азова. Царь Бегадыр Гирей, направляясь к Азову, мобилизовал все силы Больших ногаев, которых удалось удержать под Крымом. Наиболее устойчиво под Крымом держались мурзы Урмаметевы. Среди них мы находим почти полностью все уцелевшее поколение внуков кн. Урмаметя: Тохтакучук мурзу Кара-Кельмаметева, Би и Аблы (точнее, Абдул) мурз Алеевых, Адил мурзу Арысланова, Сыртлан и Анас мурз Шейдяковых. Из числа Тинмаметевых находим: Кан мурзу Тинмаметева (единственного из сыновей кн. Тинмаметя), Акимбет и Салтаналы мурз Аксаковых (братьев Салтанаш мурзы), Казы мурзу Чубармаметева (по другому написанию — Чебармаметева). Следовательно, из числа Тинмаметевых большая часть ушла от Крыма в 1639 г. Из числа мурз Малого ногая под Крымом удержались некоторые из мурз Уракмамаевы половины: Алей мурза Ураков, Би и Аллакуват мурзы Мамаевы с братьями. Общая численность улусов Больших ногаев, остававшихся под Крымом и пришедших под Азов, определялась посланниками Фустовым и Ломакиным, а также Чубаровым и Байбаковым в 9—10 тысяч. [109] Ни одного из мурз Байтерековых, Иштерековых и Яштерековых под Крымом не было; все они удержались на кочевьях ближе к Астрахани.

По «вестям» об осаде Азова астраханский воевода кн. Н. Одоевский с товарищами немедленно направил в улусы Больших ногаев служилых людей для разведывания о настроениях в улусах и для перевода их ближе к Астрахани. Служилые люди обнаружили в улусах «шатость». Яныбек мурза Янмаметев сказал служилым людям, что черные люди, узнав о приходе под Азов турецкого войска, «обрадовались и хотят кочевать на соединение с крымцами», что его, мурзу, они не слушают и он с ними справиться не может. Однако же, некоторые из мурз были в состоянии удержать свои улусы на месте. Так, Би мурза Иштереков твердо держался на прежнем кочевье невдалеке от Астрахани и с ним 5 тыс. улусных людей, следовательно, с улусом довольно значительным. В 1642 г. тот же Яныбек мурза, снова вернувшись к Астрахани, уже не ссылался на «шатость» своих улусных людей, как причину отхода к Азову, а признавал свою вину, что он откочевал от Астрахани с дядею своим Чубармаметь (короче — Чубар) мурзой Тинмаметевым. Чубармаметь мурза и его

[109] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 236.— Крым. д. 1637 г., № 13, л. 205 — Крым. д. 1640 г., № 40, л. 161—164.

племянники Навруз и Худайнат мурзы Сары-Юсуповы (короче — Юсуфовы) первыми ушли под Азов. У Чубармаметь мурзы был личный мотив к уходу под Азов: сын его Казы мурза был задержан в Крыму в качестве заложника. Кроме того, Тинмаметевы, оставшиеся в Крыму и лишившиеся улусов, усиленно добивались возвращения под Азов всего своего родства с их улусами.

Особенно настойчив был мурза Акимбет Аксаков, получивший от царя Бегадыр Гирея разрешение кочевать по левой стороне Дона. Акимбет мурза угрожал Чубармаметь мурзе силой привести его под Азов, если он не придет добровольно. Царь Бегадыр Гирей угрожал ногаям, оставшимся в московском подданстве, разгромом. Верность Москве могла бы привести к неприятностям, исполнение требования царя, быть может, избавило бы от них. В первый момент расчеты мурз оправдались. Царь одарил Чубар мурзу и других мурз шубами, сын Чубар мурзы Казы мурза, был освобожден из заложников.[110] Салтанаш мурза, брат Акимбет мурзы, действовал осторожнее. Он медлил с отходом от Астрахани и просил Чубар мурзу подождать его, когда он сумеет «отманиться» от астраханских воевод. Салтанаш мурза очень выиграл во время ухода из Крыма и завладел крупными чужими улусами и боялся их потерять. Такая осторожность не помогла Салтанаш мурзе. Мурзы Урмаметевы (Тохтакучук мурза Кара-Кельмаметев, Адил мурза Арысланов и другие) внезапно напали на улусы Салтанаш мурзы, погромили их, захватили жен и детей (в том числе жен Салтанаш мурзы), отогнали стада и остались на кочевьях за Доном на р. Кагарлыке, удержав при себе захваченных во время погрома 3 тыс. улусных людей. Напрасно царь требовал возвращения Тинмаметевым их улусов, жен и детей. Урмаметевы отказали в повиновении.

Акимбет мурза, вместе с Юсуфовыми детьми, взялся отомстить Урмаметевым давние и новые обиды. Пользуясь поддержкой Малых ногаев Уракмамаевы половины, Акимбет мурза застиг Урмаметевых на р. Аксае, разгромил их, перебил много улусных людей, убил пять мурз Урмаметевых и среди них Адил мурзу Арысланова, Батырча мурзу Урмаметева (вероятно, Батыр Гирея Арысланова), Би и Аблы мурз Алеевых и Анас мурзу Шейдякова. Улусы были приведены под Азов и для предупреждения их нового отхода к Астрахани позади их кочевья были поставлены заставы крымских ратных людей.[111] Воодушевленный успехом нападения Акимбет мурза вызвался пойти под Астрахань и привести остальные ногайские улусы, но не получил согласия царя. Борьба с Урмаметевыми, однако, не сплотила между собой Тинмаметевых мурз. Тот же Акимбет мурза протестовал перед царем по поводу разрешения Чубар мурзе, своему родному дяде, и Юсуфовым детям, двоюродным братьям, с их улусами кочевать «повольно», потому что им нельзя было верить, и подал совет царю перевести их за Дон и раздать их улусы по крымским табунам. Царь принял этот совет и перевел улусы Тинмаметевых за Дон, а Акимбет мурза начал тогда у Чубар мурзы и Юсуфовых детей «улусных людей отнимать сильно всякую животину и лошадей и отдавать турским и крымским людям».[112] Трудно сказать, кто причинил ногайским улусным людям больше зла, крымцы ли, так беспощадно относившиеся к ним, или сами ногайские феодалы, одним из самых типичных представителей которых был Акимбет мурза.

---

[110] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 54—60, 98, 207—208, 234—235.
[111] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 241—250, 260—261.
[112] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 248—249, 251—252.— Ногайск. д. 1642 г., № 1, л. 5—7.

Разорительная для ногаев склока мурз между собой из-за улусов не прекращалась ни на один момент. Уходя от Азова, царь Бегадыр Гирей увел с собой все ногайские улусы, пришедшие к Азову. Урмаметивы мурзы и мурзы Уракмамаевы половины (из Малых ногаев) потребовали от царя возвращения им их улусных людей, которые были захвачены Чубар мурзой и Сары-Юсуповыми детьми. Акимбет мурза протестовал против этого: отнимать этих улусных людей не за что, потому что Урмаметевы и Уракмамаевы мурзы брата его Салтанаш мурзу повоевали и пограбили. Но Тохтакучук мурза Кара-Кельмаметев, старший из Урмаметевых мурз, говорил, что погром улусов Салтанаш мурзы был произведен по указу самого царя, тогда как Акимбет мурза самовольно громил их, отогнал у них стада и убил несколько мурз. Царь принял сторону Урмаметевых, и по его приказу улусные люди, на которых претендовали Урмаметевы, были «выбраны» из улусов Чубар мурзы и Сары-Юсуповых детей; после этой операции у последних осталось лишь небольшое количество людей. Крымские аги настояли на том, чтобы царь остальных улусных людей Чубар мурзы, Сары-Юсуповых детей и Салтанаш мурзы «за их измену развел всех по крымским улусам, чтоб впредь ногайским мурзам и их улусным людям изменять было неповадно». Эта мера была приведена в исполнение еще по пути к Крыму.[113]

Бегадыр Гирей заболел, уходя от Азова. Вернулся он в Крым 16 октября, а 18 октября умер. Последующие кровавые схватки между ногайскими мурзами происходили уже после смерти царя во время движения улусов к Крыму. Сообщения посланников, астраханских разведчиков, донских казаков и др. лиц сходятся между собой в описании столкновений ногайских мурз и взаимно дополняют друг друга. Эти источники говорят о том, что после смерти Бегадыр Гирея калга и нурадын сознательно «ссорили» ногайских мурз между собой, «а крымским де людям приказали де крымские царевичи, чтоб ногайским мурзам никому не помогать». Прием, буквально совпадающий с тем, который применяли в 1619 г. астраханские воеводы. Тинмаметевы мурзы (Чубар мурза, Акимбет мурза и Сары-Юсуповы дети), озлобленные отнятием у них улусов и ограблением их, поощряемые крымцами, внезапно напали на Урмаметевых и Уракмамаевых мурз, захватили у них часть улусов и убили при нападении трех мурз Уракмамаевых и двух Урмаметевых. Торжествуя победу и взяв с собою до 800 своих улусных людей, мурзы возвращались в Крым. Но на этом дело не кончилось. Урмаметевы и Уракмамаевы, собрав силы, настигли своих врагов за 15 верст до Крыма, разбили их совершенно, уничтожив при этом до 600 улусных людей и убив нескольких мурз, в том числе Чубар мурзу с его сыном Карашаем и Акимбет мурзу.[114]

Непримиримая вражда мурз между собой и вооруженная их борьба разоряла ногайские улусы. Опыт предшествующих лет заставил крымцев еще более недоверчиво относиться к ногаям. Теперь к такому недоверию имелось еще более, чем раньше, оснований, потому что значительная часть ногайских улусов осталась под Астраханью. Расселение ногаев в Крыму, как это делалось и раньше, сопровождалось новым их ограблением. Русские разведчики сообщали, что ногаев в Крыму сильно «теснят»: приезжавшие в улусы сеймены берут с ногаев кормы, «а иным временем, выбив ногайских мужиков из дворов, емлют жен их к себе на постелю и позорят». Возвращавшиеся из Турции гонцы В. Лыков и Аф. Буколов встретили в начале 1642 г. в степях за Перекопом группы больших ногаев и упрекали их за измену. Татары в ответ говорили: «Ныне де мы и сами

[113] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 262—266.

[114] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 264, 266.— Ногайск. д. 1642 г., № 1, л. 48—50, 194—195.

плачем, да пособить не умсем... Оманули де нас крымские татаровя, приезжали де к нам от крымского царя и от турских пашей с грозами, сказали будто Азов они у казаков взяли и нас взяли под Азов кочевать; а если де не пойдете, и мы де пойдем на вас войною, тогда милости не просите. И мы де, убоясь их приходу, с женами и с детьми и з скотом под Азов прикочевали. И турецкие де и крымские люди скот наш весь переели; если бы де не наш скот, и им бы де всем с голоду помереть. А нас де разобрали по разным деревням крымским, седла и ружье у нас поимали. И мы де нашу великую нужу и неволю большую терпели. Не таково б де нам было больно и жалостно, хоти б мы от християн и нужу какую терпели, нежели от своей братии от бусурман»... В такой простодушной форме сами ногаи изображали перенесенные ими несчастья. Новый крымский царь Магмет Гирей, явившийся в Крым в декабре 1641 г., выражал сочувствие ногайским мурзам в перенесенных ими насилиях, пытался примирить мурз между собой, чтобы они о прежней ссоре «не скорбели, а новой бы не чинили», но все же поставил в Перекопе «крепкие заставы», чтобы ногаи из Крыма «не утекли». [115]

< 6 >

С 1635 г. на южной окраине Московского государства начинается крупнейшее оборонительное строительство, затянувшееся на десятилетия. Русское правительство попробовало возобновить борьбу с Польшей за Смоленск, не приняв мер по усилению обороны юга против татар, хотя понимало рискованность такой политики. Нападения татар на Русь в течение войны были достаточно убедительным уроком, доказывавшим, что далее нельзя было откладывать усиления обороны юга; татарские нападения по окончании войны, перемещение ногайских орд, описанное выше, были лишним аргументом в пользу решения о начале строительства новых городов и их заселения. На долгий срок Разрядный приказ был превращен в расходную кассу, поглощавшую значительную долю средств, собиравшихся со всего государства. Итак, не потому правительство приступило к работе по обороне юга, что с восшествием на престол царя Михаила Федоровича наступило «успокоение русской земли»: [116] такая характеристика наименее всего подходит к 30-м годам, когда нападения татар усилились и приняли затяжной характер. Нельзя также утверждать, что, потерпев неудачу в Смоленской войне, правительство изменило направление своей политики с западного на южное и здесь достигло больших успехов. [117] Правда, построение новой Белгородской черты сопровождалось передвижением значительного по численности населения к югу и открывало для колонизации несколько новых районов, но все это происходило в границах уже давно намеченных русских владений и не захватывало новых территорий татарских кочевий: все строительство было оборонительным, а не наступательным. Направление внешней политики не изменилось: правительство готовилось к новой войне с Польшей; и, действительно, когда, спустя 20 лет, эта война началась, Московское государство имело гораздо более прочно защищенный южный фронт. Таким образом, построение городов и новой черты на юге следует рассматривать, как меру, проистекавшую из опыта Смоленской войны и из

---

[115] Ногайск. д. 1641 г., № 1, л. 216—217, 264.— Ногайск. д. 1642 г., № 1, л. 195—196.— Турец. д. 1640 г., № 1, л. 299—300.

[116] Д. И. Багалей, Очерки, с. 154.

[117] П. П. Смирнов, Города Московского государства, т. I, ч. 2, с. 150—151.

дальновидной предусмотрительности при сохранении прежнего направления внешней политики.

Если присмотреться к очередности строительства новых городов и создания отдельных частей будущей Белгородской черты, то легко убедиться, что очередность эта находилась в полном соответствии с направлением татарских нападений в предшествовавший началу строительства период, а в особенности в 30-х годах. При изучении татарских набегов мы всякий раз старались установить пути, по которым они производились. Подведем краткий итог наших наблюдений. Даже о нападениях первого и второго десятилетия XVII в., относительно которых мы имеем менее точные сведения, мы можем отметить, что нападения совершались если не исключительно, то преимущественно по Ногайскому, Калмиусскому и Изюмскому шляхам и более всего по первым двум. Из нападений 20-х годов лишь один раз (в 1623 г.), когда нападающими были крымцы, набег был совершен по Муравскому шляху. В 30-х годах лишь однажды татары (частично в 1632 г.) воспользовались для нападения Муравским шляхом. Выше мы объясняли это явление тем, что нападения совершались либо ногаями, для которых удобнейшими были Ногайский и Калмиусский шляхи, либо крымцами и ногаями; тогда путь татар сдвигался несколько к западу, на Изюмский шлях. Вследствие этого в качестве первоочередной задачи и выдвинуто было укрепление обороны тех рубежей, со стороны которых татарские нападения происходили чаще и сильнее.

Из трех путей татарских нападений до 30-х годов Ногайский шлях вел татар к наиболее густо населенным районам южной окраины: в Верхоценскую волость, в рязанские, ряжские, шацкие и все мещерские, в мордовские и понизовые места. Ответвления Ногайской сакмы вели, кроме того, через рр. Воронеж и Дон (в верхнем его течении) в более западные уезды московской украйны. Слабость обороны от татар со стороны Ногайского шляха была известна давно. В памяти местных жителей сохранилось воспоминание о том, что еще царь Борис хотел ставить город на Урляповом городище, недалеко от которого в 1636 г. был построен г. Козлов.[118] В 1630 г. служилыми людьми, посланными из Воронежа, было произведено обследование р. Тихой Сосны, составлена роспись имевшихся здесь городищ и «перелазов» через реку и выдвинут проект построения города на Ольшанском городище.[119] В конце 1636 г. Ф. Сухотин и Е. Юрьев по правительственному указу произвели досмотр того же течения р. Т. Сосны, промежутка между этой рекой и р. Осколом и Изюмского шляха. Этот досмотр и лег в основу последующего строительства городов и других укреплений в этих направлениях.[120] Окружная правительственная грамота в Пермь Великую — Чердынь и Соликамск о денежном сборе на построение городов на южной окраине ставит весь проект в прямую связь с татарскими нападениями. В грамоте говорится, что г. Козлов с острожками и валом, гг. Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы поставлены для того, чтобы «от татар войну отнять» в ряжских, рязанских, шацких и во всех мещерских местах. В результате построения этих городов уже с весны 1636 г. и в текущем 1637 г. все эти места пользовались миром. Грамота упоминает также о построении Чернавска и стоялого острожка на Талецком броде на Б. Сосне, о возобновлении г. Орла и говорит о намеченном по проекту Сухотина и Юрьева построении двух городов на Т. Сосне, стоялого острога на Изюмской сакме под Яблоновым

[118] Белгород. ст. № 201, л. 6.
[119] Белгород. ст. № 18, л. 183—202.
[120] Белгород. ст. № 83, л. 1—37.— Отнесение досмотра Сухотина и Юрьева к 1637 г. (И. Беляев, с. 43) неточно, потому что досмотр был произведен в ноябре—декабре 7145 г., т. е. в 1636 г.

лесом, жилого острога на р. Ворскле, сооружении валов и острожков. Словом, грамота намечает программу строительства со стороны Калмиусского, Изюмского и Муравского шляхов, которая в гораздо более расширенном виде затем и стала осуществляться.

В течение 30-х годов было построено 10 новых городов и возобновлен г. Орел. Эти новые города были размещены следующим образом: со стороны Ногайской дороги — Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы (1636 г.); со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов: Усерд (1637 г.), Яблонов (1637 г.) и Короча (1638 г.), Чернавск (1635 г.), а несколько севернее уже за линией Б. Сосны — Ефремов (1637 г.) и далеко впереди, между Изюмским и Муравским шляхами, Чугуев (1639 г.). [121] Замечательно, что ни одного нового города не было построено со стороны Муравского шляха. Возобновление Орла было важно потому, что здесь татары обычно перебрасывались за верхнее течение Оки в заоцкие уезды. Московское правительство не считало достаточными созданные со стороны Ногайской, Калмиусской и Изюмской дорог укрепления. Эпизод с Азовом и возникшая отсюда угроза конфликта с Турцией, подкрепленная прорывом Сафат Гирея по прямому указу султана в 1637 г., заставили взяться за возобновление в 1638 г. старой засечной черты; в Москве было известно о плане крымцев вынудить правительство к очищению Азова путем нападений на Русь, начатых в 1637 г. Сафат Гиреем. Все эти обстоятельства должны были поторопить с капитальным ремонтом засечной черты, задуманным раньше и представляющим собой одно целое со строительством новых городов.

В 1638 г. допускали возможность нового прорыва татар к р. Оке. Об этом говорит произведенное в начале этого года обследование татарских «перелазов» через Оку от устья Угры до Рязани. О том же свидетельствует наказ кн. И. Б. Черкасскому, главнокомандующему всеми ратными силами украинных полков и начальнику всех засечных работ, чтобы татар через засеку не пропустить и, в случае прихода крымцев, «итти на крымского царя на прямой бой». Допускали, что татары «большой мочью» займут тульскую дорогу и отрежут от Тулы Одоев, Крапивну, Мценск и др. города с их войсками, что крымский царь и царевичи «засеку, бився, пройдут большою мочью и пойдут к берегу, и Оку перелезут, и пойдут под Москву». В таком случае кн. И. Б. Черкасский, соединившись с воеводами других городов, должен был следовать за татарами к Москве. [122] Возобновление черты было мерой целесообразной: оно вызывалось как остротой момента, так и тем соображением, что никакой иной солидной опоры для обороны не имелось. Несколько вновь построенных городов со стороны Ногайского и Калмиусского шляхов не могли еще считаться за таковую. Должно было пройти еще немало лет, прежде чем новые города и отдельные звенья укреплений между ними слились в одну сплошную укрепленную черту; только тогда стала возможной перестройка всей системы обороны юга.

Сооружение новой оборонительной черты требовало не только больших денежных средств и было сложно технически, но для его осуществления были необходимы достаточные людские кадры, в чем и заключалась главная трудность. Задача состояла в том, чтобы выдвинуть вперед оборонительную линию. Города строились в большинстве своем на пустом

[121] Даты построения этих городов указываются нередко ошибочно. Ю. В. Готье относит построение Козлова, Тамбова, обоих Ломовых к 1638 г., Усерда — к 1638 г. Д. Багалей смешивает Чернавск с Челнавским острожком под Козловом, умалчивает о Ефремове, построение Усерда и Яблонова относит к 1638 г. «Очерки», с. 197, 212, 484 и др. СГГ и Д, т. III, № 107.

[122] Белгород. ст. № 90, л. 36—61.—Дворец. разр., т. II, с. 560. А. И. Яковлев, Засечная черта, с. 44—65. Ю. В. Готье, с 48—52.

месте. Говоря о движении вольной колонизации во втором и третьем десятилетиях, мы сделали наблюдение, что она далеко не доходила до границ, намеченных правительством. Поэтому, строя новые города, правительство не могло рассчитывать найти повсюду нужное число людей, в особенности в тех случаях, когда строительство новых городов уходило далеко вперед. Очевидно, что людей надо было привлекать из уездов и городов, уже заселенных ранее. Были известны два приема заселения новых городов, это — «сведéние» в них части служилых людей из других городов или обращение правительства с призывом к «вольным и охочим людям». Тот и другой прием при слишком неумеренном пользовании ими угрожал обезлюдением городам и уездам, откуда население передвигалось; правительство не могло упускать из виду простого и здравого соображения, что «добро строить новые города», но делать это так, чтобы «старых не запустошить». Обращение к вольным и охочим людям грозило потрясением крепостнического строя и вызывало протесты вотчинников и помещиков и всех вообще служилых людей, лишавшихся рабочих рук. Кроме того, вольная колонизация имела свою особую логику, далеко не всегда совпадавшую с стратегическими планами правительства; вольные и охочие люди неодинаково охотно шли всюду, куда их призывало правительство. Припомним, что только в течение трех лет (1632, 1633 и 1637 гг.) татары увели в полон более 10 тыс. душ; сюда надо присоединить потери 1631, 1634, 1635 и 1636 гг., размера которых мы не знаем. Перед правительством стояла трудная задача отыскать людские кадры, достаточные для заселения не одного-двух, а десятков городов.

В период затишья на южной окраине, несомненно, приток сюда пришлого населения усилился. Мы видели, что города и уезды к западу от верхнего течения р. Оки отдавали часть своего населения, сосредоточивавшегося по линии рек Сейма и Б. Сосны. В 30-х годах движение населения оттуда продолжалось, хотя и несколько слабее. Размещение пришлого населения здесь изменилось под действием сильных татарских нападений этих лет. Нападения эти поражали не один раз уезды Курский, Ливенский и Елецкий и еще в большей степени уезды по течению р. Зуши: Мценский, Новосильский и Чернский. Крупный набег 1633 г. затронул ряд уездов вплоть до р. Оки. Таким образом, средняя полоса украинных уездов между Окой и Доном в 30-х годах сильно страдала от татар. Татарские нападения начинают распугивать население и отсюда значительно сильнее, чем это было в 20-х годах. Иллюстрируем эти общие положения. Из числа зарегистрированных нами 311 крестьянских семей, бежавших на юг в 30-х годах, 103 семьи вышли из заоцких уездов: из Карачевского — 28, Белевского — 28, Козельского — 13, Комарицкой волости — 10, Алексинского — 15, Болховского — 7, Лихвинского — 2, что составляет 33% от общего числа. Побеги эти происходили под двойным действием литовской и татарской войн. Однако на первое место выдвигается средняя полоса московской украйны. Отсюда бежало 145 семей: из Мценского — 71, Тульского — 23, Новосильского — 17, Чернского — 10, Дедиловского — 8, Данковского — 4, Одоевского — 4, Соловского — 4, Каширского — 3, Веневского — 1, что составляет 47% от общего числа подсчитанных нами беглых семей. Особенно показательно в этом списке место Мценского и смежных с ними уездов. Приведем несколько частных примеров. В 1637 г. из владений Новосильского Духова монастыря, который был разорен в приход Сафат Гирея и часть крестьян была захвачена в полон, остальные крестьяне в числе 15 семей (дворы их были сожжены) разбежались. [123] В течение 1633, 1634, 1636

[123] Приказ. ст. № 260, л. 37, 391.

и 1637 гг. из Мценского уезда от Т. и С. Шеншиных, Ф. Олисова и Л. Степанова бежало в Ефремов из деревень Меркуловой, Боброка, Пашутиной и Льговой 18 крестьянских семей. [124] Из того же уезда от П. Лутовинова бежали: в 1632 г. 1 крестьянская семья, в 1634 г.— 5 семей, в 1636 г.—5 семей, в 1638 г.—1 семья. [125] В 1634 и 1636 гг. от С. Чертова из Новосильского и Мценского уездов бежало 5 крестьянских семей.[126] В 1635, 1636 и 1637 гг. от Ф. Рагозина из дер. Алябьевой бежало в три приема 12—13 семей.[127]

Значительное число побегов произошло из Тульского уезда, за счет которого особенно выигрывал Елецкий уезд. После основания на территории Елецкого уезда Ефремова в 1637 г. ряд побегов был произведен в этот новый город. [128] Существенно меняется роль Курского, Ливенского и Елецкого уездов. Наряду с двумя указанными выше группами уездов Курский, Ливенский и Елецкий также начинают терять население, а именно за 30-е годы нами подсчитан побег отсюда 51 семьи (16%): из Елецкого— 26, Курского — 21 и Ефремовского — 4. Ливенский уезд в наших данных не встречается вовсе, быть может, потому, что он, потеряв значительную часть своего населения от татарских набегов, запустел: за 1632—1635 гг. Ливенский уезд потерял более 800 человек. [129] Курский уезд теряет население в 30-х годах, тогда как в предшествующий период он принимает много пришлых людей. Не менее важно то, что в 30-х годах мы не наблюдаем притока сюда населения.

Иначе обстоит дело с Елецким уездом. Мы определили потери Елецкого уезда в 30 семей и прибыль в 132 семьи. Цифры эти показательны не абсолютным своим размером, а своим соотношением. Обширная территория Елецкого уезда не в одинаковой степени страдала от татарских нападений. Если южная часть пустела, то северная привлекала пришлое население и продолжала быть одним из центров его сосредоточения, даже в бóльшей степени, чем раньше. Скопившееся здесь население образовало резервы для устройства нового и важного по своему стратегическому положению г. Ефремова. Приток сюда пришлого населения благоприятствовал возникновению здесь крупных земельных владений. Повидимому, еще в конце 20-х годов обосновался здесь московский дворянин Ив. Юр. Тургенев; на Офремовом городище он положил начало своим слободам, в которые стал собирать отовсюду пришлый люд. К началу 30-х годов заселение владений Тургенева было уже в полном ходу. И. Тургенев повторил опыт боярина И. Н. Романова в том же Елецком уезде лишь в меньшем размере. Служилые люди, от которых уходило к Тургеневу их сельское население, тщетно боролись за возврат беглецов. В 1630 г. мещанин И. Гринев, получив в Москве грамоту и приставов от елецкого воеводы, послал своих людей в Офремово городище за своими беглыми крестьянами, чтобы поставить их к суду на Ельце. Приказчик И. Тургенева, Ивашка Немчин, и крестьяне пристава и стрельцов били, грамоту разодрали. Крестьянин И. Гринева, присланный для установления личности беглых, был избит крестьянами Тургенева кистенями и дулами пищалей до полусмерти. Крестьяне Тургенева, вооруженные пищалями

---

[124] Приказ. ст. № 115, л. 16, 32—42.
[125] Приказ. ст. № 126, л. 415—416.
[126] Приказ. ст. № 120, л. 129.
[127] Там же, л. 112.
[128] Белгород. ст. № 70, л. 366.— В 1631 г. 1 семья, в 1635 г. 3 семьи; все в Елецкий уезд (Белгород. ст. № 70, л. 250).—В 1632 г. 3 семьи, в Елецкий уезд (Белгород. ст. № 70, л. 358).—В 1636 г. и 1640 г. 4 семьи в Козловский, Тамбовский и Воронежский уезды и в Белоколодск (Приказ. ст. №115, л. 1).—В 1636 г. 4 семьи бежало в Ефремов и т. д.
[129] Приказ. ст. № 54, л. 315—362.

и саадаками, гнались за приставом и стрельцами. Беглые выданы не были.[130] В том же 1630 г. от Л. Челюсткина из Белевского уезда бежало в Ефремов 2 крестьянских семьи. От Н. Вельяминова из Тульского уезда в 1631 г. бежала 1 семья, в 1635 г. — 3 семьи.[131] В 1632 г. от И. Хвощинского из Тульского же уезда бежало в Елецкий уезд 3 человека.[132] В 1632 г. от В. Ф. Карпова из Тульского уезда бежало в Елецкий уезд 3 семьи.[133] В 1632 г. ефремовские жители подговорили к побегу от А. Шалухина из Чернского уезда 4 крестьянских семьи.[134] В 1633 г. туда же бежало из Мценского уезда от К. Болотникова 4 крестьянских семьи.[135] В 1633—1634 гг. из Болховского уезда от Д. Плещеева из вотчинного его сельца Бекетова бежало к Тургеневу 5 крестьянских семей.[136] В 30-х годах мецнянин Д. Кривцов предъявил иск в крестьянстве к одному ефремовцу, но последний утверждал, что он был стрельцом на Черни и «от бедности сбрел» к Тургеневу «кормиться на время».[137] В 1631 г. от И. Муромцева из белевского его поместья дер. Синегубовой бежали два крестьянина с семьями, в том числе зажиточный крестьянин староста Евстрат Васильев; он бежал сначала в Лебедянский уезд в дер. Сугробову; в 1635 г. был сыскан и выдан владельцу, но бежал с дороги и укрылся в Ефремове.[138] Таким образом, Елецкий уезд принимал к себе пришельцев разного социального состояния из многих уездов.

Общий вывод о размещении населения на южной окраине государства в 30-х годах заключается в том, что в этот период население несколько отодвигалось от южных границ по сравнению с предшествующим периодом, что, очевидно, не соответствовало интересам строительства новых городов, которые должны были быть выдвинуты вперед. Единственное исключение представляла собой пограничная территория Лебедянского уезда. В Лебедянском уезде, как указано выше, пришлое население скапливалось в крупных вотчинах и поместьях. Но оборонительное строительство здесь началось десятилетием позднее. В 30-х годах при построении Козлова и Тамбова правительство лишь в незначительной степени могло использовать местные резервы. В целом при начале строительства выход мог быть найден лишь в срочной передвижке населения в те места, где предполагалось построить новые города.

Один эпизод — заселение г. Чернавска в 1635 г. — показал правительству, что в составе населения украинных уездов имелись свободные и очень подходящие для заселения новых городов людские резервы. Возник Чернавск в начале 20-х годов в качестве «стоялого» острожка и не имел тогда постоянного гарнизона и населения. Превращение его в «жилой» город произошло в 1635 г. по самой энергичной инициативе местного населения. После более чем 30-летнего перерыва в движении на юг это был первый опыт создания нового города. Повидимому, осенью 1634 г. неслужилый елецкий казак Вл. Стрельников от имени 100 человек «бедных и беспомощных и безъюртных» елецких казачьих братьев и племянников бил челом государю о разрешении им поселиться в Чернавском острожке, пашню пахать и служить государеву службу. Известно, что в сентябре 1634 г. ливенскому служилому человеку Улану Щетинину было указано ехать в Усть-Чернавский острог для его заселения. У. Щетинин не вы-

[130] Приказ. ст. № 38, л. 205—206.
[131] Приказ. ст. № 351, л. 361—380.
[132] Белгород. ст. № 70, л. 366.
[133] Белгород. ст. № 70, л. 250.
[134] Белгород. ст. № 70, л. 358.
[135] Приказ. ст. № 150, л. 72.
[136] Белгород. ст. № 70, л. 173.
[137] Приказ. ст. № 115, л. 74.
[138] Приказ. ст. № 115, л. 64.—Приказ. ст. № 260, л. 468.— Приказ. ст. № 126, л. 456.

полнил указа и к месту назначения не поехал. Вл. Стрельников подал вторую челобитную о назначении нового лица; он настаивал на отпуске из Ельца в Чернавск всех записавшихся туда «на житье». Елецкий воевода сознательно тормозил инициативу Вл. Стрельникова; он произвел смотр елецким казакам, которые на его вопрос ответили, что Вл. Стрельников набирал служилых людей в Чернавск «без совета» с ними и что у них на Ельце «братьи и племянников охочих людей нет». Противодействие служилых людей отпуску для верстанья на службу неслужилых членов их семей было явлением обычным. Но Вл. Стрельников сумел преодолеть и это препятствие. Он снова бил челом государю, теперь уже от имени 157 человек, чтобы в Чернавск был отпущен дворянин, который записал бы всех желавших служить там и наделил их пашней (по 25 четей на человека), отмежевал землю от соседей и сумел защитить их от елецкого и ливенского воевод. В ответ на это челобитье в марте 1635 г. было предписано немедленно выслать в Чернавск В. Стрельникова и всех занесенных им в список лиц, а одновременно туда был назначен приказный человек Ив. Бунин. Наказная память Ив. Бунину подчеркивает инициативу В. Стрельникова в этом деле. Ив. Бунин прибыл в Чернавск в начале мая 1635 г. с государевой денежной и зелейной казной и оружием. Острог был еще пуст. Но уже 8 мая в Чернавск пришли первые 80 человек из Ельца из числа казачьих братьев и племянников. Ив. Бунин роздал им государево жалованье, самопалы, свинец и зелье. В той же отписке Ив. Бунин сообщил о начавшемся притоке в Чернавск из разных городов людей, называвшихся вольными и неслужилыми, от отцов детьми, от братьев братьями и от дядьев племянниками, не крестьян и не кабальных людей. Без указа он не смел писать их в службу, хотя земли хватило бы и на 500 человек. Приходившие в Чернавск люди, не дожидаясь указа из Москвы, начинали селиться и служить «в ряд» с чернавскими казаками, поверстанными уже в службу, стоять в сторожах по бродам «в день и в ночь». В течение лета 1635 г. с необычайной быстротой сформировалась новая служилая корпорация. Первоначально численность служилых людей по Чернавску была определена Разрядом в 100 человек. Эта цифра была быстро превзойдена. Вл. Стрельников и собравшиеся около него ельчане и вольные люди создали молву, разнесшуюся по украинным городам. Сначала В. Стрельников выступал от имени лишь одних ельчан, затем присоединились ливенцы, а в дальнейшем в составе гарнизона г. Чернавска встречаем новосильцев, мецнян, чернян, данковцев, ряшан, лебедянцев, воронежцев и др. Уже 20 июня 1635 г. Разряд согласился на цифру в 300 человек и указал дать В. Стрельникову сукна доброго за то, что он «прибрал» в Чернавск «государевых вольных людей». Приток жаждущих зачисления в службу был так велик, что Разряд пошел на дальнейшее увеличение цифры до 400 человек.

Правило набора, примененное при заселении Чернавска, не было новым. Обычно допускался прием на службу «вольных и охочих людей», т. е. людей, не состоявших в службе или в тягле или в каких-либо крепостях. Под такие признаки подходили и родственники служилых людей и всякого рода «гулящие» люди. По правилу, лица, желавшие записаться на службу в новый город, должны были являться к местным воеводам и получать от них отпуск. Не говоря уже о крестьянах или людях, живших за кем-либо на положении крестьян, даже члены семей служилых людей, братья, племянники, зятья должны были иметь отпускные, одни — от владельцев, другие — от глав семей. Среди чернавцев, как показывает список их, содержащий биографические данные, было много обедневших служилых людей или их потомков, опустившихся до положения крестьян,

и группа «вольных людей» неопределенного социального положения. Наконец, сам В. Стрельников не смог скрыть того, что в Чернавск явилось немалое число настоящих крестьян с «отпускными». В Чернавск пришло 50 человек из владений И. Тургенева сельца Офремова городища (Елецкого уезда), назвавшихся потомками служилых людей. И. Тургенев всех их называл своими крестьянами. Часть их, действительно, была ему возвращена, но более половины (29 человек) оставлено в Чернавске. К чернавцам вообще было предъявлено множество исков в крестьянстве. Мы не можем входить здесь в детальное рассмотрение социального состава чернавцев. Отметим только значительный процент среди них обедневших служилых людей и их потомков, разоренных и сбитых с места событиями первого и второго десятилетий XVII в.; именно на них сделало свою первую ставку московское правительство, начиная новое строительство и желая провести его быстро и широко. В этом смысле пример заселения г. Чернавска был для правительства очень поучительным. [139]

При заселении Козлова и Тамбова правительство совсем не применяло обычного приема перевода, сведения служилых людей из других городов, и с большой полнотой применило принцип добровольчества: оно обратилось с призывом к «вольным охочим людям» украинных городов итти в Козлов и Тамбов. Самым оригинальным пунктом царского указа, который был широко обнародован при начале строительства названных городов, был пункт о служилых людях и их потомках, от бедности и от разорения ушедших в крестьяне. В грамоте из Москвы И. Биркину и М. Спешневу, строителям Козлова, от июня месяца 1636 г. этот пункт читается следующим образом: «А по нашему указу велено вам в Козлове городе писать во всякие службы, которые дети боярские и стрельцы и казаки и всякие служилые люди, покиня свои службы с 121-го года (1613 г.— *А. Н.*), а живут во крестьянех за розными помещики и вотчинники, и за монастыри, и за всякими людьми». [140] Таким образом, государев указ открывал выход из крестьянства массе обедневшего служилого люда с одним лишь ограничением, что утрата служилого звания до 121-го года считалась окончательной. Однако это ограничение фактически трудно было соблюсти. Служилые люди, попавшие в крестьянство и едва ли допускавшие возможность легального выхода на свободу, восприняли правительственный указ как «государское жалованное слово» и «неизреченную милость». [141] Но то, что рассматривалось освобождавшимися от крестьянства, как «неизреченная милость», их владельцами воспринималось, как покушение на крепостнические права. Основная неясность указа заключалась в отсутствии определения признаков, по которым можно было бы отличить хотя и обедневшего, но все же служилого человека от крестьянина, и в отсутствии определения срока действия указа. В 1637 г., раздавая денежное жалованье козловцам, Биркин требовал от них показаний, нет ли среди них «крепостных людей», которые по крепостям подлежат выдаче владельцам. [142] В то же время Биркин сам энергично настаивал на отпуске помещиками и вотчинниками бывших служилых людей, пожелавших верстаться в службу по Козлову. Служилые люди считали, что правительственный указ лишал силы в отношении к ним всякие крепости, в том числе писцовые книги.

В 1640 г. козловец сын боярский Ф. И. Короваев, защищаясь от иска в крестьянстве со стороны Троицкого монастыря в Ельце, писал: «А хотя

---

[139] Белгород. ст. № 63, л. 11, 29—31, 35, 39—43, 113, 160—162, 167—172, 189, 200, 206—212, 224, 377 об. и др.

[140] Приказ. ст. № 121, л. 6—7.

[141] Приказ. ст. № 251, л. 158.— Белгород. ст. № 54, л. 43, 45.

[142] Владимир. ст. № 74, л. 212—213.

бы я, холоп твой, и жил (за монастырем в крестьянстве.— *А. Н.*), и я бы по твоему государеву указу им был не крепок, потому что служил я тебе, государю, на Михайлове стрелецкую службу по 124 г. (1615—1616 гг.— *А. Н.*) и по твоему государеву указу многие служивые люди поиманы из-за твоих государевых бояр, из-за монастырей и устроены в твои государевы разные службы в Козлове и в-ыных городех». Приказ принял во внимание доводы Короваева, приказал освободить его из тюрьмы, куда он был посажен елецким воеводой, сделал выговор воеводе за произвольные действия и указал, если кому до Короваева дело будет, предъявлять иск в Разряде.[143] На практике указ получил расширительное толкование и послужил поводом для ухода от владельцев настоящих крестьян и холопов, вызвал массовое движение сельского населения в новые города.

Быстрее и энергичнее всего отозвалось на призыв правительства население ближайших уездов. Пришлое население Лебедянского уезда, скопившееся здесь в ряде частных владений, подымалось и уходило в новые города. В 1636 г. из поместья Б. Плещеева с. Черепяни и из с. Богородицкого «вышло» в Козлов более десятка крестьян, записанных, по утверждению владельца, в писцовые книги, не состоявших никогда в службе и не потомков служилых людей. В 1636 и 1637 гг. из поместья К. Вельяминова из сельца Лодыгина бежало в Козлов 18 чел. Несколько позднее К. Вельяминов писал в челобитной, что и «достальные крестьяне пошли в твой государев Козлов город и записались в разные службы». В июне 1636 г. Новоспасский монастырь жаловался, что из его владений того же Лебедянского уезда многие старинные крестьяне ушли в Козлов, а остальные вышли из повиновения и говорят: «Мы де и достальные пойдем в Козлов город в служивые люди». [144] Приказчики владельцев и оставшиеся на месте крестьяне пытались оказывать сопротивление выходу населения в новые города, посыльных людей воеводы, требовавшего выпуска в Козлов всех, желавших записаться туда в службу, били, грабили, грозили утопить. [145]

В 1638 г. воронежцы разных чинов люди били челом, что в этом году бежали от них в новые города Тамбов и Козлов их крестьяне, «собрався вместе человек с 300 и больше». Мирон Вельяминов, находясь в пути на Воронеж через Козлов, наблюдал картину этого переселения крестьян с семьями, имуществом и скотом; среди толпы переселявшихся было до 10 попов с семьями. Передвижение захватило служилых людей и крестьян, записанных в писцовые книги и живших за помещиками по 10—15—20 лет; движение не прекращается, «унять их без указа невозможно», «и Воронежский уезд пуст, и церкви многие без пенья...» Уже в эти годы правительство усмотрело опасность принятого им направления и начало отступать от него. В Козлов была прислана грамота с запрещением приема в новые города крестьян и холопов: «Добро новый город садити, токмо старых не запустошити». [146] Молва о свободном приеме на службу в Козлов и Тамбов и невыдаче оттуда по искам владельцев разнеслась далеко за пределы смежных уездов. В 1637 г. пришла в Козлов группа людей из Москвы: в нее входили костромитин посадский человек, нижегородский и Устюжны Железнопольской и др. уездов крестьяне. [147]

Благодаря таким приемам набора служилых людей заселение Козлова произошло с необычайной быстротой. В 1636 г. И. Биркину было указано набрать в Козлов 590 человек. Но уже в первые месяцы, когда

---

[143] Приказ. ст. № 123, л. 158.
[144] Приказ. ст. № 121, л. 10—13, 22—26, 153.
[145] Белгород. ст. № 92, л. 69—70.
[146] Там же, л. 330—332.
[147] Там же, л. 100—124.

город еще не был построен, в службу уже записалось 853 человека. И. Биркин энергично настаивал на расширении первоначальной нормы и жаловался на задержки, которые чинили местные воеводы, вотчинники и помещики желающим записаться в службу. Разряд не мог приостановить притока жаждавших записаться в службу и уступил настояниям И. Биркина. Построение и заселение двух новых острожков, входивших в систему укреплений под Козловом, — Бельского и Челнавского—повлекло расширение первоначальной нормы еще на 600 человек. В 1638 г. в Козлове было уже более 1300 служилых людей, а в 1645 г.—2276, не считая 11 посадских людей, и 1143 детей, племянников и захребетников служилых людей, способных носить оружие. [148]

Тамбов строил стольник и воевода Роман Боборыкин. Принципы набора при заселении Тамбова были теми же, что и в Козлове. Но Тамбов имел перед Козловом большие преимущества. Строился он далеко «за Шацким в степи на р. Студенце», где находилась «крайняя мордовская деревня Тамбова». Между строителями Козлова и Тамбова возникла конкуренция; тот и другой старательно рекламировали преимущества своих городов, жаловались друг на друга и обвиняли в помехах. Многие вольные люди,«слышечи про городовое строение и про всякие крепости, и про добрую землю, и про всякие тутошние угодья, поднялися» в Тамбов. Р. Боборыкин распространял по уездам и городам призыв к вольным и охочим людям итти в Тамбов «в служилые и в жилецкие люди, кто похочет и годен будет, от отцов дети, и от братьев братья, и от дядь племянники, и подсоседники, и захребетники, и половинщики, а им там будет государево жалованье, а жилецким людям пашня добрая и льгота и торг и промысл повольной». Р. Боборыкин подавал в Москву жалобы на задержку людей, шедших в Тамбов, и добился рассылки по городам грамот с угрозой опалы воеводам, если они будут тормозить дело. [149] Отдаленность Тамбова уже сама по себе защищала поселявшихся там лиц от возврата; Тамбов приобрел славу места, откуда «никакие выдачи никоим людям нет». Туда спасались козловцы, подвергавшиеся угрозе возврата их прежним владельцам. [150]

Построение Тамбова и Козлова с укрепленной линией между ними, создавшей сравнительную безопасность от татарских нападений, положило начало усиленному заселению всего края. Территория Тамбовского и Козловского уездов с тех пор стала одним из основных центров сосредоточения пришлого населения и сохраняла это значение и в последующие десятилетия. Мы указали, что в первый момент после построения Козлова и Тамбова особенно быстро и сильно отозвалось на обращение правительства население смежных уездов, уходя массами в новые города. Объясняется это прежде всего тем, что выросшие здесь частные владения сами заселялись за счет пришлого населения. В 1633 г. из Дедиловского уезда от кн. А. Голицына из его вотчины с. Бородина и дер. Паниной и из поместной дер. Долгого бежало 8 крестьянских семей во главе с выборным целовальником, ходившим в сборе оброчных денег; из них 3 семьи поселилось за Богд. Плещеевым в с. Черепяни, 4 семьи — за Н. Челюскиным в дер. Дехтянке и 1 семья — в с. Перехвали за солдатом. При попытке взять беглую крестьянку из дер. Дехтянки приказчик Челюскина и крестьяне посыльщиков били, которые «от их бою едва ушли». [151] В 1637 г. кн. Д. М. Пожарский, прося об уменьшении числа «деловцев»,

[148] Приказ. ст. № 92, л. 188—189, 435—439.— Белгород. ст. № 92, л. 247.— Владимир. ст. № 74, л. 104—105.
[149] Приказ. ст. № 103, л. 13—17.
[150] Белгород. ст. № 74, л. 45.
[151] Приказ. ст. № 84, л. 251, 290—293.

требовавшихся к построению г. Козлова с его сельца Горетова Ряжского уезда, указывал, что в том сельце «мужиченка все пришлые».[152] В 1639 г. С. Вельяминов предъявил иск в крестьянстве к козловцу сыну боярскому Никифору Никитину, прозвищем Скорлупа, якобы бежавшему из с. Лодыгина из крестьянства. Ответчик утверждал, что он сын ряжского казака и лишь «от бедности» «пожил добровольно» в с. Лодыгине, а не в тягле и «слался из виноватых» на жителей Ряжского уезда. Но истец не принял этой ссылки на том основании, что «в Ряжском все люди схожие такие ж», что и ответчик, и что они «по нем скажут».[153] В 1639 г. Л. С. Плещеев разыскивал бежавших из его рязанских и касимовских вотчин 90 (!) мужиков и поселившихся в разных уездах, а, главным образом, в Лебедянском и Ряжском уездах за Чудовым и Новоспасским монастырями и за кн. Д. М. Пожарским.[154] С построением новых городов частные владения уже не могли привлекать к себе пришлого населения в такой степени, как раньше; никакими средствами и даже прямыми насилиями владельцы не могли удержать у себя населения. Козлов и Тамбов привлекали к себе население из ряда других более отдаленных уездов. Радиус действия их притягательной силы был очень велик. Анализ данных о притоке сюда населения выясняет, откуда двигалось оно. За период 1636—1639 гг. нами зарегистрировано передвижение в Козловский уезд 171 семьи (считая по 4,5 души на семью, всего около 770 душ). Основная масса вышла из Рязанского уезда (79 семей от 19 владельцев), Ряжского (22 семьи от 7 владельцев), Елецкого (14 семей от 12 владельцев), Касимовского (11 семей от 2 владельцев), Шацкого (7 семей от 3 владельцев); менее дали Московский (6), Тульский (5), Данковский, Каширский, Белевский, Соловский, Пронский, Чернский, Лихвинский (от 1 до 4 семей).

Итак, в 30-х годах, точнее, со второй их половины, основным районом сосредоточения пришлого населения на южной окраине Московского государства сделались уезды Козловский и Тамбовский. Из группы уездов, в предшествующее десятилетие принимавших к себе основную массу пришлого населения (Курский, Елецкий, Ливенский), лишь Елецкий, точнее — его северная часть (новый Ефремовский уезд), сохранил значение района, куда продолжало приливать население. Заметен в 30-х годах приток населения в Воронежский уезд, хотя и несравненно меньший, чем в названные выше районы. В 1636 г. от А. Есипова из поместий его дер. Пафомовой Пронского уезда бежали в дер. Песковатую Воронежского уезда 2 крестьянских семьи; в 1637 г. из той же дер. Пафомовой бежала туда же еще 1 семья.[155] В 1637 г. от Д. Рахманинова из Рязанского уезда из с. Ходынина бежал на Воронеж кабальный человек; в следующем 1638 г. из того же села бежали 2 крестьянских семьи.[156] В 1638 г. от Л. Ододурова из с. Рождественского Одоевского уезда бежала в Воронежский уезд 1 крестьянская семья.[157] В 1639 г. от В. Чевкина из вотчинной деревни Чигасовой Рязанского уезда бежали на Воронеж 3 крестьянских семьи, причем 2 из них были семьями старост.[158] В 30-х годах побеги в Воронежский уезд не образовали еще столь же значительного явления, как побеги в Тамбовский и Козловский уезды. Воронежский уезд сам терял массу населения, уходившего в новые города. Огромная

---

[152] Владимир. ст. № 74, л. 168.
[153] Приказ. ст. № 113, л. 585, 591.
[154] Приказ. ст. № 126, л. 23—24.
[155] Приказ. ст. № 559, л. 268.
[156] Приказ. ст. № 145, л. 193.
[157] Приказ. ст. № 145, л. 161.
[158] Приказ. ст. № 157, л. 281.

территория Воронежского уезда стала привлекать к себе большое количество пришлого населения лишь в последующее десятилетие, когда началось строительство городов и укрепленной линии на его территории.

Значение Козлова и Тамбова, как центров, куда приливало население, особенно наглядно обнаруживается из сравнения с другими одновременно строившимися и заселявшимися городами: Усердом (1637 г.), Яблоновом (1637 г.) и Корочей (1638 г.). Усерд был построен летом 1637 г. воеводой Ив. Бутурлиным. Указом было предусмотрено поселение там 1000 стрельцов и казаков. Но если при заселении Козлова приходилось под давлением сильного притока сюда желающих записаться в службу увеличивать первоначально намеченную цифру гарнизона, на Усерде намеченная сначала цифра не была реализована. Бутурлину было разрешено «прибрать» из вольных людей 340 конных казаков, 200 пеших стрельцов и 25 пушкарей и затинщиков. Осколяне служилые люди стали жаловаться, что их бобыли, крестьяне, дети, племянники, захребетники и половинщики и даже сами служилые люди побежали на Усерд, привлекаемые обещанным государевым жалованьем. Однако в действительности набор шел вяло. Записавшиеся на службу, не получая хлебного жалованья, покидали Усерд. Местные воеводы затрудняли уход вольных людей на Усерд, а И. Бутурлин не сумел преодолеть этого препятствия, да и правительство не поощряло на этот раз неразборчивости в приеме служилых людей в службу и давало И. Бутурлину наставление — новый город строить, а старых не пустошить. Городовые казаки, находившиеся временно на Усерде, получив предложение остаться там навечно, решительно его отклонили. [159] Еще в 1639—1640 гг. цифра служилых людей на Усерде далеко не достигла намеченной при его построении и составляла 609 человек, а в 1651—1652 гг.—744 человека. [160]

Аналогичное же положение создалось при заселении Яблонова и Корочи. Яблонов был поставлен на Изюмском шляхе на самом «ходу крымского царя и больших крымских людей». Уже в год строительства города яблоновским служилым людям пришлось выдержать бой с татарским отрядом, пытавшимся прорваться через сооружавшиеся надолобы, а в конце года они сильно пострадали при вторжении Сафат Гирея. [161] Уже такое положение делало Яблонов мало привлекательным для вольных и охочих людей. Сверх того, А. Бутурлину, строившему Яблонов, было указано принимать в службу «самых свободных людей», не из службы и не из тягла, и не крепостных, да и тех записывать только «обсылаясь в городы с воеводами», откуда эти люди приходили. [162] Следствием всего этого было то, что с самого начала правительство вынуждено было прибегнуть к заселению Яблонова путем принудительного перевода сюда «сведенцев» из других городов.

Построение и заселение Корочи (сначала называвшегося Красным городом), казалось, обещало быть более удачным, но поскольку принцип набора был тот же, что при заселении Яблонова, и особенно вследствие того, что поселенцы на первых же шагах вошли в острое столкновение с крестьянами посопной Корочанской волости, т. е., как это ни удивительно, с самого начала обнаружилась своеобразная земельная теснота и Короча не сделалась центром сосредоточения пришлого населения.[163]

---

[159] Белгород. ст. № 85, л. 1—2, 5, 129, 136, 230, 233—239, 250, 363, 497—498.— Белгород. ст. № 78, л. 584, 579.

[160] Белгород. ст. № 116, л. 22; № 327, л. 150—151.

[161] Белгород. ст. № 84, л. 51—56, 121, 199; № 105, л. 51—52.

[162] Белгород. ст. № 84, л. 120.

[163] Белгород. ст. № 84, л. 208, 243, 293; № 105, л. 6, 275, 285, 434—443. — Дворцовая волость, платившая оброк хлебом, «посопный хлеб».

Население Корочи растет до начала 50-х годов очень медленно, причем происходит это отчасти за счет «сведенцев», отчасти за счет черкасской колонизации. [164] Таким образом, в течение 30-х годов все окраинное пространство от Дона до Белгорода и, тем более, далее на запад до р. Ворсклы не привлекало к себе вольной народной колонизации, что было связано с частыми татарскими нападениями.

К 30-м годам относится начало новой политики правительства в области землевладения на московской украйне, политики, находящейся в теснейшей связи с мерами по усилению обороны южных границ государства. Это новое направление правительственной политики свидетельствует о том, какое глубокое и разностороннее действие оказывала борьба с татарами на всю жизнь государства. В интересах усиления обороны правительство вступило на путь закрытия доступа в украинные уезды всяких столичных и иногородних чинов людям и запрещения им приобретать там земельные владения. Мы имеем в виду постановление 1637 г. о «заказных городах». Города эти следующие: Воронеж, Лебедянь, Елец, Оскол, Ливны, Курск, Мценск, Новосиль, Орел, Болхов, Карачев, Рыльск. В список не вошли Валуйка, Белгород, Путивль, конечно, не потому, что доступ крепостническому землевладению в них был открыт. Из сопоставления указов 1637 и 1672 гг. о «заказных городах» следует сделать тот вывод, что все города с уездами, расположенные к югу от тех, которые перечислены были в указе 1637 г., находились под запретом. Очевидно также, что все уезды, расположенные севернее, были свободны от запрета. Правительство не остановилось перед осуществлением другой более решительной меры, которая логически вытекала из первой, — перед ликвидацией крупного частного крепостнического землевладения, уже сложившегося к тому времени в украинных уездах, где такая ликвидация диктовалась потребностями и интересами обороны. Правительство взяло на себя охрану приборных служилых людей украинных городов от покушений на их свободу, перенеся рассмотрение дел о крестьянстве и холопстве в Москву.[165] Полностью эта правительственная политика развернулась в 40-х годах; поэтому в соответствующем месте мы еще раз к ней вернемся. Однако уже в 30-х годах были проведены отдельные меры, показательные для новой правительственной политики в отношении землевладения в украинных городах.

По множеству челобитий служилых людей о побегах от них крестьян, точнее тех, кого они называли своими крестьянами, во владение И. Тургенева в Елецком уезде правительство могло судить о скоплении там значительного пришлого населения. Случай с заселением г. Чернавска, куда явилось из владений Тургенева сразу несколько десятков лиц, должен был подтвердить ранее сложившееся впечатление. «И по челобитью дворян московских и дворян же и детей боярских розных городов для их беглых людей посыланы на Ефремов сыщики Иван Янов да подьячей Иван Байбаков». [166] Удовлетворив челобитье служилых людей о сыске беглых в слободе Тургенева, правительство во время сыска распознало своеобразный состав скопившегося здесь пришлого люда: оказалось, что среди него преобладали бывшие служилые люди или их потомки, «с бедности» поселившиеся за Тургеневым на положении крестьян. Вывод, сделанный из этого правительством, не соответствовал ожиданиям

---

[164] Белгород. ст. № 116, л. 14. Смета 1640 г.— 634 человека. — Белгород. ст. № 327, л. 159. Смета 1651 г.— 843 человека.

[165] По изложенному вопросу см. статью А. Новосельского. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в., «Исторические записки», кн. 4.

[166] Приказ. ст. № 120, л. 112.— Приказ. ст. № 115, л. 16, 32.

челобитчиков: в 1636—37 г. сельцо Офремово с слободами было отписано на государя, жители написаны в казаки, а на месте Офремова городища поставлен город Ефремов. [167]

В 1639 г. по жалобе ефремовских казаков на «растаскивание» их в крестьянство по искам вотчинников и помещиков правительство постановило предъявлять подобного рода иски к ефремовцам в Москве в Разряде и без указов из Москвы выдачи их в крестьяне не производить. [168] В 1647 г. этот указ был повторен. [169] Построение Ефремова и превращение его населения в служилых людей еще более усилило прилив сюда беглецов. Выдача беглецов отсюда, вследствие нового порядка предъявления исков в Москве, стала еще более затруднительной. Бежавшие в 1635 г. из Мценского уезда от Р. Ошихмина 2 крестьянина с семьями жили сначала на Ефремове «переходя», а затем записались здесь же в казаки.[170] В 1635 и 1636 гг. от Ф. Рагозина из мценского его поместья дер. Алябьевой бежало в Ефремов 4 крестьянина; один из них был возвращен владельцу, но снова бежал туда же. В 1637 г. по вестям о наборе в Ефремов служилых людей из той же деревни бежало 8 крестьянских семей. [171] Бежавшие в 1636 г. от В. Вельяминова из Тульского уезда 4 крестьянина с семьями жили «в наймах» у ефремовских казаков.[172] Бежавшие в 1636 г. в Ефремов от С. Чертова из Мценского и Новосильского уездов 5 крестьянских семей жили там «переходя». Тщетно добивался владелец их возвращения: в течение 1637, 1638, 1639, 1640 и 1641 гг. он безрезультатно получал в Москве грамоты об их выдаче.[173]

В 1637 г. от вдовы А. Воейкова — Варвары из Новосильского уезда бежали в Ефремов 2 крестьянских семьи; возвращение их вдове произошло в 1641 г. [174] В 1637 г. от сельчанина сына боярского П. Рогачева из дер. Масловой по подговору ефремовца У. Кудинова бежал в Ефремов 1 крестьянин с семьей, а тот У. Кудинов сам когда-то был крестьянином той же деревни. [175] Из числа крестьян, разбежавшихся из Новосильского Духова монастыря в 1637 г., 2 бежали в Ефремов и записались в пушкари. [176] В 1637 г. от С. А. Губанова из поместной его дер. Берещеной Новосильского уезда бежали 2 крестьянина (один из них с племянником) в Ефремов, где записались в казаки. В период сыска Янова они укрывались, а затем снова водворились в Ефремове. Лишь позднее один из них был выдан владельцу. [177] От белевца Ив. Волжинского из дер. Юриной бежал 1 крестьянин и записался в Ефремове в казаки. Он был выдан владельцу, но вскоре снова (1637 г.) бежал в Ефремов к своим старинным друзьям А. Рогачеву и Ив. Косинову с товарищами; у последнего жил и работал на него; поселившись в Ефремове, беглец приходил в дер. Юрину для грабежа. [178] В 1637 г. от Д. Воропаева из Чернского уезда, из его поместной деревни Кирьяновой, бежал крестьянин и поверстался в Ефремове в дети боярские; попытка вернуть его владельцу не удалась, так как в момент сыска он скрылся, как делали многие другие, а затем

---

[167] Приказ. ст. № 115, л. 74, 90.
[168] Приказ. ст. № 115, л. 90.
[169] Белгород. ст. № 233, л. 17—18.
[170] Приказ. ст. № 126, л. 337.
[171] Приказ. ст. № 120, л. 112.
[172] Приказ. ст. № 115, л. 1.
[173] Приказ. ст. № 150, л. 36.
[174] Приказ. ст. № 155, л. 149.
[175] Приказ. ст. № 115, л. 70.
[176] Приказ. ст. № 260, л. 37, 391.
[177] Приказ. ст. № 115, л. 49.
[178] Приказ. ст. № 126, л. 558—559.

снова вернулся в Ефремов. [179] В том же 1637 г. от И. Остафьева из Белевского уезда из поместной деревни Нижних Лучек бежали 2 крестьянина с семьями и записались в Ефремове в казаки. [180] В 1637 г. от Ф. Тинкова из белевской его дер. Плужниковой бежал с семьей 1 крестьянин в Ефремов; при попытке возвратить его владельцу крестьянин бежал в Лебедянь, а затем вернулся в Елецкий уезд. [181] Множество побегов в Ефремов в 1637 г. связано было с происходившим там набором служилых людей. Приток туда беглых продолжался и в последующие годы. В 1639 г. от С. Ивашкина из Мценского уезда бежали одновременно 4 крестьянских семьи; в Ефремове крестьяне поверстались в дети боярские. [182] В 1639 г. ельчанин Ф. Колосов предъявил иск в крестьянстве к 8 ефремовским казакам и в том, что они дважды в 1638 и в 1639 г. приходили в его поместье, разорили его, подвергли пыткам его жену и детей. Однако сам он не явился к суду, и в иске ему было отказано. [183]

За 30-е годы нами зарегистрирован приход в Ефремов более 90 крестьянских семей: из Мценского уезда (42—43 семьи), Белевского (12), Новосильского (9), Елецкого (9), Чернского (7), Болховского (7), Тульского (4); за те же годы в остальную часть Елецкого уезда насчитана 41 семья пришлых людей.

Вся совокупность изложенных правительственных мер означала превращение украинных уездов в зону господства мелкого «сябринного» землевладения, сферу деятельности приборных служилых людей, на плечи которых и была возложена тяжелая задача обороны южных границ и освоения окраинной территории. Отступление от основного направления крепостнической классовой политики московского правительства было временным; спустя три-четыре десятилетия, когда опасность сильных и частых татарских вторжений отпала, крепостническое землевладение стало быстро проникать в южные уезды, и повторение постановления о «заказных городах» не могло удержать его распространения здесь и быстрого поглощения им мелкого землевладения приборных служилых людей. Но, хотя бы и временное, изменение правительственной политики в отношении землевладения и приборных служилых людей свидетельствует о том, что московским государственным деятелям того времени не была чужда известная гибкость в вопросах внутренней политики.

---

[179] Приказ. ст. № 115, л. 72.
[180] Белгород. ст. № 169, л. 477.
[181] Приказ. ст. № 260, л. 257.
[182] Приказ. ст. № 115, л. 12.
[183] Приказ. ст. № 115, л. 104.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОБОСТРЕНИЕ МОСКОВСКО-ТАТАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ АЗОВА ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ (1642—1645 гг.)

Содержание: *1. Московско-турецкие отношения после освобождения Азова казаками. — 2. Нападения татар на Русь в 1642 г. — 3. Нападения татар на Русь в 1643—1644 гг. — 4. Отношение Турции к татарским нападениям на Русь и на Польшу в 1644 и 1645 гг. — 5. Нападения татар на Русь в 1644 г. и внутренняя борьба в Крыму. — 6. Нападения татар на Русь в 1645 г. и внутренняя борьба в Крыму. — 7. Положение орды Больших ногаев в 40-х годах.*

< 1 >

В последний период «азовского сиденья», зимой 1641—1642 гг., отряды самовольных татар возобновили нападения на московскую украйну. В течение 1642 и 1643 гг. нападения усиливаются и в 1644 и 1645 гг. достигают большого размаха. Для выяснения причин этих нападений прежде всего необходимо определить роль турецкого правительства в поведении крымцев. Постоянные корреспонденты московского правительства, константинопольские греки в своих сообщениях в Москву связывали эти нападения с освобождением Азова и приписывали их влиянию турецкого правительства. «А покаместа был Азов у казаков,—писал в декабре 1644 г. царю Михаилу Федоровичу грек Ив. Петров,— и послы царствия вашего не приезживали во Царьград, и тогда татаром не повелено воевати украйну царствия вашего, потому что турки боялись вас. И как изволили отдать Азов и послы ваши приехали во Царьград, и тогда ударили турки на казаков и татаром повелели воевати украйну царствия вашего, для того что опасенья на себя никакова не чают...» На присылку русских послов И. Милославского и Л. Лазаревского султан ответил посольством в Москву Араслан аги с заверением в дружбе и желании соблюдать мир, но, по словам Ив. Петрова, в слове своем не устоял и послал татар на московскую украйну. Турки лживы, пишет грек, и верить им нельзя.[1] Сообщение грека произвольно связывает между собой факты, отстоящие слишком далеко друг от друга. Нападения татар на Русь возобновились еще зимой 1641—1642 гг., продолжались в течение всего 1642 и в 1643 гг. Посольство же Милославского в Турцию относится к третьей четверти 1643 г., а приезд в Москву турецкого посла Араслан аги произошел в 1644 г. Грек был прав, подозревая причастность турок к татарским нападениям 1644 и

[1] Греческие д. 7153 г., № 3, л. 4—38.

1645 гг., что было позднее доказано с полной несомненностью. Однако отсюда еще не следует, что турецкое правительство было причастно к нападениям татар и в предшествующие 1642—1643 гг. Напротив, в эти годы турецкое правительство держалось мирной политики в отношении Московского государства и требовало того же от царя Магмет Гирея. Позиция турецкого правительства изменилась к 1644 г., но по мотивам иным, чем сообщал грек Ив. Петров.

Азовской эпопеи мы касались лишь потому, что связанные с нею московско-турецкие отношения вплетались в отношения московско-татарские. С этой же точки зрения мы коснемся коротко и отдельных моментов московско-турецких отношений в ближайшие за очищением Азова годы. Политический мир Европы напряженно следил за развитием московско-турецкого конфликта и был поражен «легкостью», с какой будто бы московское правительство отказалось от защиты Азова, пункта, из которого было бы удобно вести дальнейшее наступление на Крым.[2] Так должны были судить те европейские правительства, которые были особенно заинтересованы в вовлечении России в борьбу против Турции; их суждения не были объективными. Мы видели, что русское правительство вовсе не имело в виду втягиваться в борьбу с Турцией. Захват Азова и, в особенности, его блестящая оборона в 1641 г. произвели в Турции огромное впечатление. Русские гонцы Б. Лыков и Аф. Буколов, находившиеся в период осады Азова в Константинополе, в своих отписках сообщали о том, как в турецкой столице воспринимались известия о ходе борьбы под Азовом. В конце июля гонцы записывали слух, что из 150 тыс. турецкого войска едва уцелело 50 тысяч. Ни в войнах с шахом, ни в войнах с польским королем турки не несли подобных потерь, как ныне «от таких малых людей», да притом еще государь московский не оказывал казакам помощи. Около того же времени гонцы узнали о посылке припасов под Азов; в октябре они видели возвращение от Азова в Константинополь 12 каторг с больными и ранеными. В течение осады Азова Константинополь был «в великом смятении и в страхе». Визирь держал в величайшем секрете сообщения из-под Азова; была в столице «великая заповедь, чтоб нихто про Азов ничего не говорил»; гонцы, разболтавшие вести об Азове, были казнены. Говорили о приготовлениях турецкого войска к зимовке под Азовом и к новому походу весной 1642 г. На обратном пути из Константинополя (через Белгород) зимой 1641 г. гонцы встретили возвращавшихся от Азова турок и узнали от них о тяжелом поражении и больших потерях. Чауш Магмет ага говорил о позоре за грехи «от таких худых малых людей, от камышников». Крымский «поп», бывший под Азовом, говорил о донских казаках: «Таких де жестоких смелых бойцов нигде не видал и не слыхано: даром де никоторой пульки не выпустит, а подкопами злые великие беды нашим чинили...» [3]

Аф. Лавр. Ордин-Нащокин в июле 1643 г. писал боярину Ф. И. Шереметеву, что от многих людей от слышал в Молдавии, какую славу принес царю Михаилу Федоровичу успех под Азовом: «от ево высокие руки бусурманом страх озовским взятьем, и как отсиделись такие малые люди ото множества людей...» [4] Турецкое правительство не могло без борьбы выпустить из рук Азова, готовилось к новому походу под Азов, но, безусловно, предпочло бы мирный исход конфликта с Московским государством. Об этом свидетельствует грамота султана от января 1640 г., доставленная в Москву греком Ю. Степановым в 1641 г., с извещением о

---

[2] Zinkeisen, IV, с. 130.
[3] Турец. д. 1640 г., №. 1, л. 1—4, 97—109, 118, 125—154, 287—315.
[4] Молдав. д. 7151 г., № 2, л. 189—190.

вступлении на трон султана Ибрагима и с выражением желания сохранить мир с московским государем. Московское правительство ответило посылкой в Константинополь своих гонцов Б. Лыкова и Аф. Буколова с поздравлением султана Ибрагима с воцарением и мирными заявлениями. Вместе с ним в начале 1642 г. прибыл в Москву турецкий посол с ультимативным требованием очищения Азова.

Выше мы изложили, что московское правительство с самого начала «азовского сиденья» отнюдь не ставило вопроса так, что оно вступит с Турцией в войну за Азов. Этим в значительной мере предрешался и исход всего дела, хотя постановление об оставлении Азова и последовало после обстоятельного обсуждения. 28 октября 1641 г. войско донское прислало в Москву атамана Наума Васильева с просьбой принять город под свою защиту. Изложив ход обороны Азова от турок, казаки писали, что ныне они «наги, и босы, и голодни, разорены до основанью, и запасов де у них и пороху нет», многие из Азова разошлись, оставшиеся в большинстве ранены, без глаз, без рук и без ног. «А держать им того места нечем да и некем». Казаки просили прислать в Азов воевод с ратными людьми, а они, казаки, готовы вместе с ними защищать Азов. В 1642 г. 7 февраля войско донское повторило свою просьбу.[5] Истощение запасов продовольствия, пороха, свинца было легко исправимо. Уже 25 января с московским дворянином Аф. Желябужским и подьячим А. Башмаковым в Азов было послано 5000 руб., а весной того же года с атаманом Наумом Васильевым на Дон было отправлено государево жалованье: 2000 руб., 200 поставов сукон, 2500 четв. хлебных запасов, 200 ведер вина, 250 пудов ручного зелья, 50 пудов зелья пушечного и 300 пудов свинца.[6] Гораздо серьезнее было разрушение крепости. Вернувшиеся из Азова в Москву 8 марта 1642 г. Желябужский и Башмаков сообщили, что от крепостных сооружений почти ничего не уцелело: из 11 башен сохранились в полуразрушенном состоянии лишь 3, от стен остались только отдельные куски. Они говорили, что сделать чертежа Азову и его пригородам (Ташкалу и Топракову) было «никоторыми обычаи немочно: разбито все, и стены и башни испорчены». Крепости, собственно, не было, было только место, на котором заново надо было строить город. Работа осложнялась еще тем, что огромные осадные сооружения, возведенные турецкой армией в 1641 г., нужно было уничтожать.[7]

3 января был созван земский собор, пред которым были поставлены три вопроса: принимать ли Азов у донских казаков? откуда брать средства на ведение предстоящей многолетней войны с Турцией? какими силами вести ее? Предварительно составленная смета на содержание и вооружение в течение одного только года корпуса в 10 тыс. человек, который сразу же пришлось бы направить под Азов, была исчислена в 221 тыс. рублей. Но, кроме того, нужны были средства на восстановление крепости, на содержание резервных войск, на усиление всей оборонительной системы на юге, так как, несомненно, татарские нападения не заставили бы себя долго ждать; расходы эти надо было производить в течение ряда лет.

На оба эти вопроса правительство получило на земском соборе ответ неудовлетворительный и не обнадеживающий. Укажем два обстоятельства. Служилые люди столичных чинов отказались садиться в Азове вместе с донскими казаками и предложили послать туда подкрепление за счет охочих и вольных людей из украинных городов. На вопрос о средствах

---

[5] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 259—260, 282—290.
[6] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 490.
[7] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 260—264.

на ведение войны посадские люди отвечали горячими и резкими жалобами на переобременение их податями и всякого рода повинностями и на несправедливость обложения.[8]

20 марта в Москву прибыл Мустафа Чилибей, брат турецкого посла Магмета, убитого 29 января на Донце запорожскими черкасами. 22 марта Мустафа был принят царем. Ввиду гибели официальных документов, Мустафа Чилибей изложил правительственное поручение в форме письма, присланного им в Посольский приказ 23 марта. Содержание письма было коротко и имело характер ультиматума: посол требовал немедленного распоряжения об очищении Азова и прекращении всякой помощи казакам, если московское правительство желает сохранить мир с султаном. В новом письме в Посольский приказ от 11 мая Мустафа Чилибей повторил требование.[9] Но это вторичное его обращение было лишним, потому что решение об оставлении Азова уже состоялось и 27 апреля было объявлено в боярской думе атаману Науму Васильеву и казакам его станицы. Мотивы решения были формулированы так: Азов разбит и разорен весь «без остатку» «и от приходу воинских людей сидети не в чем», а турки и крымцы приготовились к новому походу под Азов и на московскую украйну. Ту же мотивировку читаем и в царской грамоте донскому войску от 30 апреля 1642 г.[10] 28 мая казаки приняли в Азове присланного к ним с царским указом московского дворянина Мих. Засецкого и покинули город.[11]

11 сентября в Москве был принят турецкий посланник Хуссейн с грамотой султана, извещавшей о занятии Азова турецкими войсками. Султан заверял о своем желании сохранить мир с московским государем и извещал о своем решении требовать того же от крымского царя под условием уплаты ему московским правительством обычных поминок. В сентябре же Хуссейн вместе с Мустафой были отпущены из Москвы.[12]

Дипломатическим завершением азовского дела было посольство в Константинополь И. Д. Милославского и дьяка Л. Лазаревского в 1643 г. Посольство было решено еще в апреле 1642 г., но «за мотчанием» состоялось лишь в следующем году. Посольство выполнило свое поручение с редкой в дипломатической практике быстротой. Послы прибыли в Раздоры 4 июня, где были торжественно встречены казаками. Послы потребовали соблюдения мира с Азовом и Крымом. Войско отвечало, что это невозможно, потому что турки недавно уничтожили три их городка—Маныч, Яр и Черкасской и угрожают нападением на Раздоры. Действительно, 6 июня Раздоры подверглись приступу со стороны объединенных сил турок, крымцев, горских черкас. Послов казаки взяли к себе в городок и энергично оборонялись. Снесясь с турецким пашой Режепом, послы добились 10 июня прекращения военных действий и затем заключения перемирия с казаками. 23 июля послы достигли Константинополя, 26 сентября они уже отбыли в обратный путь.

---

[8] С. М. Соловьев, кн. 2, с. 1254—1259.— С. Рождественский. О земском соборе 1642 г. в кн. «Сборник статей, посвящ. В. И. Ламанскому», вып. 1, СПб., 1907, с. 93—103,— СГГиД, т. III, № 113, 114 и др.

[9] Турец. д. 1640 г., № 1, л. 252—274. — Турец. д. 1641 г., № 2, л. 231, 247—260, 273—274, 291—292.

[10] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 326—329, 338—342.—С. Рождественский приписывает спешный созыв земского собора прибытию в Москву турецкого посла (с. 102—103). Но земский собор был созван 3 января, а турецкий посол прибыл в Москву лишь в марте.

[11] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 363—366, 447—452.

[12] Турец. д. 1642 г., № 4, л. 142, 155—161, 177.— Турец. д. 1641 г., № 2, л. 354—361, 367—379.

Послы были приняты любезно. Правда, им пришлось потратить немало средств на подарки визирю Аззем Мустафе, но зато им удалось выполнить свое поручение. Турки без особых возражений согласились на полное царское титулование. Основным пунктом переговоров был вопрос о нападениях крымцев на Русь и донских казаков на турецкие владения. Московское правительство настаивало на запрещении татарских нападений. Визирь обусловливал согласие на такое запрещение усмирением казаков. Держась давно принятой позиции о непричастности московского правительства к казацким походам, послы не могли принять на себя обязательств в отношении усмирения казаков. Послы кончили эти переговоры тем, что отреклись от казаков и заявили, что если турки «разорят» казаков, то государь не будет на то досадовать. Такое утверждение послов не было искренним, потому что московское правительство было очень озабочено трудным положением казаков, подвергавшихся натиску турецких войск, усиленно поддерживало их своим жалованьем и всячески ободряло, чтобы они держались в своих городках и не покидали нижнего течения Дона. Турецкое правительство внешне удовлетворилось утверждением послов и согласилось отдать распоряжение азовскому бею, паше г. Кафы и крымскому царю о запрещении нападения на московскую украйну. С целью передачи этих распоряжений одновременно с Милославским и Лазаревским выехал из Константинополя посол Мутофорак Араслан ага. Он побывал в Крыму, где потребовал от Магмет Гирея прекращения набегов и наказания мурз, совершивших нападение на Русь в 1643 г., был в Кафе и 30 октября встретился в Азове с московскими послами. Послы пробыли в Азове до 10 ноября. Здесь при содействии Араслан аги им удалось приостановить приготовления к набегу на Русь известных азовских вожей Касая и Ишакая.[13]

Мы не имеем никаких указаний на то, что действия турок против казачьих городков в 1643 г. были согласованы с татарскими набегами на московскую украйну в том же году.

Таким образом разрешился к полному удовлетворению турецкого правительства угрожавший ему тяжелой войной конфликт с Московским государством. По всем данным, в течение 1642 и 1643 гг. турецкое правительство соблюдало принятые им на себя мирные обязательства.

< 2 >

Татарские набеги на московскую украйну в 1642 и 1643 гг. представляют собой один из самых ярких примеров татарского «своеволия», с которым было бессильно справиться крымское правительство. Набеги эти обнаружили слабость крымского правительства и внутренние противоречия, разделявшие правящие круги Крыма.

Первое ошеломляющее впечатление от захвата Азова казаками сгладилось с течением времени, когда крымцы убедились, что им можно не опасаться прямого наступления на Крым. Освобождение Азова, как сообщали в 1643 г. московские посланники Б. Приклонский и Г. Лавров, крымцы расценили, как доказательство слабости московского правительства: татары оставление Азова «в дружбу не ставят», а говорят, что покинули его, «видя свое безмочство».[14] Помимо этих общих соображений, у

[13] Статейный список о посольстве И. Д. Милославского и дьяка Л. Лазаревского в Царьград в 7150 г., Временник МОИ и ДР, VIII, с. 4—16, 29—100, 122—129.

[14] Крым. д. 1643 г., № 10, л. 93.

крымцев были особые обстоятельства, побуждавшие их к войне. Татарские нападения в течение 40-х годов развиваются на фоне сильного и затяжного хозяйственного кризиса. Засуха, недород, вздорожание хлеба и других продуктов питания, недостаток корма для скота начинаются, повидимому, еще в 1641 г. и продолжаются, не ослабевая, в течение шести и более лет. Подтверждение этому мы находим в ряде сообщений московских посланников. В начале декабря 1642 г. по приезде в Крым посланники Б. Приклонский и Г. Лавров записали в своем статейном списке о большом недороде в Крыму и засухе. Они назвали цены на некоторые основные продукты: за «острамок» соломы платят 3 золотых, за «можар» (по-русски равен приблизительно возу) сена 5—6 золотых, за четверть ячменя — по 6 золотых, за четверть ржи или пшеницы — по 8 золотых. В середине декабря кн. Сулемша Мангитский говорил посланникам о «дороговизне большой» в Крыму, о смертности среди царевых людей и падеже лошадей. В начале января 1643 г. те же посланники получили сведения о вымирании от голода турецкого гарнизона в Азове. В августе того же года Маметша ага говорил посланникам, что татары с голода продают жен и детей и т. п.[15] Московские посланники Г. Неронов и Н. Головнин, прибывшие в Крым в декабре 1643 г., говорят о голоде в Крыму, продолжающемся уже третий год. Посланники не могли добыть ячменя на корм для кречетов и ястребов, которых они везли в подарок царю, и птицы погибли. «Корм» самим посланникам был сильно сокращен. Цены на солому, сено, ячмень, рожь и пшеницу стояли на той же высоте, как и в конце 1642 г. Сами татары питались мясом. Посольские люди, нарушая пост, «оскверняя себя», вынуждены были также есть мясо.[16] Такие же сведения имеются и от последующих годов; например, летом и осенью 1645 г., по сообщению посланников Т. Караулова и Грязного Акишева, голод в Крыму продолжался: хлеб и конский корм не родились, дождей не было, «жары великие, земля выгорела, а которой кормишко и был и тот саранча поела». Масса крымских татар вышла за Перекоп в степи.[17] Один из татарских «языков» в мае 1646 г. показал в Посольском приказе, что в Крыму голод, и хлеб не родился уже шестой год.[18]

Связь описанного тяжелого хозяйственного состояния Крыма с войной была самой непосредственной. Приведем лишь один пример того, как сами татары представляли себе эту связь. В августе 1643 г., когда посланники Б. Приклонский и Г. Лавров заявили требование о возврате захваченного татарами полона и об удержании татар от дальнейших набегов, ближний царев человек Маметша ага дал им очень выразительный ответ: «...Ныне де царю никоторыми мерами татар-воров унять немочно, потому что стал голод большой, жен и детей своих продают; кому де не своровать, сворует за нужею, хотя смерть свою видит, и тех де воров где сыскать». В сентябре того же года в ответ на жалобу польского короля по поводу нападений татар аги говорили, что «ныне де крымские люди бедны и с голоду помирают; им де где что взять, только де не изгоном повоевать».[19] Такие указания мы встречаем неоднократно на протяжении первой половины 40-х годов. Только с 1647 г. Крым выходит из полосы затянувшейся «меженины».

---

[15] Крым. кн. № 25, л. 74 об.—75, 169 об.—170, 244 об.—245, 421.— Мерою сыпучих тел в Крыму был «бещур», равный московской осьмине (Крым. д., кн. 30, л. 191 об.).

[16] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 66—68, 82.—Цена «золотого», по сообщению посланников, равнялась 26 алт. 4 д.

[17] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 82, 124.

[18] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 1059.

[19] Крым. кн. № 25, л. 421, 434.

Бегадыр Гирей умер 18 октября 1641 г. Только в начале декабря явился в Крым новый царь, брат умершего Бегадыр Гирея, Магмет Гирей и 24 декабря был посажен на царство.[20] Тотчас после смерти Бегадыр Гирея посланники Чубаров и Байбаков «проведали» о сборе крымских и ногайских людей в поход на Русь. В ответ на представление посланников об удержании татар от набегов амият кн. Джантемир Сулешев отвечал, что без царя татары стали самовольны и унимать их некому. Он сам подтвердил, что азовские аги (Ишакай и Касай), ногаи и многие крымские люди собираются в войну. Несколько дней спустя, 4 ноября, тот же кн. Джантемир уведомил посланников, что по его настоянию аги будто бы запретили татарам поход на Русь, а рекомендовали татарам итти на Литву. Все заверения походили на довольно нехитрый обман, потому что уже 9 февраля 1642 г. посланники получили сведения о возвращении крымцев с большим полоном с войны на Руси. В январе 1643 г. яшловские татары сообщили русским переводчику и толмачу о зимнем походе «зипунников» татар под Усерд, где у них произошла «драка большая» с усердскими черкасами; татары потеряли убитыми, умершими от ран и захваченными в плен до 300 человек. На упрек посланников кн. Джантемир отвечал, что большинство татар было задержано и возвращено из похода, «а которые будет немногие и ходили украдом на государевы украинные городы, и того как уберечь, ни в котором государстве без воров не бывает». Ближний человек попросту умывал руки: набеги были совершены до нового царя Магмет Гирея, и ему «как то сыскать, что делалось до него». Все это оказалось, однако, возможным. 15 февраля посланники узнали, что по приказу царя Магмет Гирея в городах и улусах было сыскано и отписано на царя 710 человек русского полона, захваченного после смерти Бегадыр Гирея.[21] Эта цифра приблизительно определяет количество полона, захваченного татарами зимой 1641—1642 гг. Кроме приведенных сообщений посланников из Крыма о зимних «приходах» татар, мы имеем о них очень мало сведений. Так, документы Разряда говорят о захвате татарами 4 января 50 человек в полон под Яблоновом. В феврале, по донесениям донских казаков, татары были в Оскольском уезде.[22] Все эти нападения татар переплетались с действиями запорожской вольницы, нападавшей на турецких послов и татар.

Доказать участие крымских татар в набегах в течение следующих месяцев мы не можем. Все сведения говорят о набегах азовских и ногайских татар. Допускаем, что Магмет Гирей, если не вполне, то в значительной степени сумел приостановить набеги крымцев на Русь. 29 марта посланники узнали от татар, что азовский ага Джевгостей (с ним 900 и более татар), сопровождавший турецкого гонца в Москву, воспользовался случаем и в украинных городах «издобылся» полоном. Сейчас, сообщали татары, ага стоит в степи, боясь того, что царь отберет у него полон. Ага посылал полон на продажу в Кафу и Белгород; он хочет повторить нападение, пока Магмет Гирей не заключит мирного соглашения с московским государем. 23 мая посланники получили весть из Бахчисарая о набеге Тиникея мурзы (ногайского) на украинные города, с ним было 300 татар; он привел 400 человек полона, который продавал в Кафу и другие дальние

---

[20] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 269—271.— Крым. д. 1642 г., № 12, л. 1—6, 8—13, 14—15. Магмет Гирей, сын Селамет Гирея, родной брат Бегадыр Гирея. Калга при нем Фети Гирей, сын царевича Девлет Гирея, родного брата ц. Джанибек Гирея; следовательно, Магмет Гирею он был братом в третьем колене (а не в четвертом, как указано в статейном списке Чубарова и Байбакова). Нурадын Казы Гирей, сын ц. Бегадыр Гирея, племянник Магмет Гирея.

[21] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 265—267, 285—287.— Крым. кн. № 25, л. 245 об.

[22] Белгород. ст. № 152, л. 439.— РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 308, 322.

города.[23] Документы Разряда сообщают следующие факты, которые, возможно, относятся к указанным нападениям азовцев и ногаев. Так, 30—31 марта черкасы (20 человек), посланные на татарские шляхи, были окружены превосходными силами татар в 300 человек, представлявшими собой часть всего татарского войска. У черкас было убито много лошадей, и черкасы теми убитыми лошадьми «ощитились» и с татарами бились. Ночью черкасы отошли в лес, где и «засеклись». На следующий день татары возобновили свои попытки принудить черкас к сдаче, бились до полудня, а затем сами предложили черкасам мировую и разошлись с ними.[24] В апреле под Валуйку на р. Созопт приходило 300 татар; на Изюмском шляхе несколько позднее татары были погромлены русскими ратными людьми, причем у них было отбито 16 полоняников.[25] Из более поздних действий татар нам известны лишь два факта. В середине октября 400 татар приходило под Валуйку. После боя с валуйскими ратными людьми татары ушли в степи. Воевода П. Леонтьев преследовал их и нанес им некоторый урон; татары успели все же захватить «у сен» казака и стрельца и нескольких «робят у животинных стад». Со стороны Муравского шляха 21 октября до 1000 татар подходило к Вольному и пыталось перебраться через р. Ворсклу, но они были задержаны.[26]

Многократным нападениям мелких татарских отрядов со стороны Ногайской дороги подвергались Тамбовский, Козловский и Воронежский уезды. 11 июня, проломав надолобы, 100 татар приходило под Сторожевой острожек (между Тамбовом и Козловом) и, захватив 4 казаков и более 30 лошадей, скрылось.[27] 12 июня татары под Козловом захватили 4 человек, из которых один вырвался от них.[28] 9 августа татары (100 человек) захватили в с. Песковатом у дер. Демшинской (Воронежского уезда) 12 человек и отогнали 30 лошадей. Полон этот весь был отбит у татар донскими казаками за р. Донцом при возвращении татар из набега.[29] 20 августа татары (200 человек) приходили в Козловский уезд к слободе Хмелевой и взяли в полон одного казака. Отраженные от переправы через р. Польный Воронеж, татары отошли, но проникли в дер. Тофину, поместье И. и С. Вельяминовых, и здесь взяли полон. Передовой отряд козловских служилых людей (150 человек) успел настигнуть татар еще в самой деревне и отнять у них полон. Ратные люди преследовали татар в степи, захватив татарский кош, а в нем 100 епанчей, 50 котлов, седла и арканы. Татары бежали «наутек», многие без седел.[30] Голова Ив. Петров преследовал татар, настиг их в степи еще раз и отнял часть полона. 28 августа татары захватили в Кузьминской слободе под Тамбовом на сенокосе 2 крестьян.[31] 7 ноября татары безвестно, «украдом», ночью перешли через Польный Воронеж под Козлов к слободе Хмелевой и захватили в полон казачьего атамана, направлявшегося на свой пост на сторожу.[32]

Итак, набеги татар в течение 1642 г. совершались сравнительно небольшими силами и не проникали глубоко внутрь московских пределов. Зимой в них участвовали крымцы, а позднее азовцы и ногаи. Когда в начале 1643 г. посланники Приклонский и Лавров предъявили требование о возвращении без выкупа захваченного в предшествующем году полона, аги

[23] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 289—291, 305.
[24] Приказ. ст. № 135, л. 213—217.
[25] Москов. ст. № 160, л. 171—172.
[26] Москов. ст. № 961, л. 74—75, 106.
[27] Владимир. ст. № 73, л. 280.
[28] Приказ. ст. № 144, л. 89—90.
[29] Москов. ст. № 961, л. 118.
[30] Приказ. ст. № 144, л. 7, 10—11.
[31] Москов. ст. № 160, л. 128.
[32] Приказ. ст. № 144, л. 89—90.

отвечали, что полон был захвачен большими ногаями, изменившими московскому правительству, малыми ногаями и азовцами, подчиненными султану. Следовательно, крымский царь не может нести ответственности за ущерб, причиненный набегами в 1642 г. Московскому государству.[33]

По своему обыкновению, крымцы довольно бесцеремонно извращали факты, умалчивая о том, что зимой 1641—1642 гг. крымцы нападали на Русь и забрали там значительный полон, в чем раньше сами признавались. В шертной записи царя Магмет Гирея от сентября 1642 г., данной им перед посланниками Чубаровым и Байбаковым, значится обязательство сыскивать захваченный крымцами полон, отбирать его, возвращать без выкупа и наказывать самовольных татар за набеги. Более того, в записи сказано, что ногаи Уракова родства (Малые ногаи) уже наказаны за нападения на Русь и взятый ими полон возвращается на Русь с Чубаровым и Байбаковым без выкупа.[34] На самом же деле с посланниками было отпущено только 9 русских полоняников, взятых в начале 1642 г. под Яблоновом.[35] Конечно, эти 9 человек составляли лишь ничтожную часть полона, взятого татарами на Руси в 1642 г. Но меры, принятые Магмет Гиреем к удержанию крымцев от дальнейших набегов, возвращение полоняников доказывают, что крымское правительство не направляло татар на Русь. Тем более мы не видим указаний на то, что турецкое правительство было причастно к татарским набегам в 1642 г. Они выполнены были отдельными вожаками изголодавшихся татар.

< 3 >

В течение 1643 г. еще ярче выступают противоречия между мирным соглашением Крыма с Московским государством, подтвержденным вновь в конце 1642 г., и усилившимися татарскими нападениями. Посланники Борис Приклонский и Герасим Лавров прибыли в Крым в ноябре 1642 г. Они привезли с собой поминки за два года, 1641 и 1642, на общую сумму 25 064 руб., включая меха и рухлядь на 1300 руб. «для обновленья» царю и калге.[36] Царь принял поминки без всяких возражений 5 декабря. Когда один из ближних людей стал принимать подарки калгиным царицам и ближним людям, то сразу же обнаружились «многие несходства», но как только этот ближний человек получил почесть, «так все по росписи сошлося тотчас», не без юмора замечают посланники. Посланники твердо стояли на том, что они не могут прибавить ничего сверх росписи, «ни синево волоса». 4 апреля сын Муртоза аги, ближнего человека калги, приехав на стан посланников, попытался насилием добиться прибавок; он бил Лаврова саблею «плазом»,[37] драл за волосы самого Приклонского, другого подьячего бил плетью по ушам и при этом говорил: «присланы де вы к государем нашим с данью с платежем, а не для чего (другого?), и вы де дайте, и, бив и позорною лаею лаел посланников, поехал...» Жалоба посланников ближнему человеку и самому царю возымела неожиданный эффект. Муртоза ага был снят с должности ближнего человека калги. После этого до самого отъезда в октябре 1643 г. из Крыма Приклонский и Лавров

---

[33] Крым. кн. № 25 (запись под 16 января 1643 г.).

[34] Ф. Л а ш к о в. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв.,«Изв.Тавр. арх. комиссии», в. 11, 1891 г., с. 10—13.

[35] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 337.

[36] Крым. д. 1640 г., № 12, л. 81—83.— Крым. д. 1643 г., № 11, л. 335—382.

[37] «Плазом» — плашмя.

не подвергались никаким насилиям. Кроме обычных домогательств подачек и почестей, по выражению посланников, «будто на базаре для торговли», ничего неприятного с посланниками не произошло.[38] В соответствии с состоявшимся мирным соглашением султана с московским правительством, такого же мирного поведения старался держаться и Магмет Гирей.

Несмотря на это, в 1643 г. Русь подвергается несравненно более сильным, чем в предшествующий год, нападениям крымских татар под руководством виднейших крымских, ногайских и азовских вожаков. Численность участвовавших в набегах татар достигает многих тысяч. Нападения совершаются в различных направлениях и охватывают почти всю пограничную полосу и проникают в глубь страны. Инициатива набегов исходила от самих татар; как обнаружилось впоследствии, в организации набегов были замешаны представители самых высоких правительственных кругов Крыма.

Первыми выступают мурзы: Ислам, Сеферь, Тиникей (ногайские), Клыч и Айдевлеткул (азовские), Азамат мурза (Малого ногая). Азовский ага Айдевлеткул договорился о набеге с запорожскими черкасами на том условии, что полон поступал татарам, а прочую добычу: лошадей, деньги, рухлядь—брали черкасы. Увлеченные общим движением, турецкие паши Резеп и кн. Мустафа, присланные в Азов, также собрали около себя татар из улусов Больших и Малых ногаев, пошли на казачьи городки и намеревались напасть затем на украинные города; документальных подтверждений их нападений мы не имеем.[39] Набеги крымцев возглавили два крупнейших вожака—Караш мурза и Осман-Чилибей мурза, к которым примкнули затем другие крымские мурзы.

Действия татар, руководимых различными вожаками, не были координированы между собой. Можно заметить лишь одно «разделение труда» между ними: ногаи и азовцы действовали преимущественно со стороны задонских степей, хотя иногда пользовались и Калмиусским шляхом, а крымцы нападали исключительно с юга.

Самые ранние движения татар, свидетельствовавшие о подготовке их к набегам, замечены были русскими сторожевыми постами и станичниками по Калмиусскому шляху еще в марте (29 марта) у верховий р. Калитвы (более 200 человек) и на Богучаре (100 человек). 14 апреля произошла первая стычка: валуйские и оскольские ратные люди погромили у верховий р. Деркула небольшой татарский отряд в 26 человек: 17 человек было захвачено в плен, остальные перебиты. В 20-х числах апреля была замечена переправа через Донец меж рр. Айдара и Ольхового колодезя 2000 татар и 500 янычар (т. е. людей с огненным боем). По другому сообщению, всех татар переправилось через Донец до 5000 и более человек. Таким образом, к концу апреля значительные татарские силы заняли исходное для набега положение по Калмиусскому шляху.[40]

Однако названные выше мурзы—Клыч, Тиникей, Ислам и Сеферь—сумели сосредоточить свои силы раньше и раньше начать нападения. С запорожскими черкасами они, повидимому, договорились еще в марте. В конце апреля татары уже нападали на новые города — Козлов и др. 30 апреля 600 татар и 200 черкас (по другому сообщению черкас было 130 человек) «с вогненным боем» перешли через р. Польный Воронеж и расположились в Козловском и Лебедянском уездах. Они воевали вотчины кн. А. Н. Трубецкого (с. Юрлуково и дер. Кузьминки), Вельяминова (с. Лодыгино с деревнями), Чудова

[38] Крым. кн. № 25, л. 104, 129—131, 136, 287, 345—351, 353, 71—72.
[39] Крым. кн. № 25, л. 397 об.—398.— Белгород. ст. № 177, л. 401—404.
[40] Москов. ст. № 961, л. 19—23, 122—123, 243 об.

монастыря (с. Доброе городище, с. Хомуты, с. Кривец с деревнями), кн. Д. М. Пожарского (дер. Ерок). Села и деревни эти были многолюдны, добыча была обильной. Нападающие проявили при этом необычное упорство, может быть, благодаря присутствию в составе их запорожцев. Они не уходили, несмотря на то, что посланные из Козлова ратные люди дрались с ними весь день на Тарбееве перевозе, татары несли потери убитыми и ранеными, но ушли, только завершив свою операцию. В тот же день 30 апреля другая группа татар появилась под с. Горетовым и ушла отсюда к Хмелевой слободе. Воевода Ив. Ляпунов, выйдя со всеми ратными людьми (их было всего 264 человека), встретил татар 1 мая у верховий р. Самовца в степи на границе владений с. Горетова. Бой с ними длился с полдня до вечера и был упорным. Татары несли потери. Воевода И. Ляпунов был ранен из пищали, ратных людей было убито 12 человек и 69 человек ранено. Лишь с наступлением ночи татары бежали. Стрелецкий и казачий голова Ст. Шишкин продолжал преследование и 2 мая «дошел» татар в степи на р. Шехманке, еще раз бился с ними, но смог освободить из полона лишь двух ребят. Одни татары (не считая черкас) потеряли убитыми до 50 человек. Многих тяжело раненных татары увезли с собой. Упорство в нападении оправдывалось хорошей добычей. Мы не имеем общих итогов набега, но знаем, что в одной деревне Ерок татары «поймали» 240 человек, а остальные «от той ужасти бредут розно». На полях с. Хомуты у конских стад было взято 20 человек. Бежавшие из плена рассказывали, что 7 мая за р. Битюгом татары и черкасы произвели раздел добычи согласно предварительному договору.[41]

3 мая татары пришли в Темниковский уезд, через р. Инсар «тем проходом, большою табунною дорогою, которою дорогою ездят из Астрахани и из Саратова... к Москве станишные головы с табунами». Новые города, Верхний и Нижний Ломовы и Атемар стояли в стороне от этой дороги; в обе стороны от нее было незащищенного пространства по 40 верст. И прежде татары ходили на Русь той же дорогой. Деревни Верхмокшанского уезда, «мало не весь» Темниковский уезд, подходили близко к этому незащищенному месту. Татары повоевали русскую дер. Паеву, мордовские и татарские деревни: Паеву, Старую Челмадееву, Старую Потьму, Адашеву, Тумолу, Козину, Полянки и Веркужи. Вырвавшийся от татар темниковский полоняник Ф. Буровлев рассказал, что взят он был татарами вместе с другими крестьянами и касимовскими посадскими людьми, ходившими весной в Саратов на рыбные ловли. Татары привели их на свой стан к р. Медведице и посадили в колоды. Здесь расположились, по словам беглеца, большие массы татар. Из них до 6000 человек было отпущено на Алаторские места, 500 человек — к Тушканскому острожку и 700 — в Темниковский уезд. Рассказчик был свидетелем расправы татар с захваченными на пути на Яик донскими казаками и их атаманом: их пытали («жгли камышем»), атамана повесили за ребро, а товарищей его, после пытки, убили. Ф. Буровлев бежал вместе с крестьянкой дер. Тумолы (дьяка Ив. Переносова) и мордовкой-женкой, которые сумели освободить его из колод.[42] О действиях татар в алаторских местах сведений мы не имеем. После этого до половины июня татары ничем не проявляли себя со стороны Ногайской дороги.

Лишь двумя-тремя днями позднее было совершено нападение по Калмиусскому шляху. С самого начала мая можно было наблюдать продвижение на Русь со стороны Калмиусского шляха небольших разведоч-

---

[41] Москов. ст. № 961, л. 268—269.— Приказ. ст. № 144, л. 349—351, 372—375, 408.
[42] Москов. ст. № 961, л. 314—319, 326, 401.— Рассказчик называет атамана Ив. Каторжного, очевидно, ошибочно, так как Ив. Каторжный был жив еще в 1649 г.

ных отрядов. 3 мая «на солнечном всходе» татары впервые натолкнулись на вновь построенный в Жестовых горах (на левой стороне р. Оскола) стоялый острожек. С башни острожка можно было видеть, как татары идут в Русь шляхом между Жестовым и Осиновым острожками (на р. Т. Сосне). 4 мая 200—300 татар пыталось проникнуть в Оскольский уезд и под город через р. Ублю. Отраженные от переправы, татары поднялись вверх по р. Убле в направлении Курского уезда. Там было уже известно о движении татар, и их ожидали. В Тускорский стан был выслан отряд ратных людей. 8 мая около 9 часов утра отряд татар в 300 человек появился около сторожи на верховьях р. Рати (на Пахнуцкой дороге) в 50 верстах от Курска. В 10-м часу татары приходили под Курск на стрелецкие поля. Против татар вышел с ратными людьми воевода Ив. Стрешнев. Татары не приняли боя и, повернув обратно, стали уходить по Муравскому шляху. По вестям об их движении на шлях вышел с ратными людьми белгородский воевода Н. Боборыкин. Боборыкин встретил татар 10 мая у Смородинной и Съезжей сторож и отсюда до р. Лопиной, на протяжении 60 верст, с боем преследовал татар (их было более 200 человек). Среди ратных людей было раненых 16 человек. Татары также имели потери; сверх того, у них был отнят весь полон (18 человек), захваченный ими в Курском и других уездах. Преследование длилось с часу дня до вечера. К месту боя подоспели ратные люди Вольного и Хотмышска и напали на татар с правой стороны; ратные люди этих городов продолжали преследование татар от верховий р. Гостиницы до Мерчика день и ночь и причинили татарам новые потери. Из рассказов освобожденных из полона людей мы узнаем, что в момент нападения на татар русских ратных людей татары, не надеясь увезти с собой полон, начали его избивать и истребили 18 человек, а остальным удалось спастись: увидев ратных людей, рассказывают спасшиеся люди, они «с лошадей пометались и их татаровя побить не успели».[44]

Татары могли убедиться из этих первых столкновений в том, что их приготовления к нападению не остались тайными, но, повидимому, они сделали и какой-то иной благоприятный для себя вывод, может быть, тот, что путь через Калмиусский шлях еще доступен, что численность ратных людей в пограничных городах не превышает обычной нормы. Во всяком случае, со средины мая татары отпустили в войну еще более крупные силы. 17 мая на восходе солнца мимо Раздорного острожка через р. Т. Сосну прошло в Русь до 2500 татар. Из острожка по ним стреляли из пушек и мелкого ружья, но задержать переправы татар не могли. Перейдя Т. Сосну, татары сделали короткую остановку у верховий р. Убли, затем двинулись далее по Калмиусской сакме в направлении Курского уезда, куда проникли Пахнуцкой дорогой. На этот раз татары двигались против своего обыкновения довольно медленно и лишь 21 мая пришли в дер. Муравлеву (Курского уезда), где и произошла первая встреча с ними курских ратных людей. Бой длился весь день. Ратные люди следовали за уходившими татарами и «вдругие» бились с ними у дер. Малаховой. Татары во много раз превосходили численностью курских ратных людей; они окружили отряд ратных людей и «приступали» к ним «жестокими приступы днями и ночью» в течение 21 и 22 мая, «поставя около... ратных людей шатры и палатки, и с знамены пешие люди приступали с вогненным боем». Курский воевода в своей отписке указывал на то, что действие ратных людей удержало татар от «большой войны» в Курском уезде. Действительно, после боя татары стали выходить из войны. Взятый на бою татарин показал, что татарским войском руководил известный организа-

[44] Москов. ст. № 961, л. 26—28, 30—33, 151—155, 178—180, 238—239, 373—377.

тор набегов на Русь крымский мурза Караш; с ним было сначала лишь 200 человек. Затем у Донца к нему присоединилось еще 30 крымских мурз с 2300 человек. В бою был убит Маметша мурза, «хану свой человек».[45] Донесение воевод, очевидно, преувеличивает успех боев с татарами: татары весьма основательно повоевали Курский уезд и, как видно из последующего, забрали там немалый полон.

Отступление татар происходило по Муравскому шляху. Первыми встретили татар при их отступлении 27 мая в 30 верстах от Белгорода белгородские ратные люди в числе 700 человек под командой головы Ив. Баландина. Несмотря на значительное численное превосходство татар, белгородские «похожаня» не стали дожидаться яблоновских ратных людей, шедших на помощь, и, пользуясь тем, что татары в то время готовились расположиться станом, «не дав татарам на станех стать, в ранние вечерни почали на татар бить». Но попытка нападения оказалась неудачной: татары белгородцев от себя «прочь отбили» и их самих в степи «осадили». «И татаровя... к белгородцам приступали крепким приступом и животинными стадами на белгородцев нагоняли трожды. И белгородцы... от татар на степи в осаде сидели в буераке, окопався земляным городком, а татаровя к ним приступали до ночи». Из Корочи шло на помощь 50 стариковских казаков. Ввиду малочисленности, они не могли пробиться к белгородцам и вынуждены были остановиться в полверсте от них, засев в яруге.[46] Яблоновский голова Л. Баландин, в отряде которого был 691 человек, подойдя к месту действия и убедившись в трудном положении белгородцев, «урядя коши», «на ранней утренней заре» двинулся на выручку белгородцев. Татары пытались воспрепятствовать соединению отрядов и напали на яблоновских служилых людей. Сотник Ф. Неудачин с казаками Мишкой Судоплатом и Максимкой Шульгой «на бою скрозь татарские полки скочил к белгородским ратным людям в осаду в земляной городок», взял у них из осады сына боярского, а у них оставил М. Судоплата с товарищами. Вслед за тем Л. Баландин со своим отрядом прорвался к белгородцам и освободил их из осады. Татары прекратили борьбу, снялись со стана и стали уходить «отводом». Объединенные отряды белгородцев и яблонцев преследовали татар еще на протяжении 20 верст. Однако татары были ратным людям «не в силу». Татары всех своих убитых и раненых сумели отбить и взять с собой. Ратные люди также имели раненых, потеряли много лошадей; к тому же татары успели выйти «из крепей» в открытые степные места, и преследование было прекращено.[47] Таким образом, татарам удалось полностью увести всю свою добычу, людей и стада.

В первых числах июня посланники Приклонский и Лавров получили сведение о том, что другой известный инициатор и организатор набегов, Осман-Чилибей мурза, «с охочими людьми с зипунниками» собрался было в поход на Литву, но был задержан по указу Магмет Гирея. Осман-Чилибей ускользнул со своими татарами, численность которых определялась в 4000 человек, и расположился на Молочных водах. После споров о том, куда итти, был решен поход на Русь. Документы Разряда достаточно полно освещают этот набег. Начиная с 11 июня станичники наблюдали движение татар по Муравскому шляху. По смете станичников, татар было до 5000 и более человек. По пути небольшие группы татар заходили в деревни Белгородского уезда, но основные силы, не уклоняясь в сторону, двигались в направлении Курского уезда, где 14 июня и начали свои действия.

---

[45] Москов. ст. № 961, л. 170—174, 176—177, 265—267, 357—358.
[46] Яруга — овраг, буерак.
[47] Москов. ст. № 961, л. 404—408.

В этот день во втором часу дня 500 татар приходило к посаду к Ямской слободе, но они были отражены сотнями служилых людей. Встретив отпор, татары ушли вверх по р. Тускори. Ратные люди следовали за татарами и стали в дер. Поминове в расстоянии 15 верст от города. Татарский стан был расположен на другой стороне р. Тускори. Бои происходили лишь с отрядами татар, возвращавшимися из загонов. Ни напасть на стан татарского войска, ни помешать действиям татар в уезде ратные люди были, за малолюдством, не в силах. Видимо, татарам все же мешал этот отряд ратных людей, поэтому 14 и 15 числа они подвергли его осаде; значительными силами (до 4000) они пришли со своих станов к дер. Поминовой и «приступали к ратным людям жестокими приступами». После этого татары двинулись обратно. Собираясь «из разгону», татары пожгли многие села и деревни. Из показания «языка» стало известно, что во главе татарского войска стояли мурзы Осман-Чилибей и Мустафа. Осман-Чилибей начал свой поход тогда, когда Караш мурза кончил свой набег.[48]

В середине июня возобновила нападения группа татар, сосредоточившаяся на ногайской стороне Дона под предводительством Клыч мурзы, Тиникея мурзы и др. По смете ратных людей, участвовавших в боях с татарами, и по сообщениям освободившихся из полона русских людей, число татар определялось в 2000 чел. 14 июня верстах в 50 от Воронежа между реками Воронежем и Усманью татары проломали надолобы на протяжении 150 саженей. Этим проходом 2000 татар конных и пеших проходили к с. Излегощи и приступали к нему «жестокими приступами». Свой кош и шатры татары поставили в $1^1/_2$ верстах от села. На этих приступах было ранено 2 атамана, 2 сына боярских, атаманских детей, племянников и половинщиков 7 человек. Часть татар (400 человек) перешла р. Воронеж меж деревень Сидякиной и Маниной и напала на дер. Курину и дер. Вертячую: дети боярские и крестьяне удачно от них «отсиделись». Из Воронежа были высланы сотни Т. Семичова и И. Шишкина. Кроме того, имелись сотни ратных людей на месте. Так, сотенный голова С. Корчагин встретил татар между селом Маниной и дер. Подгорной, убил 9, ранил многих татар, отнял 19 чел. полона и 23 лошади. Татары (200 человек) пытались проникнуть к с. Песковатому (на р. Усмани), но были отражены сотней Влад. Парского. От с. Излегощи татары были отражены сотнями Т. Семичова и И. Шишкина. Итоги этого налета следующие: в дер. Асавитской (Телухино тож) взято в полон крестьян, бобылей, их жен и детей 11 человек, захвачено 18 лошадей, деревня выжжена; в с. Маниной взято 2 человека, в дер. Двуречье — 2 ребят и отогнано 12 лошадей, в дер. Машкиной — 1 человек, в дер. Ниж. Мячки — 3 человека и отогнано 2 лошади, в дер. Вертячей — 1 человек и отогнано 6 лошадей, в слободке Масловой — 10 человек и отогнано 15 лошадей, в с. Курине — 2 человека, в с. Излегощи отогнано 17 лошадей. Всего захвачено в полон 30 человек и отогнано 94 лошади.[49] Результат налета был мало удовлетворительным. 4 июля татары повторили налет в другом месте и имели больше успеха. Татары (700 и более человек) напали днем на с. Карамышево и здесь взяли более 100 душ полона, дворы многие выжгли, стада животинные и конские угнали. Перейдя р. Воронеж, татары попытались напасть на с. Белый Колодезь, но помещики и крестьяне того села отразили все приступы татар. 26 человек из полона, захваченного татарами в эти два прихода, было отбито у них донскими казаками при переправе через Дон несколь-

---

[48] Крым. кн. № 25, л. 379.— Белгород. ст. № 177, л. 13—17, 52—59.— Москов. ст. № 961, л. 203—210.

[49] Белгород. ст. № 177, л. 1—3.

ко позднее. Нападения эти имели своим следствием распоряжение из Москвы о построении новых крепостей на перелазах через р. Воронеж.[50]

Мурзы, руководившие татарами за Доном, проявили много упорства и инициативы. Они оставались здесь в течение июля и августа, организуя набеги в разных направлениях. Показания «языков», выходцев из полона и «на государево имя», называют нам имена этих мурз. Среди них находим Клыч мурзу и других крымских мурз — Мураша и Апас Ширинских, Адил мурзу Азаматова (из Малых ногаев), Мустафа мурзу кипчацкого родства и др.

Сообщения не сулили скорого прекращения набегов, напротив, надо было ожидать новых «приходов» татар под Воронеж и другие украинные города. Воеводы делали попытку парализовать и предупредить татарские набеги. 12 июля бежавший из татарского плена крестьянин сообщил в Козлове, что на р. Серед, левом притоке Битюга, находится татарский стан в 1000 человек, «стоят расплошно, и люди худы, и у многих ружья нет, а конские де стада ходят далече, верст за 5 и за 10, а сами де стоят меж гор и меж озер, а стоят ночью без караулов». Козловский воевода Ив. Ляпунов списался с тамбовским и воронежским воеводами о совместных действиях. Решено было попытаться напасть на татар на месте их стоянки. Место сбора было назначено на р. Битюге меж рр. Самовцем и Чемлыком. Из Козлова был послан сотенный голова Ст. Шишкин и с ним 964 человека ратных людей. В назначенном месте к нему присоединились тамбовские ратные люди. Сюда же пришли крестьяне — охочие люди с. Романова городища (Н. И. Романова), сс. Соколья и Юрлукова (кн. А. Н. Трубецкого). Отсюда ратные люди пошли к р. Тулучеевой. Но на пути произошла неожиданная встреча с другим татарским отрядом в 300 человек, направлявшимся на Русь. Отряд этот был разгромлен; татары бежали «наутек», бросая луки и седла. Русские ратные люди преследовали татар на протяжении 60 верст до р. Тулучеевой. Но, поскольку движение ратных людей получило огласку, поиски татарского стана и нападение на него потеряли смысл.[51]

В первой половине августа татары совершили нападение в двух направлениях — на Воронежский уезд и, перейдя Дон, по Калмиусской сакме на Ливенский и Елецкий уезды. 2 августа татары (1000 человек) приходили к самому Воронежу, к его посаду и слободам. Сотенные головы — Плакида Тимирязев, Андрей Шишкин и Вас. Струков — с сотнями не дали татарам возможности повоевать посада и слобод, но не могли помешать захвату татарами в полон 24 служилых людей. Татары ушли в степи. В тот же день голова Богдан Сукочев отразил татар (500 человек) на Хреновском перевозе через р. Усмань, отбил 12 полонянников и стада. 16 августа более 500 татар приходило к с. Песковатому, но они были отражены сотней Дементья Невзорова. Наконец, 23 августа «изгоном» татары (более 200 человек) приходили под г. Тамбов, осадили его, «выимали слободы пушкарские и казачьи, и на полях пеших казаков побрали», отогнали стада и ушли за р. Липовицу. Полон был большой.[52]

1, 2 и 3 августа по Калмиусскому шляху, главным образом из-за Дона (с Клыч мурзой), прошло через р. Т. Сосну в Осиновый брод до 6 тыс. татар; затем татары перешли через Б. Сосну. Они действовали под Чернавском, в Ливенском и Елецком уездах, переходили р. Мечу. Однако наши сведения о действиях этих крупных татарских сил недостаточно полны.

---

[50] Белгород. ст. № 177, л. 161—162.

[51] Приказ. ст. № 144, л. 454—456, 462—464, 472—473.— Белгород. ст. № 177, л. 373—374.

[52] Белгород. ст. № 177, л. 362—363, 425.— Белгород. ст. № 189, л. 1—3.

Татары подходили под Чернавский острожек, где с ними был бой. Несколько боев было с татарами в Ливенском уезде. В Елецком уезде они побывали в ряде деревень и взяли в полон 13 стрельцов и 27 женщин и детей. 5 августа татары «разобрались полками» и ушли из-под Чернавска. Повидимому, с этого числа татары начали отступление. Однако вплоть до 9 августа можно отметить все еще присутствие крупных татарских сил за р. Б. Сосной в пределах Елецкого уезда. В наших материалах нет данных о количестве захваченного татарами полона. Ливенский воевода И. В. Бутурлин сообщал в Москву о боях с татарами 3 августа и получил из Разряда выговор за то, что не указал потерь, понесенных от татар убитыми и взятыми в полон. Разряд требовал присылки такой росписи.[53]

Для полноты картины необходимо указать еще, что в июле крымцы по указу султана совершили поход в пределы Лубенского, Гадячского и Миргородского уездов. В походе принимали участие довольно крупные силы татар в 6—7 тысяч. 28 июля татары были разбиты Иеремией Вишневецким на Кобяковом поле. После того татары стали разбегаться разными дорогами небольшими отрядами в несколько десятков и сотен человек. Все-таки значительную часть полона татары сумели увести с собой. Возвращались татары Бакаевым шляхом и делали попытки заглянуть в Курский уезд, но были отражены. С Бакаева шляха татары перешли на Муравский шлях и им вышли в степи.[54]

К сожалению, мы не имеем общих итогов потерь от татарских нападений 1643 г. и даже приблизительно не можем их определить. Сами татары говорили, что в одном лишь Курском уезде взяли они полона «несчетно». По тому волнению, которое вызвала в Крыму попытка царя Магмет Гирея отобрать полон, можно заключить, что он был очень значителен. Мы видели, что набеги затянулись на всю весну и все лето, что они охватили всю пограничную полосу, и поэтому можем судить о том, насколько тяжел был этот год на московской украйне.

Всего замечательнее то, что набеги эти были совершены не только без повеления Магмет Гирея, но вопреки его воле. Магмет Гирей был осведомлен, конечно, о состоявшемся мирном договоре султана с московским государем и понимал необходимость поддержания мира, о чем он получил настойчивое указание от султана. Он довольно энергично противился набегам, а после того, как крупнейшие крымские вожаки вернулись из похода, он пытался наказать их за это. 9 июня на стан московских посланников пришел пристав Абразак и рассказал следующее. Царю Магмет Гирею стало известно, что Караш мурза (Даирова родства) возвращается из войны. Царь указал переписать имена всех ратных людей, ходивших с ним в войну, а весь захваченный на Руси полон отобрать на свое имя. По городам и селам и по деревням на торжках он приказал огласить указ с запрещением ходить войной на Московское государство. Магмет Гирей уже раньше доказал свое желание блюсти с Москвой мир, сместив ближнего человека Муртоза агу за его насилия над посланниками и назначив на его место Алгазы агу. Несколькими днями позднее переводчик Имралей Кошаев услышал от Каит аги, что Караш мурза «сидит в чепи и в железах на цареве дворе, и дом и животы его по цареву указу пограблены». Царь готов казнить Караш мурзу, но задерживает казнь, потому что «сыскивает допряма, от кого та ссора учинилась», разыскивает остальных мурз и

[53] Белгород. ст. № 190, л. 549—552.— Белгород. ст. № 177, л. 186, 192—193. 221, 229, 235—236, 257—258, 349, 370, 390—392, 394—395, 475—476, 497 и др.

[54] Крым. кн. № 25, л. 417 об.— Белгород. ст. № 177, л. 277, 313—315, 332—339, 431, 380—381, 506.— АМГ, II, № 199.

лучших людей, участвовавших в набеге, устанавливает наличие полона; всем грозит кара, а полон будет отпущен «без окупа».

Широкая заинтересованность в набеге и его исходе выразилась в единодушном заступничестве, можно сказать, всего Крыма за Караш мурзу. 16 июня в Бахчисарай съезжались царевичи, князья, мурзы, лучшие улусные люди и духовные лица и просили Магмет Гирея, чтобы он не велел казнить Караш мурзу. Царь им в том отказал и укоризненно им говорил, «что де вам Караш мурзина голова дорога, а моя душа вам ненадобна; он де шерть мою цареву нарушил и душу потеснил, и ему де за то, как его не казнить». Царь добивался от Караш мурзы прямого признания в том, по чьему указу пошел он войной на Московское государство, и тогда он его освободит. Караш мурза отвечал, что «все де ближние люди ему сказали,— только де в Литве не удастся, и ты де московские украйны захвати, и за то де царь тебя казнить не велит». Магмет Гирей добивался от него признания, кто именно сказал ему такие слова. Караш мурза снова отвечал, что «все дворовые аги ему то говорили». Царь приказал снова положить на Караш мурзу цепь и огиби и велел «смирить его гораздо». Когда царевы ближние люди, князья, мурзы и лица духовного чина увидели бывшего в это время на дворе переводчика Имралея Кошаева, они его лаяли и грозили, что если Караш мурза будет казнен, то и посланникам и ему живыми не быть. Магмет Гирей очень подозревал Каит агу в поощрении Караш мурзы к набегу и «кручинился» на него. Каит ага божился и коран перед царем целовал, отрицая свою вину. Позднее посланники узнали, что Магмет Гирей по просьбе брата своего калги Фетхи Гирея и людей духовного чина освободил Караш мурзу и животы его ему возвратил. Таков же был и исход дела Осман Чилибея, его укрывал и за него просил все тот же Фетхи Гирей.[55]

Было совершенно очевидно, что заступничество за Караш мурзу и Осман Чилибея объяснялось заинтересованностью царевичей, князей, мурз, лучших улусных людей и духовенства в успехе набегов на Русь. Но заинтересованность была гораздо более широкой. Тот же Каит ага говорил Имралею Кошаеву, что крымские бедные люди и зипунники с голоду беспрестанно ездят за Перекоп тайно; собираются по 1000—2000 человек и ходят в войну; взяв полон, продают его мимо Крыма в Кафе и Белгороде. «Легкие люди, безбаши добыточники» тем и кормятся, что Литву и Москву воюют. Теперь эта обычная инициатива «легких людей» и вожаков и опытных организаторов набегов особенно усилилась. Почвой для этого было общее обнищание крымских татар, дошедших до такого бедственного состояния, что «унять» их было невозможно никакими средствами.

В. Д. Смирнов, на основании турецких источников, называет царя Магмет Гирея «неважным человеком как по личности, так и правительственным своим качествам...»[56] Мы причислили бы Магмет Гирея к типу крымских царей, подобных Джанибек Гирею, Бегадыр Гирею и многим другим, пытавшимся на трудном посту царя в Крыму держаться лояльно в отношении султана. Как и многие другие крымские цари, Магмет Гирей не смог преодолеть самоволия крымцев. Даже уступая давлению крымских князей, мурз и всех крымцев, требовавших войны с Московским государством, Магмет Гирей хотел получить на это разрешение от турецкого правительства. Положение его в 1643 г. было нелегким, ибо он знал, что султан хочет мира с Москвой. В октябре 1643 г. в Крым заезжал турецкий посол в Москву Араслан ага и дал царю ука-

[55] Крым. кн. № 25, л. 388—397, 409 об.— 411 об.
[56] В. Д. Смирнов, с. 526—527.

зание поддерживать с московским правительством мир. Назначенный на 5 октября прием посланников у царя был отложен по случаю приезда Араслан аги. О чем говорил ага с царем, лишь отчасти стало известно посланникам от Сулемши кн. Мангитского. Араслан ага вмешался в заключение мирного соглашения Магмет Гиреем с московским правительством, стараясь его ускорить. Крымцы не согласились на титулование московского государя самодержцем, но решили писать шертную запись без «повеления», полон, захваченный на Руси, сыскивать, расследовать дело о всех причиненных посланникам притеснениях. Кроме того, литовский гонец был задержан в Козлеве, и сам царь будто бы стал готовиться к походу в Польшу.[57] В соответствии с этим в своей грамоте от октября 1643 г., присланной в Москву с гонцом Кайтас агой в ноябре, Магмет Гирей подтвердил свое желание соблюдать мир с московским правительством, уделил много места оправданиям в совершенных татарами набегах на Русь в 1643 г.: нападавшие татары названы им «ворами», это были азовцы и ногаи, неподвластные крымскому царю, и лишь отчасти крымцы: последним учинено «всякое наказание». Караш мурза «пограблен» по указу Магмет Гирея и подвергся «всякому мученью». Маметша мурза Кутлусатов Ширинский скрылся; если же он вернется, то подвергнется казни «без милости».[58]

Крымский посол Муратша мурза, приехавший в Москву в середине февраля 1644 г., повторил на приеме в Посольском приказе те же оправдания и придумал новые, в достаточной мере наивные. На Руси в 1643 г. из крымских мурз воевали лишь немногие, как Караш и Маметша мурза; они, собственно, шли в Литву, да «заблудили в государевы украинные городы». Как можно так говорить, отвечали дьяки: воевали все лето и «заблудились», да к тому же царь не подверг наказанию за это ни одного черного татарина. Ответ крымского посла интересен, как образчик приемов дипломатических переговоров крымцев: «А черных татар что казнить, правы ли, виноваты ли — мурзы. А черные татаровя, что скотина, куда погонят, туды и пошли. А тово у них не ведетца, что за такое дело казнить смертью. Учинили они то от голоду, что у них в Крыму голод большой. А иное и для того та война учинилась, что от царского величества к Магмет Гирею царю во все лето вести не бывало, и царю было про ту войну неведомо. А только бы весть была, и царь бы тое войну тотчас унял». Дьяки отвечали, что посылка гонца не могла состояться вследствие войны. Посол не оспаривал этого возражения и лишь ручался, что более войны не будет. На протест дьяков против притеснений посланников Муратша мурза отвечал, что ничего подобного не было и что царь держал посланников «в добром покое». Когда были вызваны на очную ставку бывшие в Крыму Приклонский и Лавров, посол молчал. В свою очередь посол жаловался на убийство валуйчанами одного из сопровождавших его татар. Дьяки отвечали, что он был убит за попытку грабежа сена у одного из местных жителей; послу досадно, что убит один татарин, хотя он этого и заслужил. Между тем сами крымцы, забрав тысячи русских людей в полон, оставили безнаказанными всех участников набегов. Посол в ответ и на это смолчал.[59] Из этих переговоров очевидно, что Муратша мурза нисколько не заботился о соблюдении какой-либо последовательности и логики в своих аргументах и ни мало не беспокоился тем, что по всем пунктам переговоров он был побежден. Во всяком случае крымское правительство старалось показать, что оно соблюдает мир с московским правительством и не хочет его нарушать.

---

[57] Крым. кн. № 25, л. 441; 482—488.
[58] Крым. д. 1643, № 16, л. 33—37.
[59] Крым. д. 1643 г., № 17, л. 51, 59—61, 74—104.

Поведение царя Магмет Гирея расходилось с желаниями крымцев. Крымцы были явно недовольны своим царем и называли его «несчастливым». В сентябре 1643 г. посланники Приклонский и Лавров записали интересное сообщение о тех прениях, которые происходили между царем и его приближенными по вопросу о войне с Московским государством. Ближние люди, князья и мурзы склоняли и «наговаривали» царя к войне, приводя разнообразные доводы, придумывая оправдания нападению на Русь. Сулемша Сулешев кн. Мангитский говорил посланникам, что основанием для войны может служить то, что из Москвы до сих пор нет «вести». Московский государь не очень беспокоится удовлетворением требований крымцев, потому что «надежен» на султана Ибрагима, к которому он послал послов своих и казну. Но татары могут воспользоваться промежутком времени, пока между московским и турецким правительствами происходит эта ссылка. Татары говорили Магмет Гирею, что в 1633 г. царь Джанибек Гирей посылал на Русь своего сына Мубарек Гирея и как он забрал полон, «ино де казну дали и вдвое. И то де тебе, царю, и нам будет прибыль, а казна де у тебя не уйдет и впредь будет». Князья и мурзы доказывали царю, что султана бояться нечего. «А турской царь, соблазняли они Магмет Гирея, о том ничего не учинит: коли де веть (ветвь) с виноградом проглотить, хотя де веть и выдернуть, а виноград останется; что будет впредь, а то де будет твое, царево». «И бедные де люди татаровя, бьют челом беспрестанно, чтоб зимою им итить войною. А итить для того хочет, что ратные люди в городех не будут и с службы все будут распущены, а за ними (татарами) в поход никого не будет. А деревенские люди в те поры все будут в деревнях и в леса де бегать не станут, а кто и побежит, ино де знать след. А ратным де людем подъем будет тяжел: до коих мест сбираться станут, а татаровя де, поимав полон, будут на полпути. А не так, ино де не извоевать. А то де не от Магмет Гирея царя, с вашей стороны та неправда чинитца, что по се время гонцов ни одного человека не отпустить. Коли де то бывало?» Татары говорили посланникам: на султана не надейтесь, «манит де и пишет для своих подарков визирь, а к царю де и к нам грамоты приходят инаковы».[60] Царь, однако, не решился на самовольный поход на Русь. Князья и мурзы старались внушить царю, чтобы он не загадывал слишком о будущем. Подавая Магмет Гирею свои советы, аги и мурзы хорошо понимали, что сами они ничем не рискуют, что проглоченный ими виноград останется за ними, но царю, очевидно, не хотелось представлять из себя «ветви», которую султан мог бы легко выдернуть.

< 4 >

В течение 1644—1645 гг. мирная позиция турецкого правительства, заявленная им во время приезда в Константинополь И. Д. Милославского в 1643 г., испытала колебание, и два крупнейших нападения татар на Русь в 1644 и 1645 гг. были выполнены с одобрения Турции. Московское правительство уже в 1644 г. убедилось в том, что Турция поощряет татарские нападения, но мотивы, руководившие ею, раскрывались для московского правительства лишь постепенно, по мере развития событий. Здесь мы вступаем в область тайной дипломатии. Соглашение между турецким и крымским правительствами о нападениях на Московское государство, достигнутое в 1644 г., было негласным. Официально и открыто диплома-

[60] Крым. кн. № 25, л. 429—430, 430 об.

тические представители Турции отрицали свою причастность к татарским набегам.

Туман, окружавший этот поворот турецкой политики, рассеялся окончательно только к 1646 г.

Подвергая изучению все данные о направлении турецкой политики в 1644—1645 гг., стекавшиеся из разных источников в Москву, мы устанавливаем два мотива, руководившие Турцией. Первый и основной мотив возник не в связи с московско-турецкими отношениями, а в обстановке войны, которую Турция начала в 1645 г. против Венеции из-за острова Крита. Нам нет необходимости входить в подробное объяснение происхождения и причин этой войны. Борьба за Крит была связана с вопросом о господстве в восточной части Средиземного моря, свободном плавании по нему и крупными торговыми интересами. Поэтому намерение турок захватить Крит вызвало ожесточенное и упорное сопротивление Венеции и возродило вновь проекты создания антитурецкой лиги. Война затянулась на много лет и потребовала от Турции огромного напряжения сил. Для нашей цели важно прежде всего то, что война эта, будучи по преимуществу войной морской, потребовала создания и вооружения больших флотилий, которые не раз гибли и снова возобновлялись, а, как известно, турки искони привыкли сажать на свои суда гребцов-полонянников. В связи с этим чрезвычайно повысился спрос на невольников, в особенности русских.

В конце 1644 г. грек Ив. Петров сообщал в Москву, что султан разрешил татарский набег на Русь в этом году. Одновременно халкедонский митрополит Даниил писал в Москву, что в Константинополе были очень обрадованы прибытием из Крыма русского полона; султан обманывает, писал митрополит, уверяя, что нападение было совершено без его указа: «Нам всем ведомо подлинно, что по повелению султанову (крымский царь) учинил поход...» Крымский царь просит разрешения на новый набег, «а султан вьявь кажется кабы не дает крымскому царю воли, а втай о том рад...»[61] Сообщения из Крыма не оставляли места сомнению в этом. Оставался неясным мотив, руководивший турецким правительством. В апреле 1646 г. грек Дм. Остафьев показал в Посольском приказе, что командующий турецким войском и флотом, овладевший на Крите городом и крепостью Кандией, вернулся в Константинополь незадолго до конца 1645 г. Паша доложил султану, что турецкие люди в походе «нужи не подымут, многие заболели, а что ни есть послужили на каторгах и ко всякой нуже терпеливы и крепки русские люди. И турской Ибрагим салтан по тому расказанью писал крымскому царю, чтоб он воевал Московского государства украины и набрал ясырь в работу на каторги. И для того турской Ибрагим салтан посылал к крымскому повеленье свое дважды, чтобы шол воевати Московского государства украйны и ясырю набрал на каторги. А набрав ясырю и служилых людей собрав, хотели опять итти турские люди под Критцкой остров ныне по лету. А изготовлено новых и старых 200 каторг, а воинских людей будет со 160 тыс.».[62]

Сообщение грека Остафьева устанавливает несомненную связь между указом султана и зимним нападением татар на Русь в 1645 г. В апреле 1646 г. московское правительство дало греку Федору Юрьеву поручение разведать: 1) сколько Ислам Гирей захватил полона зимой 1645 г., 2) «и во что крымскому турской салтан то ставит: похваляет ли его за то или не похваляет», указывал ли султан крымскому царю нападать на Русь и по какой причине; велит ли ему сохранять мир или вновь посылает

---

[61] Греческие д. 7153 г., № 3, л. 32—41.
[62] Греческие д. 7154 г., № 19, л. 4—7.

его в войну. Если султан предписывает крымскому царю нападать на Московское государство, то «по каким ссорам». Ясно, что московское правительство хотело разгадать мотивы, руководившие турецким правительством, и подозревало какие-то посторонние влияния, может быть, чьи-то «ссоры». В ответном письме в Москву от июля 1646 г. грек Ф. Юрьев писал следующее. Московские послы в Турцию Телепнев и Кузовлев были умышленно задержаны в Кафе осенью 1645 г. под тем предлогом, что сообщение морем с Константинополем прекратилось, а тем временем султан послал татар на Русь. Татары захватили в полон 10 тыс. человек и часть их прислали султану. Султан хвалил крымского царя за службу. В то же время султан старательно скрывал свою причастность к татарскому набегу и «своим лукавством» взваливал вину за набег на визиря, будто бы отдавшего приказ крымскому царю самовольно.[63] Сообщение это мало что добавляло к тем сведениям, которыми располагало уже московское правительство.

Зимовавшие в 1645—1646 гг. в Кафе послы Телепнев и Кузовлев видели поступление туда большого количества русского полона и отправку затем его в Турцию. Послы прибыли в Константинополь в апреле 1646 г. Одновременно с ними прибывал русский полон. Послы наблюдали, как полон подвергался сортировке и посадке на военные каторги. Вооружение каторг и снабжение их командами гребцов задержало прием послов визирем.[64] В 1646 г. московские послы боярин В. И. Стрешнев с товарищами объясняли в Варшаве зимний поход татар 1645 г. тем, что султану надо было «наполнить каторги полонянниками-гребцами». Таким образом, произошло совпадение мотивов, руководивших татарами в их нападениях на Русь и турецким правительством, поощрявшим эти нападения. Мотивы эти были такого свойства, что турецкое правительство, естественно, должно было о них молчать и тщательно скрывать.

Полагаем, однако, что были и другие соображения, которые в глазах турецкого правительства могли оправдывать татарские вторжения. Связаны эти соображения с попытками образования московско-польского союза против Крыма. Попытка эта была явлением новым, не имеющим в прошлом прецедентов. В литературе она не была освещена. Поэтому восстановим в главных чертах ход дипломатических сношений московского и польского правительств по вопросу о союзе против Крыма на основании архивных источников. Инициатива в заключении союза против татар исходила от Польши. Первое предложение было сделано в Москве польским послом А. Песочинским в 1635 г., т. е. вскоре же после заключения Поляновского мира. Песочинский предложил, в случае нарушения татарами мира, действовать против них «спольными силами» и обороняться от их «поганских наездов и шкот». В тот момент московское правительство очень сдержанно встретило польское предложение, сославшись на недавно возобновленный мир с Крымом; когда же мир с его стороны будет нарушен, тогда правительство «обошлется» с польским королем.[65]

В конце 1639 г. уже само московское правительство, получив от своих посланников из Крыма, Фустова и Ломакина, сообщение о сборах татар в поход на Польшу, спешно отправило в Варшаву гонца Г. Семенова с предупреждением об этом. Король отвечал выражением благодарности, сообщал о новом подтверждении им указа гетману относительно уведомления пограничных московских воевод о всех татарских «вестях»,

---

[63] Турец. д. 1645, № 4, л. 78—84 и др.
[64] Турец. д. 1645, № 2, л. 53—54, 62, 71, 121—122, 165—168.
[65] Польск. кн. № 50 (1635 г.), л. 78—79.

а также передавал слухи из Константинополя о приготовлениях турецкого флота, возможно, для действий против Азова.[66] Московское сообщение действительно имело под собой почву, потому что татары в 1640 г. совершили набег на Польшу. Обращение московского правительства в Варшаву послужило поводом к тому, что польские посланники М. Стахорский и Х. Раецкий вновь возбудили в 1640 г. в Москве вопрос о «соединенье» против султана и крымского царя; следовательно, первоначальный проект приобретал расширенную форму. Ответная царская грамота содержит выражение удовлетворения по поводу изложенного обращения и обещает присылку в Польшу послов по вопросу «о соединенье на бусурман», «как время дойдет совершать великие дела».[67]

Причина инициативы, проявленной польским правительством в вопросе о союзе против Крыма, кроется прежде всего в общем стремлении польского общества того времени к миру. После Поляновского мира и мира с султаном в том же 1634 г. для польского панства и шляхты наступила счастливая пора. В Европе бушевала опустошительная война, а в Польше шляхта, казалось, достигла предела своих желаний. Королевская власть окончательно превратилась в «пчелу без жала». Земельные владения росли, в особенности за счет захвата украинских земель, увеличивалась продукция сельского хозяйства. Паны и шляхта не желали более никаких волнений и никаких новых военных предприятий, а желали только пользоваться плодами достигнутых успехов. Закончив с успехом Смоленскую войну, в течение которой польское правительство удачно еще раз использовало союз с Крымом, Польша более не только не претендовала на новые приобретения за счет Московского государства, но была озабочена сохранением за собой того, что было захвачено. Поэтому союз с Крымом для Польши потерял интерес, и надо было подумать о том, чтобы Крым не превратился в орудие московской политики.

Более всего польское правительство было озабочено сохранением мира на границах Украины. Запорожское казачество не считалось с мирным договором Польши с султаном (1634 г.) и продолжало свои морские походы и нападения на Крым. Заложенный в июле 1635 г. на Днепре Кодак, чтобы запереть казакам выход в море, уже в августе был разрушен казаками. Польское правительство жесточайшим образом подавило сильное народное восстание на Украине в 1637—1638 гг. Целью репрессивных действий польского правительства при подавлении восстания и после него было приведение украинского населения к полной покорности, чтобы можно было беспрепятственно осуществлять свое господство. Для этого надо было полностью подавить казачье «своеволие», выходы казаков в море, которые угрожали нарушить мир на Украине и помешать использованию плодов победы над восстанием. Как ни слабо изучен десятилетний период перед восстанием Богдана Хмельницкого, ясно одно, что польскому правительству не удалось полностью добиться своей цели. Сообщения из Крыма московских гонцов Кучумова, Неверова и Елагина содержат интересные сведения о крупном прорыве казаков в море, нападении их на Крым и турецкую крепость у устья Днепра уже в 1639 г., т. е. тотчас же после поражения казаков в 1638 г. под Жовнином и на р. Старце. В апреле 1639 г. гонцы сообщили в Посольском приказе, что ранней весной этого года масса казаков двинулась из Украины, конные степью, а пешие в судах Днепром (гонцы называли общую цифру казаков в 27 тыс., что, вероятно, преувеличено), и стали по Днепру по прежним своим городкам, откуда их «выбил» король. От Перекопа эти городки

[66] Польск. кн. № 62 (1639—1640 гг.), л. 167—168, 194 об.—198, 210.
[67] Польск. кн. № 63 (1640 г.), л. 121, 125, 370—373.

находились на расстоянии всего 3 дней пути. Часть казаков вышла в море, совершила нападение на Крым, на местность между Перекопом и Козлевом; казаки забрали полон и затем отдавали его на выкуп. Отсюда казаки вернулись на Днепр. Здесь они громили город Ян-Кермен (Очаков тож), посады «обожгли», побили много людей и отогнали все конские и животинные стада. Казакам, возвращавшимся из похода, приходили на помощь казаки из городков. «И ныне де, показывали гонцы, крымские люди от черкас в большом страхованье». Крымский царь собрал всех больших ногаев с их кочевий от Молочных и Овечьих вод ближе к Крыму к Чингарскому перевозу, а Кантемировых ногаев всех загнал за Перекоп.[68] Мы уже указали, что крымцы ответили на казачий погром крупным набегом на Польшу в 1640 г. Таким образом, мир с Крымом и Турцией мог нарушиться в любой момент, и все польские успехи на Украине могли быть сведены на-нет. При таких обстоятельствах союз с Москвой против Крыма и Турции представлял для Польши несомненный интерес. Уклончивый ответ московского правительства объяснялся, как нам представляется, не чем иным, как простой осторожностью и нежеланием обострять отношения с Крымом и Турцией, которые и без того были напряженными вследствие занятия Азова казаками; непосредственной же нужды в союзе против Крыма не было, так как набеги татар прервались.

Положение изменилось в течение 1644 и 1645 гг., когда серьезные побуждения к соглашению возникли у той и другой стороны. Турция готовилась к войне с Венецией и начала ее в 1645 г. Король Владислав, считая момент удобным, выступил с планом наступательной войны против Турции, а следовательно, и Крыма за черноморское побережье. В поисках союзников Венеция через своего посла Тьеполо предложила королю крупную денежную субсидию в 400 тыс. талеров (800 тыс. злотых) за совершение нападения на турецкие владения. Эта субсидия освобождала короля Владислава от сложных и затяжных хлопот перед сеймом об ассигновании средств и наборе войск. Король сам начал вербовку наемных войск, создал арсеналы в Варшаве, Кракове и Львове, сосредоточил часть войска в Львове. Известно, что планы короля встретили решительный и единодушный отпор со стороны панов и шляхты, которые на сейме в октябре—ноябре 1646 г. заставили короля отречься от его планов. Сейм приветствовал турецкого и крымского послов, приехавших с пожеланиями сохранения мира. Необходимый для Турции мир был подтвержден.[69]

В несомненной связи с военными планами короля Владислава находится предложение польского посла Г. Стемпковского, сделанное им в Москве в середине 1645 г. о «соединенье» против Крыма. 7 июля, будучи у бояр «в ответе», Стемпковский говорил об организации спешного похода на Крым зимой, «а король де и сам хочет итти на Крым, не щадя головы своей». Однако на вопрос бояр, есть ли у него, посла, «подлинный наказ» для договора о числе войск, месте их сбора, направлении похода и пр., посол отвечал, что для заключения договора король ждет московских послов к себе. Московское правительство признало это дело «великим и надобным» и обещало прислать в Польшу своих послов.[70] О дальнейших сношениях, продолжавшихся в 1646 г. и завершившихся в 1647 г. заключением оборонительного союза против Крыма, будет рассказано ниже.

Практически все описанные нами дипломатические сношения московского и польского правительств до 1645 г. имели то значение, что оба правительства отказались от использования татар друг против друга

---

[68] Крым. д. 1639, № 1, л. 2—4, 6—9.

[69] T. Korzon, т. II, с. 286—287.

[70] Польск. кн. № 68, л. 128 об.—129, 168, 585 об., 634—644, 879—883, 920 об. 922.

и обязались осведомлять друг друга о всех известных им враждебных замыслах татар. Были, кроме того, попытки совместных военных действий против татар. В конце концов переговоры свелись к проекту союза против одного только Крыма и не затрагивали Турции. Но совсем другой вопрос, как могло турецкое правительство воспринять сведения об этих дипломатических сношениях Польши и Московского государства. Оно придавало им гораздо большее значение, чем они того заслуживали. Уже приготовления короля Владислава вынудили турецкое правительство начать сосредоточение войск на Дунае. Соглашение короля Владислава с Венецией можно было рассматривать в качестве первого звена антитурецкой лиги. Естественно, рождалось подозрение, не являются ли переговоры короля с московским правительством дальнейшим расширением лиги. Включение в нее Московского государства могло бы оказаться весьма серьезным фактом для Турции, занятой войной за Крит. До конца 1646 г., когда планы короля Владислава потерпели полное крушение, турецкое правительство оставалось в неизвестности об исходе дипломатических сношений польского и московского правительств по вопросу о союзе против Крыма и Турции. В политике московского правительства оно также могло усмотреть угрожающие для себя факты: это было энергичное оборонительное строительство на южных границах, а также усилившееся сопротивление донского казачества. В том и другом Турция могла видеть подготовку к наступательным операциям против Крыма, а может быть, и против Азова, одновременно с Польшей.

После освобождения Азова казаками турецкое правительство потратило много усилий на то, чтобы сбить казаков с нижнего течения Дона. Но казаки держались цепко. Московское правительство сдало Азов, но отступать дальше не собиралось. Оно поддерживало казаков, придавая важное значение обладанию нижним течением Дона. В начале 1644 г. казаки выдержали еще один натиск турецких войск в Раздорах и не только отразили его, но в апреле того же года снова заняли свой старый «юрт» в Черкасском городке, возобновили его и прочно засели в нем. Мало того, есть указание, что в мае того же года казаки в числе до 4500 человек приходили под Азов.[71] Войско донское оправилось от потерь, понесенных им во время обороны Азова в 1641 г. Турецкое правительство, конечно, подозревало, что это возрождение сил казачества произошло при содействии московского правительства. Вот почему турецкое правительство интересовалось содержанием переговоров между Москвой и Польшей. Турецкий посол в Москву Араслан ага в 1644 г. постарался добыть эти сведения; он добыл их из каких-то неофициальных источников; в деле о пребывании его в Москве нет никаких указаний на то, что сведения эти были сообщены ему в Посольском приказе. Араслан ага не один раз в беседе с представителями русского правительства выражал удовлетворение тем, что московское правительство отклонило польское предложение о союзе против Крыма.[72] Это утверждение Араслан аги не соответствовало действительности, потому что если между московским и польским правительствами не было заключено формального союза, то договоренность о согласовании оборонительных против татар действий существовала; переговоры о союзе продолжались в 1645—1647 гг.

В свете сделанных нами наблюдений должен быть, как нам кажется, истолкован тот факт, что крупные нападения татар в 1644 и 1645 гг. были направлены одновременно и против Московского государства и против

---

[71] Ногайск. д. 1644 г., № 1, л. 8—9.—РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 548—549.
[72] Турец. д. 1644 г., № 1, ч. 1 и 2. См. также по этому вопросу в следующем разделе.

Польши. Оба нападения были совершены на те части территории Московского государства и Польши, где оба государства смыкались друг с другом. Как будто бы крымцы пытались разъединить силы правительств, вступавших между собой в соглашение.

Таковы были мотивы, руководившие турецким правительством в скрытом поощрении им татарских нападений в 1644 и 1645 гг.

< 5 >

Московские посланники Г. Неронов и Н. Головнин с первого же момента своего прибытия в Крым в декабре 1643 г. от разных лиц получали сведения о приготовлениях татар к походу, но, против кого замышлялся поход, мнения расходились: одни говорили, что крымцы идут на Литву, другие — на московскую украйну. Мурза Курамша Сулешев и кн. Сулемша Мангитский объясняли посланникам намерение татар напасть на Московское государство «досадой» за «малые почести», данные на размене в ноябре 1643 г. татарским послам. Кн. Мамотша Сулешев вообще отвергал намерение воевать с Московским государством: если об этом говорят, то только с целью «оплошить», т. е. обмануть польское правительство. Сам царь Магмет Гирей на приеме посланников 29 декабря уклонился от ответа на их вопрос о войне: «И в том де вы, посланники, не сумлевайтесь,— говорил царь,— в том де я вам велю учинить ответ». Никакого ответа посланники не получили. Разноречивость сведений, которые собирали посланники, объяснялась тем, что крымцы замышляли одновременно нападение на Польшу и Московское государство. При таком плане им было удобнее вводить в заблуждение и ту и другую сторону.

31 декабря посланникам было предъявлено требование о дополнительных выдачах якобы недовезенного ими жалованья. Посланники тщетно просили об отсрочке для запроса своего правительства. В просьбе этой посланникам было решительно отказано: ныне де «татаровя голодни, помирают в Крыму с голоду, и вы де, посланники, теми дачеми промышляйте скорее, чтоб де вам, посланникам и государевым людем, позору не было, а двадцати б девяти человеком дачи их дати все сполна и с прописными шубами». Ввиду остроты момента, посланники не стали упорствовать, произвели необходимые закупки и удовлетворили требования татар.[73]

Посланники знали о неудачном походе татар под предводительством кн. Тугая [74] в декабре 1643 — январе 1644 гг. на правобережную Украину. 31 января кн. Тугай вернулся из похода. Татары были разбиты наголову, сам кн. Тугай был ранен. Татары многие возвращались пешими или спасались бегством в Белгород.[75] Но этот неудачный поход не охладил татар, и сведения о новых приготовлениях к набегам продолжали непрерывно проникать из самых разнообразных источников и к посланникам и в Москву. Планы крымцев попрежнему оставались окруженными тайной.

В первых числах февраля посланники Неронов и Головнин узнали от евреев и армян о том, что Магмет Гирей запросил султана о разрешении нападения на Русь и что будто бы султан разрешил набег на Польшу[76]. Царь Магмет Гирей находился под сильным давлением крымцев, но не решался отпустить их в набег, ибо не знал, как отнесется к этому

---

[73] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 73, 83—90, 131—138, 194—198.
[74] В документах встречаются написания Тогай и Тугай.
[75] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 235.— Крым. д. 1644 г., № 1, л. 1—8.
[76] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 236—238, 247—248.

турецкое правительство. Татарские «языки», захваченные белгородскими ратными людьми в 1644 г., показали, что Магмет Гирей обосновывал свою просьбу, обращенную к султану, тем, что в Крыму «меженина, хлеб не родился четыре года, и от того де они (татары) голодни», и султан «поволил» царю итти куда он хочет, но прямого указания о набеге на Московское государство султан не давал.[77] Взятые в плен татары повторили доводы, которые князья и мурзы приводили царю Магмет Гирею, склоняя его к разрешению набегов на Русь.

Литовские люди, промышлявшие весной 1644 г. за зверем в степях за Муравским шляхом, захватили татарина, который под пыткой показал, что «вся крымская орда» вышла в степь, намереваясь «с молодым месяцем» вторгнуться в Русь.[78] Но разрешение от султана было получено в Крыму только в июне. 18 июня переводчик Билял и толмач Кучумов получили в Бахчисарае сведение о предписании султана крымскому царю итти войной на Московское государство и о состоявшемся в связи с этим решением изолировать посланников в городке Чуфут. В тот же день кн. Маметша Сулешев подтвердил правильность этих сведений и привел следующие основания для войны с Московским государством: во-первых, турецкий посол Араслан ага был надолго задержан на Дону, во-вторых, казаки возобновляют и вновь занимают отнятые у них и разоренные турками городки. Очевидно, что эти соображения не имели никакого отношения к тем мотивам, которыми руководились крымцы, нападая на Русь, а являлись лишь дипломатическим оформлением, притом под несомненным турецким влиянием решенного уже вопроса о совершении нападения. 19 июля посланники Неронов и Головнин действительно были заключены в городок Чуфут. 1 июля еврей Берека, постоянный кредитор московских посланников и крымских царей и царевичей, одно время даже казнодар калги Казы Гирея,[79] тайно сообщил посланникам о приезде из Кафы Мустафа паши с 5000 золотых и указом Магмет Гирею «не мешкая» итти на Московское государство. Царь выступил в поход 23 июля, но совершить похода ему не пришлось, потому что вскоре же (28 июля) ему на смену прибыл в Крым новый царь, его родной брат Ислам Гирей.[80]

Смена царя в Крыму не помешала осуществлению похода, и поэтому нет никакого основания связывать отставку Магмет Гирея с этим походом. Вообще Магмет Гирей ни в чем не выходил из воли турецкого правительства. Турецкие источники объясняют его отставку тем, что он разорил Черкесию и не воспрепятствовал укреплению в ней русского влияния.[81] Можно считать такое объяснение вполне правдоподобным. Еще в декабре в статейном списке посланников Приклонского и Лаврова встречаем запись об отпадении от Крыма горских черкас и объединении их с Малыми ногаями, признавшими над собою московскую власть. Из донесения терских воевод Мих. Волынского с товарищами мы узнаем, что в 1643 г. последовало обращение московского правительства к кн. Алегуку и его брату Ходождуку кабардинским и находившимся с ними «во единачестве» казыевским мурзам о возвращении их в московское подданство. Такой переход действительно и произошел в июне 1644 г. Самое деятельное

---

[77] Турец. д. 1644 г., № 1, ч. 1, л. 262—267.

[78] АМГ, т. II, № 205.

[79] В 1649 г. жидовин Берека принимал от посланников Ларионова и Никитина поминки нурадына Казы Гирея. Маметша ага, требовавший от посланников передачи поминок Береке, называл последнего казначеем и калги и нурадына. Не исключена возможность того, что оба царевича запутались в сетях ростовщика (Крым. д. 1649 г., № 3, л. 79—81). См. также В. Сыроечковский, с. 22—23.

[80] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 354—356.

[81] Hammer, III, с. 245, 282.

участие в этом принимал кн. Муцал Черкасский. Братья кн. Алегук и Ходождук, мурзы Малого ногая Ураковы половины и, частью, Касаевой половины, несмотря на противодействие Магмет Гирея и угрозы с его стороны войной, ушли с крымской стороны р. Кубани и передвинулись на свои старые кочевья на р. Куму ближе к Терскому городку. Покинув крымское подданство, князья и мурзы принесли присягу московскому государю и дали в Терской город своих аманатов. Это движение угрожало увлечь даже тех ногайских мурз, которые обитали поблизости от Темрюка.[82] Мы не знаем, был ли вызван этот отход ногаев и кабардинских князей и мурз какими-либо чрезвычайными насилиями и произвольными действиями Магмет Гирея, но самый факт успеха русской политики мог послужить основанием для смены царя в Крыму.

Молдавский князь Василий в октябре 1644 г. писал в Москву, что турецкое правительство разрешило татарский набег по настойчивым просьбам Магмет Гирея и сменившего его Ислам Гирея.[83] В это сообщение необходимо внести поправку: Ислам Гирею не было никакой надобности просить о таком разрешении, ему надо было только продолжать уже вполне подготовленное дело. Турецкие источники рассказывают, что при отпуске в Крым Ислам Гирей будто бы гордо заявил визирю, что раз султан сделал его царем в Крыму, он требует, чтобы турецкое правительство даже тайно не вмешивалось в дела его страны и что сила оружия будет решать все спорные вопросы между ним и неверными. Визирь будто бы молча выслушал заявление Ислам Гирея.[84] Некоторые из историков видят в этом доказательство властности и независимости нового крымского царя. В. Д. Смирнов, основываясь на турецких и крымских источниках, относит Ислам Гирея к числу «лучших» крымских ханов, подобно Казы Гирею, и считает несомненным, что он обладал «сильным и самостоятельным характером...»[85] Полагаем, что лучшим способом освободить личность Ислам Гирея от обычных риторических преувеличений и украшений, свойственных восточным источникам, является обращение к фактам, которые мы находим в русской дипломатической переписке.

Всякий крупный поход татар требовал нескольких месяцев для своей подготовки. Сосредоточение татар в степях и на этот раз началось еще с весны. Отдельные группы татар уже в мае совершали налеты на пограничные места московской украйны. Так, 13 мая произошел бой русских ратных людей с татарами в Елецком уезде в с. Бухвостове и дер. Понарьине. Со стороны Калмиусского шляха тогда же было замечено передвижение значительных татарских полков численностью до 1000 человек. 15 мая татары (200 человек) под Валуйкой взяли в полон 4 человек и отогнали животинные стада. В районе Тамбова и Козлова татары появились в самом конце апреля и начале мая: в Верхоценской волости, под Тамбовом на Лысых горах и под острожком между реками Липовицей и Челновой. 27 мая татары вместе с запорожскими черкасами приходили под Тамбов к Кузьминской слободе.[86]

Основные силы татарского войска сосредоточились на Орели и Самаре к началу августа. Их «смечали» и «переписывали по кошам и котлам» мурзы. Узнав о смене царя, мурзы запросили нового царя о продолжении похода. Ислам Гирей, пришедший в Крым «в жнитво», когда татары «починают» жать ячмень, отдал приказ о продолжении похода и дал

---

[82] Кабард. д. 1645 г., без №, л. 4—20, 107—108.
[83] Молдав. д. 7153 г., № 1, л. 3—11.
[84] Hammer, III, с. 246.
[85] В. Д. Смирнов, с. 532—533, 535.
[86] Москов. ст. № 187, л. 2, 9—11, 31, 39—40, 47.

мурзам свое знамя.[87] Официальная позиция Ислам Гирея была совершенно иной. 9 августа он освободил посланников из г. Чуфут и начал переговоры о возобновлении мирного соглашения с московским правительством. 11 августа в ответ на упреки посланников, что царь разрешил поход на Русь, ближний его человек отвечал: «То де дело минувшее, то де делал Махмет Гирей царь», а Ислам Гирей поручил ему говорить с ними «о добром деле». Сеферь Газы ага прежде всего потребовал присылки поминок. Посланники отвечали, что «то дело недостаточное» присылать «любительные поминки», когда идет война. Царь должен доказать свое желание мира, вернуть татар из войны и дать шертную грамоту. Сеферь Газы отвечал, что Ислам Гирей грамоту даст, но что вернуть татар он пытался, но не мог. Кн. Маметша Сулешев объяснял поведение царя тем, что он, не дав шерти, лишен возможности удерживать татар от войны. Все эти заверения были явной ложью. По окончании набега от руководителя татарского войска кн. Кутлуши Ширинского прибыл сеунщик, на которого царь возложил «золотный кафтан» за благоприятные вести. За Перекоп царь послал своего казнодара для сбора на себя пошлин с каждого полонянника по 10 золотых. Когда же посланники предъявили требование о возвращении полона, кн. Маметша Сулешев отвечал, что царь не может этого сделать, потому что татары ходили в войну по указу его предшественника, да и потому также, что татары не отдадут ему полона, ибо сам царь шерти в соблюдении мира еще не давал.

Сулемша Сулешев был более откровенен и разъяснил посланникам происхождение нападения на Русь: пишут в шертных грамотах, что царь не будет посылать татар на Русь, если даже султан укажет совершить такое нападение, «и то де пишут за-посмех, а великому де государю вашему тем словом манят: как де им государя своего турского Ибраим салтана не слушать, потому что де они турского царя посаженики; будет де который царь турского Ибраима салтана в чем малом не послушает, и он де велит тотчас того царя переменить. Как де холопу государя своего не слушать? Да и то де я вам объявляю: Махмет Гирею де царю (на) великого государя вашего землю велено итти войною по указу турского Ибраим султана, а Махмет Гирей бы де царь собою не пошол».[88]

Сопоставляя все эти данные, не оставляющие сомнения в том, что турецкое правительство, во всяком случае, одобрило организацию нападения на Польшу и Русь в 1644 г., с содержанием посольства Араслан аги в Москву в том же году, мы убеждаемся в двуличии турецкой политики. Араслан ага прибыл в Крым в конце 1643 г., а затем в Азов вместе с И. Милославским. Достиг он Москвы только в сентябре 1644 г. Находясь в Азове, он был свидетелем всех сборов и приготовлений татар к походу, он не мог не знать о всей закулисной стороне похода и об изменении курса турецкой политики. Между тем, прибыв в Москву, Араслан ага упорно отрицал всякую причастность турецкого правительства к набегу татар и отзывался полным неведением. Араслан ага привез грамоту султана: «и мы от дружбы непрочь», читаем в грамоте. Только султан требовал прекращения казачьих походов на Черное море. «А мы со своей стороны, совершая свою дружбу, крымскому Магмет Гирею царю писали с Мутофораком с Арасланом, чтоб ему с вами быти в дружбе и, взяв свою дачу, что вы ему даете, на ваше государство войною не ходил и всякую достойную дружбу к вам совершал». Писано о том Магмет Гирею «с заказом». Когда, 13 декабря, Араслан ага был у бояр «в ответе», последние выговорили послу нарушение крымскими царями указов султана и своей мирной шерти. Они изложили все сведения

[87] Турец. д. 1645 г., № 1, л. 495.— Крым. д. 1644 г., № 15, л. 124—127.
[88] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 357—358, 363—369, 375—379, 389, 394—396.

об организации похода, полученные в Москве от посланников Неронова и Головнина, будто поход был совершен вследствие задержания его, Араслан аги, на Дону, вследствие возобновления казаками их городков и неприсылки в Крым гонцов из Москвы. После этого султан дал указ о походе на Русь. Новый царь не остановил татар, а дал им свое знамя, причем будто бы предусмотрел, что если султан сделает ему выговор, он скажет, что поход был совершен не им, а Магмет Гиреем. Посол «с клятвой» отрицал приведенные боярами мотивы войны и высказал догадку, будто Магмет Гирей сменен за нарушение указа султана. В другой раз тот же Араслан ага объяснял нападение татар иначе, именно, самой сменой царя, что совершенно не вяжется ни с ранее высказанным им же предположением, ни с фактическим ходом событий. Посол дал обещание, проездом через Крым, повторить запрещение крымскому царю нарушать мир с Московским государством.[89] Во время пребывания Араслан аги в Москве присланный султаном гонец настаивал на скорейшем отпуске посла и заверил, что визирь будто бы ничего не знал о набеге татар, хотя посланникам было хорошо известно о ссылках крымского царя Магмет Гирея с султаном по вопросу о набегах на Русь и Польшу.[90] Из документов посольства Араслан аги очевидно, что московское правительство не придавало веры его утверждениям и было убеждено в обмане.

Нападение татар в 1644 г. было задумано произвести и на Польшу, и на Московское государство.

Татары напали сначала на Польшу. Муравским шляхом они подошли к нижнему течению р. Ворсклы и 13 июня в Бельский перевоз перебрались через нее. Численность татарского войска определялась в 10 тыс. человек. 17 июня татары перешли р. Псел у урочища Менжделюевки (внизу Ломаных гор). Здесь их численность определяли уже в 16 тыс. человек. Затем татары разделились на две части; одна направилась под Миргород, другая — вверх по р. Пслу и далее в пределы Польши.[91] Дальнейшее продвижение татар и их операции в пределах польской территории не прослеживаются по нашим документам. Польские историки сообщают о поражении татар от Иеремии Вишневецкого.[92]

Нападение на московскую украйну было произведено спустя два месяца. В течение июля в различных местах пограничной полосы были замечены крупные силы татар, иногда совершавших быстрые налеты. Отдельные отряды татар численностью до нескольких сот человек переправлялись через Донец со стороны Калмиусского шляха, и через Дон с ногайской стороны на крымскую переправилось 4000 азовцев и малых ногаев. 10 июля татары «для языков» приходили в Белгородский уезд к дер. Крайней Тюриной и взяли 2 человек в полон. 31 июля под Чугуевом на селитряной варнице татары (500 человек) взяли в полон 11 служилых людей, 30 работных людей, захватили 102 волов и 50 лошадей.[93] Татары действовали также и со стороны Ногайской дороги. 30 июля между острожков Спорного и Сухого через р. Челновую перешло до 5000 татар, разделившись на полки. 31 июля татары пришли под Тамбов и на Лысой горе сожгли два острожка. 1 августа козловский воевода Ив. Ляпунов вышел против татар с козловскими ратными людьми. Ратным людям «учинился упадок»: они потеряли только убитыми 100 человек. Воевода явно не рассчитал сил. Татары расположились станом на рр. Липовицах Дальней и Ближней в расстоянии 15 верст от г. Тамбова, но сколько-нибудь значительных опе-

[89] Турец. д. 1644 г., № 1, ч. 1, л. 199—204, 221—225, 370—479.
[90] Турец. д. 1644 г., № 2, л. 7, 27.
[91] АМГ, т. II, № 208, 211—213.
[92] T. Korzon, т. II, с. 225.
[93] Москов. ст. № 187, л. 151—152, 144, 161—162, 54—55, 93, 322.

раций татары здесь не производили, кроме их появления на полях Семеновского починка (кн. А. Н. Трубецкого), где они взяли в полон 33 крестьянина и переранили других.[94]

Основные силы татар, совершивших нападение по Муравскому шляху, исчислялись в 30—40 тыс. человек. Большинство татарских «языков» называло цифру 40 тыс. Кн. Сулемша Сулешев сообщил посланникам Неронову и Головнину, что татар крымских, ногаев и горских черкас отправилось в поход 40 тыс.; в Крыму, кроме «старого и малого», никого не оставалось. «Большим начальником» татарского войска был кн. Кутлуша Ширинский. Кроме того, документы называют: Караш мурзу, без которого ни один набег не обходился, Адил мурзу Седжеутского, Казы мурзу Сулешева, Батырша мурзу Сулешева, ногайских мурз Адил и Эл Урмаметевых и др. «мелких» мурз.[95]

18 августа, когда начало смеркаться, станичники наблюдали на Муравском шляхе на р. Уды движение татарских войск: шли татары левой стороной Муравской сакмы, «здався низко» к реке Ворскле. 19 августа движение их продолжалось мимо Угримовской сторожи и Долгого буерака, шли «полком густо». По дороге татары заглядывали в деревни Шопину и Вислую Белгородского уезда. В тот же день, «пришед против Карповского острожка, полдневали, стояли многое время. А стояли они в степи в шатрах и в палатках длиною возле Ворскла верст на 5 и больше, а шириною версты на полторы и больше». Со станов татары приходили к Карпову «приступом», где с ними происходила перестрелка; этот «большой», по выражению отписки, бой закончился для татар потерею трех убитых и нескольких раненых. Татары двинулись дальше за два часа до ночи. «А чаять де того, что идет царь или царевич, потому что идет сила великая».[96] Миновав затем верховья Ворсклы и р. Ивицы (притока р. Псла), татары пошли вверх по Ивице Бакаевым шляхом и перебрались через р. Псел. 21 августа у верховий р. Полной в Подгородном стану Курского уезда «с раннего полдня до вечера» курские станичники наблюдали непрерывное движение «больших людей» с многими знаменами. Они сообщали, что от р. Ивицы татары повернули вниз по р. Пслу Бакаевым шляхом мимо курских деревень, «а войны от них не было». Стали надеяться, что татары идут в литовскую сторону и что война минует московскую украйну.[97] Но оказалось, что татары таким образом лишь «укрывали» конечную цель своего движения. Путивльский воевода кн. В. Львов поторопился сообщить о движении татар старостам, державцам и урядникам порубежных литовских городов.

26 августа татары переправились через р. Семь (Сейм — между Рыльском и Путивлем) в Мокшеевский и Корыжский перевозы. Воеводы все еще надеялись, что татары пройдут мимо. Но в тот же день, 26 августа, татары в числе до 20 тыс. вошли в пределы Путивльского и Рыльского уездов и расположили свои коши на Володином поле в 10 верстах от Рыльска. Днем татары пришли к Путивлю и «обступили» его со всех сторон, и к надолобам и к посаду «татаровя приступали, и жестокими напуски напускали, и с приметы приходили, чтобы им посады зажечь». Воевода делал вылазки; бои с татарами продолжались до конца дня. Татары не причинили вреда ни посаду, ни городу. На следующий день в 1-м часу дня татары, как сообщал в своей отписке В. Львов, отошли

---

[94] Москов. ст. № 187, л. 9—13, 180—181.— Москов. ст. № 1118, л. 65—66.
[95] Белгород. ст. № 179, л. 250—256.— Москов. ст. № 187, л. 332—334, 341—343.— Крым. д. 1643 г., № 15, л. 389.— Турец. д. 1644 г., № 1, ч. 1, л. 262—267.
[96] Москов. ст. № 187, л. 185—191.— Белгород. ст. № 179, л. 45.
[97] Москов. ст. № 187, л. 200—202, 212, 240.— АМГ, т. II, № 219.

от города по московской и рыльской дорогам в Новгород-Северский уезд. Однако воевода явно затушевывал картину татарской войны, ибо татары вовсе не покидали Путивльского уезда и, по его же сообщению, воевали Путивльский уезд в течение трех дней, жгли села и деревни.[98]

26 августа же татары охватили войной и Рыльский уезд. Они близко подходили к городу. Рыльский воевода стольник С. Г. Пушкин высылал против татар голов с сотнями дворян и детей боярских, казаков и всяких служилых и охочих людей, конных и пеших. По сообщению воеводы, ратные люди выдержали успешные бои с татарами, многих побили и «языков» взяли, турчанина и двух татар. В одной из посылок участвовало несколько более 300 ратных людей. Воевода описывает эту вылазку, как настоящий бой. Бой длился весь день, татары хотели ратных людей «нагнать лошадьми и подавить; и с того бою государевы ратные люди отошли здорово, а татар многих людей побили; и от того боя татары с того места коши пометали и пошли по Свиной дороге». С сеунчем об этом С. Г. Пушкин прислал рылянина И. Г. Меньшого-Поповкина, одного из сотенных голов, участвовавших в боях с татарами. Сообщение воеводы не ввело, однако, в заблуждение Разряд. Сам воевода должен был признать, что татары застигли его врасплох, перехватили все дороги в город и помешали большей части жителей уезда собраться в город.[99] Поэтому на отписке его сделана была 8 сентября 1644 г. следующая укоризненная помета: «Государь пожаловал, велел выписать. А тот сеунч твой нерадостен и недругу к веселью. Вести вам были за многие дни, и вы, как бы нератные люди и неизвычные воины, того неприятеля видя, что идет он близко, оплошали и в осаду не поехали, и тою оплошкою себя, и многих жен и детей, и людей своих и православных крестьян погубили, в полон и расхищенье поиманы. А вы дворяне Новгородка и рыляне люди многие, есть в вас старые и к воинскому делу извычные, можно было, смотря на недруга, уберечись».[100]

27 августа татары были уже в Севском уезде. Севский воевода Н. Нащокин постарался в своей отписке изобразить борьбу с татарами, как успешную, преувеличил значение отдельных удачных столкновений с татарами, скрыл потери от татарского нападения. Он писал, что в третьем часу татары пришли под Севск. Высланные им ратные люди бились с татарами на р. Сосне и за нею, между реками Сосной и Липницей до вечера, полон, захваченный в Комарицкой волости, в этом месте весь отбили, к Севску и к посаду их не пропустили. 28 августа татары неоднократно пытались проникнуть мимо липницкого леса, через р. Липницу и Сосну в Комарицкую волость, но были отражены. Отсюда татары пошли Свиною дорогою, воюя Рыльский уезд и села и деревни Комарицкой волости, близкие к Свиному шляху. Нащокин обвинял волостного начальника В. Кормилицына («погребного») в том, что он не выслал крестьян в Севск в осаду и сам в осаду не поехал.[101] Нащокин получил выговор из Разряда за то, что он не представил сведений о полоне и убитых. Воевода поторопился с ответом, и тогда обнаружилось, что в пределах Комарицкой волости татары повоевали 17 деревень и взяли 4 острожка. Только в одном Краснопольском острожке они взяли в полон 1000 уездных людей, сбежавшихся туда в осаду. Крестьяне пытались отсидеться от татар

---

[98] Белгород. ст. № 179, л. 96—99.— Крым. д. 1644 г., № 15, л. 44—51, 103 и др.
[99] Белгород. ст. № 179, л. 60—63.— Крым. д. 1644 г., № 15, л. 97—100.
[100] АМГ, т. II, № 225.
[101] Белгород- ст. № 179, л. 96—99, 224—225, 310.— Крым. д. 1644 г., № 15, л. 44—51.— Название начальника, приказчика дворцовой Комарицкой волости «погребным» следует, вероятно, производить от слова «погреб», хранилище всякого рода столовых запасов, поступавших с дворцовой волости.

по деревням, и татары забирали их в полон по 5, 6, 10 и 20 человек в деревне.[102]

2 сентября татары пришли под г. Кромы, стояли от города в 2—3 верстах в разных местах. Город и посад татары не тронули, мало пострадало и уездное население, потому что воевода Я. Кутузов сумел собрать его в город в осаду. «Уездные твои государевы всякие люди, писал он в Москву, со мною, холопом твоим, в городе сидели в осаде две недели с женами и с детьми и со всеми животы от воинских людей целы ж». Потери были следующими: убито 2 казака за р. Кромой, 1 казак ранен, 1 казачий сын убит, взяты в полон 2 казака и 5 казачьих детей.[103] В Карачевском уезде татары повоевали лишь одну дер. Бычки, но в ней «поймали многих людей».[104] Татары распространились и на Орловский уезд, но, повидимому, лишь небольшими силами и не причинили ему вреда.[105]

Приведенными данными достаточно точно очерчивается территория, охваченная войною: главным образом Путивльский, Рыльский уезды и Комарицкая волость, в меньшей степени Карачевский уезд. Из последующих сообщений ясно, что лишь часть вооруженных сил татар действовала в пределах Московского государства (до 20 тыс. человек); значительные силы, приблизительно такой же численности, производили опустошения в смежных областях Польши.[106]

Свое отступление татары произвели в ином направлении, чем пришли, а именно по Пахнуцкой дороге. Уже 30 августа отряд татар (500 человек) приходил к Коренскому перелазу на р. Свапе для разведки и ушел обратно в Комарицкую волость.[107] Отступление по старому пути было для татар закрыто. Уже 29 августа кн. Иеремия Вишневецкий, ссылаясь на мирный договор, писал путивльскому воеводе кн. В. Львову, что он с войском в 4 тыс. человек идет на Мокшеевский перевоз, просит его не загораживать и прислать в сход к нему ратных людей. Воевода предупреждал, чтобы литовские ратные люди в походе не чинили ничего дурного. Поляки отвечали, что они идут не для «воровства». Воевода послал к Вишневецкому своих ратных людей.[108]

Стянув все свои силы из Новгород-Северского, Путивльского, Рыльского, Севского и других уездов, татары 3 и 4 сентября, преодолев сопротивление незначительных ратных отрядов, присланных из Курска к перевозам на р. Свапе, вышли на Пахнуцкую дорогу. Задачей татар было вывести без всяких осложнений и потерь всю захваченную ими добычу. Они двигались всею массой, полками с знаменами. Говорили о 20, 30 и даже 60 тыс. татар; глазомерные определения, естественно, могли быть лишь очень приблизительными. Татары вели с собой «многой» литовский и русский полон, гнали с собой большие животинные стада. По показаниям «языков», количество полона определялось «в треть татарского войска». Обремененные добычей, татары двигались медленно, обоз выбил глубокую колею «в колено человека». При таких условиях татары не хотели отвлекаться новыми боевыми действиями. Отряд ратных людей, высланный на Пахнуцкую дорогу из Ливен, татары вынудили засесть в Тагине острожке. Татары заходили в дер. Мелехино и дер. Тестову (Курского уезда), хотели зажечь их, но, увидев ратных людей, не стали вступать с ними

[102] Белгород. ст. № 179, л. 237, 321—322, 324—326.— Москов. ст. № 187, л. 305—306.
[103] Белгород. ст. № 179, л. 189.
[104] АМГ, т. II, № 223.
[105] Москов. ст. № 187, л. 260—261.
[106] Крым. д. 1644, № 15, л. 94—96.— Есть указание, что татары направлялись в Трубчевский уезд.
[107] Москов. ст. № 187, л. 330.
[108] Белгород. ст. № 179, л. 100—101.

в бой и ушли дальше. Других населенных пунктов татары не затрагивали вовсе. В пути татары сделали две остановки: первую с 6 на 7 сентября у Гнилой Даймицкой плоты (в 5 верстах от с. Луковца), где Курский уезд сходился с Ливенским уездом; вторая остановка была, повидимому, 8 сентября у Змеиного колодезя, откуда в тот же день двинулись дальше. Других остановок документы не указывают, но, очевидно, они были. Документы сообщают лишь о том, что в ночь с 12 на 13 сентября татары «кочевали» на р. Ворскле в двух верстах от Карпова. Отряды татар проникали в Белгородский уезд, но, видимо, без всяких серьезных намерений. Все эти сведения показывают, что татары двигались не спеша. Весь путь от перехода через р. Свапу до Карпова они проделали в 8—9 дней. Движение их напоминало «кочеванье». Они шли, не опасаясь нападения, ибо знали, что сосредоточение против них достаточных для нападения русских ратных сил, разбросанных на большом пространстве по разным городам, не могло быть осуществлено быстро.

И действительно, попытка преследования татар воеводами украинных городов оказалась безрезультатной. Посланные 11 сентября из Оскола 700 ратных людей 12 сентября сошлись с яблоновскими и короченскими ратными людьми и подошли к Белгороду, но белгородский воевода задержал поход, замедлив сбор и посылку белгородцев. Выделенные для преследования татар ратные люди собрались лишь 14 сентября. В их числе, кроме осколян (700 человек), были белгородцы и яблоновцы — 2 тыс. человек и с ними 2 пушки; не знаем, сколько было короченских ратных людей; их не могло быть больше осколян. Силы, явно недостаточные для того, чтобы вступать в бой с крупным татарским войском. Татары уже выходили из «урочных мест», где можно было их перенять. Ратные люди следовали за татарами до р. Мерчик, но в бой с ними не вступали. Не имело успеха и преследование татар литовским войском. Урядник Кгулчевский, имея с собой 10 тыс. человек, настиг татар на р. Береке, но также не осмелился совершить на них нападение: «и бить де было им на них трудно, татар сила великая».[109]

Одновременно с нападением по Муравскому шляху татары создали весьма серьезную угрозу вторжения на других отдаленных участках московской границы. Выше было указано, что еще раньше начала вторжения главных татарских сил в пределы Московского государства в Задонье находились крупные силы татар, всегда готовые к нападениям. Отсюда татары произвели ряд налетов на Воронежский уезд. 12 августа они появлялись в нескольких местах: 300 татар напали на дер. Шилову, но были отражены; 500 татар, перебравшись «на салах» через Дон, подходили к только что построенному Костенскому острожку, но тоже были отбиты; приходили под Борщев монастырь, где захватили в полон 2 крестьян. Все эти нападения были для татар почти безрезультатными. 23 августа татары «изгоном» захватили на полях с. Ступина (Усманского стана) 15 женщин и ребят. Село Излегощи удачно отбилось от татар. 26 августа татары приходили в дер. Алтухову, с. Репное, дер. Гололобову, дер. Выкоростову, под самый Воронеж на городские поля, дер. Шилову, с. Устье, к Костенскому острожку, к Борщеву монастырю. Все эти нападения также принесли татарам мало добычи — до десятка полоняников и небольшое число лошадей; почти везде они получили отпор со стороны служилых людей или крестьян.[110] Больше успеха татары имели при нападении на с. Лодыгино, Лебедянского уезда

[109] Белгород. ст. № 179, л. 143, 152—153, 201—205, 215, 261—263, 290, 283—284.— Москов. ст. № 187, л. 308—310, 314, 331, 337—338, 346—347, 351—352.
[110] Москов. ст. № 167, л. 177—178, 269—270.

(поместье К. Вельяминова), где, по данным наших источников, они взяли в полон много людей и отогнали животинные стада.[111] Наиболее крупными были нападения татар на местность под новым городом Атемаром. Здесь, на р. Инзере, татары сосредоточили большие силы. Татары вели в Атемарском уезде настоящую войну: много людей порубили и забрали в полон; более точных сведений о действиях их в этом районе документы Разряда не сохранили.[112]

Нападение татар в 1644 г. может служить одним из самых наглядных примеров умело организованного нападения и пассивности обороны. Татарам удалось «оплошить», как тогда говорили, оба правительства, московское и польское. Совершив нападение на польскую территорию в июне того же года, татары поселили у поляков надежду, что нападение более не повторится. Руководителям русской обороны казалось, что татары направляются в пределы Польши и что война минует московскую территорию. Но удар поразил одновременно смежные территории обоих государств и застал и ту и другую сторону неподготовленной. Поляки начали сосредоточивать войска уже к концу всего татарского похода и не успели настигнуть татар. Русские полки были расположены, как обычно, в Туле — Одоеве — Крапивне — Веневе — Мценске и в Переяславле Рязанском.[113] Но татары совершили нападение там, где поблизости не было сколько-нибудь значительных вооруженных сил, а перегруппировка их требовала гораздо большего времени, чем длилось татарское нападение. Татары начали войну в пределах Рыльского и Путивльского уездов 26—27 августа, а 3—4 сентября уже начали отступление. Нельзя не признать, что путь для отступления был выбран очень умело. Уходить с добычей и обозами тем же путем, каким они вошли в Русь, было рискованно, так как можно было бы столкнуться с польскими войсками, которые могли бы преградить выход на Бакаев шлях через р. Семь. Поэтому татары, легко преодолев заставы на р. Свапе, повернули на восток и Пахнуцкой дорогой беспрепятственно вышли на Муравский шлях. Попытка преследования татар белгородцами и другими ратными людьми (всего около 3500 человек) при отступлении татар по Муравскому шляху была явно безнадежна ввиду подавляющего, десятикратного, а может быть и более, превосходства сил татар.

Весь поход татар занял время от 18 августа до 15 сентября. Путь, проделанный татарами от места их вступления в русские пределы и до выхода из них, образует огромную петлю протяжением не менее 1000 километров, не считая всевозможных уклонений от этого пути в течение военных действий (например, в пределах польской территории). Мы не имеем определенных указаний на то, что нападения татар на крайний восточный фланг южной оборонительной черты в области понизовых городов были преднамеренными и связанными с планом нанесения главного удара. Во всяком случае оборона и сосредоточение сил в этих отдаленных один от другого районах для отражения нападения татар при свойственной им быстроте действий были делом трудным. Нападение татар увенчалось полным успехом. Добыча была очень значительна и, судя по общим указаниям источников, далеко превышала 10 тыс. полоняников, захваченных в пределах Московского государства и Польши. Удар был тяжелым. Вполне понятно, что под впечатлением нападения татар в 1644 г. оба правительства, московское и польское, обнаружили больше готовности и желания договориться о союзе против Крыма.

---

[111] Москов. ст. № 187, л. 175.
[112] Белгород. ст. № 179, л. 222.
[113] Дворц. разр., т. II, с. 734—735.

1644 год закончился заключением в декабре мирного соглашения Ислам Гирея с московским правительством и принесением им шерти в мире и дружбе перед посланниками Нероновым и Головниным. При этом Неронов и Головнин добились внесения в шертную запись наименования царя Михаила Федоровича самодержцем, чего тщетно добивались все предшествующие посольства. В апреле 1645 г. в Крым прибыли с поминками новые посланники: Т. Караулов и Грязной Акишев, вместе с турецким послом Араслан агой, возвращавшимся через Крым в Турцию. Араслан ага говорил посланникам, что он будто бы выполнил свое обещание и требовал от Ислам Гирея соблюдения с Московским государством мира. В первые месяцы пребывания в Крыму посланникам казалось, что ничто не угрожает нарушению мира. Из уст кн. Маметши и мурзы Муратши Сулешевых посланники получили заверения, что «то де дело нестатошное», чтобы Ислам Гирей допустил нападение татар на московскую украйну, потому что он хочет соблюдать заключенное им мирное соглашение, а также потому, что турецкий посол сообщил Ислам Гирею, что царь Михаил Федорович отказал польскому королю на его предложение о походе на Крым объединенными силами. Одновременно же посланники узнали об обострении отношений между Крымом и Польшей. В мае до посланников дошли слухи о движении польских войск к Перекопу. В Крыму это объясняли тем, что по расчетам польского короля султан, занятый войной на Средиземном море, не сможет оказать помощи Крыму. В июне в Крым вернулся из Польши крымский посол Бака Чилибей с отказом короля платить крымскому царю поминки, потому что он, Ислам Гирей, «отпущенник» короля (Ислам Гирей находился в польском плену в 1629—1630 гг.); король освободил его из плена с обязательством блюсти мир. В Крыму говорили даже о сборах царя в поход на Польшу. Московские поминки были приняты без всяких помех. Когда ближние люди царя, вымогая дополнительные дачи, посадили в колоды подьячего и холопа посланника, царь приказал освободить их.[114] Таким образом, как будто бы ничто не предвещало нарушения мира между Крымом и Москвой.

Между тем в декабре 1645 г. татары совершили один из крупных своих походов на Русь. Выше мы показали, каким образом в течение 1644 и 1645 гг. произошло совпадение интересов Крыма и Турции в отношении набегов на Русь и Польшу. Напомним еще раз, что в 1645 г. Крым еще не вышел из полосы «меженины». Необыкновенная засуха уничтожила хлеба и кормы, а саранча довершила бедствие. Караулов и Акишев сообщали в Москву, что в Крыму «голод большой», какого не бывало, «как Крым стал». Московскую четверть хлеба покупают по 3 рубля, «да и купить негде и нечем». Подвоз хлеба, обычно доставлявшегося в Крым из Константинополя и других турецких городов, запрещен султаном, потому что флот занят в средиземноморской войне. «И посланникам души свои осквернить, есть будет в пост мясо».[115] О тяжелом положении Крыма знали в Турции. Браиловский митрополит Мелетий писал в Москву, чтобы ожидали нового нападения татар, потому что в Крыму голод, и татары едят человечину.[116]

Мы имеем указания на то, что в самом конце года султан предписал Ислам Гирею поход на Русь. Из Турции шел усиленный спрос на полон.

---

[114] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 83, 92, 96, 119—120.
[115] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 182.
[116] Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях, изд. 2-е, Сергиев посад, 1914, с. 325.

Летом 1645 г. в Азов приезжал «большой человек, беломорский князь» для раздачи жалованья азовцам. Он скупал у азовцев и ногайских татар русский полон по самой дорогой цене,— «насилу отнимал» по 100 и более рублей за человека. Он скупил более 300 русских полоняников и, уезжая, оставил на продолжение закупки свыше 5000 талеров.[117] В течение лета 1645 г. отдельные татарские вожаки, стараясь использовать выгодную конъюнктуру, организовали несколько отдельных небольших набегов на Русь в разных местах. Но таким кустарным способом нельзя было удовлетворить огромной потребности Турции в русском полоне; необходимо было предприятие, гораздо более солидно организованное.

Отсрочка крупного нападения татар была связана с внутренним конфликтом в Крыму, возникшим тотчас же после окончания набега 1644 г. Поскольку происхождение и развитие конфликта теснейшим образом связаны с военной деятельностью крымцев, а, в частности, и с зимним нападением татар в 1645 г., нельзя оставить без рассмотрения сведений о нем, содержащихся в сообщениях русских дипломатических представителей из Крыма. Внутренняя борьба крымских феодалов между собой в 40-х годах является продолжением такой же борьбы предшествующего периода. В основе ее лежат все те же мотивы, но только теперь мы имеем иную группировку сил крымских феодалов.

На основании восточных источников В. Д. Смирнов дает суммарную характеристику внутренней борьбы в Крыму в правление Ислам Гирея. Конфликт возник между капы-кулу,[118] сложившихся в особое сословие и претендовавших на руководящую роль в правительственных делах, и представителями родовой крымской знати. Боровшиеся между собой партии намечены правильно, что подтверждается показаниями русских источников. Начало конфликта Смирнов связывает с походом крымцев на горских черкас, когда возник раздор между капы-кулу и карачи-мурзами, вероятно, из-за добычи, хотя восточные источники не говорят о причине ссоры. Сеферь Газы ага, ближний человек царя, выдающийся, по мнению Смирнова, советник Ислам Гирея, оказался на стороне мурз. Царь держал себя «непонятно, двусмысленно». На глазах царя произошло вооруженное столкновение между капы-кулу, во главе которых стояли калга и нурадын, с мурзами. Сеферь Газы бежал в Кафу. По требованию капы-кулу царь отдал приказ об аресте Сеферь Газы; тот скрылся в стан мятежных мурз, но вскоре, когда и при каких обстоятельствах — восточные источники не указывают, Сеферь Газы возвращается на свой пост. Во время этого столкновения «черные татары» требовали у царя выдачи нескольких человек: Ромозан аги, Эльяс аги, Муртоза аги и Мейдан-Кул бея. В связи с этим конфликтом Смирнов ставит отмену Ислам Гиреем введенного Бегадыр Гиреем тамгового налога.[119] Главный недостаток этого изложения заключается в том, что события, растянувшиеся на несколько лет, даны в нем в скомканном виде. Русские источники дают изображение всего хода борьбы между придворной партией и князьями и мурзами с несравненно большей полнотой и последовательностью. На основании русских источников легко установить, что в сообщениях восточных источников верно, что неточно, неясно и неполно.

В статейном списке московских посланников Караулова и Акишева записано, что 17 июля 1645 г. на р. Альме собрались князья, мурзы и аги

---

[117] Крым. д. 1644 г., № 15, л. 83.

[118] Капы-кулу — буквально «рабы при дверях»; гвардия, в русских источниках «капычеи» или «сеймены». Более широко и более правильно в русских источниках — «дворовые люди».

[119] В. Д. Смирнов, с. 532—534.

и «царевы дворовые всяких чинов многие люди» и вызвали к себе калгу-царевича Крым Гирея. Собравшиеся били челом калге на ближнего царева человека Сеферь Газы агу и требовали его смены, потому что он «учал быть в Крыму владетелен и их, князей и мурз и агов, не почитает, а у дворовых людей убавил царева жалованья, а иным и не дает. А будет де царь того Сеферь Газы агу не отставит, и они де придут в Бахчисарай и его убьют». По этому требованию, переданному царю калгой Крым Гиреем, Ислам Гирей дал отставку Сеферь Газы аге, который бежал в Кафу. После того между царем, с одной стороны, калгой и возмутившимися дворовыми людьми — с другой, было заключено соглашение. Царь и калга шертовали друг другу и между собой помирились, чтоб им «меж себя дурна никакого не учинить». На место отставленного Сеферь Газы аги был назначен Ромозан ага.[120] Толмач Ив. Скороваров и вож Гр. Гончаров, присланные в Москву посланниками Карауловым и Акишевым, в мае 1646 г. показали в Посольском приказе, что Сеферь Газы ага был «отставлен» с поста ближнего человека калгой и сейменами (по-русски, стрельцами), на его место ими же был назначен Ромозан ага. Сеферь Газы агу калга и сеймены хотели убить, но царь у них агу «от убийства упрошал и отпустил его в Кафу». Сеферь Газы ага, однако, предпочел бежать не в Кафу, а к князьям Ширинским, кн. Тугаю и Караш мурзе.[121] Скороваров и Гончаров совершенно отчетливо противопоставили боровшиеся между собой партии. Главной опорой партии дворовых людей были сеймены или капычеи, отряд, вооруженный огнестрельным оружием. В состав партий дворовых людей входил двор царя, дворы калги и нурадына: их семьи, вся придворная челядь и ближние дворовые люди, образовавшие уже давно сложную иерархию многочисленных придворных чинов. Состав этой группы не был постоянным и менялся в значительной своей части со сменой царя. Напомним, что в 1623 г., покидая Крым, Джанибек Гирей увез с собой на кораблях до 1000 человек, окружавших его и содержавшихся на его счет. Но то же самое происходило при каждой смене крымских царей. Магмет Гирей, предшественник Ислам Гирея, оставляя Крым, вывез с собой не только всех своих родственников с их семьями и мелкими дворовыми людьми, но и своих ближних людей, Каит агу с товарищами, занимавших при нем виднейшие правительственные посты. Ислам Гирей на смену им привез своих родственников и ближних людей, Сеферь Газы агу с товарищами, своих «нужетерпцев», т. е. людей, живших с ним в Константинополе в ожидании назначения в Крым. Конечно, смена в составе дворовых людей не могла быть полной, часть дворовых людей оставалась на месте, прочно осев и обосновавшись в Крыму, к тому же часть их пополнялась из числа крымских же князей и мурз. Вполне естественно, что непосредственные интересы дворовых людей, остававшихся в Крыму неопределенный срок,— это зависело от прочности положения царя в Крыму и от воли султана,— расходились с интересами крымских князей и мурз. Дворовые люди старались возможно полнее использовать срок своего пребывания в Крыму. В предшествующих разделах приведены факты, показывающие, что сами крымские цари с приближением момента своей смены особенно спешно и жадно старались захватить и даже пограбить в Крыму все, что только было возможно. В основе борьбы партии дворовых людей с крымскими князьями и мурзами лежала борьба за пользование крымскими источниками доходов.

Русские источники особенно подчеркивают, что дворовые люди сталкивались с князьями и мурзами прежде всего по вопросу о разделе воен-

[120] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 287—289.
[121] Крым. д. 1646 г., № 3, л. 15—16.

ной добычи; несомненно это была важнейшая статья крымских доходов. Но были и другие поводы к расхождению. Восточные источники сообщают интересный факт, что Ислам Гирей отменил новый налог, введенный Бегадыр Гиреем под предлогом покрытия расходов на вооружение для похода под Азов; этот новый источник дохода поступал в распоряжение царя и, несомненно, расходовался в интересах дворовых людей. Расхождение между двором и крымскими князьями и мурзами захватывало также сферу внешней политики. Ислам Гирей, как и другие крымские цари, должен был осуществлять указания турецкого правительства, тогда как князья и мурзы более руководствовались местными, крымскими интересами, далеко не всегда совпадавшими с интересами Турции. Обычно цари вынуждены были лавировать между требованиями султана и давлением крымских князей и мурз. Особенно трудным было положение ближнего человека, как посредника между царем и туземной знатью. Смирнов называет Сеферь Газы агу выдающимся советником Ислам Гирея. Из событий времени Ислам Гирея видно, что Сеферь Газы ага, хотя он и был привезен в Крым царем, держал сторону крымской партии, опирался на крымских князей и мурз, осуществлял их указания, и советы его Ислам Гирею шли вразрез с политикой, которую хотел бы проводить царь. Сеферь Газы ага опирался на князей и мурз, которые победили в борьбе; следовательно, он правильно оценил соотношение сил боровшихся между собой сторон.

Но вернемся к изложению дальнейших событий в Крыму. «И те мурзы,— продолжал Скороваров,— Ширинские, и Тугай князь, и Караш мурза за него, Сеферя, вступилися и приходили на калгу в Карасов да в Акмечеть войною, и меж Карасова и Акмечети калгу в горах осадили и дрались два дни. И к ним приезжал Ислам Гирей царь сам. И как де царь пришел к ним в полки, и те де мурзы, которые пришли на калгу, говорили царю, что им до него, царя, дела нет, а выдал бы им калгу да Ромозан агу. И царь де им калги и Ромозан аги не дал. И мурзы пошли прочь за Перекоп в степь и царю отказали, что они ему служить не хотят. И были они в степи месяц».[122] В этом рассказе Скороварова и Гончарова мы отмечаем то обстоятельство, что Ислам Гирей не принимает сначала непосредственного участия в столкновении, а старается примирить обе стороны, хотя и не идет на удовлетворение требований крымских князей и мурз.

Сообщение посланников Караулова и Акишева об этом первом столкновении между враждующими партиями, придворной и крымской, несколько полнее и отличается интересными подробностями от показаний Скороварова и Гончарова. В своем статейном списке они записывают, что «отложились от царя и отошли мурзы Ширинские, да Чиживуцкие, да Даирские и иные, и Караш мурза с товарыщи многие люди и стали за Перекопью у моря на Арбатском перевозе». Маметша ага, приезжавший к посланникам, рассказал им, что из-за Перекопа «прибежал» нурадын-царевич и сообщил царю, что мурзы, отложившиеся от царя, пришли к Перекопу со многими крымскими и ногайскими людьми и идут к царю, и хотят с ним биться. Мурзы заявляли следующие претензии: «В прошлом де во 152 г., как те мурзы и Караш мурза ходили войною на государеву землю в Комарицкие волости и поимали ясырь, и у них тот ясырь имали на царя. И царь де тот их ясырь давал дворовым своим людем, Ромозан аге с товарыщи. Да у них же де мурз над тем ясырем убили царевы дворовые люди двух мурз, и им де от дворовых людей учала быть теснота. А как де в нынешнем во 153 г. ходил царь з дворовыми своими людьми в

[122] Крым. д. 1646 г., № 3, л. 16—17.

войну на черкесы и в черкесах они ясырю взяли много, а те де мурзы, Караш мурза с товарыщи, ходили на Волуйку по государеву казну и тое казну в Крым к царю привезли здорово, и те де ево царевы дворовые люди им мурзам того черкеского ясырю не поделили. А ныне по челобитью тех дворовых всяких чинов людей отставил царь ближнего человека, Сеферь Газы агу, а взял Ромозан агу без их ведома, поверя обычным людем, Ромозан аге с товарыщи. И будет царь попрежнему возьмет Сеферь Газы агу, а тех заводчиков, Ромозан агу с товарыщи, четырех человек выдаст им убить, и они де придут к царю попрежнему в холопство. А будет царь так не учинит, и они де к царю не пойдут и с царем готовы битца».

Получив такой ультиматум, царь, калга и нурадын готовились сами «со всеми крымскими людьми» выступить против отложившихся мурз. Маметша ага предупреждал посланников, чтобы они, когда столкновение произойдет, и яшловские мурзы и татары побегут со всеми своими животами в Бахчисарай, также побереглись от ногайских и крымских людей, чтобы их не побили и не пограбили. Посланники послушали совета, и казну и свои животы «попрятали в землю и под каменье». В самом деле, вскоре началось бегство яшловских мурз и татар в Бахчисарай и в «жидовский городок». В августе Ислам Гирей с царевичами и «со всеми крымскими людьми против тех мурз и крымских и ногайских людей вышли битца со всяким боем и с пушки и пришли в Акмечеть». Битва произошла между Акмечетью и Карасовым. Тугай кн. Ширинский, Чиживутские, Даирские мурзы и Караш мурза с товарищами были побеждены и снова ушли за Перекоп. Царь послал к мурзам Сулемша мурзу Сулешева с приглашением итти к царю без всякого опасения. Но мурзы упорно стояли на своем. Через Сулемшу Сулешева они «к царю приказали: будет царь учинит то, о чем они наперед сево царю били челом и выдаст им Ромозан агу с товарищи четырех человек и учинит попрежнему в ближних людех Сеферь Газы агу, и они к царю пойдут попрежнему в холопство. А будет царь тово не учинит, и они к нему не пойдут, а пойдут жить за Днепр к Белгороду. А за Перекопью те мурзы отогнали царевы и иные многие стада животины и лошадей». Но после того часть отложившихся от царя мурз, Аджиш мурза Ширинский и Таймас мурза, при посредничестве калги, муфтия и афендеев добили царю челом. К остальным мурзам — Ширинским, Чиживутским, Даирским и Караш мурзе с товарищами — царь посылал кн. Маметшу и лиц духовного чина, убеждая их итти к нему без всякого опасенья. Затем проскальзывает известие от 4 сентября о приготовлениях татар к походу на Русь, в связи с переменой на московском престоле, и далее под 18 сентября сообщается о состоявшемся примирении мурз с царем.[123]

Уже из этого рассказа посланников можно заключить, что примирение крымских князей и мурз с Ислам Гиреем находилось в связи с организацией нового похода на Русь. Рассказ Скороварова и Гончарова не оставляет в том никакого сомнения. В своих показаниях в Посольском приказе в мае 1646 г. они поставили зимнее нападение татар на Русь в 1645 г. в связь с описанным выше конфликтом. Когда князья и мурзы, после столкновения с калгой между Карасовым и Акмечетью, ушли в степи за Перекоп, царь посылал к ним афендеев — духовных людей и кн. Маметшу Сулешева уговаривать их, чтобы они «были у него в послушаньи попрежнему. И они сказали им: только де царь выдаст им калгу и Ромозан агу, и они у него попрежнему в послушанье будут. И Ислам Гирей де царь приезжал к ним сам и говорил, чтоб с ним помирилися и были у него в по-

[123] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 285—299.

слушанье попрежнему, а калги де ему и Ромозан аги выдать не уметь. Да царь же де им говорил: ныне де на Московском государстве царя не стало, а царевич молод и царство де теперво здержать еще не сможет. И мы де пойдем войною на Московское государство и повоюем, и он нам даст казну большую. И мурзам де та царева речь полюбилася, да на том и помирилися, что им всем итти на Московское государство войною. И как де царь и мурзы поехали с того миру назад, и Сулемша мурза Сулешев заехал к посланником на стан и сказал, что с-ыными мурзами, которые у царя были не в послушанье, помирились». Посланники, не зная, как произошло примиренье, выразили свое удовлетворение. «И Сулемша мурза говорил им: не радуйтеся де тому миру, помирилися на том, что итти всеми людьми на государевы украйны войною».[124]

Спорный вопрос о важнейших правительственных лицах остался неразрешенным. Ромозан ага остался на своем посту, а князья и мурзы не отказались от своего прежнего требования. Было достигнуто лишь временное соглашение. Ислам Гирей, может быть, рассчитывал, что успех похода и добыча склонят князей и мурз к большей уступчивости. Ислам Гирей сделал князьям и мурзам свое предложение, зная, что в основе их «непослушанья» и ссоры с ними лежала борьба за добычу. В. Д. Смирнов высказывает такое именно объяснение всего конфликта капы-кулы с князьями и мурзами в качестве предположения и относит его начало к походу Ислам Гирея на горских черкас. В действительности столкновения начались раньше. Поход на горских черкас, откуда царь вернулся с богатой добычей, произошел лишь в декабре — январе 1644—1645 гг.[125] Татары, как указано было выше, ссорились и дрались между собой еще при дележе добычи по возвращении из похода на Русь летом 1644 г. Об этом мы знаем из статейного списка посланников Караулова и Акишева. Подтверждали это татарские «языки», захваченные в полон в 1645 г. Они говорили, что «крымской де царь и мурзы нынешнего лета бились меж себя с Караш мурзой и с ногайскими мурзами и с татары за то, как де Караш мурза прошлого лета (т. е. 1644 г.) был в войне в Московском государстве в рыльских и в путивльских местах и в Комарицкой волости, и пришед из войны, не доходя Перекопа, учел полон делить, и на том делу крымские мурзы у ногайских татар на царя учели полон выбирать лутчей, и за полон меж ими учинился бой, и на бою меж себя многих татар побили».[126] Показания «языков» несколько сужают конфликт, сводя его к ссоре только ногайских татар с царем, но самый факт верен. Самое раннее сведение об этой ссоре татар из-за добычи мы находим в грамоте молдавского князя Василия в Москву от 5 декабря 1644 г.: татары, возвратившиеся из похода на Русь в 1644 г., «меж собою брань учинили и порубились, и до смерти побилися и многую вражду и вопль имели меж собою, и сколько погибло крымских татар, что бились с другими татарами с некоторыми дворяны от двора крымского царя»... В грамоте названо несколько имен знатнейших дворовых людей царя, убитых в драке.[127]

Таким образом, Ислам Гирею удалось добиться временного перемирия с князьями и мурзами, соблазнив их перспективой прибыльного набега на Русь.

Оставалось придумать повод к нападению и какое-нибудь дипломатическое его объяснение. Никакой трудности в этом для крымских политиков не заключалось. 12 июля умер царь Михаил Федорович. Московское правительство знало об опасности, которая с этим была связана, и поэтому

[124] Крым. д. 1646 г., № 3, л. 17—19.
[125] Крым. д. 1643 г., № 15, л. 402—403, 424—427, 435—436.
[126] Белгород. ст. № 203, л. 4—7.
[127] Молдав. д. 7153 г., № 3, л. 15—19.

поторопилось направить в Крым гонца с уведомлением о вступлении на царство Алексея Михайловича и с легкими поминками; правительство хотело получить хотя бы предварительное подтверждение мира со стороны Ислам Гирея. Но Ислам Гирей, не желая связывать себя никакими обещаниями, отказался принять гонца. Гонец Головачев прибыл в Крым 20 августа. На представление посланников Караулова и Акишева о приеме их вместе с гонцом царь отвечал, что посланников принимают, когда они приезжают и на отпуске, а больше де им у него быть нельзя.[128] Ссылка царя на дипломатическую практику была совершенно произвольной. Но царю надо было затянуть начало дипломатических сношений с царем Алексеем Михайловичем.

Тем временем состоялось примирение с князьями и мурзами, и крымцы выступили в поход. Ближний человек Ромозан ага без всякого стеснения раскрыл все карты. Он говорил посланникам 8 октября: известно, что царь Алексей Михайлович пишет Ислам Гирею, калге и нурадыну «с любовью и в братственной дружбе и любви быть желает». Царь Ислам Гирей, калга, нурадын и все ближние люди желают того же, «только де они правду дали и на куране шерть учинили отцу его государеву великому государю, а ныне учинился государем царем и великим князем всея Русии его благоверный царевич князь Алексей Михайлович, а царь де и калга и нурадын ему, великому государю, не шертовали, а покаместа не шертуют, и в те де поры бывает война». Ближние люди калги и нурадына говорили посланникам то же самое, что нурадын послан в войну потому, что мирной шерти новому государю Алексею Михайловичу Ислам Гирей царь еще не приносил, но как только нурадын вернется из войны, они в том уверены, он с московским государем «учнет быть в дружбе и в любви, и вас, посланников, отпустит с добрым делом». Против подобного объяснения войны и нападения, ничем не вызванного со стороны московского правительства, было бы бесцельно приводить какие бы то ни было аргументы. Многие мурзы, с которыми встречались и беседовали толмачи и другие лица из состава московского посольства, были еще откровенней; они говорили, что если даже царь и калга вновь принесут мирную шерть новому московскому государю, «им на правде своей никако не устоять; хотя у государя и казну многую возьмут, а войною им на Московское государство ходить же». О себе мурзы говорили, что им без войны никак нельзя обойтись, потому что получаемая из Москвы и из других стран казна вся идет царю, калге, нурадыну и их ближним людям, а им, мурзам, ничего не достается, «и только де им в Московское государство войною не ходить, и им всем с голоду помереть».[129]

Возникает вопрос, почему набег, решенный еще в сентябре, был осуществлен только в самом конце декабря. Объяснений этой загадки может быть дано два: либо крымцы на этот раз решили попробовать счастья зимой, либо Ислам Гирей добивался разрешения на набег со стороны султана и ждал ответа.

Еще в конце 1643 г. мурзы склоняли царя Магмет Гирея к зимнему походу, указывая на некоторые его преимущества перед обычными набегами в летнюю пору. В 1644 г. Магмет Гирей добивался одобрения своего намерения совершить нападение со стороны султана и, ожидая ответа, задерживал набег. Весьма возможно, что и в 1645 г. уже Ислам Гирей обращался к султану с тем же вопросом: он, как и Магмет Гирей, не хотел действовать самовольно. Из показаний других источников мы знаем,

---

[128] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 133—139, 155—156.— Крым. д. 1646 г., № 3, л. 19—23.

[129] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 161—167.— Крым. д. 1646 г., № 3, л. 32.

что предписания султана о нападении на Русь и Польшу были получены в Крыму лишь в конце года.

Заключив перемирие с мятежными князьями и мурзами, Ислам Гирей 15 октября возложил на нурадына Казы Гирея кафтан и указал ему итти войной на Московское государство. Заместителем царя в походе был один из мурз Куликовых, а заместителем калги — кн. Сулемша Сулешев. Царь и калга дали татарскому войску свои знамена. В походе участвовали ближние люди царя и калги, князья и мурзы Ширинские, Сулешевы, Куликовы и др. Толмач Ив. Скороваров и вож Гр. Гончаров показали в Посольском приказе, что собралось в войну татар до 50 тыс. человек, но с Самары и Орели по причине морозов многие вернулись. Фактически в войне принимало участие 40 тыс. татар или несколько меньше.[130] Московские послы в Турцию Телепнев и Кузовлев, находившиеся во время татарского нападения на Русь в Кафе, дополняли эти сведения новыми подробностями: в Крыму остались «старые да малые, которые на лошади не могут сидеть, да самые бедные люди, которым итти не на чем». Еще интереснее их сообщение о том, что «ис Кафы все кафинцы ходили с нурадыном на государевы украинные городы войною». «И приказные и духовные люди твои, султанова величества, — говорили посланники султану, — муфтей и афендей шех (!) и иные приказные люди своих людей многих с нурадыном в войну посылали».[131] Десятки татарских «языков», допрошенных в Москве в Посольском приказе в течение 1646 г., единогласно говорили о 30 тыс. татар, участвовавших в походах. В том числе больших ногаев улусов Урмаметевых мурз было 600 человек, крымских янычар (иначе сейменов или по-русски стрельцов) всего 20 человек. Роль главного командира исполнял «начальный большой бей» кн. Кутлуша Ширинский. Наряду с ним «языки» отмечали важную роль Караш мурзы, «вожа» и «большого промышленника». Татары собирались на Молочных водах задолго до начала похода. Руководители похода говорили татарам, что поход готовится на Польшу; лишь перед самым началом действий им было объявлено, что нападение будет совершено на Русь.[132]

Все степи, прилегающие к московским рубежам, были наполнены с ранней весны массами кочующих татар, которых голод выгнал из Крыма. Вполне понятно, что нападения татар на пограничные местности были при таком состоянии орды неизбежны. Татары приходили на пригородные местности, поля и сенокосы, хватали крестьян, ребят у стад, отдельных служилых людей, станичников и сторожей во время их разъездов. Происходили схватки и погоня за быстро уходившими татарами. Мы не станем перечислять всех случаев этих мелких и не связанных между собой нападений татар, совершавшихся ими в различных местах белгородской черты. Отметим лишь наиболее характерные из них. Так, около дня Николы вешнего татары захватили в полон в Темниковском и соседних уездах 80 крестьян и отвели их в Азов. Крестьянин мурзы Мametелеева, помещика Темниковского уезда, взятый в полон в это время и находясь в полоне в Крыму, приходил к посланникам и сообщил им, что вожем в этом набеге татар был зять мурзы Мametелеева, Кудай Берда мурза, и один мордвин, которые сами вызвались навести азовцев на удобные для добычи места. Сами они были взяты в полон в предшествующем 1644 г. Когда они выполнили свое предложение, азовцы их «отпустили и дали им покою».[133]

---

[130] Крым. д. 1646 г., № 3, л. 14—15, 23.— Крым. д. 1644 г., № 6, л. 168.

[131] Турец. д. 1645 г., № 2, л. 90—122.

[132] Белгород. ст. № 250, л. 18—21, 40—41, 47—48, 55—60, 85 и др.— Крым. д. 1645 г., № 26.— Почти все дело состоит из записей допросов «языков».

[133] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 286.

По сравнению с июнем и июлем [134] татары проявили больше активности в августе. 11 августа произошла горячая схватка между татарами, приходившими к мосту через р. Валуй, и валуйскими ратными людьми, в которой был убит сотенный голова М. Тяпкин и ранен воевода П. Колтовской. 12 августа татары совершили налет на вотчину кн. А. Н. Трубецкого с. Юрлуково (Лебедянского уезда) и «поимали» много людей (до 400 человек). В тот же день татары побывали в слободе Хмелевой под Козловом. Около Успеньева дня отряд татар в составе 500 человек (из них 100 азовцев, остальные — крымцы) во главе с одним из Ширинских мурз и азовским агою были разгромлены козловским воеводой Федором Погожим: татары потеряли весь захваченный ими полон и взятых в плен мурзу и несколько татар. 18 августа было столкновение с татарами под Усердом. 19 августа, придя незамеченными с Изюмского шляха в Короченский уезд, татары схватили под дер. Стариковой двух разъезжих сторожей, которых заставили «подвести» их к месту стоянки «отъезжей сторожи», где захватили еще двух человек.[135]

Такой же характер носили действия татар в сентябре. 2 сентября за р. Ворсклой татары захватили на покосе несколько хотмышан служилых людей и здесь же расположились станом. 3 сентября произошло столкновение между реками Валуем и Палатовкой, в котором были тяжело ранены голова М. Дудышкин и казачий сотник И. Елизаров; последний от ран умер. 22 сентября татарский отряд, перешедший р. Т. Сосну, был отражен под дер. Костенками местными детьми боярскими драгунской службы. В тот же день другой татарский отряд приходил на р. Корочу в Белгородский и Короченский уезды в с. Дмитровское и в деревни Репную, Кушину, Макарову, Яблочкову и Тонкову, но был отражен стоявшей в с. Дмитровском сотней под командой П. Колпакова, а затем преследуем посланным из Белгорода стрелецким и казачьим головой П. Золотаревым и из Корочи — стариковскими детьми боярскими. Во время преследования были захвачены два «языка», из-за которых перессорились между собой белгородские и короченские служилые люди, а короченский воевода Ив. Милославский послал в Москву лживую, как выяснилось потом, отписку о личном якобы участии в походе против татар.[136]

4 октября внезапно появившийся отряд татар в 150 человек схватил под Царегородской слободой у Валуйки двух казаков, ехавших «по сено», и 9 ребят, пасших стадо свиней. 12 октября с Муравского шляха татары приходили в дер. Напрасную (Белгородского у.), но, потеряв двух человек, спешно скрылись. 24 октября ратные люди отразили татар под Вольным, но преследовать их на своих «пашенных» лошадях они не могли. 29 октября татары снова приходили под Вольный, очевидно, захватили кого-то в полон, потому что при преследовании у них были отбиты два полоняника и 40 лошадей.[137]

Все эти налеты небольших татарских отрядов не проникали глубоко, и борьба с ними была обыденным явлением в пограничных местностях московской украйны. Они не заключали в себе ничего угрожающего и сами по себе не указывали на подготовку более крупных операций татар. Но вот 11 ноября во время погрома валуйчанами у верховья р. Ураевой

---

[134] Москов. ст. № 198, л. 51, 64, 68, 80, 97—98, 117, 138.

[135] Москов. ст. № 198, л. 134, 141, 143, 145, 158.— Москов. ст. № 200, л. 244 (о захвате татарами в с. Юрлукове до 400 ч. полона).— Белгород. ст. № 203, л. 83, 102—103.— Крым. д. 1644 г., № 6, л. 300 (о разгроме козловским воеводой Ф. Погожим татар около Успеньева дня).

[136] Москов. ст. № 198, л. 172.— Белгород. ст. № 203, л. 56—63, 79, 99—100, 109.— Белгород. ст. № 206, л. 98 и др.

[137] Белгород. ст. № 203, л. 52—56, 76, 109—110.

небольшой партии татар в 30—40 человек был захвачен «язык». Под пыткой в Москве этот татарин впервые выдал приготовления татар к большому зимнему походу на Русь. Это сообщение получило подтверждение из-за литовского рубежа, что татары «копятся» в степи для похода, хотя оставалось неизвестным, куда падет удар, на Литву или на Русь, что Караш мурза кочует по Молочным водам и по Тору и с ним 12 тыс. татар. Наконец, к началу декабря стали поступать указания на приготовления крымцев к походу на Русь по распоряжению султана и об усилении турецкого гарнизона в Азове. В связи с этим состоялось назначение воевод в полки: в Тулу — кн. А. Н. Трубецкого, в Мценск — кн. С. В. Прозоровского и И. М. Беклемишева, в Курск — кн. С. Р. Пожарского и А. Т. Лазарева, а также воевод на Крапивну, Одоев, Венев и Рязань.[138] Однако после этого в течение почти целого месяца мы не имеем известий о нападениях татар вплоть до того момента, когда пришли в действие главные татарские силы. Это прекращение нападений на довольно длительный срок до некоторой степени усыпило бдительность Москвы и, видимо, вселило уверенность в том, что нападение не состоится. Только этой успокоенностью можно объяснить то, что указанное выше размещение воевод по полкам и городам фактически состоялось только тогда, когда татарская война уже была в полном разгаре. Таким образом, вторжение татар зимой 1645 г., несмотря на длительное ожидание, не утратило характера внезапности.

18 декабря станичный ездок донес в Белгород, что на Муравском шляхе за ним гоняли татары и что идут на Русь большие татарские силы в 20 тыс. и более человек. 19 марта татары миновали Карпов и, от Смородинной сторожи повернув влево, минуя верховья р. Ворсклы и верховья р. Пены, прошли Бакаевым шляхом на Рыльскую дорогу. 20 декабря, не доходя Рыльского и Путивльского уездов, от татарского войска отделился отряд в 1000 человек во главе с Эл мурзой Урмаметевым (ногайским). Недалеко от Курска татары этого отряда перешли р. Семь (Сейм) и появились в ряде деревень в 3—5—10 верстах от города. 20 декабря ночью татары были в пределах Рыльского уезда и начали здесь войну. Сообщение станичников запоздало: от них ускользнуло вступление татар на Муравский шлях, а при стремительности татарских вторжений дорог был каждый день. Вот почему в 1646 г. Разряд, подводя итоги татарской войны, вспомнил об этом служебном упущении станичной службы и прислал в Белгород указ,— бить кнутом по торгам нещадно и снять с службы станичного голову Д. Шеховцева «за воровство», что «за их станичною ездою» 18 декабря 1645 г. царевичи с крымскими и ногайскими людьми прошли незамеченными.[139]

20 декабря ночью татары в дер. Березовке (Рыльского у.) похватали людей. Той же ночью «в первый спень» с Кобякова поля татары приходили к Рыльску и на посаде «поимали многих людей». Тогда же татары проникли в Путивльский уезд и позабирали в полон множество крестьян с их семьями. Сначала в Рыльский уезд пришли передовые люди (7 тыс. человек) во главе с царевичами Казы Гиреем и Мурат Гиреем,[140] затем — основные воинские массы (до 20 тыс. человек). Мурзы, участвовавшие в войне, были те же, что и в походе предшествующего 1644 г.: кн. Кутлуша Ширинский, кн. Тугай Ширинский, Караш мурза и др. Татары расположились станом на большом пространстве между Рыльском и Путивлем, заняв ряд деревень: дер. Городенку (поместье В. Люшина), мо-

[138] Белгород. ст. № 203, л. 1—2, 4—11, 16, 26, 116—117.— Дворц. разр. III, 22.
[139] Белгород. ст. № 203, л. 231—233, 286.— Белгород. ст. № 247, л. 36.
[140] Московские гонцы Ив. Скороваров и Г. Гончаров, ближе знавшие обстоятельства похода, сообщали, что с нурадыном ходил в поход его брат, царевич Буйнак (Крым. д. 1646 г., № 3, л. 14—15).

настырскую дер. Льгово, дер. Плотаву, Могилевку, Капустину, Олешню и др. Татары грабили и жгли деревни. Один из курских детей боярских, наблюдавший лично татарский погром, находясь под свежим его впечатлением, передавал, что «по сю сторону Рыльска выжжено все». Татары взяли острожек в дер. Плотавой, людей выморили «студью», а в том острожке было около 500 дворов. Под Курском татары «от города отхватили» массу уездного люда — более 3 тыс. человек. Эти люди засели в осаду частью в Воробженском острожке, частью в разных местах, где были застигнуты татарами, «осекшиеся лесом и покопався землей». В течение только суток татары охватили войной обширную территорию. Севский воевода Патрикей Исупов в своих отписках в Разряд изображал дело так, как будто благодаря его умелым действиям, Комарицкая волость, кроме одной дер. Дубовицкой, была защищена от татар. Но по другим сообщениям, дело обстояло иначе. 20 декабря татары воевали в Комарицкой волости дер. Старшую и с. Клинцы, 23 декабря татары приходили в дер. Болдыж и Нерусу и начали воевать всю волость. Отряд татар в 600 человек встретил отпор со стороны крестьян дер. Понашовой и с боя ушел вниз по р. Свапе в рыльские места. 23 декабря татары приходили в дер. Толстодубову (Севского уезда) и взяли там в полон крестьян. В тот же день татары пытались взять приступом острожек в с. Розветье, но не имели успеха. Татарский погром распространился за литовский рубеж на Новгород-Северский уезд.[141] Татары начали войну в Курском, Рыльском, Путивльском и Севском уездах 20 декабря; 28 декабря они уже начали отпускать полон из Руси и сами стали уходить, 30 декабря русские воеводы вели бои с арьергардными отрядами татар.

Некоторые из воевод в своих отписках сообщали, что татары, узнав о сборе ратных людей, поднялись и ушли «наспех» через р. Семь тем же Бакаевым шляхом, каким и вошли в Русь.[142] Такое освещение хода татарской войны в общем верно. Быстрота действий татар была общеизвестна. Они не имели обыкновения задерживаться на месте операций. Их расчет строился прежде всего на внезапности. И в данном случае дальнейшее пребывание их в Рыльском, Путивльском и других уездах не могло бы увеличить их добычу, так как уцелевшее население, оправившись от неожиданности, сумело бы укрыться. Кроме того, было бы трудно удержать и еще труднее вывести захваченную добычу ввиду появления русских ратных людей. Во всех своих походах татары старались предупредить сосредоточение русских войск и обычно прекращали войну, когда такое сосредоточение войск обнаруживалось. В рассматриваемом случае срок действия татар на Руси был сокращен тем, что зима была «студена». По разъяснению татар, вернувшихся из похода, зимний поход был рассчитан на то, что зимой ратных людей по украинным городам не бывает, а жители все живут по своим деревням. Полон удобно вывозить на телегах и санях. Если бы зима была потеплее, «и им бы гораздо летнево воевать было лутчи». Но к их несчастью зима была сурова, что значительно снизило успех похода. Сами татары и вырвавшиеся из полона русские люди единогласно утверждали, что татары отступали медленно, уходили «кочевьем, а не вместе, потому что де станы их врозне и не в близких местах», что татары останавливались ежедневно, а выйдя за Валки сделали две четырехдневных остановки. Татары шли в «отход», «отяжелясь», лошади у них были «томны и худы», сами они были голодны и питались сырой мертвечиной, потому что испечь пищи было не на чем. Если бы русские ратные

[141] Белгород. ст. № 203, л. 85—87, 92, 145, 202, 205—208, 231—233, 286, 298—300, 385—388, 402, 486 и др.— Белгород. ст. № 208, л. 24.

[142] Белгород. ст. № 208, л. 229.

люди преследовали татар и напали на них хотя бы в числе пяти-шести-сот или тысячи, даже спустя недели две, они успели бы захватить многих в Белгородском уезде или немного далее, могли бы их побить и «разобрать» всех, потому что татары «шли пеши, лошади пометали и сами были голодны».

30 января в Крыму были получены первые сообщения о результатах похода. Нурадын сообщал о нападении на них русских ратных людей, отнятии большого количества полона, гибели в этом бою (вероятно, под с. Городенским) конюшего нурадына, сейменского головы, других мурз и многих татар. 12 февраля вернулся в Крым сам нурадын. Из восьми его ближних людей вернулись лишь двое, остальные были убиты или умерли в походе. Погибло множество татар, пало множество лошадей; ясырь также «многой с голоду и с морозов на степи помер; а которой ясырь и в Крым приведен, и тот ясырь позяб же, без рук и без ног». Сами татары говорили, что в походе из татарского войска погибла треть его.[143]

Московские послы Телепнев и Кузовлев в марте 1646 г. записали в статейном списке о поступлении в Кафу многочисленного русского полона: «многие тысячи» его были отосланы на кораблях в Константинополь, и «многие тысячи» его остались в Крыму.[144] В июле 1646 г. грек Федор Юрьев писал в Москву о 10 тыс. русских полонянников.[145] Но эти сведения были явно преувеличенными. Роспись потерь от татарского набега, составленная по требованию Разряда воеводами, содержит следующие цифры полона и убитых: в Курском уезде — 1647 человек, в Рыльском (в том числе черниговцев и Новгорода-Северского, куда татары также заходили)—4102 человека; всего 5749 человек, в том числе убитых только 20. Роспись не упоминает вовсе о полоне, взятом в Путивльском уезде и в Комарицкой волости. Не можем сказать с полной уверенностью, нет ли пробела в показаниях росписи. Та же роспись указывает цифру полонянников Рыльского, Путивльского и других уездов, освобожденных в с. Городенке (или Городенском) — до 2700 человек. Возможно, что отсутствие указаний на полон, взятый в Путивльском и других уездах, и объясняется тем, что он весь был освобожден. Роспись сама по себе имеет вид документа цельного и законченного.[146] Однако Роспись дает сведения о потерях лишь зимнего похода татар. Между тем татары в 1645 г. производили свои налеты в разных местах московской украйны с весны по ноябрь. Мы не можем произвести исчерпывающего подсчета полона, захваченного в этот период; предполагаем, что он немногим превышал 500 человек. Общее число полонянников, захваченных в течение 1645 г., можно предположительно определять в 6200—6300 человек. В эту цифру включен и полон, взятый за литовским рубежом.

Когда татары начали войну, ни в одном из городов, близких к театру военных действий, не было сосредоточено сколько-нибудь достаточных ратных сил. Воеводы не все еще были на своих местах. Было неясно, кто должен был руководить операциями против татар. Как можно судить из последующих распоряжений Разряда, руководство должно было исходить из двух центров: из Тулы, куда большой воевода кн. А. Н. Трубецкой был назначен лишь 24 декабря, и из Белгорода, куда к кн. Ф. А. Хилкову должны были явиться «в сход» ратные люди из Яблонова, Корочи, Усерда, Вольного и Хотмышска, соединившись войска

---

[143] Белгород. ст. № 203, л. 189.— Белгород. ст. № 208, л. 219.—Белгород. ст. № 209, л. 259—460.— Крым. д. 1644 г., № 6, л. 310.— Крым. д. 1646 г., № 3, л. 23—26.— Крым. д. 1646 г., № 5, л. 11.

[144] Турец. д. 1645 г., № 2, л. 62, 121—122.

[145] Турец. д. 1645 г., № 4 (ненумер.)

[146] Белгород. ст. № 203, л. 604—633.

должны были двинуться к Курску, и там кн. Хилков возглавил бы все операции. Но распоряжение об этом было получено самим кн. Хилковым только 15 января! В действительности получилось следующее. Кн. Ф. А. Хилков 19 декабря вышел на Муравский шлях и «зжидался» там сходных воевод. 20 декабря пришли к нему яблоновский воевода С. А. Измайлов и короченский И. А. Милославский. До 22 декабря ждали они воевод с ратными людьми с Усерда, Вольного и Хотмышска, но, не дождавшись, в тот же день пошли в Курск. Мы не имеем точных данных о численности ратных людей, которых повел с собой Хилков. Можем лишь предположить на основании «сметных книг», что с ним было белгородцев не более 700—800 человек, яблонцев, быть может, не многим более 500 человек, короченских служилых людей — не более 600 человек.[147]

Кн. С. Р. Пожарский явился в Курск 19 декабря. Это было поздно, если учесть быстроту действий татар, но очень быстро, если принять во внимание, что первые сведения о движении татар по Муравскому шляху были сообщены станичниками лишь 18 декабря. В Курск были назначены служилые люди орляне (половина), рыляне, черниговцы, стародубцы и рославцы из Севска, московские стрельцы и, кроме того, должны были притти «в сход» воеводы с ратными людьми из Оскола и Ливен. Ливенский воевода Д. И. Репей-Плещеев пришел к Курску тогда, когда татары уже уходили из войны. Из Оскола был послан стрелецкий и казачий голова С. Протасов и с ним 300 ратных людей, и это, кажется, был единственный отряд, явившийся своевременно на помощь к кн. С. Р. Пожарскому. Когда кн. Пожарский прибыл в Курск, там еще никого не было в сборе, и он мог располагать силами лишь одного курского гарнизона, из состава которого он мог взять в поход едва ли многим более 1500 человек. Тем не менее кн. С. Р. Пожарский смело вступил в борьбу с татарами, не ожидая прибытия подкреплений. Уже 20 декабря в день прихода татар в Курский уезд кн. Пожарский имел с ними бой в деревнях Сныхиной, Костиной, Жеребцовой, где были захвачены «языки» и среди них Эл мурза, сын Би мурзы Урмаметева. 23 декабря он освободил из осады курских уездных людей более 3000 человек, осажденных татарами в Воробженском острожке и в других местах. В этих операциях в Курском уезде участвовал казачий и стрелецкий голова С. Протасов, присланный из Оскола.

24 декабря Пожарский уже сходился с татарами в Рыльском уезде в дер. Сорокине, где имел с ними бой. В Рыльском уезде Пожарский оставался до самого выхода татар из войны, ведя с ними бои и освобождая от них полон. 28 декабря Пожарский имел бои с татарами в с. Городенке и освободил 2700 человек рыльского, путивльского и комарицкого полона. К этому времени туда же подошел кн. Хилков с другими сшедшимися с ним воеводами. Однако лишь С. Измайлов с яблоновскими служилыми людьми принял непосредственное участие в бою, остальные находились в 10 верстах от места боя. Кн. Хилков неправильно сообщал в Москву о том, якобы он также непосредственно участвовал в освобождении русского полона. Видимо, он не пожелал объединяться с кн. С. Р. Пожарским. Из других отрядов русских ратных людей следует упомянуть кн. Ф. Львова, сына путивльского воеводы кн. В. Львова, который 28 декабря, действуя самостоятельно, имел столкновение с татарами в Рыльском уезде в с. Коробьине, а 29 декабря — в селах Шустове и Плотаве. 30 декабря кн. С. Р. Пожарский, вместе с ратными людьми других городов, уже «бил на последние татарские коши, а татар погромил, и полону и языков

---

[147] Белгород. ст. № 203, л. 95—96.— Белгород. ст. № 223 (смет. книги 1645—1647 гг.), л. 26—28, 350—353, 360.

поймал». 31 декабря кн. С. Р. Пожарский вернулся в Курск из с. Городенки с освобожденным от татар полоном.[148]

Какое же участие приняли в действиях против татар другие воеводы? В Мценск к кн. С. В. Прозоровскому должны были сходиться воеводы с ратными людьми из Черни (Ив. Хирин), из Новосиля (Ф. Плещеев), из Севска (П. Исупов). 24 декабря кн. С. В. Прозоровский отправил в поход своего товарища П. Беклемишева на Орел, Кромы и в Комарицкую волость. Ив. Хирин из Черни вышел «в сход» 25 декабря, 28 декабря он пришел в Кромы, куда подошел и новосильский воевода Ф. Плещеев. Лишь 31 декабря эти трое воевод собрались в с. Никольском Курского уезда. Отсюда ходили они в Рыльский уезд на р. Семь и могли убедиться лишь в том, что татар там уже не было. Севский воевода П. Исупов «в сход» не явился совсем. Ливенский воевода Дм. Колтовский вышел в поход лишь 26 декабря. Кн. В. П. Ахамашуков-Черкасский, находившийся в то время на Ливнах в ожидании «размены» послами с крымцами, отправил в поход с Д. Колтовским 360 сотенных ратных людей, сопровождавших его на «размену». Всего с Колтовским выступило 922 ратных человека. 31 декабря по указу из Москвы кн. Ахамашуков-Черкасский отправил в поход еще оставшихся с ним 400 московских стрельцов. Колтовский достиг Рыльского уезда 29 декабря, когда татары уже вышли из войны. 2—3 января все воеводы разошлись по своим городам. Московские стрельцы были возвращены Колтовским с пути.[149]

Когда кн. С. Р. Пожарский сообщил в Москву о приходе татар под Курск и о боях с ними там, в Москве 24 декабря «по вестям» начали составлять новую «роспись» полков и «схода» воевод. В Тулу был назначен «большой воевода» боярин кн. А. Н. Трубецкой. Когда татары «почали воевать курские и рыльские места и Комарицкую волость», стольник и воевода С. Г. Пушкин из Одоева был передвинут с полком в Калугу. Кн. С. В. Прозоровскому было указано итти из Мценска в Курск. На Тулу был назначен «государев двор»: стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы и «дворовые люди» — сытники, ключники, конюхи, стрельцы и др. Кто не мог явиться лично, должен был выставить даточных. Все эти распоряжения запоздали. Два приказа московских стрельцов на 200 подводах, взятых из дворца и «со властей и с монастырей», только ночью 29 декабря прибыли в Тулу, ночью 30 декабря они на подводах же были отправлены в Мценск. Дворяне и служилые люди других чинов отправились из Москвы в поход 31 декабря. Во Мценск же были назначены служилые люди из замосковных городов. Разрядные записи признают, что служилые люди на назначенном месте в Мценске «не были, не поспели, были на Москве». Разряд проектировал поход в Белгород самого кн. А.Н. Трубецкого из Тулы, но поход этот не состоялся, потому что татары из Руси вышли. Все это было слишком громоздким и запоздалым предприятием. Повидимому, понимая неосуществимость похода в Белгород кн. А. Н. Трубецкого, Разряд одновременно или, вероятнее, несколькими днями позднее распорядился, чтобы воеводы из Курска (С. Пожарский), Ливен (Д. Колтовский), Рыльска (М. Лодыгин), Оскола (Д. Плещеев), Яблонова (С. Измайлов), Корочи (И. Милославский), Валуйки (П. Колтовский), Новосили (Ф. Плещеев), Мценска (П. Беклемишев) и Черни (И. Хирин) сходились с белгородским воеводой кн. Ф. Хилковым для

---

[148] Белгород. ст. № 203, л. 31, 203—211, 241—242, 205—208, 412, 443, 513—514, 566, 388, 402—403.— Белгород. ст. № 208, л. 25—26.— Белгород. ст. № 270, л. 786—794.— Белгород. ст. № 223 (сметные книги 1645 г.), л. 190 и сл.

[149] Белгород. ст. № 203, л. 376—379, 191 и сл. 464.— Белгород. ст. № 208, л. 200, 424.— Крым. д. 1645 г., № 15, л. 122—123, 145.

преследования татар. Указ этот был получен кн. Ф. Хилковым только 15 января; к тому времени все воеводы вернулись уже по своим городам, да и татар на Руси не было.[150]

Но преследование татар могло бы состояться и без этих новых распоряжений Разряда. Еще до получения распоряжения Разряда, поручавшего Хилкову организовать преследование отступавших татар, Хилков, судя по его отписке, в то время как воеводы собрались в Курске по возвращении из Рыльского уезда, предлагал им итти вслед за татарами, но воеводы, в том числе и Пожарский, отказали ему, ссылаясь на то, что у них нет о том указа. Даже Д. Колтовский, ливенский воевода, позднее всех явившийся в Курск, также писал, что он де хотел преследовать татар, но другие воеводы не захотели этого делать. Мы не можем судить о том, насколько эти оправдания воевод соответствовали действительности. Дело обстояло так, что на юг, в направлении Белгорода, двинулись Хилков и яблоновский воевода С. Измайлов. Разряд, который брался сам, руководить действиями против татар, запаздывал и отдавал разноречивые распоряжения, не хотел, однако, оставить безнаказанным оплошности воевод и предписал подвергнуть их наказанию — заключению в тюрьму, смотря по вине, на срок от 3 дней до 1 недели. Мотивом заключения в тюрьму был отказ от преследования татар вместе с Хилковым и запоздание явки в назначенное место. Заключение в тюрьму виновных должны были на месте службы осуществить стрелецкие и казачьи головы, осадные головы, иногда губные старосты; отсидев назначенный срок, воеводы должны были попрежнему выполнять свою службу. Указы по этому поводу различались между собой. Так, П. Беклемишеву было поставлено в вину, что он, находясь близко от Курска и от района действий татар, ничего не предпринял. Севский воевода П. Исупов пострадал более других, его посадили в тюрьму и запретили впредь именоваться воеводой, потому что он вообще не пошел «в сход». Посажены были в тюрьму рыльские головы, что татар не преследовали, «чтоб на то смотря иным головам неповадно было воровать». Даже кн. С. Р. Пожарский не миновал той же кары. Разряд сначала распорядился подвергнуть его наказанию в Туле; затем изменил решение и предписал калужскому воеводе А. Д. Тургеневу осуществить эту меру при проезде кн. Пожарского в Москву: «а того б ему беречь накрепко, чтоб кн. Семен Пожарской мимо Калуги безвестно и ночным временем не проехал», а как он отсидит три дня, его в Москву отпустить. А. Тургенев выполнил указ: 29 января он заключил Пожарского в тюрьму, а 1 февраля отпустил его в Москву.[151] Как мы видели, кн. С. Р. Пожарский из большого числа воевод один проявил инициативу и смелость в борьбе с татарами. Он сыграл главную роль в борьбе с татарами, хотя эта роль по планам Разряда отведена была совсем другим лицам. Тем не менее Разряд осудил его на трехдневное заключение в тюрьму. Вместе с тем очевидно, что Разряд ценил боевые качества кн. С. Р. Пожарского и именно его в следующем 1646 г. назначил руководить войсками против ногаев и Крыма со стороны Дона. Несомненно, кн. С. Р. Пожарский обладал инициативой, смелостью и удалью, увлекавшей его в рукопашный бой. Этими же чертами отмечена и его трагическая гибель после битвы с татарами под Конотопом в 1659 г.[152]

Наказание миновало только двух воевод: белгородского кн. Ф. Хилкова и яблоновского С. Измайлова, причем последний даже получил похваль-

---

[150] Дворц. разр. III, 23—27.— Белгород. ст. № 208, л. 180—183, 193, 52—79, 469, 514.— Белгород. ст. № 203, л. 515—516.

[151] Белгород. ст. № 203, л. 446—516.

[152] С. М. Соловьев, кн. 3, с 46.

ную грамоту за то, что вместе с Хилковым он ходил вслед за отступавшими татарами. Энергично протестовал против заключения в тюрьму лишь один кн. Ф. Львов, посланный против татар из Путивля своим отцом кн. В. Львовым. При проверке его челобитной было установлено, что он сражался с татарами 25, 28 и 29 декабря. 30 декабря он соединился с кн. Хилковым и тут «стала у них рознь». Но кн. Хилков отказался от преследования и три дня простоял под с. Городенкою, после чего пошел к себе в Белгород, а С. Измайлов — в Яблонов. Хилков и Измайлов писали, что они преследовали татар, но кн. Ф. Львов метко и верно указывал, что их движение не было преследованием, а возвращением к себе по своим городам, так что похвалы ими не были ничем заслужены. Кн. Ф. Львов действительно ходил вслед за татарами в направлении к Вольному и Хотмышску. У него было слишком мало сил, чтобы вступить в борьбу с татарами. Кн. Ф. Львов следовал за татарами в надежде на выступление кн. Иеремии Вишневецкого, который с 15 тыс. ратных людей собирался в Недригайлове; предполагалось совместное действие против татар, как это предусмотрено было соглашением между московским и польским правительствами. Но Иеремия Вишневецкий выступил из Недригайлова лишь 29 декабря и опоздал по крайней мере на два дня, в течение которых татары уже вышли из пределов досягаемости.[153] Поляки объясняли запоздание сильными морозами. Как бы то ни было, попытка согласованных русско-польских действий против татар снова не удалась.

Детальное исследование двух крупных нападений татар на Русь в 1644 и 1645 гг. с полной ясностью обнаруживает слабые стороны оборонительной системы московской украйны: разбросанность вооруженных сил, медленность их сосредоточения в нужном месте, отсутствие единого и полномочного руководства на месте, которое могло бы заменить руководство Разряда. Особо следует указать, что нападения татар в 1644 и 1645 гг. обнаружили слабые места в не доведенной до конца засечной черте со стороны Муравского шляха, чем и воспользовались татары. Судя по принятым в ближайшие же годы правительством мерам, видно, что оно отдавало себе отчет в дефектах обороны.

< 7 >

Изучение татарских нападений на Русь в 40-х годах обнаруживает, что большие ногаи, за исключением татар улусов Урмаметевых мурз, оставшихся в крымском подданстве, не принимали в них участия. Объясняется это тем, что уже в 1642 г. орда ушла от Крыма к Волге и вновь подчинилась Москве.

Переведя ногаев в Крым и расселив их внутри Крыма, крымское правительство и на этот раз не сумело прочно закрепить их в своем подданстве. В начале мая 1642 г. крымский царь выпустил ногаев на кочевья за Перекоп.[154] Сообщая об этом в своем статейном списке, московские посланники А. Чубаров и И. Байбаков не дают никакого объяснения этой меры. Освобождение ногайских улусов последовало вскоре же после очищения казаками Азова. Быть может, мы имеем и в этом случае повторение тех же мотивов, которые побудили крымцев выпустить ногаев из Крыма в 1638 г. Крым снова переживал продовольственные затруднения; видимо, полуостров вообще при состоянии своего хозяйства с трудом мог прокормить

[153] Белгород. ст. № 209, л. 403—410.
[154] Крым. д. 1640 г., № 19, л. 302.

свое население, и всякое увеличение его вызывало продовольственные осложнения, как говорят русские источники, «дороговь великую». Присоединение к Крыму ногаев (мансуровских, больших и малых) усиливало его в военном отношении, но на полуострове не было достаточных кочевий и достаточных продовольственных ресурсов. Мы уже указывали на выселение из Крыма значительных по численности татарских улусов с начала столетия в степи к западу от нижнего течения Днепра, где и создалась белгородская орда Кантемира. Не мог Крым вследствие этого же удержать за собой прочно и ногаев. Азов снова был во власти турок, казалось, что не было никакого риска представить ногаям свободу кочеванья за Перекопом. Но, выйдя в степи, ногаи ускользнули из крымского подданства и вернулись под Астрахань.

Напомним, что в задонских степях удержалось некоторое количество ногайских улусов, в частности, улусы Би мурзы Иштерекова; здесь же остался ряд видных мурз: кейкуват Янмаметь мурза, самый старший из Тинмаметевых мурз, со своими детьми и братом Юнусом, Салтанаш мурза, виднейший представитель более молодого поколения тех же Тинмаметевых. Правда, эти последние мурзы почти не имели улусов, которые были отняты у них в сумятице предшествующих лет. Но именно такое бедственное положение заставляло их особенно настойчиво добиваться возвращения ногайских улусов из Крыма под Астрахань, постоянно засылать к ним своих людей и призывать их к возвращению.

Одним из первых вернулся к Волге Салтаналы мурза Аксаков (брат Салтанаш мурзы), много потерпевший в Крыму, где ему пришлось быть «в закладах» и сидеть «в крепи». Затем пришли дети Чубармаметь мурзы Тинмаметева, убитого в одном из столкновений с Урмаметевыми, а с ними до 1000 улусных людей. Малые ногаи тормозили возвращение под Астрахань основной массы улусов, но зимой 1642 г. и им удалось ускользнуть к Волге; их численность определяли в 4000 человек, которые могли сесть на коня, и 15 тыс. женщин и детей.[155]

Таким образом, произошло разделение орды Больших ногаев между мурзами Тинмаметевыми и Урмаметевыми. В крымском подданстве удержались Урмаметевы со своими улусами. Большая часть орды снова оказалась на Волге и шертовала московскому государю.

Астраханские воеводы настойчиво убеждали мурз вернуться на их прежние кочевья за Волгу; мурзы отказывались, ссылаясь на страх перед нападениями калмыков и на свою боязнь злых умыслов со стороны едисанских мурз Урусовых и Тинбаевых, остававшихся под Астраханью. Воеводы добились примирения враждовавших между собой мурз, а затем возвращения части ногайских улусов на левую сторону Волги. Но достигнутый успех не был прочным. Калмыки, вместе с алтаульскими татарами, внезапно нагрянули под Астрахань на р. Болду и 19 февраля 1643 г. совершили нападение на ногайские улусы. Против калмыков был послан товарищ воеводы И. Траханиотов с отрядом ратных людей. В это время многие из едисанских мурз изменили, вышли из своих кочевий из-за р. Кутумовы, захватили часть ногайских улусов и соединились с калмыками. И. Траханиотов не смог удержать едисан. Под впечатлением этого погрома ногаи, вернувшиеся на свои старые кочевья, не устояли и снова ушли на крымскую сторону Волги.[156]

Астраханские воеводы немедленно же стали предпринимать попытки к возвращению под Астрахань ушедших к калмыкам мурз с их улусами.

---

[155] АИ, т. III, № 32.— Ногайск. д. 1642 г., № 1, л. 115—117.
[156] АИ, т. III, № 32, с. 82—83.— Калмыц. д. 1643 г., без №, л. 24—46.

От посылавшихся воеводами стрелецких сотников, толмачей, татар и впоследствии от самих мурз воеводы узнали состав улусов и имена мурз, оказавшихся под властью калмыков. К 1646 г. под властью калмыков находились следующие группы татар и мурз: 1. Едисанские мурзы, среди которых старейшим, «начальным» был Аблы мурза Тинбаев. Кроме того, Абдул и Юсуф (иначе — Исуп) мурзы Тиникеевы, Салтанай, Сеитей и Уразлы мурзы Рохмангуловы; с ними было 700 дворов улусных людей; 2. Ногайские мурзы: Салтаналы мурза Аксаков и Каспулат мурза Мамаев (из числа мурз Тинмаметевых); с ними было более 500 дворов улусных людей; 3. Алтаульские мурзы: Салтанай, Шамамет, Араслан, Зорум с братьями и племянниками; с ними до 500 дворов улусных людей. Мы не перечисляем имен всех мурз, оказавшихся под властью калмыков. Некоторые из едисанских мурз, как указано будет ниже, вернулись под Астрахань в конце 1644 г.[157]

Калмыцкие тайши (Эрке и Лаузан) говорили, что едисаны ушли к ним добровольно от притеснений, которым они будто бы подвергались под Астраханью, и что они живут у калмыков «повольно, а не в тюрьме и не в аманатных дворах»; если татары пожелают, то могут уходить под Астрахань, их де никто не неволит. Но, не прибегая к тем мерам, к которым обычно прибегали для удержания татар в повиновении астраханские воеводы, калмыки умели делать это по-своему. В конце 1645 г., когда едисаны и ногаи обнаружили поползновение откочевать за Яик ближе к Астрахани, Лаузан тайша последовал за ними, задержал их, и, взяв ногайцев, «покочевал к Узеням и к Камыш-Самаре, и учали ногайцев крепить, а никуда от себя не отпускают». Тайша Мамсрен «крепил» за собой другую часть ногаев и едисан. Тайши умело противодействовали попыткам астраханских воевод отделить татар от калмыков и вернуть их к Астрахани.[158] Впрочем, попытки астраханских воевод не были совсем безрезультатными. В конце 1644 г. на улусы Янмаметя Янаева пришли «неведомо какие люди» и его улусы повоевали. Выяснилось, что нападавшими были мурзы Рохмангуловы и др., не желавшие допустить возвращения Янмаметя Янаева под Астрахань, что пытался сделать этот мурза. После этой «разгонки» Янмаметь Янаев с сыновьями, братьями и племянниками укрылись в Яицком городке и затем были доставлены в Астрахань; но увести с собой улусов им, повидимому, не удалось.[159]

Под Астраханью оставалась еще часть едисанских татар, численность которых Салтанаш мурза определял в 1646 г. в 1500 чел. Кроме того, под Астраханью держались юртовские татары — до 1000 чел.; что касается юртовских татар, мы ни разу не встречали никаких указаний на их ненадежность и склонность к измене. Но едисаны были ненадежны. Табунные головы едисан откровенно высказывали астраханскому воеводе кн. Б. А. Репнину свою неуверенность в том, что их татары не уйдут к калмыкам в случае нового их прихода под Астрахань: они могут изменить потому, что их родичи кочуют с калмыками.[160] Наконец, ногаи, кочевавшие по крымской стороне Волги, также не были объединены.

---

[157] Ногайск. д. 1644 г., № 1, л. 11—12, 1645 г., № 1, л. 2—9, 12, 17, 21, 37, 38, 56—59, 63—65, 106—107 и др.—1646 г., № 2, л. 90—91.—В документах встречаются и другие показания о численности подчинившихся калмыкам улусов, а именно, что янбулуков было до 700 человек, а едисан и ногаев вместе — до 5000 человек.— Ногайск. д. 1645 г., № 1, л. 102. Здесь, вероятно, указывается число воинских людей.

[158] Ногайск. д. 1644 г., № 1, л. 52, 58—59, 1646 г., № 2, л. 90, 105—106.

[159] Ногайск. д. 1645 г., № 1, л. 40—41, 47, 63—65, 87—89. В Астрахань вернулись: Янмаметь Янаев с сыновьями—Тинмаметем, Салтанашем и Акимбегем, Кантемир мурза, сын кн. Каная, Чин мурза Юсуфов, Каспулат мурза Сеитеев, Мамай мурза Сююнев и Кан мурза Чинмурзин.

[160] Ногайск. д. 1644 г., № 1, л. 14—18.

Часть их (до 5000 человек) находилась на кочевьях под Астраханью, остальные в таком же числе, а может быть и несколько большем, кочевали в степях довольно далеко от Астрахани, ближе к Тереку.[161]

Над татарами, даже находившимися за Волгой, продолжала висеть угроза калмыцкого нападения, ибо калмыцкие тайши не отказывались от намерения подчинить себе не только Больших ногаев, но и Малых. В 1644 г. калмыки под предводительством тайши Урлюка с детьми и внуками с войском более 10 тыс. человек (по другим сведениям, 12 500), в том числе были и татары, находившиеся под властью калмыков, совершили поход за Волгу. Крупные силы во главе с тайшей Эрке пришли 4 января под Терской городок и приступали, впрочем безуспешно, к заречным слободам. 13 января калмыки стояли в 30 верстах от Терского городка в ожидании подхода главных сил, совершавших в то время нападение на черкасские «кабаки» и Малых ногаев. Калмыкам удалось ворваться в расположение черкасских «кабаков», но кабардинские и ногайские мурзы их выбили вон и нанесли им жестокое поражение. В бою были убиты «большой» Урлюк тайша и его дети: Гирейсан тайша, Иргентень тайша и Желдень тайша; два других тайши были захвачены в плен. Из общего числа совершивших нападение калмыков, едисан и енбулуков ушло с бою $1^1/_2$—2 тыс., их потери одними пленными превосходили 1000 чел.[162] Отступление калмыков и их союзников ногаев превратилось в совершенно беспорядочное бегство. Такие сведения о нападении калмыков на Малых ногаев и кабардинских мурз были доставлены в Терской городок русскими разведчиками и подтверждены затем пленными калмыками. Попытка Эрке тайши настигнуть и поразить ногаев, отошедших к Терскому городку, также не увенчалась успехом. Ногаи успели скрыться за Терек в горы к кумыкам за р. Койсу «в крепкие места», а часть отсиделась в Андреевской деревне. Удалось калмыкам захватить лишь отставших 100 дворов.

Отступление калмыков сопровождалось новыми неудачами для них. По совету с терскими воеводами, черкасы и татары преследовали их, настигли и поразили отдельные их отряды. При переправе через Волгу калмыки подверглись нападению астраханских ратных людей и верных Москве татар и потеряли весь полон, захваченный под Терским городком. Калмыков ожидали в том же году новые неудачи. Со стороны Уфы на них были направлены русские ратные люди с уфимским воеводой Л. А. Плещеевым. Сражение произошло в районе среднего течения р. Яика; калмыки потеряли одними пленными 480 человек. Из Астрахани против калмыков выходил воевода кн. Ф. Ф. Волконский. Правда, действия последнего не имели большого успеха, но вместе с предшествующими поражениями калмыков они также сыграли свою роль. Эти неудачи 1644 г. сломили наступательный дух калмыков.[163]

По настойчивым требованиям астраханских воевод, а также по миновании непосредственной угрозы со стороны калмыков, Большие ногаи

---

[161] Ногайск. д. 1645 г., № 3, л. 108—109, 111.

[162] По сведениям, полученным астраханскими воеводами из ногайских улусов в 1644 г., во время похода калмыков в Кабарду погибли, кроме тайши Урлюка, его сын Каресан (выше он назван — Гирейсан) и внуки Урлюка: Серень Елденев, Эргельдей Кересанов (Каресанов) и многие другие «мелкие безулусные тайши». Из общего числа участвовавших в походе калмыков и татар (12 500 человек) погибло до 10 тысяч, которых черкасы взяли в полон или истребили, «заведя в крепкие места» (Ногайск. д. 1645 г., № 1, л. 113).

[163] Ногайск. д. 1644 г., № 1, л. 11—12, 234—235.— Ногайск. д. 1644 г., № 2, л. 13—14.— Ногайск. д. 1645 г., № 1, л. 109—114.— Кабард. д. 1644 г., № 1, л. 74, 153—155.— С. К. Богоявленский, с. 81—82.— Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1662—1664 гг. «Историч. записки», кн. 24, 1947, с. 50.

снова прикочевали к Астрахани.[164] Однако чувство уверенности в своей безопасности уже не возвращалось к ногаям. Осенью следующего 1645 г. в связи со слухами о готовящемся новом нападении калмыков, улусы Тинмаметевых мурз (во главе с Янгурча мурзой Янмаметевым, Салтанаш мурзой Аксаковым и др.), Иштерековых (Би мурзы Иштерекова, Саин мурзы Иштерекова, Чебан мурзы Уразлина), Яштерековых (Карасаин мурзы), т. е. во всяком случае подавляющая часть орды, ушли от Астрахани к Тереку, несмотря на запрещение терских воевод, перебрались на кумыцкую сторону реки и далее за рр. Аксай и Койсу под Тарки.

Орда продолжала неуклонно распадаться; переписка терских и астраханских воевод раскрывает некоторые новые стороны этого процесса. Правительство настойчиво требовало от мурз возвращения к Астрахани. В первые месяцы 1646 г. Тинмаметевы мурзы во главе с Янгурча мурзой Янмаметевым двинулись со своими улусами обратно, но мурзы Иштерековы с их улусами оторвались от остальной орды и остались на кочевьях под Терским городком, не отрекаясь, впрочем, от московского подданства. Чебан мурза, опираясь на поддержку Малых ногаев кн. Муцала Черкасского, с боем захватил часть улусов Янгурча мурзы. Чебан мурза и его союзники, повидимому, ложно обвиняли Янгурча мурзу в изменнических сношениях с калмыками и ему приписывали инициативу вооруженного столкновения. Якобы опасаясь «всякого дурна» от Тинмаметевых мурз, Би мурза, Саин мурза, Чебан мурза и др. Иштерековы мурзы отказались вернуться к Астрахани.

Мы не знаем численности их улусов. Есть указание, что у одного Чебан мурзы было до 1500 улусных людей. Оставшись на Тереке, эти мурзы «заложились» за черкасских мурз, и их улусные люди стали кочевать в отарах последних. Такое объединение Больших ногаев с Малыми ногаями не было новостью. С тех пор как мурзы больших ногаев ушли от Астрахани и некоторые из них приходили под Терской городок, отдельные группы их улусных людей оставались здесь «по вся годы», «закладывались» за терских черкасских князей, мурз и узденей и кочевали с их людьми. Во многих местах по течению р. Терека, по обеим его сторонам они завели свои «пахотные сабаны» и покосы, захватили промыслы. Терские и гребенские жители стали испытывать затруднения от скопления татар по соседству с ними, начались насилия, грабежи и убийства. Ногайские мурзы, поселившиеся по Тереку, вступали в соглашения с кумыками, гарантирующие их улусных людей от нападений и насилий во время выездов на пашни и покосы.[165] Нежелание допустить такое объединение Больших ногаев с Малыми или другими горскими народами прежде всего побуждало московское правительство настаивать на возвращении Больших ногаев к Астрахани.

Столкновения с калмыками, двукратный отход к Крыму, обратное кочеванье, сопровождавшееся тяжелыми потерями, нанесли очевидный и весьма значительный ущерб силе орды. От нее откололись части, довольно крупные по своей численности, которые стали жить каждая своей особой жизнью. Осколки орды не только не имели между собой связи, но обнаруживали стремление к постоянным посягательствам друг на друга. Многочисленные поколения мурз обнаружили явную неспособность поддержать единство орды; напротив, мурзы были погружены в нескончаемую и непримиримую феодальную вражду и борьбу, в жертву которой были принесены общие интересы ногайских улусов. Среди мурз было много

---

[164] Ногайск. д. 1644 г., № 1, л. 138, 151, 181.

[165] Кабард. д. 1646 г., № 1, л. 241—242, 250—255, 266—267, 294—328.— Кабард. д. 1647 г., № 1, л. 7—15, 57 и сл., 65—69, 223—228.

лиц, воинственных и задорных, но не оказалось личности достаточно крупной и сильной, которая могла бы взять на себя задачу объединения ногайских улусов.

В степях между Астраханью и Тереком кочевали ногайские улусы, значительно превосходившие по численности все прочие части орды. Эта часть орды могла бы играть объединяющую роль и иметь вес и значение, соответствовавшие своей еще значительной величине, если бы она была единой. Но она не была объединена даже формально. Со времени смерти кн. Каная в орде не было князя; постепенно умерли или погибли в столкновениях и мурзы, носившие другие ордынские звания; в 40-х годах оставался в живых лишь один из них, кейкуват Янмаметь мурза Тинмаметев, личность довольно незаметная. Московское правительство не считало для себя полезным назначение кого-либо из мурз князем, власть которого символизировала единство орды, и предпочитало иметь дело с отдельными мурзами порознь. Сами же мурзы настолько запутались в своей вражде, что потеряли представление о порядке старшинства и преемстве чина князя, нурадына, кейкувата и тайбуги.

Русские считали наиболее влиятельным среди ногайских мурз в 40-х годах Салтанаш мурзу Аксакова; с ним вели переговоры, приглашали в Москву, привлекали к участию в военных предприятиях, но он не был облечен никакой властью над остальными мурзами и улусами, не находившимися в его непосредственном владении. К тому же среди мурз был ряд лиц, принадлежавших к старшему поколению.

Новое место кочевий орды в степях между Астраханью и Тереком намного уступало заволжским степям, прежде всего, в военно-стратегическом отношении. Оно было открыто для ударов со всех сторон, орда была окружена недругами; ногаям постоянно приходилось озираться на соседей, и ни в ком из них нельзя было найти настоящей опоры. В самом начале 1646 г. влиятельнейший в орде Салтанаш мурза Аксаков, сознавая ненадежность положения орды, обратился к московскому правительству с челобитьем о построении в степях трех городков для защиты ногаев от калмыков, Малых ногаев и крымцев: «А все они недруги»,— замечал мурза. Под защитой этих городков ногаи завели бы пашни, летом кочевали около Астрахани, а зимой у городков. Ногаи не стали бы разбредаться в разные стороны, как это происходило с ними в то время, а твердо удерживались бы под властью московского государя.[166] Описанное состояние орды Больших ногаев объясняет, почему во второй половине 40-х годов они, за исключением Урмаметевых мурз, оставшихся под властью Крыма, не нападали на московскую украйну.

———∞———

[165] Ногайск. д. 1645 г., № 3, л. 86.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАЧАЛО НОВОГО ПЕРИОДА В МОСКОВСКО-ТАТАРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х ГОДОВ. ПЕРЕРЫВ ТАТАРСКИХ НАПАДЕНИЙ

Содержание: 1. Основные предпосылки наступления перелома в московско-татарских отношениях во второй половине 40-х годов. — 2. Строительство Белгородской черты в 40-х годах и изменения в расположении вооруженных сил на южной окраине и командовании ими. — 3. Организация похода на крымские и ногайские улусы со стороны Дона в 1646 г. и боевые операции. — 4. Внешняя политика Крыма во второй половине 40-х годов в связи с внутренней борьбой. — 5. Отражение изменений в ходе борьбы Московского государства с Крымом на дипломатических отношениях их между собой. — 6. Отражение военной обстановки на юге в 40-х годах на правительственной политике и на передвижении населения на южной окраине

< 1 >

Во второй половине 40-х годов обнаруживаются вполне ясные признаки наступления перелома в московско-крымских отношениях и начала нового периода. Страна накопила силы и вышла из тягостного состояния слабости. Мы наблюдаем первые плодотворные результаты чрезвычайных усилий, которые Московское государство на протяжении десятилетия употребляло для укрепления обороны своих южных границ. Строительство новых городов и новой оборонительной черты не без основания тревожило крымцев. Во второй половине 40-х годов попытки татар совершить новые прорывы внутрь страны разбиваются об окрепшую оборону и терпят неудачу. Московское правительство не ограничивается одной пассивной обороной и ожиданием врага вдали от своих пограничных рубежей, оно активизирует всю оборону, выдвигает войска далеко вперед, меняет всю схему расположения полков, оставшуюся неизменной в течение многих десятилетий, а в 1646 г. решается на нанесение татарам встречного удара, которым парализует замыслы новых татарских крупных вторжений. Крымцам пришлось искать иного приложения своей военной предприимчивости.

В сфере отношений международных также произошли изменения, существенно усилившие позиции Московского государства. Прежде всего следует отметить новую политику Польши в татарском вопросе. Правительство короля Владислава не только отказывается от попыток искать опоры в Крыму против Московского государства, что было очень давней традицией в политике польского правительства, но само настойчиво ищет

поддержки у московского правительства против Крыма. Как изложено выше, сношения между московским и польским правительствами по вопросу о союзе против Крыма до середины 40-х годов не привели к заключению такового, хотя и не остались безрезультатными. Была достигнута договоренность о взаимном обмене «вестями» о всех враждебных замыслах татар, и были сделаны первые попытки совместных оборонительных действий против них.

Успешнее пошли переговоры в 1646—1647 гг. В ответ на посольство Г. Стемпковского в 1645 г. в Москву, в следующем 1646 г. в Польшу приехали русские послы, боярин В. И. Стрешнев, окольничий С. М. Проестев и дьяк М. Д. Волошенинов. Целью посольства, кроме обсуждения вопроса о размежевании и других, связанных с осуществлением условий Поляновского мира, было обсуждение польского предложения «о крымском деле». 16 марта на приеме у панов-рады послы подробно изложили точку зрения московского правительства на соглашение против Крыма. Они признали полную целесообразность такого соглашения против «общих неприятелей христианских, бусурман крымских татар», от которых одинаково страдают обе страны. Затем послы кратко упомянули о предшествующих переговорах о союзе против крымцев и обстоятельно рассказали об отношениях Московского государства к Крыму. Ислам Гирей нарушил мирную шерть, данную им царю Михаилу Федоровичу, и послал крымских царевичей на московскую украйну зимой 1645 г. Послы уведомляли панов-рады, что султан Ибрагим потерпел большой урон в войне с венецианцами и указал построить 100 новых каторг «и учал мыслить, какими полоненниками-гребцами наполнить те каторги». Султан дал указ крымскому царю Ислам Гирею «безо всякого мешканья» итти войной на Московское государство и Польшу, «чтобы взять полон на те новые каторги». Пришло время «на крымского поганца для обороны веры христианские востати и против его стати, и промысл над теми бусурманы за их многие грубости и неправды чинити, и на крестиян их, злодеев, не попускати, потому что ныне время тому благополучно». Московский государь посылает на украйну своих бояр с указом помогать королю, если татары пойдут на Польшу. Кроме того, в Астрахань послан стольник и воевода кн. С. Р. Пожарский для действий против крымцев и ногаев, послушных крымскому царю. Послы предложили панам-рады, во-первых, «отпереть Днепр» и разрешить днепровским казакам вместе с донскими казаками воевать Крым; во-вторых, дать гетману приказ быть готовым для действий против татар согласованно с московскими воеводами. Послы указали, что в 1645 г. кн. Иеремия Вишневецкий обещал путивльскому воеводе кн. В. Львову свою помощь, но ничего не сделал. Паны-рады выразили свою радость по поводу предложения московского правительства и обещали доложить о нем королю. Неудачу И. Вишневецкого в 1645 г. паны объясняли только тем, что он запоздал на помощь русским ратным людям «за большими морозами». 18 августа паны-рады сообщили ответ короля. Король «вельми обрадовался» московскому предложению. Гетману Н. Потоцкому, пограничным воеводам и старостам вновь было предписано действовать согласованно с московскими воеводами. Король указал говорить, что он хочет об этом деле ссылаться с царем, чтобы «тая великая мысль и доброхотенье наперед обмышленно накрепко, а не порывчиво зачето и счастливо б выконано быть могло». Однако в текущем году король предлагал ограничиться одной обороной южных границ, «а дальнее большое дело отложити до другие поры», потому что запорожским казакам выйти в море вскоре нельзя «для содержания покою с цесарем турским», а также потому, что их челны и чайки все сожжены. «А на остаток его королевское величество так разумеет, что лутчи тех поганых татар

в то время в Крыме воевать, как они службою цесаря турского разосланы будут». На повторное предложение московских послов «отпереть Днепр» и разрешить днепровским казакам походы на крымские улусы паны-рады отвечали, что король не может решить этого без сейма, потому что ныне у Польши с султаном заключен вечный мир. Паны спросили московских послов, имеют ли они для заключения договора «полную мочь». Послы отвечали, что, раз король отложил решение до сейма, то и говорить об их полномочиях «непристойно». На последнем приеме московских послов паны заявили, что король тотчас же вслед за ними отправляет в Москву своих послов для договора «о соединенье на общего неприятеля на крымского поганца, на басурман...»[1]

Но прошло более года, пока в августе 1647 г. прибыл в Москву польский посол Адам Кисель. При первой же встрече с боярами Адам Кисель поставил вопрос: «воевати ли Крым или боронитца?» По получении ответа король хотел собрать сейм и на нем договор «учинить и закрепить». — Задержка прибытия польского посла объяснялась тем, что в октябре — ноябре 1646 г. сейм отверг военные планы короля Владислава, и мир с султаном был снова подтвержден. Турецкий и крымский послы прибыли в Варшаву еще в марте 1646 г., когда там были боярин В. И. Стрешнев с товарищами. Обо всем этом стало известно в Москве еще до приезда Адама Киселя. Очевидное дело, что вопрос о союзе против Крыма должен был получить совсем иную постановку. Не могло быть речи о наступательном союзе не только против Турции, но и против Крыма; не могло быть речи также о разрешении днепровским казакам выхода в море, против чего самым решительным образом выступили на сейме шляхта и паны.

Зная о действительном положении дел в Польше, бояре при следующей встрече с Адамом Киселем, 23 августа, начали переговоры по крымскому вопросу довольно уклончиво. Желая выяснить подлинные намерения польского правительства, бояре с точностью повторили то, что говорили московским послам Стрешневу и Проестеву в Варшаве паны-рады в 1646 г. Бояре сначала заметили, что войну вообще надо отложить и выждать момент, когда султан окажется в более трудном положении, а пока только обороняться против татар. Адам Кисель тогда предложил обсудить подробности оборонительного союза и тем выдал намерения польского правительства. Но бояре переменили фронт и высказались в том смысле, что бесполезно и отяготительно держать постоянно войска на юге, «и лутчи б де то учинить, чтоб, соединясь и собрався, итти на Крым впрямь». Адам Кисель должен был сознаться, что наступательные проекты короля встретили сопротивление со стороны панов и шляхты: король начал нанимать ратных людей, «и паны де сенатори с служилыми людьми собрались многие и на сойме, как хотели договор учинить, как на турского итти, шляхта де на сойме то дело разорвали, войны всчать не дали»; вследствие этого ратные люди были распущены, израсходованные деньги пропали. Поэтому остается лишь одна возможность оборонительного союза.

Совещание 26 августа было посвящено обсуждению подробностей оборонительного союза. Но бояре и на этот раз возвращались к своему предложению, что лучше бы «изготовясь впрямь итти на Крым». Адам Кисель соглашался с этим, но в данное время считал невозможным наступательные действия. 28 августа думный дьяк Н. Чистой зачитал польскому послу «подлинный ответ» на предложение о союзе против крымцев. В ответе был дан подробный обзор всех предшествующих переговоров о союзе

---

[1] Польск. кн. № 71, л. 141 об.—142, 203 об.—222, 229 об., 286—295, 508, 538 об., 803 об.—807.

против Крыма. Дело затянулось, потому что польское правительство откладывало обсуждение «большого дела» войны с Крымом, ссылаясь на необходимость решения по этому вопросу сейма. Поляки обещали помощь в обороне против татар, но ничего не сделали ни в 1645 г., ни в 1646 г. В 1646 г. гетман Н. Потоцкий лишь сообщил сведения о нападении татар, но и эти сведения оказались ложными, а там, где татары действительно появились, не оказал никакой помощи. Польское правительство было даже не в состоянии удержать запорожских черкас от их «воровских» нападений на русских станичников и торговых людей. Его, Адама Киселя, в Москве ждали еще зимой, как о том писал король, а он приехал лишь следующей осенью. Московское правительство подумало уже, что королю более не нужен союз против Крыма. К тому же известно, что в 1646 г. король возобновил мир с султаном и Крымом и согласился платить казну крымскому царю. В конце концов, имеет ли посол «полную мочь» для заключения договора? Адам Кисель признался, что он имеет полномочия лишь относительно оборонительного союза и должен был сознаться, что мир с султаном действительно заключен, но отрицал соглашение с крымским царем. Все эти переговоры закончились составлением проекта оборонительного договора.[2]

Содержание договора заключалось в следующем: 1. «... Ныне обои великие государи и их великие государства по данному обычаю с крымцами поступать будут, чтоб от нас крымцам никакая причина не была, кроме донских казаков и черкас»; 2. Если орда «не усмиритца», то великие государи «заодно стоять будут» и не будут заключать с Крымом отдельных мирных соглашений, «но в одной думе быти и с собою ссылатися будут»; 3. Гетман и московские воеводы будут действовать согласованно против татар и не будут пропускать их через свои земли; 4. Если со стороны крымцев «еще большая вражда объявитца», король созовет сейм, сошлется с московским государем; они заключат между собой еще более тесное соглашение («сходство») и потребуют от султана запрещения крымцам нападать на оба государства. Если же крымский царь, несмотря на это, все же будет совершать нападения, то обоим государям, «с турским миру не порушаючи», «заодно государства свои боронити»; 5. О заключенном оборонительном союзе поставить в известность крымского царя.[3]

Адам Кисель отбыл из Москвы в сентябре 1647 г., а в октябре в Москву прибыли новые польские послы К. Пац и Г. Тиханович. Предметом их посольства было продолжение обсуждения вопросов размежевания и пр. Послы пытались возобновить обсуждение договора о союзе против Крыма. Что нового хотели они внести в него, мы не можем судить, потому что бояре решительно отказались возвращаться к обсуждению союзного договора: «Говорено де о том много с Адамом Киселем, да как договоренось, так тому и быть». Если послы не хотят утвердить «договорных статей», пусть уезжают ни с чем. Пац и Тиханович упорствовали до самого последнего момента и уже после отпуска у царя, ночью 2 декабря, «свое упорство отставили» и договор «подкрепили».[4]

Таким образом, проект наступательного московско-польского союза против татар, который в 1645 г. выдвигал король Владислав и который еще в 1646 г. был нужен московскому правительству, решившемуся на активные операции против татар со стороны Дона, не мог быть заключен

---

[2] Польск. кн. № 72 (1646—1647 гг.), л. 395, 384, 392, 433—441, 458, 471 об.—476, 494 об.—527, 616—617, 642, 674—675, 714, 740, 812—815.

[3] Польск. д. 1647 г., № 4, л. 4—6 (Список договорных статей, учиненных 15 сентября 1647 г. с Адамом Киселем).

[4] Польск. кн. № 74, л. 123, 145, 162, 171—172, 183—187, 193, 199 об.—200, 231—238, 248—250, 290—291, 311.

в 1647 г. вследствие решительного сопротивления польского сейма. Единственное, на что могло пойти при наличии решительной оппозиции шляхты польское правительство, был союз оборонительный.[5] В 1648 г., когда на Украине поднялось восстание и татары выступили в качестве союзников запорожского войска, некоторые польские деятели, как Адам Кисель, пытались превратить заключенный в 1647 г. оборонительный союз с Москвой в наступательный путем перетолкования смысла его статей и вовлечь, таким образом, московское правительство в происходившую на Украине борьбу на стороне польского правительства против восставшего украинского народа. Эта довольно наивная попытка, конечно, не могла обмануть московское правительство.[6]

Но и в том виде, как сложились московско-польские отношения в 1645—1646 гг., они оказали заметное влияние на поведение Крыма и Турции. Сношения московского и польского правительств о союзе против Крыма не представляли секрета и получили широкую огласку. Мы видели, что московско-польскими переговорами в 1644 г. интересовался турецкий посол в Москве Араслан ага. Позднее о них знали и в Крыму и в Турции. Турецкие и крымские послы прибыли в Варшаву в марте 1646 г., добиваясь подтверждения мира, когда там находились московские послы. В том же году в Константинополь с разных сторон, из Крыма, Молдавии и Венгрии (от Ракочи) стали поступать преувеличенные сообщения о приготовлениях московского и польского правительств якобы к общим наступательным операциям против Крыма и Турции. Сбор русских ратных людей на Дону весной 1646 г. рассматривался в Турции как часть этих наступательных операций.[7] В действительности до этого переговоры между московским и польским правительствами не дошли. Союз был только оборонительным. Из него были устранены всякие намеки на действия против Турции. Тем не менее турецкое правительство серьезно обеспокоилось и с начала же 1646 г. не только прекратило всякие поощрения татарских нападений, но прямо предписало крымскому царю соблюдать мир с соседями.

Восстание Богдана Хмельницкого и начавшаяся затем московско-польская война образуют новый период московско-крымских отношений, подлежащий дальнейшему исследованию.

Таковы были основные предпосылки наметившегося во второй половине 40-х годов перелома в московско-татарских отношениях.

< 2 >

Вторжения татар, начавшиеся тотчас же по освобождении Азова донскими казаками в 1642 г. и достигшие в 1644 и 1645 гг. большой силы,

---

[5] И. Новицкий, не зная о документах посольства А. Киселя в Москву в 1647 г. и стараясь восстановить их ход и содержание по позднейшим материалам, приходит к совершенно превратным представлениям о посольстве А. Киселя в Москву: «В одном только пункте,— говорит автор,— притом едва ли не самом важном, ему (Адаму Киселю) не удалось выполнить желания короля и его ближайших доверенных лиц: Москва и слушать не хотела о наступательном союзе против мусульман...» (И. Новицкий. Адам Кисель, воевода киевский, «Русская старина», 1885, октябрь, с. 208, 211).

[6] Адам Кисель первую статью оборонительного союза толковал в том смысле, что обе стороны обязались прекратить уплату крымскому царю поминок; точнее, он совершенно произвольно утверждал, что договор устанавливал уплату поминок только один раз («ныне» и «посулить»). См. Акты южной и западной России, т. III, № 133 и 134.— И. Новицкий, не зная текста договорных статей (см. цитату выше), как будто признает правильным толкование А. Киселя (там же, с. 216—217).

[7] Турец. д. 1645 г., № 2, л. 178—187.— Греческ. д. 1646 г., № 34, л. 7—8.

откровенные признания ответственных крымских правительственных лиц, князей и мурз в том, что Крым не считает себя ни в какой мере связанным договорными обязательствами, открывали весьма неутешительную для московского правительства перспективу. К тому же турецкое правительство в 1645—1646гг. скрытно поощряло крымцев в их нападениях на Русь. Из самых разнообразных источников в Москву поступали сведения о намерении крымцев продолжать нападения. Об этом показал взятый зимой 1645 г. в плен ногайский Эл мурза Урмаметев. В январе 1646 г. бежавшие из татарского плена рыляне дети боярские сообщали о подготовке татар к набегу весной 1646 г. Из Крыма проникали сведения об обучении черкасами крымских татар стрельбе из пищалей. Выходцы полоняники из Константинополя передавали слух о требовании султана к крымскому царю добыть полон для каторг турецкого военного флота. 5 апреля о сборах татар в поход уведомлял Иеремия Вишневецкий, в мае митрополит Петр Могила извещал о сборе татарской орды на Русь «с великою потугою».[8] Несколько позднее все эти сведения о планах татар были подтверждены донесениями греков из Константинополя и посланников из Крыма.

В самом начале 1646 г. Московское правительство наметило ряд мер в целях предупреждения татарских нападений. Меры эти, помимо завершения строительства новой черты и увеличения численности войск в украинных городах, заключались в следующем: 1) введение новой схемы расположения военных сил по Белгородской черте и установление единого командования ими, 2) увеличение численности донского казачества, 3) организации нападения на ногайские и крымские улусы со стороны Дона, 4) возобновление мирного соглашения с Крымом на новых видоизмененных основаниях.

Остановимся прежде всего на тех переменах, которые начало вводить московское правительство в системе обороны южной окраины с 1646 г. Приемы борьбы с татарами, применявшиеся московским правительством, коренным образом отличались от приемов и способов обороны правобережной Украины. Польское правительство не сооружало сплошных засечных черт, подобных тем, которые издавна создавались по границам Московского государства, не стремилось защитить всей своей пограничной полосы. Оно предпочитало сосредоточение значительных иногда вооруженных сил в одном каком-либо месте, предпочитало крупные боевые столкновения с совершавшими нападения татарами. Польским войскам удавалось иногда одерживать над татарами победы, но эти победы не мешали татарам повторять нападения снова и возмещать неудачу захватом многих тысяч, а иногда и десятков тысяч полона. Если сравнить потери от татарских нападений на Украину и Московское государство в течение всей первой половины XVII в., очевидным становится, что первые во много раз превышали вторые. На протяжении всего изученного нами периода, за исключением годов московского «разоренья», когда оборонительная система не действовала, мы ни разу не наблюдаем случая, чтобы татары уводили из Руси такой многочисленный полон, какой они неоднократно забирали в правобережной Украине. Московская система была тяжеловесней, не приносила значительных побед, но она лучше охраняла украинное население и хотя медленно и постепенно, но неуклонно отодвигала линию борьбы все далее к югу. Построение городов и засечных черт прочно закрепляло за государством все новые и новые пространства, на которые затем шло население и распространялось земледелие. Московская система централизованной организации обороны доказала свои несомненные преимущества.

---

[8] Москов. ст. № 203, л. 116—117.— Белгород. ст. № 209, л. 175, 304, 375.

К началу 40-х годов Белгородская черта еще не была закончена. Татарские нападения 40-х годов обнаруживали в ней еще много слабых мест, которыми татары могли проникать в Русь. Со стороны задонских степей татары чаще всего нападали на Лебедянский и Воронежский уезды. Правда, реки Усмань, Воронеж и Дон мешали татарам производить с этой стороны глубокие прорывы. Но татары любили совершать сюда нападения на многочисленные и довольно крупные села и деревни. Если даже нападения татар из-за Задонья не угрожали внутренним частям государства, местное население само по себе нуждалось в защите. Привычному к борьбе с татарами населению междуречья Дона — Воронежа — Усмани нередко удавалось отбиваться от татар самостоятельно или с помощью конных сотен, присылавшихся из Воронежа. Но этого было недостаточно. Трудность защиты всего междуречья Усмани, Воронежа и Дона зависела не только от того, что здесь еще не было достаточно прочной укрепленной черты (упоминаются лишь надолобы), но и от того, что вся эта полоса, растянувшаяся далеко к северу, не могла быть защищена из одного центра — Воронежа; воронежские ратные люди не могли поспеть всюду и во-время, когда татары одновременно, часто и в один и тот же день, совершали целую серию нападений в разных местах. Еще в более тяжелом положении был Лебедянский уезд, где было к тому времени уже довольно многочисленное население, ряд крупных сел и деревень, принадлежавших частным владельцам. Построенные здесь самим населением острожки давали ему возможность иногда удачно отсиживаться от татар, но борьба с татарами носила распыленный характер. Гор. Лебедянь как оборонительный пункт был очень слаб; его ратные люди редко действовали против татар, нападавших из задонских степей, а чаще, повидимому, против татар, приходивших с запада.

В течение 40-х годов можно отметить лишь одно сравнительно крупное вторжение в Русь со стороны Калмиусского шляха в 1643 г. под предводительством Караш мурзы, но и он предпочел выйти из войны Муравским шляхом. Калмиусский шлях был прикрыт еще недостаточно. Слабым его местом было незащищенное пространство между рр. Т. Сосной и Осколом; да и р. Оскол имела несколько свободных и легко проходимых бродов. Но все же главные удары татар в 40-х годах были совершены по Муравскому шляху: это были нападения Османа Чилибея в 1643 г., августовское нападение татар в 1644 г. на Путивльский, Рыльский и Севский, Карачевский, Кромский и Орловский уезды и зимний поход татар в 1645 г. в Путивльский, Рыльский, Севский и Курский уезды.

Если проследить строительство новых городов и острожков в 40-х годах, то можно заметить, что внимание правительства было направлено на укрепление именно указанных слабо защищенных частей пограничной полосы. В течение 40-х годов было построено 18 новых городов и создано два укрепленных района. В Лебедянском уезде и северной части Воронежского были построены города Сокольск и Добрый (1647 г.) и Белоколодск (1648 г.) с целой системой укреплений; все местное крестьянское население было милитаризовано. Словом, здесь возник новый укрепленный район, образовавший прочное звено новой оборонительной черты. По течению Усмани были построены города Усмань (1645 г.) и Орлов (1646 г.) одновременно со сплошной линией укреплений между рр. Усманью и Воронежем; местное население было также привлечено на военную службу. Таким образом, значительные части пограничной полосы вышли из-под ведения Воронежа и получили собственные новые центры для руководства обороной.

Течение Дона под Воронежем было укреплено новыми городками: Костенск (1642 г.), Урыв (1648 г.) и Коротояк (1647 г.).

Калмиусский шлях был укреплен тремя новыми городами: Ольшанск (1644 г.), Верхсосенск и Царев-Алексеев (Новый Оскол) (1647 г.). В 1647 г. между Царевом-Алексеевом и Верхсосенском был на протяжении 7 верст 538 саж. (в «белгородских» саженях) построен крепкий вал; но этот вал не доходил до Верхсосенска; открытое степное пространство на протяжении 5 верст 5 саж. было заделано начерно надолобами.[9]

Наибольшее внимание было уделено Муравскому шляху. Здесь было построено 7 новых городов: Вольный и Хотмышск (1640 г.), Лосицкий Острог (1641—42 гг.), Карпов (1644 г.), Валки (1646 г.), Болховой (1648 г.) и Обоянь (1649 г.). Таким образом, к концу 40-х годов промежуток между Белгородом и р. Ворсклой был прегражден пятью новыми городами; вперед был выдвинут г. Валки; внутри, на повороте с Муравского шляха на Бакаев шлях, был построен г. Обоянь. В 1646 г. кн. Н. И. Одоевский руководил построением земляного вала между Карповом и Белгородом на протяжении 4 верст. Этот вал не заполнял еще всего промежутка между Белгородом и р. Ворсклой; в 1648 г. одновременно с построением Болхового в обе стороны от него был построен вал на протяжении 8 верст.[10]

Наконец, Комарицкая волость, густое население которой представляло собой сильный соблазн для татар, была в 1646 г. превращена в укрепленный район, причем здесь были построены 3 городка и 8 острожков. Крестьянское население дворцовой «посопной» Комарицкой волости было милитаризовано; по первому набору из крестьян было сформировано 3 драгунских полка (по 6 рот в каждом) общей численностью более 5100 человек.[11]

Таким образом, совершенно очевидно, что наибольшее внимание в 40-х годах было обращено на укрепление Муравского шляха в полном соответствии с тем, что сильнейшие удары татар в эти годы были нанесены в этом именно направлении.

К концу 40-х годов было полностью завершено строительство Белгородской черты, сооружения, несравненно более грандиозного, чем старая засечная черта; последовательно были заполнены все ее звенья; те части ее, которые казались слабыми, были перестроены и усилены. Роспись укреплений 1650 г. изображает уже полностью замкнутую черту от Белгорода до Дона. В 1651 г. кн. Б. А. Репнин досматривал «валовое дело» на всем протяжении от Дона до Карпова. Были и в тот момент участки, которые не удовлетворяли правительства, но в целом сооружение было солидным и прочным. Создавая валы со всякого рода укреплениями на них, правительство усиленно заселяло черту. К началу 50-х годов в городах Белгородской черты, включая «новоотдаточные» от Польши города (Недригайлов, Олешню, Ахтырку), на основании сметных книг можно насчитать более 10 тыс. служилых людей разных категорий. Принимая во внимание семьи служилых людей, а также население, ускользавшее от правительственной регистрации, можно представить

---

[9] Белгород. ст. № 237, л. 417—419.— Белгород. ст. № 292, л. 22—25, 282—285.

[10] Белгород. ст. № 78, л. 92.— Белгород. ст. № 184, л. 109—111, 250.

[11] Севский ст. № 131, л. 270—272, 278—279.— В XVII в. Комарицкая волость была одним из крупных дворцовых владений. В качестве «посопной» волости она платила (по данным 1646 г.) хлеба 4005 четв. ржи и 4995 четв. овса, помимо всяких других сборов и податей (Москов. ст. № 545, л. 53, 70—71). В 1654 г. приказный человек Замятня Леонтьев насчитывал в четырех станах волости 23 села и 69 деревень (Белгород, ст. № 374, л. 216—223). В 1667 г. другой приказный человек, С. Бутиков, насчитывал в Комарицкой волости, вместе с Крупецкой волостью и с. Олешковичами, 68 сел и 160 деревень, слобод и починков. Из этого числа на Крупецкую волость приходилось 4 села, 4 деревни и 1 слободка. Всего мужского населения в Комарицкой волости С. Бутиков насчитывал 21 745 человек, в том числе в Крупецкой волости — 781 (Севский ст. №220).

себе крупный размах всех этих мероприятий, являвшихся прямым ответом на татарскую войну.[12]

В 1646 г. было произведено весьма существенное изменение в расположении полков в украинных городах и в схеме сосредоточения войск из различных городов «по вестям». До 1637 г. включительно расположение полков было следующим: Одоев — Крапивна — Тула — Дедилов — Мценск, и, кроме того, в Рязанском разряде: Рязань — Михайлов — Пронск. С 1638 г. полки еще ближе придвигаются к возобновленной старой черте и располагаются так: Одоев — Крапивна — Тула — Венев — Мценск.[13] В таком стягивании основных боевых сил, оборонявших государство с юга, еще резче выражена мысль о защите центра от татарских вторжений, опасность которых тогда представлялась близкой и весьма вероятной. Но если до половины 40-х годов расположение полков вдали от той линии, где шла непосредственная борьба с татарами, могло быть оправдано, то после того, как строительство новых городов, выдвинувшихся далеко вперед, делало все менее и менее возможным глубокие прорывы татар, такое расположение полков делало эти значительные по численности вооруженные силы лишь безучастными зрителями происходивших впереди боев; татары могли, не подвергаясь риску встретиться с ними, совершать свои набеги. Стало очевидным, что располагать полки по первой засечной черте было нецелесообразно при наличии близкой к окончательному завершению новой укрепленной черты.

В 1646 г. впервые полки были выдвинуты на передовую линию, чтобы можно было встречать татар и давать им отпор раньше, чем они проникнут в глубь страны. Еще 1 февраля этого года состоялось назначение в «большой полк» в Белгород бояр. кн. Н. И. Одоевского и с ним стольников, стряпчих, дворян московских и служилых людей из городов; в передовой полк в Карпов — В. П. Шереметева; в сторожевой полк в Яблонов — В. Б. Шереметева. Но тяжелые на подъем служилые люди помешали осуществлению этого расписания с весны. «По той росписи бояре и воеводы по полком по тем городам не стояли, для того что те города удалели, а стояли по иным городам»: большой полк на Ливнах, передовой в Курске, сторожевой на Ельце. Лишь 14 июня полки были передвинуты на самую Белгородскую черту, как это было предположено 1 февраля.[14] Такое выдвижение полков, кроме ожидания нового татарского вторжения, имело особую причину, заключавшуюся в необходимости усилить охрану работ по завершению строительства черты. Замечательно еще и то, что «по вестям» воеводы городов с ратными людьми — из Орла, Тулы, Новосиля, Мценска, Ливен, Ельца, Оскола, Яблонова, Валуйки, Корочи, Вольного, Хотмышска, Чугуева, Усерда—должны были сходиться в Белгород и поступать под единую команду боярина кн. Н. И. Одоевского, т. е. двигаться вперед, а не назад, как по давней традиции происходил «сход» воевод до сих пор. Таким образом, достигалось сосредоточение в одном месте довольно значительных ратных сил. Разнобой в действиях отдельных воевод, мелкие местнические счеты и соперничество уничтожались назначением «большого воеводы», всякая возможность счетов с которым со стороны воевод украинных городов исключалась. Кроме того, Одоевскому поручено было съезжаться и договариваться о совместных действиях против татар с поляками: гетманом Ник. Потоцким и с воеводою брацлавским и старостою барским кн. Иеремиею Вишневецким. На зиму полки были

---

[12] Белгород. ст. № 317, л. 224 и сл.— Белгород. ст. № 332, л. 217 и сл.— Белгород. ст. № 223 (Сметные книги).

[13] Дворц. разр. III, с. 567—568, 604—605, 625—626, 680—681 и др.

[14] Дворц. разр., III, с. 27—29, 30—31, 35—37.

отодвинуты: большой в Ливны, передовой в Курск, сторожевой в Елец.[15] Такая расстановка полков сохранилась в следующем 1647 г.[16] В 1648 г. полки стояли в Белгороде — Яблонове — Цареве-Алексееве (Новом Осколе).[17]

Можно доказать, вопреки существующему мнению, что старый порядок сбора ратных людей в полках вдоль Заоцкой засечной черты после возобновления черты в 1638 г. и даже после построения новой, Белгородской черты долгое время еще продолжался. В 1639 г. полки стояли в Туле, Переяславле-Рязанском, Веневе, Крапивне, Одоеве, Мценске. Общая численность ратных людей, включая и осадных, достигала почти 28 тыс. человек.[18] Такая же расстановка полков сохранялась и в следующие годы, по 1645 г. включительно.[19] Более того, когда строительство Белгородской черты было близко к завершению и было закончено в 1646 г., ратные люди продолжали собираться в полки по первой засечной черте, хотя и с пропусками некоторых лет, о которых мы не нашли сведений. Так, в 1645 г., одновременно с полками в Туле и других обычных местах, упоминается полк в Белгороде. Одновременно с размещением ратных людей «по местам» вдоль первой засечной черты, они собирались в полках южнее с центром в Ливнах (1647 г.), в Яблонове (1648, 1651, 1652 гг.), в Белгороде (1650 г.).[20] Такое одновременное размещение ратных людей по старым и новым местам напоминает подобное же явление, которое мы наблюдали еще в XVI в., когда вновь возникшие полки «украинного разряда» долгое время существовали одновременно с полками береговой службы. Московское правительство, построив Белгородскую черту, не торопилось отменить сразу привычное сосредоточение войск в полках по их старым местам. Двойная линия обороны лишь усиливала ее, делала ее более глубокой и надежной.

---

[15] Дворц. разр., III, с. 27—29, 30—31, 35—37.

[16] Дворц. разр., III, л. 58—59.— РИБ, т. X (Записные книги Московского стола), с. 358, 371.

[17] Дворц. разр., III, с. 91, 96.

[18] РИБ, т. X (Записные книги Московского стола), с. 190—200.

[19] Ю. В. Готье. Заметки по истории защиты южных границ Московского государства («Исторические известия», кн. II, 1917, с. 50—51): полков не было в 1639, 1642, 1643, 1645 гг.— В действительности полки были: в 1639 г. (см. выше), в 1642 г. (Дворц. разр., II, с. 673, 680—681.— Москов. ст. № 176, л. 280—294); в 1643 г. (Дворц. разр., II, с. 701.— Москов. ст. № 180, л. 1 и сл., 56, 91, 123, 157, 191, 220—232 и др.), в 1645 г. (Дворц. разр., II, с. 752—753.— Москов. ст. № 200, л. 1, 5, 10, 12—13, 78).

[20] П. Н. Милюков (Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого, СПб., 1892, с. 50—51) находит, что устройство новой укрепленной черты уже после 1637 г. делает излишней старую полковую службу; войска ставятся не по полкам, а «по местам»; со второй половины 40-х годов «полковые воеводы» появляются вновь, но уже гораздо южнее (Белгород, Карпов, Яблонов), не всегда доходят до мест назначения или вовсе не приходят.— Ю. В. Готье не находит указаний на сбор войск по старой засеченной черте в 1648, 1649, 1650 и 1651 гг.— Указания, подтверждающие сосредоточение войск там в эти годы, смотри: за 1648 г. (Дворц. разр., III, с. 95—96), 1649 г. (Дворц. разр., III, с. 120.— РИБ, т. X, с. 438, 444, 456—459), 1650 г. (Дворц. разр., III, с. 163, 209.— Москов. ст. № 228, л. 4—21), 1652 г. (Дворц. разр., III, с. 251.— Москов. ст., № 211, л. 94—97, 135—150. Здесь перечислены все обычные 6 сборных пунктов для полков с указанием числа ратных людей в каждом из них).

П. Н. Милюков (с. 50—51) высказывает мысль о том, что вследствие происшедших перемен «дворянская конница оказывается ненужной в собственной своей области, в главной сфере своей деятельности — в «полковой службе». Между тем служилые люди столичных чинов и замосковных городов в течение всего изучаемого нами периода продолжали нести службу не только «по местам» в старых пунктах сбора, но мы встречаем их и в полках по Белгородской черте [см. выше описание татарских набегов в 1647 г., а также см. Москов. ст. № 206, л. 226; Москов. ст. № 206, л. 310—323 (1648 г.); Москов. ст. № 211, л. 57 и сл., 84—97 (1652 г.).

Второй мерой, принятой правительством в 1646 г. против татар, была организация похода со стороны Дона на Крым и улусы ногаев, участвовавших в набегах на Русь. Правительство ставило своей целью отомстить татарам за их постоянное нарушение шерти, т. е. показать крымцам, что оно не оставит без возмездия ничем не вызванное нарушение соглашения, а вместе с тем предупредить новые их нападения. Уже в царской грамоте войску донскому от 18 января 1646 г. говорится о посылке в Астрахань стольника и воеводы кн. С. Р. Пожарского, который, собрав астраханских ратных людей, больших ногаев, едисан, юртовских татар, должен был итти на Дон и отсюда, вместе с казаками, промышлять над Крымом и ногайскими (казыевскими) улусами. Как в этой грамоте, так неоднократно после того в течение 1646 г. правительство предписывало воеводам и казакам с турскими людьми (т. е. с Азовом) задора не чинить, чтобы не вызвать ссоры с султаном.[21] В этом последнем пункте московское правительство попрежнему расходилось с донским войском, которое упорно настаивало на том, что раньше надо разделаться с Азовом, а затем уже приниматься за Крым.

Самой оригинальной чертой организации похода на татар было широкое привлечение к участию в нем вольных и охочих людей украинных городов. В царской грамоте войску донскому от 18 января 1646 г. еще нет указаний на призыв вольных людей, но уже в феврале такое решение состоялось. Путному ключнику Большого дворца В. Угримову и подьячему О. Карпову был дан наказ о наборе вольных и охочих людей в Шацком и Тамбовском уездах.[22] 2 марта было предписано разослать из Разряда воеводам украинных городов указ о беспрепятственном пропуске на Дон вольных людей с товарами, всякими запасами и без них.[23] В марте атаман Петр Красников получил поручение о наборе вольных и охочих людей в городах Пронске, Сапожке, Данкове, Ефремове, Михайлове, Ряжске, Козлове и Лебедяни.[24] Тогда же был дан наказ московскому дворянину Ждану Кондыреву с товарищами о назначении его на Воронеж для сбора там вольных людей и отправлении с ними на Дон. Здесь он должен был принять всех вольных людей, которые придут из других украинных городов, и со своей стороны призывать их на донскую службу. Ему было указано набрать 3000 человек, с ними отправиться на Дон и во главе их участвовать в боевых действиях. В дальнейшем посылка вольных людей на Дон должна была увеличить силы донского казачества и усилить его боевую активность.[25] Жд. Кондырев должен был, явившись на Дон, передать всех вольных людей по спискам казачьим атаманам. Жд. Кондырев должен был следить за тем, чтобы, когда он будет возвращаться на Дон, ни один человек из числа вольных людей не ушел бы с ним обратно. Все они должны были остаться на Дону в распоряжении войска. Правительство не ставило никакого срока пребыванию вольных людей на Дону. Правительство хотело усилить казачество, чтобы оно было в состоянии энергичнее действо-

---

[21] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 1043—1048. О запрещении нападений на Азов, см. также: с. 760 (из наказа Жд. Кондыреву от марта), с. 1082 (из грамоты войску донскому от мая).— РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 38 (из грамоты войску донскому от 8—9 июня) и др.— РИБ, т. X, с. 382—383.

[22] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 492—495.

[23] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 503—505.

[24] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 765 и сл.

[25] Об этом см. статью В. Г. Дружинина.— Попытки московского правительства увеличить число казаков на Дону в средине XVII в., Спб., 1911 (Записки Разряда военной археологии и археографии Военно-исторического о-ва, т. I).

вать против Крыма и ногайских улусов.[26] Войско донское было уполномочено держать в повиновении вольных людей, карать их за непослушание и распоряжаться ими по своей воле и ни в каком случае не выпускать их с Дона. Вольным людям был объявлен указ о послушании во всем войску.[27] По окончании похода на Дону оставлено было до 2200 вольных людей по спискам, а фактически гораздо больше.[28] Московское правительство не снимало с себя ответственности за снабжение увеличившегося численно казачества своим жалованьем, деньгами, боевыми припасами и внимательно относилось к донесениям с Дона о недостатке продовольствия и бедственном положении собранных на Дону людей.[29] Это значительное подкрепление казачеству было дано бессрочно из соображений военных. Интересно, что в то же самое время польское правительство, из соображений политики классовой, всеми мерами старалось ограничить численность запорожского казачества и ослабить его боевую активность. Ни правительство царя Михаила Федоровича, ни долгое время правительство царя Алексея Михайловича не руководствовались страхом или опасением какого-либо глубокого конфликта с донским войском. По ряду указаний документов видно, что правительство согласовало с казачьими атаманами вопрос о наборе вольных людей для службы на Дону и, осуществляя эту меру, проявляло доверие к донскому войску.

С другой стороны, посылка на Дон вольных и охочих людей из украинных городов соответствовала пожеланиям московских служилых людей, которые они высказали еще на земском соборе 1642 г., рекомендуя правительству подкрепить силы казаков, засевших в Азове, за счет вольных и охочих людей украинных городов; службу на Дону вместе с казаками эти служилые люди считали для себя неприемлемой и далекий поход на Дон слишком отяготительным. Зато служилым людям столичных и городовых чинов пришлось пойти на жертвы и перенести большие неприятности, когда правительство осуществило призыв на Дон вольных и охочих людей.

В принципе набор в службу на Дон не должен был затрагивать интересов помещиков и вотчинников. Жд. Кондырев мог набирать в украинных городах от отцов детей, от братьи братью, от дядьев племянников, людей, которые бы не находились ни в холопстве и ни в крестьянстве; из состава крестьянского населения нельзя было набирать тех людей, которые были «в тягле на вытех».[30] Это правило набора применялось в несколько расширенном виде лишь в дворцовых владениях. Так, в Шацком и Тамбовском уездах разрешалось привлекать в донскую службу, кроме вольных и охочих людей, «ис тегла от семейных крестьян детей и братью, и племянников и зятьев, и соседей и наймитов».[31] Нельзя было принимать лиц, находившихся в службе.

На практике набор далеко вышел за пределы этих правил. Жд. Кондырев получил в марте (вероятно, во второй половине) наказ, которым он должен был руководствоваться при наборе вольных людей и в своих действиях на Дону. Вскоре же он выехал в Воронеж вместе с казачьим атаманом Павлом Федоровым. По донесению воронежского воеводы А. В. Бутурлина, уже к 20 апреля Жд. Кондырев выполнил данное ему поручение и набрал 3000 вольных людей, что свидетельствовало об очень сильном притоке

---

[26] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 750—767.
[27] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 933 и сл., 1084—1085. (РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 54, 101.
[28] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 327—364, 734.
[29] См. ниже.
[30] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 751, 793 и др.
[31] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 492—495.

желающих итти на Дон.[32] Многих соблазняла возможность таким путем отведать вольной жизни на Дону. Привлекала также щедрая по тем временам выдача государева жалованья: каждый вольный человек, если он имел собственную пищаль, получал $5^1/_2$ руб. денег, если же он не имел пищали, то получал таковую и 4 руб. денег. Вместе с Жд. Кондыревым двигался из Москвы атаман Павел Федоров. Нам неизвестно, увел ли он с собой вольных людей, помимо тех 3000 человек, которых собрал Кондырев; вероятно, это так именно и было.

26 апреля к Воронежу пришел атаман А. Покушалов и привел с собой до 1000 путивльцев, рылян, курчан, комаричан и небольшое количество черкас.[33] 12 мая на Воронеж привел собранных им в Козлове до 1000 вольных людей атаман Петр Красников.[34]

5 мая донской атаман Иван Каторжный прибыл в Москву и, получив полномочия на набор вольных людей, уехал в Воронеж. Он также увел с собою на Дон собранных им вольных людей; количество собранных им вольных людей неизвестно.[35]

В апреле белгородский воевода кн. Ф. А. Хилков сообщал в Москву, что в Белгород собралась группа черкас, просивших о пропуске их на Дон. В Белгороде был слух о сборах на Дон из пределов Польши до 5000 черкас. Правительство разрешило пропуск на Дон 50 черкас, но озаботилось приостановкой дальнейшего движения на Дон черкас под предлогом недостатка перевозочных средств.[36]

Поток вольных людей прорвал все установленные правительством границы. Яблоновский воевода С. Измайлов писал, что много вольных людей ушло на Дон. Смотря на них, в разных числах марта туда же сбежало 84 московских стрельца. Из числа посланных за ними в погоню 20 стрельцов до половины не вернулось и присоединилось к беглецам.[37]

Гораздо важнее было то, что набор в службу на Дон увлек множество владельческих холопов и крестьян. В апреле 1646 г. стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, испомещенные в Тульском уезде, и туляне дворяне и дети боярские подали государю две коллективные челобитные. 22 марта, писали служилые люди, как шел с Москвы мимо Тулы атаман Павел Федоров с государевой казной, он задержался на Туле на три дня и «велел кликать, чтоб к нему на волю шли наши, холопей твоих, всякия люди старинныя и крепосные и кабальные, и крестьяне, и купленные люди ото всяких людей». И они, «поверя тому», многих служилых людей «разорили без остатку», захватив животы и лошадей, и ушли с атаманом на Дон. Тот же атаман, казаки и уходившие с ним крестьяне и холопы грабили и чинили всякие насилия над людьми и крестьянами, оставшимися за вотчинниками и помещиками. Никогда ранее служилые люди не терпели такого разоренья. Ныне многие из них разорены совсем и службы «отбыли»: «И под Смоленском, государь, строена была ваша государева многая рать, солдаты и драгуны, и казаки донские и яицкие, писали челобитчики, а у нас, холопей твоих, не взяты были ни люди, ни крестьяне, ни один человек. А которые, государь, бегаючи, писались в салдаты, и тех наших людей и крестьян, хто узнал, и под Смоленском отдавали». Челобитчики просили о посылке на Воронеж грамоты воеводе А. Бутурлину и Жд. Кон-

---

[32] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 816.
[33] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 818—819.
[34] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 860, 871.
[35] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 1055, 1110.
[36] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 794—795, 868—869.
[37] Белгород. ст. № 236, л. 159.

дыреву о выдаче беглых холопов и крестьян. Правительство удовлетворило просьбу служилых людей.[38] Принятой меры оказалось недостаточно. Атаман Ив. Каторжный, двигаясь на Дон после Жд. Кондырева и П. Федорова, уже из самой Москвы увел с собой бежавших от владельцев людей и крестьян, а по пути подговорил к побегу «достальных» людей и крестьян тульских вотчинников и помещиков.[39] В мае правительство, уступая челобитьям служилых людей, назначило дворянина Д. К. Мясного для сопровождения атамана И. Каторжного на Воронеж и наблюдения за тем, чтобы он не брал с собой холопов и крестьян, и для задержания беглых на Воронеже до отъезда атамана на Дон.[40]

Еще более драматические события произошли под Зарайском, где производили набор вольных людей атаман Петр Короленок и есаул, сын боярский Демка Кораваев. Помещики и вотчинники разных чинов в коллективной челобитной писали, что множество их холопов и крестьян бежало от них и писалось в «вольные казаки». Собранные Короленком люди расположились станом в лесу в двух верстах от города, откуда с знаменами и барабанами приходили к посаду. Дворяне и дети боярские Роман Селиванов с товарищами, «собрався со многими людьми, стояли нарядным делом», приходили к стану вольных людей, пытаясь удержать и вернуть их. Произошло вооруженное столкновение, в котором были раненые с обеих сторон. Пострадали посадские люди, державшие сторону крестьян и холопов. Дворяне и дети боярские обвиняли посадских людей и атаманов в намерении «старый завод и воровство заводить, как было в межиусобство многих дворян побивали и вешали из башен метали».[41] Служилые люди, конечно, не жалели красок в изображении бедствия, которому они подвергались. В их воображении оживали картины крестьянской войны начала столетия. Они хотели показать правительству социальную опасность принятой им меры. Но, как видно из последующего, правительство не было напугано жалобами помещиков и вотчинников.

Вся масса вольницы стекалась на Воронеж. Воевода А. Бутурлин писал в Москву, что уже после того, как Жд. Кондырев закончил набор 3000 вольных людей, на Воронеж продолжали собираться «многие беглые стрельцы московские, и холопы боярские, и черкасы, и всякие люди изо многих городов...» «Да слух же есть на Воронеже, что идут из Брянска, из Северы и из украинных городов многие же вольные люди...»[42] В другой отписке А. Бутурлин писал о буйном поведении вольных людей. Они приходят к нему «всею оравою с шумом и криком» и предъявляют разные требования. От того «донского отпуска» ему, воеводе, «стало нужно». Уездные воронежские люди «в том отпуске с ног збиты и разорены до основания и бредут все врознь, и город Воронеж будет пуст, потому что отпуск большой, одному городу Воронежу тягость и налога большая стало не в меру. И от вольных людей в городе, и в слободах, и в уезде, и в домех обиды и воровство стало большое...»[43] По 22 апреля ни у одного человека в Воронежском уезде «на поле соха не бывала, пашни все отбыли...»[44]

Попытки Бутурлина под нажимом съехавшихся в Воронеж служилых людей и дворянина Д. К. Мясного добиться выдачи беглых крестьян и холопов встретили решительный отпор. Донские атаманы коротко отвечали,

---

[38] Приказ. ст. № 162, л. 335—341.
[39] Приказ. ст. № 261, л. 176.
[40] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 1086—1096.
[41] Приказ. ст. № 164, л. 306—354.
[42] Белгород. ст. № 212, л. 1в—3.
[43] Белгород. ст. № 212, л. 4—4а.
[44] Белгород. ст. № 209, л. 391—392.

что «им де тех людей не выдавати». 2 мая Жд. Кондырев с товарищами были вызваны А. Бутурлиным в съезжую избу. Служилые люди — воронежцы и туляне, собравшиеся вооруженными, шумели на Жд. Кондырева и его товарищей, бранили их и позорили «всякими неподобными словами». Жд. Кондырев, отговорившись тем, что он действовал в соответствии с данным ему наказом, на следующий же день (3 мая) поторопился выехать на Дон с набранными им вольными людьми.[45] Тот же Бутурлин сообщал, что Ив. Каторжный также отказал в выдаче беглецов: «Хотя де приедет выимать беглых людей сам воевода,— говорил он,— и мы де ему отсечем ухода пошлем к Москве: нам де государев изустной приказ, что боярских беглых людей выдавать не велено». Все местные воронежские ратные люди (стрельцы, казаки, дворяне и дети боярские) «во всем норовят казакам», потому что «сами с ними от беглых людей корыстуютца, и донские казаки им знакомцы и племя». Когда Бутурлин посылал их для отнятия беглых, служилые люди отвечали: «Нам де какое дело беглых людей имать».[46]

Правительство не обнаружило рвения при отыскании и возврате беглых. Меры, принятые им с этой целью, были формальными: оно писало Жд. Кондыреву и Бутурлину грамоты о соблюдении первоначальной инструкции о наборе вольных людей и выдаче беглых крестьян и холопов, разрешило поездку в Воронеж Д. К. Мясного для надзора за действиями Ив. Каторжного и П. Федорова, но ничем более не помогло вотчинникам и помещикам и ни на один день не задержало отправки вольных людей на Дон. Оно торопило набор и отправку вольных людей на Дон и решительно пресекало все попытки А. Бутурлина поставить какие-либо препоны выполнению намеченного плана. Правительство смотрело сквозь пальцы на факты побегов холопов и крестьян от служилых людей и не выразило Жд. Кондыреву ни слова порицания, когда, уже находясь на Дону, он сообщил правительству, что количество собравшихся там вольных людей достигло цифры 10 тыс. человек.[47]

Правительство затратило большие денежные средства на организацию похода (один Жд. Кондырев израсходовал до 15 тыс. руб.) и оплату жалованья вольным людям, на посылку на Дон войску своего жалованья.[48] Когда собравшиеся на Дону ратные люди стали испытывать продовольственные затруднения, правительство организовало отправку туда каравана судов с всякими запасами с воронежцем В. Струковым. 20 сентября В. Струков повел на Дон караван из 84 стругов и дощанников, в том числе 10 стругов боярина Н. И. Романова и кн. А. Н. Трубецкого и жителей их вотчин Лебедянского уезда с разными товарами и запасами. Вернувшись с Дона (в ноябре или начале декабря), В. Струков писал, что к моменту его отъезда на Дону «в войску и по всей реке хлебных запасов, меду и вина, свинцу и зелья, зипунов и шуб, сукон и холстов, и всяких товаров у торговых людей много. Мех муки ржаной осминный купят в полполтины, пшена мех — в 20 алтын, меду пуд — по 20 по 5 алтын, фунт пороху — в 10 денег, свинцу — по 4 деньги. А иные товары добре дешевы, купить некому и нечем. Которые вольные государевы люди на Дону, много бедных, и больных, и нагих, и голодных».[49] Озабоченное положением вольных людей на Дону, правительство предполагало еще до зимы отправить на Дон вторичную посылку своего жалованья в значительно увеличенном размере, но не успело сделать этого до наступления зимы. Оно предписало

---

[45] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 878—882.
[46] Приказ. ст. № 162, л. 549—550.
[47] Москов. ст. № 205, л. 247—248.
[48] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 515 и др.
[49] Белгород. ст. № 235, л. 189—193.

казакам помогать вольным людям из их запасов, обещая присылку жалованья и казенных запасов весной 1647 г., что оно и выполнило.[50]

Остановимся на ходе военных операций в течение 1646 г. Производившиеся с такой оглаской приготовления к походу под Азов и Крым не могли остаться скрытыми от татар. Салтанаш мурза, стоявший во главе татар, входивших в состав войска кн. С. Р. Пожарского, был заподозрен в изменнических сношениях с Азовом и ногаями и взят за пристава. Салтанаш мурза, оправдываясь, обвинял в сообщении сведений о походе Чебан мурзу Иштерекова.[51] Все эти подозрения и обвинения были излишними и ненужными, ибо татары имели уже сведения о приготовлениях к походу на Дон от полонянников, которых они захватывали на Руси и на Дону.

Сделаем обзор операций татар в период подготовки похода. До мая месяца не имеется сведений о татарских набегах. 6 мая небольшая группа татар (11 человек) появилась под Валуйкой. Ратные люди преследовали их на протяжении 60 верст, настигли у р. Айдар, где был взят в плен один татарин. Татарин оказался принадлежащим к улусу Алея мурзы Уракова из Малых ногаев. Весь их улус кочевал по р. Кубани. Еще осенью 1645 г. 15 татар этого улуса пришли под Азов и отсюда с азовцем Мамбетем в качестве вожака ушли в степи и между Доном и Донцом кочевали «на запольных речках». Кочуя, татары кормились рыбой и ели кобылятину. Набег их был эпизодом в их кочевой жизни.[52] 11 мая был замечен переход 400 татар через р. Т. Сосну в Черемхов брод. В тот же день главные татарские силы, более 2000 человек, по определению служилых людей, уже ворвались в Оскольский уезд за р. Ровенку в заровенские деревни, где побили и захватили осколян. Первоначальное количество полона было значительным, но большая часть его была отнята, и в окончательном итоге число полонянников равнялось 35, главным образом женщин и детей из семей служилых людей. Кроме того, было захвачено у 57 служилых людей 211 лошадей, 99 коров и 521 овца. Взятый татарами в полон и вскоре от них бежавший короченец сын боярский Д. Шевелев сообщил, что это были крымцы, общее число их 1500 человек; руководил набегом Касай мурза, цель набега — добывание вестей.[53]

Преследование татар велось ратными людьми разных городов. Из Ливен за татарами ходили голова с конными сотнями и майор Савва Далматов с драгунами, из Оскола воевода Дм. Плещеев, из Усерда — Ив. Чемоданов, из Корочи — Ив. Милославский, из Яблонова — С. Измайлов. Сил этих, при условии дружных и согласованных действий, было бы вполне достаточно для полного разгрома татар. Ив. Чемоданов (из Усерда) и Дм. Плещеев (из Оскола), соединившись, одновременно напали на татар 12 мая «на станах» на р. Ровенке и отбили 12 полонянников. Ив. Милославский (из Корочи) и С. Измайлов (из Яблонова) 14 мая оказались вблизи друг от друга и могли бы действовать вместе: первый — у верховий р. Т. Сосны, второй — подле р. Оскола выше Жестового острожка. Но С. Измайлов не пошел «в сход» с И. Милославским и остановился в двух верстах. Татары, уходившие из Оскольского уезда, имея перед собой одного Милославского, напали на него. Милославский не сумел сохранить боевой порядок и дисциплину в своем отряде. Ратные люди,

---

[50] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 189—190, 203—205, 213—214, 228—231, 411—413 и др.

[51] Ногайск. д. 1646 г., № 2, л. 209—210.— РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 1—15.

[52] Белгород. ст. № 209, л. 357—359, 366—367.

[53] Там же, л. 178—179, 237—244.

среди которых было большинство пеших, самовольно бросились в рукопашную, «съемную» схватку с татарами и понесли большой урон. Татарами было убито и взято в плен 130—140 короченцев—русских и черкас. С. Измайлов, стоявший поблизости, не двинулся на помощь. Как видно, воеводы не извлекли для себя урока из тюремной отсидки, которой они были подвергнуты в начале этого года. Итак, Касай мурза не смог прорваться за р. Т. Сосну, но ускользнул от вполне возможного поражения. На седьмой день захваченные татарами полоняники уже были доставлены в Крым под Керчь в полки крымского царя, где были пытаны и допрошены. Туда же было доставлено 40 полоняников, взятых татарами около того же времени в понизовых городах.[54]

Сильный татарский отряд до 2000 человек в мае же воевал мордовские места. На р. Суре на заставе находились высланные из Атемара голова Т. Порецкий и сотник Н. Власьев с двумя сотнями алаторских мурз, татар и казаков. Т. Порецкий, «чая татар немногих людей», т. е. не подозревая, что перед ним значительные силы татар, пошел за ними в степь, где весь его отряд погиб, частью был изрублен, частью взят в полон. Общее количество взятого в мордовских местах полона определялось в 300 человек.[55] 2 и 5 июня татары до 500 человек дважды появлялись в пределах Белгородского уезда под с. Городищем и дер. Тюриной, похватали на полях и у стад мужиков и ребят 10 человек и ушли тем же Изюмским шляхом, каким и приходили. 13 июня татары (300 человек) появлялись под Яблоновом. В 20-х числах татары силами в 300—500 человек появлялись на р. Т. Сосне и ее притоках, где с ними сражались ратные люди с Усерда.[56] Из событий в июле наиболее примечательным было нападение татар 3 июля на Воронежский уезд одновременно в пяти местах: против Чужевской слободы на р. Воронеже (600 человек), где они были отражены и захваченные ими стада отбиты; к с. Усмани (200 человек), к дер. Шиловой (300 человек), к с. Устью (250 человек), к с. Костенкам (до 1000 человек). Во всех этих пунктах татары не причинили урона ни в людях, ни в чем-либо другом и были успешно отражены. Но 26 июля, придя «украдом» (200 человек) к с. Карамышеву, татары имели успех, захватив в полон 100 человек: была рабочая пора, и погоня за татарами не могла быть организована быстро.[57] Нападения татар на Белгородский уезд и на другие места были совсем незначительными.[58]

Этот обзор татарских нападений в течение 1646 г. говорит о том, что подготовлявшаяся татарами «большая война» не состоялась. По показаниям одного татарского «языка», активные действия русских ратных людей на Дону заставили татар думать о том, «как бы себя уберечь». Совершенные ими в 1646 г. набеги преследовали прежде всего разведочную цель: татар более всего интересовало, не идет ли к Азову московское войско.

Жд. Кондырев с вольными людьми пришел на Дон к Черкасскому городку 27 мая. Он передал атаманам по списку немногим более 3000 человек. Но сам несколько позднее писал в Москву, что всего собралось на Дону более 10 тыс. вольных людей.[59] Кн. С. Р. Пожарский, двигаясь от р. Сарпы с войском, достиг Черкасского городка 15 (по другим известиям 16) июня. С ним было 1700 русских ратных людей, лучшую часть среди которых составляли астраханские конные стрельцы (700 человек) и 2350 ногайских, юртовских и других татар во главе с Салтанаш мурзой Аксаковым.

---

[54] Белгород. ст. № 209, л. 24—25, 127, 153—154, 278—279.
[55] Там же, л. 193—194, 232—233.
[56] Там же, л. 1—2, 6—9, 237.
[57] Там же, л. 196.
[58] Там же, л. 171—173, 184.
[59] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 903, 919.

Кн. С. Р. Пожарский с русскими ратными людьми переправился на правую сторону Дона, остальные расположились на ногайской стороне Дона. Сюда же пришел кн. Муцал Черкасский с отрядом горских черкас, гребенских и терских ратных людей и татар, всего с ним было до 1200 человек. Пришел Би мурза Иштереков с 300 татар. Кн. Муцал Черкасский оставил свои войска на левой стороне Дона.[60] Всего около Черкасского городка, если считать вольных охочих людей и донских казаков, было сосредоточено не менее 20 тыс. вооруженных людей.

Организационные недостатки всего похода заключались в пестром и импровизированном составе войска, но, главное, в отсутствии единого командования. Кн. С. Р. Пожарский среди всех командиров отдельных групп войска занимал самое высокое положение, но официально он не был назначен командующим, который должен был определять действия всех вооруженных сил. Он должен был выполнять данный ему из Москвы наказ, но действия свои должен был согласовывать с казачьими атаманами, Жд. Кондыревым и Муцалом Черкасским. Такое согласовывание действий было делом сложным, и не было достигнуто полностью до самого конца всех операций. Донским атаманам не нравилось, что Жд. Кондырев после передачи им вольных людей, все-таки оставался на Дону с правом начальствования над вольными людьми. Они попытались доказать непригодность Жд. Кондырева для этой цели. В своих отписках в Москву донское войско писало, что Жд. Кондырев человек «нежной», избалованный придворной службой, и он не может вынести тяжести донской службы, в особенности морских походов.[61] Но это разногласие имело второстепенное значение, потому что, как видно из последующих событий, Жд. Кондырев сумел поладить с атаманами и доказать им свою пригодность к перенесению трудностей даже морских походов.

Гораздо важнее было обнаружившееся с самого начала расхождение между планами донского войска и военными планами московского правительства. Кн. Пожарскому и Жд. Кондыреву было предписано воевать с Крымом и ногаями, не задевая Азова и турецких владений. Такой же наказ имели и донские атаманы П. Федоров и И. Каторжный, с которыми московское правительство вело переговоры в начале 1646 г. Однако, когда войска на Дон собрались, среди казачьих атаманов снова возродился их прежний план — покончить в первую очередь с Азовом. В своей отписке, полученной в Москве 31 июля, атаманы доказывали, что крымцы, горские черкасы, темрюцкие и ногайские татары всегда собираются в Азове и отсюда совершают нападения на казачьи городки и на московскую украйну, в Азов приводят русский полон и здесь его продают: «весь, государь, у них съезд и скоп в Азове живет»,—писали казаки. Если на Азов не совершить нападения, то азовцы, соединившись с черкасами темрюцкими и с ногайцами, нападут на казачьи городки во время походов на Крым. А в Кафе, Керчи и Тамани и в других крымских городах живут турские люди, действующие заодно с татарами.[62] Атаман Ив. Каторжный впоследствии, излагая взгляд войска донского, говорил, что над Крымом ничего нельзя «учинить», не учинив сначала «промыслу» над Азовом: «не умеем мы над одним Азовом промыслу учинить, над одним городом, а Крым де государство больши Азовского...»[63] Под Крым, кроме казаков, отказывались итти кн. Муцал Черкасский и Би мурза Иштереков. Принятие предложения казаков ломало весь московский план и ставило кн. С. Р. Пожарского в трудное положение. Развитие операций задерживалось до получения

[60] Ногайск. д. 1646 г., № 4, л. 1—3, 205—215.
[61] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 902, 913—914.
[62] РИБ, т. XXIV (Дон. д., кн. II), с. 913—916.
[63] Белгород. ст., № 235, л. 192.

указа из Москвы: «и стало у него с донскими казаками надвое», казаки зовут его под Азов, а у него нет о том указа. Все последующие боевые действия на Дону вследствие пестроты состава военных сил, недостаточности дисциплины и отсутствия единого руководства не имели планомерности и целеустремленности, хотя не были лишены смелости и энергии.

Донские казаки не стали дожидаться указа из Москвы, да с их точки зрения ожидание и не имело смысла, потому что содержание ответа можно было заранее предвидеть. Казаки попытались осуществить свой план, захватить Азов, пользуясь наличием на Дону военных сил, и поставить вторично, в случае удачи, московское правительство перед совершившимся фактом. Непосредственно подчиненные кн. Пожарскому астраханские стрельцы и татары также настаивали на начале военных действий. Они требовали похода под Крым или под Азов, лишь бы не стоять на месте, потому что бездействовать — «испроесться, и лошади у них исхудали». Спустя три дня донские казаки, несмотря на возражения кн. Пожарского, стали снаряжать струги для похода под Азов. Астраханские стрельцы заявили кн. Пожарскому, что «они де стрельцы, на одном месте стоя, голодом помереть не хотят и идут де они с казаками под Азов», и вопреки запрещению кн. Пожарского и своих голов перебрались на правую сторону Дона.

Точная дата похода под Азов документами не указывается: во всяком случае он был совершен в июне. В нем приняли участие вольные и охочие люди Жд. Кондырева. Пешие люди пошли в стругах числом 500, а остальные (астраханские стрельцы, гребенские казаки, терские ратные люди, уздени и другие люди кн. Муцала) двинулись по берегу Дона «коньми». Соединившись под Азовом, «безвестно на утренней заре» напали они на Азов. Передовые люди проникли в «глиняный город», но были выбиты оттуда стрельбой из наряда со стен «каменного города». Захват Азова с налета не удался. Тогда нападавшие разделились: конные ратные люди совершили нападение на улусы азовских татар, находившиеся недалеко от Азова «в осыпи», «погромили» их, взяли в плен 30 человек, захватили овец с 300, коров с 500, лошадей 30 и на 3—4-й день вернулись под Черкасский городок. Донские казаки и люди Жд. Кондырева в стругах вышли в море, где потопили 3 турецкие каторги, а две со всем вооружением (на них было 30 пушек) и всеми запасами пшеницы, пшена, «давленого винограда» и всяких товаров привели в Черкасский городок. Вернулись они спустя три дня, после возвращения первой части войска.[64]

Несколько дней спустя (также в июне) казаки пригласили кн. С. Р. Пожарского принять участие в новом предприятии, в нападении на улусы ногайских и азовских татар, кочевавших, по полученным ими сведениям, по р. Ее в одном дне пути от Азова. Кн. Пожарский согласился участвовать в новом предприятии казаков, поскольку оно не шло вразрез с данным ему наказом, и переправился со всеми своими ратными людьми на ногайскую сторону Дона. На второй день похода на р. Ее ратные люди встретили «тележную сакму», а вечером настигли ногайские и азовские улусы, состоявшие из 2000 «дворов», напали на них и захватили их целиком: было взято в полон до 7000 человек, захвачено до 6000 коров и до 2000 овец. С этой огромной добычей вернулись обратно. Кн. Муцал Черкасский со своими ратными людьми, донские казаки, астраханские конные стрельцы, «сложась», отняли «насильством» полон и животину у детей боярских, татар и людей Жд. Кондырева, ушли на Кагальник и здесь занялись разделом и распродажей добычи. Кн. С. Р. Пожарский ездил к ним на стан, требовал возвращения отнятой добычи, но безуспешно;

---

[64] Белгород. ст. № 235, л. 192.— Ногайск. д. 1646 г., № 4, л. 217—220.

донские казаки, терские ратные люди и астраханские стрельцы «отказывали ему с бранью и из дву пищалей по нем выстрелили». Астраханские стрельцы, распродав свой ясырь, вернулись на свой прежний стан на крымской стороне Дона. На ногайской стороне остался кн. Муцал и Би мурза Иштереков с их ратными людьми.[65]

Уже в июне из Крыма был отправлен под Азов царевич нурадын с войском, а сам царь «для береженья» от московских и литовских людей пошел к Перекопу.[66] 6 июля «на утренней заре беззвестно» по азовской стороне Дона на кн. Муцала Черкасского пришел крымский царевич нурадын Ният Гирей, а с ним крымских воинских людей 1000 человек и казыевцев Ураковой половины 6500 человек. Нападающие «смяли» кн. Муцала, знамя отбили, а Би мурза Иштереков со своими татарами бежал в степи. Оправившись от первого натиска, кн. Муцал с черкасами, терскими и гребенскими ратными людьми начал биться с крымцами и ногаями. Первыми пришли на помощь кн. Муцалу донские казаки. Затем кн. С. Р. Пожарский, услышав о битве с ратными людьми, «пометався в казачьи струги и в лодки» под Черкасским городком, переправился на другую сторону Дона. Туда же стали прибывать ратные люди Жд. Кондырева. Верстах в трех от Дона начался жестокий «свальный бой», длившийся до вечера. На том бою крымцы и ногаи сначала «пожали» было русских ратных людей, но затем, по мере того, как стали прибывать все новые и новые подкрепления, начали одолевать русские, стали «побивать» татар «из ружья». Крымский царевич принужден был отступить. Его преследовали, но недолго, не далее пяти верст; главный руководитель боя кн. С. Р. Пожарский был ранен из лука в правую руку.[67] По свидетельству донских казаков, астраханские ногаи в бою не участвовали, с крымцами не бились, а «стрелами менялись».

Вскоре после этого боя вернулись под Астрахань ногайские, юртовские и едисанские татары с мурзами Салтанаш мурзой Аксак-Кельмаметевым, Эл мурзой Акмурзиным, Келембет мурзой Ромозановым, Яныбек мурзой Янмаметевым и др. Кн. С. Р. Пожарский объяснял уход татар распространением слухов о приходе самого крымского царя, а сами ногаи тем, что стало голодно для лошадей и «некрепко» стоять от врага в степи.[68]

Наши источники не сообщают полных данных о потерях в этом бою. Салтанаш мурза, участвовавший в нем, говорил о 50 убитых стрельцах. Татарские «языки» впоследствии давали показания, что татарами было захвачено в полон 900 вольных людей; но, вероятно, последняя цифра дает общий итог всех потерь русских в боях с татарами.[69] О потерях в бою татар мы имеем лишь показание одного «языка», который называл цифру убитых «нарочитых» людей 100 человек и раненых 15 человек. Каковы же были потери среди рядовых черных татар, сведений нет.

30 июля и 1 августа перебежали на Дон два татарина из Крыма и Азова и сообщили, что крымский царевич нурадын Ният Гирей и другой царевич стоят на Кагальнике ниже Азова на темрюцкой стороне, а с ним до 5000 че-

---

[65] Ногайск. д. 1646 г., № 4, л. 221—224.

[66] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 312—314.

[67] Ногайск. д. 1646 г., № 4, л. 227—230, 181.—Кабард. 1646 г., № 1, л. 155—161.— Кн. Муцал в своей отписке определяет численность татар, совершивших нападение 6 июля, в 10 тысяч. По показаниям татарского «языка», среди них было азовцев до 1 тысячи, казыевцев — 5—6 тысяч и крымцев — 4 тысячи. Также определял численность татар в бою 6 июля кн. Пожарский (Ногайск. д. 1646 г., № 4, л. 180—181).— Приведенные в тексте цифры взяты из показаний Салтанаш мурзы.— Имя нурадына Ният, очевидно, ошибочно, потому что нурадыном был Казы Гирей Девлет Гиреев сын.

[68] Ногайск. д. 1646 г. № 4, л. 182, 184, 233, 234, 236.

[69] Белгород. ст. № 235, л. 191.—РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), 237.

ловек, что в бою 6 июля много татар перебито и ранено, многие разбежались по своим улусам. Жд. Кондырев, посоветовавшись с кн. С. Р. Пожарским, с товарищем своим М. Шишкиным, с донскими атаманами и вольными людьми, 2 августа ходил на царевичей степью по ногайской стороне. 4 августа на утренней заре русские напали на татар, многих побили, взяли «языков» 207 человек, сбили татар с их станов, захватили палатки, шатры, царевичеву постель и карету. Так перечисляли трофеи Жд. Кондырев и кн. Муцал. Сообщения из Крыма подтверждают, что нурадын потерял в этом бою шатры и коши. Однако на помощь царевичу к месту битвы стали прибывать азовские и темрюцкие татары с пушками. Число татар конных увеличилось до 8000 и пеших—до 2000. Русских же ратных людей всего было 7200 человек, причем главную часть из них составляли пешие люди Жд. Кондырева и донские казаки (6000 человек), остальные были ратные люди кн. Пожарского и кн. Муцала (900 человек), дети боярские, донские татары и пр. (300 человек). Русские ратные люди вынуждены были отступать «отходом» под непрерывным натиском татар и пушечным обстрелом. Со стороны татар «напуски были жестокие». Татары шли «около государевых людей» весь день до Койсуги реки. С темнотой преследование прекратилось. «И отошли государевы люди до Черкасского городка с нарядом здорово»,—писал в своей отписке в Москву Жд. Кондырев. К Дону пришли 6 августа. Очевидно, отступление происходило в тяжелых условиях и с потерями. Только одни стрельцы потеряли убитыми до 200 человек. Русские были вынуждены уничтожить часть добычи и перебить почти всех взятых в плен татар. Но и нурадын, вернувшись к Азову, посылал в Крым просить помощи, потому что с ним людей осталось мало, а те, что остались с ним, погромлены и голодны; запасов нет, поели лошадей. Царь не оказал помощи. Турки же прислали в Азов жалованье ратным людям, пушки, пушечные и хлебные запасы.[70]

Этим походом на татарские улусы не закончились боевые действия русских войск. Жд. Кондырев сделал попытку выполнить правительственный указ о нападении на самый Крым. Со своими охочими людьми и частью донских казаков (в сентябре) он вышел в море на 37 стругах по 50—60 человек в каждом из них. Плыли к крымскому городку Роботку (Арбаток), но, выжидая ночного времени для нападения, флотилия должна была простоять целый день в море. Тем временем началась буря, струги были сорваны с якорей и разметаны по морю в разные стороны. Три дня буря носила струги по морю и вынесла к Бирючьей косе. Пять стругов было разбито о прибрежные скалы, люди из них собрались и разместились в уцелевших стругах. За непогодою стояли на одном месте 10 дней. Решено было поход прекратить, так как крымцы уже заметили русских ратных людей и с берега следили за их действиями. На возвратном пути за непогодой простояли у Нижних Берд еще 8 дней и у Кривой косы 5 дней. На пути к Таганрогу буря снова разнесла струги, а когда стихло, не досчитались струга атамана Петра Красникова. Служилые люди с шумом требовали возвращения, так как «многие люди с голоду померли, а многие разбежались». У самого устья Дона ветер занес струги на отмель, где 9 из них «осушились». Около этих стругов произошел бой с татарами. Кончилось дело тем, что казаки сожгли струги. Когда струги плыли «протокою» Каланчею, азовцы с самим азовским беем Мустафою, крымцы, ногайские и

---

[70] Москов. ст. № 260, л. 301—303.— Крым. д. 1644 г., № 6, л. 311—316.— Кабард. д. 1646 г., № 1, л. 351—359.— Татары, вернувшиеся из похода под Азов в Астрахань, на допросе их воеводой кн. Б. Репниным показали, что нападение на царевичей все же принесло ратным людям добычу; сумму, вырученную от ее продажи, делили на участников похода, причем на каждого досталось по 6 алт. 4 д., а всего участников, по показаниям татар, было до 9000 человек (Кабард. д., 1646 г., № 1, л. 367—370).

азовские татары и янычары «зарубили на берегу тарасы и поставили наряд», чтобы помешать проходу стругов. Миновать это место было нельзя. Ратные люди вышли из стругов на берег и его «очистили»; татары не выдержали рукопашного боя. Струги после того беспрепятственно достигли 4 октября Черкасского городка. Атаман П. Красников, отбившиеся со своим стругом в море, несколько позднее также вернулся на Дон.[71]

Оценивая исход всего предприятия, атаман Ив. Каторжный особенно резко отзывался о низких боевых качествах собранной на Дону вольницы: «А от вольных людей и впредь не чаеть службы и никакова промыслу, потому что многие люди зерщики и тобатчики, проигрывают государева казенное ружье и запас. Где де им государева служба служить! А они де многие и за пищаль не умеют приняться, не токмо что стрелять. Только де государьству безчестья такие воины». Необходимо присылать на Дон настоящих ратных людей с воеводами.[72] Атаман забывал о том, что донское казачество само было сильно только этой же вольницей и лишь при ее поддержке могло осуществлять свои походы. Для оценки роли вольницы в походах 1646 г. интересно суждение Жд. Кондырева, который писал в Москву, что без вольных пеших людей кн. Пожарскому и кн. Муцалу Черкасскому невозможно было бы совершить всех действий, которые были осуществлены на Дону: «на такие дела и помыслить (было) не уметь».[73]

Среди столь быстро набранной вольницы были, разумеется, непригодные к службе люди. Но следует выслушать суждения самих вольных людей о положении, в котором они оказались на Дону. В августе—сентябре вольные и охочие люди отдельными группами начали уходить с Дона на украйну. На Воронеж пришло, например, 160 воронежцев, ельчан, козловцев и алаторцев. Они показали, что их «голод взял большой». На бою они захватили добычу, а казаки все у них отняли. Они просили у войска разрешения послать в Москву челобитчиков о своих нуждах, казаки вместо разрешения «из вольных людей многих казнили смертной казнью». Тогда вольные люди стали расходиться. Вернувшиеся с Дона белгородцы сознавались, что они ушли «самовольством», гонимые голодом. Вернувшиеся на Ливны вольные люди ссылались на слова Жд. Кондырева: «мне де до вас дела нет, куды хотите, туды и подите». А. Бутурлин писал в Москву, что вольные люди вышли с Дона «больные и перепухли, скудны, наги и босы», многие умерли в пути.[74] Положение вольных людей на Дону было тяжелым, бесправным и, в отдельные периоды, необеспеченным самым необходимым. Тем не менее основная их масса удержалась на Дону в течение всего периода военных операций, а немалая их доля осталась на Дону и по окончании похода.[75]

Беспристрастная оценка результатов действий ратных людей со стороны Дона должна быть иной. Московские посланники Т. Караулов и Г. Акишев, находившиеся в то время в Крыму, слышали, что крымский царевич под Азовом потерпел поражение и усиленно просил у Ислам Гирея помощи, но царь ему в том отказал, потому что беспокоился за безопасность самого Крыма. Ислам Гирей с 30 тыс. татар летом этого года, охраняя Крым, вышел к Перекопу, а затем к Молочным водам. Одновременно на Перекопе сооружали ров. Боясь измены Больших ногаев улусов Урмаметевых, царь загнал их в Крым к Перекопу, а жен и детей их роздал по крымским селам и дерев-

---

[71] Белгород. ст. № 228, л. 146—154.
[72] Белгород. ст. № 235, л. 192—193.
[73] Москов. ст. № 205, л. 248, 250.
[74] Белгород. ст. № 217, л. 31, 44—50, 65—67, 75—82.
[75] Белгород. ст. № 235, л. 192—193.

ням. Озабоченный положением Азова, царь призывал Малых ногаев Касаевой половины и кабардинских мурз на помощь.[76]

Сведения о движении русских войск на Дон дошли до Константинополя и вызвали там сильное беспокойство. Уже в мае послы Телепнев и Кузовлев узнали о получении турецким правительством сообщения от азовского бея о сборе русских ратных людей на Дону. Такое же сообщение, по словам пристава Резепа, было получено от крымского царя. Следствием этих сообщений была задержка обратного отпуска из Константинополя Телепнева и Кузовлева и резкая перемена в обращении с ними. Визирь объявил послам, что задержаны они потому, что московский государь явно доказал свою к султану «недружбу, присылая де под Азов к донским казакам своих государевых ратных людей». При первых встречах с послами визирь отрицал причастность турецкого правительства к татарскому нападению на Русь зимой 1645 г., а на приеме 1 июля неожиданно заявил, что крымскому царю было поручено оберегать владения султана и что поход его на Русь был ответом на морские походы донских казаков. Кроме того, из Москвы неисправно присылают в Крым поминки. Послы не преминули указать визирю на противоречие его последнего заявления прежним. Султан, принявший послов в тот же день, был еще менее сдержан и на упрек послов отвечал: «Я де крымсково не отпираюсь,— в моем повеленье, да чево де не велю делать, и он де меня слушает». Условие мира между ним и московским государем, по словам султана,— прекращение казачьих нападений.[77]

В декабре 1646 г. в Константинополь прибыл из Москвы переводчик Ф. Черкасов. 12 декабря на третьем приеме гонца вместе с Кузовлевым визирь угрожающе заявил, что если московское правительство не будет попрежнему присылать в Крым казны, не выведет казаков из Черкасского городка и самого городка не разрушит, то впредь спор между ними будет решен оружием. На требование посла предписать Ислам Гирею вернуть безвозмездно весь захваченный полон и возместить нанесенный Московскому государству в течение 1645 г. ущерб, визирь с раздражением отвечал: «Те де враки отставьте на сторону»; если бы московское правительство нуждалось в содействии султана против Ислам Гирея, то оно давно должно было бы обратиться с такой просьбой к султану, но оно само решило рассчитаться с крымским царем, что очевидно из действий русских ратных людей на Дону: «а то де вы собою управливаетеся», сказал визирь.[78]

Все эти заявления султана и визиря Аззем паши свидетельствовали о том, что они не считали нужным более скрывать своей причастности к татарским нападениям на Русь в 1644 и 1645 гг. То, о чем московское правительство могло лишь догадываться и узнавать из сторонних источников, раскрылось теперь вполне.

Действия русских войск на Дону в течение 1646 г. не были во всем одинаково удачными, но основной своей цели они достигли. Крымцы прекратили свои нападения, их намерение совершить новый большой поход на Русь не было осуществлено. Произошло это не только вследствие того, что сами крымцы были напуганы и ждали прихода русских ратных людей на Крым, но и потому, что турецкое правительство предписало Ислам Гирею прекратить нападения на Русь и Польшу и держаться оборонительно. Сами турки готовились к обороне.[79] Терские воеводы получили сведения о том, что приблизительно в октябре 1646 г. султан прислал в Азов

[76] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 145.— Крым. д. 1646 г., № 6, л. 314—316.— Кабард. д. 1647 г., № 1, л. 207—209.
[77] Турец. д. 1645 г., № 2, ч. 1, л. 126—127, 130—168, 178—187, 223, 228.
[78] Турец. д. 1646 г., № 2, л. 133—154, 99—106.
[79] Турец. д. 1645 г., № 2, ч. 1, л. 185.

указ для разглашения его «во всех бусурманских странах, которые турскому царю послушны, чтоб они шли все в собранье к Азову». Далее в указе султана говорилось будто бы о намерении его самого итти под Москву, а крымскому царю под Астрахань и Терской город.[80] Призыв малых ногаев и горских народов на помощь Азову подтверждается таким же обращением к ним Ислам Гирея. Проект же похода под Москву султана Ибрагима относится к области фантазии. Кроме полнейшей неспособности к такого рода предприятиям самого султана Ибрагима, турецкое правительство находилось в то время в слишком тяжелом положении, чтобы начинать крупные военные операции против Московского государства. Течение войны с Венецией из-за Крита было неудовлетворительным. Венецианцы распространили войну на Далмацию, где турки терпели неудачи. Мальтийские пираты хозяйничали на Средиземном море. Известия о приготовлениях к войне Польши в союзе с Москвой — так представляли себе дело в Турции — были чрезвычайно неприятны турецкому правительству. В июле 1646 г. от грека Ф. Юрьева из Константинополя было получено в Москве сообщение о сильном беспокойстве в турецких правительственных кругах в связи с военными приготовлениями поляков и русских. Грек сообщал, что у турок великий страх, у них враги повсюду, не знают, куда направлять войска.[81] Мир с Польшей и Московским государством в то время был для Турции настоятельно необходим. Отсюда проистекали неоднократные указы султана крымскому царю в 1646 г. и следующих годах о сохранении мира с соседними странами.

< 4 >

Итак, внешняя политика Турции в отношении Польши и Московского государства после событий 1646 г. руководствуется желанием сохранить с ними мир. Операции русских ратных людей со стороны Дона в 1646 г. турецкое правительство восприняло как новую угрозу Азову и свое внимание сосредоточило на донском казачестве, добиваясь его ослабления. Действия турецких войск против казачьих городков имели своей целью сбить казаков с нижнего течения Дона и, таким образом, отодвинуть непосредственную, как казалось туркам, угрозу Азову. Вся совокупность фактов, относящихся к борьбе на нижнем течении Дона во второй половине 40-х годов, затрагивает проблему московско-турецких отношений. Официально турки боролись лишь с казачеством. Также официально московское правительство заявляло о своей непричастности к действиям казаков и от них отмежевывалось, но фактически энергично и последовательно поддерживало казаков не только продовольствием, припасами и деньгами, но и своими ратными людьми, о чем турецкому правительству было известно.

Приведем лишь основные факты, относящиеся до положения дел на Дону в интересующие нас годы. К концу 1646 г. соотношение сил на Дону было благоприятным для донского войска. В течение ноября и декабря 1646 г. казаки дважды ходили на взморье под Азов, удачно бились с татарами и захватывали «языков». За неделю до Николина дня (весеннего) казаки ходили в поход в степи на Миус и Калмиус до взморья, где обычно кочевали татары, и нигде их не видели и не встретили. От «языков» казаки собрали сведения, что в Азове людей мало. Ногаи в Азов не идут, боятся осады

[80] Кабард. д. 1647 г., № 1, л. 207—209.
[81] Турец. д. 1645 г., № 4 (ненумеров.), — Jorga, IV, с. 14—15, 32—33, 48.

и откочевали далеко по р. Кубани. У азовцев одна надежда, что султан пришлет в город подкрепление; без этого они не надеялись удержать его. Атаман Петр Красников, сообщавший в Москву эти сведения, писал, что, если на лето будут присланы на Дон государевы ратные люди, то Азов будет потерян для турок.[82] Весной 1647 г., в первых числах апреля казаки совершили удачное нападение на крымские улусы под Темрюком и на Арбаток со стороны моря.[83]

Положение дел резко изменилось с лета 1647 г., когда турецкое правительство прислало в Крым и Азов военные подкрепления. В июне казаки на 33 стругах ходили «на государеву службу на море на крымские села и деревни». Буря разбила 16 стругов и выбросила их на черкасскую сторону. Темрюцкие черкасы захватили струги, а казаков частью истребили, частью взяли в плен. Остальная часть казаков с тяжелыми боями и потерями пробила себе путь через гирло Дона.[84] 19 июля азовский бей Мустафа с азовцами, ногайскими и крымскими татарами и темрюцкими черкасами, придя полем, осадил Черкасский городок. Казаки отбили приступ. 28 июля Мустафа бей повторил натиск, действуя и с суши и со стороны реки; осаждавшие располагали артиллерией; приступов было несколько. И на этот раз казаки не только отсиделись, но по отражении приступов смело преследовали турок и татар, захватили у них много судов, многих перебили и переранили, взяли «языков». Однако турки не прекратили нападений. Как писали в Москву казаки, и после того у них были беспрестанные бои с турками и татарами. В этих кровопролитных боях казаки истощили силы и, в конце концов, отчаялись без вооруженной помощи удержаться в своих городках. В отписках в Москву, начиная с осени 1647 г. по март 1648 г., войско донское настойчиво просит помощи, ибо, очевидно, турки поставили себе целью казаков всех истребить и очистить Дон до Воронежа. Казаки сознавались, что держать им реки «не в силу и не с кем». У казаков не стало мочи охранять государеву казну и «жить стало не в силу. И будет государю река годна и впредь прочна, и великий бы государь велел им свой государской указ учинить, где им жить». В Посольском приказе расспрашивали донских станичников, какая им нужна помощь. Казаки отвечали, что «государским де жалованьем, хлебными и пушечными запасы они не скудны, а скудны де они людьми».[85] Правительство оказало казачеству и эту помощь. На этот раз оно не стало привлекать вольных и охочих людей из украинных городов, а отправило на Дон дворянина Андрея Лазарева, с ним до 1000 вновь набранных солдат с соответствующим числом командиров — майором, капитанами и поручиками. А. Лазарев прибыл в Черкасской в октябре 1648 г.[86] Прибытие войск на Дон прекратило дальнейшие попытки турок сбить казаков с нижнего течения реки.

Ожесточенные схватки на Дону в течение 1647 г. были только эпизодом в истории московско-турецких отношений. Крымцы участвовали в борьбе с казаками ничтожной частью своих сил. Вся внешняя политика Крыма и его военная деятельность не могла быть сведена и подчинена борьбе с казаками, борьбе кровопролитной и ничего крымцам не приносившей. Крымская политика и в изучаемый нами период не укладывалась в русло турецкой политики. Мотивы этой политики слагались и созревали внутри самого Крыма, независимо и вразрез с указаниями турецкого правитель-

---

[82] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 584—587.
[83] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 675—676.
[84] РИБ, т. XXVI (Доп. д., кн. III), с. 767—769, 776—777 и др.
[85] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 769—775, 786—797, 811—819, 825—830, 839—842.
[86] РИБ, т. XXVI (Дон. д., кн. III), с. 856—858, 863—864, 1016—1017.

ства. События внутренней жизни Крыма в течение 1647 г. и последующих лет обнаруживают это с полной ясностью.

Сведения о внутренней борьбе в Крыму мы извлекаем из статейных списков московских посланников и их донесений в Москву. На основании всех этих данных можно утверждать решительно, что в поведении крымского царя Ислам Гирея не было ничего двусмысленного. Он упорно отстаивал интересы партии дворовых людей. Ислам Гирей был не первым крымским царем, пытавшимся привести себе в холопство крымских князей и мурз, и он, так же как и его предшественники, потерпел в этом неудачу. Борьба шла за власть, за руководство внешней политикой, за распределение военной добычи. Ислам Гирей пытался также вести политику в соответствии с указаниями турецкого правительства. Ему не удалось достичь ни того, ни другого. В. Д. Смирнов называет Ислам Гирея царем воинственным, в войне «счастливым» и приписывает многочисленные походы крымцев в его правление его инициативе. На основании данных русских источников мы приходим к иному выводу, а именно, что внешняя политика Крыма при Ислам Гирее развивалась под сильнейшим давлением крымской знати и что царю не оставалось ничего иного, как следовать курсу, установленному крымскими феодалами.

В 1645 г. столкновения между придворной партией и крымскими князьями и мурзами окончились временным компромиссом: боровшиеся партии помирились на почве организации похода на Русь. В течение 1646 г. угроза извне приглушила дальнейшее развитие конфликта. Но в 1647 г. он выступает перед нами в таком виде, как будто бы он никогда не был улажен. Московские посланники Караулов и Акишев сообщают, что 20 марта 1647 г. Ислам Гирей обратился к султану с жалобой на «непослушников» мурз Ширинских, Чиживутских и Даирских, что они у него «в холопстве быть не хотят» и чтобы султан «велел их привести к нему, царю, попрежнему в холопство». Ислам Гирей сам придумал способ привести их к покорности: он просил султана вернуть в Крым мурз Мансурова родства, давних врагов крымских князей и мурз, спасшихся в Константинополь от истребления их при царе Бегадыр Гирее. Ислам Гирей хотел использовать их против непокорных князей и мурз и сделать их «чиновными людьми». Далее посланники записали в статейном списке, что, узнав об этом плане царя, от него бежал кн. Мангитский Супхан Газы, занимавший один из придворных постов. Супхан Газы сообщил мурзам Ширинским, Чиживутским и Даирским о приглашении из Константинополя мансуровских мурз и намерении царя истребить своих врагов. Под 17 мая записано сообщение о бое между царем и мурзами (в том числе Урмаметевыми), происшедшем за Перекопом. С обеих сторон было много убитых, но исход боя был неопределенным. Затем мы узнаем, будто бы муфтий и афендеи помирили царя с мурзами на том, что царь сменит ненавистного мурзам Ромозан агу и не будет мстить им за мятеж. Однако мурзы царю не поверили и к нему не пошли, а разошлись по своим домам.

27 мая в Бахчисарай явилось четверо мансуровских мурз — Кая мурза с товарищами. Ислам Гирей решил, видимо, сломить сопротивление князей и мурз. Кая мурза получил назначение на место Супхан Газы кн. Мангитским, Ромозан ага был отставлен, но замещен не тем лицом, какого желали бы видеть на его месте князья и мурзы: Ислам Гирей назначил ближним человеком Магмет агу, бывшего до того конюшим князем, а большим казнодаром —Араслан агу, занимавшего уже эту должность раньше, при Ислам Гирее.[87] 5 июля сам царь, калга и нурадын двинулись с вой-

[87] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 329, 238.— Крым. д. 1644 г., № 5, л. 106.

ском и пушками против Ширинских, Чиживутских и Даирских мурз. Мурзы, покинув свои семьи, бежали за Перекоп в ногайские улусы и послали султану жалобу на насилия царя и требование о его смене. Действительно, из отписки московского посла из Константинополя Кузовлева мы узнаем о приезде в это время туда и длительном пребывании в Константинополе кн. Кутлуши Ширинского и Султан Билея мурзы Аргинского. Посол узнал о жалобе мурз султану, что от «налог» царя кн. Менгли Гирей Ширинский, кн. Тугай Аргинский (?), Сеферь Газы ага и с ними 30 мурз вынуждены были бежать из Крыма.[88] В начале августа от султана прибыл чауш с поручением выяснить причины ссоры. Решения султана мы не знаем; полагаем, что оно было для мурз неблагоприятным, потому что Ислам Гирей применил против мятежных князей и мурз еще более сильное средство: он отдал деревни, входившие в бейлыки Ширинских, Чиживутских и Даирских мурз, «ведать» нурадыну, который перешел жить в Старый Крым, место обитания князей Ширинских.[89] Назначение Кая мурзы из рода мансуровских мурз, а также отдача родовых владений Ширинских, Чиживутских и Даирских в управление нурадына были мерами репрессивного характера. Феодальные порядки Крыма еще недостаточно изучены, чтобы можно было вполне определенно сказать, имел ли право крымский царь по своему положению сюзерена прибегать к подобным мерам против своих мятежных вассалов. Высшим судьей в вопросе о правильности подобных действий крымского царя был султан турецкий, с жалобой к которому и обратились, как указано выше, крымские князья и мурзы.

При нормальном положении звание старшего родового князя переходило в порядке родового старшинства как в Крыму, так и в Ногайской орде. Старшие родовые князья утверждались в этом звании в Крыму крымским царем, в ногайской орде, со времени ее подчинения Москве,— московским государем, что вытекало из обычного права сюзерена.[90] Однако нельзя утверждать, что крымские цари имели только формальное право утверждения в звании родовых князей в твердо установившемся искони порядке родового старшинства, не внося в этот порядок никакого изменения.[91] Прежде всего, порядок наследования княжеского звания по родовому старшинству не был бесспорным; как мы видели на примере смены князей в ногайской орде в потомстве кн. Исмаила, порядок этот оспаривался.[92] В истории Крыма можно указать ряд случаев, когда крымские цари, в моменты обострений отношений между ними и знатнейшими крымскими родами, в моменты борьбы с ними нарушали указанный обычный порядок наследования княжеского звания. Такие случаи отмечены для первой половины XVI в. в работе В. Е. Сыроечковского.[93] Кроме только что указанного случая назначения на место Супхан Газы Мангитским князем Кая мурзы Мансурова, мы можем привести еще другой пример от первой половины XVII в.— назначения в 1642 г. мурзы Сулемши

---

[88] Турец. д. 1645 г., № 4, л. 121.— Крымские источники везде относят кн. Тугая к числу Ширинских мурз.

[89] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 331—332.

[90] Об утверждении ногайских князей в орде Больших ногаев см. в 1-й главе § 4.— В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы, «Ученые записки Москов. гос. университета», вып. 61, История (т. II), М., 1940, с. 34—35.

[91] Ф. Ф. Лашков. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве, Труды VI археологического съезда в Одессе (1884), т. IV, Одесса, 1889, с. 108—109.

[92] См. выше в 1-й главе о соперничестве Янараслана мурзы с сыновьями кн. Тинехмата.

[93] В. Е. Сыроечковский, с. 34—35.

Сулешева Мангитским князем.[94] Последний случай особенно нагляден тем, что если Кая мурза как мурза Мансурова (ногайского) рода вообще мог быть кандидатом в Мангитские князья, то Сулешевы, род крымский, не имели к ногайским улусам (мангитам) никакого отношения.[95]

Описанное нами столкновение Ислам Гирея с князьями и мурзами закончилось в пользу последних вследствие перевеса сил на их стороне. Решающей силой оказались ногайские улусы, кочевавшие за пределами Крыма, на которые опирались мятежные князья и мурзы и на которые царь был бессилен распространить свою власть. О завершении борьбы рассказал посланникам в январе 1648 г. сотник астраханских стрельцов И. Лутовинов, взятый татарами в полон весной 1646 г. И. Лутовинов с молодых лет знал татарский язык и был грамотен по-русски; в качестве пленника он жил при дворе ближнего человека царя Магмет аги и, следовательно, имел возможность знать и наблюдать близко весь ход борьбы царя с князьями и мурзами. По его словам, кн. Тугай Ширинский с братьями и мурзы «Мансуровы родом» приходили на Крым войною и хотели убить ближнего человека Магмет агу и казнодара Араслан агу потому, что царь назначил их, «не поговоря с ногайскими князи и мурзами». Обращает на себя внимание, во-первых, что «Мансуровы родом» выступают против царя, следовательно, попытка царя разделить противников и посеять среди них рознь не удалась; во-вторых, Лутовинов не без основания выдвигает на первый план ногаев и ногайских мурз и подчеркивает их ведущую роль в конфликте.

Царь на этот раз не вступал в борьбу с князьями и мурзами. Магмет ага и Араслан ага бежали в Кафу, а царь во всем князьям и мурзам уступил и «по хотенью ногайских мурз» вновь назначил ближним человеком Сеферь Газы агу и казнодаром Супхан Газы агу. По словам Лутовинова, «развратье» между князьями и мурзами с царем произошло «за ближних людей» Сеферь Газы агу и Супхан Газы агу, которых князья и мурзы «выбрали», чтобы они царя «наговаривали на государеву землю или на Литву итти войною, или бы их, ногайских мурз, послали, а без войны де крымским и ногайским людем быть не уметь, изнела их скудость и большой голод. А ис Царя де города в Крым и в Азов турские люди ездят беспрестанно и полоненников русских и литовских людей покупают на катарги дорогою ценою, для того что у турского Ибраима салтана с фрянцужскою землею бой большой, приступает турской к фрянцужскому городу Мальту. И крымские де и ногайские люди и черные татаровя полоном хотят быть корыстны и войне

---

[94] Крым. д. 1643 г., № 10, л. 92.— Крым. кн. № 25, л. 75.— В конце 1642 г. происходил спор между братьями Сулешевыми Сулемшой и Маметшой о назначении Яшловским беем, а вместе и московским амиятом. Спорным был вопрос об их старшинстве, решенный в пользу Маметша мурзы.— Крым. кн. № 25, л. 160.

[95] Мы не встретили в литературе разъяснения по вопросу о взаимоотношении наименований Мангит и Мансур. Обычно эти названия перекрещиваются и заменяются одно другим: мурзы называются то Мангитскими, то Мансуровскими, то Дивеевыми. В. Сыроечковский замечает, что мурзы Мангитские позднее (в XVI в.) получили название Мансуровых (с. 34), но почему произошла эта замена, не разъясняет. Нам кажется, что взаимоотношение этих названий было следующим. Мангит — это название ветви ногаев, название племенное, подобно найманам, кипчакам и др., части которых мы находим в различных татарских улусах. Мангиты откочевали к Крыму в начале XVI в. Мансуры было родовым названием мурз, владевших мангитскими улусами. Вот почему Мансуровы мурзы, получая назначение в князья в свои ногайские улусы, назывались князьями Мангитскими; вот почему не встречается названия князей Мансуровых, а только Мансуровы мурзы, «Мансуровы родом». «Мансуровы родом» были мангитскими, т. е. ногайскими, по своим улусам. Поэтому эти названия заменяют одно другое. Дивеевы мурзы — тоже «Мансуровы родом», а вместе с тем мангитские; вот почему эти потомки мурзы Дивея называются этими всеми тремя названиями безразлично.

ради». Так разрешился спор между Ислам Гиреем и князьями и мурзами в конце 1647 г.[96]

Лутовинов верно определял основное содержание расхождения между крымскими князьями и мурзами и партией дворовых людей во главе с царем: это была борьба за направление внешней политики Крыма и за раздел добычи. Следует только придать приведенному объяснению несколько более широкое толкование и более общий смысл. В расширенном смысле это была борьба за власть в Крыму и руководство всей правительственной деятельностью, за бóльшую независимость крымской правительственной политики от Турции и за ведение ее в интересах самого Крыма. Средством для этого было овладение важнейшими правительственными постами. Русские источники указывают, что князья и мурзы требовали смещения ближнего человека Ромозан аги и его четырех товарищей, но они не называют имен этих лиц и не определяют их положения. Восточные источники раскрывают эти имена: кроме Ромозан аги, ближнего человека, мятежные князья и мурзы требовали выдачи им Мухаммед аги, Эльяс аги, Муртоза аги и Мейдан-кул бея.[97] Князья и мурзы пренебрежительно называли Ромозан агу со всеми его товарищами «обышными людьми». На основании русских источников можно установить, что все названные лица, за исключением Мейдан-кул бея, которого мы не встретили в русских источниках, были дворовыми людьми Ислам Гирея. Эльяс ага (в русских источниках — Ильяс ага) был аталыком, т. е. интимно доверенным лицом царя, имевшим попечение о его женах и детях.[98] Мухаммед ага (по русским источникам — Магмет ага) был при Ислам Гирее конюшим князем, т. е. занимал один из виднейших придворных постов.[99] Муртоза ага был капычейским кегьей, т. е. одним из помощников капычейского головы, командира отряда капычеев (по-русски — стрельцов), крымских янычар.[100] Судя по названию, Мейдан-кул бей мог быть начальником, головой отряда капычеев. Что касается Ромозан аги, то он уже давно значился в списках ближних людей еще при предшественниках Ислам Гирея. Мы не можем установить, произвел ли Ислам Гирей смену всех этих лиц в соответствии с требованиями князей и мурз; перемещения на второстепенных придворных постах вообще происходили постоянно. Важнейшими правительственными постами с точки зрения князей и мурз были два: ближнего человека и большого казнодара. Первый направлял всю политику Крыма, второй ведал финансами и, в первую очередь, распределением и разделом добычи, взиманием доли полона на царя. Из-за замещения этих именно постов и шла прежде всего борьба. Все перечисленные лица, устранения которых добивались князья и мурзы, по крымской терминологии, были «времянники» (временщики), на которых Ислам Гирей пытался опереться и под влиянием которых находился. Поскольку царь уступил в вопросе о ближнем человеке и казнодаре, смена этих «времянников» не представляла ничего трудного. Добавим, что одновременно с возвращением к власти Сеферь Газы аги и назначением большим казнодаром Супхан Газы из числа ногайских мурз, Ислам Гирей согласился еще на одно очень важное назначение в конце 1647 г. — кн. Тугая Ширинского Перекопским беем.[101] Имея своего человека в Перекопе, крымские и ногайские мурзы владели ключом от Крыма, обеспечивали себе свободный вход в Крым и выход из него. Кн. Тугай сохранял и обес-

[96] Крым. д. 1647 г., № 13, л. 77—79.
[97] В. Д. Смирнов, с. 532—534.
[98] Крым. д. 1644 г., № 5, л. 124—125.
[99] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 238.
[100] Крым. д. 1643 г., № 11, л. 355.
[101] Крым. д. 1647 г., № 13, л. 77—79.

печивал связь крымских князей и мурз с кочевавшими за пределами Крыма ногайскими улусами.

Еще раньше чем разрешилась в их пользу борьба с Ислам Гиреем, крымские мурзы на собственный страх и риск попробовали возобновить нападения на Русь. В самом начале 1647 г. из-за литовского рубежа в Москву начали поступать сведения о скоплении татар под Черным лесом на Днепре, по р. Самаре, о передвижении татар к Бакаеву шляху. Крупные силы татар расположились по р. Лугани. Но уже в марте Адам Кисель уведомлял путивльского воеводу, что по указу султана татарам «запретился путь» в земли московского царя и польского короля. Русские разведчики установили наличие в степях больших снегов: в «гладких местах» — лошади «по черево», а «в низинах лошади ехать неможно, и те де снеги унастились и лошадей де кормить неможно».[102] Уже одно это должно было сдерживать татар.

В статейном списке посланников Т. Караулова и Г. Акишева под 20 апреля занесено сведение о походе на Московское государство «без-баши» Караш мурзы с ногаями и крымскими татарами.[103] На основании показаний «языков», захваченных в боях с татарами, можно восстановить некоторые подробности начала этого набега. Мурзы отправились в поход «собою, уходом», а не по повелению крымского царя; напротив, царь пытался задержать и вернуть их; в тот момент Ислам Гирей еще не терял надежды одержать верх над самоволием мурз. Кроме Караш мурзы, бывшего главным вожем, источники называют еще ряд имен мурз, участвовавших в набеге: ногайских — Юнус, Ослам, Ак, а также азовских мурз. Собралось всех татар в войну 10 тысяч. Не доходя Дона, они разделились: часть осталась на Донце, другая часть с Караш мурзой и Югяш агой (повидимому, азовец) направилась на мордовские места. Дробление татарских сил продолжалось и далее. Караш мурза не пошел на мордву и с частью татар вернулся из похода. Эти татары сделали попытку перебраться через р. Воронеж, но не нашли брода,—вероятное следствие большой воды от таяния обильных снегов. После этого часть татар вернулась в Крым и в Азов. Караш мурза и с ним 1000 татар остались в степи на р. Камышенке, где пережидали месяц, а затем совершили нападение на Воронежский и Оскольский уезды.[104]

Сообщив под 20 апреля о походе Караш мурзы, московские посланники под 29 апреля уже записывают сведения о возвращении из похода части татар с захваченными ими в полон 5 белгородскими станичниками. Действительно, из дел Разряда мы узнаем, что именно в эти дни произошло нападение татарского отряда в 400—500 человек на Белгородский уезд со стороны Изюмского шляха. Нападению подверглись с. Городище, с. Дмитровское и дер. Тюрина. Вести о движении татар были получены в Белгороде своевременно — еще 21 апреля; поэтому 23 апреля на место действия успели подойти ратные люди из Белгорода, Корочи и Яблонова. Татар ожидал подготовленный отпор. В состоянии готовности встретило татар и местное крестьянское население. В первом же столкновении татары потеряли убитыми 17 человек. Татары тотчас же стали быстро уходить. Ратные люди преследовали их до р. Нежеголи, р. Бурлука и Двуречной и далее на протяжении 30 верст. Татары уходили спешно, бросая загнанных лошадей и всякую рухлядь (луки, войлоки, орчаки), теряя

---

[102] Белгород. ст. № 235, л. 296—297, 357—358, 421—422, 434, 438—442, 447—448, 483—484.
[103] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 324.
[104] Белгород. ст., № 228, л. 12, 27, 29, 85, 165.

людей убитыми и ранеными. Таков был исход нападения татар, оставшихся на Донце.[105]

Татары, руководимые Караш мурзой, вступили в дело в начале июля. Перейдя Дон с ногайской стороны на крымскую ниже Борщева монастыря, татары 8 июля совершили ряд нападений на местности под Воронежем: на с. Девицу (200 человек), под Борщев монастырь, на с. Малышево, на с. Устье (800 человек). 10 июля они уже воевали Оскольский уезд — Заровенские деревни и по р. Убле. В тот же день воевода нового г. Царева-Алексеева выслал против татар голову Е. Яковлева с 1500 казаков, детей боярских и драгун. 11 июля эти ратные люди бились с татарами у верховий р. Т. Сосны с 4 до 9 часов дня. У татар было взято 17 «языков», отнято 124 русских полонянника, 1100 лошадей и весь татарский кош. Преследование было приостановлено при получении известий о том, что в степях стоят еще 3000 татар. Русские ратные люди понесли потери убитыми 5 человек, в том числе сотенный голова, много было раненых и 2 человека попали в полон. 12 апреля под Валуйкой был разгромлен отряд татар в 40 человек. 15 июля татары (400—500 человек), крымцы, ногаи и азовцы во главе с азовскими мурзами — вожами приходили под Валуйку на поля и успели захватить «многой» полон. Здесь с ними бились сотни каширян и костромичей служилых людей, присланных сюда с Ливен; захваченный татарами полон был полностью освобожден и самим татарам причинен урон. Среди нескольких убитых в бою русских был голова сотни костромичей Ив. Перелешин. 17 июля татары появились под с. Костенками и Борщевым монастырем.[106]

Нападения татарских отрядов происходили в ряде мест и позднее. 1 августа татары отогнали стада под Карповом. 4 августа татары (100 человек) наскочили на людей, убирающих сено по р. Девице, но тут стояла для охраны сотня ратных людей, и набег сорвался. 9 августа татары (100 человек) прошли по Калмиусскому шляху мимо верховий р. Т. Сосны и р. Усерда; преследуемые ратными людьми из Царева-Алексеева, татары ушли «наутек» к р. Потудони и далее за Дон. Такими же неудачными для татар эпизодами был их приход (50 человек) к с. Устью и дер. Шиловой (Воронежского уезда), где они были отражены «стоялой сотней» и местными служилыми людьми, и лишь успели угнать 50 лошадей у костенских служилых людей; энергичное преследование татар до р. Форосани закончилось их разгромом и захватом всего коша. В бою был убит сотенный голова О. Мачехин, 7 человек было ранено, один из них умер от ран.[107]

Итак, набеги в 1647 г. окончились для татар полной неудачей. Быть может, руководители набегов, в первую очередь Караш мурза, предпринимая нападение по Калмиусскому шляху, не знали о сосредоточении здесь значительных вооруженных сил по случаю построения г. Царева-Алексеева и работ на валу. Толмач Б. Позняков и вож С. Гладкой, доставившие в ноябре 1647 г. в Москву отписки посланников Караулова и Акишева, передавали впечатления самих татар, участников похода на Русь с Караш мурзой в июле: «Государева украйна,— говорили татары,— не по-старому, ныне де укреплена накрепко и городов поставлено много, и людьми наполнена многими, и впредь им ходить на Русь никако немочно, везде поделаны обозы, а по-русски крепости. А как де с Карашем мурзою пришли они в первый государев город на реку на Бел-Колодезь, и из новова де Царева-Алексеева города вышло ратных людей больше 20 тыс. (!)

---

[105] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 324 — Белгород. ст., № 235, л. 540—541, 548—555, 561—563, 574—576.

[106] Белгород. ст. № 228, л. 16—17, 24—26, 48, 76—77, 82—84, 99, 141.

[107] Белгород. ст. № 228, л. 28, 56—58, 100—101, 121, 126.

и их побили и розганели, а в полон взяли з 200 человек, опричь побитых. Да и самово Караш мурзу ранили, и он де ушел с невеликими людьми. Да и то де ушли, что государевы люди за ними вдаль не пошли»... «Такой де на них в те поры страх напал, чаяли того, что им и в Крыме не бывать. А и так де немногие пришли, а то всех в Руси побили». После того 40 татар пошло было на Русь снова за добычей, но из них вернулось лишь 2 человека. «Таково де ныне на Руси стало крепко. Да и во всех де украйных в старых и в новых городех государевых ратных людей много. И впредь де им и большими людьми на Русь ходить будет немочно, не токмо что малыми».[108] Так передавали станичники рассказы татар о неудачном походе Караш мурзы на Русь в июле 1647 г. ближнему цареву человеку, мурзам и черным татарам; татары сильно преувеличивали численность русских ратных людей. Весь рассказ важен для нас как свидетельство того впечатления, которое произвел на татар отпор со стороны русских ратных людей, собранных в городах по Белгородской черте. Если и раньше татары уже поговаривали о том, что становится «тесно» проникать на Русь, теперь приходилось задуматься вообще о возможности дальнейших нападений на Русь.

Свободное поле деятельности татар сузилось и с другой стороны. В конце января 1648 г. калмыки совершили поход на Дон. По сведениям казаков, их было 30 тыс.; по сведениям посланников из Крыма, калмыков было, вместе с астраханскими татарами — немногим более 20 тыс. Но и этого числа калмыков было вполне достаточно, чтобы ногаи Урмаметевых улусов в панике бежали к Днепру и к Перекопу. Калмыки прекратили свой поход, потому что их «окинули большие снеги, и изнела стыдь», задержал недостаток конского корма. «Большое опасенье» возникло и в самом Крыму; подозревали в организации похода калмыков московское правительство.[109]

Активные действия со стороны Дона в 1646 г., вынудившие крымцев отказаться от нового крупного похода на Русь, а также неудачный набег Караш мурзы в 1647 г., выяснивший для крымцев коренным образом изменившееся состояние обороны южных границ Московского государства, заставили крымцев искать новых путей для своих походов. В декабре 1647 г. кн. Тугай Ширинский, бей Перекопский, попытался совершить нападение на Буданскую землю, но Ислам Гирей задержал его и вернул из похода, потому что опасался навлечь на себя недовольство султана, под властью которого находилась Буданская земля. В январе 1648 г. Ислам Гирей точно так же пресек попытку 5000 татар совершить набег на Русь. Царь еще пытался выполнять предписание султана о соблюдении мира с Московским государством и Польшей.[110] Совершенно отчетливое и вполне совпадающее с показаниями русских источников представление о положении дел в Крыму имели и поляки. Адам Кисель, воевода киевский, в январе 1648 г. в двух письмах к воеводе путивльскому кн. Ю. А. Долгорукову писал, что султан запретил Ислам Гирею нападения на Польшу и Московское государство, зная о существовании между ними соглашения против Крыма и еще не закончив войны с Венецией, но крымские князья и мурзы «подиймают его (Ислам Гирея) и бунтуют, штобы пошол к нам». Адам Кисель допускал, что нападение произойдет. Ему было известно о междоусобной борьбе между царем и князьями и мурзами, окончившейся примирением и пожалованием Сеферь Газы аги «везирством,

---

[108] Крым. д. 1647 г., № 14, л. 2—5.

[109] Крым. д. 1647 г., № 13, л. 130—131.— АМГ, т. II, № 314.— Богоявленский, 86.

[110] Крым. д. 1647 г., № 13, л. 79—80.

сирич гетманством».[111] Ислам Гирей не сразу уступил давлению князей и мурз, но все же вынужден был это сделать и пойти наперекор предписаниям султана.

В начале 1648 г. Богдан Хмельницкий обратился к крымскому царю с предложением союза против поляков. Трудность положения Ислам Гирея заключалась в том, что почти одновременно же (в конце марта) сам султан потребовал от Ислам Гирея военной помощи в войне против Венеции. Московский толмач М. Ергашев добыл в Бахчисарае сведения о том, как происходило у царя обсуждение указа султана на «тайной думе». Царь и калга «думали о том з ближними людьми и с мурзами по многие дни, послать ли в Царьгород к турскому царю крымских людей или нет. И приговорили де меж себя и положили на том, что в Царьгород людей не посылать, для того что в Крыме голод большой, и изнела скудость. Да хотя бы де крымский царь в Царьгород воинских людей к турскому Ибреим салтану учал и посылать, и крымские б де люди царя не послушали и в Царьгород не пошли». Ислам Гирей ответил султану отказом, отговорившись войной с польским королем по приглашению запорожских черкас.[112] Сообщенный толмачом комментарий, что татары все равно бы не выполнили указа царя о походе в Турцию, если бы такой указ и был отдан, объясняет отклонение требования султана. Решение Ислам Гирея очень напоминает отказ Инайет Гирея итти в кизылбашский поход. И в том и в другом случае для крымских царей не оставалось выбора. Далее, посланники Хотунский и Степанов сообщают о походе татар против поляков, сначала передовых частей во главе с кн. Тугаем Ширинским и Караш мурзой, а затем самого царя в сопровождении Сеферь Газы аги и Супхан Газы аги, передают краткий, но интересный рассказ о битве с поляками под Корсунем, о возвращении в июне из похода Ислам Гирея и поступлении в Крым захваченного в войне полона, в том числе знатных пленников — гетмана Потоцкого, Калиновского и других. На требование султана прекратить нападения на Польшу и выдать знатных пленников Ислам Гирей ответил решительным отказом. Впрочем, и на этот раз царь действовал не единолично, а по совету с князьями и мурзами. Отказ в выдаче знатных польских пленников крымцы мотивировали тем, что «они тех людей в полон взяли своими головами и кровью, а от турского царя князем и мурзам жалованья никакого нет». Решено было также попрежнему держаться союза с запорожскими черкасами.[113]

Никакого сомнения нет в том, что Ислам Гирей, решаясь на прямое неповиновение указу султана, учитывал внутреннюю борьбу в Константинополе, завершившуюся 8 августа низложением и убийством султана Ибрагима. Султан Ибрагим уже давно вызывал недовольство тем, что он «малоумен и упивается», что война за Крит поглощала огромные средства и не давала результата. Задуманные султаном проскрипции богатейших людей Турции привели к организации заговора и перевороту. Возведение на престол Магомета IV, 12-летнего сына убитого султана, сделало правительственную власть предметом ожесточенной борьбы партий.[114] При таком состоянии правительственной власти в Турции Крым, как это было и раньше, мог на некоторый период эмансипироваться и вести свою собственную политику. Весьма возможен был поэтому дерзкий ответ, который, как это сообщал из Константинополя московский посол, дал Ислам Гирей турецкому правительству, требовавшему прекращения вой-

---

111 Акты южной и западной России, т. III, № 107, 111.
112 Крым. д. 1647 г., № 13, л. 138—139.
113 Крым. д. 1647 г., № 13, л. 170—171, 179, 181—182.
114 Там же, л. 223.

ны с Польшей: «он де крымской сам о себе живет». Ислам Гирей грозил повесить турецкого гонца и к себе от султана впредь ничего писать не велел.[115]

Образование нового союза между Крымом и запорожскими казаками, как это было при Магмет Гирее и Шагин Гирее в 20-х годах, означало выход Крыма из русла турецкой политики. Итак, исследование внутренних отношений в Крыму при Ислам Гирее приводит нас к заключению, что поворот крымцев к союзу с Богданом Хмельницким против Польши тесно связан с борьбой крымских феодалов за власть и руководство внешней политикой и что произошел этот поворот по инициативе крымских феодалов.

Московско-татарские отношения в течение восстания украинского народа против польского правительства и последовавшей затем длительной войны Московского государства с Польшей образуют новый период, подлежащий изучению во второй части нашей работы. Натолкнувшись на усилившуюся оборону южных границ Московского государства, татары нашли для себя выход в войне на правобережной Украине. Походы татар в правобережную Украину и в Польшу принесли им огромную добычу и отвлекли их внимание от московской украйны. Следствием этого было то, что, начиная с 1648 г., в течение многих лет мы не имеем сведений о сколько-нибудь значительных татарских вторжениях в русские пределы. Тем временем оборона Московского государства еще более окрепла. Крупное значение имела также украинская колонизация в левобережной Украине, создавшая заслон против татарских нападений на внутренние области Московского государства.

< 5 >

Перелом в соотношении сил Московского государства и Крыма, обнаружившийся со второй половины 40-х годов, и благоприятное для Москвы изменение общей ситуации нашли некоторое отражение в характере дипломатических сношений их между собой. Московское правительство попыталось, хотя и осторожно, одновременно внести изменения в свои обязательства перед Крымом и тем дать ему почувствовать перемену в общем положении дел.

Обзор дипломатических сношений московского правительства с Крымом мы начнем с момента окончания зимнего похода татар на Русь и возвращения нурадына в начале 1646 г. в Крым. Как будто бы ничего не произошло, Ислам Гирей (18 апреля), калга Крым Гирей (23 апреля) и нурадын Казы Гирей (26 апреля) принесли перед посланниками Карауловым и Акишевым шерть в соблюдении мира и дружбы с московским государем.[116] Шертная грамота была составлена в полном соответствии с пожеланиями московского правительства: 1) в ней мы находим полное титулование царя Алексея Михайловича, 2) обязательство Ислам Гирея от себя, калги и нурадына за весь Крым, ногаев, в том числе и Малых ногаев, и азовцев воздерживаться от нападений на Московское государство, даже в том случае, если нападение будет предписано султаном, 3) сохранять дружбу и любовь «на веки неподвижно от детей на внучата», 4) русский полон, захваченный самовольно татарами вопреки данной шерти, возвращать без выкупа, а нарушителей мира казнить смертью, 5) поминки принимать в ранее установленном размере и сверх прежней росписи ничего не тре-

---

[115] Турец. д. 1645 г., № 3, ч. 2, л. 53.
[116] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 1—6, 197—199.

бовать, 6) над посланниками никаких насилий не совершать; если же над посланниками в Крыму будет учинено какое-либо насилие, то московское правительство имеет право делать то же «без милости» над крымскими послами и гонцами в Москве.[117] Шертная запись была доставлена в Москву толмачом Ив. Скороваровым 22 мая 1646 г. С ним вместе прибыл крымский гонец Курамша мурза Сулешев с 37 товарищами.[118]

Ислам Гирей был в полной уверенности, что в дальнейшем все пойдет попрежнему. Курамша мурза должен был предъявить новый «запрос» о прибавке жалованья на 48 человек на сумму в 2035 руб., потребовать погашения долгов Фустова и Ломакина и выплатить казну за два пропущенных по случаю войны года. Курамша мурзе был дан срок на его поездку в Москву в 60 дней, с угрозой, в случае его задержки, войной московскому правительству. Курамша мурза был настроен очень самоуверенно. Еще по пути в Крым валуйский воевода П. Колтовской не утерпел, выговорил гонцу все крымские «неправды» и грозил, что впредь казны в Крым посылаться не будет. Курамша мурза отвечал на это: «Знаю де я Москву, и наперед сего так же говаривали, а всегда давали. А как де он будет на Москве, и государь де казну опять станет в Крым посылать».[119] Что касается уплаты поминок за годы татарской войны, то московское правительство приучило к этому крымцев.

Переговоры в Москве приняли, однако, несколько неожиданный для гонца оборот. Он прибыл в Москву в мае, а был принят в Посольском приказе первый раз лишь 16 июля дьяками Гр. Львовым и Алмазом Ивановым. Гонец сообщил, что он прибыл «для братской дружбы и любви». Дьяки начали с резкого упрека: в чем дружба царя, когда он дважды «солгал», нарушив шерть, данную им еще в бытность калгой при Джанибек Гирее, и посылал беспрестанно татар на Русь? Курамша, не стесняясь, прибег к первым подвернувшимся ему аргументам: «вся де неправда с царского величества стороны; разменным князем и мурзам, которые приезжают по казну, почести нет, и дают несполна, и в Крым посылку привозят несполна же». Когда дьяки обстоятельно опровергли приведенные мурзой соображения, он промолчал. Не получив ответа на свои возражения, дьяки привели подробную историческую справку о всех нарушениях шерти со стороны крымцев со времени царя Джанибек Гирея. Гонец отвечал на это, что «то дело давнее, и ему об этом говорить не наказано», а о войне нынешней он может дать ответ: 1) разменному князю и мурзам жалованья не дают, послов и гонцов не почитают, 2) соболи в Крым шлют худые, 3) в прошлые годы убили на Валуйке татарина, 4) в нынешнем году задержали в Москве крымского гонца, 5) перед разменой не прислали из Москвы своего гонца, 6) вместо взятых на размене кн. Прозоровским полонянников не дали ни денег, ни татар в обмен. Дьяки дали ответ по каждому пункту и прибавили, что стыдно объяснять войну такими мелочными доводами. Курамша мурза не настаивал, а привел в качестве объяснения войны новое соображение, совершенно не связанное с изложенным выше: «Так де у них искони повелося, покаместа которому государю не шертуют, потаместа у них война бывает»; Ислам Гирей шертовал царю Михаилу Федоровичу, а не царю Алексею Михайловичу, потому де война была. Дьяки указали, что в шертной грамоте пишется, что царь шертует «от детей на внучата и на веки неподвижно». Гонец дал любопытный ответ: «То де пишется в шертных грамотах исстари для пригожства, а шертованья

---

[117] Ф. Л а ш к о в. Изв. Таврич. архив. комм. вып. 11, с. 17—21.— Лашков неточно датирует шертную запись февралем 1646 г.

[118] Крым. д. 1646 г., № 3, л. 9.

[119] Крым. д. 1646 г., № 3, л. 32.

де в том нет», т. е., по толкованию Курамша мурзы, шертная запись содержала положения, которые вносились в нее по традиции лишь для украшения. Тогда чему же верить и чем «крепиться»? спросили дьяки. Гонец предлагал верить ему, гонцу. Все должно быть выплачено по привезенной им росписи, а также погашены долги Фустова и Ломакина, тогда мир будет сохранен. Но в росписи, привезенной Курамшой, оказались «запросы» о прибавке на 48 человек на общую сумму 2035 руб., а Ислам Гирей шертовал принимать поминки в прежнем размере. За что же прибавлять? За войну? Так закончилась первая встреча с Курамша мурзой. Гонец еще не знал, что последует дальше. Гонец с его свитой был заперт на своем дворе, и корм им стали давать «малый» (по 2 деньги на человека в день).

19 июля гонец с товарищами были снова вызваны в Посольский приказ. Все они должны были итти пешими, и только самому Курамша мурзе была дана лошадь, «для того что человек жирной, пешему не дойти». Дьяки повторили все прежние обвинения в нарушении крымцами шерти и снова опровергли доводы гонца, которыми он объяснял нападения на Русь. В ответ на указание дьяков о чрезмерных «запросах» Курамша мурза довольно уступчиво заявил, что царь и калга требовали прибавок, «только де не сильно»: пришлют — хорошо, не пришлют — в том воля государя, и предлагал ему в том верить. Однако на этот раз дьяки предъявили мурзе требование, чтобы он сообщил в Крым о пунктах, на которых московское правительство согласно возобновить с Ислам Гиреем мирное соглашение: 1) возместить все убытки, причиненные нападением в 1645 г., и возвратить без выкупа весь полон, 2) принимать казну в размере, установленном в 1613 г. при царе Михаиле Федоровиче, 3) передачу казны производить на размене и посланников из Москвы в Крым не посылать. Курамша мурза отказался писать в Крым, говорил, что возврат полона невозможен: «таково де то дело далеко, что небо от земли; где де им ясырь взять и отдать, тот де ясырь давно распродан», жаловался на тяжелое положение гонцов и его людей, запертых во дворе, подобно полонянникам.

После этого Курамша мурза был принят в Посольском приказе 23 сентября, 20 октября, 2 и 10 ноября. Дьяки продолжали настаивать на своих требованиях. Гонец жаловался на свою судьбу, что он обесчещен и чувствует себя, «что перешибеная змея», что написать о предъявленных ему требованиях в Крым — значит сделаться общим посмешищем, но мало-помалу сдавался и уступал по отдельным пунктам. 20 октября дьяки иронически спросили мурзу, где же татарская война, которой угрожал крымский царь в случае его задержки долее 60 дней. Гонец, зная о ходе дел на юге, откровенно признал, что если московский государь будет и впредь держать ратных людей по украинным городам, то татарской войны вообще никогда не будет. В апреле 1647 г. Курамша мурза принял, наконец, требования московского правительства и принес шерть в том, что Ислам Гирей также примет их. Посольский приказ видоизменил некоторые из первоначальных требований: 1) остался без изменения пункт о том, что казна будет впредь присылаться за один лишь год и что поминки за два года —1644 и 1645, когда татары нападали на Русь, уплачены не будут; 2) размер поминок устанавливается по росписи царя Бегадыр Гирея без последующих прибавок, сделанных при царе Магмет Гирее на 6 человек и при Ислам Гирее на 12 человек; 3) самый важный пункт касался ограничения числа послов и гонцов и сопровождавших их татар: послам приезжать из Крыма в Москву только трем, от царя, калги и нурадына, и с ними 12 спутникам, гонцам быть также трем и с ними трем спутникам. Грамоты в Москву писать только от царя, калги и нурадына и никаких иных грамот от цариц и ближних людей, чего не ведется в других странах, в Москву более не присылать. Курамша мурза должен

был оставаться в Москве, пока не будет получено извещение из Крыма о согласии Ислам Гирея на изложенные условия.[120]

Первоначальное требование об установлении размера поминок в соответствии с договором 1613 г. при царе Михаиле Федоровиче было заменено сокращением числа послов и гонцов. В Посольском приказе был произведен сложный расчет стоимости содержания крымских послов и гонцов. Посольский приказ исходил из цифры состава крымского посольства в 49 человек, на основании опыта последних лет, и из срока их пребывания в Москве в течение 10 месяцев. В течение года таких посольств обычно бывало четыре. Расходы слагались из следующих статей: 1) платья послам выдавалось на размене под Валуйкой на 57 руб., 2) поденного корма (людям и конского) на Москве с приезда до отпуска — 1618 руб. 2 алт. 4 д., 3) корм «в стола место на приезде» — 47 руб. 3 алт. 2 д., 4) платья «на приезде», «на отпуске» и во время приема и отпуска гонцов — 1257 руб., 5) «на харч на дорогу деньгами» при возвращении—219 руб., 6) на зимнее платье—219 руб., 7) на поденный дорожный корм на два месяца—100 руб. 31 алт. 5 д. Всего, по подсчету Посольского приказа,—3525 руб. 2 алт. 5 д.[121] При расчете содержания гонцов исходили из цифры в 35 человек и срока их пребывания в Москве 11 месяцев. Таких присылок гонцов, как и послов, обычно бывало в течение года четыре. Статьи расхода были те же, что указаны выше при исчислении расходов на содержание послов. Общий итог содержания гонцов — 4681 руб. 28 алтын. Общий итог расходов на содержание послов и гонцов до нового соглашения с Курамша мурзой Сулешевым — 8206 руб. в течение одного года.

Сделанный Посольским приказом расчет следует признать максимальным, потому что не каждый год из Крыма приезжали в Москву по четверо послов и гонцов, и лишь в последние годы перед приездом Курамша мурзы численный состав достигал указанных цифр. В качестве примера можно привести справку самого же Посольского приказа за 151 (1642—1643) г. В течение этого года состоялось всего семь приездов крымских послов и гонцов. Приезжали они в числе 49, 35, 34, 30, 28, 19 и 11 человек. Расход на их содержание, исчисленный по трем статьям (на приезде, на отпуске и встречного), определялся в сумме 4446 руб. 29 алт. 3 с половиной деньги. Очевидно, расходы не были исчислены полностью, так как отсутствуют расходы на корм различных видов, зимнее платье на размене и др. Таким образом, мы не можем судить о полной сумме расхода на содержание послов и гонцов в 151 г.; очевидно, однако, что эти расходы не могли бы достигнуть суммы 8206 рублей. Исчисленную в 1647 г. Посольским приказом сумму расходов на содержание крымских послов и гонцов следует понимать как предел, к которому эти расходы к тому времени приближались. Исходя из нового численного состава крымских посольств и гонцов по договору с Курамша мурзой (послов—15 человек, гонцов—6), Посольский приказ определил расходы на содержание послов в 1080 руб. 28 алт. 2 д., а гонцов — в 1378 руб. 13 алт. 5 д. Всего — 2465 руб. 19 алт. (по нашему подсчету —2469 руб. 9 алт. 1 д.).[122] Таким путем Посольский приказ получил экономию приблизительно такую же, какую он мог бы получить, определяя размер поминок по 121 (1613) г., т. е. несколько более 5000 руб.[123] Но, если бы правительство попыталось

---

[120] Крым. д. 1646 г., № 4 (ненумер.)—Ф. Л а ш к о в. «Изв. Таврич. архив. ком.», вып. 11, с. 21—25.

[121] Проверка итога обнаруживает неточность; следовало бы в итоге указать 3516 руб. 4 алт. 4 д.

[122] Крым. д. 1646 г., № 2, л. 18—50, 85—88.

[123] Размер поминок, включая в них и рухлядь «в запас», в 1614 г. равнялся 7300 руб. Размер поминок в 40-х годах достигал 12 тыс. рублей.

провести сокращение размера поминок до размера 121 г., оно должно было бы задеть весьма чувствительно интересы самых влиятельных из ближних людей царя, калги и нурадына и представителей правящей верхушки родовой крымской знати, а может быть, уменьшить выдачи самому царю и его родственникам. Эта мера была бы слишком рискованной. Для начала московское правительство решило ограничить расходы за счет «мелких мурз» и татар, которых царь, калга, нурадын, члены их семей и ближние люди посылали в Москву на «кормление» в качестве вознаграждения им. Мера эта была связана с прекращением посылки в Москву грамот от всех ближних людей.

Московский гонец подьячий Ив. Плакидин, приехавший в Крым в июне 1647 г. для получения подтверждения договора с Курамша мурзой Сулешевым, не встретил возражений со стороны Ислам Гирея.[124] Возражения и протест, как и следовало ожидать, были заявлены ближним человеком Магмет агой, «мелкими мурзами» и черными татарами. Мурзы и татары говорили, что Курамша мурза шертовал в Москве «поневоле». Недовольство соглашением выразилось в попытке Караш мурзы совершить описанный выше набег на Русь.[125] Но недовольство «мелких мурз» и татар не помешало царю подтвердить своей шертью договор Курамша мурзы в сентябре 1647 г. [126]

Ближние люди, князья и мурзы не теряли надежды добиться восстановления старого порядка поездок в Москву. Упорные домогательства крымских послов и гонцов по этому вопросу в последующие годы и насилия над московскими посланниками в Крыму были обязаны инициативе «мелких мурз» и татар, которых непосредственно затрагивало сокращение поездок в Москву. Нет указаний на то, что царь Ислам Гирей сам предписывал эти требования и насилия. Московские посланники Т. Хотунский и И. Степанов, сменившие задержавшихся в Крыму Караулова и Акишева, прибыли на стан на р. Альме в декабре 1647 г. и 7 января 1648 г. были приняты ближним человеком Сеферь Газы агой, который сразу же предъявил им требование об уплате поминок на 18 человек, убавленных новым соглашением. Когда посланники указали ему, что царь принял новые условия и их надо соблюдать, Сеферь Газы рассердился и заявил, что царь велит их «замучить на смерть за одне недосылочные цки, не токмо что за 18 дач». 8 января продолжалось препирательство с Сеферь Газы агой. Однако на приеме у Ислам Гирея 14 января посланники не услышали от царя ни одного замечания или возражения, касавшихся размера поминок, да и ближний человек молчал. Ясно, что Сеферь-Газы самовольно злоупотреблял именем царя. Без насилий, впрочем, не обошлось. 29 января капычейский кегья и капычеи пытались вымучить у посланников свои почести. Кегья приказал посадить подьячего И. Степанова в колоды обеими ногами так, «чтобы кость ломило»; подьячего «подымали за руки и за волосы и били о землю». 30 января капычеи взяли самого Хотунского и «стращали» пытками. Ничего не добившись, капычеи отпустили посланников. 14 февраля те же капычеи сделали попытку вымучить недосланные 18 дач. Капыческий голова, лицо при дворе крымского царя очень важное, захватил на стане посланников толмача А. Карамышева и младшего подьячего Ив. Яковлева, отвел их в деревню Соковую и подверг пытке. Предлог был придуман тот, что посланники якобы произвольно скрывали 18 дач. Толмачу и подьячему, «завязав головы ременьем и подставя под ременье кости, веретели клячем(!)». После пытки их водили на стан посланников,

---

[124] Крым. д. 1647 г., № 6, л. 190—196.
[125] Крым. д. 1647 г., № 14, л. 2—3.
[126] Ф. Лашков. «Изв. Тавр. арх. ком.», вып. 11, с. 25—40.

добиваясь указаний, где спрятаны «дачи». Таким же способом пытали кречетника Д. Петрова и двух холопов посланника, причем у одного из них проломили череп. Капычеи перерыли все на стану, нашли 3 сорока и 3 пары соболей, взяли из них один сорок получше, а остальные бросили. После этого капычейский голова Сулейман напыщенно заявил, что теми «кровью и обыском они, посланники, очистились».[127] Посланники не могли установить причастности к этим насилиям царя. Крымский гонец Булат ага в бытность свою в Москве в апреле 1648 г. отрицал всякие насилия над посланниками: никаких пыток не было, все то посланники «затевают»: их только обыскивали, но когда ничего не нашли, то «покинули».[128]

В течение 1648 и 1649 гг. требования уплаты двойной казны, погашения накопившейся задолженности и восстановления старого порядка посылки в Москву послов и гонцов составляли основное содержание дипломатических переговоров крымских послов и гонцов с Посольским приказом. Первый крымский посол, после договора с Курамша мурзой, Исфендияр прибыл в Москву в декабре 1647 г. в сопровождении двух товарищей и 12 татар, как и следовало по новому положению. Но гонец Булат ага, прибывший в Москву в апреле 1648 г., попытался прорваться в Москву в сопровождении 25 человек. Татарам удалось проскочить через Валуйку, валуйский воевода прозевал, за что и получил выговор. Татар перехватили в Туле, где всех лишних татар задержали и оставили без всякого содержания. Посольский приказ вел переговоры с послом Исфендияром и гонцом Булат агой одновременно. Требования их совпадали: прислать в Крым две казны без убавки и «послам бы и гонцам ходить по прежнему без убавки». Посольский приказ твердо отказал им в этом. Крымские дипломаты тогда стали торговаться об увеличении числа послов, хотя бы за счет сокращения числа сопровождавших их татар. Торговались они горячо и с азартом, что ясно показывало, насколько чувствительно задевало их уменьшение численности посольств в Москву. Но дьяки и на это ответили отказом. Тогда посол Исфендияр совсем уже в жалобном тоне стал просить о том, чтобы «не поморить голодом» татар, задержанных в Туле. В этом пункте дьяки пошли на уступку, и Посольский приказ распорядился о незначительной единовременной подачке татарам, находившимся в Туле.[129] Следующие крымские гонцы в течение 1648 и 1649 гг. твердили все одно и то же. Никаких иных тем для переговоров у крымцев не было. Посольский приказ упорно отвергал их домогательства. Дьяки Посольского приказа придали этому спору принципиальный смысл. Московский государь согласен принимать грамоты и вести сношения только с крымским царем, калгой и нурадыном; никаких грамот от других лиц, ближних царевых людей, как это было до сих пор, он более принимать не будет. «Нигде того не ведетца, — говорили дьяки, — что холопам с государи ссылатца, а ссылаютца меж себя о всяких делех государи сами...».[130] Отсюда вывод — нет никакой надобности в приезде послов и гонцов от ближних людей, князей и мурз.

Настояв на выполнении этого пункта, московское правительство не решилось пойти дальше. Оно вовсе не обольщало себя тем, что в отношениях с Крымом произошел радикальный перелом и что перерыв татарских

---

[127] Крым. д. 1647 г., № 13, л. 92—95, 105—110.

[128] Крым. д. 1648 г., № 7, л. 24—31.

[129] Крым. д. 1647 г., № 15, л. 36—37.— Крым. д. 1647 г., № 7, л. 2—4, 6—10, 24—31, 40— 78.— Посол Исфендияр был убит в Москве собственным кашеваром — татарином (Крым. д. 1648 г., № 24, л. 1 и сл.).

[130] Крым. д. 1648 г., № 15 (гонец Крым-Казы мурза).— Крым. д. 1649 г., № 4 (гонец Муса).— Крым. д. 1649 г., № 10 (посол Сеид-Ахмет мурза).— Крым. д. 1649 г., № 20 (гонец Магмет-Бек аталык).— Крым. д. 1649 г., № 32 (гонец Булат ага).

нападений окажется окончательным. Правительство не уплатило поминок за 1644 и 1645 гг. и не торопилось уплатой поминок за следующие годы. Очередная посылка состоялась только в конце 1647 г. с посланниками Хотунским и Степановым. Следующие московские посланники Ларионов и Никитин приехали в Крым лишь в мае 1649 г. (срок их пребывания в Крыму — по ноябрь 1649 г.). Таким образом, за московским правительством накопилась задолженность еще за два года.

Итак, во второй половине 40-х годов московское правительство проявило больше твердости в дипломатических сношениях с Крымом: задержало крымского гонца Курамша мурзу, вынудило его к заключению нового соглашения, заставило отказаться от новых и значительных «запросов», решительно отвергло уплату поминок за 1644 и 1645 гг., когда татары совершили нападения на Московское государство, сократило значительно число крымских послов и гонцов, приезжавших из Крыма, и расходы на их содержание; последнее было, пожалуй, самым важным достижением не столько в отношении экономии средств, сколько принципиально. В течение столетий московское правительство бесплодно добивалось сокращения присылки в Москву с послами и гонцами числа «бездельных людей», которые приезжали в Москву за шубами, однорядками да шапками и на сытные московские кормы, вели себя в Москве отнюдь не как посольская свита, а грубо, дерзко, а подчас откровенно нагло. Но еще важнее было покончить с тем ненормальным положением, когда каждый более или менее важный крымский дворовый человек или мурза присваивал себе право непосредственного обращения к московскому государю с грамотами и отправки своих послов и гонцов. При изменившемся положении дел московское правительство осмелилось, наконец, сказать то, что давно думали русские государи и представители их правительств, сказать и осуществить: «Нигде того не ведетца, что холопам с государи ссылатца, а ссылаютца меж себя о всяких делех государи сами...» Полагаем, что отказ от соблюдения этой вековой традиции был немаловажным дипломатическим успехом.

< 6 >

Как изложено выше, татарские нападения 30-х годов и борьба с ними обусловили новое направление правительственной политики в отношении землевладения приборных служилых людей южных городов. Наиболее ярким проявлением этой новой политики было постановление 1637 г. о «заказных городах», закрывавшее проникновение в них крепостнического землевладения, и новые приемы вербовки служилых людей. В 40-х годах наметившееся ранее направление правительственной политики сохранилось, но в нем ярче выступили отдельные черты, проявлявшиеся прежде слабо. В 40-х годах правительство уже не рисковало повторять в таком же широком объеме опыта, проделанного при заселении Чернавска, Козлова, Тамбова, и при заселении новых городов прибегало, в большинстве случаев, к старому приему перевода служилых людей из других мест. Впрочем, необходимо оговориться, что в целях усиления казачества в 1646 г. правительство, не боясь последствий, сразу подбросило на Дон значительную массу вольных и охочих людей из украинных городов. Если в 30-х годах московское правительство только закрывало доступ в украинные уезды вотчинникам и помещикам столичных чинов и иногородним дворянам и детям боярским, то в 40-х годах оно пошло на более решительный шаг и провело милитаризацию крестьянского населения в тех южных районах, где оно жило компактными массами. Так произошло превращение

крестьян дворцовой Комарицкой волости в драгун, так был ликвидирован самый крупный очаг крепостнического землевладения в Лебедянском уезде и в смежных районах Воронежского уезда, мешавший, по мнению правительства, организации обороны. Третьей чертой правительственной политики в отношении приборных служилых людей была довольно последовательная защита их от посягательств на их свободу со стороны вотчинников и помещиков, за которыми они в большинстве своем в прошлом жили.

До средины 30-х годов иски в крестьянстве к служилым людям приборных и других чинов украинных городов рассматривались и решались местными воеводами по «судимым грамотам», выдававшимся истцам в Разряде, и лишь в спорных случаях переносились в Москву. Иными словами, обычный порядок рассмотрения и решения таких дел заключался в суде на месте по указу из Москвы. Решение дел по искам в крестьянстве к служилым людям украинных городов на месте без указа из Москвы рассматривалось как действие самоуправное и незаконное; правильно поступал воевода, который, задержав беглого, отказывал истцу в выдаче его без указа из Москвы.[131] С половины 30-х годов, вместе с началом строительства новых городов, вырабатывается практика переноса рассмотрения и решения дел о крестьянстве служилых людей этих новых городов в Москву. Очевидно, что при широком доступе в состав служилых людей выходцев из разных состояний, часто крестьян и холопов, применение старого порядка рассмотрения и решения этих дел могло бы подорвать и даже уничтожить все плоды правительственной деятельности по усилению обороны южной окраины. Уже в 1635 г. чернавцы, значительная часть которых называла себя вольными людьми, подвергаясь угрозе «растаскивания в крестьянство», добились в Москве указа, категорически запрещавшего приказному чернавскому человеку без предписания из Разряда выдавать кого-либо из них в крестьянство и холопство. В своей челобитной чернавцы очень ярко изобразили, как приказный Ив. Бунин их «не бережет, а гонит розно своим насильством», мучит и корыстуется всякими способами. Издеваясь над ними, Ив. Бунин говорил: «Глажите де казаки пушки, а государева де жалованья вам денежнова ни корму вам не будет». Но самым опасным для чернавцев было то, что многих из них он роздал дворянам и детям боярским и писал по городам, чтоб приезжали в Чернавский острог, казаков «опазнывали да их имали себе»: «Хош де селитесь, хош нет, зима придет, — всех де роздам дворянам и детем боярским»,— говорил Ив. Бунин чернавцам. Правительство приняло сторону служилых людей, назначило сыск о злоупотреблениях Ив. Бунина, пригрозило ему наказанием и, изъяв из его ведения дела о крестьянстве чернавцев, лишило его самого главного и самого страшного средства насилия.[132] Такую же гарантию в делах о крестьянстве получили и служилые люди Козлова и Тамбова; более того, первоначально эти города пользовались репутацией полного иммунитета, что из этих городов вообще никому выдачи нет, наподобие того, как это было на Дону в казачьем войске. В 1639 г. ефремовцы, жители Старой Слободы, принадлежавшей ранее Ив. Тургеневу и затем отписанной на государя, добились указа, чтобы с исками в крестьянстве к ефремовцам истцы обращались в Москву в Разряд. В 1647 г. указ этот в отношении ефремовцев был повторен.[133] Гор. Вольный, построенный и заселенный в 1640 г., сделался пристанищем всякого рода людей. В конце 1648 г. в

[131] Белгород. ст. № 4, л. 261, 296.
[132] Белгород. ст. № 63, л. 145—147, 248.
[133] Белгород. ст. № 233, л. 17—18.— Приказ. ст. № 115, л. 90.

коллективной челобитной вольновцы писали, что «как де Вольный стал, из служеб никово никому по се число не отдавали». Но теперь стали приезжать дворяне и дети боярские с грамотами о крестьянстве. Челобитчики признавались, что лишь 80 человек из них не живали за помещиками, а остальные, более 300 человек, все отведали крестьянства. Несколькими месяцами позднее вольновцы повторили челобитье и добились указа, чтобы иски в холопстве и крестьянстве к ним предъявлялись в Москве.[134]

В самом начале 1648 г. драгуны г. Доброго, сделавшиеся таковыми лишь в предшествующем году, прежде всего позаботились о том, чтобы заручиться некоторыми гарантиями своей неприкосновенности. Добринцы били челом от имени всего города: указано де им быть в драгунской службе, а в крестьянах не быть, а ныне де приезжают в Добрый с грамотами многие служилые люди и вывозят их «по старине в крестьянство», отчего драгунские службы пустеют: «а мы холопи твои,— писали челобитчики,— в твоем государеве украинском городе в Добром Городище людишка мало и не все схожия». Добринский воевода Ф. Обернибесов в сопроводительной к челобитной отписке подтвердил, что от тех исков в крестьянстве «город людьми скудеет, и.. государевы службы пустеют, потому что де они (добринцы) люди не старинные, мало и не все схожие». На челобитной 1649 г. 29 июля помечено: «Государь пожаловал, велел дать память в Доброе и приказать без московского указа в крестьянстве и в холопстве, которые в драгунех, суда не давать, а кому дело — ищи на Москве в Разряде».[135]

Однако до Уложения существовала только лишь все расширявшаяся практика выдачи служилым людям отдельных городов указов, подобных приведенным выше, и лишь Уложение послужило основанием к обобщению этой практики. В документах 1650—1651 гг. встречаем ряд утверждений, исходивших от правительственных органов, что будто бы Уложение предписывало давать суд о крестьянстве служилых людей только в Москве и что будто бы по всем украинным городам об этом разосланы указы. Но Уложение не содержит прямого постановления такого рода, и указ о суде в крестьянстве служилых людей украинных городов есть лишь вывод из Уложения. В 1650 г. на челобитной ливенцев детей боярских А. С. и Г. А. Писаревых о выдаче им бежавших от них в тот же Ливенский уезд крестьян помечено о явке их по этому делу в Москву в Разряд, «а на Ливнах в таком деле суда не дают — писцовые книги на Москве».[136] По другому аналогичному же иску о крестьянстве к служилым людям г. Каменного в 1651 г. 5 декабря состоялась помета: «Послать государеву грамоту к воеводе в Каменное: будет учнут бить челом в крестьянстве и в холопстве, и на тех велено суд давать на Москве, для того что велено тово всево разыскивать книгами и всякими крепостьми, а на Каменном тово всево сыскивать нечем, а в тех во всех делех суд на Москве бывает».[137] В январе 1651 г. сыщику разбойных и татинных дел Ю. Г. Наумову было предписано посадить на неделю в тюрьму шацкого воеводу Н. Заболоцкого за решение дела о крестьянстве козловцев Никиты и Анкудина Васильевых в пользу чебоксарян Г. и М. Кольцовых, причем указ и «вину» было предписано сообщить Заболоцкому публично, у приказной избы «при многих людях», потому что в украинные города разосланы грамоты, «а не велено им (воеводам и приказным людям) украинных городов на служилых людей в

[134] Белгород. ст. № 270, л. 256—261.— Приказ. ст. № 263, л. 96—100.
[135] Приказ. ст. № 185, л. 213—214, 364, 430.
[136] Белгород. ст. № 291, л. 308, 311.
[137] Белгород. ст. № 335, л. 53—54.

городех по челобитью всяких чинов людей в холопстве и во крестьянстве суда и за пристава давать и в тюрьму сажать». [138] В мае 1651 г. было указано доправить 50 рублей пени на зарайском воеводе Б. Айгустове за производство суда в крестьянстве добринского драгуна: «а по государеву указу украинных городов на служилых людей и драгунов, опричь Разряда, ни в которых городех суда давать не велено». [139] В 1649 г. добринский драгун Наум Самойлов был выдан воеводой Ф. Обернибесовым в крестьянство. В 1651 г. по челобитью Н. Самойлова Ф. Обернибесов, в то время уже не состоявший воеводой в Добром, был допрошен в Разряде. Он показал, что в 157 (1649) г. в Добрый были присланы к нему две грамоты о суде в крестьянстве Н. Самойлова с указанием «по суду учинить до чего доведется». Выдача Самойлова, как утверждал Обернибесов, произошла «до нынешнего государева указа, что в городех всяких чинов на служилых людей суда давать не велено». [140] Из этого последнего дела, а также по всей совокупности данных можно заключить, что решение о перенесении суда о крестьянстве и холопстве служилых людей украинных городов в Москву могло состояться либо в конце 1649 г., либо в 1650 г.

Перенесение дел о крестьянстве и холопстве служилых людей украинных городов в Москву в Разряд не означало, конечно, что Разряд не мог решить то или другое дело в пользу истцов и против служилых людей; так это и было на практике. Но основную массу украинных приборных служилых людей и детей боярских новый порядок несомненно защищал от «разволоки» в крестьянство и холопство; в самом деле, мы не наблюдаем ни одного случая, ни в одном из самых демократических по своему составу новых украинных городов массового изъятия служилых людей по искам к ним в крестьянстве и холопстве. Следовательно, новый порядок достигал своей цели. Только сознанием большого преимущества рассмотрения дел о крестьянстве и холопстве в Москве можно объснить настойчивые челобитья служилых людей украинных городов о предоставлении им права судиться в Москве; очевидно, они видели в этом порядке существенную гарантию своей неприкосновенности. Вскоре правительство еще более упростило вопрос: указом 5 марта 1653 г. был вообще воспрещен возврат с черты бежавших туда до Уложения и записавшихся в службу с мотивировкой, «чтобы черты не запустошить», а указом 20 марта 1656 г. дата возврата беглых с черты

---

[138] Приказ. ст. № 192, л. 315—345.

[139] Приказ. ст. № 275, л. 9—10.

[140] Приказ. ст. № 273, л. 812—844. В деле от середины 1651 г. о крестьянстве усманца сына боярского А. И. Дудышкина по иску ельчанина сына боярского Г. Перцова содержится прямое указание, что по Уложению в городах суда о крестьянстве и холопстве не дают (Приказ. ст. № 274, л. 121). Такое же указание в другом аналогичном деле от сентября 1651 г. (Приказ. ст. № 270, л. 418).— Самого указа нам встретить не удалось. В 1651 г. 2 сентября воронежский воевода В. Кропоткин получил грамоту с осуждением за нарушение «не поодиножды» посланного ему указа, что суд о крестьянстве и холопстве воронежцев дается на Москве. Интересно, что В. Кропоткин решительно утверждал, что никакого указа он не получал и что никаких исков подобного рода при нем на Воронеже предъявлено не было, но что впредь он будет уведомлять истцов о новом порядке предъявления исков о крестьянстве и холопстве (Белгород. ст. № 335, л. 44—46).

Нам кажется, что нет оснований не верить В. Кропоткину. Можно высказать предположение, что утверждение Разряда о рассылке указа по украинным городам не совсем точно. Еще в 1649 г., как видно из дела о добринском драгуне Н. Самойлове, применялся старый порядок рассмотрения и решения дел о крестьянстве и холопстве, хотя уже широко была распространена и практика изъятия этих дел из ведения местных воевод. Уложение, утвердив способы доказательств крестьянства и холопства ссылками на писцовые и переписные книги и другие крепости, обобщило предшествующую практику. Разряд мог считать, что всем воеводам этот новый порядок должен был быть известен. Этим, быть может, и объясняется, что уже в 1651 г., вместо ссылок на указ, делаются ссылки на Уложение.

была отодвинута до 1653 г.[141] Последовательность этой политики в течение всего периода усиленного строительства новых городов на юге и новой укрепленной черты с половины 30-х и до начала 50-х годов обнаруживается не только из правительственных указов, получивших обобщенную форму в начале 50-х годов, но из ряда частных дел о крестьянстве и холопстве людей, бежавших на черту. Со второй половины 50-х годов правительственная политика в отношении уходившего на юг населения под напором дворянства начинает меняться. Но это изменение правительственной политики выходит за пределы нашей темы.[142]

Изучая влияние военной обстановки на передвижение населения на южной окраине Московского государства в 40-х годах, мы наблюдаем ряд новых явлений и изменений в направлении движения населения по сравнению с предшествующим периодом. Прежде всего, необходимо отметить усиление притока населения в Комарицкую волость. Существенное влияние оказало на этот приток превращение волости в укрепленный район в 1646 г., а населения волости — в драгун. Природные условия Комарицкой волости сами по себе имели много привлекательного: большой простор открывал широкую возможность колонизации и основанию новых слобод. Кроме пахоты, крестьяне, а теперь драгуны, занимались бортничеством, рыболовством, ловлей бобров; на реках, проточинах и колодезях было устроено множество мельниц с винокурнями при них. Новый военный строй допускал привлечение в состав драгунских дворов дополнительной рабочей силы, что наблюдалось и в Лебедянском уезде, где крестьянское население также было милитаризовано. Усиление обороны волости еще более увеличивало тягу сюда пришлого населения. Аналогичное явление наблюдаем мы в Верхоценской волости после того, как построение Козлова и Тамбова и укрепленной черты между ними создало достаточно прочный заслон против вторжения татар. В самом деле, множество частных фактов свидетельствует о постоянном притоке в Комарицкую волость, особенно после 1646 г., населения из соседних уездов: Карачевского, Мещевского, Козельского, Брянского, Белевского, Орловского, Курского и др.[143] Заоцкие уезды теряют население главным образом в пользу Комарицкой волости.

Уезды средней полосы (Тульский и др.) теряли в 40-х годах население в гораздо меньшей степени, чем это было в 30-х годах. Припомним, что в 30-х годах на Мценский, Тульский, Новосильский и др. этой полосы уезды приходится 47% всех подсчитанных нами беглых; в 40-х годах на эти же уезды приходится всего 14% (41 семья из 289) беглых. Едва ли это случайное явление и не связанное с тем обстоятельством, что в 40-х годах уезды эти не подвергались татарским нападениям.

Наоборот, уезды Курский и Елецкий, которые были до сих пор одним из районов сосредоточения пришлого населения, в 40-х годах начинают терять в очень большом количестве свое население. Менее ярко выражено это явление в Елецком уезде. Беглые еще продолжают сюда итти чаще всего из уездов заоцких (Белебского, Лихвинского, Перемышльского и др.); в большинстве случаев это были побеги сюда отдельных крестьянских семей. Впрочем, известны и случаи побегов сюда и больших групп

---

[141] Приказ. ст. № 203, л. 492—493.— Приказ. ст. № 505, л. 302—305.

[142] См. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. Историч. записки, № 4; Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. Труды Института истории РАНИОН, сб. 1., М., 1926.

[143] Приказ. ст. № 182, л. 87—88, 191—192.—Приказ. ст. № 270, л. 120, 484.— Приказ. ст. № 284, л. 40, 193.— Приказ. ст. № 331, л. 10, 96, 155, 198.— Севский ст. № 154, л. 67, 187.

крестьян. Так, в начале 40-х годов из поместной деревни И. Михнева Алексинского уезда выбежало в Елецкий уезд до 20 семей крестьян; в 1644 г. оттуда же бежали еще 4 семьи.[144] Другой случай такого же массового побега (более 20 семей) в Елецкий уезд был совершен в 1646 г. от Н. И. Романова из его сельца Романова городища. Судя по обстоятельствам дела, можно предполагать, что беглецы эти принадлежали к числу тех насильственно водворенных в вотчине могущественного боярина людей, которые освободились в обстановке широкого движения населения украинных уездов, вызванного, как указано выше, организацией похода под Азов в этом году.[145] Весь этот приток населения в Елецкий у. не покрывает, однако, значительно превосходящих потерь, которые нес Елецкий уезд в пользу Ефремовского, Козловского, Добринского, Сокольского и Воронежского уездов.[146] В 1644 г. из Елецкого уезда бежало на Воронеж 11 семей.[147] В 1646 г. в апреле от Б. Шейдякова и М. Колычова из их вотчин с. Егорьевского и дер. Тросной бежали крестьяне из 33 дворов, не считая 4 дворов, которых беглецы «наперед себя тово же году выпустили»; беглецы выжгли при этом свои и вотчинниковы дворы.[148]

Курский уезд в 40-х годах теряет население в еще большем количестве. Сильные татарские погромы 1643, 1644 и 1645 гг. усиливали стремление в новые города; документы содержат прямые указания на разброд населения из Курского уезда от татарского разорения.[119] В росписи крестьян и бобылей, бежавших из Курского уезда за период 1632—1652 гг., значится 546 человек. Нет сомнения, что большая часть побегов приходится на 40-е годы, потому что в 30-х годах население еще продолжало приливать в Курский уезд. В росписи указано, что в г. Вольный (основан в 1640 г.) бежало 38 человек, в Карпов (основан в 1644 г.)—59 человек, в Обоянь (основан в 1649 г.) — 149 человек, в Комарицкую волость — 110 человек.[150]

Общее наблюдение, относящееся ко всем городам и уездам по черте от р. Ворсклы до р. Дона, сводится к тому, что они не только не сделались районами, привлекавшими к себе население, а, напротив, быстро теряли свое собственное население. При заселении новых городов в этой части черты не наблюдалось ничего похожего на массовое движение вольного и беглого населения, вызванного в 30-х годах построением и заселением Чернавска, Козлова, Тамбова и Ефремова. Единственное исключение представляет собой заселение г. Вольного; но Вольный был построен и заселен в 1640 г., т. е. еще до начала крупных татарских вторжений.[151] Следовательно, он не характерен для 40-х годов. Заселение остальных вновь построенных в этой части «черты» городов, как правило, осуществлялось путем принудительного перевода в них служилых людей из других городов. Добровольческое движение сюда было очень слабым даже тогда, когда само правительство обращалось с призывом к вольным и охочим людям украинных городов. Чем далее вперед был выдвинут город, тем большим трудом происходило его заселение. На призыв итти в г. Валки не последовало никакого отклика: воеводы различных украин-

---

144 Приказ. ст. № 274, л. 581.
145 Приказ. ст. № 331, л. 407.
146 Приказ. ст. № 128, л. 6; № 150, л. 429; № 157, л. 522; № 182, л. 42, 103—; № 260, л. 205; № 263. л. 149; № 270, л. 318; № 273, л. 557.— Москов. ст. 226, л. 365 и сл.
147 Приказ. ст. № 157, л. 522.
148 Приказ. ст. № 273, л. 557.
149 Белгород. ст. № 290, л. 76.
150 Белгород. ст. № 266, л. 161 и сл.
151 В 1648 г. группа крестьян разных помещиков Рыльского уезда (18 человек) на в Вольный, с оружием в руках отбившись от преследовавших их служилых лю- (Приказ. ст. № 263, л. 21—22).

ных городов сообщали в Москву, что ни одного добровольно желающего пойти туда «не объявилось...», или, что «нихто не бывал», или что «своею волею никто не идет...»[152] Нет никакого основания объяснять это явление неблагоприятными природными условиями г. Валок для заселения; напротив, сведения, собранные при основании его, говорят об обилии и богатстве земель и всяких угодий в районе города. Несомненно, выдвинутое положение Валок, соседство его с татарскими степями отпугивало население. Таково же примерно было положение Валуйки: вечно тревожная жизнь, постоянные приходы татар под самый город делали существование его жителей крайне тяжелым; вот почему на протяжении 20—40-х годов сюда нет притока населения. Никого не соблазняла жизнь в городе, за стены которого нельзя было выйти без риска попасть в руки татар. Само правительство поддерживало во всех этих городах суровый крепостной режим. Города в этой части черты были прежде всего опорными пунктами для борьбы с татарами, и этой задаче была подчинена вся жизнь и деятельность населения.

Основным правилом заселения новых городов было сосредоточение населения вблизи от города в слободах и обязательное устройство жителями дворов внутри города на случай осадного времени. Но правило это в условиях мирного времени забывалось и не соблюдалось; жители расселялись по территории уезда, выбирая себе места, удобные для хозяйственной деятельности. В 40-х годах под впечатлением крупных татарских вторжений правительство возвращается к старому правилу о сосредоточении населения вокруг городов и сурово требует его выполнения даже в отношении городов и уездов, существовавших с давних пор. Так, в 1641 г. было указано снести на территории Курского уезда 8 острожков, сооруженных населением для защиты от татар, чтобы «уездные люди в них не садились в осаду, а бегали бы в город».[153] В начале 40-х годов воевода Д. Сеитов хлопотал о таком же переселении под г. Оскол самовольно выселившихся в уезд служилых людей.[154] В 1644—1645 гг. дело это продолжал новый воевода Д. Плещеев. В 1643 г. возник вопрос о поселении под Белгород атаманов, казаков, стрельцов и пушкарей, живших от города в 5—10—15—20 верстах.[155] Такой же вопрос был поставлен в 1643 г. относительно воронежцев. Но здесь расселение служилых людей зашло слишком далеко, и воевода В. Ромодановский сообщал в Москву о трудности выполнения указа, так как в уезде жило более 350 служилых людей.[156] В 1649 г. обнаружилось, что группа служилых людей г. Карпова (50 человек) самовольно выселилась на р. Псел и стала там «строиться»; возник вопрос об их обратном сселении.[157] Вопрос о таком же сселении жителей к городу Цареву-Алексееву возник в 1649 г.[158]

Наиболее ярким примером подобного рода правительственных мер был эпизод с заселением г. Обояни. Строительство города происходило в течение 1649 г. и к декабрю месяцу было закончено; оставались лишь некоторые недоделки в городских укреплениях. Город был построен у устья р. Бояни (притоке р. Псла) среди обильных пашенных земель, расположенных «в крепких местех», среди лесов и между рек. Удобство местоположения нового города заключалось также и в том, что он находился в тылу передовой линии обороны. Население украинных городов высоко

[152] Белгород. ст. № 192, л. 131—132.
[153] Белгород. ст. № 118, л. 661—663.
[154] Белгород. ст. № 130, л. 108—109; № 157, л. 238—239.
[155] Белгород. ст. № 192, л. 364—365.
[156] Белгород. ст. № 192, л. 265—269.
[157] Белгород. ст. № 303, л. 5—10.
[158] Белгород. ст. № 289, л. 34, 36.

оценило достоинства местоположения г. Обояни и со всех сторон устремилось сюда. Замечательно, что уже в ноябре 1649 г. воевода Ив. Колтовской сообщил в Москву роспись 27 деревень (в них 568 дворов), образовавшихся на территории нового уезда. Население стремительно разбросалось по р. Псле и его притокам и принялось за хозяйство, обстроилось дворами, «пашни и огороды попахали и росады посеяли». Но надежды поселившихся здесь людей на мирную и свободную хозяйственную деятельность были самым жестоким образом разрушены. Правительство строило крепость, а не создавало сельскохозяйственное эльдорадо, и поэтому оно распорядилось переселить под город всех служилых людей из деревень, построенных вниз по р. Псле далее пяти верст от города. В течение двух месяцев в 1650 г. отряд стрельцов «выбивал» обоянцев из их деревень, не останавливаясь перед сломом печей в избах и наказанием служилых людей батогами за упорство; от этой операции пострадало 330 служилых людей, но сопротивление было сломлено и переселение произведено.[159]

Уже после первых опытов обращения к вольным и охочим людям в половине 30-х годов правительство вернулось к обычному приему заселения новых городов путем «сведения», переселения в них служилых людей из других городов. По идее, «сведенцы» должны были бы быть семьянистыми и прожиточными людьми. Но на практике, поскольку выделение кандидатов на переселение зависело от окладчиков и воевод, в число сведенцов попадали главным образом беднейшие элементы служилых корпораций. Механизм сведения служилых людей во вновь строящиеся города достаточно известен. Он в конце концов достигал той же цели, что и заселение городов вольными и охочими людьми, но только гораздо более медленно и тяжело. Правительство обычно на некоторое время оставляло за сведенцами их старые владения, их «озадки». Но такая связь обитателей новых городов с прежним местом их жительства вредно отражалась на прочном устройстве их на новом месте; долгое время они сохраняли стремление вернуться на свои «озадки», уклонялись от заведения хозяйства, прибегали к подысканию заместителей на свои места. Правительство должно было прибегать к мерам принуждения, приневоливать их к пашне, оказывать им поддержку выдачей жалованья и казенного хлеба. Вольных и охочих людей, как мы видели, в Козлове, Тамбове, Чернавске, совершенно не было нужды побуждать к заведению хозяйства.[160]

Исследованием И. Н. Миклашевского установлено стремительное уменьшение числа крестьянских и бобыльских дворов в Белгородском и Осколь-ском уездах в 1626—1646 гг. В Белгородском уезде за этот период убыль достигала 40%. В Короченском стане из 40 крестьянских и бобыльских дворов осталось лишь 4; все крестьяне разбежались в 1646 г. Полное повторение того же явления Миклашевский нашел в Оскольском уезде. В 1643 г. в Оскольском уезде насчитывалось 54 двора крестьян и бобылей, а в 1646 г. их оставалось всего 25 дворов.[161] Убыль населения целиком вызвана была военной обстановкой.

Такой же характер имело и заселение городов в промежутке от Оскола до Дона, хотя здесь заметны некоторые новые черты. Если Царев-Алексеев и Верхсосенск были заселены исключительно «сведенцами», то для заселения Ольшанска уже нашлось достаточное количество вольных людей.

---

[159] Белгород. ст. № 290, л. 469—471, 106—111, 67.—Москов. ст. № 127, л. 429.

[160] А. А. Новосельский. Правящие группы в служилом городе XVII в. Ученые записки Института истории, РАНИОН, т. V, М., 1928, с. 329—330 (О наборе сведенцов из Мценска).

[161] И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1.— Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1894, с. 200—201, 203.

Точно так же в Коротояк и Урыв, кроме «сведенцов», явилось и некоторое число вольных людей. Костенск был преобразован из села того же наименования [162], и жители его, с прибавкой выходцев из Воронежского и некоторых других уездов, составили его население. В Костенск, Коротояк и Ольшанск пришли крестьяне из Воронежского уезда, а именно из-за Борщева монастыря.[163] Хотя и в незначительном количестве, все же появлялись здесь пришлые люди из Новосильского, Тульского и Рязанского уездов.[164] Приток сюда пришлых людей был бы значительнее, если бы правительство не предписывало строителям перечисленных городов воздерживаться от приема в службу крестьян, бобылей и холопов.

В 40-х годах еще резче выступило значение области течения р. Дона и р. Воронежа от их слияния и примыкавших к ней с севера уездов Козловского и Тамбовского в качестве основного района сосредоточения пришлого населения. Дон был магистралью, по которой население двигалось к югу. Козловский и Тамбовский уезды притягивали к себе население более всего из уездов Рязанского, Шацкого, других Мещерских уездов, из Владимирского, в меньшем количестве — из уездов, расположенных к западу; из Лебедянского уезда население шло сюда сильнее до образования на его территории городов Доброго, Сокольска; точно так же приток из пределов Воронежского уезда прекращается со времени построения здесь гг. Белоколодска и Усмани. Все эти новые уезды сами стали привлекать к себе пришлое население.[165]

Мы наблюдали, какие тяжелые потери несли владельцы Лебедянского уезда во время заселения Козлова и Тамбова и как неудержима была тяга обитателей этих владений в новые города; никакие отчаянные меры вотчинных властей, переходившие в открытое насильственное сопротивление, не могли спасти положения; мирное сосуществование частных владений с закрепощенным населением и вновь возникавших городов и уездов со свободным служилым неселением становилось невозможным. С другой стороны, частные владения образовали вредный разрыв во вновь создаваемой оборонительной черте. Естественно, назревало решение об отписке на государя всех частных владений, что правительство делало в отдельных случаях и раньше, но еще ни разу не делало этого в столь крупном объеме. В начале 1647 г. состоялось решение об отписке сел Доброго Городища, Лодыгина, Богородицкого, Черепяни, Владимирского, Ратчиной Поляны, Бухового, Замартинья, Колыбельского, Делехова, Каликина, Соколья, Юрлукова, Кузьминки и ряда деревень и починков. Владельцы (кн. А. Н. Трубецкой, Б. Бобрищев-Пушкин, Б. Плещеев, Чудов и Новоспасский монастыри, С. Вельяминов и др.) были вознаграждены землями в других уездах. Добрый и Сокольск были превращены в города с одновременным возведением сплошной линии укреплений до Козлова и к югу, где они смыкались с укреплениями усманскими. В Добром было поверстано (по данным «сметного списка» 1651 г.) в драгуны 951 человек и в пушкари, затинщики и воротники 23 человека; детей, братьев и племянников, поспевших в службу, было 833 человека. В Сокольске было сформировано, по

[162] Белгород. ст. № 192, л. 131—132.— Белгород. ст. № 170, л. 133—134.— Белгород. ст. № 289, л. 237.

[163] Приказ. ст. № 482, л. 263—264, 268.— Приказ ст. № 192, л. 116—130.

[164] Приказ. ст. № 186, л. 817—819.— Приказ ст. № 270, л. 153, 398.— Приказ ст. № 267, л. 389.

[165] Для установления районов, откуда притекало население в Тамбовский и Козловский уезды, могут служить итоги сыска беглых, производившегося в этих уездах в 1664—1665 гг. А. П. Еропкиным. См. итоги сыска беглых в эти годы по Тамбовскому уезду в статье А. А. Новосельского — Отдаточные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в., «Труды Историко-архивного института», т. II, М., 1946, с. 18—20.

данным 1647 г., 5 драгунских рот по 90 человек в каждой.[166] В следующем 1648 г. подобная же операция была проделана в с. Белом Колодезе (Воронежского уезда). Иноземцы, воронежские помещики (Е. Чернявский, Т. Гвоздецкий, Т. Ноготков, С. Мокакалов, Дарья вдова Н. Александрова), получившие в с. Белом Колодезе поместья в 1641 г., жаловались в 1644 г., что крестьяне им «чинятца сильны, промеж себя воруют и крадут и бьютца и им смирятца не дают». По челобитью помещиков, воронежский воевода посылал в с. Белый Колодезь губного старосту Н. Толмачова с 50 казаками, но и губной староста отказал в повиновении и лишь отозвался «невежливо» о начальнике Иноземского приказа боярине Ф. И. Шереметеве.[167]

Вся земля, которой жители отписанных на государя сел владели, будучи в крестьянах, осталась за ними «без разделу», т. е. в общей меже, и лишь была распределена «по службам ровно». Драгуны были освобождены от сбора ямских денег, стрелецких кормов и иных сборов.[168] Новые порядки представляли собой сочетание старого крестьянского быта с индивидуализирующими элементами, внесенными переходом на положение приборных служилых людей. Вошел в жизнь институт «подъемщиков» и «прокормщиков», помогавших драгунам в несении ими службы. Часто «прокормщики» и «подъемщики» становились преемниками драгун после их смерти. «Служба» допускала дробление на части: отсюда «половинщики», «третчики», «дольщики». «Службу» можно было сдавать путем частных соглашений так же, как тяглые крестьяне могли передавать другим лицам свое тягло целиком или частично. В быту новых служилых обществ сохранилась крестьянская традиция приема новых лиц и наделения их землей, т. е. право распоряжения мирской землей, и общее владение выгонной землей.[169] Таким образом, черты крестьянского землевладения и землепользования были выражены здесь отчетливее, чем в других украинных уездах, населенных приборными служилыми людьми.

Военный строй имел свои неприятные стороны; в первую очередь это были военная муштра и произвол командиров, присланных для обучения добринцев и соколян драгунскому строю. Жители не без сопротивления подчинялись военной дисциплине: «люди украинные упрямливы», по отзыву одного из воевод. Раздражал и выводил из себя произвол военных начальников. Уже в 1647 г. один из них, Н. Юрлов, был отставлен за поборы и нещадно бит батогами в Разряде.[170] Тяжесть службы с течением времени возрастала в связи с переводом в более тяжелую солдатскую службу, с новыми наборами и возложением новых повинностей.

Но все эти отрицательные стороны обнаружились не сразу. Сначала крестьяне увидели и ощутили лишь выгодные стороны освобождения от владельческой зависимости. Выгоды и преимущества нового состояния были очевидны. Помимо освобождения от ряда сборов, самая организация военной службы (по человеку из двора) освобождала много рабочей силы для хозяйственной деятельности и допускала дополнительное увеличение этих сил путем приема в состав драгунского двора новых людей в виде «дольщиков», «подъемщиков» и «прокормщиков». Население

---

[166] Поместный ст. № 29, л. 1—2.— Белгород. ст. № 227, л. 9—12.— Белгород. ст. № 173, л. 86—91.— Белгород. ст. № 327, л. 143—144.

[167] Белгород. ст. № 174, л. 312.— Приказ. ст. № 684, л. 78.— Миклашевский, 180.

[168] Белгород. ст. № 227, л. 21—51.

[169] Приказ. ст. № 264, л. 15, 18.— Приказ. ст. № 262, л. 50.— Приказ. ст. № 486, л. 67—68.— Приказ. ст. № 637, л. 91.— Приказ. ст. № 751, л. 14, 18.— Приказ. ст. № 994, л. 50—51, 54, 58.— Приказ. ст. № 1377, л. 13.

[170] Белгород. ст. № 227, л. 1, 65—68.

Доброго, Сокольска и Белоколодска переживало хозяйственный подъем. В границах мирской земли было много свободных земель и угодий, еще более их было на ногайской стороне Дона, куда и устремилось внимание драгун. Хозяйство давало избыток хлеба, крупные партии которого иногда закупало правительство. Развилось винокурение (в редком дворе не было «казанов» для курения вина), пчеловодство, рыболовство. Служилые люди, как можно судить по таможенным книгам, вывозили на рынок кожи, ульи с пчелами, выводили лошадей, коров, быков.[171] Перемена состояния сказалась и в подъеме настроения. В 1653 г. боярин Н. И. Романов, владелец Романова Городища, единственного в районе владения, не подвергшегося отписке, жаловался, что живущие смежно драгуны Сокольска, Доброго, Белоколодска чинят насилия над его крестьянами: «разбивают» и крадут, по дорогам бьют и грабят, ездят «собравшись заговором», свозят с покосов сено, насильственно захватывают его землю, уничтожают межевые знаки, пасут стада на его земле. Н. И. Романов подчеркнул, что раньше, когда драгуны были за вотчинниками и помещиками в крестьянах, насилий и обид от них не было.[172] Надо думать, что драгуны сводили старые счеты за те насилия, которым сами они подвергались в предшествующие годы со стороны вотчинных властей сильного боярина.

Когда были построены Добрый и Сокольск и крестьяне стали сами служилыми людьми, началось возвращение на старые места обитания бежавших отсюда крестьян. Уже в 1647 г. приказному человеку г. Сокольска было предписано принимать обратно в службу бежавших отсюда не долее чем за 10 лет и не состоявших в крестьянах и холопах.[173] В 1647 г. в с. Ратчино (Добринский уезд) вернулся «старый жилец» А. Милюхин, бежавший в 1646 г. «от монастырских налог» и скитавшийся в Лебедянском уезде и на посаде «не в служилых людях и беззачепна». В 1648 г. в с. Кривец (Добринский уезд) вернулся «повольно» обитатель этого села Ф. Федоров, покинувший «свое старое жилище» в 1643 г., когда татары и черкасы разорили это село.[174] Вольные люди сходились сюда, заслышав «царскую милость», что села взяты на государя и жители их устраиваются в драгунскую службу. Добринцы охотно давали поручительства этим новоприходцам. Примером может служить «сказка» 1648 г. «про новоприходца вольного человека» Андрюшку Федосова, что он «человек вольной и незацепной, ни в котором городе ни в какой службе не был, ни боярской, ни княженецкой, ни монастырской крестьянин, ни дворовой боярской кабальной слуга, ни монастырской служка, вольной, не крепосной и беззацепной человек».[175] Не все эти новоприходцы могли попасть в драгуны, но труд их здесь помимо того находил себе приложение; они могли жить «переходя», своим трудом по найму или в бобылях. Уже и раньше Лебедянский уезд был известен как пристанище пришлого люда; добринцы сознавались, что они люди «мало и не все схожие». Теперь возврат отсюда беглых еще более осложнился, во-первых, потому что само правительство ограждало драгун от посягательств на их свободу, во-вторых, потому что притязания владельцев встречали дружный отпор со стороны драгун. Беглые стали рассматривать эти новые уезды как место, где можно было особенно надежно укрыться от преследования. В 1648 г. бежавший из Шацкого уезда крестьянин служилого человека Г. Порошина был сыскан в Тамбовском

[171] Денеж. ст. кн. № 104 (1653—1654 гг.), кн. № 205 (1672—1673 гг.), кн. № 96 (1651 г.).— Приказ. ст. № 264, л. 10.— Приказ. ст. № 484, л. 80.— Приказ. ст. № 497, л. 170.— Приказ. ст. № 637, л. 342 и др.

[172] Приказ. ст. № 203, л. 215.

[173] Белгород. ст. № 227, л. 7—8.

[174] Приказ. ст. № 185, л. 124, 126.

[175] Приказ. ст. № 185, л. 125—143.

уездé и возвращен владельцу, но бежал вторично и укрылся в Добринском уезде. Сысканные в Козловском уезде бежавшие от ельчанина сына боярского Н. Юрлова крестьяне были возвращены ему в 1646 г., но ушли с дороги в Сокольск, где записались в драгуны. Бежавший из Белевского уезда от П. Воейкова крестьянин был возвращен владельцу, но в 1651 г. бежал вторично в Добрый, где записался в драгуны.[176] Драгуны оказывали открытое сопротивление попыткам возврата беглых.[177] Вследствие того, что население рассматриваемой территории было преимущественно пришлым, оно сохранило много связей со своими родственниками и односельчанами, и, став служилыми людьми, добринцы и соколяне, приходя на места своего прежнего жительства, подговаривали их к побегу. Приходы эти сопровождались грабежами и угрозами расправ над старыми владельцами.[178]

Наряду с Добринским и Сокольским уездами Лебедянский уезд также не потерял своего значения района, куда стекалось пришлое население. О размере притока сюда населения говорит общий итог сыска здесь беглых, произведенный в 1664—1665 гг. А. П. Еропкиным: всего было возвращено отсюда 389 семей (1749 душ).[179]

Территория Козловского, Тамбовского и Лебедянского уездов не была пределом движения населения, оно спускалось южнее в Воронежский уезд. Уже очень рано здесь возникло частное землевладение; так, на р. Усмани мы встречаем владения Морозовых. Население Воронежского уезда непрерывно и быстро растет до половины XVII в. Если в 1615 г. писцовая книга насчитывает в Воронежском уезде 51 селение, то в 1629 г. здесь было уже 62 селения. В 1615 г. за помещиками было 17 102 четверти полевой земли, а в 1629 г. уже 34 606 $^1/_4$ четвертей. В четырех станах Воронежского уезда (Чертовицком, Карачунском, Борщевском и Усманском) в 1629 г. насчитывалось 1570 крестьянских и бобыльских дворов; в 1646 г. общее число дворов в Воронежском уезде, несмотря на выделение г. Усмани, достигало 2060 дворов.[180] Население шло сюда из очень отдаленных районов: из уездов «в черте»— Елецкого, Новосильского и еще более отдаленных — Белевского, Лихвинского, Рязанского, Шацкого и др. Побеги в Воронежский уезд имели свою традицию и совершались по проторенным путям. В 1640 г. от шацкого помещика В. Протасьева бежал сюда кабальный человек с семьей в 6 человек. В 1643 г. от того же владельца бежало в Воронежский уезд еще 4 крестьянские семьи (26 человек), 1644 г.— 12 крестьян, деловых и кабальных людей, в 1648 г.—5 крестьянских семей, в 1650 г.— 2 крестьянские семьи. В бегах все эти люди устроились за разными помещиками Воронежского уезда.[181] За годы 1641—1645 г В. Стрешнева из шацкой вотчины с. Чучкова сбежало в Козловский, Лебедянский и Воронежский уезды 47 семей крестьян.[182] В 1648 г. з Лихвинского уезда из с. Князищева от Д. Сомова бежал крестьянин с семьей; сначала он устроился в драгунах в Добром, затем

---

[176] Приказ. ст. № 172, л. 42.— Приказ. ст. № 273, л. 812—844.— Приказ. ст. 274, л. 284.

[177] Приказ. ст. № 182, л. 103—104.— Столкновение добринцев с ельчанином ном боярским П. Черным при его попытке вернуть своих беглых крестьян из Черепяни при содействии пристава.

[178] Приказ. ст. № 186, л. 398.— Приказ. ст. № 270, л. 357, 368.— Приказ. ст. 274, л. 166, 174—176.

[179] Белгород. ст. № 553, л. 403—423.

[180] Миклашевский, с. 119, 206—207.

[181] Приказ. ст. № 182, л. 322.— Белгород. ст. № 199, л. 64.

[182] Приказ. ст. № 157, л. 155—157.

перешел в Сокольск, а отсюда перебрался в Воронежский уезд за Борще монастырь.[183]

Строительство г. Усмани с линией укреплений между реками Усманью и Воронежем до с. Борового, откуда татары неоднократно проникали «безвестно» в Воронежский, Лебедянский и Козловский уезды, было поручено С. Вельяминову и происходило в 1645 г. В Усмань было указано «прибрать» из вольных людей в служилые люди общим числом до 550 человек (казаков, стрельцов и др.).[184] С. Вельяминов, не дожидаясь прихода вольных людей из дальних городов, решил использовать имевшиеся на месте людские резервы и стал записывать в службу детей боярских и поместных казаков с. Песковатого, наделенных здесь землями из отписных владений Б. И. и Г. И. Морозовых, жителей с. Студенок и с. Ступина, сказавшихся вольными людьми. Вскоре начался приток людей из Воронежа, Ельца и Козлова. Этот набор служилых людей в Усмань открыл собой длинную цепь острых столкновений новоприборных служилых людей с помещиками и вотчинниками, из-за которых они вышли. Ступинские атаманы утверждали, что сказавшиеся вольными людьми жители с. Ступина на самом деле их крестьяне и записаны за ними в писцовых книгах. С. Вельяминов перенес дело в Москву и одновременно извещал, что «за тем их спорным челобитьем многие люди ни в какие службы не пишутся». С протестом выступили воронежские служилые люди; они возбуждали «поклепные» иски в крестьянстве ко многим из воронежских жителей, записавшихся в службу по Усмани; получая приставов от воронежского воеводы А. Бутурлина, служилые люди били, грабили и насильственно уводили с собой усманцев, «а они,— писал С. Вельяминов,— люди вольные и не крепостные, и от того многие люди ужаснулись и в... государеву службу не пишутся». Многие из записавшихся в службу разъехались по разным местам за семьями и имуществом, но здесь местные воеводы их захватывали и сажали в тюрьму, подвергали побоям и ограблению. С. Вельяминов снова подчеркивал, что, «устрашась» того, никто по Усмани в службу не пишется. Из Москвы были разосланы по городам грамоты о беспрепятственном отпуске вольных людей в Усмань. Нет сомнения, что среди вольных людей были и крестьяне. Увлеченный стремлением быстро закончить заселение Усмани, С. Вельяминов проговорился об этом в одной из своих отписок в Москву; он жаловался, что воеводы по городам «от отцов стрелецких, казачьих и крестьянских детей, братьи и племянников не отпускают». На этой отписке находим такую характерную помету: государь указал брать на житье из городов стрельцов и казаков, «а крестьянских детей имать не довелось,— умрет крестьянин, а после ево кому быть в крестьянстве. А что поставил город, и то учинил добро».[185] При Е. Челищеве, сменившем С. Вельяминова, отношения между Усманью и Воронежем еще более обострились. В 1650 г. воронежский воевода В. Еропкин обвинял Е. Челищева в том, что он произвольно пишет в службу крестьян воронежских служилых людей, что крестьяне эти, записавшись в службу, приходят скопом с Усмани, детей боярских, поместных атаманов и казаков грабят и бьют и остальных крестьян вывозят на Усмань; идет де молва, что на Усмань велено принимать всякого, откуда бы кто ни пришел. Е. Челищев отвечал, что все эти обвинения ложны,

[183] Приказ. ст. № 274, л. 149.— Другие примеры: побеги от Ф. И. Шереметева из Рязанского уезда в 40-х годах и начале 50-х годов (Приказ. ст. № 302, л. 111); из Елецкого уезда от И. Бовыкина в 1644 г. в Воронежский уезд (Приказ. ст. № 157, л. 522); от А. Зыбина из Лихвинского уезда в 1650 г. в Усманский уезд (Приказ. ст. № 182, л. 257).

[184] Белгород. ст. № 173, л. 17—20, 28—30, 46.

[185] Белгород. ст. № 173, л. 215, 258, 300, 361, 426—427, 467—468.

что крестьян среди принятых им в службу нет, что никаких произвольных действий он не допускает, а что В. Еропкин насилия чинит и без вины держит усманцев в тюрьме: «и та ссора меж городов от него, Василья, а не от меня, холопа твоего»,—писал Е. Челищев. Он, однако, по предписанию из Москвы огласил указ о запрещении приема крепостных людей в службу; усманские казаки, выслушав грамоту, сказали, как передавал Е. Челищев, что если государь укажет отдать их в крестьяне, то они уйдут в Крым.[186]

Категорическое утверждение крестьянства усманцев воронежским воеводой и воронежскими служилыми людьми и столь же категорическое отрицание крестьянства записавшихся в службу усманским воеводой и самими усманцами во всяком случае свидетельствует о какой-то неопределенности положения лиц, ушедших от воронежских служилых людей и записавшихся в службу по Усмани. Само правительство ограничилось формальным подтверждением того, что крестьяне не подлежат записи в службу, но не решилось применить этого правила к усманцам. Мы наблюдаем здесь то же самое явление, какое имело место при заселении Козлова и Тамбова, когда само правительство решилось оборвать еще непрочную и только что образовавшуюся связь между бежавшими сюда людьми и их владельцами. Все они были «прихожими» людьми, и крестьянское ярмо еще не успело застареть и упрочиться на них. Однако натиск на беглецов со стороны владельцев не прекращался. Сошлемся на факт более поздний. В 1661 г. служилые люди, помещики и вотчинники разных городов, добились прямого содействия белгородского воеводы возврату беглецов с Усмани. Действие этой непосредственной угрозы возврата в крестьянство хорошо выразил усманский воевода: «усманцы — дети боярские и казаки и всякие служилые люди, покиня домы свои, от того побежали, и многие с валу и с сторож разбежались, боясь белгородской волокиты, что пора деловая», а «сполохи беспрестани...»[187]

———∞———

[186] Белгород. ст. № 296, л. 107—110.
[187] Белгород. ст. № 448, л. 19—20.— Приказ. ст. № 464, л. 175—179.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Причины тяжелого и затяжного характера борьбы Московского государства с татарами

В заключение нашей работы, откладывая подведение всех итогов до ее завершения, мы остановимся на одном только общем вопросе, который возникал у историков, занимавшихся московско-татарскими отношениями и по-разному ими решался,— на вопросе о причинах тяжелого и затяжного характера борьбы Московского государства с татарами. Ответ на этот вопрос очень важен, потому что он освещает общий ход борьбы Московского государства с татарами и разъясняет ряд его частностей.

У историков мы встречаем указания на недостаточность энергии и смелости у московского правительства в организации борьбы с подвижной и неожиданно меняющей направление боевой тактикой татар, на известную косность и неповоротливость, свойственные феодально-крепостническому строю Московского государства. В дополнение к этому объяснению затяжного характера борьбы с татарами мы встречаем еще указание на выгодное стратегическое положение Крыма и малой ногайской орды, их отдаленность, делавшие их недосягаемыми для русского правительства.

Приведенные соображения односторонни, потому что они рассматривают московско-татарские отношения изолированно от международной обстановки и вне связи с развитием внешней политики Московского государства в целом. Исследование показывает, что ход борьбы с татарами чрезвычайно осложнялся влиянием различных международных факторов, а также тем, что Московское государство имело и должно было решать гораздо более важные внешнеполитические задачи, ведя одновременно борьбу с татарами.

Из всего изложенного в нашей работе видно, что силы татар в XVII в. количественно были еще довольно велики. Очень важным их преимуществом было то, что в любой момент и в любом месте они легко и быстро могли сосредоточить крупные силы для нападения. Но не в этом только заключалась военная опасность татар для Московского государства. Гораздо важнее было то, что татары были противником непримиримым, не поддающимся дипломатическому воздействию и не идущим на мирное сожительство. С особенной наглядностью обнаруживали такое отношение к Московскому государству Большие ногаи: даже подчинившись Московскому государству, они не удерживались прочно и устойчиво в подданстве и не могли ужиться мирно, а постоянно проявляли тенденцию к «измене» и возобновлению нападений и грабежей. Такой противник уже вследствие одной своей упорной враждебности опасен и борьба с ним трудна.

Для того чтобы в должной мере оценить опасность неустанной военной активности татар, надо выяснить ее происхождение. Ссылка на «хищничество» татар не есть объяснение. Подлинное объяснение заключается в установлении связи военной политики татар с экономическим и социальным строем Крыма и ногайских орд, с историческими традициями их внешней

политики. Как мы указали в самом начале нашей работы, исследования по истории татар не дают достаточно глубокой и полной характеристики феодального режима, сложившегося в Крыму и в ногайских ордах. Задача изучения внутренней истории татар сама по себе так велика, что она не укладывается в рамки нашей работы; кроме того, источники, главным образом дипломатические, на которых основана наша работа, слабо отражают внутренний строй Крыма и ногайских орд. Однако на протяжении нашей работы в ряде очень выразительных фактов обнаруживается совершенно несомненная связь военной политики татар с их внутренним строем, и на основании проявления такой связи мы можем до некоторой степени представить себе те черты внутреннего быта, экономического и социального, которые вызывали военную активность татар. Дальнейшее накопление фактов, мы надеемся, приведет нас к более полному ответу на поставленный вопрос.

Изложим кратко сделанные нами наблюдения и наши предварительные выводы. Мы имеем документальные свидетельства, которые неоспоримо доказывают низкий уровень состояния производительных сил Крыма и медленность их развития. Крымские татары до самого последнего времени принадлежали к числу народов, «не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.)»...[1] Однообразие форм феодальной эксплоатации сохранялось в неизменном виде на протяжении целых столетий.[2] Земледелие не только оседлого, но и полуоседлого типа внедрялось среди татар поразительно медленно. Попытки историков установить этапы распространения земледелия у татар до сих пор были малоплодотворны. То, что нам известно о земледелии среди крымских татар в первой половине XVII в., в общем совпадает с состоянием его в XVI в. В первой половине XVII в. документами засвидетельствовано наличие в Крыму «сидячих» татарских деревень наряду с «юртными», тех же посевов в «зимницах», проса и ячменя и отчасти пшеницы в Крыму и за его пределами.[3] Можно допустить распространение в XVII в. земледелия на новые районы, но доказать этого конкретными данными мы пока не в состоянии. Ссылка на высокий уровень земледелия в приморской полосе Крыма отнюдь не колеблет основного наблюдения о медленности развития земледелия и его примитивности. Земледелие в приморской полосе имело вековую историю и ничем не было обязано татарам в своем развитии. Татары не только не подвинули его вперед, но создали регресс, и сами с трудом усваивали старинное культурное наследие.[4] Как в XVI в. Крым слыл страной «несильной кормом»,[5] таким он оставался и в первой половине XVII в. Крым не мог прокормить своего населения и нуждался в привозном хлебе. Гетман Жолкевский объяснял уход массы ногайских татар из Крыма в белгородские степи в начале XVII в. тем, что бедная в большей своей части территория полуострова не

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1937, с. 70.

[2] В. Е. Сыроечковский, с. 15 и сл. Автор допускает, что в Крыму на протяжении столетий держалась оброчная форма эксплоатации.

[3] Данные об этом рассеяны в тексте нашей работы. См. также показания толмача Ипова, посетившего улусы Малых ногаев в 1617 г., о том, что татары за Доном, от Дона верстах в 40, сеяли просо (Турец. д. 1616 г., № 1, л. 128); показания Чирикова 1637 г. о посевах под Азовом, вверх по Дону, яровых хлебов: проса, ячменя, пшеницы (Турец. д. 1637 г., № 1, л. 358—359); письмо кн. Сулеймши Сулешева в 1644 г. брату своему Мурате и другим мурзам, находившимся в посольстве в Москве, о том, что их домашние дела и хозяйство в порядке, что хлеб и просо «родилися», в зимовьях «просо гораздо родилося»; хлеб не родился только у Чингарского перевоза и подле Ирлыя; здесь лишь местами родилось просо (Крым. д. 1644 г., № 16, л. 5—7).

[4] Сыроечковский, с. 9—10.

[5] Крым. д., кн. № 5, л. 86 и об.

могла прокормить их. История Больших ногаев, когда они уходили в Крым, знает несколько примеров того, как крымцы изгоняли их вследствие «дорогови», вызывавшейся увеличением населения. Прекращение временами подвоза хлеба из Турции чрезвычайно обостряло продовольственные затруднения в Крыму.

Русские источники полны сообщений о частых и длительных недородах и голодовках в Крыму, необычайной дороговизне основных продуктов питания, которых притом купить было «негде, да и нечем», вымирании населения, падежах лошадей и скота, передвижении улусов, гонимых нуждой. Постоянно встречаются жалобы на бедность и нужду татар. Если современные наблюдатели и говорят о богатстве некоторых князей и мурз, то это могло относиться лишь к немногим представителям самых верхов крымской знати, которые подражали в своем быту крымским царям. Но этот богатый быт князей и мурз, как и богатство крымских царей, вырастали не столько на основе эксплоатации крымского населения, сколько на основе сторонних источников. Рядовые мурзы, а их было множество, постоянно говорили о своей бедности и нужде. Примитивное хозяйство основной массы улусных татар не давало избыточной продукции, которая могла быть выброшена на рынок и удовлетворить требования феодалов. Характерные замечания мы находим в перехваченном московскими послами в Турции Совиным и Алфимовым в 1630 г. письме азовского Умер бея султану. Рисуя бедственное состояние Азова и нищету его населения, бей вспоминал как о временах былого благополучия, когда кочевавшие под Азовом татары орды Больших ногаев привозили в город тулупы да масло; теперь не было и этого. Население жило перекупкой у донских казаков награбленного ими во время морских походов имущества и его перепродажей. Бей умолчал о главном, чем жило население Азова, о торговле русским полоном. Сам он был снят из Азова за прямое участие в организации набегов на Русь. Но такую же роль основного товара полон играл и для крымцев.[6]

Выход из хозяйственных затруднений татары находили не в развитии производительных сил, к чему природные условия предоставляли полную и широкую возможность, а в отыскании сторонних источников средств, какими сделались для них беспрестанные войны с соседями и получение с них принудительных платежей. Эти статьи дохода с давних времен вошли в качестве органической части в состав средств, поддерживавших существование крымского населения. О величине их мы можем судить по примеру Московского государства. Один только русский полон в течение первой половины XVII в. доставлял татарам огромные суммы. Значительную сумму составляли поминки и содержание крымских послов и гонцов.[7] Ограбление Польши, точнее правобережной Украины, давало еще бóльшие средства. Если присоединить сюда поступления из некоторых других соседних стран, то можно представить себе огромный размер средств, притекавших в Крым извне. Поскольку практика извлечения средств из соседних стран имела за собой вековую традицию, она приобрела значение влиятельного фактора во всей экономике Крыма, дополняя его скудный экономический быт.

Отрицательное влияние пользования сторонними источниками как средством существования объяснялось отчасти крайне неравномерным их распределением среди крымского населения. Что касается поминок и других расходов, которые уплачивали и несли в пользу Крыма прави-

---

[6] Турец. д. 1630 г., № 4, л. 50—51.
[7] Подробности см. в Приложении II.

тельства соседних стран, то они целиком поглощались правящей верхушкой Крыма: в большей части царем, его семьей и дворовыми людьми, в меньшей — крымской знатью. Не только рядовых улусных татар, но и рядовых мурз эти подачки не достигали; убедиться в этом можно, изучив детальнее состав поминок и других московских подачек и их распределение.[8] Но в значительной мере это относится и к распределению полона. Обязательное отчисление от добычи (20%)[9] шло царю, подобное же отчисление шло князьям и мурзам и начальникам отрядов; сверх того, неимущие татары, а таких было множество, снаряжавшиеся в поход за счет кредитования их князьями, мурзами, представителями духовенства, дворовыми людьми, ростовщиками, должны были возвращать долг натурой. Отсюда получалось, что особенно нуждавшаяся в добыче татарская голытьба мало выигрывала от походов. Нужен был ряд удачных походов, чтобы захват полона и его реализация на рынке принесли облегчение татарской бедноте. Вот почему татары присваивали прозвище «счастливых» тем царям, при которых происходили неоднократные и успешные набеги на соседние страны. Неравномерность распределения полона вызывала острые столкновения из-за него, стремление избежать платежа всех обязательных сборов с добычи, контрабандную им торговлю, минуя Крым. В этом отношении несомненными преимуществами обладали татары ногайские.

Так следует объяснять постоянную военную активность татар, с которой приходилось бороться их соседям. Стимулы к набегам рождались беспрестанно внутри самого Крыма. Сами крымцы, начиная от царей и кончая простыми татарами, многократно заявляли о том, что их нападения на Русь вызывались только их собственными внутренними потребностями и лишь для формы оправдывали их какими-либо поводами, якобы возникавшими со стороны московского правительства.

Однако же это хищническое отношение татар к Московскому государству имело свою политическую оболочку. Если попытаться объяснить происхождение подобного рода политики татар, то ее следует вести от золотоордынских отношений к Руси. От первой половины XVII в. нет прямых свидетельств и открытых заявлений представителей ни одного крымского правительства о том, что они считают Крым преемником Золотой Орды со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но все же в основе всей политики Крыма в отношении к Московскому государству и тогда все еще лежало, хотя и замаскированное, стремление отстоять пережитки этих давних традиций. Яснее всего это выражалось в трактовке крымцами поминок как дани. Проявление той же традиции мы видим в утверждении ими своего права войны, в отрицании права московского государя на титул самодержца, в грубом и жестоком третировании московских посланников, в бесцеремонном поведении татар в Москве. Грубейшие нарушения самых элементарных правил дипломатических сношений ни в коем случае нельзя приписать дикости и варварству крымцев. Правительственные лица Крыма, а тем более крымские цари, вовсе не были дикарями,— такое мнение о них было бы явно несправедливо,— и они отлично умели соблюдать все правила этикета, когда они этого хотели. В отношении московских дипломатических представителей крымцы сознательно не делали этого, потому что не хотели признавать московское правительство равной себе стороной. Крымская политика с течением времени становилась все более архаичной и не соответствовавшей реальному соотношению

[8] См. Приложение II.
[9] Встречаются указания на отчисление 10%.

сил, но крымцы все же держались ее упорно и последовательно. Что касается отношений ногайских орд к Московскому государству, то корни их следует искать в тех же давних традициях; различие заключается лишь в том, что ногайские князья и мурзы даже не пытались дать своим отношениям к Московскому государству какого-либо исторического обоснования; они были в XVII в. лишь уродливыми пережитками глубокой старины.

Блюстителем и проводником такой политики была крымская знать, а не крымские цари, которые назначались и сменялись по воле турецкого правительства и не имели корней в Крыму. Напомним несколько наиболее ярких фактов. При Девлет Гирее, о «железной руке» которого говорит В. Д. Смирнов, крымские князья и мурзы при поддержке «всей земли» заставили царя принять выработанную ими программу внешней политики.[10] В первой половине XVII в. единственными крымскими правителями, которые рискнули на самостоятельную политику, вразрез с волей султана, были Магмет Гирей и Шагин Гирей, но и их попытка потерпела поражение отчасти потому, что они, игнорируя крымскую знать, опирались на сторонние силы (запорожских казаков и шаха персидского). Джанибек Гирей во второе свое правление не устоял перед давлением крымских феодалов и уклонился от русла турецкой политики, что и повело к его смене. Крымской знати принадлежала инициатива борьбы с Кантемиром и чрезмерно усилившимся влиянием ногайских мурз. Крымские князья и мурзы организовали решительную борьбу с Кантемиром при царе Инайет Гирее и заставили последнего полностью принять свой план действий и дойти до открытого «отпадения» от Турции. При царе Бегадыр Гирее могущество Кантемира было сломлено, и борьба с Мансуровыми мурзами была довершена массовым их истреблением. Но, ослабив влияние ногаев, крымские князья и мурзы в дальнейшем выступают единым с ними фронтом против усилившейся придворной партии. Признаки ее усиления обнаружились еще при царе Бегадыр Гирее. Царь Ислам Гирей сделал попытку привести крымских князей и мурз в полное себе «холопство». Но князья и мурзы вступили с ним и партией «дворовых людей» в упорную борьбу и, опираясь на ногаев, как на главную боевую силу, победили в этой борьбе, захватили власть в Крыму в свои руки и заставили Ислам Гирея вести внешнюю политику, отвечающую их интересам.

Борьба за власть и влияние внутри Крыма означала борьбу за внешнюю политику в интересах Крыма в том понимании, как изложено выше, а также за раздел добычи и пользование источниками других крымских доходов. Усиление ногайских улусов и придворной партии противоречило интересам крымского населения, прежде всего крымских феодалов, и вызывало противодействие с их стороны. Турецкая политика, не соответствовавшая интересам Крыма, также вызывала противодействие крымцев и порождала борьбу «за независимость». Естественно, что инициаторами этой борьбы «за независимость» и ее организаторами были крымские князья и мурзы, а цари только следовали их указаниям и впоследствии расплачивались за нарушения своих вассальных обязанностей снятием с крымского престола.

Крымские князья и мурзы — инициаторы, руководители и организаторы нападений на соседей; в этом смысле они были выразителями инте-

---

[10] Н. Веселовский. Рецензия на книгу В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века», ЖМНП, 1889, январь, стр. 196. Яркий пример неповиновения крымцев Девлет Гирею.— См. выше гл. I, § 3.

ресов довольно широких кругов крымского населения. Львиная доля выгод от традиционной крымской политики попадала в руки феодалов. Подчиненная им масса улусных татар была орудием политики феодальной знати.[11] Под покровительством знати находились другие, менее значительные организаторы военных предприятий, вплоть до вожаков мелких групп «зипунников» и «добыточников». Крымская знать возглавляла и поддерживала всю систему военных предприятий крымцев. Объективно политика класса феодалов служила во вред Крыму, сохраняя архаичные общественные формы, тормозя его хозяйственное развитие, ослабляя государственную власть. Широкая возможность ограбления соседних стран и получения добычи способствовала сохранению в Крыму отсталых общественных форм, тормозила их эволюцию.

Таковы были внутренние корни постоянной военной активности татар по отношению к Московскому государству; отсюда возникала трудность и тяжесть борьбы с ними. Из нашего исследования очевидно, что московское правительство на основании длительного опыта сношений с Крымом пришло к совершенно ясному пониманию глубоких причин постоянной борьбы татар с Русью, хотя и не облекало своих заключений и выводов в обобщенную форму.

Но трудность борьбы с крымцами для Московского государства заключалась не только в том, что внутри самого Крыма имелись постоянные стимулы к нападениям и притязаниям на сохранение архаических пережитков золотоордынских отношений, но и в том, что существовали условия, поддерживавшие, как выражается один из исследователей, «живучесть» Крыма и затягивавшие борьбу с ним.

Несомненно, одним из таких условий было благоприятное стратегическое положение Крыма. Трудности организации прямого нападения на Крым и достижения решительного результата доказаны примерами нескольких подобных попыток русского правительства в XVII и XVIII вв. Справедливо, однако, замечание, что одной ссылки на выгодное стратегическое положение недостаточно для объяснения «живучести» Крыма.[12] Полагаем, что вторым не менее важным условием была благоприятная для Крыма международная обстановка. Сам по себе Крым едва ли мог бы долго противостоять Московскому государству и быть для последнего столь опасным.

Один из главных выводов нашей работы заключается в том, что политика Крыма в отношении Московского государства имела глубокие и самостоятельные мотивы и давнюю традицию. В основном эта политика никем не была навязана или предписана Крыму извне. Но Крым был вассалом Турции, и поэтому может естественно возникнуть мысль о том, что отношение крымцев к Московскому государству определялось указаниями турецкого правительства и что военная активность татар представляла собой лишь одну из форм турецкой политики. Полное разъяснение влияния Турции на политику Крыма требует самостоятельного и большого исследования; этой задачи мы перед собой не ставили. Поскольку эта самостоятельная и большая проблема нашла отражение в нашей работе, мы можем кратко следующим образом выразить наши наблю-

---

[11] Напомним суждения крымских мурз о том, что улусные, черные татары не могут нести ответственности за набеги. Укажем также на факты принудительной мобилизации татар в набеги и прямого противоречия военных предприятий крымских князей и мурз хозяйственным интересам беднейших татар (О последнем см. Турец. кн. № 17, л. 33—36. В 1587 г. татары «неохотой» и «неволей» шли в набег на Русь, а беднейшие татары отказывались потому, что им предстояло в то время убирать урожай).

[12] С. Веселовский, с. 201.

дения о воздействии Турции на политику Крыма в первой половине XVII в.

На всем протяжении первой половины XVII в. мы можем отметить лишь немного случаев, когда Турция прямо поощряла нападения крымцев на Русь. Повидимому, так было в годы интервенции в Московском государстве. Доказан случай вторжения татар в пределы Московского государства в 1637 г. по прямому указу султана, а также в годы 1644 и 1645. Но и в этих случаях Турция не создавала у крымцев мотивов к нападениям, а лишь поощряла их проявление; здесь мы имеем лишь совпадение интересов турецких с крымскими. Обычно же крымцы действовали совершенно самостоятельно и даже иногда прямо вразрез с планами турецкого правительства. Наиболее яркими примерами действий крымцев вопреки указаниям султана были их нападения на Московское государство в начале 30-х годов и в 1642—1643 гг.

Мнение о решающем влиянии Турции на поведение Крыма исходит из преувеличенного представления о силе турецкого правительства и монолитности Турецкой империи. На протяжении первой половины XVII в. отдельные части огромной Турецкой империи обнаруживали весьма значительный сепаратизм, и турецкое правительство с большим трудом и только террористическими мерами подавляло поднимавшиеся то в одном, то в другом месте империи восстания. Управление Крымом и другими татарскими ордами (Ногайской малой и Белгородской) представляло для Турции не меньшие трудности, чем для Московского государства управление Большой ногайской ордой. Было весьма трудно руководить еще сохранявшими в XVII в. значительную подвижность татарами. В нашем исследовании, как нам кажется, этот факт показан достаточно убедительно. Турецкое правительство для удержания своей власти в Крыму вынуждено было постоянно прибегать к мерам экстренного порядка, к посылке туда войск, смене крымских царей и иногда беспощадных расправ с ними. То же самое следует сказать и об отношении турецкого правительства к белгородской орде. На поведение же Малой ногайской орды турки вообще смотрели сквозь пальцы.

При всем том, признавая значительную самостоятельность политики крымцев в отношении Московского государства, нельзя не видеть того, что вассальная зависимость от Турции представляла собой весьма важную опору для Крыма. Русское правительство понимало это хорошо и всегда учитывало то, что за спиной татар, в особенности крымцев, стояла Турция, независимо от того, поощряла ли она татарские нападения или татары совершали их самостоятельно. Выражалась эта постоянная поддержка Крыма Турцией прежде всего в том, что последняя знала о традиционных претензиях Крыма к Московскому государству, санкционировала их и во всех случаях настаивала на их сохранении; известно, что Турция признавала право Крыма на получение поминок из Москвы, бесцеремонно называя их иногда «выходом», и обязанность московского правительства уплачивать их. Этот общий взгляд турецкого правительства на крымско-московские отношения объяснялся тем, что для Турции было чрезвычайно важно существование Крыма и его целостность в качестве гарантии господства на Черном море. Всякая попытка русского правительства ликвидировать пережитки старинных отношений Золотой Орды к Руси или вступить в прямую борьбу с Крымом рассматривалась Турцией как угроза ее коренным интересам. Вот почему следует признать правильным то положение, что за спиной Крыма всегда стояла Турция и что решительная борьба с Крымом неизбежно должна была превратиться в борьбу с Турцией. Русские правительственные деятели понимали эту внутреннюю связь крымской и турецкой проблем, но долгое время,

пока борьба с Турцией не стала на очередь, сознательно в своих дипломатических сношениях с последней избегали прямой постановки этого вопроса и даже пытались много раз воздействовать на Крым через Турцию. Перерастание русско-крымской борьбы в борьбу русско-турецкую произошло постепенно со времени войны с Польшей за Украину. Последующая история русско-крымских отношений, выходящая за пределы нашей работы, действительно показывает, что крымский вопрос был решен как часть турецкого вопроса, как борьба за обладание северным побережьем Черного моря.

Гораздо нагляднее выступает перед нами связь между политикой Крыма и Польши. Для обеих этих стран Русское государство было опасным противником. Отсюда рождались неоднократные союзные соглашения их и совместные действия против Русского государства.[13]

Влияние на борьбу Русского государства с татарами других стран, Персии, Англии, Франции, в изучаемый нами период имело косвенный характер и все же оно временами существенно нарушало внешнеполитические расчеты русского правительства и осложняло их.

Изложенные нами общие положения, касающиеся глубоких источников татарской военной активности, выгодного стратегического положения и международной обстановки, благоприятствовавшей «живучести» Крыма, должны быть приняты во внимание при оценке политики московского правительства в отношении татар, приемов и результатов борьбы с ними. Очевидно, что борьба с татарами приобрела затяжной характер и оказалась трудной не по причине нерешительности, вялости и безинициативности русского правительства.

Припомним в самых общих чертах ход борьбы с татарами в первой половине XVII в. В десятилетие 1607—1617 гг. татары грабили и разоряли южную часть Московского государства безнаказанно, и едва ли надо объяснять, почему борьба с татарами в то время не велась: русский народ боролся за свою независимость и все усилия направил против врагов, прямо угрожавших его независимости; бороться одновременно с их пособниками не было сил.

В последующий период до начала 30-х годов татарские нападения затихли. Но страна была настолько истощена и разорена, что она была в состоянии оказывать даже весьма ослабленным татарским набегам только пассивное сопротивление. Кризис, перенесенный страной в годы интервенции, был коротким, но настолько сильным, что он вернул страну в то состояние упадка, в котором она находилась после кризиса второй половины XVI в., и в этом разорении сыграли видную роль татары. Процесс восстановления хозяйства требовал значительного времени. Усилия правительства были направлены на укрепление обороны западных границ, что следует признать вполне обоснованным. На юге ограничились самым необходимым восстановлением старой оборонительной системы, но с весьма заметным ее сжатием.

Московское правительство при этом основывалось на благоприятной международной обстановке, но допустило крупную ошибку, рассчитывая на мир и даже союз с Крымом во время Смоленской войны. Крымцы преподали московскому правительству наглядный урок, подтвердив еще раз, что как на друзей и союзников на них рассчитывать было нельзя. Положение осложнилось еще передвижением ногайских орд, происшедшим в 1634—1636 гг. Начинается новый период борьбы Московского государ-

[13] М. Н. Бережков, с. 344.— Меткое замечание о теснейшей связи между собой татарского и польского вопросов и одновременном их решении вследствие этой связи в далеком будущем.

ства с татарами. В течение десятилетия 1636—1646 гг. правительство осуществило целый комплекс очень крупных оборонительных мероприятий против татар. Мероприятия эти описаны нами выше. Они поражают своим масштабом, разнообразием и той последовательностью и упорством, с какими они были проведены. Успех этих мер бесспорен: угроза татарских нападений на центральные области государства была отныне предотвращена, началось прочное освоение обширных пространств, включенных в новую Белгородскую черту. Целесообразность и действенность оборонительных мероприятий Московского правительства обнаруживается из сопоставления с эффектными в отдельных случаях, но безрезультатными в конечном итоге оборонительными мерами польского правительства в правобережной Украине.

———∞———

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ПЕРЕЧЕНЬ ТАТАРСКИХ НАПАДЕНИЙ НА МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО с 1558 г. ДО КОНЦА XVI в.

В 1558 г. 17 января русские войска перешли границу Ливонии. В январе же на Хортицу на Днепр был послан с ратными людьми кн. Д. Вишневецкий. 21 января в Москве было получено сообщение о том, что крымский царь Девлет Гирей, узнав о походе русских войск в Ливонию и «умысля злое христианству», послал на Русь сына своего Магмет Гирея, князей и мурз крымских, с ними же отпустил мурзу Дивея с братьями и мурз, пришедших к нему из Большой ногайской орды (мурзу Аису Уразлыева, двух сыновей кн. Исмаила — Тинбая и Кулбая).[1] Всех татар было, по летописи, 100 тысяч. Татары перешли р. Донец «низко к Дону» и намеревались напасть на Рязань, Каширу и Тулу. Дойдя до р. Мечи и получив известие о сборе войск на Оке, татары ушли обратно, не осуществив своего плана. Русские ратные люди тремя полками ходили за татарами вплоть до р. Оскола. Посланные к Донцу головы с сотнями татар не настигли (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 311—315; Древ. разр. кн., с. 192—194).

В 1559 г. меры, принятые в самом начале года, представляют собой попытку предупредить новое нападение татар. В феврале на Донец был послан кн. Д. Вишневецкий для нападения под Керчь и другие крымские улусы, а на Днепр был отпущен Д. Адашев «для промыслу» над Крымом с другой стороны (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 315—316). Этим не ограничивались меры предосторожности. 11 марта Иван IV с братьями и боярами обсуждали вопрос о том, как против Девлет Гирея «стоять» и украйну оберегать. На украйну было послано пять полков, а стоять им было «на поле, прошед Тулу» или, как говорят разрядные записи, «на поле за Дедиловом на Шивороне» (Синб. сб., с. 1; Древ. разр. кн., с. 207—209). Для подкрепления действий кн. Д. Вишневецкого был послан на Дон И. Вешняков. Девлет Гирей, усилившись за счет ногаев, имел серьезное намерение совершить на Русь поход (Кн. посольская, т. I, № 102). Вероятно, сосредоточение крупных сил на московской украйне, а также активные операции со стороны Дона и Днепра помешали походу. Уже в апреле кн. Д. Вишневецкий сообщил, что на р. Айдаре он нанес поражение крымцам, пытавшимся проникнуть в казанские места. В июле Д. Адашев доносил об удачных действиях против Крыма со стороны Очакова. И. Вешняков со своей стороны перехватил шедших под Крым мурз Больших ногаев и нанес им поражение (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 319—320). В августе с Дедилова на Тихую Сосну был послан воевода И. Федцов с ратными людьми, «а стоять ему было в Серболовом лесу», следовательно, он должен был охранять Калмиусский шлях. На Дедилове и по украинным городам был произведен смотр войскам. 23 августа большой воевода кн. И. Д. Бельский был отпущен со службы (Древ. разр. кн., с. 213—214). Очевидно, правительство считало опасность татарской войны миновавшей. Несмотря на все принятые меры, имеются сообщения о двух приходах татар. Татары приходили под Пронск, где были разбиты В. Бутурлиным (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 318). В ноябре татары (3000 человек) во главе с Дивеем мурзой и мурзами Ширинскими «безвестно» пришли на тульские места и воевали в Ростовской волости. Воевода кн. Ф. И. Татев не мог их преследовать, потому что ратные люди не собрались к нему во время (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 321, т. XXI, ч. 2, с. 674). Очевидно, к тому времени ратные люди были уже распущены.

[1] Иначе — Кутлубай.

В 1560 г. меры по обороне украйны заключались в следующем: пять полков стояло на Туле, затем три полка во главе с кн. А. И. Воротынским были выдвинуты на Быструю Сосну, «а стоять им на поле на Ливне». После отпуска больших воевод было получено сообщение о приходе Дивея мурзы с 3000 татар на рыльские места. Воеводы с Тулы ходили за татарами и Дивея «дошли, а дела с ним не поставили». Были вести о сосредоточении крупных татарских сил на р. Удах (до 20 тыс.) во главе с царевичами (Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 305; Древ. разр. кн., с. 218; Синб. сб., с. 3; ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 328). Из переписки Девлет Гирея с королем Сигизмундом мы узнаем, что Девлет Гирей действительно посылал в поход сына своего Магмет Гирея, но поход не состоялся вследствие непредусмотрительности татар (Кн. посольская, т. I, № 130, № 133). В том же году, «по вестям» о намерении татар напасть на темниковские места, туда был послан воевода кн. Темкин. Состоялось вновь назначение в Тулу воевод (Древ. разр. кн., с. 221; Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 309).

От 1561 г. мы не имеем сведений о нападении татар, кроме действий белгородских татар зимой 1561—1562 гг. в Северской земле (Кн. посольская, т. I, № 143). В Ливонии весь год прошел в опустошительных походах.— О состоянии обороны южных границ сведений нет.

В 1562 г. шли приготовления к открытию военных действий против польского короля, срок перемирия с которым истекал. Король Сигизмунд-Август проявил особенную энергию, «подымая царя (Девлет Гирея) на государевы и великого князя украйны» (Кн. посольская, т. I, № 138, 139, 140). Сношения эти стали известны в Москве, и «на берегу» «от поля» были поставлены полки (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 340; Древ. разр. кн., с. 229; Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 321—323). В Серпухов были назначены кн. Владимир Андреевич и князья М. и А. Воротынские. 21 мая сам царь двинулся в поход в Можайск, а 28 кн. А. М. Курбский взял Витебск (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 341). 6 мая Девлет Гирей с царевичами приходил к Мценску, стоял под городом два дня, сжег часть посада и воевал уезд. Летописец сообщает, что Девлет Гирей привел с собой мало людей (до 15 тыс.). Узнав, что царь в Можайске, а в Серпухове собраны войска, Девлет Гирей спешно покинул пределы московской украйны. Отступая, Дивей мурза и другие князья и мурзы «войну распустили к Болхову и Белеву». Воевода В. Бутурлин не дал татарам опустошить болховских мест. Князья М. и А. Воротынские ходили за татарами до Коломака и Мерчика, но не настигли их (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 341—342). Летопись, надо думать, смягчает картину татарского набега, потому что в грамоте королю Сигизмунду Девлет Гирей говорит о большом полоне и разорении, называет несколько городов (Мценск, Одоев, Новосиль, Болхов, Белев и Чернь?), подвергшихся войне. Но король не был удовлетворен этим и настаивал на новом походе зимой в Северскую землю, где в то же время действовали белгородские татары (Кн. посольская, т. I, № 143, 144, 151). В сентябре царь вернулся из Можайска в Москву. В это время были наложены опалы на князей М. и А. Воротынских и кн. Д. Курлятева за их «изменные дела». В ноябре началась ссылка с польским королем о заключении мира. Одновременно Девлет Гирею было сделано предложение о возобновлении мира. Царь Иван IV двинулся под Полоцк в декабре; 15 февраля 1563 г. Полоцк был взят (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 344—345).

В 1563 г. между 4 апреля и 12 мая, в то время как царь Иван IV совершал объезд городов Перемышля, Одоева и Белева, татары во главе с царевичами Магмет Гиреем и Алды Гиреем, мурзой Дивеем, кн Азием Ширинским, Алеем мурзой Ширинским, Мурат мурзой Сулешевым и др. в числе до 10 тыс. человек приходили к Михайлову (Крым. кн. № 10, л. 111—112). Польский король поздравлял Девлет Гирея с удачным походом, с «фортуной» (Кн. посольская, т. I, № 163).

В 1564 г. новый поход русских в Литовскую землю сопровождался поражениями. В августе Иван IV согласился в перемирной грамоте с шведским королем на отказ от Колывани и Пернова, потому что с польским королем «всчалось большое дело» (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 377, 385). Разрядные книги указывают, что с апреля полки были поставлены «от поля» в Калуге, т. е. они не столько защищали украйну от татар, сколько были выставлены против поляков (Древ. разр. кн., с. 246—248; Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 349—350). Полагаясь на договор о мире и дружбе с Девлет Гиреем, Иван IV «воевод больших с людьми в украинных городах от крымской стороны не держал»; оставлены были только «легкие воеводы с малыми людьми». Воспользовавшись этим, Девлет Гирей в первых числах октября с значительными силами, определяемыми русскими источниками в 60 тыс. человек, напал на Рязанскую землю. Выбор момента для нападения был, очевидно, согласован с походом короля под Полоцк (16 сентября — 4 октября). При выборе места для нападения Девлет Гирей принял во внимание расположение русских вооруженных сил, сосредоточенных под Калугой, т. е. далеко от места действия татар. Девлет Гирей стал под Рязанью, сжег посады и распустил людей в войну. Для сохранения втайне своего нападения Девлет Гирей взял «за сторожи» московских послов в Крыму Аф. Нагого и Ф. Писемского. Сама

Рязань и вся рязанская земля была беззащитна. «Град ветх вельми бяше». Служилых людей в городе не было, были в нем лишь его постоянные жители и селяне, успевшие скрыться в город. Жителей, бежавших к Оке, татары забирали на перевозах, успевших переправиться, татары преследовали и забирали на другой стороне Оки. Лишь 17 октября состоялся указ о посылке «на берег» воеводы И. П. Яковля (Яковлев, Челяднин) с теми немногими служилыми людьми, которые в то время оказались в Москве. Войска эти, прибыв к Оке, уже не застали там татар, кроме последних их отрядов.— 3 декабря Иван IV «оставил свое государство», положил опалу на бояр, духовенство, служилых и приказных людей. Бояр и воевод царь обвинил в том, что они «от Крымского и от Литовского, и от немец не хотят крестьянства обороняти» (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 377, 385, 387—390, 392; Древ. разр. кн., с. 246—251; Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 349—350).

В течение 1565 г. на главных театрах войны не происходило крупных операций; шли мирные ссылки с польским и шведским королями и с Девлет Гиреем. Военные силы были сосредоточены главным образом на юге. С весны «для Крымского неправды, что со царем и великим князем гонцы будто ссылается, и на государевы украйны приходил, и для береженья государь воеводам по берегу и украйным городам стояти велел; нечто царь и царевичи пойдут на царевы и великого князя украйны, и к государю с тою вестью часа того послати, а бояром и воеводам кн. И. Д. Бельскому и кн. И. Ф. Мстиславскому и иным бояром и воеводам тотчас велел итти на берег и дела государьского и земского беречи» (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 399). Роспись полков «на берегу» была такова: на Коломне — полки большой и левой руки, на Кашире — правой руки, в Серпухове — сторожевой, в Калуге — передовой (Древ. разр. кн., с. 257—258; Синб. сб., с.10). 19 мая были получены довольно неопределенные сообщения о движении татар «вверх Мерла по Муравскому шляху». Этого сообщения было достаточно, чтобы вся береговая служба была приведена в действие: воеводы были спешно отправлены по местам, составлена роспись «схода» воевод из украинных городов (Древ. разр. кн., с. 258—261; Синб. сб., с. 11). Тревога оказалась необоснованной. Осенью (15 сентября) была составлена новая роспись полков (трех) о постановке их на Туле во главе с кн. Владимиром Андреевичем (Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 379; Древ. разр. кн., с. 265). Но, как видно из последующего, эта расстановка полков осуществлена не была, и почти одновременно была составлена роспись постановки полков «на берегу» (Древ. разр. кн., с. 266). Вскоре же после этого поступило известие (21 сентября) о сосредоточении татар на Каменном броде и у верховий Тора и движении их в течение 2 дней через Савинский перевоз на Донце по Изюмскому шляху (Древ. разр. кн., с. 266—267; Синб. сб., с. 16—17; Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 380—381). В начале октября сам Девлет Гирей приходил к Болхову. С «берега» и из украинных городов против него «поспешили» воеводы с войсками, и Девлет Гирей, не распустив татар в войну, спешно ушел (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 399; Синб. сб., с. 16—17; Древ. Росс. Вивл. XIII, с. 380—381. Древ. разр. кн., с. 266—267). По летописи, Девлет Гирей пришел к Болхову 7 октября, а ушел 19-го в полночь. Возможно ли, чтобы за такой срок татары не производили опустошений? По разрядным записям, Девлет Гирей пришел под Болхов 9 октября и ушел в тот же день в полночь.

В 1566 г. сношения с польским королем завершились заключением перемирия до Рождества. Ногаи, пришедшие на помощь Ивану IV, были отпущены обратно (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 400—403). Для обороны Полоцкой земли поставлены города в Усвяте, Соколе и Уле (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 406). Такие же оборонительные меры были приняты и на украйне. На р. Орлее был поставлен город (Орел). Повидимому, завершены были какие-то работы по укреплению засечной черты, а сам царь в течение месяца (с 29 апреля по 28 мая) производил объезд Козельска, Белева, Болхова, Алексина и других украинных мест и городов с крымской стороны (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 401—402). Быть может, всей этой совокупностью обстоятельств объясняется, что источники не содержат указания на расстановку полков «на берегу» и на Туле. Ближайшие к украйне полки стояли на Калуге (Синб. сб., с. 17—18). Татары нападений не совершали. Калга Магмет Гирей по требованию султана ходил в Венгрию, а сам Девлет Гирей в конце 1566 г. на короля (Крым. кн. № 12, л. 196, 238—240; Крым. кн. № 13, л. 2).

В 1567 г. Крым находился некоторое время в состоянии колебания. В январе в Москву прибыл от Девлет Гирея гонец с предложением «быти в крепкой дружбе и в братстве» и извещением о походе Девлет Гирея с сыном Алды Гиреем на короля (относится к концу 1566 г.) (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. 406; Крым. кн., № 12, л. 340—341). Но одновременно же Девлет Гирей начал переговоры с королем о мире и союзе против Москвы, завершившиеся заключением такового. В борьбу вступила Турция, договорившаяся в 1568 г. с Польшей. С апреля «на берегу» «для приходу» крымского царя было поставлено 5 полков — в Коломне— Серпухове — Кашире (Синб. сб., с. 18). Из крымских документов узнаем, что уже в мае мурзы Осман и Селим Ширинские с 6000 татар направились было в набег на московскую украйну, но Девлет Гирей вернул 3000 человек. С остальными мурза Осман все же продолжал поход. Удалось ли Девлет Гирею за-

держать и эту часть татар, сведений нет (Крым. кн. № 13, л. 37—39). От самого конца 1567 и начала 1568 г. есть несколько указаний о набеге на Северскую землю Исмаила мурзы с товарищами (Крым. кн. № 13, л. 148, 157 об., 163).

От 1568 г. имеется только одно недостаточно ясное указание, из которого можно предположить, что полки стояли в этом году в Калуге (Синб. сб., с. 22).— В статейном списке Аф. Нагого находим краткое указание, что в начале июля Девлет Гирей отпустил своих сыновей Алды Гирея и Казы Гирея на московскую украйну войной (Крым. кн. № 13, л. 166).

В 1569 г. в связи с походом турецко-татарского войска под Астрахань (сведения о нем в Крым. кн. № 13 и Турец. кн. № 2) оборона юга была особенно усилена: 5 полков стояло «на берегу», 3 полка «за рекой» и 3 полка на Рязани (Синб. сб., с. 22—23). Поход не имел успеха, однако он связал вооруженные силы Московского государства.

В 1570 г. Иван IV посадил в Ливонии в качестве своего вассала датского принца Магнуса, который с помощью русского войска совершил поход под Ревель. С Польшей было заключено трехлетнее перемирие. Однако главная масса вооруженных сил была отвлечена на защиту южных границ, откуда все время ожидали татарского нападения. Король польский, заключив перемирие с Иваном IV, неустанно побуждал Девлет Гирея к совершению нападения. «На берегу» были поставлены полки, причем воеводам было дано указание держаться оборонительно и в случае прихода татар в украинные города «за реку не ходить» (Синб. сб., с. 25). 13 мая между рек Мжа и Коломака (следовательно, по Муравскому шляху) была замечена сакма, проложенная значительными массами татар. Действительно, татары (50—60 тыс.) во главе с царевичами Магмет Гиреем и Алп Гиреем приходили на рязанские и каширские места. 22 мая сам Иван IV собирался итти в поход, но, так как 21 мая татары уже уходили из войны, поход не состоялся (Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 401—402). От начала сентября поступило несколько сообщений о новом скоплении татар у верховий рек Береки и Тора, между Пслом и Ворсклой (мурза Бакай). Воеводы были посланы в полки и сам царь пошел в Серпухов. Татар ждали под Тулой и Дедиловом. Но татары дошли только до Новосиля в числе 6—7 тыс. (Древ.Росс. Вивл., XIII, с. 402—413; Синб. сб., с. 25—27). В Турецких делах есть указание на участие в набегах 1570 г. на Русь казыевцев (2000) и азовцев во главе с азовскими воеводами (Турец. кн. № 2, л. 130—132).

В 1571 г. большие силы (до 50 тыс.) были поставлены в трех полках по Оке — в Коломне — Кашире — Серпухове. Сам царь ходил к Серпухову. Нападения татар ждали. Сигизмунд-Август призывал Девлет Гирея к решительным действиям, упрекая его в том, что в течение трех последних лет он не причинил великому князю московскому «никакой шкоты», «в земле московской замку ни одного не взял и ему (королю) не отдал», а требует уплаты поминок (Кн. посольская, т. I, № 193). В этом году Девлет Гирей осуществил, наконец, большое вторжение, проник через засечную черту, р. Оку, дошел до Москвы в день Вознесенья 24 мая и сжег ее (Сведения об этом нападении Девлет Гирея см. Крым. кн., № 13; Турец. кн. № 2; ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, с. 300—301; Материалы для истории России, извлеченные из рукописей Британского музея в Лондоне. Чт. М. Об-ва И. и Д. Р., 1870, кн. 3; Письмо современника-англичанина; Д. Флетчер. О государстве русском, изд. 3, СПб., 1906, с. 17, 75—85). Одновременно с крымцами в качестве их союзников Большие ногаи совершили нападение на казанские места: Тетюши и Алатырь. Московские гонцы в Крым Севрюк Клавшов и Ив. Мясной (1572 г.) должны были изображать этот набег ногаев как действие казыевцев, отколовшихся от Большой ногайской орды. Гонцы должны были говорить, что «ногайская орда великая, а люди в ней вольные, где хотят тут и служат». Царь Иван IV послал ногайскому кн. Тинехмату «свое гневное слово», и кн. Тинехмат и мурза Урус будто бы хотели сыскать нарушителей мира, казнить их и все захваченное вернуть (Крым. кн. № 13, л. 440—441; Крым. кн. № 14, л. 140—141). Из этих объяснений гонцов очевидно, что не только казыевцы, но и Большие ногаи нападали на казанские места.

В 1572 г. полки были расположены по Оке в пяти пунктах: Серпухове (большой полк)— Тарусе (правой руки) — Калуге (передовой) — Кашире (сторожевой) — Лопасне (левой руки). В августе Девлет Гирей повторил вторжение и подошел к Серпухову. Описание этих боев с татарами на Оке опускаем. Девлет Гирей перешел Оку, но встретил упорное сопротивление и был отражен. Русскими был взят в плен знаменитый Дивей мурза. Повидимому, успешному ходу борьбы с татарами много содействовали солидные укрепления, созданные на большом протяжении по Оке. На этот рав имеются совершенно определенные указания на участие в набеге Больших ногаев. По уверению крымцев, только они разоряли и жгли русские селения (Крым. кн. № 14, л. 154—161, 165—169, 173; Синб. сб., с. 34—35; Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 434; Штаден, О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника, л. 1925, с. 110—111). Восстание в Казанской земле, начавшееся, как следует думать, еще в предшествующем году, в 1572 г. продолжалось и потребовало посылки значительных войск для

его подавления. Осенью этого года «на казанских людей, на луговую и горную черемису» было послано 5 полков. Поход в «черемисские места» продолжался и зимой этого года (Синб. сб., с. 35, 39; Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 434—435).

В 1573 г. пять полков стояло по Оке и пять полков — против казанских восставших людей—было поставлено в октябре в Елатьме (большой и правой руки)—Нижнем—Шуе — на Плесе. В сентябре крымские царевичи приходили на рязанские места. Сначала с ними бились воеводы украинных городов, затем против татар выступили из Серпухова воевода большого полка кн. С. Д. Пронский с товарищами, «а ходили до Верды реки, татар не дошли» (Синб. сб., с. 41). Казанские люди, узнав о сосредоточении против них крупных сил, государю в Муроме «добили челом» и учинили договор во всем по государеву наказу (Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 443—445; Синб. сб., с. 42). Ответом на нападения Больших ногаев было репрессивное разорение московскими ратными людьми Сарайчика. В наказе Б. А. Чихачеву, посланному в Швецию в 1572 г., говорится «о непослушании» части Больших ногаев, о гневе московского государя за это на кн. Тинехмата, но ничего не говорится еще о погроме Сарайчика. В наказе кн. Сицкому, посланному в Швецию в 1575 г., говорится о разорении Сарайчика, как о факте уже прошлом (СРИО, т. 129, с. 247, 190). Из «вестового списка» гонца Ив. Мясоедова видно, что в 1574 г. (в начале года) кн. Тинехмат просил у Девлет Гирея помощи против Москвы; он упрекал Девлет Гирея в том, что последний подговорил ногаев к походу против московского государя, «стравил» их с ним, говорил, что он, Девлет Гирей, взял Москву и будто идет сесть на Московское государство; послушав его, в 1572 г. ногаи ходили с ним в поход, а когда русские ратные люди разорили Сарайчик и ногайские улусы, он, Девлет Гирей, никакой помощи им не оказал (Крым. кн. № 14, л. 256). Отсюда заключаем, что разорение Сарайчика имело место в 1573 г.

В 1574 г. крымцы вместе с ногаями осенью совершили набег на рязанскую украйну: «И тое осенью было дело украинским воеводам кн. Б. Серебряному с товарыщи с крымскими и с ногайскими людьми в Печерниковых дубравах, опричь новосильских, да мценских, да орельских (орловских) воевод, потому что они в сход не поспели» (Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 450). В том же году казанские татары приходили под Нижний (Н. Фирсов. Чтения из истории Среднего Поволжья, Казань, 1919, с. 111; Нижегородский летописец, изд. А. С. Гацискаго, Нижний-Новгород, 1886, стр. 35). Следовательно, замирение Казанской земли в предшествующем году не было окончательным. В том же году был построен г. Кокшайск (Древ. Росс. Вивл., XIII, с. 445).

От 1575 г. не имеем сведений о татарских набегах.

В 1576 г. первоначально сам царь Иван IV и его сын— царевич должны были стоять со всеми людьми в Калуге. Под 15 августа в Разрядной книге записано сообщение А. Веревкина, Я. Прончищева и Ф. Шаха «со всеми атаманы и со всеми черкасы», что они Ислам-Кермень взяли и что Девлет Гирей, собиравшийся было в поход на Русь, с Молочных вод вернулся в Крым, узнав о нахождении Ивана IV с царевичем со всеми силами в Калуге. Получив это сообщение, Иван IV с большими боярами и воеводами ушел в Москву; на берегу были оставлены вторые воеводы. Составлена была новая роспись распределения ратных людей на берегу и в украинных городах: там были оставлены дети боярские, стрельцы, донские казаки, черкасы и «всякие судовые люди». Впрочем, полного спокойствия на южной украйне не было. В сентябре татары приходили к Новгороду-Северскому и на орельские места, а другая их часть — на темниковские места. В связи с этим в сентябре же вновь был пересмотрен распорядок полков «на берегу» (Серпухов и др.). Однако же эта предосторожность не изменила плана «большого» «немецкого похода» под Колывань. Сбор ратных людей был назначен в Новгороде к Рождеству. В октябре еще раз возвращались к обсуждению вопроса о движении войск «с берега» в Шацк и к Николе Зарайскому «по крымским вестям», когда можно было ожидать прихода «больших воинских людей». Русские ратные люди пришли под Колывань 23 января 1577 г., а 23 марта «прочь отошли» (не добившись успеха) (Древ. Росс. Вивл., XIV, с. 293, 305—307, 314—315, 319).

В 1577 г. царь Иван IV «устроил берег» (полки были поставлены в Серпухове — Тарусе — Калуге — Коломне — Кашире), 8 июля пошел в Лифляндию. Поход увенчался блестящим успехом. Было захвачено множество городов (Синб. сб., с. 59). Но это, как известно, был последний успех; ряд городов был потерян вскоре же. С тех пор Иван IV переходит к обороне. Осуществлению похода в Лифляндию благоприятствовало состояние дел в Крыму. Крымцы совершали нападение на Польшу. Погиб Казы мурза ногайский. Между сыновьями Девлет Гирея происходит борьба. Сам Девлет Гирей 29 июня умер. Царем в Крыму стал Магмет Гирей. Тем не менее нападения на Русь происходили. Так, Есиней мурза Дивеев совершил набег на Русь (Крым. кн., № 15, л. 166—167). Нападали и Большие ногаи. Кн. Тинехмат не отрицал этих нападений, но лишь старался доказать московским гонцам, что нападавшими были ногаи не из его улусов. Но московские гонцы Ив. Грязнов с товарищами от улусных

татар узнали, что в 1577 г. на масленице сам кн. Тинехмат, мурза Урус и другие мурзы посылали своих людей в набег на Русь по запросу крымского царя. Ходили они на алаторские и темниковские места. Урмаметь мурза, старший сын кн. Тинехмата, сознавался, что он по молодости «дерзнул» и ходил на алаторские места, в чем винился и просил прощения (Ногайск. кн. № 8, л. 2—3, 8, 20).

В 1578 г. мурза Есиней Дивеев повторил набег. С ним ходило на Русь 6000 казыевцев, 2000 азовцев, 2000 Больших ногаев и 2000 ногаев дивеевых (Крым. кн. № 15, л. 166—167). Московский гонец А. Вышеславцев собрал в орде сведения, подтверждавшие участие Больших ногаев в набеге. Он узнал, что в орде все время проживали крымские послы, побуждавшие ногайских мурз к нападениям на Русь. Летом 1578 г. «многие ногаи» со своими мурзами ходили под Венев и другие места. В мае 1578 г. умер кн. Тинехмат и князем в орде стал его брат мурза Урус (Ногайск. кн. № 8, л. 210 об., 343—346).

От 1579 г. сведений о нападениях татар не имеется. Одной из причин этого было то, что ногайские мурзы вынуждены были удерживать своих людей от набегов, потому что Иван IV отправил ногайского посла Янтемира с сопровождавшими его татарами в Ливонию на войну и тем связал свободу действий кн. Уруса (Ногайск. кн. № 9, л. 24—31).

В 1580 г. Большие ногаи после отпуска Янтемира из Москвы возобновили нападения. В царской грамоте в орду есть краткое указание на то, что «сего лета» ногаи вместе с крымцами и Дивеевыми детьми «неодинова» приходили на московские украйны и «многие убытки поделали». Одновременно возобновляется восстание в Казанской земле, несомненно, поддерживавшееся из орды. Гонец П. Девочкин сообщает, что еще зимой 1579 г. кн. Урус обращался к черемисе с призывом, чтобы она «подымалась» на войну, и сам готовился напасть на мещерские и рязанские места (Ногайск. кн. № 9, л. 151—155, 173).

В 1581 г. нападения ногайских татар приняли большие размеры. Мы узнаем о них из царских грамот, направленных в орду кн. Урусу и мурзам Тинбаю и Урмаметю. Ногаи перебрались на правую сторону Волги и начали набеги на Русь с весны этого года. Из одних только улусов мурзы Тинбая ходило на Русь, по определению царской грамоты, до 8000 чел., а всего в нападениях участвовало до 25.000 ногаев. Действовали они вместе с крымцами, азовцами и, очевидно, Малыми ногаями. Во главе похода стояли крымские царевичи и известный азовский вож Досмагметь. Из отдельных указаний документов можно заключить, что нападения охватили большую территорию; упоминаются белевские, коломенские и алаторские места (Ногайск. кн. № 10, л. 146 об.— 152, 153—154, 160 об.—169, 273—278. Крым. кн. № 19, л. 251). Одновременно происходит восстание в Казанском крае, и московское правительство направляет в Казанскую землю четыре полка (Синб.сб., с.77; Г.Перетяткович. Поволжье в XV—XVI вв., М., 1877, с. 304—306). В том же году кн. Урус совершил поступок, который долгое время спустя ставился в вину ему и всему его потомству: он распродал московских послов П. Девочкина с товарищами в Бухару и другие страны.[1] Сам он ставил свой поступок в связь с новым погромом казаками Сарайчика: казаки разгромили Сарайчик, живых высекли, а мертвых из земли «выимали» и гробы их разорили. Московское правительство рассматривало погром Сарайчика казаками и разгром ими татар на Волге как казачье «воровство» и отдало распоряжение воров перехватать и перевешать; было ли осуществлено это распоряжение, неизвестно (Ногайск. кн. № 10, л. 139 об.—146, 153).

В 1582 г. развернулись крупные операции в Казанском крае. Два полка было послано из Казани «по ногайским вестям» на Каму. В апреле полки были посланы по Волге «вплавную», т. е. судами, и стояли на Ковине острове. В октябре несколько полков было направлено против луговой черемисы (Синб. сб., с. 80—82; Кн. разр. № 112/158, л. 153—155). Кроме участия Больших ногаев в казанском восстании, они, повидимому, нападали на московскую украйну и в других местах; так, имеются указания на их действия под Новосилем (Разр. кн. № 112/158, л. 508).

В 1583 г. продолжается борьба с восстанием в Казанском крае. Снова был совершен поход по Волге. Построен Кузьмодемьянский острог. Составлена роспись полков для зимнего похода (Синб. сб., с. 83; Разр. кн. № 112/158, л. 501, 509; Разр. кн. № 116/163, л. 157—162).

В 1584 г. в январе состоялась посылка пяти полков на луговых черемис: большой и правой руки полки — из Мурома, передовой — из Елатьмы, сторожевой — из Юрьевца, левой руки — из Балахны (Синб. сб., с. 85; Разр. кн. № 116/163, л. 164).

---

[1] Относим это событие к 1581 г. потому, что в 1580 г. Девочкин еще находился в ногайских улусах.

В то же время Досмагметь ага и Конкар ага из Азова приходили в ряжские места (Турец. кн. № 2, л. 386, 424—430).

В 1585 г. в октябре воеводы тремя полками ходили воевать луговую черемису. В том же году «в Черемисе» был поставлен новый город Санчурск. Еще позднее воеводы тремя полками ходили из Переяславля-Рязанского в Шацк «по ногайским вестям» (Синб. сб., с. 89—90; Разр. кн. № 116/163, л. 176—177).

В 1586 г., по объяснению крымского царя Ислам Гирея, «мелкие люди, молодые казаки» против его воли нападали на московскую украйну. По русским сведениям, нападение было крупным: в нем участвовало до 30 тыс. татар (Крым. кн. № 16, л. 79—81, 90 об.). В частности, в походе участвовали казыевцы в числе 2000 человек во главе с внуком казыевского князя Якшисата (Крым. д. 1586 г., без №, л. 3). В 1586 г., согласно записи Разрядной книги, в Астрахань был отпущен царевич Мурат Гирей, (сын убитого крымского царя Магмет Гирея, следовательно, племянник Казы Гирея) (Разр. кн. № 116/163, л. 177; Синб. сб., с. 91; С. М. Соловьев, кн. 2, ст. 608, 620).

1587 г. весной был произведен набег Досмагметем с 3000 азовцев и Малых ногаев. В июне совершили нападение два крымских царевича (один из них сын Девлет Гирея — Алп Гирей) с 40 тыс. человек. Татары стояли на Плове. В загон были посланы мурза Осман Ширинский, Маамет-Бек, Курмаш аталык и с ними 7000 ч. По возвращении мурзы Османа из загона татары двинулись обратно. По дороге взяли острог в Крапивне и сожгли посад (Крым. кн. № 17, л. 33—36; Разр. кн. № 116/163, л. 184).

От 1588, 1589 и 1590 гг. нет сведений о нападениях татар.

В 1591 г. приход Казы Гирея под Москву по соглашению с Швецией (ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 10—14; Крым. кн. № 19, л. 186 об.— 187).

В 1592 г. произошел приход крымских царевичей (один из них Фети Гирей) «безвестно» на тульские, каширские и рязанские места. По заявлениям царевичей, московская украйна в то время (дело было летом) оказалась совершенно беззащитной, ратных людей по городам не было (Крым. кн. № 19, л. 295—297, 306, 324—330; ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, с. 45).

В 1593 г. нет точных указаний на нападения татар, кроме заявления дьяка А. Щелкалова крымскому послу кн. Магмету Ширинскому в первых числах января 1594 г. о допущении беспрестанных нападений азовцев и ногаев Дивеева улуса под Воронеж и Ливны (Крым. кн. № 21, л. 163—165).

В 1594 г. в самом начале года московский посол в Крыму кн. М. Щербатов получил сведение о набеге Барангазыя мурзы казыевского и Досмагметя из Азова на алаторские места. В апреле того же года Казы Гирей принес шерть в соблюдении мира и дружбы с Московским государством перед кн. М. Щербатовым (Крым. кн. № 21, л. 177 и др.).

От 1595 г. сведений о нападениях татар нет.

В 1596 г. около дня Николы вешнего Досмагметь азовский нападал на ряжские места (Разр. кн. № 112/158, л. 71′).

ИСЧИСЛЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА РУССКОГО ПОЛОНА, ЗАХВАЧЕННОГО ТАТАРАМИ, СТОИМОСТИ ПОМИНОК И ДРУГИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ РАСХОДОВ ПО СНОШЕНИЯМ С КРЫМОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

< 1 >

В течение первой половины XVII в. татары ни разу не задавались целью территориального захвата. Они почти не разрушали городов; мы имеем только одно краткое указание на сожжение ими в 120 г. (1611—1612) Царева-Борисова. Немало уничтожали они сел и деревень; крупную цифру сожженных татарами дворов (несколько более 200) дают сведения о набеге 1633 г. Татары не брезговали захватом движимого имущества, всякого рода домашнего скарба, но только в том случае, если не представлялось возможности взять что-либо более ценное. Напомним тот факт, что, когда в начале 40-х годов татары сговорились о совершении совместных набегов на московскую украйну с бродячими группами запорожских черкас, они уступали последним захваченное имущество, оставляя себе полон. Больше интересовали татар конские табуны и животинные стада. Указаниями на отгон лошадей и животинных стад буквально пестрят сообщения о татарских набегах. В общей сложности этот материальный ущерб был очень значителен, но он не поддается учету.

Главной целью татарских набегов был захват полона. Татары не стремились к истреблению живой силы и мало убивали людей. Наибольшая известная нам за всю половину XVII века цифра убитых татарами людей относится к 1632 г.: на общую цифру потерь, причиненную татарами в этом году,— более 2660 человек, приходится убитыми 320, в том числе более 300 были ливенцы ратные люди, павшие в бою с татарами в сражении под Савинской дубравой; это был редчайший случай, когда татары решились на прямой бой, в котором сами они потеряли более 1000 человек. В 1637 г. на общую цифру потерь около 2280 человек приходится убитыми всего лишь 37 человек. В 1645 г. на 5750— убитых было только 20. Татары не хотели кровопролития и избегали боевых столкновений.[1] Очень редко они уничтожали полонянников, только в случае невозможности их увести с собой.

Сохранилось немало указаний на количество полона, взятого татарами в XVI—XVII вв. на Украине и в Московском государстве. Но цифры эти в большинстве своем глазомерны и сообщены самими татарами, которые вообще были склонны преувеличивать успехи своих нападений. Поэтому цифры эти нуждаются в проверке. М. Н. Бережков, собравший указания на количество русского полона за XVI—XVII вв., пытался подойти к их проверке, исходя из численности участвовавших в нападениях татар, но не мог притти к какому-либо твердому выводу.[2]

От первой половины XVII в. мы имеем ряд официальных данных о количестве полона. Учет потерь от татарских набегов, как об этом можно заключить из материалов Разряда, производился уездными воеводами по указанию правительства. Разряд настойчиво требовал таких сведений и упрекал воевод за пренебрежение этой обязанностью. В 1643 г., получив сообщение ливенского воеводы И. В. Бутурлина о набеге татар, правительство писало ему: «А нам ведомо учинилось, что в тот татарский приход наши служилые люди побиты и в полон поиманы, а ты пишешь к нам только о службе своей; а что на том бою служилых тульского полку дворян и детей боярских, и иноземцев, и донских и яицких казаков, и ливенцев детей боярских и казаков, и стрельцов, и черкас, и что в уезде каких людей побито и в полон взято, и ты о том к нам не пишешь. А нам, великому государю, то надобно ведать, как которые служилые люди с бусурманы за православную крестьянскую веру и за наше государство бились, и кровь свою пролили и головы свои поклали, а иные в полон поиманы, чтобы побитых и полоненных дородство и кровь николи в забвении не было и за ту их явную службу было б почему взыскати нашею государскою милостью детей и родимцев их, а которые в полону, и тех бы за их явную службу было почему из полона окупить. А по нашему царскому указу служилых людей, которые на татарском бою побиты, и тех велено писать на Москве в соборной церкви пречистые богородицы, честнаго и преславного ее успения и по монастыри в вечные сенаники». Далее следует наставление жить в Ливнах «с ве-

---

[1] См. характеристику татарских набегов у Боплана. В. Г. Лясковронский. Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно южной России, Киев, 1901, с. 20—25.

[2] М. Н. Бережков. Русские пленники и невольники в Крыму. Труды VI археологического съезда в Одессе, т. II. Одесса, 1888, с. 345—349.— Хр. Ящуржинский. Южно-русские пленники в Крыму. Известия Таврической ученой архивной комиссии, вып. 47, 1912, с. 158—165. В статье Ящуржинского цифры полона приведены без малейшей критической их оценки.

ликим береженьем», чтоб «себя и людей уберечь и уезда воевать не дать и православных христиан в плен и в расхищенье не выдать».[3] Сохранившиеся в делах Разряда списки и сводки русского полона за разные годы по ряду уездов или по отдельным местностям доказывают, что такой учет потерь действительно велся. Можно лишь сожалеть о том, что подобные сведения далеко не все дошли до нас, но тем более ценны хотя бы немногие данные, которыми мы располагаем, потому что они являются для нас единственным основанием для общего заключения.

Нам кажется, что следует отказаться от преувеличений в вопросе о количестве русского полона, захватывавшегося татарами. Но необходимо сделать два ограничения: во-первых, наши сведения и наши предположения относятся только к первой половине XVII в. и не распространяются на XVI в.; во-вторых, они не распространяются на правобережную Украину. Несомненно, была весьма существенная разница между количеством полона, который татары захватывали в правобережной Украине и в Московском государстве. Современные наблюдатели (например Боплан) и русские источники говорят о десятках тысяч полона, который татары уводили из Украины в первой половине XVII в.[4] Количество полона из Московского государства было значительно меньшим. Полагаем, что это различие было обусловлено прежде всего особенностями построения обороны Московского государства и Польши. Мы уже касались этого вопроса, поэтому не будем к нему возвращаться.[5] Взять полон в пределах Московского государства было значительно труднее, чем в Польше, и еще труднее было для татар его вывести. Мы знаем ряд татарских набегов, оказавшихся почти безрезультатными, потому что население успевало своевременно укрыться. Множество указаний, приведенных нами выше при описании татарских набегов, свидетельствует о том, что вывести захваченный полон татарам далеко не всегда удавалось. Освобождение небольших групп полоняников в несколько десятков и даже сотен человек русскими ратными людьми и донскими казаками были явлением обычным. Во время крупных набегов удавалось освобождать многие сотни и тысячи полоняников. Приведем несколько примеров. В 1632 г. воевода И. Вельяминов освободил в пределах Новосильского уезда 2700 полоняников. В 1634 г. орловский воевода Д. Колтовской освободил недалеко от Орловского городища 650 человек полона. В 1636 г. под Мценском было освобождено из рук татар 1500 полоняников. В 1645 г. во время зимнего набега татар кн. С. Р. Пожарский освободил в Рыльском уезде более 2700 полоняников и в Курском уезде освободил из осады до 3000 уездных людей. Таким образом, московская оборонительная система значительно ослабляла эффективность татарских нападений и оправдывала свое назначение и затраты на нее государственных средств. Население правобережной Украины не имело подобной защиты, почему и страдало от татарских набегов сильнее.

Значительные по силе набеги были совершены в 1632—1637 гг. Мы имеем достаточно точные данные о полоне за 1632 г.—2660 человек, 1633 г.—5700, 1637 г.—2280, всего — 10 640 человек. Набеги 1634—1636 гг. по своей силе, количеству татар, участвовавших в них, по территории, охваченной ими, немногим уступали годам, от которых мы имеем сведения о полоне. Поэтому можем допустить, что потери за все шесть лет достигали 18 тыс. человек. Затем крупные набеги происходили в 1643—1645 гг. Полон, захваченный в 1644 г., определялся «в треть» татарского войска, которое достигало 30 тыс. Это был самый большой урон, причиненный татарами в период 20—40-х годов XVII в. Определение это, конечно, только приблизительно. Если мы даже его примем, оно не превысит 10 тыс. человек. Набеги 1644 г. были совершены не меньшими, во всяком случае, силами, чем в 1645 г. В 1645 г. полона было захвачено 6200 человек. Допустим, что в 1643 г. полон был несколько меньшим. Относительно итога потерь при набегах зимой 1641—1642 гг. мы имеем указание, что произведенная в январе — феврале 1642 г. по приказу царя Магмет Гирея перепись полона, захваченного крымцами зимой 1641—1642 гг., дала цифру в 710 человек. Поскольку зимой полон не мог быть продан за море, неполнота этой цифры может быть отнесена исключительно на счет сокрытия части полона. Затем часть полона попала в Азов и к Малым ногаям. В течение 1642 г. набеги были незначительными, потому что Магмет Гирей запрещал их. Не будет преувеличением, если мы допустим, что с зимы 1641 г. и в течение всего 1642 г. было взято в полон до 2000 человек. Таким образом, всего за 1641—1645 гг. могло быть взято в полон приблизительно до 25 тыс. человек. Мы имеем целое десятилетие непрерывных и сильных татарских набегов в 1607—1617 гг. В эти годы, кроме крупных вторжений крымцев и других татар в 1609—1610 гг., не менее сильными были

---

[3] АМГ, т. II, № 199.

[4] В. Г. Ляскоронский, с. 23 и др.— Московские посланники Спешнев и Нестеров сообщали в 1615 г. со слов участников набега на правобережную Украину, что в Крым пригнали 6 «стад» полоняников, в каждом из них по 2—3 тыс. человек, кроме особо ценных полоняников, которых татары везли на конях (Крым. д. 1615 г., № 3, л. 167—168).

[5] См. гл. VIII.

нападения татар разных улусов, Больших и Малых ногаев, в 1608, 1613—1616 гг. Вообще ногаи воевали Русь в те годы «не выходя». Условия для успеха набегов были благоприятными, ибо оборонительная система до 1613 г. не функционировала, а после 1613 г. лишь медленно начала восстанавливаться, но все еще была очень слабой. Следует допустить, что полон за 1607—1617 гг. был обильнее, чем весь полон, исчисленный нами выше за 30—40-е годы. Общее суждение о многочисленности полона, захваченного татарами в 1607—1617 гг., мы уже приводили выше. В качестве отправной точки можно взять цифру в 15 тыс. полоняников, освобожденных в 1619 г. из одной только орды Больших ногаев. Это, понятно, была только какая-то часть полона, оставшегося в орде после десятилетия непрерывных набегов. Известно, что Большие ногаи массами сбывали русский полон восточным купцам. Не менее энергично в течение всего десятилетия действовали Малые ногаи и азовские татары. Крымцы в качестве союзников Польши нападали на Московское государство более короткий срок, до 1611—1612 гг., но их нападения были самыми сильными из всех. Даже белгородские татары во главе с Кантемир мурзой приходили под Серпухов в 1609 г. Будет, безусловно, сильно преуменьшенной цифра в 100 тыс. полона, захваченного татарами в десятилетие 1607—1617 гг. Присоединив сюда более 40 тыс. полона за 30—40-е годы, исчисленные нами выше, а также, принимая во внимание ряд набегов за 20-е годы, мы можем считать, что в течение всей первой половины XVII в. могло быть взято в полон от 150 до 200 тыс. русских людей. Цифра эта будет минимальной.

Было бы очень важно выяснить, что получали татары от захвата полона такой численности. Лишь в незначительной части татары использовали полоняников в качестве рабочей силы, а более всего сбывали их на рынках за море. Цены на полоняников, как известно из записок современников, а также из посольских дел, были очень разнообразны в зависимости от качества полона, состояния рынка, спроса и предложения. Были случаи, когда цены на полоняников сильно падали, до 10—20 руб. за «доброго» полоняника. В 30-х годах малые ногаи хвастливо заявляли, что они отдавали полоняника за чашку проса. Напротив, нередко лишь с трудом можно было добыть полоняника за 100 и более рублей. Чаще всего источники говорят о цене в 50 рублей. Крымские цари брали на себя пятую или десятую часть полона обычно натурой. Но царь Ислам Гирей в 40-х годах брал на себя деньгами по 10 золотых с человека. Мы не знаем техники взимания этой пошлины на царя; судя по указанному размеру пошлины, средняя цена полоняника равнялась от 50 до 100 зол., или, при переводе на русские деньги, 40—80 рублей. Такая несколько повышенная цена связана с усиленным спросом на полон со стороны турецкого правительства. Несравненно более высокими были выкупные цены полоняников. Отдать полоняника на выкуп для татар было несравненно выгоднее. Здесь обычные рыночные цены не применялись. В начале 1640 г. татары и евреи привели на стан к посланникам И. Фустову и И. Ломакину на выкуп 6 детей боярских и 12 московских стрельцов, недавно захваченных в полон, и сказали, что они отдают их на выкуп по сниженной цене в 80—90—110—130 руб. и требовали, чтобы посланники поручились, что эти деньги будут уплачены за полоняников на размене под Валуйкой. 20 полоняников татары сами повели на размену без поручительства посланников; посланники отказались ручаться, так как татары запрашивали слишком дорого, по 150—200 руб. за человека. Посланники выкупили двух крестьян по 80 руб. за каждого. За чебоксарянина сына боярского И. Жукова татары требовали 500 руб. выкупа. Вымогая уплату этой суммы, татары на глазах посланников мучили сына боярского. «Видя над ним многие муки и поругание, посланники, заняв у армянина деньги, дали на нем окупу 180 руб.». Остальную сумму И. Жуков обязался уплатить сам.[6] Посланники Караулов и Акишев в 40-х годах договорились дать из казны 100 руб. «окупу» за воронежского пушкаря Е. Прибыткова, крупного торгового человека. Сверх того, сам Прибытков обязался уплатить на размене 600 рублей.[7] Средства, расходовавшиеся правительством на выкуп полоняников, были значительны. Почти ежегодно тратились на эту цель многие тысячи рублей. Так, в 1644 г. было отправлено на размену на выкуп полоняников 8500 рублей.[8] В 1645 г. с окольничим С. М. Проестевым было послано для той же цели на размену 7337 рублей.[9] Эти суммы составляли лишь часть всех выкупных денег, потому что правительство лишь помогало полоняникам; основную часть они должны были выплачивать сами. Мы привели эти данные для того, чтобы представить себе хотя бы очень приблизительно те огромные денежные средства, которые доставляла татарам торговля русским полоном. Во всяком случае, в течение только первой половины XVII в. за захваченный на Руси полон татары должны были выручить много миллионов рублей. Само собой разумеется, что для Московского государства потеря населения не могла быть измерена расценками русских полоняников на татарских рынках.

[6] Крым. д. 1637 г., № 13, л. 194—203.
[7] Крым. д. 1644 г., № 6, л. 128.
[8] Крым. д. 1644 г., № 5, л. 20—21.
[9] Крым. д. 1645 г., № 16, ненумер.

Попытаемся представить себе, во что обходилось Московскому государству поддержание дипломатических связей с Крымом.

Основной и наиболее известной статьей расходов, которые правительство было вынуждено нести в пользу Крыма, была уплата «поминок» в виде «большой казны» и «легких поминок». «Поминки» или «казна» — два названия одних и тех же платежей; на недоразумении основано предположение об их различии.[10] Со времени возобновления мира с Крымом в 1613—1614 гг. уплата поминок приобретает регулярность, которой не было в течение довольно длительного предшествующего периода. Посольский приказ во времена Михаила Федоровича помнил, что при царях Федоре Ивановиче и Борисе не существовало практики ежегодной уплаты поминок. При царе Михаиле поминки посылались в Крым ежегодно и только в виде исключения уплата их не производилась. Дадим перечень всех московских посольств в Крым за весь исследованный нами период от 1613 г. до 1650 г.

№	Посланники	Время их пребывания в Крыму	Размер поминок (руб.)	За какой год	Примечание
1	Лодыженский А. и Данилов П.	X. 1613—VIII. 1614	—	—	Размер поминок не установлен
2	Волконский Гр. кн. и П. Евдокимов	IX. 1614—VI. 1615	7300	122	
3	Спешнев И. и Нестеров Б.	VII. 1615—XII. 1615	7968	123	
4	Челюсткин Ф. и Данилов П.	IV. 1616—VI. 1617	7077	124	
5	Лодыженский А. и Болдырев Р.	VII. 1617—III. 1620	7804 540	125	Добавочная сумма (легкие поминки)
6	Хрущев С. и Бредихин С.	См. примеч.	8467	126	Посольство не достигло Крыма, так как было захвачено в Ельце казаками Сагайдачного. В 1619 г. посылки в Крым не было
7	Воейков П. и Матчин С.	V. 1620—IV. 1621	9145	128	
8	Лихарев Н. и Махов В.	V. 1621—III. 1622	9145	129	
9	Усов А. и Уготский С.	V. 1622—V. 1623	9763	130	
10	Дашков Я. и Волков В.	VII. 1623—XI. 1624	9556	131	

[10] М. Н. Бережков. Крымские шертные грамоты, Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. 8,1894, с. 35—36.— Автор высказывает предположение о различии между «постоянной казной и временными поминками» и что «по самому существу дела понятия казны и поминок должны были колебаться. За военное время и время набегов в казне отказывали»... (с. 54, прим. 1).—Естественно, что правильность уплаты поминок зависела от обстоятельств, но нельзя утверждать, что «в военное время» поминки не уплачивались. При Иване IV поминки посылались Девлет Гирею, несмотря на набеги, потому что Иван IV пытался склонить его к миру. В 1632—1633 гг. поминки также были выплачены.

Предположение о различии между поминками и казной основано на том, что автор имел дело только с шертными грамотами и не ознакомился с другими разновидностями документов, в особенности с документами об отправлении в Крым послов и гонцов, где сосредоточены данные о приготовлении поминок к посылке, а также со специальными справками Посольского приказа о посылках в Крым за предшествующие периоды. В таком случае автор легко убедился бы в том, что «поминки» и «казна»— два названия одних и тех же платежей.

Вообще нельзя судить о реальном значении шертных грамот, не изучив практики отношений Москвы с Крымом, не говоря уже о том, что в издании шертных грамот Лашкова (Изв. Таврич. архивной комиссии, вып. 9—12), которыми пользовался Бережков, имеется ряд существенных ошибок.

№	Посланники	Время их пребывания в Крыму	Размер поминок (руб.)	За какой год	Примечание
11	Прончищев С. и Болдырев Р.	I. 1625—IX. 1625	10 655	132	
12	Скуратов Д. и Посников Н.	X. 1625—VIII—IX (?) 1627	11 858	133	
13	Тарбеев С. и Басов И.	X. 1627—VIII. 1629	11 247 11 247	134 135	Поминки за два года
14	Кологривов Л. и Дуров А.	X. 1629—X. 1630	10 433 10 433 364	136 137	Добавочная сумма (легкие поминки)
15	Воейков П. и Зверев С.	XII (?) 1630—XII. 1631	10 104	138	
16	Соковнин П. и Голосов Т.	II. 1632—V. 1634	9904	139	
17	Ансимов Т. и Акинфиев К.	X. 1633—I. 1634	Без поминок, для закрепления мирной шерти, после похода на Русь Мубарек Гирея		
18	Дворянинов Б. и Непейцын А.	VI. 1634—VI. 1635	10 202 10 202	140 141	Поминки за два года
19	Зловидов Г. и Углев Г.	VII. 1635—X. 1636	11 068 11 068	142 143	Поминки за два года
20	Астафьев Д. и Кузовлев А.	XI. 1636—IX. 1638	11 638	144	
21	Фустов И. и Ломакин И.	XII. 1638—II. 1640	23 353	145 146	Поминки за два года
22	Извольский С. и Зверев С.	I. 1638—IV. 1638	Без поминок, для подтверждения мирной шерти и договора о размере поминок с царем Бегадыр Гиреем		
23	Сухотин В. и Звягин С.	IV. 1640—X. 1640	11 129	147	
24	Чубаров А. и Байбаков И.	XII. 1640—XI. 1642	11 781[11]	148	
25	Приклонский Б. и Лавров Г.	XII. 1642—X. 1643	25 064[12]	149 150	Поминки за два года
26	Неронов Г. и Головнин Н.	XII. 1643—III. 1644	12 553[13]	151	
27	Караулов Т. и Акишев Г.	IV. 1645 — IX 1647.	12 631[14]	152	Поминок за 153 и 154 гг. из-за набегов не было
28	Хотунский Т. и Степанов И.	XII. 1647—IV. 1649	12 631[14]	155	
29	Ларионов М. и Никитин И.	V. 1649—XI. 1649	12 631[14]	156	
30	Волков Г. и Огарков Д.	I. 1650—. 1650	25 000[14]	157 158	

[11] До посольства Чубарова и Байбакова данные о размере поминок взяты из выписки Посольского приказа.— Крым. д. 1640 г., № 12.

[12] Размер поминок с Б. Приклонским за 149 г. указан в выписке Посольского приказа 1646 г.— 12.532 руб. Так как он повез поминки и за 150 г., мы эту сумму удваиваем (см. Крым. д. 1646 г., № 2, л. 111—118). О двойных поминках с Приклонским см. другую выписку Посольского приказа. — Крым. д. 1647 г., № 15, л. 27.

[13] Размер поминок установлен по справке Посольского приказа. См. Крым. д. 1646 г., № 2, л. 89.

[14] Размер поминок с Карауловым и Акишевым указан в выписке Посольского приказа в 1647 г. Размеры поминок, поскольку они не подвергались никакому существенному изменению и поскольку мы не имеем точных их росписей, для последующих трех посольств мы принимаем условно в том же размере. Волков и Огарков отвезли в Крым те же поминки в двойном размере (Крым. д. 1644 г., № 5, л. 139—141).

За весь период с 1613 г. по 1650 г., т. е. за 38 лет, поминки не были выплачены только за 1619, 1644 и 1645 гг. Причины этого выяснены выше. Общая сумма выплаченных поминок, по нашим данным, равняется 363 970 руб. Цифра эта, безусловно, много ниже действительных расходов на поминки. Во-первых, мы не можем учесть всех сумм и выплат, которые крымцы получали в результате вымогательств и насилий сверх установленных соглашениями размеров поминок, а эти добавочные суммы достигали иногда крупных размеров. Во-вторых, номинальная стоимость поминок значительно расходилась с их реальной стоимостью. Обычно несколько менее половины поминок составляла «рухлядь», т. е. шубы и другие меховые вещи, а также меха. На Казенном дворе «рухлядь» готовили, исходя из «указных» цен в соответствии с памятью, присылавшейся из Посольского приказа. Но действительная цена мехов могла расходиться с «указными» ценами. В докладной выписке Посольского приказа от 1644 г., составленной в связи с отправлением в Крым посланников Караулова и Акишева, сказано, что следовало изготовить рухляди «по указной цене» на 7680 руб., а «делаетца на Казенном дворе в крымскую посылку з большою прибавкою».[15] В 1645 г., когда готовились поминки для посылки их в Крым с посланниками Ларионовым и Никитиным, было предписано Казенному двору изготовить рухляди на 6975 рублей. В действительности было израсходовано на Казенном дворе 10 658 руб., т. е. перерасход равнялся 3683 руб.: «а по указной цене, читаем в докладной выписке, против Посольского приказу памяти и росписи в Крым посылки, шуб и цков, зделати нельзе, потому что соболи, и куницы, и лисицы, и белки, и бобры перед прежними годами дороже многим».[16] Очевидно, такое значительное расхождение цен «указных» и реальных образовалось не сразу, а на протяжении относительно длительного срока, пока к концу 40-х годов не достигло 50%. Всей этой разницы, может быть, нескольких десятков тысяч рублей, мы учесть не можем. Подтверждением такого расхождения реальных цен с «указными» является также то, что в Крыму московские поминки ценились гораздо выше. Так, в 1638 г. при царе Бегадыр Гирее стоимость поминок определялась в 25 тыс. золотых, что по курсу золотого в то время (26 алт. 4 д.) составляло 20 тыс. рублей. По московской расценке поминки в те годы стоили немногим больше 11 тыс. рублей. Конечно, разница в расценке могла объясняться различием цен на меха в Москве и в Крыму, но едва ли это различие было столь большим.[17]

В-третьих, мы не знаем размера поминок, доставленных в Крым в 1613 г. посланником А. Лодыженским, а также не учитываем всех экстренных дополнений к основным поминкам, каковые иногда бывали. Так, в 1620 г. в Крым было послано дополнительно рухляди на 540 руб., в 1629—1630 гг.— на 364 р.[18] Впрочем, когда это было возможно, мы сосчитали эти прибавки.

Сделаем небольшое отступление для выяснения вопроса о росте поминок. Если сопоставить размер поминок, уплаченных в 1614 г. и в конце 40-х годов (7300—12 500 руб.), мы устанавливаем их увеличение на 5200 руб. За счет каких статей поминок происходил их рост? Для этого необходимо представить себе состав поминок. Поминки состояли из денежной части и рухляди, части, входившие в оклад и внеокладные. К последним принадлежали суммы и рухлядь по особым «запросам», «для обновления», т. е. по случаю вступления на престол нового царя. Сверх того, посланники брали с собой из Москвы некоторое количество рухляди «в запас»; поскольку «запас» также получал характер правила и обязательно расходовался, он обычно входил в счет поминок еще в Москве. В качестве примера приведем состав поминок, посланных в Крым с кн. Г. К. Волконским в 1614 г.

Кому	Рухлядью	Деньгами	Всего
Царю	845 руб.	4000 руб.	4845 руб.
Калге	375½ »	500 »	875½ »
Нурадыну	94½ »	—	94½ »
Царевичам и царицам .	349 »	—	349 »
Ближним людям . . .	616 »	—	616 »
В запас	520 »		520 »
Всего	2800 руб.	4500 руб.	7300 руб.

[15] Крым. д. 1644 г., № 5 л. 139—141.
[16] Крым. д. 1648 г., № 16, л. 370.
[17] См. главу VI, § 2.
[18] Крым. д. 1620 г., № 12, л. 23—24.

В 1622 г. с посланниками А. Усовым и С. Уготским были отправлены поминки в следующем размере:

Кому	Рухлядью	Деньгами	Всего	Примечание
Царю	915 руб.	4000 руб.	4915 руб.	За литовский
	200 »	100 »	300 »	поход
Калге	401½ »	500 »	901½ »	
	20 »		20 »	Запрос—лисья
Нурадыну	94½ »	100 »	194½ »	шуба
Царевичам, царицам и				
другим	428 »	—	428 »	
Ближним людям	1354 »		1354 »	
	50 »	200 руб.	250 »	Амиату Ибреим паше
В запас	1195 »	205 руб.	1400 »	
Всего	4658 руб.	5105 руб.	9763 руб.	

В 1630 г. с посланниками Воейковым и Зверевым были отправлены поминки в следующем составе:

Кому	Рухлядью	Деньгами	Всего	Примечание
Царю	915 руб.	4000 руб.	4915 руб.	
	495 »		495 »	Запрос
Калге	401½ »	500 »	901½ »	
	225 »		225 »	Запрос
Нурадыну	94½ »	100 »	194½ »	
Царицам, царевичам и				
другим	493 »		493 »	
Ближним людям	1508 »	300 »	1808 »	
В том числе	150 »	50 »	200 »	Кантемир мурзе
В запас	472 »	600 »	[illegible]	
Всего	4604 руб.	5500 руб.	10 104 руб.	

Как видно из сопоставления приведенных данных, основные части поминок деньгами и рухлядью царю, калге и нурадыну не менялись, но вошли в практику прибавки «по запросам», хотя московское правительство упорно отказывалось от введения их в оклад. Особенно заметно увеличивались суммы выдач ближним людям: 615 руб. в 1614 г., 1262 руб. в 1615 г., 1330 руб. в 1620 г., 1500 руб. в 1630 г. Хотя и бывали колебания, но общее повышение было очень заметно. Выписка Посольского приказа от 1647 г. по вопросу об увеличении размера поминок устанавливает, что увеличение шло главным образом за счет «запросных» сумм, а также за счет дач ближним людям. Во времена Джанибек Гирея выдачи шли на 67—70 ближних людей. При царе Инайет Гирее число их возросло на 25 человек, при царе Бегадыр Гирее последовали новые прибавки, и число ближних людей увеличилось на 86 человек. При царях Магмет Гирее и Ислам Гирее крымцы добились выдач еще на 18 ближних людей. Всего, по сравнению с временем Джанибек Гирея, в роспись поминок было включено дополнительно 104 ближних человека, что и дало сумму около 3000 рублей.[19] Если в 1614 г. доля царя, царевичей и их семей в составе поминок составляла 85%, то к 30-м годам она снизилась до 70%, а к 40-м годам приблизительно до 50%. Изменилось заметно соотношение денег и рухляди в составе поминок. Количество денег увеличилось

[19] Крым. д. 1647 г., № 1, л. 1—37.

незначительно, намного увеличилась доля рухляди. Эти изменения происходили под постоянным нажимом ближних людей и отражали рост их влияния в Крыму.

Возвращаемся к исчислению крымских расходов московского правительства. Кроме «большой казны», в Крым посылались «легкие поминки». Размер их изменялся мало. До 1634 г. включительно обычным их размером было на 272 руб. рухляди, после этого года — чаще всего — 292 руб. или несколько выше — до 367—368 рублей. Они посылались царю, калге, нурадыну и их пяти ближним людям. Легкие поминки посылались в Крым, как правило, раз в год, хотя были случаи посылок по два раза.[20] Поэтому, считая на каждый год по одной посылке в размере 292 руб., мы получим в течение 37 лет 9904 руб.; для упрощения возьмем 10 тыс. руб.

По давнему обычаю татары, приезжавшие на размену, получали выдачи рухлядью и питались за счет московского правительства. В 1627 г. на размене татарам было роздано рухляди на 1473 руб.[21], в 1636 г.— на 1087 руб.,[22] в 1643 г.—на 1169 руб.[23] В 1636 г. было роздано 63 шубы, 5 кафтанов, 107 однорядок, 143 шапки и 26 цков. Цены всех этих предметов были различными, смотря по тому, кому они выдавались, мурзам различных рангов или простым татарам.[24] Кроме того, лица, производившие размену послов под Валуйкой, расходовали на кормежку татар обычно по 400 рублей. Подобные расходы производились при каждой размене. Считая 30 состоявшихся посольств за время с 1613 по 1650 г. и, определяя расход на каждой размене в среднем в 1500 руб., получим общую сумму расхода в 45 тыс. рублей.

Одной из самых крупных статей расхода было содержание крымских послов и гонцов в Москве. Выше мы сообщали состав этих расходов, поэтому не будем возвращаться к подробностям: послов и гонцов дарили вещами, кормили и поили, одевали и обували, снабжали всем необходимым в зимний путь, если им приходилось возвращаться зимой.[25] По расчету Посольского приказа, произведенному в 1646 г., содержание крымских послов и гонцов в Москве обходилось в течение года в довольно значительную сумму 8206 рублей. Нам кажется, что мы впали бы в преувеличение, если бы механически приняли эту цифру расходов на содержание крымских послов и гонцов в Москве в течение всей первой половины XVII в., и вот на каком основании. При расчете, произведенном в 1646 г., Посольский приказ основывался на опыте ближайших предшествующих лет, когда действительно расходы могли достигать указанной цифры. Посольский приказ исходил из числа гонцов в 35 человек и четырехкратной присылки их в Москву. Но из справки Посольского приказа, составленной в 1639 г., видно, что число крымских гонцов в 35 человек вошло в практику только с 1636 г. До этого года число гонцов было меньшим: 25—27 человек. Крымцы пытались иногда присылать и большее число гонцов, но в таких случаях правительство отказывало излишним гонцам в содержании.[26] Но бывали случаи, когда число гонцов было меньшим. Так, в 1620 г. крымского гонца Резеп мурзу сопровождало всего 22 человека. В 1624 г. гонца Магмута сопровождало 17 человек. В 1625 г. гонца Мустафу Чилибея сопровождало 16 человек.[27] Число послов все время считалось законным до 47 человек. В 1646 г. Посольский приказ исходил из цифры 49 человек. Но бывали случаи, когда крымцы присылали большее число людей. Так, в 1623 г. в Москву приехал посол Мустафа мурза в сопровождении 83 человек, что было противно обычаю, и поэтому лишним 36 человекам было отказано в содержании. Сверх того, как ни дорожили крымцы своим правом поездок в Москву четыре раза в год в качестве послов и четыре раза в год в качестве гонцов, они не могли иногда полностью осуществить этого права; бывали случаи недосылки очередных гонцов или послов. Поэтому мы считаем, что осторожнее исходить из следующих цифр расходов на содержание крымских послов и гонцов в Москве: в 1613—1635 гг. по 7000 руб., 1636—1642 гг.— по 8000 руб., 1643—1647 гг.— по 8200 руб., 1648—1650 гг.— по 2465 руб.[28] Получаем общую цифру расходов на содержание крымских послов и гонцов в Москве за весь период в 265 тыс. рублей.

Все исчисленные нами суммы (большая казна, легкие поминки, раздача на размене, содержание послов и гонцов в Москве) составляли чистый доход крымцев.

Но следует учесть еще одну статью расходов, которые рассматривались самим правительством как непроизводительные и от которых оно не один раз пыталось

---

[20] Крым. д. 1639 г., № 14, л. 2—21.— Крым. д. 1640 г., № 13, л. 1—19. Крым. д. 1641 г., № 2, л. 10, 12, 19.

[21] Крым. д. 1627 г., № 3, все дело.

[22] Крым. д. 1636 г., № 8, л. 7 и сл.

[23] Крым. д. 1646 г., № 2, л. 89.

[24] Крым. д. 1636 г., № 8, л. 7 и сл.

[25] См. главу VIII, § 5.

[26] Крым. д. 1639 г., № 7, л. 1—6.

[27] Крым. д. 1620 г., № 11.— Крым. д. 1624 г., № 9.— Крым. д. 1625 г., № 13.

[28] Уменьшение цифры расходов связано с новым соглашением, заключенным с Курамша мурзой в 1647 г.

освободиться, это —расходы на содержание московских послов и посланников в Крыму. Расчеты этих расходов производились Посольским приказом при каждом отправлении посланников в Крым. Посланники (2 человека) получали два годовых оклада жалованья, «подмогу» в размере примерно тройного жалованья, некоторую сумму «в приказ», куницы и соболи, некоторые натуральные выдачи (сухари, ветчина, мед, толокно, уксус, вино). Общая сумма — обычно несколько более 500 рублей. Такие же приблизительно виды выдач были переводчику (1 человек), толмачам (3—4 человекам в каждом посольстве), кречетникам и ястребникам (7 человекам), молодому подьячему (1 человеку), приставу до Валуйки (1 человеку), арбачеям (19 человекам), вожам (2 человекам), скорняку (1 человеку), стрельцам московским (несколько сот человек) более 4000 руб., украинных городов ратным людям (до 1000 руб.), сопровождавшим посольство до размены и далее, обычно до р. Тора, на прогоны множества подвод под людей и казну (до 1200 руб.), скорнякам за изготовление посылки в Москве (за каждую посылку по 300 руб.). Весь расход достигает суммы почти 8000 рублей.[29] За период с 1613 по 1650 г. состоялось 30 посольств. Два посольства ездили в Крым без поминок (Ансимов и Акинфиев в 1633—1634 гг. и Извольский и Зверев в 1638 г.), следовательно, расход на них был значительно меньший. Мы не вводим их в свой подсчет. Но зато мы считаем расход на посольство Хрущова и Бредихина в 1618 г., хотя оно и не достигло Крыма. Содержание 28 посольств обошлось московскому правительству в 224 000 рублей. Дипломатические сношения ни с одной страной не обходились московскому правительству так дорого, как с Крымом.

Итак, мы имеем следующие статьи расхода государственных средств на дипломатические сношения с Крымом в первую половину XVII в.:

Поминки большие	363 970 руб.
Поминки легкие	10 000 »
Раздачи на размене	45 000 »
Содержание послов и гонцов в Москве . . .	265 000 »
Расходы на московских посланников	224 000 »
Всего .	907 970 руб.

Поскольку наш расчет вообще несколько преуменьшен и не включает совсем некоторых расходов (например, содержание московских гонцов, которые в течение каждого года ездили в Крым не один раз), мы можем смело округлить полученный нами итог до 1 млн. рублей.

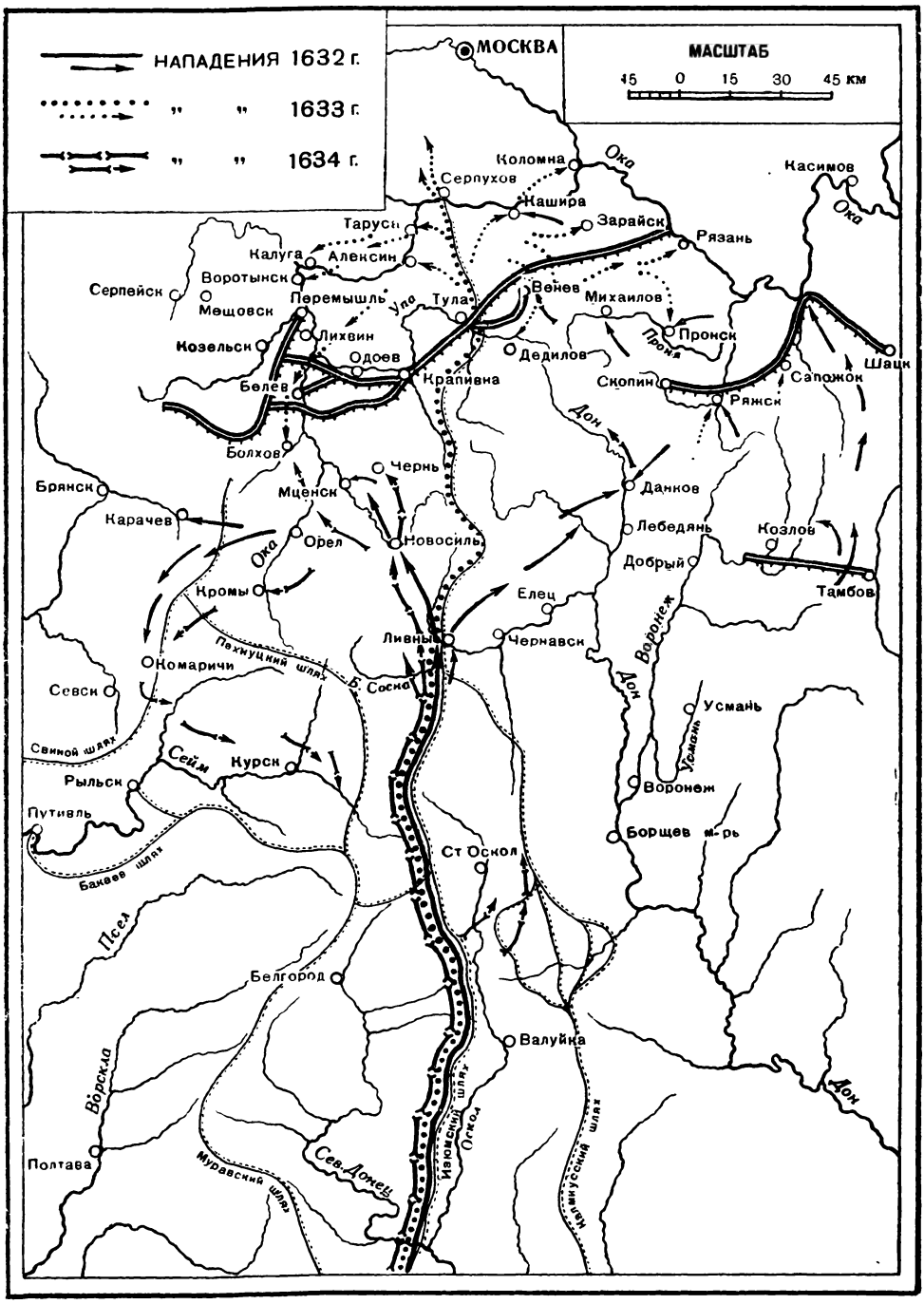
Средний годовой расход за весь период превышает 26 тыс. рублей. По тем временам сумма эта была весьма значительной. Укажем для сравнения, что в 1640 г. на построение двух городов — Вольного и Хотмышска — было отпущено из казны 13.532 рубля.[30] Следовательно, на крымские расходы можно было сооружать ежегодно по крайней мере по четыре города, подобных Вольному и Хотмышску.

---

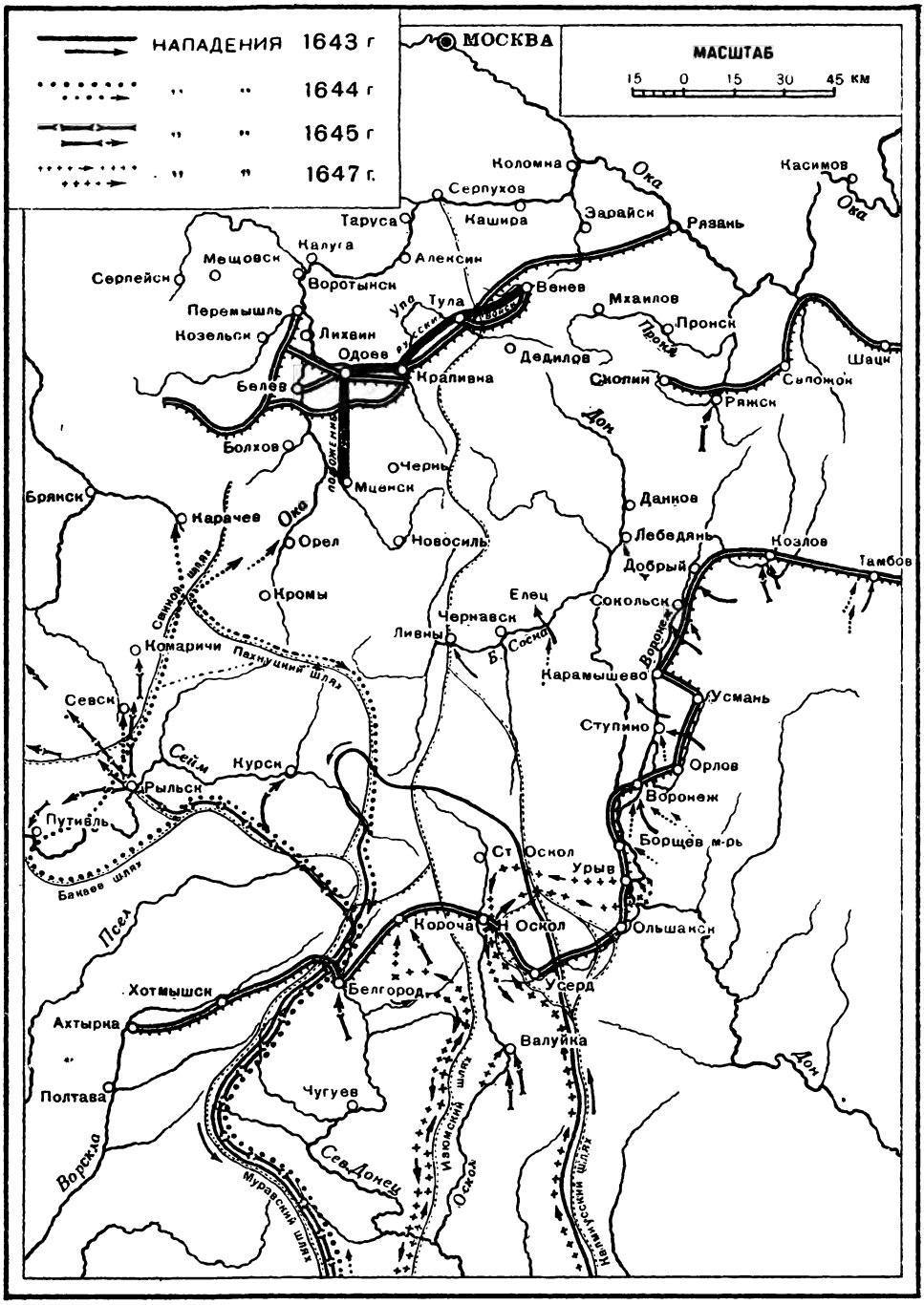
[29] В качестве примера укажем расчеты Посольского приказа: Крым. д. 1646 г., № 2, л. 4—17; Крым. д. 1648 г., № 10, л. 16—38.

[30] И. Беляев, с. 44.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ТАТАРСКИХ ВТОРЖЕНИЙ в 30-х годах XVII в.



СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ТАТАРСКИХ ВТОРЖЕНИЙ в 40-х годах XVII в.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие . . . . . 3— 8

Глава первая

Введение. Московско-татарские отношения во второй половине XVI в. 9— 44

1. Общие замечания о взаимоотношениях Москвы, Польши и Крыма накануне Ливонской войны . . . . . 9— 12
2. Распадение орды Больших ногаев в 50-х годах XVI в. и его значение в связи с Ливонской войной . . . . . 13— 17
3. Роль татар в Ливонской войне . . . . . 17— 33
4. Московско-татарские отношения в период от окончания Ливонской войны до начала 90-х годов . . . . . 33— 37
5. Установление мира на южных границах Московского государства в конце XVI в.: Москва и Большие ногаи, Москва и Крым, состояние обороны Московского государства . . . . . 37— 44

Глава вторая

Московско-татарские отношения в период польской интервенции 45— 97

1. Заключение союза Польши с Крымом против Московского государства в 1607 г. . . . . 45— 55
2. Включение орды Больших ногаев в войну против Московского государства в годы правления ц. Василия Шуйского и междуцарствия . . 55— 65
3. Состояние обороны южных границ Московского государства в начале XVII в. . . . . 65— 67
4. Очерк татарских нападений на Русь в течение 1607—1617 гг. . . . . 67— 80
5. Разрыв польско-крымского союза, выход Крыма из войны и возобновление мира между Крымом и Московским государством . . . . . 80— 88
6. Выход из войны орды Больших ногаев и ее возвращение в Московское подданство в 1616 г. . . . . 88— 97

Глава третья

Период мирных отношений Московского государства с Крымом и Большими ногаями и затишье на южных границах (1618—1630 гг.) 98—166

1. Московско-крымские отношения при Джанибек Гирее (1618—1623 гг.) 98—106
2. Московско-крымские отношения при Магмет Гирее и Шагин Гирее (1623—1628 гг). . . . . 106—134
3. Московско-крымские отношения в начале второго правления Джанибек Гирея (1628—1629 гг.). . . . . 134—138
4. Орда Больших ногаев за Волгой в период 1616—1630 гг. . . . . 138—149
5. Очерк татарских нападений на Русь в период 1618—1630 гг. . . . . 150—159
6. Состояние обороны. . . . . 159—161
7. Перемещение населения на южной окраине Московского государства в период затишья . . . . . 161—166

Глава четвертая

Московско-татарские отношения в эпоху Смоленской войны 167—222

1. Московско-турецкие отношения накануне и в годы Смоленской войны; роль Крыма в этих отношениях . . . . . 167—182
2. Внутреннее состояние Крыма накануне Смоленской войны . . . . . 182—189
3. Включение Крыма в войну против Московского государства . . . . . 189—199
4. Официальные мотивы нападений крымцев на Московское государство в годы Смоленской войны. . . . . 199—204
5. Очерк татарских нападений в 1631, 1632 и 1633 гг. и борьба с ними. . . 204—222

Глава пятая

Московско-татарские отношения в годы 1634—1636 в связи переходом Больших и Малых ногаев в крымское подданство 223—255

1. Переход орды Больших ногаев на крымскую сторону Волги в начале 1634 г. в связи с нападениями на них калмыков . . . . . 223—228
2. Очерк нападений татар на Русь в 1634, 1635 и 1636 гг. . . . . 228—237
3. Действия донских казаков против ногайских орд Большой и Малой, переход последних за Дон в 1635—1636 гг. и вступление их в крымское подданство . . . . . 237—241
4. Московско-крымские отношения в конце правления Джанибек Гирея (1634—1635 гг.) . . . . . 242—245
5. События в Крыму при царе Инайет Гирее (1635—1637 гг.) и московско-крымские отношения . . . . . 245—255

Глава шестая

Московско-татарские отношения в годы занятия Азова донскими казаками (1637—1642 гг.) 256—307

1. Позиция московского правительства в вопросе о захвате Азова донскими казаками; место этого эпизода в правительственной политике по отношению к Турции и Крыму . . . . . 256—262
2. Московско-крымские отношения в годы занятия Азова казаками: а) общая оценка крымцами их отношений с Московским государством; б) военные планы Бегадыр Гирея и попытки их осуществления: поход Сафат Гирея на Русь в 1637 г. и прекращение дальнейших нападений, неудавшийся поход крымцев под Азов в 1638 г.; в) дипломатические отношения Москвы с Крымом . . . . . 262—282
3. Возвращение орды Больших ногаев за Дон в московское подданство в 1639 г. . . . . 283—286
4. Осада Азова турецко-татарской армией в 1641 г. и роль в ней татар. . 286—290
5. Новый переход орды Больших ногаев в крымское подданство во время осады Азова турками . . . . . 290—293
6. Оборонительное строительство и передвижение населения на южной окраине Московского государства в 30-х годах: а) связь оборонительного строительства с военной обстановкой, б) движение вольного населения и приемы заселения новых городов, в) некоторые новые черты социальной правительственной политики на юге в 30-х годах . . . . . 293—307

Глава седьмая

Обострение московско-татарских отношений после освобождения Азова донскими казаками (1642—1645 гг.) 308—362

1. Московско-турецкие отношения после освобождения Азова казаками . 308—312
2. Нападения татар на Русь в 1642 г. . . . . 312—316
3. Нападения татар на Русь в 1643—1644 гг. . . . . 316—326
4. Отношение Турции к татарским нападениям на Русь и на Польшу в 1644 и 1645 гг. . . . . 326—332
5. Нападения татар на Русь в 1644 г. и внутренняя борьба в Крыму . . . 332—341
6. Нападения татар на Русь в 1645 г. и внутренняя борьба в Крыму . . . 342—357
7. Положение орды Больших ногаев в 40-х годах . . . . . 357—362

Глава восьмая

Начало нового периода в московско-татарских отношениях во второй половине 40-х годов. Перерыв татарских нападений 363—415

1. Основные предпосылки наступления перелома в московско-татарских отношениях во второй половине 40-х годов . . . . . 363—367
2. Строительство Белгородской черты в 40-х годах и изменения в расположении вооруженных сил на южной окраине и командовании ими . . . 367—372
3. Организация похода на крымские и ногайские улусы со стороны Дона в 1646 г. и боевые операции . . . . . 373—386
4. Внешняя политика Крыма во второй половине 40-х годов в связи с внутренней борьбой. . . . . 386—396
5. Отражение изменений в ходе борьбы Московского государства с Крымом на дипломатических отношениях их между собой . . . . . 396—402
6. Отражение военной обстановки на юге в 40-х годах на правительственной политике и на передвижении населения на южной окраине. . . . 402—415

Заключение. Причины тяжелого и затяжного характера борьбы Московского государства с татарами 416—424

Приложения

I. Перечень татарских нападений на Московское государство с 1558 г. до конца XVI в. . . . . 427—433
II. Исчисление количества русского полона, захваченного татарами, стоимости поминок и других правительственных расходов по сношениям с Крымом в первой половине XVII в. . . . . 434—442
III. Родословная таблица потомства кн. Исмаила в орде больших ногаев . вклейка
IV. Схематическая карта татарских вторжений в 30-х годах XVII в. . . . 443
V. Схематическая карта татарских вторжений в 40-х годах XVII в. 444

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Н. В. Устюгов*
Технический редактор *И. И. Карпов*

*

РИСО АН СССР № 3095. А-07303. Издат. № 1597.
Подп. к печ. 16/IX-48 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆
Печ. л. 28+1 вклейка. Уч.-издат. 42. Тираж 5000.
Тип. заказ № 848.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10